Николай Васильевич

ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Гоголь

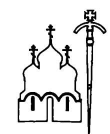
Николай Васильевич Гоголь

1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах

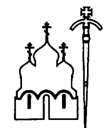
Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том XV

Переписка

1848–1852

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Составление, подготовка текстов и комментарии:

И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Переписка

1848–1852

1848

1429. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Начало января (н. ст.) 1848. Рим>

Когда вам опять придет мысль укорять меня за ранний и несчастной выступ в столкновение с людьми высшими, то, пожалуйста, вспоминайте и то, что вы меня на это тогда благословляли и я, поверя вам, вышел в действия, в которых вижу теперь себя всегда у края гибели. — Но полно нам обращаться к тому, что и как было. Весьма естественно, что русской человек в действиях дальнейшего развития духовного беспрестанно делает ошибки. Зато, пробивая свой истинно национальный такт, страданиями отмежевывает всем свои границы. Теперь нужно придумывать средства излечивать раны, полученные на сражении, а не растравлять их напрасными воспоминаниями и упреками.

Ваше письмо последнее совсем не ответ на мое, и я думаю, что лучше всего будет, если мы отложим переписку до личного свидания. — Это может быть хоть в Molo di Gaeta при переезде Софьи Петровны в Рим; ведь здоровье Нат<алии> Влад<имировны> не позволит без отдыха ехать около двух сот миль. — В письмах как-то все не то высказывается, а особливо теперь, когда чувствуешь себя очень уже изможденным от разных ударов.

Пожалуйста, не очень сожалейте о почтальоне: он человек в самом лучшем[1], совершенно теперь здоров, живет не дурно, может найти всегда семье кусок хлеба, особливо если ему приложить еще два наполеона. — К Бейне напишу от вашего имени во Флоренцию, — и дам ему ваш адрес в Неаполь. Мне все кажется, что вы дождетесь меня, чтобы ехать вместе в Палестину. Что будет гораздо лучше для обоих.

Прошу вас не думать, чтобы я когда-нибудь был способен к хитрости и интриге. В ваших строках — «Великодушию Софьи Петровны не удивляйтесь, я вырвал его из собственного экземпляра», — видна какая-то нечистота, во мне подозреваемая, тогда как из предыдущего письма явствует, что книга вашего сочинения была ее собственностью.

[1] состоянии

1430. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Бейрут. 25 дек<абря> 1847/6 янв<аря> 1848.

Каким же это образом еще в ноябре не получил ты, милый друг Николай Васильевич, письмо мое, писанное в июне или в июле (не помню, только знаю, что это было в ту пору больших жаров, когда я был в горах), в ответ на твое письмо из Остенде? А жаль, если письмо затерялось, не столько потому, что оно было исполнено нежности к тебе и воспоминаний школьных, дорогих более и более сердцу моему, по мере того, как голова седеет, сколько потому, что тем письмом я усердно приглашал тебя, если возможно скорее, в Бейрут, чтобы доставить мне удовольствие, а тебе случай и, может быть, также некое удовольствие совершить благочестивый твой поход в Иерусалим вместе со мною. Если в течение января (по-нашему) можешь сюда поспеть, это сбудется; если позже, т. е. в феврале или в марте, то только свидимся; если еще позже, то я скажу, что именно ты ждал моего отъезда из Сирии, чтобы сюда заехать, ибо в апреле непременно отправляюсь в Россию с семейством. Не будь страха от наступающих летних жаров, страха за детей, в особенности за необходимость их отправить в мае, то клянусь тебе Аллахом, пожалуй, я бы еще прождал месяц, чтобы только свидеться с тобою. Но ведь женатому, семейному человеку предстоит много соображений, тебе непостижимых. Как бы то ни было, а если приедешь позже и не застанешь меня ты здесь, в Бейруте, в Яффе и в Иерусалиме найдешь прием отличный и радушный — в том тебе ручаюсь. Если бы ты совершил путешествие со мною, то расходов тебе бы не стоило никаких от твоего приезда до твоего выезда из Сирии, потому что лишняя лошадь у меня есть, а, разумеется, жил бы ты у меня и здесь и в Иерусалиме. Если приедешь без меня, то сделай милость не хлопочи о конвоях и прочих вздорах, о коих толкуют светские путешественники — шарлатаны в подражание Ламартину. Приезжай по рассчету пароходов как найдешь удобнее и кратче, через Александрию или Смирну, в Бейрут. Заметь только, что, отправившись из Александрии сюда, надо здесь просидеть 12 дней в карантине, а из Смирны сюда карантина нет. Из Бейрута на лодке переедешь в Яффу — это стоит безделицу. Из Яффы нужна лошадь для тебя и разве лошадь для поклажи, буде есть поклажа, чтобы в один день переехать в Иерусалим. А я хоть и буду в отсутствии, а ручаюсь головой — никто тебя не обидит. В Иерусалиме поживешь у патриарха, сколько захочешь, и тем же церемониалом поедешь назад. Насчет расходов

видишь, что необходимых весьма немного, а что, как и почему захочешь дать потом и прочим в Иерусалиме, об этом подробно объяснишься с домашним вице-канцлером в Яффе, человеком действительно почтенным, коему уже ты рекомендован.

Хотелось бы еще присовокупить подробности о себе самом и о своем семействе, да уже об этом я писал тебе, и помнится, что и жена моя присовокупляла приглашение тебе поспешить сюда поскорее. Если сам ты по обычной рассеянности получил письмо и не прочитал (со мною это случается с того времени, как получаю письма пронумерованные), то, брат, не приезжай, а то готова виселица ради толикого преступления. Ведь и я и добрая моя жена по-братски, запросто тебя просили погостить всю зиму здесь: здесь климат лучше вашего неапольского.

Прощай же еще раз, милый друг. Спеши к нам и не беспокойся ни о чем: я озабочусь о твоем отправлении и обо всем, а если меня не застанешь, то мои чиновники все исполнят как следует.

Твой навсегда К. Базили[1].

1431. Иерею Тарасию Серединскому

<Зима 1846/47 или первая половина зимы 1847/48. Неаполь>

Я не помню, сказал ли я вам, что молебен должен быть вместе с обедней. На всякий случай лучше вас побеспокою об этом сею запиской, прося убедительно, если для вас все равно, начать обедню пораньше, именно в 10 часов с четвертью.

Весь ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Милостивому государю Тарасию Федоровичу Серединскому.

1432. В. А. Жуковскому

Неаполь. 1848. Генварь 10/1847. Декабр<ь> 29.

Виноват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать — и непостижимая *неохота* удерживает. Перед мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. Но что рассказывать об этом! Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом *искусстве,* для которого живу

[1] *В публикации В. И. Шенрока:* А. Базили

и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи — здесь. Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значенье и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно уже стало *главным* и *первым* в моей жизни, а все прочее *вторым.* Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли тогда его дать?), что должно быть предметом[1] моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположенье к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения — вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо

[1] предметом пера

с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. «Если сила смеха так велика, что ее[1] боятся, стало быть, ее не следует тратить попустому». Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться — вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступленье некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представленье «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлен<ие>. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья,* в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, — а способность творить все не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых душ», как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому[2], к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему[3] над

[1] его

[2] обратили опять к тому

[3] *В автографе:* внутренному

человеком и над *душой человеческой.* О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься *ближе с* Тем, Который один из всех, доселе бывших на земле, показал в Себе полное познанье души человеческой; Божественность Которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не *слеп,* а просто *глуп.* Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления[1]. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен[2] и звучен, а слог окрепнет. И, может быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вослед за твоей, примолвивши[3]: «Оба писателя[4] правильно писали, хотя и не похожи друг на друга». Выпуск книги «Переписка с друзьями», с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил[5], не подумавши, что прежде, чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею с толку многих, пришелся в пользу мне самому[6]. На этой книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху нынешнего переходного состоянья общества, попадает почти всякий идущий вперед человек. Несмотря на пристрастье суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге послышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как писатель, не должен преступать. В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами,* а не рассужденьями. Я должен выставить *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюку сделаться достойным производителем искусства? Мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое *душа человеческая*? Писатель, если только он одарен

[1] что есть высшие степени ее и явления

[2] крепок

[3] сказа<вши>

[4] *В автографе:* писатели

[5] Книга «Переписка с друзьями», которую (от радости, что расписалось перо) я так поспешил выдать в свет

[6] был мне самому очень <полезен>

творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь[1] прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен[2] в тебе самом идеал ему противуположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостоинство человеческое, если не задал[3] самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключенья, если еще не узнал хорошо[4] те правила, из которых выставляешь на вид исключенья? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить на место его новый. Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена[5], когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное созданье искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движенье негодованья противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще[6] не устремляешься на *порицанье* действий другого, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье поэта не имеет в себе этого свинства, то оно есть один только благородный, горячий порыв, плод временного состоянья автора. Оно останется, как примечательное явленье, но не назовется созданьем искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью! Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это *живые люди,* созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми

[1] *Так в автографе. Далее не отмечается.*

[2] не зак<лючен>

[3] не заключил

[4] впол<не>

[5] и в древние <времена>

[6] И вообще после

замечены и оценены так верно, чтобы[1] каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначенье и внесет порядок и стройность в общество!

Итак, благословясь и помолясь, обратимся же сильней, чем когда-либо прежде, к нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу заняться крепко «Мерт<выми> душами». Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и совестно не сделать), поблагодарю как сумею за все бывшее. Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы[2], и с Богом за дело. Очень, очень бы хотелось, чтобы привел Бог нам опять пожить вместе, в Москве[3], вблизи друг от друга. Перечитывать написанное и быть судьей друг другу теперь будет еще больше нужно, чем прежде. Затем от всей души поздравляю тебя с новым годом. Дай Бог, чтоб был он нам обоим очень, очень плодотворен, плодотворнее всех прошедших. Прощай, мой родной! Целую тебя и обнимаю крепко. Пиши ко мне. Твое письмо еще застанет меня в Неаполе. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю все твое милое семейство вместе с Рейтернами.

Твой Г<оголь>.

Если письмо это найдешь не без достоинст<ва>, то прибереги его. Его можно будет при втором издании «Переписки» поставить впереди книги на место[4] «Завещания», имеющего выброситься, а заглавье дать ему: *«Искусство есть примирение с жизнью»*.

Все хочу спросить и все позабываю: есть ли у тебя латинский надстрочный перевод «Одиссеи», напечатанный недавно в Париже вместе с подлинником. Весьма красивое издание. Весь Гомер в одном томе, в большую осьмушку. Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846. Мне он показал<ся> весьма удовлетворительным и для тебя полезнейшим прочих.

[1] так, чтобы

[2] силы на

[3] в Москве или

[4] впереди, вместо

Адрес мой: в Неаполь, poste restante, или, еще лучше, в hôtel de Rome, а чтобы не попало письмо в город Рим, слово Неаполь нужно выставить позаметней.

<*На обороте:*>

Francfort sur Main.
Son excellence monsieur Basile de Joukowsky.
Васил<и>ю Андреевичу Жук<овскому>.
Francfort s/M. Saxenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1433. Протоиерею Матфею Константиновскому

Неаполь. Генваря 12 дня <н. ст.> 1848 г.

Благодарю вас много за бесценные ваши строки. Прочитал несколько раз ваше письмо. Прочитаю потом еще в минуты других расположений душевных. Смысл нам не вдруг открывается, а потому нужно повторять чтение того, что относится до души нашей. Я верю, что вы молились обо мне и просили у Бога вразумленья сказать мне то, что для меня нужно, а потому, верно, после откроется мне в нем и больше. Хотя и теперь вы сказали много того, за что душа моя будет благодарить вас и в будущей и в здешней жизни. Все, что говорите вы об учительстве, принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальнее и на себя и на учительство. Не могу только решить того, действительно ли то дело, которое меня занимает и было предметом моего обдумывания с давних пор, есть учительство. Мне оно кажется только долгом и обязанностию службы, которую я должен был сослужить моему отечеству, как воин, гражданский и всякий другой чиновник, если только он получил для этого способности. Я, точно, моей опрометчивой книгой (которую вы читали) показал какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства. Но книга эта есть произведение моего переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния. Опечаленный некоторыми неприятными происшествиями, у нас случающимися, и нехристианским направлением современной литературы, я опрометчиво поспешил с этой нерассудительной книгой и нечувствительно забрел туда, где мне неприлично. А диавол, который <тут> как тут, раздул до чудовищной преувеличенности даже и то, что было и без умысла учительствовать, что случается всегда с теми, которые понадеются несколько на свои силы и на свою *значительность*

у Бога. Дело в том, что книга эта не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительнее занимало, это было изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже чиновники и должностные, попадают в большие ошибки по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли. Я имел всегда свойства замечать все особенности каждого человека, от малых до больших, и потом изобразить его так перед глазами, что, по уверению моих читателей, что человек, мною изображенный, оставался, как гвоздь, в голове, и образ его так казался жив, что от него трудно было отделаться. Я думаю, что если я, с моим умением живо изображать характеры, узнаю получше многие вещи в России и то, что делается внутри ее, то я введу читателя в большее познание русского человека. А если я сам, по милости Божией, проникнусь более познаньем долга человека на земле и познаньем истины, то от этого нечувствительно и в сочинении моем добрые русские характеры и свойства людей получат привлекательность, а нехорошие — такую непривлекательность, что читатель не возлюбит их даже и в себе самом, если отыщет. Вот как я думал и поэтому узнавал все, что ни относится до России, узнавал души людей и вообще душу человека, начиная со своей.

Еще я не знал сам, как с этим слажу и как успею, а уже верил, что это будет мне возможно тогда, когда я сам сделаюсь лучшим. Вот в чем я полагаю мое писательство. Итак, учительство ли это? Я хотел представить только читателю замечательнейшие предметы русские в таком виде, чтобы он сам увидел и решил, что нужно взять ему, и, так сказать, сам бы поучил самого себя. Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось (если я сам сделаюсь лучше), все это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель. Вот вам исповедь моего писательства. Бог весть, может быть, я в этом неправ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собою, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Как молиться, если Бог не захочет? Вижу так много в себе дурного, такую бездну *себялюбия* и неуменья пожертвовать земным *небесному.* Прежде мне казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно стал лучше прежнего, в минуты слез и умилений, которые я ощущал во время чтения святых книг. Мне казалось, что я удостоивался уже милостей Божиих, что эти сладкие ощущенья есть уже свидетельство, что я стал ближе к небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как Бог не поразил меня

и не стер с лица земли. О, друг мой и самим Богом данный мне исповедник! горю от стыда и не знаю, куда деться от несметного множества не подозреваемых во мне прежде слабостей и пороков. И вот вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился Его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию Его души человеческой, чувствуя, что так знать душу человека может только Сам Творец ее. Вот все, но веры у меня нет. Хочу верить. И, несмотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всех и всём, что ни есть в русской земле и отечестве нашем. О, помолитесь обо мне, чтобы Бог не поразил меня за мое недостоинство и удостоил бы об этом помолиться! Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощеньи всех прежних грехов моих, хочется молиться о спасеньи русской земли, о водвореньи в ней мира, наместо смятения, и любви, наместо ненависти к брату? Зачем я помышляю об этом, наместо того, чтобы оплакивать собственные грехи мои? Зачем мне хочется молиться еще и о том, чтобы Бог дал силы мне загладить новым, лучшим делом и подвигом мои прежние худые, даже и в деле писательства? О, молитесь обо мне, добрая душа моя! Молитесь, чтобы Бог избавил меня от всякого духа искушения и дал бы мне уразуметь его истинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и Бог вам да поможет обо мне молиться! Порученье ваше исполняю, Евангелие читаю и благодарю вас за это много.

Уведомьте меня двумя строками, получены ли вами из Петербурга деньги, 100 рублей серебром, на молебны <и> на бедных.

Адресуйте в Константинополь таким образом: A monsieur conseiller de la Mission Russe à Constantinople Jean de Chalczinsky (Ивану Дмитриевичу Халчинскому) для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Прощайте. О, если бы Бог удостоил меня помолиться крепко о вас в благодарность за ваше благодеяние!

1434. О. В. Гоголь — Н. В. Гоголю

<Между 25 декабря 1847 и 1 января 1848. Васильевка>

Несравненный братец, как я должна благодарить Бога, что даровал вам лучшего здоровья. Да благословит Он вас на счастливый путь. Я буду крепко молиться до самого вашего возвращения, дабы Бог невредимо привел вас к нам. О, буду ли я так счастлива, чтобы скорей вас видеть совершенно здоровым и покойным. Страшно мне подумать, в какую вы даль едете; когда бы хоть переезд был хорош. Я воображаю, сколько вы будете переносить в дороге. Но могу ли я быть теперь весела и покойна, когда единственный мой брат в такой опасности? Но я крепко надеюсь на Бога, что Он поможет вам окончить все ваши дела благополучно за доброе ваше намерение. Я ни о чем более не думаю, как о Боге, и ничто меня не занимает, только одна моя комната, в которой я могу молиться уединенно, и никто мне не мешает; с тех пор, как приехала с Киева, я совсем переменилась, меня почти никто не узнает, я беспрестанно молюсь, а когда служение бывает в церкви, я никогда не пропущу, — вы можете подумать, что я это для того делаю, чтобы все люди видели, напротив, я стараюсь скрывать от людей, но от домашних нельзя скрыть, если на них смотреть, тогда б я не должна и к Богу прибегать, как мне грустно слышать, что мне беспрестанно твердят: к чему ты это делаешь, Бог этого не требует; но зачем мне следовать све<тски>м...[1] жителям, которого я не терплю, и искать удовольствия, когда я знаю, что это не вечность, но мне хотелось бы на том свете получить блаженство. Я ничего более не читаю, как святые книги и Евангелие, это единственное удовольствие; сестры предлагают мне разные вести прочесть и рассказуют, как интересны, но я тем отговариваюсь, что мне некогда, много работ перед праздниками, а когда придут праздники, тогда я запрусь в своей комнате и читаю святые книги, которые у нас есть в доме, а и когда гости помешают; но какая досада, что здесь нельзя достать божественных книг, мне так хочется обо всем подробно знать; я бы и вам никогда не открыла своей тайны, если б не узнала, что вы истинный христианин и можете мне много дать полезное наставление; но с каким нетерпением я жду экземпляров <книги>, которую вы нам посылаете, если б она не пропала на почте, я буду ее очень часто читать, если б скорей с Петербурга прислали, мне так хочется иметь в своих руках; как хорошо вы сделали,

[1] *Фрагмент письма утрачен.*

что велели 4 экземпляра прислать, а то б мне не досталось, потому что я меньшая. Мне ужасно как хочется достать Книгу Житие Святого Ефрема Сирина, и о<т>того я продаю свои лишние вещи, которые меня так занимали, и при оказии пошлю в Киев купить, она довольно большая и толстая. Киевской схимник советовал всякой день читать, и говорят, что чудесная книга, я сама немного прочла, когда была в одном доме[1] — там она лежала на столе, и я в восторге от нее. Как я утром борюсь с сном и своей проклятой ленью, но, однако, я преодолеваю всегда, встаю, как только начнет светать, и стою на молитве до тех пор, пока все не устают, у меня есть молитвенник на всякой день, но только по праздникам нечего читать, а в будниший день работаю, я беру на свечу зарабатывать, я б и праздниками работала б, но мне хочется Богу посвятить эти дни, а между тем отдохну, потому что у меня часто пальцы нарывают; вообразите, какое мое положение: я ездила лечиться от глухоты и не застала доктора, он ездил куда-то наследство получать, и теперь я опять должна ждать до весны, и так несносно быть глухой, мне-то ничего, я всегда слышу, что говорят, но то досадно, что в церкви не все слышу. Такое на меня отчаяние находило, когда вспомню, что должна в суете жить, я было начала думать, где б мне жить, чтобы спасти свою душу, а в монастыре страшно, там, говорят, сильнее всего вселяется нечистый дух, а между тем надобно заботиться о пище и о одеянии, <а> о спасении души бедным монахиням некогда думать, а чрез это в них вселяются разные сплетни и одна перед другой старается получше одеться. Но теперь я покойна, знаю, что вы будете одобрять мое намерение, теперь я чувствую еще более к вам привязанность и любовь, когда истинно познала Бога, как Он милостив, что посылал ко мне такие чувства, что я могу ранее спасти свою душу, но я боюсь Бога благодарить за это, чтоб не быть таким, как в Евангелии сказано за фарисея, но молю, чтобы <Он>[2] принял мою молитву, как мытаря когда-то проклят<ого> принял. Как мне приятно, что я могу с вами откровенно говорить, какое блаженство было б, если б я лично с вами говорила, сколько б вы мне наставлений давали; как я севодни <так> молилась за вас, один Бог был свидетелем, и ко всем святым прибегала и умоляла[3] их, чтоб они следовали за вами и молились; а особенно Николая-угодника, я недавно читала его житие, и чудо, каким он

[1] *Далее было:* и

[2] *Фрагмент письма утрачен.*

[3] *В автографе:* умоляя

чудом спасал всех погибающих, да сохранит он и вас от всякой[1] опасности. На новой год я дам на часточку, чтоб молились за вас, говорят, что в это время Бог всегда принимает молитвы, и говорят, что ничто так не важно, как часточка, я всегда даю, как только узнаю из вашего письма, что вы были очень больны; я говела с маминькой в Филип<п>овку, как приятно мне тогда было, и теперь с нетерпением жду Великого поста, если бы Бог удостоил меня два раза отговеться, никогда мне не бывает так приятно, как во время говенья, тогда я припоми<на>ю все свои грехи и умоляю в богопрощении <так>. Дай Бог, чтоб вы благополучно возвратились в наш край, вы бы нам рассказали, как там. Когда Бог поможет вам там побывать, то привезите все святости, хоть по капельке, и молитесь за меня, чтоб Бог принял меня в числе Своих любимиц, но достойна ли я от Него требовать, и заслужила ли я такую милость, о, научите меня, любезный братец, как я должна Ему служить, хотя я имею слабого характера, но для Него я могу пожертвовать собой. Из окна увидела, что подъехала <*1 нрзб.*> бедная девушка, иду к ней; отправила гост<ь>ю, сажусь опять писать, чтоб наполнить мое письмо. Какая бедная девица в 5 верстах от нас живет, ее фамилия Бондаревская, она довольно часто у нас бывает, и ко мне больше всех привязана, потому что я допрашиваю у нее рассказать мне все свое горе, и советую ей все равнодушно переносить и на Бога надеяться; она ужасно как все к сердцу принимала, до того, что больна бывала, но теперь она все равнодушно переносит и меня всякой раз благодарит за мое наставление, и говорит, что она теперь гораздо здоровее стала; ее обстоятельства ужаснее тем, что она одна в своем доме, и крестьян ни души нет; ей досталось от родителей маленькой кусочек земли да домик, и она, бедная, сама своими руками обрабатывает свою землю, и говорит, когда приеду домой, такая тоска найдет, что просто не знает, что делать, да еще она недавно схоронила свою больную сестру; когда б хоть она была грамотна, то б могла чтением заняться; маминька часто ей помогает, если в чем она нуждается, я ей советую наняться домоводкой, чтоб только не быть одной, но она не соглашается; у нее есть братья, они служат. Может, вам и не интересно знать об наших соседей, но я для того пишу, чтоб подлиннее вам показалось мое письмо, а между тем мне приятно, что я прежде этого делала, что вы писали радушно принимать гостей, но только делиться я не могу с бедными, потому что я не в своей власти, но теперь я настроюсь делиться

[1] *Далее было:* погибели

с бед<ными>, когда мне мам<инька> и тетинька подарют на именины денег; но только не мужикам, они сейчас пропьют, какое бы большое благодеяние Государь сделал бы для спасения человеческой души, если б велел истребить все винокурни и шенки[1], хотя мы чрез это лишимся больше половину доходов, нечестно<?> получать такие деньги, за которые гибнет человеческая душа, и какое тиранство бывает в пьяном виде, так что никакая сила их не остановит, и сколько несчастное семейство от них терпят, не только простой народ, но и благородные, с нами еще хуже бывает, одного уже взяли в тюрьму, нашего соседа молодого Зарудного, он у нас никогда не бывал, но я его часто видела на ярмонке, как он пил вино стакан за стаканом, и[2] что имел все пропил; говорят, он имел большое состояние, и ничего не оставил своим детям, у него шесть дочерей, и все почти взрослые, и три сына, но что он делал с несчастным семейством, просто ужасно слышать, жену свою беспрестанно бил до того, что и нос перекрутил и царапал ее ужасно, также и дочерям тоже досталось, наконец его взяли в тюрьму, потом на Сибирь отошлют, также и старшую его дочь взяли под суд, и не знаю, чем это кончится; прочие дворяне видят перед глазами пример и не каются, говорят, что не могут преодолеть. Один пьяный мужик рассуждает, що хто ее выдумав, горилку, чи вона человика до ума доведе, уже мене барыня <*1 нрзб.*> и была мене, но не можно іи покинуты. Если б точно не было водки, тогда б, верно, не было столько грешников. Пишите к нам почаще, в каких местах вы находитесь, чтоб маминьку успокоить; она ужасно как грустит и плачет за вами; она беспокоится, что все морем будете ехать, этого-то я сама боюсь, но Бог милостив, Он, верно, не будет нас так жестоко наказывать.

До свиданья, бесценный братец, молитесь там и за нас, грешных. При сем остаюсь, послушная ваша сестра, Ольга Г.

1435. Н. Н. Шереметевой

<12 января (н. ст.) 1848. Неаполь>
Неаполь. Генварь 22.

Ваше письмо, добрейшая Надежда Николаевна, получил. Благодарю вас много за то, что не забываете меня. Вследствие вашего наставления, я осмотрел[3] себя и вопросил, не имею

[1] *Так в автографе.*
[2] *Далее было:* все
[3] *Было:* Вследствие вашего письма, я обсмотре<л>

ли чего на сердце противу кого-либо, и мне показалось, что ни против кого ничего не имею. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я в силах бы был простить всякому за какое бы то ни было оскорбление. Трудней всего примириться с самим собой. Тем более, что видишь, как всему виной сам: не любят меня через меня же, сердятся и негодуют на меня потому, что собственным неразумным образом действий[1] заставил я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои действия оттого, что я не проникнулся святынею помыслов, как следует на земле человеку. И не умею исполнять в младенческой и чистой простоте сердца слова и законы Того, Кто их принес нам на землю. Собираюсь в путь, готовлюсь сесть на корабль ехать в Святую Землю, а между тем как мало похожу на человека, собирающегося в путь! Как много в душе мелочного, земных привязанностей, земных опасений! Как малодушна моя душа! Друг мой, молитесь обо мне, молитесь крепче, чем когда-либо прежде! Молитесь о том, чтобы Бог дал силы мне помолиться так, как должен молиться Ему на земле человек, Им созданный и облагодетельствованный. Поручите отслужить молебень[2] о благополучном моем путешествии такому священнику, о котором вы знаете, что он от всей души обо мне помолится. Я прилагаю при сем записочку того, о чем бы я хотел, что<б> помолили<сь>, сверх того, что находится в обыкн<овенных> молебнях[3]. Прощайте, друг мой! Бог да благословит вас и воздаст вам обильно за все. Я к вам еще напишу несколько строк перед самым[4] отъездом.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Надежде Николаевне Шереметьевой.
На Воздвиженке. В доме гр<афа> Шереметьева.
В Москве.

<Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму Н. Н. Шереметевой от 12 января (н. ст.) 1848 г.>

Боже, соделай безопасным путь его, Пребыванье в Святой Земле благодатным, а возврат на родину счастливым и благополучным!

[1] *Было:* что неразумьем
[2] *Так в автографе. Далее не отмечается.*
[3] *Так в автографе.*
[4] *В автографе:* самим; *далее не отмечается.*

Преклони сердца людей к доставлению ему покровительства, повсюду, где будет проходить он; восстанови тишину морей и укроти бурное дыхание непогоды!

Душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его! Удали от него духа колебаний, духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожного духа робости и боязни!

Дух же бодрости и силы и несокрушимой в Тебе надежды, Боже, всели в него! Да окрепнет во всем благом и Тебе угодном, Господи!

Исправи его молитву и дай ему помолиться у Гроба Святаго о собратьях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей, о ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водворении в ней любви и о воцарении Твоего царства, Боже!

Боже, не погляди на недостоинства его, но, ради молитв наших, усердных и горячих, воссылаемых нами от глубины сердец наших, и ради молитв людей, Тебе угодных, о нем молящихся, удостой его, недостойного, грешного, о сем помолиться и не возгнушайся принять от недостойных уст его сердечные прошенья!

И сподоби его, Боже, восстать от Святаго Гроба с обновленными силами, с духом бодрым и освеженным возвратиться к делу и труду своему, на добро земле своей, на устремленье сердец наших к прославленью святого имени Твоего!

1436. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<Конец 1847. Франкфурт-на-Майне>

Вообрази, любезнейший Гоголек, что ты еще ни разу не написал ко мне с тех пор, как мы расстались. Не знаю, как это изъяснить. Вот тебе еще письмо. Я распечатал, чтобы уменьшить вес, но не читал. Теперь принялся за твою книгу, и если удастся сделать сколько-нибудь путных замечаний, то они вместе с написанным прежним будут напечатаны под титулом: *Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге.* Работа привлекательная. Она мне служит переходом к «Одиссее». Между тем и «Одиссея» и «Рустем» печатаются в Карлсру. Полное издание моих сочинений выйдет, если поможет Бог, в начале осени 1848. Тогда примусь за прозу: еще много можно будет доброго написать, если еще несколько лет жизни мне дастся и не нападет болезнь на меня. Прощай.

1437. М. И. Гоголь

Неаполь. 1848, генваря 15/3.

Наконец я получил письмо ваше, почтеннейшая матушка. Вы, слава Богу, здоровы, сестры тоже. Да хранит вас всех Бог и впредь! Уведомляю вас, что я полагаю отправиться к Святым Местам в средине февраля здешнего штиля. Вы пишете о радости, которую принесет вам приезд мой. Не радуйтесь ничему заране. Всё в руках Того, Кто располагает судьбой нашей. Как Он повелит, так тому и быть. Молитесь и больше ничего. Не забывайте также и того, что мы все на земле странники и существованье наше здесь минутно. Если и доставит нам Бог минутное удовольствие пожить неделю или две вместе в вашей деревне Васильевке, то нужно поблагодарить только безмолвно в глубине души Бога, а радостью своей мы можем только оскорбить Его: не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду беды, повсюду голос неудовольствий и вражда наместо любви. Нам остается только молиться и просить у Бога, чтобы научил нас, как молиться Ему о спасеньи нашем. Прошу вас отправить молебен и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствую, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа. Я требую от вас всех помощи, как погибающий брат просит у братьев. Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться к Богу моей молитве. За все, что я вам когда-либо нанес неприятного, как вам, так и сестрам, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы, по доброте душ ваших, простили, но все об этом прилично в такую минуту напомнить еще раз. Перед отъездом, может быть, еще напишу несколько строк. Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным. Письмо мое со вложеньем письма к Анне вы, без сомнения, получили тоже. Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился. Вас всех прошу также, и в особенности сестру Ольгу (как более других имеющую время и досуг для молений), прочитать несколько раз в сердце своем эти строки, которыми хотелось бы мне от всей души помолиться.

Весь ваш Н. Гоголь.

Куда писать мне письма, я вас извещу. Покамест даю вам адрес следующий:

В Константинополь. À monsieur le conseiller de la Mission Russe à Constantinople Jean de Chalczinsky. Ивану Дмитриевичу Халчинскому для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Когда будете писать, уведомляйте подробно обо всем. Мне будут больше, чем когда-либо, интересны и нужны вести из родины.

<Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму М. И. Гоголь от 15 января (н. ст.) 1848 г.>

Боже, соделай безопасным путь его, Пребыванье в Святой Земле благодатным, а возврат на Родину щасливым и благополучным.

Преклони сердца людей на пути к доставленью ему покровительства[1], восстанови тишину морей, укротив бурное дыханье ветров.

Тишину же души его исполни благодатных мыслей во все время дороги его. Удали от него духа колебаний, духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия пустых примет и малодушных[2] предчувствий, ничтожного духа робости и боязни.

Дух же твердости и силы и несокрушимой Надежды в Тебя, Боже, всели в него! да окрепнет во всем[3] благом и угодном Тебе!

Исправи молитву его и дай ему силу помолиться у Гроба Святого о собратьях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей[4] отчизне нашей.

О ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водвореньи в ней[5] любви и о воцарении в ней Твоего Царствия, Боже!

Боже! не погляди на недостоинство его, но ради молитв наших, усердных и горячих молитв[6], воссылаемых нами от глубины сердец наших, и ради молитв людей, Тебе угодных, о нем Тебе молящихся, удостой его, недостойного, грешного о сем помолиться и[7] не возгнушайся принять[8] сердечные прошенья его, простя ему за все.

[1] *Далее было:* и
[2] *Далее было:* пред приметами
[3] *Далее было:* и
[4] о всей *вписано вместо:* об
[5] в ней *вписано.*
[6] и горячих молитв *вписано.*
[7] *Далее было:* в
[8] *Далее было:* от недостойных уст его

И сподоби его, Боже, восстать от Святого Гроба с обновленными силами. С бодростью и рвеньем возвратиться к делу и труду своему, на добро земле своей и на устремленье[1] сердец[2] к прославленью Святого Имени Твоего!

1438. А. К. Бейне — Н. В. Гоголю

Флоренция. 1/13 января 1848 г.

Милостивый Государь Николай Васильевич! Едва получил из Рима от Александра Андреевича Иванова письмо, в котором он мне говорит, что вы желаете иметь сведения о дороге в Иерусалим через Бейрут и Яффу, спешу писать к вам и предложить вам от всей души небольшую мою опытность. Сожалею только, что не могу вам сообщить подробнейших сведений именно этой дороги. Вот почему: путешествие мое в Сирию было сопряжено с художественною целью и потому мне было весьма любопытно побывать в Бальбеке и Дамаске. В горах Ливана было тогда смирно; снегу немного, — одним словом, ничего не мешало моим предположениям. В Дамаске я застал караван армянских поклонников, идущих в Иерусалим в числе трехсот. Я воспользовался этим случаем, присоединился к ним, и мы, через Сасу, Кнайтру, мост Якова, Назарет, прибыли преблагополучно в Иерусалим. Из этого вы видите, что я знаю дорогу из Бейрута в Яффу только по рассказам; но эта дорога, впрочем, не есть кратчайшая разве только морским путем. На парусном судне можно приехать из Бейрута в Яффу в 24 часа, и то с попутным ветром, но это риск. Самая же прямая дорога идет через Сидон, Тир, Кармель, Дженнин и Наплус. Но будучи на Кармеле, неужто вы не заедете в Назарет, который только в расстоянии семи часов оттуда? Можно также ехать с Кармеля на Кесарию и Яффу, но это дальше и в бытность мою было и опасно. Если и вас интересуют Бальбек и Дамаск, то вот вам маршрут: Из Бейрута первый ночлег на вершине Ливана в Хане, второй в Захле (христианский городок) и на третий день в Бальбеке, оттуда в Дамаск два дня езды и ночлег в третий день. Весьма вероятно, что там еще застанете караван армян, иначе лучше воротиться прямым путем в Бейрут, что возьмет три дня пути.

От старинного вашего приятеля, г. Базили, получите вернейшие сведения о состоянии этих дорог. Я с моим товарищем

[1] *Далее было:* душ и

[2] *Далее было: а.* своих собратий *б.* наших

также к нему обратился, и он нам рекомендовал надежного драгомана, которому мы платили по 30 пиастров ($7\,^1/_2$ франков) в день — за его услуги и за подержание кантины<?>, кухонной посуды, постелей и проч. Нам нужно было для вояжа пять лошадей, за которые платили по 60 пиастров в день. Обыкновенно, предпринимая путешествие большое, как напр<имер,> в Египет, путешественники иначе устраиваются, покупают сами все нужное: кастрюли, тарелки, ножи, вилки, постели, палатку, одним словом, целое хозяйство, также съестные припасы и напитки, потому что по дороге кроме куриц и молока ничего нельзя достать, а из овощей только можно <рас>счит<ыв>ать на лук. Так и мы делали в Иерусалиме. В Бейруте же есть чудесная европейская лавка, где вы найдете в жестянках сардинки, consomme, puree всех видов, английские консервы говядины, грибов, сою, ветчину, всякую всячину.

Обходится день в пути от 15 до 20 фр<анков>, все включая.

Ночевали мы обыкновенно в ханах; это кое-как выстроенные хлевы, где блохи и всевозможные гадости терзали нас до крайности. Хотя из Дамаска в Назарет мы ехали в январе месяце, часто приходилось ночевать под открытым небом. В Дамаске есть прекрасный hôtel, а на Кармеле и в Назарете католические монахи принимают всех путешественников преласково и прекрасно, — в греческих же монастырях, в Рамле, в Вифлееме не так. В Яффе всем бы хорошо, только нет европейских постелей, а укладывают на диванах, блошки мучат, а кажется, что бы стоило завести три-четыре кровати на европейский лад? У Константина Васильевича[1], без сомнения, есть знакомые в Тире и Сидоне, и там вам можно будет переночевать сносно, а придется потерпеть, может быть, в Дженнине и Наплусе; оттуда 15 часов езды до Иерусалима и дорога страшная, убийственная; поэтому обыкновенно путешественники ночуют в Бире, в 4-х часах от Иерусалима. Вот вам некоторые сведения, которые в сию минуту припоминаю. Я еще остаюсь несколько времени во Флоренции, и если вам нужны еще другие, напишите. Не забудьте осведомиться в австрийском посольстве в Неаполе об отходе парохода из Смирны в Бейрут, что бывает только один раз в месяц, чтобы вам не разойтись. Есть еще компания Ростанд, постановления которой вам не трудно будет узнать в Неаполе. В Иерусалиме познакомьтесь с прусским консулом; он преприятный молодой человек, а главное — археолог. Позвольте мне также вам рекомендовать увраж:

[1] *Ошибка вместо:* Константина Михайловича

«La Palestine» par Mank, faisant partie de *l'Univers Pittoresque,* publie par Fermin Dielot».

1439. А. А. Иванову

Неаполь. Генвар<я> 18 <н. ст. 1848>.

Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, уведомляю вас, мой добрый Александр Андреевич, что в письме моем я не имел никакого намерения упрекнуть вас. Напротив, я хотел только показать вам, что я ничуть не умнее вас во многих делах. Если вы прочтете еще раз мое письмо, то[1] почувствуете это сами. Бога ради, не будьте так подозрительны и не приписывайте простым словам какого-то сокровенного смысла, желанья[2] вас обидеть каким-то обидным заключением[3]. Этим подозрением вы, во-первых, обидите вас действительно любящего человека, а, во-вторых, себе самому нанесете много смущенья и всякого горя. Скажу вам истинно и откровенно, что я никогда в вас не подозревал никакой хитрости! Но было время, когда я нарочно хотел кольнуть вас и попрекнуть некоторыми письмами, желая вас заставить взять некоторую власть над самим собою и устыдиться своего малодушия. Это было сделано неловко. Пожалуста, сожгите все мои письма. Я теперь вижу, как разны человеческие природы и как нельзя судить по себе о другом. Вы пишете о желании со мною увидеться, но для этого никак не будет времени. Как ни приятно мне тоже вас видеть, но чувствую, что ничего не могу теперь сказать вам нужного. Я занят теперь совершенно самим собой и столько вижу в себе самом достойного осуждения и упреков, что не в силах ни осудить кого бы то ни было, ни дать умного совета. Чувствую только, что прежде всего следует заняться душой своей, хотя и сам не знаю, как это сделать. Что же касается до житейских забот и обстоятельств, то они теперь у всех плохи, положенье всех затруднительно. Все это заставляет меня не полагаться на то, что будет, и ускорить отъезд мой в Святую Землю. Бог вас да благословит. Прощайте.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Я полагаю выехать на днях, — тем более, что оставаться в Неаполе[4] не совсем весело. В городе неспокойно: что будет, Бог весть.

[1] то, вероятно
[2] и желанья
[3] подозреньем
[4] в Ита<лии>

<*На обороте:*>

Roma. Italia.
<Al> signore
signore Alessandro Iwanoff.
Roma. Caffe Greco.
Via Condotti, vicino <al>la piazza di Spagna.

1440. Графу А. П. Толстому

Мальта, 22 <января (н. ст.) 1848>.

Пишу к вам по обещанью из Мальты, куда приехал в прах расклеившийся, хотя и не знаю, досягнет ли это письмо к вам. Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если не оставили, то сотворите благо, его оставивши.) Дела короля совершенно плохи: Мессина, Катания — все восстало, и английские фрегаты повсюду, как у себя дома. Привезенную от короля индульгенцию, говорят, мессинцы разорвали в куски, в виду его же гвард<ии>.[1] Что же касается <меня>, то все еще не могу оправиться и очнуться от морской езды. Рвало меня таким образом, что все до едина возымели о мне жалость, сознаваясь, что не видывали, чтобы кто так страдал. Со страхом думаю о предстоящем четырехсуточном переезде. Молитесь, ради Христа, обо мне: невыносимо тяжело! В Мальте должен, во всяком случае, отдохнуть уже и потому, что пароход раньше 27, кажется, нейдет. Противу всякого чаянья, в Мальте почти вовсе нет всех тех комфорт, где англичане: двери с испорченными замками, мебели простоты гомеровской, и язык нивесть какой. Аглиц<кого> почти даже и не слышно. А губернатор острова вовсе не тот, который бывал у нас в церкви, но совершенно другой, хоть и назначен недавно. Граф же Риварола есть только полковник режимента, проживавший[2] в Ливурне. Всё это сообщили мне в плохом[3] отелишке, в котором я остановился и который разве только после скверного парохода «Капри» может показаться приятным. Прощайте, добрейший мой Александр Петрович. Не знаю сам, что пишу, руки так окостенели, а в голове смутно. Обнимите за меня всех: вашу наидобрейшую сестрицу[4] Софью Петровну и ваших милых племянниц. Но они, верно, знают

[1] *Далее начато:* Словом, Сицилия, кажется
[2] ост<ановившийся>
[3] скверном
[4] сестрицу, племянниц, ко<торые>

и сами, что всех очень, очень люблю[1] и буду молиться, как сумею, а вы, право, молитесь обо мне.

Весь ваш.

Мальта, 22 генваря.

Мне адресуйте в Константинополь, на имя Титова, и, если будет время, прикажите комиссионеру при нашем посольстве посылать все приходящие ко мне в Неаполь письма в Константинополь. Бог да хранит вас всех цело и невредимо.

<*На обороте:*>
Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.
Naple. Palazzo Ferandino.

1441. Графине А. М. Виельгорской

1848. Мальта. Генваря 23 <н. ст.>.

Я получил ваше письмецо, моя добрейшая Анна Михайловна! Вероятно, в одно время и вы получили мое. Благодарю вас за то, что меня не забываете. В Петербурге же, кажется, все прочие приятели меня позабыли. От Плетнева я четыре месяца уже не получаю ни строчки. От Александры Осиповны тоже ничего. От любезного ее братца, Аркадия Осиповича, тоже ничего. Словом, точно как будто все сговорились не писать.[2] Отчасти я подозреваю и почты. Неаполь заел уже много мне нужных писем. Пишу к вам теперь из Мальты. Странствования мои по Средиземному морю, как видите, уже начались. Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить<ся> иностранцу, любящему мир и тишину. Притом пора и к Святому Гробу. Несмотря на то, что далеко не в том состоянии души, в каком бы хотелось быть для этого путешествия, несмотря на всю черствость и прозу души своей, я все-таки благодарю Бога, что тронулся в дорогу, хотя не без ужаса помышляю о всех предстоящих затруднениях, впереди которых стоит *морская болезнь,* для меня ужаснейшая всего. До Мальты я в силу-силу добрался. Ни одна душа на всем корабле не страдала, а между тем время было, кажется, и не совсем[3] бурное. Если бы еще такого адского состоянья были одни сутки, меня бы не было на свете. Из письма графини Анны Егоров<ны> Толстой к своему мужу я узнал, что Александра Осиповна теперь

[1] помню
[2] *Далее начато:* и
[3] не вовс<е>

с вами и все еще продолжает страдать и болеть нервами. Скажите, что я <о> ней думаю ежедневно и буду просить всех людей, умеющих молиться, о ней помолиться. Скажите ей, чтобы она хоть сколько-нибудь строчек мне написала, адресуя все в Константинополь, на имя нашего посольства. Затем приношу вам благодарность всем, как вам самим, так и всему вашему роду и племени графов Вьельгорских, за вашу дружбу ко мне и приязнь, за ваши милые, добрые души, и да сохранит вас Бог всех целых и невредимых, а Софью Михайловну поцелуйте за меня от всей моей души.

Скажите всем моим приятелям, кто будет так добр и захочет писать ко мне, чтобы все письма адресовали в Константинополь.

Прощайте. Весь ваш

Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

S.-Pétersbourg. Russie.
Ее сиятельству графине Анне Миха<й>ловне Вьельгорской.
С. Петербург.
На Миха<й>ловской площади, у Михайловского дворца.
В доме графа Вьельгорского.

1442. С. П. Шевыреву

1848. Мальта. Генварь 23 <н. ст.>.

Я все ожидал, не будет ли от кого-нибудь из вас мне писем, и[1] не дождался. От тебя, мой милый (и более всех прочих исправный и великодушный друг), мне бы, право, уже следовало иметь ответ хотя на одно из моих трех довольно длинных писем. Но, может быть, гадкие[2] италианские почты в эту минуту политической бестолковщины обестолковели еще более обыкновенного. Письма друзей и близких в это время[3] мне были нужны уже затем, чтобы видеть, не осталось ли у кого чего-нибудь в душе противу меня. Что касается до меня, то говорю тебе искренно и, пожалуста, передай это от меня всем, как близким друзьям, так и просто знакомым, что никакого неудовольствия ни против кого не питаю, что, напротив, рассмотря себя даже построже, вижу (так, по крайней мере, мне кажется), что любви у меня прибавилось скорее, чем убавилось, что, наконец, обвинять не могу никого, даже и тех, которых бы, может быть, прежде в чем-нибудь обвинял, потому

[1] и от<вета> не дождался
[2] и гадкие
[3] в эту минуту

что виной всему сам, и на какую сторону ни переворочу дело[1], все вижу, что сам подал повод питать неудовольствие противу себя и ввел, стало быть, в грех других людей. Обними, пожалуста, покрепче всех любящих меня и поблагодари крепко за любовь. Прочих проси простить. Как бы то ни было, но нужно прощать все тому человеку, который отправляется в дальний путь затем только, чтобы помолиться. Что тут помышлять о современных и тому подобных всяких вопросах? Без этого прощенья как я помолюсь, и без того не умеющий молиться? Как растопить мне мою душу, холодную[2], черствую, не умеющую отделиться от земных, себялюбивых, низких помышлений и даже от тех недостатков, которые видит она сама и которых[3] сама ненавидит?

Поблагодари, пожалуста, добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во все это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечаю ли я или не отвечаю на письма. Передай ей при сем записочку. Проси всех и особенно доброго Сергея Тимофеевича, совокупно с Конст<антином> Серге<евичем> и всем семейством, писать ко мне в *Константинополь,* или просто на имя Титова, или же на имя советника посольства, моего соученика и однокашника, Халчинского Ивана Дмитриевича. Милого Погодина проси также: скажи ему, что мне будет особенно приятно получить от него письмецо. Затем Бог да хранит тебя со всеми твоими цело и здраво как в душевном, так и в телесном здравии[4]. В Мальте я остаюсь немного дней, только затем, чтобы дождаться парохода, идущего в Александрию. Морская болезнь измучила меня сильно. Это для меня зло, которого я боюсь больше всего в моем путешествии. Еще не было сильной бури, а уже меня привело в такое состояние беспрерывной рвотой всякие десять минут, что я походил скорей на умирающего, чем на сохраняющего в себе залог жизни. До сих пор едва могу прийти в состояние мыслить и чувствовать и, как подумаю, что предстоят целые дни безостановочного пребыванья на море без заездов на твердую землю, — дух захватывает. О, если бы Бог был ко мне милостив и дал бы мне все перенести невредимо, хотя и стоило бы меня за многое наказать[5] всем этим! Но милосердие[6]

[1] и как ни переворочу дело
[2] и без того холодную
[3] которых начинает даже
[4] смысле
[5] просто наказать
[6] милосердие Милосердного

так безмерно! Мне бы хотелось, чтобы ты заказал[1] два-три молебна о моем благополучном путешествии, в таких местах и церквах, где увидишь священников, усерднее других молящихся. Прощай, мой добрый. Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно. Постараюсь писать к тебе, откуда и как смогу. Еще раз благодарю за все.

Весь твой Н. Г<оголь>.

Адрес мой, во всяком случае, один и тот же, то есть в Константинополь. Оттуда письма найдут меня повсюду.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Г. профессору Императорск<ого> Москов<ского> университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке. В собственном доме.

1443. Н. Н. Шереметевой

1848. Мальта. Генваря 23 <н. ст.>.

Спешу написать к вам несколько строчек из Мальты. Вы видите, я уже в дороге. Хотя и далеко не таково состояние души моей, какого бы мне хотелось, хотя случилось[2] страдать немало моим слабым телом даже и во время этого небольшого морского переезда (в сравнении с предстоящими большими), но, слава Богу, я еще жив, я еще могу надеяться, что Бог приведет состоянье души моей в более благодатное состояние.[3] О если бы я приведен был в возможность[4] так помолиться, как угодно Богу, чтобы помолились Ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучном моем путешествии, добрейший друг Надежда Никола<е>вна.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Из Неаполя я уже отправил вам два письма. Ответ на последнее ваше письмо и замечание вы уже имеете. Повторяю вам вновь, что ни против кого в душе не имею никакого неудовольствия. Напротив, всех люблю больше прежнего. Молитесь!

<*На обороте:*>

Надежде Никола<е>вне Шереметьевой.

[1] обо мне заказал

[2] *Было:* и случилось

[3] *Далее было:* Бог милосерд, молитесь Ему

[4] *Было:* в состоянье

1444. Графу А. П. Толстому

Мальта. Генваря 27 <н. ст. 1848>.

Еще несколько строк к вам, милый друг. Садясь на пароход, как-то захотело<сь> сказать вам еще словечко, хотя и не знаю, что сказать. Разве только то, что я переменил дорогу и еду через Константинополь, желая избегнуть двадцатидневного карантина. Погода хмурится, гремит гром и шумит дождь. Каково-то будет мое плавание? Спасет ли Бог меня недостойного? Во всяком случае еще раз приношу вам благодарность за все. Скажу вам также, что в ушах моих звучат сильнее прежнего слова из письма Матвея Александровича. И дай Бог, чтобы они не переставали звучать до самой Палестины. О! как велика тайна нашего искупленья! Да хранит вас Бог. Прощайте. Пишите[1] в Константинополь.

Весь ваш Н. Гоголь.

1445. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Конец января (н. ст.) 1848. Рим>

Пишу к вам наудачу. Хотя, впрочем, писать письма уже для меня делается трудом самым тяжелым. Не потому, чтобы мысли не приходили, и не потому, чтоб и мне это не доставляло удовольствия. Напротив, это даже не только полезно, но и необходимо для меня. Но страх, чтобы люди, читавшие их (без этого теперь уже нельзя), не приняли бы многое в моих мыслях в свои злые истолкования. Ведь каждой и создан, и воспитывался по-разному. А общий разврат сделал двусмыслие уже собственной своей необходимостью.

Неаполитанские дела не так смятенны, как мне показалось из вашего последнего письма, и потому это мое еще может вас застать в Неаполе.

Чувствую, что многое нужно более обработать и в этом письме, чтобы не подавать вам повод к неверным заключениям, но, зная меня уже довольно хорошо, вы, конечно, ко мне снизойдете ради малого времени, которое я могу уделять на письма.

1446. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Февраля 3. <1848>

Вчера, мой друг возлюбленный, получила письмо ваше от 12 генваря и тотчас отвечаю, чтобы вас застало, да благословит

[1] и пишите

Премилосердный Отец наш ваше путешествие и поможет вам свершить оное в чувствах, Ему угодных, тогда водворится в душе вашей спокойствие, а в сем состоянии повсюду и со всеми хорошо. Умоляю вас именем Господа нашего Иисуса Христа, не унывайте ни в каком случае, а уповайте и молитесь, предавшись от всего сердца Богу и Отцу, а с Ним повсюду безопасно и отрадно. Вы сами то по благости Его много раз испытали, и дай Бог вам более и сильнее в том убедиться, что при таком внутренном устройстве пребываешь в тишине, возложа все упование на Того, Которой во веки не оставит призывающих Его во истине. Его Покрову, мой милый друг и сын, Господом мне данной, часто и сию минуту вручаю, молю Его, Премилосердного, да Он вас не покинет и в сем и во всех путях вашей жизни. Ради Христа ничем не смущайтесь. Все, что с нами случается, все, что встречаем на сем свете, ничто не стоит нашего спасения, коим дорожить есть первая и утешительная обязанность души, долженствующей принадлежать единому Господу, а в Нем все мило и близко. Всегда, мой друг, о вас крепко помнила, а теперь, кажется, еще сильнее буду вспоминать с любовию пред Тем, Которой один все видит и один все может, да сохранит Он вас Своею благодатию, и с Его Отцовскою благодатною помощию возможете свершить сие Самим Господом внушенное путешествие и запастись там всем, что нужно для Христианина для прохождения здешнего странствия, чтобы удостоиться блаженной вечности. Дай Бог нам о сем думать и для сего жить, тогда легко и отрадно существовать человеку, ничто внутренно его не теснит, потому что главное его желание — заботиться о спасении. Тогда радостно бы дорожили всем, относящим<ся> до ближнего. Сколько ни говорить, пора, мой милой друг, расстаться. Но знайте, и скажу вам как перед Богом, что, расставаясь здесь, не разлучусь с вами душею и повсюду сопутствую вам любовию и молитвою. Боже мой, Тебе его вручаю, отдаю, молю Тебя, Премилосердный, помоги ему свершить сие путешествие и возвратиться на родину благополучно, и там и здесь, и повсюду пребывать в чувствах, Тебе угодных. Тогда неминуемо будет счастлив среди невыгод жизни. Препоручение ваше выполню — отслужить молебен на путешествие, и по присланной от вас записке сама буду молиться о возлюбленном и незабвенном Николае Васильевиче, которого обнимаю с любовию, с нею благословляю, с нею и пребуду до смерти с неизменяемым дружеством вам душею предана. Прощайте, мой друг, ради Христа не смущайтесь, а молитесь. Смущение и уныние вредит

спасению, а молитва выводит на дорогу и приводит туда, куда всей душею и всегда стремится должно, а с Ним и в Нем, Премилосердном, повсюду хорошо, ничто не тревожит отвергнувшего<ся> собственной воли и покорившегося[1] Его святой воле, все на пользу, на пользу души нашей употребляющей. Ох, как милосерд Господь, да Сам Он нам поможет это чувствовать и благодарить, и тогда легко вздохнем к Отцу, где во всякое время и среди печали тяжкой душа скорбная найдет отдохновение. Прощайте, еще вас благословляю, вручаю Богу, и Им умоляю, ради Христа берегите себя. По обещанию вашему еще жду от вас письма, а вперед когда вам вспомнится о человеке, вас истинно любящем, подписывайте в *Рузу* Московской губернии. Прощайте. С вами не разлучусь.

1447. В. А. Жуковскому

1848. Иерусалим. Февраля 28/16.

Пишу к тебе несколько строчек, бесценный друг. И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупленья нашего. Прибыл я сюда благополучно, без всяких затруднений, едва приметивши, что из Европы переступил в Азию, почти без всяких лишений и даже без утомленья. Уже успел произнесть твое имя у гроба Господня. О! да поможет нам Бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведенье творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святого Евангелия Своего! Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили, с которым и прибыл сюда и который, будучи нашим генеральным консулом в Сирии, заведывает делами[2] Иерусалима. Итак, будь покоен на мой счет. Если Бог не будет вопреки желанью, то увидимся в Москве и заживем вблизи друг от друга. Если захочется тебе написать несколько строк о себе (которых жажду) прежде июля, надпиши на пакете[3]: в Полтаву; если после июля, то в Москву, на имя Шевырева, в университете.

Обнимаю тебя крепко вместе с доброй твоей супругой и милыми малютками.

Рейтернам душевный поклон!

Весь твой Гоголь.

[1] *В автографе:* покорившись

[2] всеми делами

[3] на письме

Базили просит передать тебе свой поклон. Он написал преудивительную вещь, которая покажет Европе[1] Восток в его настоящем виде, под заглавием: «Сирия и Палестина».

Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края.

<*На обороте:*>
Francfort sur Main.
Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.
Francfort s/M. Saxenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1448. Протоиерею Матфею Константиновскому

Иерусалим. Февраля 28/16 <1848>.

Пишу к вам с тем, чтобы сказать вам, что я здесь. Молитвами вашими, молитвами людей, угождающих Богу, я прибыл сюда благополучно. У Гроба Господня я помянул ваше имя; молился как мог моим сердцем, не умеющим молиться. Молитва моя состояла только в одном слабом изъявлении благодарности Богу за то, что послал мне вас, бесценный друг и богомолец мой. Ваши письма мне были очень нужны: они заставили меня получше осмотреть себя и разобрать строже свои действия. Приймите же еще раз мою благодарность отсюда, из этого места, освященного стопами Того, Кто принес нам искупленье наше. Рад буду несказанно, если в июле или в августе обниму вас лично. Прощайте.

Весь ваш Ник<олай> Г<оголь>.

Не позабывайте меня в молитвах ваших.

1449. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

1848. Иерусалим. Февраля 17/29.

Несколько строк вам из Иерусалима. Благодаря Бога, я прибыл сюда благополучно. Молился кое-как о себе, о вас же поручил молиться тем, которые умеют получше моего молиться. Пробуду здесь недолго и, если только благословит Бог, то, может быть, в июне или июле месяце загляну к вам в Малороссию. А вы по-прежнему не переставайте молиться обо мне. Напоминаю вам об этом потому, что теперь более, чем когда-либо,

[1] всей Европе

чувствую бессилие моей молитвы. Прощайте, почтенная матушка и любезные сестры.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Е<е> в<ысоко> б<лагородию>
Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаву, оттуда в д. Васильевку.

1450. Н. Н. Шереметевой

1848. Иерусалим. Февраля 17.

Уведомляю вас, добрый друг Надежда Николаевна, что я прибыл сюда благополучно. Помянул у Гроба Господня ваше имя. Примите от меня отсюда, из этого Святого Места, благодарность за ваши молитвы[1]. Без этих молитв, которые воссылали и воссылают обо мне люди, умеющие лучше меня молиться, я бы, вероятно, ни в чем не успел, — даже и в том, чтобы попристальнее обсмотреть самого себя и увидеть все недостоинство свое. Молитесь теперь о благополучном моем возвращении в Россию и о деятельном вступленьи на поприще[2] с освеженными и обновленными силами. Летнее время проведу в Малороссии, а в августе месяце, может быть, загляну и в Москву. Прощайте, добрый друг мой.

Весь ваш Николай Гоголь.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Надежде Николаевне Шереметьевой.
В Москве. На Воздвиженке.
В доме графа Шереметьева.

1451. М. А. Базили

18 февр<аля 1848. Иерусалим>.

Вам незнакомою рукою пишу к вам несколько строчек. Вы видите, какая скверная рука и притом ошибка на всяком слове, а между тем строки эти пишет человек вам знакомый[3], вас искренно полюбивший и в прибавку ко всему прочему довольно известный[4] литератор. Все совершенно обстоит благополучно.

[1] *Далее было:* обо мне
[2] *Было:* на мое поприще
[3] уже знакомый и
[4] известный на Руси

Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслажденьем. Супруг ваш здрав с головы до ног, но навьючен[1] депешами, донесеньями, отношеньями и всякими переписками, и я, обрадовавшись этому случаю, решился к вам написать, вместо него, сие маранье. Прощайте. Хотел распространиться, но Константин Михайлович[2] торопит. Бог да хранит вас здравыми, до свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

1452. Наместник Иерусалимского патриаршего престола митрополит Петрас Мелетий — Н. В. Гоголю

<23 февраля 1848. Иерусалим>

1848. Февраля 23 во Граде Иерусалиме ради усердию которую показывал к живоноснаго Гроба Господня и на прочих Святых Местам духовный сын наш Николай Васильевич, в том и благословляю ему маленьгои[3] часть камушка от Гроба Господня и часть дерева от двери[4] храма Воскресения, которая сгорела во время пожара в 1808 се<н>тября 30-го дня. Это частички обе справедливость.

Митрополит Петрас Мелетий
и наместник Патриарха во святом граде Иерусалиме.

1453. С. П. Шевыреву

Байрут. Марта 18/30. <1848>

Со времени выезда из Неаполя я не имею <известий> ни от кого из России и не знаю, что в ней делается. Здоров ли ты и здоровы ли все близкие нам? Путешествие мое, благодаря Бога, идет покуда довольно благополучно. С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда через Назарет, совершил. Жду здесь, в Байруте, только парохода, чтобы переехать в Константинополь через Смирну, где двенадцать дней буду в карантине. Пробывши несколько времени в Константинополе — в Одессу, из Одессы — в Малороссию, что придется, может быть, в конце июня. Лето проведу в Малороссии.

[1] навьючен, как верблюд
[2] супруг ваш
[3] *Так в источнике.*
[4] *В источнике:* от твери

В августе месяце хочется в Москву и в ней обнять вас. Пиши мне в Полтаву, прибавляя: «оттуда в деревню Васильевку». Твои письма мне будут лучший подарок, какой можно придумать. Уведоми подробнее, сколько возможно, о себе и о всех наших знакомых, с извещеньем, кто куда перебирается на лето, а кто остается в Москве. Погодину скажи, что я жду с нетерпеньем известий обо всем, что он делает. Сергею Тимофеевичу дай при сем прилагаемую записочку. Кто также ко мне напишет о себе, много обяжет. Я точно впотьмах и чувствую только одно алкание *знать*...

Если что вышло замечательного на днях из книг, пожалуста, пришли.

Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письма. Я перечел их в другой раз и, вследствие того, осмотрелся еще построже и на себя и на разные другие вещи. Я его прошу журнала не прерывать. От этого обоюдная польза, и его и моя. Он меня очень обяжет, если пришлет еще несколько листков ко мне в Полтаву.

1454. П. А. Плетневу

<2–4 апреля 1848. Байрут>
1848. Апреля 2. Байрут.

Уведомляю тебя, бесценный друг мой, что я, слава Богу, жив и здоров, в удостоверение чего и посылаю тебе сие свидетельство, по которому ты можешь взять из казначейства остальные мои деньги и держать их у себя до времени приезда моего на родину[1]. Покуда в путешествии[2] я в них не предвижу надобности; кажется, станет с тем, что при себе, возвратиться в Россию. Путешествие мое в Иерусалим совершил я благополучно. Отсюда отправляюсь в Константинополь чрез Смирну, где предстоит 12 дней карантина. Обозревши Константинополь и все, что вблизи его, — в Одессу;[3] в середине лета — в Малороссию, где должен буду погостить[4] у матери. Осенью — в Москву, а там увижу, можно ли мне будет успеть съездить в Петербург обнять тебя и немногих близких нам или отложить до весны. Во всяком случае, ты меня уведоми о себе и о всем, что ни относится к тебе, и где ты будешь летом, и где потом. Напиши теперь же, не отлагая времени, и адресуй

[1] в Петербург

[2] Покуда во время моего путешествия

[3] *Далее начато:* стало быть

[4] пробыть

письмо в Полтаву, присовокупя: «а оттуда в деревню Васи́левку». Доставь при сем следуемое письмецо Смирновой. Обнимаю тебя от всей души, бесценный и добрый мой, и Бог да хранит тебя здрава и невредима.

Твой Н. Г<оголь>.

Усердная просьба: возьми у графа сочинение[1] под названием «Анализы греческого языка», изданное на латинском языке в конце прошлого[2], кажется, века французом Бодо или Будуа, большой том in foglio, и перешли его мне в Полтаву. Уведоми меня также, посланы[3] ли деньги, 100 р<ублей> серебром, ржевскому священнику. А самое главное — ради Бога, не позабудь меня наделить известьями о себе.

<*На обороте:*>
S.-Pétersbourg. Russie.
Его превосходительству г. ректору Имп<ераторского> С.-Петербургск<ого> университета
Петру Александровичу Плетневу.
В С.-Петербурге. На Васильев<ском> острове. В Университете.

1455. А. О. Смирновой

Байрут. Апреля 4 1848.

Уведомляю вас, добрый, бесценный[4] друг мой Александра Осиповна, что путешествие мое в Иерусалим я совершил благополучно и что летом надеюсь быть в России; прошу вас убедительно уведомить меня о себе подробно и обстоятельно, где и как мне вас найти. Адресуйте в Полтаву, а оттуда в Васильевку. Это деревенька моей матери, у которой[5] я должен буду прогостить конец лета. Напишите теперь же, не откладывая. Мне хочется по приезде моем застать ваше письмо уже там. Затем Бог да хранит вас. Жажду вас нетерпеливо обнять лично.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>
Александре Осиповне Смирновой.

[1] возьми для меня у графа ученое сочинение
[2] в прошлом
[3] пересл<аны>
[4] добрый и бесценный
[5] где я

1456. В. А. Жуковскому

1848. Байрут. Апреля 6.

Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Байрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка[1] или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины[2] с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших «Господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходивш<ее> из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима. Дай мне известия о себе и о всем, что тебя касается, скорей, как можно. Я не имею до сих пор еще ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя, ни на письмо из Иерусалима. Адресуй в Полтаву, для большей же точности прибавь: а оттуда в село Васильевку. Это деревенька моей матери, где я приостановлюсь на лето. Рад буду несказанно, если уже застану там твое письмо. Обнимаю вас крепко всех, от велика до мала.

Твой Н. Гоголь.

[1] сама пещерка

[2] почти не больше ее

<*На обороте:*>

Francfort sur Main.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky (Василию Андреевичу Жуковскому).

Francfort s/M. Saxenhausen.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1457. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Февраля 13. <1848. Покровское>

Вчера, мой милый и незабвенный друг, письмо ваше уже с дороги из Мальты получила. Бог видит и вы знаете, как вы мне дороги, а теперь, кажется, еще ближе стали душе, вам постоянно с любовию <и> дружеством преданной. Я недавно была в Москве и имела утешение получить ваше дружеское письмо, что вы собираетесь, но до отъезду еще напишете. Я, прочтя ваше письмо, тот же день вам отвечала и отправила в Неаполь, но получа вчера от почтенного Степана Петровича ваше письмо, вижу, что вы в генваре оставили Неаполь. По тому письму исполнила, мой друг и сын возлюбленный, мне Богом данной, ваше поручение, служила молебень на путешествие, да благословит Господь путешествование ваше, и с Его Отцовскою помощию возможете хранить душу в спокойствии, а с сим спасительным средством легко и свободно вздохнуть к Тому, Которому все внятно и доступно, что происходит от сердца, возлюбившего Его, Премилосердного Отца нашего, Которой во веки не оставит уповающих на Него. Если вы без Товарищей поехали, не смущайтесь, мой друг, сим; предавшись Богу и Отцу, вы не одни. А с Ним повсюду хорошо, и во всяком положении, как бы оно по наружности не казалось безотрадно, но внутренно с Его благою Отцовскою помощию можно пребывать в тишине, которая придает душе силы и возможность возноситься Туда, где все слышно, что от простоты сердца скажешь, и во веки не отвергнут стон нуждающихся в успокоении. Прошу вас, мой друг, и умоляю Богом, Коему вас так часто вручаю, ради Христа не смущайтесь ничем. Если и встретите что в жизни горькое, ту минуту поблагодарите Бога, и вам тотчас станет легче. Нам не дано знать, что нам спасительнее. Наше дело повиноваться и благоговеть пред Его святыми велениями. Сколько ни говорить, пора проститься. Если сии строки до вас, мой друг, достигнут, знайте, что всегда о вас помнила с любовию. Вот, в маие шесть лет будет, как провидение нас

свело, а потом и сблизило и сроднило душею. А теперь, мой друг,[1] в Боге и Отце с вами не разлучаюсь, молю Его от всего сердца, да возможете благое намерение свершить в чувствах, Ему угодных, и возвратиться на родину благополучно. Если не доживу до вашего возвращения, знайте, что всегда вас помнила, благословляла. Прощайте, мой друг, мой сын возлюбленной, прощайте, обнимаю, благословляю вас с нежностию матери. Господи, не остави его! Прощайте, мой друг, подвизайтесь вперед. Молитесь и молитесь. Не забывайте вам с любовию и дружеством до гроба преданную. Еще прощайте, еще благословляю. Христос с вами!

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.

1458. Графу А. П. Толстому

Апреля 25/13. <1848. Константинополь>

Узнавши, что вы будете в Константинополе, оставляю вам несколько строчек, бесценный друг мой Александр Петрович. Я не писал к вам потому только из Иерусалима, что не знал, где вы. Путешествие свое совершил я благополучно. Я был здоров во все время, — больше здоров, чем когда-либо прежде. Удостоился говеть и приобщиться Св<ятых> Тайн у самого Святого Гроба. Все это свершилось силою чьих-то молитв, чьих именно — не знаю; знаю только, что не моих. Мои же молитвы даже не в силах были вырваться из груди моей, не только возлететь, и никогда еще так ощутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность. Приехавши в Константинополь, нашел я здесь письмо ко мне Матвея Александровича. Что вам сказать о нем? По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений, если только, нося их перед собой, буду входить больше в их силу.

Напишите мне о себе. Не позабудьте подробностей. Вы можете почувствовать сами, как мне хочется знать все, что ни относится к вам: многое уже нас так связало... Адресуйте в Полтаву, а оттуда в деревню Васильевку. Это именьице моей матери, где я приостановлюсь на лето. А между тем рекомендую вам моего сотоварища по школе, Халчинского. Он очень доброго сердца, благороден и весьма дельный человек. Софья Петровна, кажется, его не узнала...

[1] *Далее было:* что

1459. Графине С. П. Апраксиной

<13/25 апреля 1848. Константинополь>

В Константинополе нашел ваши два письмеца, добрейшая Софья Петровна. Благодарю вас за них много. Кое-как молил и о вас у Гроба Святого, то есть пролепетал и ваше имя вместе с другими именами, близкими моему сердцу. Не смущайтесь никакими событиями мира. Поезжайте с Богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с Евангелием. Там сказано ясно, как нам быть с ближним нашим. Стало быть, сказано все.[1] Что нам до того, какими кто волнуем политическими мненьями или мыслями, исполним относительно к нему все, что повелено нам исполнить в отнош<ении> к брату в Евангельском смысле. Ведь мы для этих подвигов живем в мире, а не для каких-либо других. Очень меня порадуете[2] уведомлением, куда вы и как. Передайте мой искренно-дружеский поклон[3] моим добрым приятельницам Наталье Владимировне и Марии Владимировне. Не позабудьте также и Мис<с> Henriette[4].

Весь ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Софье Петровне Апраксиной.

1460. А. А. Иванову

<14/26 апреля 1848. Константинополь>

Пишу к вам, добрейший мой Александр Андреевич, из Константинополя, за несколько часов до выезда отсюда в Одессу. Путешествие мое в Иерусалим совершилось, слава Богу, благополучно. Уведомьте меня о себе. Я думаю, что вам теперь покойне<е> в Риме, чем было прежде. Я слышал, что вся римская молодежь выбралась в дорогу вместе с шумом и волненьем, так тревожным для художника. Адресуйте мне в Полтаву, прибавляя: «а оттуда в деревню Василевку». Мне теперь более, чем когда-либо, интересно о вас узнать все. Прощайте! От всей души вас обнимаю.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1848. Константинополь. Апреля 14/26.

Поблагодарите Бейне за его доброе письмо, которое получил я в Неаполе, перед самым выездом[5]. Братца вашего обнимите.

[1] *Далее начато:* Ведь не с <*1 нрзб.*> вам иметь дело.

[2] *Далее было:* если напишете

[3] *Далее было:* Наталь<е>

[4] *Так в оригинале.*

[5] вашим выездом

<*На обороте:*>

Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo). Roma. Caffe Greco nella via Condotti, vicino alia piazza di Spagna.

1461. П. А. Плетневу

Конст<антинополь>. Апреля 14/26 <1848>.

В Константинополе мне не разменяли векселя, который просрочен. В другие времена эта просрочка не значила бы ничего, и мне выдали бы даже с выгодою. Но теперь, при беспрестанных нынешних банкротствах, не выдают ни по какому векселю, не сделавши прежде предварительных исследований[1], жив ли такой-то дом, на имя которого дается вексель. Посылаю тебе этот вексель и убедительно прошу переговорить с самим Штиглицем, изъяснив ему, что я долго скитался на Востоке, в таких странах[2], нет банкиров, и потому акцентировать его не мог. А маленькие банкиры не что иное, как менялы, и по векселям не выдают. Если деньги получишь, то две тысячи руб<лей> асс<игнациями> пришли мне в Полтаву, остальные держи при себе. Письмо мое из Байрута ты, я думаю, уже получил вместе с свидетельством о жизни. Стало быть, маршрут мой знаешь. Жду с нетерпеньем от тебя известий. Обнимаю и целую тебя неисчетное множество раз. Ольге Петровне передай мой дружеский поклон. Балабиным и Александре Осип<овне> Ишимовой также.

Весь твой Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Его превосходительству ректору С.-Петербур<гского> Императ<орского> университета

Петру Александровичу Плетневу.

С.-П. Бург. В Университет.

Со вложеньем векселя.

1462. М. И. Гоголь

Одесса. Апреля 21 <1848>.

Я ступил на русский берег довольно благополучно. Пишу к вам из карантина, в котором просижу недели две, да недели две, может быть, проживу в Одессе[3]. Успел видеть<ся> два раза

[1] объяснений

[2] что я был в таких странах

[3] в Одессе, покуда соберу<сь> в дорогу и, запасшись всем, что нужно для езды по России

с нашим добрым Андрее<м> Андрее<вичем>, который не позабыл навестить меня на другой день по прибытии. Вести меня встретили печальные. Беспрестанно узнаешь про смерть когонибудь из близких людей или же какие-нибудь[1] смуты. Не знаю еще наверно, проживу ли я у вас больше[2] двух недель. Мне нужно успеть в продолжен<ие> лета сделать многие нужные поездки. Времена настали такие, в которые нельзя думать о собственных удовольствиях и мирном провождении времени; нужно покрепче молиться. Помолитесь о мире и соединении всех, а также и моем благополучном путешествии. Если не в конце майя, то, может быть, в июне могу быть в Полтаве. Покаместь я здоров. Обнимаю вас всех мысленно.

Н. Гоголь.

<На обороте:>

Ее высокоблагородию милостивой государыне
Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаве, оттуда в село Василевку.

1463. Протоиерею Матфею Константиновскому

Одесса. 21 апреля <1848>.

В Константинополе нашел я драгоценное для меня письмо ваше; оно было для меня освежающим напутствием. Всякая строка его была как бы ответом на вопросы моего бедного, пребывающего в греховной тьме сердца. Но только как вы добры и как милосердны! Вы, сверх писем, за которые я в силах буду возблагодарить разве только *там,* а *не здесь,* положили себе молиться обо мне всякий день. Часто я думаю: за что Бог так милует меня и так много дает мне вдруг, — и могу только объяснить себе это тем, что мое положенье действительно всех опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому. Много мне бы хотелось сказать вам. Но это заняло бы страницы и весьма легко перешло бы в многословие, может быть, даже в ложь... Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце. Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состояньем сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат. Была одна

[1] и ра<зные> смуты
[2] побольше

минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово *любовь.* Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде. Но Бог знает, может быть, и это так только кажется; может быть, и здесь играет роль искуситель... Молитесь обо мне, великодушная душа! Вот все, что может сказать вам мое сердце, и слезы, в эту минуту упавшие на этот лист бумаги, просят вас о том же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Ведь вам это легко; вам нечего думать над тем, что сказать мне: вы знаете, что вы сами по себе ничего не можете сделать и ничего не можете мне сказать кстати без Бога, могущего направить все мне кстати. Мой адрес теперь: в Полтаву, а оттуда в деревню Василевку. Это деревенька моей матери. Там я пробуду два летних месяца и потом в Москву. Бог да хранит вас.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1464. С. П. Шевыреву

Одесса. 21 апреля <1848>.

Благодаря Бога, достигнул я благополучно России. Пишу к тебе из карантина. Твое милое письмо от 16/28 февраля получил я в Константинополе (большого письма твоего я не получил, хотя и оставил[1] в Неаполе свой адрес). Я вижу из письма твоего, что тебе было трудно и, может быть, даже очень трудно. Теперь ты, верно, успокоился. Я так подумал, пробежавши 4 номер «Москвитянина». В письме Жуковского, бывшем для меня истинно приятною нечаянностью, есть столько утешительного. Оно, верно, сказало тебе много и ободрило. Я заметил уже силу и твердость в тех строках твоих, которые успел пробежать в том же № журнала. Храни тебя Бог. Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал. Голос твой теперь нужен. Но, мне кажется, всем нам следует во всех своих действиях теперь больше, чем когда-либо прежде, *умерять себя,* помня ежеминутно, что мы все нервически-неспокойны в нынешнюю эпоху. Очень было бы хорошо, если бы мы в печатных статьях наших[2], обращенных противу кого-либо, исполняли тот простой долг в отношеньи к ближнему, который

[1] я дал

[2] возвещая в печатных статьях наших

предписан нам в простом быту нашем. Часто я думаю: неужели невозможно это литератору? Неужели нельзя во время писанья статьи своей поставить себя перед лицо того, которого законы и повеленья нам уже почти известны? Я думаю, что от этого все бы у нас вылилось яснее и лучше. Душа была бы спокойнее. Что сказать тебе об этих сплетнях[1], в которые иногда впутываются люди, близкие нам? Я испытал эти положенья. Мне немало удавалось слышать о себе всяких сплетней; в этих сплетнях мне открывалось только несколько глубже человеческое сердце. А вывод я сделал себе тот, что нужно быть с людьми[2], которые распустили про нас сплетни, так, как бы они о нас ничего не распускали. (Едва ли сплетни[3] есть произведенье людское.) Нужно входить всюду просто, с открытым лицом; нужно, чтобы уверились наконец люди, что ты такой человек, над которым сплетни не имеют никакой власти. Тогда, мне кажется, сплетни и всякие путанья исчезнут сами собою. Но я, кажется, заговорился, и письмо мое начинает отзываться нравоученьем. Прости, меня подвигнуло к тому желанье сказать тебе что-нибудь утешительное на две грустные строки твоего письма. Я писал к тебе уже из Константинополя и[4] уведомлял о моем адресе. Он остается по-прежнему: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

Подпишись за меня на «Москвитянин» в конторе, мимо сведения Погодина. Даром мне бы не хотелось, тем более, что он должен высылаться на имя матери моей. Мне кажется[5], что и все прочие приятели Погодина и «Москвитянина» должны бы поступить так же; оно, кажется, безделица, но[6] сделай это человек семь-восемь, да посоветуй[7] и другим то же, — от этого обстоятельства Погодина всё бы таки были лучше. Прощай! Обнимаю тебя крепко, так же, как и всех близких нам.

Скажи тем, которые усумнились во мне, что, каковы бы ни были обстоятельства и случаи и как бы кто ни переменился относительно меня, все это не имеет никакого совершенно влиян<ия> на степень и количество моей привязанности к ним. Все образы людей, с которыми я ни столкнулся в моей жизни, так стали

[1] сплетнях и всяких путаниц<ах>

[2] с теми людьми

[3] эти сплетни

[4] где и

[5] мне бы казалось

[6] а если бы

[7] посоветовали это

теперь милы душе, даже и те, которые не были очень близки, они так уже вошли в самое существо мое, что не могу их вырвать, даже если бы в минуту *глупости своей* и захотел это сделать. Без них было бы пустыней мое сердце. Прощай!

Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что[1] об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть[2] истинно верная и доказанная *истина.* Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его. О! да поможет нам Бог, и тебе и мне, возрастить эту любовь в сердцах наших.

Скажи Надежде Николаевне, что письма ее получены мною очень исправно в Константинополе и что я буду отвечать.[3]

1465. А. С. Данилевскому

Майя 4 <1848>. Одесса.

Пишу к тебе, улуча свободную минуту, из Одессы. Приехал я сюда благополучно вместе с Базили, которого попал на дороге в Россию. Полагаю завтра пуститься в Полтаву, а оттуда в д. Василевку, где располагаю пробыть с месяц, а может быть, и более. Уведоми меня двумя словами, будешь ли ты в Полтаву и когда. Меня очень поразила весть о смерти Пащенка. Кроме того, что это была добрейшая душа, он мне мог[4] сообщить сведенья[5], которые мне особенно теперь нужны относительно многого, что делается в наших околотках. Он был умен и имел способность замечать. И ты и я лишились в нем товарища закадычного. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет. Здесь я встретил многих знакомых и наших соучеников. Орлаи оба, Александр и Андрей, прекрасные люди[6] и будут от души хлопотать о тебе. Но обо всем об этом мы переговорим лично. Прощай. Обнимаю тебя крепко вместе с супруг<ою> и малюткой. Если Максимович в Киеве, то обними его.

Твой Н. Г<оголь>.

[1] что прежде

[2] есть уже

[3] *Далее (на поле письма) начато:* Мне кажется, всё на свете мечта, о чем ни муд<рствуем>.

[4] мог бы

[5] те сведенья

[6] мал<ые>

1466. С. П. Шевыреву

Одесса. Маия 6. 1848.

Пожалуста, похлопочи об исправной высылке «Москвитянина» на сей 1848 год генерал-майору[1] Андрею Андреевичу Трощинскому в Одессу, в доме княжны Гики. Деньги 13 рублей серебром при сем прилагаются. Я завтра отсюда еду. Прощай.

Твой весь Н. Гоголь.

1467. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

<23 ноября 1847 — 28 февраля 1848. Москва>

1847[2] *г. Ноябрь, 23-е число.*

Милостивый Государь
Николай Васильевич.

Бывают натуры, которые всегда начинают письма несколькими точками, но бывают и письма, которые нельзя так не начать. Это одно из таковых. И натура моя из таковых, но во многих темах, если вы здесь их найдете, более повинен объект, нежели субъект.

Несмотря на все, что человеческого сделано и было делано для моего устроения — оно не клеится. Мне не от чего приходить в отчаяние, я не мучусь раскаянием, не ратую более против себя — слава Богу; но в жизни мне нечего делать, след<овательно>, незачем и оставаться на глазах тех, которые смотрят на мою жизнь, — это грех и для меня мучительно. Каковы бы ни были мои обстоятельства, прохожу их молча. Для того, чтобы их изобразить, надо написать роман, что я, может быть, и сделаю со временем. Чтобы показать, напр<имер>, какое глубокое горе могут причинять мне добрые люди, меня окружающие, для этого надобно их воссоздать великому творцу, заставить их жить и действовать; и[3] я по необходимости должен оставить все беды, извне на меня стремящиеся, и говорить опять только о себе, о своей душе, что отравляет мою жизнь больше всего другого. Да и на что обвинять людей, когда в этом ищешь одной потехи?? Вдоволь можно и над собой одним потешиться: если что врешь и непременно хочешь врать, так не обижай других по крайней мере.

[1] его превосходительству

[2] *В автографе ошибочно:* 1848. *Ошибка, вероятно, была допущена Д. К. Малиновским при переписке письма набело.*

[3] и *вписано.*

Я… бездолен. Да, судя коротким умом человеческим, судя свою судьбу… не хочу глядеть на нее, отворачиваюсь от нее для того, чтобы не поколебать своей веры в Промысл[1]. Конечно, я знаю, Бог сейчас может сделать из меня блаженного херувима, но… от чего же не судить коротким умом своим? Он дан человеку для того, чтобы поданным судить, а не ломать. Я и сужу, нисколько не колебля веры.

Что тут судить!.. Прошу вас поверить, что я точно страдаю. Конечно, ложно, потому что Бог не сотворил человека для страдания, страдаю, след<овательно>, от себя, но все-таки тяжело для меня страдаю… Вокруг меня все пустые люди, которые не спасут, а погубят меня; если есть и хорошие, так на что они мне? Своего существа мне ни один хороший человек не даст и я подле них останусь всегда, как был, вередом. Что же мне делать с моим самолюбием? Смотреть, как на меня скоро начнут плевать? Чего ждать тем, которые меня любят? Я им прежде много насулил, теперь они хоть во многом разочаровались, но все-таки много огорчатся, когда я упаду совершенно. Вы не думайте, чтобы я чего-нибудь хотел, — ничего не хочу; карьер мой, след<овательно>, кончен, остается найти только место трупу, которого еще земля не принимает.

Согласно с состоянием моей души и ум мой болен, я не могу ни об чем рассуждать, мне кажется, что истин нет для человека ни в вещественном, ни в внутреннем мире. Поэтому я брежу, а не рассуждаю.

Я болен, Николай Васильевич, и сижу в какой-то гуще — право, мне смерть тяжело. Если найдете средство помочь мне, помогите, ради Бога. Не могу кончать письма.

25-е Ноября. Смотрится на мир скверно. Широко открываю глаза, пристально смотрю вдаль: чужое мне все; большая утрата совершилась, жить ли мне еще? ждать ли мне чего? Нет во мне отчаяния и ипохондрии, нет зато и жизни… Желание есть непременное условие жизни, а я ничего не желаю. Я желаю жизни и не имею ее, поэтому я желаю смерти и между тем живу. Вот моя жизнь, и эту жизнь должен нести на глазах[2] семьи, которая никогда не будет так умна, чтобы понять меня, и никогда не будет так добра, чтобы отказаться от меня. Могу ли я сам оставить семью свою? Не в силах. Когда б я был один в мире, мне кажется, много трудившаяся жизнь моя, растлевшись для того,

[1] *Было:* промысл

[2] *Было:* перед взорами

чтобы ею жить, могла бы загореться, чтоб посветить другим. Вот жизнь моя.

30-е Ноября. Но правду ли я говорю? Точно ли я искренен перед вами?.. Я поднял опасный[1] вопрос и, если отвечу на него не так, как должно, — я... мерзкий, ничего не стоющий человек. Прежде, нежели решусь на ответ, я должен подумать и обсудить дело со всех сторон.

Тот, кто взглянет на мои излияния, очень легко может спросит сам себя: что это такое? бред ли сумасшедшего или хитрость гадкого обманщика? Нельзя верить, чтоб это было правда, нельзя вообразить, чтобы мальчик в двадцать лет был таким несчастным в жизни!

Да, простите меня, я не так несчастлив, как описываю себя, я говорю неправду, но слова мои не бред и только похожи на него, и не хитрость, а только, может быть, обман. Что же приводит меня к этому обману? Испорченность, глубокая испорченность во всем моем существе. Я обманываю других, но в то же время обманываю и себя. Да, это правда, я страдаю, страдаю так же истинно, как тот, кого прокалывают насквозь, мои страдания не вымышленные; но... вправе ли я жаловаться на мои страдания? Если я в тех же письмах, в которых жалуюсь, хочу щеголять умом, я прежде всего должен приложить его к моим жалобам, должен разобрать причины моих страданий и[2] молчать, если сам виноват. Наконец решаюсь на это.

Тяжелое место! — Место, с которого должен последовать перелом на ясную или грязную погоду, с которого я поворачиваю на ровную дорогу. На этой дороге я должен обнаружиться и, если был глуп до сих пор, должен остановиться и замолчать, если же притом захочу быть негодяем[3], поеду дальше. И беда, если я не сворочу на ровный путь, вы можете обвинить меня точно так же, как бы я был подлец или дурак... Вообще опасный мне путь теперь лежит — поймите меня, Николай Васильевич, если я темно выражаюсь. Вперед в дорогу! Боже! дай мне искренность! Одною ею буду я доволен[4], если даже все прочее[5] должен потерять.

Николай Васильевич, подлец я, как вы думаете?

[1] *Было:* такой

[2] *Далее начато: <1 нрзб.>*

[3] *Было:* мерзавцем

[4] *Было:* Одним этим хочу

[5] прочее *вписано.*

Боже мой! да что же заставляет меня сделать этот вопрос? Неужели непокойная совесть? Не знаю, что, эта страшная опасность, которая мне вдруг представляется. Если я негодная тварь, что вы мне посоветуете сделать? Ваш Чичиков тоже подлец, но вы заставляете даже других интересоваться им; неужели же человек и художник — две вещи разные? Неужели вы, как человек, плюнете и отвернетесь от того, что[1] влечет вас как художника? — Дайте мне отдохнуть. Я нехорошо себя чувствую, и письмо не кончается.

1848-й год.
Февраль, 24-е число, вторник.

Довольно прошло времени с тех пор, как я просил у вас позволения отдохнуть, с тех пор я много наделал дурного, и, стало быть, тон моего письма должен бы быть еще плаксивее прежнего, но вышло иначе: мне немножко прискучило да и стало смешно *петь*, как говорится, *лазаря*, и я очень рад, что и сам могу отдохнуть[2] да и вам доставить немного[3] разнообразия в чтении: хочу посмеяться, пока смех есть.

Мне приходит в голову, уж не потому ли я перед вами все плакал, что мне нечего было писать? Право, не поэтому ли? Я прочел написанный мною листик и, признаюсь вам, почти не понял, об чем он так мелко исписан. Поговорю немного по поводу его.

В первом письме я нашел верным только[4] признание, что здравый смысл от меня немного далек и что я брежу. Все остальное[5] служит доказательством этого. «Что тут судить!..» Без больших суждений можно видеть, что я бредил. А причина бреда состояла в том, что я, недовольный своею деятельностию или, лучше сказать, леностию, хотел всячески оправдаться и перед собою и перед другими, и никак не мог привесть себе хороших оправданий и потому забурлил, забуянил, начал жаловаться на жизнь. Одно мне странно, как у меня оказалось столько воображения, чтобы минутные ощущения, минутное состояние отнести к всей моей жизни... Неужели совесть моя тут не виновата? Едва ли!!..

Письмо второе содержит в себе более правды, но писано тоже под влиянием горячки. Очень немудрено, что смотрелось

[1] *Было:* чем
[2] *Было:* <*1 нрзб.*>
[3] немного *вписано.*
[4] *Было:* только верным
[5] *Было:* Остальное

мне на мир скверно, я сам вокруг себя в мире нагадил. Широко открывать глаза я мог, вдаль смотреть также, но удивляться тому, что у меня не много своего, смешно. Если я буду в работящем мире сидеть сложа руки, конечно, сделаюсь нищим и проем остатки не чужого. Утрата... это одно темное обстоятельство, об котором промолчу. «Жить ли мне еще?» Это вопрос без мысли и без смысла, одна <*1 нрзб.*>. «Ждать ли мне чего?» Тоже я спросил, не подумавши. Признаюсь, теперь этот вопрос меня заставляет краснеть: как это я так разораторовался. Теперь напрасно ломаю голову и стараюсь вспомнить, в каком смысле я его сделал. Может быть, правда, что жизнь моя в самом деле тяжела, но в моей власти дать ей другой оборот.

В третьем письме ходули, на которых я час от часу выше и выше поднимался, начали трястись и я, увидев опасность разбиться, начал с них мало-помалу слезать. Дай Бог, чтобы хоть под кончик я пошел своим обыкновенным шагом.

Должно, однако, сказать правду, что нужно иметь в запасе много смеху, чтобы пройти, усмехаясь, всю историю моего существа. Заплачешь почти поневоле. Не имея намерения беспрестанно смеяться, я не намерен вовсе и плакать. Буду держаться середины, т. е. рассуждать как следует здоровому человеку. Чтобы более увериться в здравом своем взгляде, я отложу письмо до завтрого, боясь в один присест, без промежутка, снова очутиться под увлечением. Если завтра буду говорить тем же тоном, то к моему письму можно будет иметь доверие. Много, много я должен буду сказать о себе дурного, чего днем еще ни разу не говорил.

Взглянув на себя с точки, устроенной для здравого смысла, я вижу себя совершенно в другом виде. Если б я вам послал кипу бумаги, которую исписал между двумя разногодными письмами, вы, может быть, среди первых, которые я расточал себе, увидели бы во мне настоящую вещь — пустого болтуна и дурного человека, нераскаянного, потому что он старается себя выказать с хорошей стороны.

Если не совсем прошел обман, которому я, в отношении к себе, подпадал, то он значительно уменьшился.

Я, Николай Васильевич, человек, испорченный сызмала; порча со временем так развилась, что я мог жить[1] только испорченной стороною, говорить только об себе, об себе говорить —

[1] *Вместо:* мог жить — *было:* жил

только об том, что я живу дурно. И ни одно раскаяние не приносило плода. Раскаяние приносило иногда даже плод злой, потому что оно требует некоторого волнения чувств, а моя испорченность именно и состоит в излишнем волнении чувств, в том, что чувства одолевали во мне всегда разум. Разуму не было на волос дела в моей жизни, а я чувствовал, что он у меня есть, знал[1], что он вещь не последняя, и не мог удержаться, чтобы им не щеголять.

Какое же лекарство нужно для моего недуга? Не знаю хорошо. Лекарство можно бы было найти, но болезнь трудная и... кто будет лечить меня? Я сам? Неиспорченной стороне моей души надо собрать много сил, чтобы исцелить[2] испорченную.

Почувствовав инстинктом свою испорченность, я часто чувствовал потребность исправления. Это чувство пробуждалось во мне всегда при ясной погоде моей[3] жизни, при бурных обстоятельствах, напротив, меня схватывал мой недуг сильнее обыкновенного. В настоящее время здравый смысл во мне пробудился — если только это правда — при самых грязных обстоятельствах, когда уныние мое доходит до того, что я мельком намекаю себе о самоубийстве. Если я сажусь писать к вам письмо в эти минуты — *точкам* нет конца. Такое небывалое пробуждение во мне бодрого духа меня радует и подает надежду на исправление. Средство к исправлению я знаю, не знаю только, сумею ли им воспользоваться.

Я сижу другой год на одном курсе, почти месяц остался до экзамена, а я ни разу не был в университете и ничего не знаю. Болезнь моя особенно проявлялась в мотовстве, и я много задолжал. Вот два обстоятельства, которые или меня сокрушат, или я их сокрушу.

Если меня сокрушит первое обстоятельство, то трудное мое исправление отдалится на огромное расстояние и сделается едва ли возможным. Кроме того, падая, я потрясу основания нашего дома так сильно, что он сам получит большую наклонность упасть. Дом наш состоит из шести особ: из нас, троих братьев, и наших отца, матери и тетки. Отец наш, бывший всю жизнь свою невинным романтиком, не служит более и дает от нечего делать уроки на фортепьяно, мать пополам с горем и грехом занимается хозяйством, которое идет не в большом порядке, тетка ворчит, читает сухую мораль и тратит на нас последние деньги. Это

[1] *Было:* чувствовал
[2] *Было:* вылечить
[3] *Было:* в моей

поколение отживает; оно, и прежде не имев возможности управлять ни собой, ни другими, теперь имеет почти только наружное значение, мы должны его покоить и, по-настоящему, доставлять ему жизнь и счастие, которых оно до сих пор не знало. Что же мы делаем? Мы, надежда дома, выросшие и окончательно[1] развертывающиеся семена его, семена здравого смысла, семена добра, что мы делаем? По большей части сеем в доме семена нового беспорядка. Я над молодым пополнением главный по летам и по влиянию, да мог бы быть[2] хорошим кормчим и всему дому, потому что меня слушают и любят. Когда мне было еще 12-ть лет, я играл в семействе довольно значительную роль резонера: очень часто я мирил беспрестанные ссоры, которые наши старички таки любили вести. Потом влияние мое усиливалось и наконец сформировалось окончательно, когда я (стыжусь, а признаюсь!) выдержал несколько стычек с матерью и отцем, в которых показался[3] не добрым миролюбцем, а гордым и дерзким властолюбцем. Эти стычки были почти необходимым следствием нашей жизни: я, который несколько раз должен был учить разуму своих родителей, поневоле оскорблялся, когда они меня начинали ему учить... Вступив в юношеский возраст, я не избег искушений дурного общества, от которого меня не догадались предохранять, и, имея над собою почти полную власть, не упускал случая употреблять ее <*1 нрзб.*>, руководимый товарищами и своим ветреным характером. В первых юношеских летах я, хоть и не пристрастился к пороку, но испытал его и даже уже понес дурные плоды его. То, что было всего хуже, заключалось в том, что я не имел более[4] над собой ни своей, ни чужой воли. Могли ли иметь большой успех добрые семена моей нравственности, посеянные во мне в лета детства? Нет; родители мне дали доброту, любовь к нравственности, но не дали мне простого, наружного порядка, недостаток которого скоро привел в беспорядок и все внутреннее мое. С тех пор, привыкнув к проступкам и частому бесплодному покаянию, я и до сих пор не могу исправиться от своей болезни. Говорят, что нужно каяться сердцем; мне, если хочу каяться с пользою, нужно каяться умом: в покаянии должны быть начала исправления, а сердце мой первый враг в исправлении. Кое-как я кончил курс в гимназии (в первых классах я учился прекрасно), поступил

[1] окончательно *вписано.*

[2] *Далее было:* глава

[3] *Было:* был

[4] более *вписано.*

в университет, перевелся[1] на другой курс и сижу теперь на нем другой год в большой опасности расстаться с университетом. Курс гимназических наук я знаю довольно хорошо, учить имею способности, у меня были кое-какие уроки, и я приучился мотать. С первого курса я к вам писал. Если вы припомните мои письма, то чрез туман разлитого в них обмана можно, однако, сообразить, чем я был на нем. Испытав пороки еще в гимназии, на первом курсе я занимался варьяциями на них, чему помогали студенты, жившие у нас в доме. Я начал быть должен… вот гидра, которая теперь надо мною господствует и гнетет донельзя. Я перестал[2] заниматься пьянством и другими художествами, исключительно обратился к мотовству. Пить мне не было ни собственной охоты, ни возможности по причине здоровья, а мотать… о!.. Я мотал везде и всегда, когда и где только мог. Я давал лишний гривенник извощику, лакею… и т. д. Чем более увеличивались мои доходы, тем более росло мотовство, тратить деньги на что бы то ни было стало моею страстию. Теперь эта страсть по наружности изменилась, но в существе… изводит у меня деньги не меньше, если не больше прежнего. Я не мотать люблю теперь, а не по состоянию жить. Я нанимаю, напр<имер>, прекрасного извощика… на него одного[3] уходят почти все добываемые и набираемые мною деньги. С уроков я получаю 2200 р<ублей>, почти столько же, сколько все остальное наше семейство. Но довольно давно уже я не имею возможности тратить, потому что получаемые мною деньги едва ли достают на уплату. По моей милости, слушайте, Николай Васильевич, слушайте, мать моя заложила дом, и дела наши приняли тяжелый оборот… А я бывало… Вот каков я. И, вообразите себе, я еще все мотаю деньги и не занимаюсь делом. А дел у меня довольно. Кроме того, что мне надо в месяц сделать то, что я пропустил в год, на моей ответственности два ученика, мой брат, которого взяли из гимназии и <которого> я готовлю в университет, и еще другой юноша, живущий у нас в доме, за которого я беру 2000 р<ублей>. Средний брат, студент, прекрасный, тихий ребенок, но, глядя на меня, ленится. Я должен теперь: бросить свою трехгодовалую лень и догнать товарищей, подвинуть вперед брата студента, подвинуть другого брата с товарищем — без меня никто не подвинется на волос: у нас в доме все, все ведут жизнь точно так же, как я, словно меня дразнят,

[1] *Было:* пробыл
[2] *Далее было:* исключительно
[3] одного *вписано.*

кроме одного слуги Максима, который один не соблазняется моим[1] примером и всегда исправен в своих делах. Если я должен буду бросить университет и погублю свой карьер, я погублю карьер моих братьев и отца с матерью, по крайней мере мать одну, приведу к такому горю, которое ее сокрушит и погубит. Вот что будет с нашим домом, если меня сокрушит первое обстоятельство, вот в какой я связи с моим домом и отчего в прошлых письмах плакался на судьбу свою и желал удалиться из семейства: но я удалюсь и оставлю после себя горькие следы. Как же мне воскреснуть? Силы во мне есть все загладить, что я сделал, осчастливить своих близких, но — едва ли найдется воля или уменье ею владеть.

Другое мое обстоятельство — долги. Если я стопою твердою не пойду бороться с ними и не побежу их — я покорюсь и первому обстоятельству. Буду ли я благоразумен, стану ли думать только об лекциях, <когда> на меня пойдет враг, которого я боюсь больше всего — долги? Нет, я лучше брошу университет, пожертвую своею[2] карьерою для того только, чтобы на время развязаться с должниками. Позвольте перевести дух. Мне тяжело удерживаться столько времени от слез и говорить равнодушно.

Оставляю поэзию людям счастливым, людям с покойною совестию и душею, я должен не цветочки рвать[3], не соловья в кустах, под ночным небом, слушать, а, умертвив, стиснув вечную мечту, устремить светильник разума на свои черные дела и, если можно, любоваться ими. Я должен оставить приятные забавы и идти судить преступника, судить самого себя. Пусть встанет, закипит весь человеческий дух[4], какой во мне есть, пусть он, столько лет поборник добра, закипит негодованием при виде открытого[5] зла, пусть соберет всю свою силу и осудит, разразит лицемерного злодея[6]: ему надо судить самого себя, себя, который читал про добро и мог наслаждаться только добродетелью. «Иди и суди праведно[7], открыто страшное злодейство», скажут лицемеру, — о, как он бодро пойдет и сколько великих истин по дороге наскажет; придет, и ему говорят: «вот злодеяние, суди»;

[1] *Было: <1 нрзб.>*
[2] своею *вписано.*
[3] *Было:* рвать цветочки
[4] человеческий дух *вписано вместо:* ум
[5] открытого *вписано вместо:* тонкого
[6] лицемерного злодея *вписано вместо:* лицемерное зло
[7] праведно *вписано.*

он судит мудро, справедливо и горячо[1], со всею любовию к добру, со всем благородным негодованием на зло; но только он произнес последнее беспристрастное слово суда, ему говорят: «Это все ты, справедливый судья, сделал»: что скажет он?.. О, если б я не знал, что должен судить себя!

28-е Февраля. Писать ли мне сегодня к вам, Николай Васильевич? Может быть, своими письмами, слишком не подчиненными никаким законам, я оскорбляю ваше достоинство? Да, я оскорбляю его, потому что ваша снисходительность упала на недостойного и употребляется, кажется, во зло; я уже слишком неглижирую письмами к вам и вместо дела, вместо того, чтобы писать в них[2] по крайней мере хоть что-нибудь, об чем-нибудь, я считаю их за средство угождать своим слабостям: убивать, напр<имер>, время и нести дичь. За что же вы обязаны получить их? Я их не к вам пишу, не для вас: я вкладываю в них[3] свой вечный обыкновенный вздор, который составляет половину моего существа, мою болезнь, вкладываю по привычке, по болезни, и, обрадованный названием, которое мне дали, подписываю на пакете ваш адрес и... мой вздор едет к вам и вы его читаете. Простите мне, Николай Васильевич, простите великодушно: я не властен в том, что делаю... Прежде я писал еще как будто в самом деле к вам, когда я писал, душа моя чувствовала, что вы будете читать мое письмо; а теперь... пишу больной половиной — с вашего позволения; а здоровой плачу об том, что к вам посылаю, и с совершенным сознанием своей вины и сокрушением прошу <у> вас прощения и незаслуживаемого снисхождения.

Немудрено, что в письмах моих царствует бессвязица, очень часто я при начале письма держу уже обмокнутое[4] перо, а еще не знаю, что буду писать. И очень часто я сажусь за письма к вам в самом прозаическом расположении духа: тогда письма так натянуты и отличаются фразерством. В теперешней пачке одно только письмо 24 февраля я писал, по-видимому, с намерением. А прочее все... прости только Бог!

[1] горячо *вписано вместо: а.* спокойно *б.* громогласно
[2] в них *вписано.*
[3] вкладываю в них *вписано вместо:* пишу на ваше имя
[4] *Было:* при<готовленное>

Что ж мне делать в те минуты, когда[1] писать хочется, а нечего? Не писать? Не могу. Оттого-то теперь, напр<имер>, вы читаете одни черствые, общие, истертые извинения, которые и вам надоели и мне тоже наскучают[2].

Надо, однако, на что-нибудь решиться. Не я должен решиться. Я не могу, пусть другие решатся и что-нибудь сделают, *<1 нрзб.>* меня, пусть сделают из меня что-нибудь, иначе погибну, погибну несомненно. На что я способен? В своей жизни, по которой я пошел и с которой спрыгнуть не в силах, я способен на одно черное, нехорошее. Что и сделаю, все не ладно, все не так, да невпопад. Я метался, метался, пора заметаться. Неужели мне еще должно себя бичевать и подстрекать на новые благие замыслы? Да когда же я по крайней мере перестану пожинать злые плоды от своих благих замыслов? Делайте со мной что угодно, кому угодно: я сам ничего не способен с собой сделать. Если вам неприятны мои письма, сделайте, чтоб я не писал. Я отказываюсь защищаться — обвиняйте меня в чем хотите.

Вот до какого упадка сил дошел я.

Дайте мне десять миллионов, и я никого не буду беспокоить. Родные мои умрут, а если будут живы, так во мне нуждаться не будут. Я около себя заведу комнаты и все удобства жизни и мои прихоти.[3] Большую темную залу обобью черным бархатом, обложу подушками, в середину поставлю на пол плошку, в трех углах велю играть музыке, а в четвертом лягу сам. Поеду путешествовать везде, и в какой-нибудь Америке даже кучер, с которым поеду, не будет знать меня. Залягу в повозку да буду думать, что я и где я и какая во мне нужда людям. Встречу где-нибудь на Ладожском или Онежском или Пейпусеном озере деву с кувшином, коралловыми, ощеренными зубами и проеду ее. Она на меня посмотрит, и я посмотрю ей в глаза и увижу в них то, чего она сама не замечает, смотрит и не знает, что выставляет наружу всю жизнь свою, которой не суждено на земле обнаружиться. Я проеду, мне будет жалко, что ни одно людское участие на мне не останавливается, что я не получил и не получу того, чем может наградить и осчастливить человека человек. Чем это? Э, в людях много скрыто благ, и они иногда, сами не зная, могут быть виновниками счастья или вообще блага. Я бы проехал дальше, там бы еще со мною черт знает что случилось, наконец бы почувствовал,

1 *Далее было:* хо<чется>

2 *Так в автографе.*

3 *Далее было начато:* В

что умираю, и умер бы с какою-нибудь глубокою мыслию и с чертою сумасшествия. Не годится, Н<иколай> В<асильевич>, писать то, что я пишу, жаль за лишний вес платить, но вы, если и рассердитесь, так, верно, не на то, за что я боюсь, а на то, в чем я всегда найду оправдание. Если вы рассердитесь на то, что, может быть, ошиблись во мне, и на то, что я пустейший человек, я этим не обижусь, если даже решительно узнаю, что мнения вашего мне не переменить. Я сам знаю, что я пустой человек.

Когда-нибудь осмыслю это письмо.

Если вам угодно будет ко мне писать, напишите мне ради Бога вот что: 1) Можно ли от меня хоть чего-нибудь ждать и 2) Что мне делать, чтобы исполнить ожидания. Ваша строчка, которая не обнаружит эгоизма, будет для меня весьма полезна и живительна, она заставит кровь мою быть теплее и способнее к жизни. Напишите мне еще, если вам это не во гнев, как должно *писать* и обходить кое-какие из тех недостатков, кои суть во мне. Охота писать развита у меня больше <других> способностей, оттого и малые способности мои плода не приносят.

Прощайте, Николай Васильевич, извините, если в ином месте я забываю, что меня слушает посторонний человек, и говорю тот жалкий вздор, которого снисходительным слушателем может быть только автор его. Я много про себя знаю дурного, чего еще не говорил вам, и в следующем письме, которое придет к вам очень скоро, кончу анализ самого себя. На это письмо не приходите в затруднение писать, я не прошу. Скоро и совсем я не буду просить у вас ответов, потому что потеряю себя из виду и ответам не к кому будет приходить. Останется в доме глупый сторож с одною памятью о господине, которого он очень любил (потому что хоть был ему, конечно, родич). В таком доме, от которого будут бегать, немудрено остаться глупому сторожу. И явление будет редкое: дурак будет величайшим эгоистом; те, которые от него бегут, меньше не имеют в нем нужды, нежели он в них. Прощайте, Николай Васильевич, примите хоть напоследок разумное слово, свидетельствующее вам все мое душевное... не знаю что, уважение и почтение для меня кажутся холодны, а расположение может быть вам не понравится. Верьте моему почтению, уважению и всему. С моей стороны они не нарушаются тем, что я иногда не остерегаюсь писать к вам глупости: я глуп в жизни, не в одних письмах. Прощайте...

Остаюсь ваш покорнейший слуга Д. Малиновский.

1468. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<28 февраля 1848. Покровское — 1 марта 1848. Москва>

Покровское. 1848 года, февраля 28.

Сегодня по неизреченному Милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин. О вас, мой милый и незабвенный друг, со всею любовию вспоминала. И вот в маие будет шесть лет, как мы с вами расстались, и с тех пор всякой раз, когда имела это счастие, тот день к вам писала, как бы сорадоваться с вами блаженству, коим Отец Небесный награждает; и теперь написала. Не знаю, дойдут ли до вас эти строки, мой друг возлюбленный, но уверена, что молитвою достигать можно при помощи Божией то, что нам дорого по душе и что без Его Отцовской воли не могло случиться. Если человек идет просто прямо, тогда что с нами встречается, можем убедиться, что не без Промыслу. Беседовать, мой друг, хочется, но дойдет ли до вас. Оканчиваю, обнимаю вас с любовию, с нею благословляю, с нею и вручаю вас Милосердному Отцу, и с нею, мой друг, пред Ним о вас я вспоминаю и молю, как умею только чувствовать, да благословит Он путь ваш и сподобит достигнуть столь давно желанного. Боже мой, не остави его! Прощайте, мой друг, еще вас благословляю.

Христос с вами!

Москва. Марта 1.

Сегодни, мой друг, сюда приехала и сегодни имела утешение почтенного Степана Петровича встретить. Тотчас спросила о вас. Он сказал, что прежнее мое письмо к вам отправил, и теперь можно писать в Константинополь, что он адрес знает. Пользуясь сим, с радостию, мой друг, хочу побеседовать, что Бог пошлет на сердце, из глубины коего вспоминаю о вас пред Милосердным Господом, молю Его, да Он вас не покинет на пути, который вы предприняли из любви к Нему, Премилосердному Отцу нашему, и поможет вам совершить оный в чувствах, Ему угодных, чтобы запастись там внутренным спокойствием, которое может поддержать человека во всех испытаниях, кои суждено ему пройти в течение здешнего странствия. О, дай, Боже, нам оное так свершить, чтобы сподобились достигнуть блаженной вечности. Если бы мы и думали о вечности и для нее жили, всегда свободно могли бы вздохнуть ко Господу, а там во всякое время, и в радости и в печали, душа найдет отдохновение и возможность не сбиваться с предназначенного нам пути. Дай Бог нам придерживаться дороги, ведущей к вечному блаженству, тогда легко бы здесь было, потому что в сем расположении дорожили бы

спокойствием другого, не желая ни в чем предпочтения себе, а находя утешение в смирении, которое много блага может доставить человеку, искавшему Спасения. Боже, милостив нам буди! Сколько ни говорить, пора расстаться; оканчиваю здесь, не разлучаясь с вами молитвою; с нею сопутствую с вами. От всей души вручаю вас Богу и Отцу и Им вас, мой друг, умоляю: ради Христа старайтесь пребывать во внутренней тишине и спокойствии, ограждающем от всего, могущего вредить нашему спасению. Ох, дай, Боже, нам всегда и от всей души о сем заботиться. Прощайте, мой друг, мой возлюбленный Николай Васильевич, прощайте. Обнимаю вас со всею нежностию матери и с этим чувством вам с любовию до гроба предана.

Христос с вами!

Хочу печатать. Еще, мой друг, вас благословляю с любовию и с нею прошу: ради Христа не оставьте меня вашими молитвами. Христос с вами, мой друг.

<*На обороте:*>
Его Высокоблагородию
Николаю Васильевичу Гоголь.
С пароходом.
В Константинополе.
Monsieur Nicolas Gogol,
à Constantinople.
Recommande aux soins obligeans de l'Ambassade
Imperi<eur> de Russie.

1469. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Марта 8. <1848>

Мой милый и возлюбленный друг, да благословение Божие сопутствует вас! Он видит, как мне помнится о вас и что за вас чувствуется. Смею сказать, что не разлучаюсь с вами, мой друг, и соединяюсь всегда молитвою. Господи, не остави его! Я первое марта сюда приехала и тот же день имела удовольствие увидеть почтенного Степана Петровича. Тотчас спросила о вас, он сказал, знает ваш адрес. Я тотчас к вам, мой друг, написала, и он отправил. А вчера ездила к нему попросить ваш адрес. Еду в деревню и не хочется оставить Москву, чтобы еще с вами, мой друг, не побеседовать. Начинаю с того, <что> благословляю вас, мой милый друг, со всею нежностию матери и молюсь о вас, как о сыне, о котором чрезвычайно часто думаю; а паче на сей раз сопутствую

вам и воспоминанием и молитвою, да Отец Небесный предохранит вас от всего опасного и поможет пребывать во внутренней тишине и спокойствии. С сими благими, Богом данными средствами можно продолжать предназначенной нам путь, на котором должны заботиться о спасении. А предавшись сему, остальное все пойдет хорошо, и выгоды и невыгоды жизни не могут отдалить от дороги человека, постигшего важность и сладость того, чем душа наша должна быть исполнена. Милосерд Господь, Ему помолимся, Он ли кого оставит. Ох, как милосерд! Среди печали тяжкой глубоко познаешь и почувствуешь Его Отцовское и беспрерывное о нас попечение, да Он нам поможет не разлучаться с этим ощущением и благодарностию к Нему, Премилосердному, Покрову Коего, мой друг, часто и сию минуту вручаю и на Него уповаю, что Он вас сохранит и сподобит со всем умилением, любовию и полною благодарностию поклониться Его Гробу и возвратит на родину благополучно, исполненного чистого желания Ему единому служить, а в Нем и для Него ближнему. Спаси вас Господи! Когда сие до вас не дойдет, знайте, мой друг, что 19 марта особеннее о вас вспомню. Дай Бог, чтоб мы ценили и дорожили днем рождения как средством, по благодати Его нам ниспосланным для приготовления и достижения вечного блаженства. О Всемилосердный, не остави нас и настави творить Твою святую волю. В самой радостной и торжественной день вы уже будете там. Поздравляю вас, мой милый друг, с сим великим, радостным для каждого Христианина Праздником. И знайте, при радостном услышании — Христос Воскресе! — ту минуту вспомню о вас и вашем блаженстве. Достигнув желаемого, ощущения, на тот раз наполнявшие вашу душу, так сильны и глубоки, что вы не в силах выразить — понять скорее можно ваше на тот раз неизъяснимое состояние. Сочувствую вашей чистой радости, благодарю за вас Милосердного Отца нашего, Ему вас, мой друг, еще вручаю и Им умоляю: береги<те> себя, ни от чего не унывайте, а молитесь и за все благодарите. Прощайте, мой незабвенный друг, мой возлюбленный Николай Васильевич, прощайте. Обнимая вас с любовию матери, с этим чувством вас благословляю, мой друг, теперь и всегда, и Христос с вами. Более нежели рада буду узнать, как вы доехали. Если вам возможно меня утешить, хоть несколько слов написать, очень порадуете. Прощайте, еще вас благословляю, и до гроба с любовию и дружеством принадлежу Н. Ш<ереметева>.

Адрес мой: *в Рузу* Московской губернии. Еще вас благословляю.

Николаю Васильевичу Гоголь.

1470. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Апреля 5. 1848. <Москва>

Я только что собрался написать к тебе в Константинополь, куда ты, по моим соображениям, должен бы был теперь приехать, как вдруг услышал, что ты уже в Одесском карантине! Приветствую тебя в отечестве, поздравляю с совершением обета веры, как было для тебя сладко, животворно, действенно посетить Святую Землю! Ты произнес горячую молитву за святую Русь в такое страшное время: Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным[1]! Да — дается знамение, а понимать мы не умеем или не хотим. Так мы погрязли в тине ежедневной злобы! Много мыслей переходит через главу и через сердце!

Я очень рад, что ты поживешь теперь на родине, под сенью малороссийских черешен. Один воздух, не только физический, но и нравственный — воспоминаний и впечатлений, — будет для тебя благотворен. Уединение, спокойствие, любовь — лекарства целебные. А когда же увидимся? Обнимаю... Должен сию минуту кончить, чтоб не опоздать на почту. Предосадно — меня прервали на первых строках и отняли время.

Твой М. Погодин.

Посылаю тебе «Москвитянина» — тем более что конторщик не отправил по недоразумению его к матушке, как я узнал недавно. Кланяюсь милостивой государыне Марье Ивановне и посылаю к ней письмо <...>[2] маменьки, которое пролежало у меня довольно долго в бумагах, а теперь подвернулось в пакете. Нового к нему маменька ничего не прибавит: она, слава Богу, здорова (и все мы) и кланяется твоей по-прежнему.

1471. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Ганау, 7/19 апреля 1848 года.

С изумлением и с радостию, мой милый Гоголь, получил я твое письмо из Иерусалима. В то время как я полагал, что вокруг тебя шумит возмутившийся Неаполь, ты спокойно стоял у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понимал и значение человеческих тревог на земле, и тайну небесного мира души человеческой. В эту минуту ты, вероятно, на пути в отечество; ты, вероятно, посетив Святую Землю *откровения,* заглянул

[1] *Цитата печатается с исправлением по источнику: псалом 2, ст. 1. В публикации:* Вскую смятенная языци и людие научишася тщетным!

[2] *Дефект рукописи.*

и в классическую землю героических *басен,* в Троаду, из которой пустился в свое долгое странствие наш Одиссей; вероятно, ты уже видел Босфор, может быть, теперь сидишь в Константинополе или уже плывешь по волнам Черного моря в Одессу... Добрый путь в любезное отечество! А я между тем сижу у Майна и жду погоды, которая в это время весьма бурная. Твои неаполитанские смуты через Париж перебежали в Германию; немецкое пиво запенилось, как французское шампанское. Мог ли ты вообразить возможность такого всеобщего переворота? Но ни слова о политике; скажу только несколько слов о себе. Когда ты будешь читать в Полтаве это письмо, я буду уже, если Бог сохранит нас посреди этого землетрясения, на пути в Россию. Но прежде надобно жене полечиться в Эмсе — позволят ли обстоятельства это исполнить, не знаю; но Эмс для нее необходим: она несказанно страдает. Да и у меня третья неделя, <как> болят глаза, что принуждает меня не своеручно писать, а диктовать письмо мое к тебе. Пишу из Ганау, куда перевез жену для Коппа недели на две. В нашем Франкфурте, в нашем уголку саксенхаузенском, спокойно и безопасно, хотя Франкфурт теперь сделался центром революционного движения.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо, заключающее в себе твою и, вместе с твоею, мою литературную исповедь, — правильнее сказать, я *не послал* тебе моего ответа, ибо не полагал, что он тебя застанет в Неаполе; но ответ написан; я послал его в Москву к Елагиной, дабы она передала его Шевыреву для напечатания в «Москвитянине». Во всяком случае, я надеюсь, если на то воля Божия, увидеться с тобою в России в конце нынешнего года. Если Бог даст жизни, то мы можем еще рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества. Прости; жена тебе сердечно кланяется, все наше семейство тебя помнит и любит; весьма может случиться, что *все* мы сойдемся под отечественным небом.

Твой Жуковский.

1472. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<11–12 апреля 1848. Покровское>
Апреля 11.

Христос Воскресе!

Здравствуйте, мой возлюбленный друг! Всегда о вас с любовию вспоминаю, а нынче особеннее, потому что по благости

Божией в такой радостной для каждого Христианина день сподобилась приобщиться Святых Таин; и очень помнилось. Полагаю, что вы с помощию Премилосердного Отца нашего достигли, куды так давно и всей душею стремились. Блаженство ваше у Гроба Господня понять и почувствовать удобнее, нежели вам передать. Сохрани вас Господи там и возврати на родину благополучно. Если доживу, рада буду[1] обнять мне возлюбленного и близкого душе моей Николая Васильевича. — На сем слове получила почту и как обрадована была: из Москвы переслали мне ваше письмо из Иерусалима от 17 февраля. Благодарила и благодарю Бога, помогшего вам достигнуть желаемого, да с Его Отцовскою помощию возможете запастись там спокойствием, которое необходимо для нашего Спасения. И это спокойствие придает душе силу и возможность идти путем, Ему угодным, а на этом пути когда и встречаются какие неприятности, то нисколько о себе не подумаешь, а пожалеешь и помолишься за того, которой оскорбляет ближнего. Ох, мой друг, когда Премилосердный Отец хоть сколько-нибудь расположит нас, как должно быть Христианину, то ясно увидим и глубоко почувствуем, что легче самому претерпеть, нежели, храни Господи, ближнего оскорбить. И мне кажется, ни малейшего труда не стоит лично за себя каждому все простить — и так внутренно очистить<ся>, что на сердце не останется иного чувства как любовь; и охотно с ним можно встречаться и за него молиться. Ох, как Милосерд Господь, без Него, без Его Отцовской помощи кто может достигнуть сего сладостного для души ощущения. Я еще так, мой милой друг, скажу и заключу тем свое суждение, что иногда с самым чистым желанием любящего сердца нет возможности примириться, когда с другой стороны того не хотят[2]; и наружно отдалить меня могут, а внутренно не отгонят[3], потому что это сладостное ощущение, которое делает прямое счастие человека, дано нам свыше, и как должны благодарить Ниспосылавшего нам такие отрадные минуты, что все близко[4] и всякого жаль; а это, мой друг, вы, верно, сами не раз то испытали, что есть случаи в жизни, что другого больше жаль, нежели себя. Так бывает больно сердцу за других, что охотнее бы пожертвовал, чтобы отдалить бремя, стесняющее его душу. — Боже, милостив нам буди, и наставь и помоги

[1] *Далее было:* вас

[2] *В автографе:* не хочут

[3] *В автографе:* не отгонют

[4] *Было:* близкого

творить Твою святую волю — тогда свободно вздохнем к Тому, где во всякое время найдем отдохновение, даже среди печали тяжкой. Вот нечаянно как заговорилась. Но кого любишь и в ком уверен, с тем свободно во всякое время все скажешь, что на душе, а моя душа вам предана с любовию и дружеством. Письму вашему, мой друг, я так обрадовалась, несколько раз его перечитала, а выражение ваше одно меня опечалило. Говорите, лето проведете в Малороссии, а в августе, может быть, заглянете в Москву. Стало, это не верное. Я думала, что по возвращении если не совсем поселитесь, то долго пробудете. А по этим словам: может, загляну в Москву; так может, и совсем не будете. Жалко мне, если *на сем свете* вас не увижу. Но как лучше для пользы вашей, для пользы души вашей, так и устрой, Господи! Я, мой друг, с вами не разлучаюсь молитвою и в ней соединяюсь, а уже это время, со дня отъезда к Святым Местам, как помнится о вас и как молюсь и как желаю молиться, видит Бог, Ему вас часто и сию минуту вручаю от всего сердца, Господи, Ты его не покинь!

Сегодня я имела утешение от доброго и почтенного Степана Петровича Шевырева получить, и как ему благодарна. Он хотел меня порадовать известием о вас, что в Москве от посланника Титова Свербеева получила известие, что вы были в Иерусалиме, а после по Сирии и Палестине отправились, но к Страстной неделе возвратитесь опять в Иерусалим. — И добрый Степан Петрович пишет: «Итак, мы можем завтра мысленно с ним христосоваться у Гроба Господня. Представляю себе, как развеселит вас это известие, и вместе с вами радуюсь за нашего общего друга». И тем оканчивает: Как бы он хотел, чтобы я нынче его письмо получила; именно так и случилось. Он вчера писал, а я нынче получила, и очень ему благодарна. Он знает, как для меня дорого и утешительно знать о вас. Великим постом на короткое время была в Москве и была у Степана Петровича, чтобы узнать, не имеет ли какого о вас известия, и взяла у него ваш адрес, по которому и писала к вам 8 марта в Константинополь на имя Халчинского. — 19 марта очень о вас помнилось. Если письменное когда не поспеет, то сердечное, сопровождаемое молитвою, всегда вовремя придет. Да еще прежде этого я к вам два раза писала через Степана Петровича от 12 февраля и 3-е марта. И знайте, мой друг, доходят[1] ли мои письма или нет, но что всегда о вас помню, и пред Милосердным Отцем нашим с любовию, мой друг, о вас помню; Господи, наставь его, как когда поступить,

[1] *В автографе:* доходют

1475. Авр<*нрзб.*> — Н. В. Гоголю

8-го мая 1848. Одесса.

Сегодня уже третий день, как Вы в дороге, и нет сомнения, что, если Вам что-нибудь не помешало, сегодня же ты приедешь в Полтаву. — Некоторые из моих знакомых довели до моего сведения, что они Вас встречали на пути в порядке и в добром здоровьи; что нам было приятно узнать. Вчера я получил из Конторы транспортов росписку <так> в получении от тебя вещей, которую и посылаю тебе. — Я очень рад, что ты у меня состоишь теперь в долгу 80 к<опеек> сере<бром>, которые Контора взыскала с моей особы за какие-то цыновки <так>. — Люди с людьми сходятся, следовательно, нет причин, чтобы пословица эта не оправдалась на нас, — пока же ты не забывай долга и меня, искренне тебе приверженного душою чистою. В Петербурге, если будешь видеть Государя Императора, то скажи ему, *что я живу в Одессе,* расскажи ему о моем семейном быте и что есть надежда ему со мною повидаться в Петербурге в июле месяце. Исполнением этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь.

Весь твой

Авр<*нрзб.*>.

P. S. Я очень рад, с одной стороны, что ты уехал из Одессы, *ибо* я замечал некоторую слабость к тебе в моей жене, которая в настоящую минуту разрешается только нижайшим поклоном.

Еще P. S.

Вчера *прибежала* из Рима эстафета, которою[1] мы приведены в известность, что там была революция, вследствие которой Папа заключен в тюрьму и объявлена Республика!!..

1476. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Май (н. ст.) 1848. Рим>

Спешу с ответом на милое ваше письмо, прилагая здесь только что полученное еще новое в кафе Греко и скопированное казенное, и вот оно...

Сердиться, значит отдалить от себя всякой мир и согласие, без которых не может быть ни ваш, ни мой труд продолжением с должным успехом.

В важных предприятиях первое дело — постоянство. За важность я отвечаю, но нужно, чтоб этот год покоем своим равнялся тем годам, когда я находился в счастливой неизвестности.

[1] *В автографе ошибочно:* которую

Только в самой глубине мира и согласия сыскиваются[1] драгоценные идеи, посредством которых важнейший труд художника преуспевает в своем совершенстве. Но как скоро эта светлая сила беспрестанно нарушается движением чужих страстей, то он из творца вдруг делается простым работником и сам уже невольно огрубевает, делаясь рабом тоже и своих страстей.

Que Dieu Notre pere et le Segner Jesus-Criste vous donnent la *grace* et la *paix*.

1477. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<5–9 мая 1848. Покровское>

Маия 5.

Сию минуту, мой милой друг, возвратилась от обедни, где о вас, как и всегда, вспоминала с любовию, с нею благословляю вас. Как доброму и почтенному Степану Петровичу благодарна, что он поспешил меня утешить радостным известием, что вы уже в Одессе. — Вы, мой друг, зная мою к вам привязанность, легко можете представить, с каким чувством умиления и благодарности обратилась к Сохранившему вас и сподобившему испытать невыразимое блаженство поклониться Гробу Господню, куды так давно стремилась ваша душа, которая, я думаю, не в силах теперь объяснить, что на ту минуту ощущала. Христос с вами! Слава Богу, что достигли желаемого — и возвратились благополучно в Россию. — О Всемилосердный, не остави его повсюду Своим Отеческим Покровом! А что при всем этом испытала ваша душа, какие трогательные переходы жизни, остается понять тем, кои имеют утешение вас хорошо знать, а передать вам самим трудно. Я думаю, бывали минуты такой высокой чистой радости, что сил едва достанет возблагодарить Ниспославшего это не земное, а Небесное утешение.

Долго заговаривать вас не хочу. Слава Богу, вы в России. Тот, Кто один видит сердце, Он знает, что в эти шесть лет мне за вас перечувствовалось. Так нечаянно мы с вами встретились и так вы пришлись мне по душе, которая с той минуты с вами сроднилась, и, 23 мая проводя вас до заставы, с тех пор с вами не разлучаюсь, мой милой друг. Теперь прощайте, подожду завтрашней почты, не привезет ли какого о вас известия. Обнимаю, благословляю вас, и до гроба с любовию и дружеством вам принадлежу. Сегодня шесть лет, как мы с вами встретились, и с тех пор, мой друг,

[1] самые

однако ж, зависит поправить свою ошибку. Приезжай на несколько дней в Киев. Здесь у тебя много друзей! После стольких бесчисленных и бесконечных вояжей, что стоит тебе перешагнуть в Киев? Жена моя не может простить твоему равнодушию к нам, не может утешиться, что, может быть, никогда не увидит тебя.

И ты в Васильевке! Воображаю, сколько там радости и слез! Зачем я не могу приехать из Толстого на беговых дрожках, чтобы обнять тебя! И Толстое опустело! Побывай, пожалуйста, у моего отчима. Он теперь один, и стар, и дряхл.

Как жаль, что ты не виделся с братом моим Ваней в Одессе, а может и виделся, да по своей новой методе ничего не пишешь об этом.

Поцелуй за меня ручки твоей почтеннейшей маменьки и скажи мой дружеский поклон всему твоему милому семейству.

Как бы я желал знать твой приезд в Васильевку! Напиши мне в нескольких словах, как это случилось, когда, в какое время дня, чтобы я мог сколько-нибудь представить себе эту интересную картину.

1479. М. П. Погодину

Майя 12. Д. Васил<ь>евка. <1848>

Благодарю за письмо (от 5 апреля), которым приветствуешь ты мой возврат на Родину. Оно мне доставило большое удовольствие. За «Москвитянина» благодарю также, впрочем, за него, я думаю, благодарят тебя все. Что сказать тебе об отрывках из нового труда твоего: Русской истории? — то разве, что в этом твореньи твоем у тебя явилось все то, чего прежде недоставало тебе. Я даже думаю, что вряд ли Русской гражданин в нынешнюю эпоху может сделать лучше приношенье земле своей, какое сделаешь ей ты этой историей, если с таким же успехом поведешь дело далее, с каким начал. Потребность истории в нынешнее время ощутительна. Может быть, только с помощью ее можно спасти нам *добро наше,* расчищаемое татями. О себе скажу то[лько], что еле-еле осматриваюсь. Вижу предметы вокруг меня как бы сквозь какую-то мглу. Многое для меня покуда задача. Боюсь предаться собственным заключеньям, чувствуя, что малейшей торопливостью и опрометчивостью могу наделать больше вреда, чем всякой иной писатель. Деревня покуда принимает меня не совсем неблагосклонно, воздух, кажется, здоров. Прощай.

Твой Г<оголь>.

Наверно не могу сказать, когда буду в Москве. Хотелось бы около августа. Малюток всех обними, а матушке поклон.

1480. А. С. Данилевскому

16 мая <1848>. Василевка.

Твое письмо принесло мне также много удовольствия. Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и всё. Подъехал я вечером. Деревья — одни разрослись и стали рощей, другие вырубились. Я отправился того же вечера один стеновой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно,* что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был бы в Толстом, но Толстое пусто, и мне стало еще грустнее. Все это было в день моих именин, 9 мая. Матушка и сестры, вероятно, были рады до nec plus ultra моему приезду, но наша братья, холодный мужеский пол, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я, однако же, видел и у него плотного ремонтера средних лет, Николая Васильевича, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями. Василий Василь<еви>ч нашел меня в Одессе, изумив, разумеется, своим ростом[1]. Жаль очень, что не случилось тебе провести это лето здесь. Дай Бог, чтобы поездка в Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьев<ны>. Если бы я умел хорошо молиться, я бы помолился об этом так же, как она молилась о благополучном моем приезде. Через неделю времени думаю пуститься в Киев поглядеть на вас. Я слышал, что вы помещаетесь несколько тесненько, как всегда бывает на казенных квартирах. Если это правда, то устрой мне помещенье у Максимовича или у кого-нибудь другого из знакомых, хотя я, признаюсь, и не знаю, кто из моих знакомых теперь в Киеве. Затем обнимаю вас обоих. До свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

1481. Н. Н. Шереметевой

Маия 16 <1848>. Деревня Васильевка.

Ваше письмо получил с особенным удовольствием, мой друг добрый Надежда Николаевна. Благодаря Бога, достигнул

[1] своею взрослостью

я земной родины благополучно; достигну ли благополучно Небесной — вот вопрос, который должен бы меня занимать теперь всего. Но, к стыду моему, должен признаться, что я далеко сердцем от этого вопроса. Голова думает о нем, но сердце не растопилось, не пламенеет стремленьем к нему. У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы *там*, на месте, почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия. Итак, *далеко* от меня то, что я полагал чуть не *близко*. При всем том меня живит еще луч надежды. Я и доселе также лепечу холодными устами и черствым сердцем ту же самую молитву, которую лепетал и прежде. Мысль о моем давнем труде, о сочинении моем, меня не оставляет. Все мне так же, как и прежде, хочется так произвести его, чтоб оно имело доброе влияние, чтоб образумились многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблемо. Друг мой, молитесь обо мне. Если Бог, молитвами вашими и других угодных ему людей, спас меня и пронес благополучно сквозь все земли, то Он властен также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего. В деревне я полагаю прожить бóльшую часть лета. От Жуковского имею известия: они сходные с теми, которые вы получили уже от Елагиной. Мать и сестры вас помнят и вам кланяются.

Весь ваш Н. Гоголь.

1482. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

16 мая, 1848. С.-Пб.

Получены мною оба письма твои из Бейрута и Константинополя. Из главного казначейства, по присланному тобою свидетельству, я взял остальные деньги временно данной тебе пенсии. Теперь этот источник дохода твоего прекратился. В скопе денег твоих у меня ныне находится следующее количество по билетам из ломбарда, куда отправлял я всякий раз, как только случалась значительная сумма: по 1-му билету (с 22 мая 1847) 1168 р<ублей> сер<ебром>; по 2-му (с 22 июля 1847) 650 р<ублей> с<еребром>; по 3-му (с 21 января 1848) 371 р<убль> с<еребром>, и по 4-му (с 26 апреля 1848) 228 р<ублей> с<еребром>; всего 2517 р<ублей> с<еребром>.

Об этом за нужное считаю подробно дать тебе знать для того, чтобы ты уведомил меня, не понадобится ли тебе которую-нибудь из этих сумм взять, так как просроченный тобою и присланный мне из Константинополя Штиглицем вексель, по случаю

банкротства дома Тюрнейсон, на который он был адресован, остается недействительным.

Штиглиц отказал мне в платеже, обещав дать знать через несколько месяцев, по скольку сантимов придется на франк уплаты, когда оценится и продастся все имение Тюрнейсона. Князь Вяземский обещал было еще хлопотать за тебя у Штиглица: но как я не получаю от него никакого отзыва, то заключаю, что и ему банкир отказал. Теперь ты видишь, от чего не получаю я тебе денег, как ты писал. Я буду ожидать от тебя особого письма, где ты скажешь определительно, нужно ли брать из ломбарда для тебя и который именно из вышеозначенных билетов?

Письмо твое Смирновой я отдал лично. Она здесь в С.-Петербурге и пробудет, кажется, все лето, чтобы продолжать лечение свое у Пашкова. Книги Бодо о греческом языке не оказалось здесь ни у одного книгопродавца. Я предлагал им выписать ее, но они отказались наотрез по причине смутных обстоятельств во Франции и в Германии. Приходится подождать лучшего времени. Поклоны твои я передал всем. Балабины и Вагнеровы переезжают на лето в Павловск. Я по-старому живу летом на Беклешовой даче. Но адрес мой все прежний в город, где я часто бываю. Мои дела идут хорошо. В начале нынешнего года я снова избран советом и утвержден Государем в ректора Университета на четыре года. Литературою, оставив «Современник», я почти совсем не занимаюсь, кроме должностных статей. Может быть, когда ты поселишься в С.-Петербурге, опять примусь за что-нибудь. Одному скучно.

Прощай, милый.

П. П<летнев>.

1483. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 17-го мая 1848 г.

Любезный друг, тяжко мне жить на свете!

Господь Бог продолжает мои страдания. Голова моя плоха, нервы ничто не успокаивает; жду здесь помощи в одиночестве. Тоска и страхи одолевают. Молитесь за меня, у меня отнялись силы к молитве. Дети в Калуге, а я 8 месяцев одна; тяжко и грустно. Одно время было лучше, явилась и надежда, но с весной пропала. Погода ужасная. Ваша от души.

1484. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<17 мая 1848. Москва>

Слава Богу, слава Богу, что ты, милый друг, в матушке России. Обнимаю тебя от всей души. Первым движением моим, по получении письма твоего, было благодарить Бога; вторым написать к Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметевой. За тем я получил твое письмо из Бейрута, а сегодня записочку и 13 р<ублей> серебром денег. Немедленно подписался на М<осквитянин>, который будет отсылаться в Одессу на имя ген<ерал>-май<ора> Андр<ея> Андр<еевича> Трощинского. На имя же твоей маменьки не подписался, потому что Погодин и без того посылает ей, и ты, вероятно, найдешь М<осквитян>ин <у> себя в Васильевке. Мы все теперь в экз<аменах>......[1] скучно. Силы истоща<ются>...... принимаешь. Тяжко... <экза>мены в том в...... это исполняе<т>...... жду конца...... переехал в Сокольники, где мы проводим лето, и уйти в кабинет и в лес. Над<ежда> Никол<аевна>, вероятно, к тебе пишет. Я мало с кем вижусь, потому что некогда. Серг<ей> Тимоф<еевич Аксаков> больной приехал из деревни, но теперь ему лучше. Трагедия сына его не удалась ни в мнении общественном, ни в журнальном, и еще более потому, что он ее читал по действиям и до появления ее...... <з>вонил об ней во всю ......шал еще ...рая, кажется...... в Москвитянине. Право, писать тебе не о чем. У тебя, верно, более новостей, чем у меня. Поцелуй ручку за меня у твоей маменьки и поблагодари ее за милое письмо ее. Обнимаю тебя.

Твой С. Шевырев.

Майя 17, понед<ельник>, 1848. Москва.
9-го майя мы пили здоровье милого именинника.

1485. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

<Май (между 11–20-ми числами) 1848. Москва>

Наконец вы в русской земле, любезнейший Николай Васильевич, наконец я пишу к вам — и не за границу! Шесть лет! Порядочно. Но как говорить мне с вами теперь? Многое было не высказано, а невысказанные слова остаются в душе или оставляют в ней след. Во всяком случае, полная откровенность необходима: без нее не может быть прямых отношений. Я должен сказать вам все, что у меня на душе. Лучше или прямо не сойтись, или

[1] *Нижний правый угол письма оборван; на месте недостающих букв поставлены теперь точки. — Примеч. публикатора письма в 1896 г.*

прямо сойтись. Особенно же, когда с человеком был в коротких отношениях, такая полная откровенность есть настоятельная необходимость; кто не шутя думает о короткой приязни, тот не станет смущаться и останавливаться, чтобы сказать всю правду по своему мнению. Вы сами, я думаю, это знаете, и больше об этом толковать нечего.

Я писал вам длинное письмо по выходе в свет вашей книги; оно было довольно жестко; я написал уже много, но еще не кончил и потерял его. Подумав, что, может быть, это и лучше, что, может быть, не надо давать воли негодованию, когда в душе одно негодование, и только, я не начинал нового письма. Но теперь вы уже в России; ваша *простая* записочка так просто отозвалась в нас, что, сколько мне кажется, негодование не ослепит меня. Батюшка также думает о вашей записочке: видит в ней дружеские, простые строки. Николай Васильевич, нечего мне говорить вам об общей нашей и о своей дружбе, хотя, мне кажется, вы понимали ее вроде какой-то *привязанности,* подчиненной с моей стороны, чего никогда не бывало: в таком чувстве нет прочности, ни глубины, не может быть истины, а главное, нет *свободы.* Как бы то ни было, года два-три, не более, может быть, не таким уже являлись вы мне, как прежде. Не думаю, чтобы я ошибался, а думаю, что вы переменились. Если вы увидите в этих словах моих самонадеянность, вы ошибетесь. Ваши важные и еще более важничающие письма, с их глубокомыслием, часто наружным, часто ложным, ваши благотворительные поручения с их неискреннею тайной, ваше возмутительное предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», наконец, ваша книга, повершившая все, далеко оттолкнули меня от вас. Я нападал на вас и дома и в обществе почти так же горячо, как прежде стоял за вас. Не знаю, дошли ли до вас слухи об этом, — я думаю, что дошли. Ваши дополнительные письма еще более усиливали негодование. Знакомство же со Смирновой, воспитанницей вашей, еще более объяснило и вас, и ваш взгляд, и состояние души вашей, и учение ваше ложное, лживое, совершенно противуположное искренности и простоте. Говоря о книге вашей, говоришь вместе о всем том, что в вас, как я думаю, недобро.

Во всем, что вы писали в письмах и в книге вашей особенно, вижу я прежде всего один главный недостаток: это *ложь.* Ложь не в смысле *обмана* и не в смысле *ошибки* — нет, а в смысле *неискренности* прежде всего. Это внутренняя неправда человека с самим собою, внутренняя непростота и раздвоенность, которая

является перед миром и перед самим человеком, как скоро он выражает себе эту неправду как что-то цельное. От этого он не менее виноват; виноват, что допустил эту ложь, виноват, что не заметил ее и вынес ее еще с тайною гордостью напоказ. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего более в одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга. Ложь у французов, у этого народа детей, смешных и жалких детей (не во внутреннем значении слова, но по внешней недозрелости), принимает надутые формы, рядится в эффекты, становящиеся от ограниченности их народа наивными. Что же? И у вас прорвалась природа лжи, и у вас есть надутые и такие студеные фразы, которых странно, как сами вы не заметили. Но вы не француз, и эти фразы у вас не смешны, не наивны, а возмутительны. Ложь лжет истиной, а гордость рядится смирением. Затронуты нравственные глубины, и оба зла совпадают. Такова опять ваша книга. Или не видите вы страшной гордости, одетой в рубище, которое носит она, как драгоценное платье? В вашей книге нет даже того трудного пути унижения искреннего, которым доходит человек, часто с болью, до смирения, и иногда, тут же, грешит гордостью; не видать, чтобы вы со стыдом сперва надели рубище духа и потом возгордились им как драгоценностью. Нет, вам прямо понравилось смирение, прямо полюбилось рубище; вы приняли смирение, облеклись в рубище очень довольные; оно досталось вам без труда и борьбы: *вы поняли красоту смирения.* К вам привилось внутреннее зеркало, сопровождающее вас всюду и в движениях внутренних души; вы уже успели вмиг посмотреться в зеркало. Вы лежите в прахе и видите себя, как вы лежите в прахе.

О, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее кокетство! Хуже оно наружного. Знаю я этот грех: я сам им страдаю. Но кажется мне, я вижу его, и потому я не проповедую смирения, потому что слишком высоко ценю его, и смиренным себя не выставляю. Давно уже много ценю я простоту, и ценю ее с каждым днем более и более. Простоты я не вижу в вас. Потом: самые мысли ваши ложны; вы дошли до невероятных положений. Таково письмо о семи кучках, непостижимое, возмутительное; о, сколько хитрости и искусственности в нем! Таково письмо ваше к Жуковскому, письмо, так сильно противоречащее, по-моему, вере православной. Да и мало ли еще других мест, ложных уж и по мысли своей, в письмах ваших!

В подробности вдаваться я не стану, а укажу еще на великий проступок ваш: на презрение к народу, к русскому простому

народу, к крестьянину. Это выражается в вашем предисловии ко второму изданию «Мертвых душ», это выражается в письмах ваших, в вашей книге, особенно в наставлении помещику, где грубо является незнаемый и, к сожалению, не подозреваемый вами даже народ и где помещик поставлен выше, как помещик, и в нравственном отношении. Странная нравственная аристократия, странное основание духовного достоинства! Недостает, чтобы вы сказали, что тот, у кого больше душ, выше в нравственном отношении. Вот великая вина: *поклонение перед публикою и презрение к народу.* Знаете вы знаменитое восклицание полицеймейстера: «Публика вперед, народ назад»? Это может стать эпиграфом к истории Петра, это слышно и в вашей книге. Но знаете ли вы, которые говорите о простоте и смирении, что простота и смирение есть только у русского крестьянина? Вот почему так высок он — выше всех нас, выше писателей, и вкривь и вкось о нем толкующих и не знающих его. Как же могло это случиться, что вы, Николай Васильевич, человек русский, так не понимаете, не предполагаете русского народа, что вы, столь искренний в своих произведениях, стали так глубоко неискренни? Ответ на это прост. Не вы ли, в ложном мудрствовании, бросили свою землю, бежали из России и шесть лет были вне ее, не дышали ее святым, нравственным воздухом? Не вы ли, беглец родной земли, жили на Западе и вдыхали в себя его тлетворные испарения? Или вы думаете, что ничего не значит для человека то окружение, в котором он находится? Не вы ли собирались ехать в Иерусалим, шесть лет, у святого Петра, в католическом Риме или в других землях? Не Успенский собор, не Софийский, не православная Русь и не пустыня готовили вас к подвигу, и вот что произвели эти шесть лет! Подвиг совершен. О нем я не говорю и говорить не смею, но говорю вам о вашей деятельности до этого подвига. Нет имени святее Веры, и чем святее имя, тем больнее его злоупотребление: таковым кажется мне ваша деятельность в эти шесть лет. Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе. Вы имели дело с Западом, с этим воплощенным лгуном, и ложь его проникла в вас.

Есть, мне кажется, и другая причина: вы погрешили вашим достоинством, даром, *художничеством.* Перестав писать и подумав о подвиге жизни, вы, в подвиге личной вашей жизни, себя сделали предметом художества; но это вопрос другой, и то самое, что было искренно в искусстве, стало ложно в жизни. Искусство не жизнь. Искусство — обман: оно может быть искренно

как обман, но оно станет просто обманом, как скоро перейдет в жизнь. Искусство непременно раздельно внутри: жизнь есть цельное живое дело. Актер-художник прост на сцене, но самый естественный актер-художник в жизни — все актер. Ваше погрешение есть погрешение художника. Художник отнял у себя предмет художественной деятельности и обратил свою художественную деятельность на самого себя и начал себя обработывать то так, то эдак, точно так же, как актер, превосходно игравший роли, бросив играть, станет разыгрывать себя в жизни. Сверх того, вас пленила, как сказал я выше, художественная красота подвига, вы предались ей, этой опасной красоте, столь облыгающей веру и чувство и принимающей на себя их образ, столь соблазнительной, прекрасной и столь ложной, в настоящей живой жизни и в настоящей истинной истине.

Вот что я думаю об вас, что высказываю я вам прямо. Но Боже меня сохрани произносить вам приговор: напротив, я уверен, что святая Русь благотворна для вас.

Я так много написал вам о вас самих, что немного уже места написать о себе; впрочем, мне самому хочется сказать вам, что теперь думаю, что на душе. Мы так долго не говорили с вами. Хотя и в том, что написал я вам об вас, вы видите уже образ моих мыслей, но мне хочется, сколько поместится на этом листе, написать вам собственно о себе, хотя сколько-нибудь. Может быть, вы напишете тоже к нам.

Я все тот же: еще более стою за Русскую землю, еще сильнее против Запада, но, кажется, взгляд мой и на это и на другое стал яснее, и больше я узнал. В высшей степени противна мне красивая ложь, красивые эффекты Запада, которые тем самым уже исключают правду. Неотъемлемая принадлежность Запада — *картинка,* хотя ложь основания не в ней. А как могущественна картинка над человеком! Для нее много делается блестящих, но, в сущности, бесплодных дел. Эта ложь вошла в правду русской жизни. Западное влияние у нас есть и медленно уступает русскому началу. Да и как не быть ему сильну, когда оно поблажает всем порокам человека, избавляет от труда и простоты истины и дает нам милую, легкую, красивую и затейливую ложь? Последние события в Западной Европе обнаружили всю ее гнилость. Авось теперь поймет наше общество вред западного влияния и, видя, что оно у нас есть, постарается освободиться от него со всеми его искушениями и прийти к народной русской жизни. Я тот же, но, однако, я много переменился, Николай Васильевич.

Я оставил немецкую философию, русская жизнь и история стали мне еще ближе, и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите, — вера, православная вера. Признаюсь, когда в книге вашей находил я слова об ней, которые ей противоречили, это оскорбляло меня тем более. Я, кажется, стал серьезнее, но думаю, не по наружности. Читали ли вы статью Хомякова в «Московском сборнике»? Вы очень ошибочно смотрели на русское направление: из слов ваших, довольно легкомысленно сказанных, видно, что оно вовсе вам не известно. Надеюсь, что письмо это не будет принято вами враждебно. Я пишу к вам по-старому. Прощайте, любезнейший Николай Васильевич, обнимаю вас.

Надеюсь, ваш по-прежнему Константин Аксаков.

1486. К. С. Аксакову

Июнь 3 <1848>. Васильевка.

Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. Так как вы были откровенны и сказали в вашем письме всё, что было на языке, то и я должен сказать о тех ощущениях, которые были вызваны при чтении письма вашего. Во-первых, меня несколько удивило, что вы, наместо известий о себе, распространились о книге моей, о которой я уже не полагал услышать что-либо по возврате моем на родину. Я думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению. Я, однако же, прочел со вниманием три большие ваши страницы. Многое в них дало мне знать, что вы с тех пор, как мы с вами расстались, следили (историческим и философическим путем) существо природы русского человека и, вероятно, сделали не мало значительных выводов. Тем с большим нетерпением жажду прочесть вашу драму, которой покуда в руках еще не имею. Вот еще вам одна мысль, которая пришла мне в то время, когда я прочел слова письма вашего: *«Главный недостаток книги (моей) суть тот, что она — ложь»*. Вот что я подумал: да кто же из нас может так решительно выразиться, кроме разве того, который уверен, что он стоит на верху истины? Как может кто-либо (кроме говорящего разве Святым Духом) отличить, что ложь, а что истина? Как может человек, подобный другому, страстный, на всяком шагу заблуждающийся, изречь справедливый суд другому в таком смысле? Как может он, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, с начала до конца, какую бы то ни было душевную исповедь, он, который и сам есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что в ваших суждениях

о моей книге не может также закрасться ложь? В то время, когда я издавал мою книгу, мне казалось, что я ради одной истины издаю ее, а когда прошло несколько времени после издания, мне стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Разве не может случиться того и с вами? Разве и вы не человек? Как вы можете сказать, что ваш нынешний взгляд непогрешителен и верен или что вы не измените его никогда, тогда как, идя по той же дороге исследований, вы можете найти новые стороны, дотоле вами не замеченные, вследствие чего и самый взгляд уже не будет совершенно тот и что казалось прежде *целым,* окажется только частью целого. Нет, Константин Сергеевич, есть дух обольщенья, дух-искуситель, который не дремлет и который так же хлопочет и около вас, как около меня, и увы! чаще всего бывает он возле нас в то время, когда думаем, что он далеко, что мы освободились от него и от лжи и что сама истина говорит нашими устами. Вот какие мысли пришли мне в то время, когда я читал приговор ваш книге, на которую до сих пор я не имею духу взглянуть. Скажу вам также, что мне становится теперь страшно всякий раз, когда слышу человека, возвещающего слишком утвердительно свой вывод, как непреложную, непогрешительную истину. Мне кажется, лучше говорить с меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательств.*

Драму вашу я прочту со вниманием и даю вам слово не скрыть своего мнения. Она тем более для меня интересна, что, вероятно, в ней я отыщу яснейшее изложение всего того, о чем вы говорите в письме вашем несколько неопределенно и неясно. Прощайте, Константин Сергеевич! Бог вам в помощь! Когда-нибудь переговорим о многом лично, и это, вероятно, будет лучше всяких письменных рассуждений. Покуда не сердитесь на критики в журналах и не называйте их также следствиями вражды, зависти и тому подобного. Во всякой из них может быть та частица правды, которая только сначала колет в глаза, но если прочтешь несколько раз, она будет целительна и полезна.

Искренне желающий вам добра и любящий вас

Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Константину Сергеевичу.

1487. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

21 мая <1848. Москва>.

Здравствуйте, здравствуйте на святой Руси, мой любезный друг Николай Васильевич! Давно должны были написаться эти строки, но... все человеческие предположенья — прах и суета! Не написал 4 мая, отложил до 7-го, а 6-го я захворал... Теперь оправляюсь понемногу. Но должно все рассказать подробно и по порядку, а для этого нужна чужая рука.

В самых последних числах апреля приехал ко мне рано поутру Щепкин и сказал, что вы в Одессе. Я так обрадовался, что ту же минуту хотел писать к вам, хотя решился было бросить письменные разговоры и ожидать личного свидания; но я уже был готов к отъезду в деревню (куда давно манила меня ранняя весна) и остался только до 2 мая, потому что 1-го был день рожденья Хомякова. 2-го я переехал в деревню с Константином и Любенькой, остальная семья должна была переехать через неделю. Хотел было писать 4-го или 5 мая, но отложил до 9-го, чтоб тут же и поздравить вас со днем Ангела; но 6 мая сделалась такая жаркая, летняя погода, что я забыл числа и подумал, что это июнь или июль, оделся полегче, посидел с удочкой на пруду подольше и тот же вечер получил воспаление в правой стороне груди и нижней части печени. Болезнь, как водится, сопровождалась сильной лихорадкой и кровохарканьем. Можете себе представить положение бедных моих детей! На Константина до сих пор еще страшно смотреть. По счастию, у Троицы (в двенадцати верстах от моей деревни) есть очень порядочный лекарь, которого мы выписали и который мне очень скоро помог. Нельзя было скрыть моей болезни от остальной моей семьи, и потому все, перепуганные, прискакали ко мне[1]. Как нарочно, на другой день их приезда, 12 мая, получил я рецидив воспаления ужо в одной печени, но со всеми прежними явлениями. Тот же лекарь помог мне опять, и через несколько дней усадили меня в карету и благополучно перевезли в Москву, где я поправлялся очень быстро до вчерашнего дня; с вчерашнего же утра я постоянно чувствую шум в голове и какую-то нервическую слабость, которая мешает мне даже диктовать письмо. Но все это, я надеюсь, скоро пройдет, и с наступлением настоящей летней погоды мы переедем уже все в нашу прекрасную деревеньку. Именинник мой с матерью

[1] Они привезли мне ваше милое письмецо, которое мне было целебно. — *Примеч. С. Т. Аксакова.*

у обедни. Успеют ли они сегодня написать к вам — не знаю; но сам уже откладывать не хочу.

На днях вы получите драму Константина. Прочтите ее на досуге, сбросив с себя все чужие понятия, усвоенные всеми нами с младенчества. Вдумайтесь глубоко в старую русскую жизнь и произнесите суд нелицеприятный. Погодин облаял ее, как взбесившаяся собака. Давно затаенная злоба на Константина (в которой он и сам много виноват) наконец выбилась ключом бешеной слюны и помрачила даже его рассудок...

Прощайте, друг мой. Обнимаю вас крепко. Будьте здоровы, освежитесь и укрепитесь родным воздухом и приезжайте к нам. Пишите в Сергиевский посад, Московской губернии.

Ваш душою С. Аксаков.

1488. С. Т. Аксакову

Июня 8 <1848>. Василевка.

Как вы меня обрадовали вашими строчками, добрый друг Сергей Тимофеевич! Но меня печалит, что вы так часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. Не позабывайте ни на час, что ваша натура, нервически-пылкая, склонна[1] более других к простудам. Теперь вечера очень опасны. Именно оттого, что дни невыносимо жарки и в воздухе засухи. Имейте всегда кого-нибудь при себе с плащом, который бы мог набросить его на вас в ту же минуту, как только станет холодеть. Теперь тысячами вокруг болеют и мрут. В Полтавской губернии свирепствует холера почти повсеместно, и в самой Полтаве. Бог да хранит вас! Драмы Константина Сергеевича я еще не имею; сегодня, однако, пришло объявленье о посылке на рубль с половиной серебром. Вероятно, это она. Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться вопрос[2], решеньем которого я серьезно теперь занят, не менее самого Конст<антина> Сергеевича. Поблагодарите Ольгу Семеновну и милых дочерей ваших за то, что они не позабывали матушку и сестер.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

[1] склонная
[2] тот вопрос

1489. П. А. Плетневу

Июня 8 <1848>. Д<еревня> Василевка.

Жаль векселя, но так как в нынешнее время всем приходится нести потери и утраты имуществ, то почему ж не понести и мне. Разменяй 3-й билет[1] в 571 р<убль> и пришли сюда, в Полтаву. Уведоми меня, поступил ли в число означенных тобою[2] четырех билетов тот вексель, который был послан мне Прокоповичем и препровожден, много год тому назад, ко мне. В это время пролетело столько событий всякого рода как мимо меня, так и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядок дел моих[3]. У тебя же все это, по обыкновенью, в порядке, с означеньем, без сомненья, месяцев и дней, в какие что было ко мне отправлено. Если когда-нибудь в свободное время не побрезгаешь сделать об этом записочку (ее же выйдет пять-шесть строчек всего), то меня весьма обяжешь. Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня[4], или я все еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд[5], составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время. Хоть что-нибудь вынести на свет и сохранить от этого всеобщего разрушенья — это уже есть подвиг всякого честного гражданина. Как мне скорбно, что бедная Смирнова так страдает! Передай ей это маленькое письмецо. Я слышал, что муж ее назначен губернатором в Москву. Правда ли это? Я пробуду здесь еще месяц[6]. Прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой Гоголь.

1490. А. О. Смирновой

<8 июня 1848. Васильевка>

Как мне грустно, что вы до сих пор еще так страждете, друг мой! Бодритесь и крепитесь духом или, лучше, сложите руки крестом и произносите: «Да будет воля Твоя, Господи!» Нервы — это такого рода болезнь, которая не оставит нас по тех пор, покуда весь не выболеешься и не наберется душа в этой болезни запасов

[1] вексель
[2] в число эт<их>
[3] позабывать все
[4] отнимает свежесть
[5] тот труд
[6] месяц, если не полтора

на всю остальную жизнь. Не попробуете ли вы моря? Оно одно помогает нервам. Известите,[1] сколько времени вы остаетесь еще в Петербурге. Я слышал, что Никол<ай> Миха<й>л<ови>ч назначен губернатором в Москву. Это бы хорошо[2]. Мы бы тогда всю зиму были вместе. Жуковский также. Прощайте, обнимаю вас. Меня еще Бог держит на свете, хотя вокруг повсюду холера и всякие болезни. Люди умирают толпами.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александре Осиповне Смирновой.

1491. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва <1848>, июня 3, вечер.

Вчера, благодарение Богу, имела утешение получить письмо ваше, мой друг возлюбленный, из деревни. Милосердный наш Отец видит, как благодарила и благодарю Его, что по Его благости вы свершили это путешествие; так легко успокоительно вспомнить, что вы исполнили этот обет, и за вас как всей душею радуюсь, видит Бог, Его и молю о вас, и от всего сердца благодарю за вас и Ему вручаю, и часто это повторяется в душе, вам преданной до гроба. Пишете, друг мой, достигли благополучно земной родины и достигнете ли Небесной. — Дай Бог, чтобы мы о сем всегда думали и готовились к этому спасительному бесконечному переходу. Предавшись сему, как должно Христианину, тогда все действия наши будут освящены религиею; следовательно, на пользу ближнего, а в сем заключается и собственное наше благо, когда мы дорожим спокойствием другого. О, как Милосерд Господь! Все нам дано, чтобы быть здесь истинно во всей простоте счастливым и не разлучаться с желанием остатки дней так провести, чтобы сподобиться блаженной вечности. Предавшись сему, как должно, легко жить при этом внутренном души устройстве, все близко. Господи, спаси нас! — Говорите, мой милый, мой возлюбленный и достойный друг, что вы были у Гроба Господня как будто затем, чтобы *там,* на месте, почувствовать холодность и протчее. — И за сие, мой друг, сердечно возблагодарите Бога и Отца, что вы там сие познали, и Кто вам открыл, Тот и поможет искоренить все, что мешает спасению, для которого мы здесь и существуем. Говорите, холодными устами повторяете молитву.

[1] *Далее начато:* или

[2] Это бы меня обрадовало

Не взирая на это, продолжайте молиться. Немудрено мо̀литься, когда сердце исполнено этого пламенного чувства и стремления к молитве. Тогда себя тешим, наслаждаясь этою неземною радостию. Но если лишены сего отрадного успокоительного чувства, а молиться все обязаны, долг того требует, и исполняя это с умилением и смирением Христианским, не искав ничего, кроме как покоряться вполне Его святой воле, все на пользу нашу устрояющей, и пребывать в глубоком смирении, ожидая, что Ему угодно. А Ему, Премилосердному, угодно спасти нас, лишь бы мы только не препятствовали. Простите, мой друг. Завтра кончу. Теперь поздно, пора отдохнуть. Обнимаю вас с любовию, с нею благословляю, с нею и до смерти вам душею чистою принадлежу. Христос с вами!

Июня 4.

Здравствуйте, мой милый друг! Возвратилась от ранней обедни, да благословение Божие пребудет над вами повсюду. Вижу, что вы душевно глубоко заняты насчет Сочинения вашего. Надеюсь, или, лучше сказать, уверена, что Бог вас в сем не оставит. Он видит ваше намерение чистое, что вы не славы своей, а пользы ближнего ищете, и, даст Бог, с Его Отцовскою помощию успеете в сем благом намерении, Им же данном, ибо мы сами по себе без Господа ни сделать, ни даже подумать ничего порядочно не можем, а с Ним все возможно. О, как Милосерд Господь! Сам наставит на доброе и Сам за это воздаст, да поможет Он нам глубоко чувствовать беспрерывное Его о нас Отцовское попечение и благоговеть пред Его святыми велениями. — Молю Господа, да благословит Он труд ваш, и наставит и поможет изложить, как лучше для блага ближнего. Уверена, что вы не возьметесь за перо, не помолясь прежде и не испрося благословения Божия, а с Ним трудитесь, и Христос с вами. — Я здесь на несколько дней, приезжала к сороковому дню на поминовение одной знакомой и близкой мне по душе своими скорбями. Я в 22 года нашего знакомства не видала для нее ни одного часу радостного, а горе кругом ее облегло так, что никогда не прояснялось что-нибудь похожее на радость. А со всем тем жаль ее и очень жаль, зная ее сострадание и благотворительность, с какою любовию спешила на помощь нуждающим<ся>, охотно делила их горе, которым сама была так богата, как никто. Вы, может быть, в «Московских Ведомостях» читали сочинение Погодина, кажется, 27 апреля, на смерть Катерины Федоровны Муравьевой. Дай Бог ей Царствие Небесное, а нам память смертную, чтобы думать о вечности

и для нее жить. Боже, милостив нам буди! Ты нас не оставь, наставь и помоги творить Твою святую волю! Тогда свободно вздохнем к Тому, где все внятно, что от простоты сердца скажешь. — Милосерд Господь. — О себе что сказать. Если здоровьем слабее, но помню и чувствую Его Милосердие, что для 72-х лет, слава Богу, что и так-то существую. — Прощайте, мой возлюбленный Николай Васильевич, обнимаю вас с любовию, с нею благословляю и до смерти с неизменяемым дружеством вам принадлежу.

Христос с вами!

Прошу матушку и сестриц поблагодарить за память. Понимаю Марьи Ивановны более нежели радость, когда вас увидела и обняла. Слава Богу, и благодарю Премилосердного, сохранившего вас и возвратившего на родину благополучно. — И передать не умею, как глубоко сему радуюсь и благодарю Господа.

Христос с вами!

Когда о мне вспомнится, и захочете порадовать человека, вас любящего и душевно уважающего, адрес все тот же: *в Рузу* Московской губернии.

1492. Графине А. М. Виельгорской

Черновой набросок

<Июнь (до 15-го числа) 1848. Васильевка>

Где вы и что с вами, моя добрая Анна Михайловна? Напишите мне несколько строчек о себе, о графине Л<уизе> К<арловне>, о графе Мих<аиле> Юрьевиче и обо всем, что касается всех вас от мала до велика. Я еще существую и кое-как держусь на свете. Уцелею ли дальше среди множества вокруг меня болеющих и умирающих от холеры и всяких смертоносных недугов — это, разумеется, зависит от воли Бога. Но если я не смущусь ничем и пребуду тверд среди явлений возмущающих и, не упавши духом, буду в силах, посреди потрясающей бестолковщины времени, удержаться[1] на своем мирном поприще литературном и быть певцом мира и тишины посреди брани, то это будет истинное чудо,[2] милость Божья, которой и надеяться не смею, но о которой просить все-таки хочется.

[1] соверш<ить>

[2] *Далее начато:* И я бы

1493. Графине А. М. Виельгорской

Полтава. 1848. Июнь 15.

Уведомьте меня несколькими строчками как о себе, так и <о> всем близком сердцу моему вашем семействе, добрейшая моя Анна Миха<й>ловна! Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидать и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства. А покуда, пожалуста, не позабывайте бедную Александру Осиповну, которая, как я вижу из маленького письма ее, страдает тяжело и томительно. Не позабывайте навещать ее как можно почаще, просите также Мих<аила> и Матвея Юрьевича[1] навещать ее. Софья Миха<й>ловна, верно (если она только в Петербурге), бывает у нее[2]. Уведомьте также о здоровье Государя и Государыни и часто ли вы их видите. Я почти не имею ниоткуда никаких известий и, несмотря на то, что живу теперь в России, знаю и слышу меньше о России, чем сколько слышал[3] о ней, бывши за границей. Летом, как известно, у нас все томится от жару и ни о чем никому не пишет. Адресуйте в Полтаву, около[4] которой невдалеке находится деревенька моей матери, где я на время приостановился. Письмо ваше я еще успею получить до отъезда моего в Москву. Прощайте, добрая Анна Миха<й>ловна. Поцелуйте за меня ручки вашей маминьк<и> и обнимите всех, начиная с Миха<и>ла Юрьевича. Как мне жаль будет, если[5] Софья Михайловна уедет в деревню и я ее не застану в Петербурге.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1494. В. А. Жуковскому

Полтава. Июнь 15. 1848.

Твое милое письмецо, посланное из Франкфурта в Полтаву, получил. Большое же, напечатанное в «Москвитянине», прочел еще в Одессе, на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень дельно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было

[1] графиню маминьку вашу
[2] бывает у ней часто
[3] знал
[4] возле
[5] если я не за<стану>

сказано о долге писателя. Никогда еще, может быть, не было так нужно сказать это, как в нынешнее время. Я покуда, слава Богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимался сурьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающие<ся> вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится Бог. Что мы можем выдумать теперь, для нашего земного благосостояния или обеспечения себя или обеспечения близких нам, когда все неверно и непрочно и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для <чего> нам даны Богом силы и способности и в истине чего залогом служат те сладкие минуты[1], которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влиянье слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безустанно песнь даже и в ту минуту, когда бы валился мир и все земное разрушалось. Умереть с песнью на устах — едва ли не таков же неотразимый долг[2] для поэта, как для воина умереть с оружьем в руках. Еще с полмесяца я пробуду здесь, потом еду в Москву, из Москвы съезжу на месяц в Петербург, чтобы взглянуть на многое собственным глазом. По дороге зацеплю некоторые места и даже, может быть, сворочу несколько с дороги вовнутрь Руси, чтобы освежить свою память и все-таки набраться кое-каких нужных материалов. О дальнейшем извещу. Письма адресуй мне всегда в Москву, на имя Шевырева. Обнимаю тебя крепко, крепко, обнимаю также и всех вас, от мала до велика.

Весь твой Н. Гоголь.

1495. С. П. Шевыреву

Д<еревня> Василевка. Июня 15. <1848>

Благодарю тебя за милое письмецо (от 17 мая). Вот уже месяц, как я на родине, где кажется мне покуда несколько пусто, хотя сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Вокруг засухи и холера. В будущем[3] голод и та же

[1] уверяют нас сладкие минуты
[2] едва ли не такая необходимость
[3] предстоит

повсюдная[1] бестолковщина. Если Бог не вмешается наконец Сам в дело, люди погибнут от собственной глупости. Глупость делает в последнее время успехи неимоверные, и кто кого глупее — это теперь неразрешаемая задача[2]. Чрез месяц или с небольшим, если Бог даст, надеюсь быть с тобой. Ты, однако же, отзовись на это письмо и извести меня, где ты и как тебя найти. От Сергея Тим<офеевича> я получил письмо, очень доброе и радушное. Если увидишь его, скажи, что я ему отвечал, адресуя, по его же указанию, в Сергиевский посад. Я получил письмо и от Конст<антина> Серг<еевича>, более юношеское, нежели когда-либо прежде. Драму его я пробежал, но так бегло, что, без сомненья, еще не могу дать никакого решительного своего сужденья. Покуда разве вот вопрос: отчего же она пробежалась бегло и не заставила втянуться в себя? И еще вопрос: отчего исторические драмы наши кажутся бледней и односторонней истории?

Прохладно ли сколько-нибудь в Сокольниках? Здесь такие жары повсюду, что не находишь места, куды укрыться. Я не помню в Италии такой томительной духоты даже во время широкко.

Передай поклон мой Чертковой, если она еще в Москве. Щепкина обними и скажи, что нетерпеливо желаю его видеть. Затем обними себя и всю дорогую семью, начиная с Софьи Борисовны и оканчивая лицом, может быть, мне неизвестным, если только Бог его тебе дал.

Весь твой Н. Г<оголь>.

1496. С. П. Шевыреву

<18–20 июня 1848. Васильевка>

В письме моем к тебе, отправленном назад тому три дни, я позабыл присовокупить маленькую просьбу, а именно: отыскать Маргарит<у> Алекс<андровну> Базили и отослать ей при сем приложенное письмецо. Она остановилась в Москве у родных своих, князей Ипсиланти. Я не знаю, в собственном ли доме живут князья Ипсиланти или в нанятом. Я думаю, ты найдешь пути разведать.[3] Они часто бывают у Строгановых (граф<а> Серге<я>) и, кажется, знакомы с Чертковыми.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Г<оголь>.

[1] политическая

[2] делается задачей, самой трудной для разрешен<ия>

[3] *Далее начато:* В доме графа Серг<ея> Строганов<а>

1497. М. А. Базили

Д<еревня> Васильевка. 1848, июнь 20.

Где вы и что с вами, уведомьте меня хотя двумя словечками о себе, добрейшая моя Маргарита Александровна. Мне грустно не иметь никаких известий ни о вас, ни о близком моему сердцу вашем супруге. Мне бы не хотелось не повидаться с вами обоими хотя на несколько минут прежде вашего отъезда. Не поленитесь прислать мне маршрут ваш, если он только уже вам известен. В конце июля или начале августа я буду в Москве. Рад буду очень, если вас еще застану. Здоровье мое хотя и не в таком благодатном состоянии, как было в Иерусалиме, Байруте и в дороге с вами, но, благодаря Бога, все еще кое-как держится.

Адресуйте мне в Полтаву.

Весь ваш Н. Гоголь.

1498. Н. Я. Прокоповичу

Д<еревня> Василевка. 1848. Июнь 20.

Уведоми меня хотя двумя словечками о себе, жив ли ты, здоров, и как идет твое бытье. Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву.[1] В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург. Я, слава Богу, кое-как еще держусь на свете, несмотря на болезни и холеры вокруг, хотя и не так свеж и бодр, как во время путешествия по Востоку и даже во время дороги в Россию. О прочем всем переговорим лично.[2] В письме не знаешь, с которого конца начать. Передай мой задушевный поклон супруге и погладь по головке деток. Жду отклика нетерпеливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба: подпишись за меня на журнал Башуцкого «Иллюстрация» за текущий 1848 год с пересылкою[3] в Полтаву, на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые[4] номера, вышедшие доселе, от 1-го генваря до сего месяца, чтобы высланы были все рядом, а прочие исправно всякую неделю.

Мой адрес: в Полтаву.

[1] *Далее начато:* А там

[2] *Далее было:* если доставит силу Бог попасть здоровым в Петербург

[3] с тем, чтобы он

[4] Первые же

1499. М. А. Базили — Н. В. Гоголю

Москва, 14 июня, 1848 г.

Давно хочу писать к вам, Николай Васильевич, но мне как-то трудно приниматься за письмо — к Гоголю, я все давно по-русски не писала. Есть и другая причина. Я была занята, но занята очень, очень приятно; читала «Выбранные места из переписки с друзьями»! Тронутая до слез «Завещанием», наполненным чувствами истинного христианина, тронутая до слез прекрасными страницами о «Старосветских Помещиках», я возрадовалась, видя, что есть еще на свете человек, употребляющий данный ему Богом великий талант к приведению на добрый путь молодых соотечественников. Извините! знаю, что вы не любите, чтобы вам говорили о ваших сочинениях, но и вы меня знаете: я говорю, что придет мне в голову — но всегда правду.

Муж мой все еще в Петербурге, занимается своею книгою, заставляет переписывать и проч. Не знаю сама, где нам придется жить: ожидаю письма; но могу дать приятное для вас известие, что Константина Михайловича приняли в Петербурге как нельзя лучше, и что, надеюсь, утрата здоровья и ревность его в пользу службы не останутся без награды.

Здесь ужасно свирепствует холера: гнев Божий напал на всю Европу. Смерть, угрожающая ежеминутно всякому, да наведет москвитян на благую дорогу. А, кажется, христиане, ходят в церковь и постятся!

Еще скажу вам, что здесь очень холодно: 5 или 6 градусов утром, я же отвыкла от холода и непогоды.

1500. У. Г. Данилевская — Н. В. Гоголю

15 июня 1848 г.

Посылаю вам листок из письма моего дяди, который больше относится к вам, нежели ко мне, и на который я не могу отвечать, не спросивши у вас, что мне сказать ему.

У нас в Киеве так часто говорят о вас, что мне все кажется, что вы еще здесь, а вы так и забыли нас: до сих пор не известили о своем приезде, недобрый Николай Васильевич!

Холера в Киеве до сих пор не прекратилась, но уменьшается по милости Божией. Доктора утешают нас, что после вчерашнего проливного <дождя> она должна совсем уничтожиться. Дай Бог! Эта страшная гостья так было принялась за киевлян, что и самых храбрых перепугала. Александр и я заплатили дань

чему-то в роде холерины. Я и до сих пор не совсем здорова; не больше недели, как прекратила употребление минеральной воды. Время отъезда нашего в Одессу до сих пор неизвестно; доктор ничего не говорит положительного: один день то, другой день другое, так что не знаешь, что и делать. Мне кажется, что он так занят своей женитьбой, что перемешал все болезни своих пациентов, и говорит не по собственному убеждению, а так, что на ум взбредет.

Вы поспешили <бы> приехать в Киев, добрый Николай Васильевич! Если б вы были теперь у нас, то не страдали бы от жаров: всякую почти ночь идет дождь и днем прохладно, так что легко можно заниматься делом.

На днях в Киеве была интересная свадьба: невеста сорока пяти лет, жених — двадцати пяти. Свадьба эта так заняла все умы, что на время прекратила толки о холере.

Прощайте! Дай Бог, чтобы это письмо застало вас и всех ваших совершенно здоровыми.

Александр опять не мог писать вам: так занят экзаменами. Он обнимает вас. Передайте наш поклон вашей маменьке и сестрам.

Ольга часто вас вспоминает. Недавно кто-то ее спросил: «где Гого?» — «Нету Гого, а палька туто» — и пошла показывать вашу палку.

Не надоела ли я вам своей болтовней?.. Впрочем, я бы так скоро не писала к вам, если бы не письмо дяди.

1501. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

21 июня <1848. Абрамцево>.

Я получил письмо ваше, милый друг Николай Васильевич, от 8 июня и очень ему обрадовался. Благодарю вас за добрые советы: они совершенно справедливы, и я волею-неволею следую им постоянно. Вы знаете, сколько за мною блюстителей. Боюсь только, чтоб сохраненье меня от простуды не было доведено до излишества. С 8 июня мы живем в нашей прелестной деревеньке, и я вполне наслаждался бы природою, если б мы не были встревожены нездоровьем Веры: у ней сильное раздражение желудка и всей нервной системы. Когда мы уезжали из Москвы, там была сильная холера; но теперь, благодаря Бога, стала гораздо потише. У Троицы и кругом около нас также есть эта болезнь, но в слабом виде, и, кажется, исчезает.

Вы не можете себе представить, с каким нетерпением стану ждать я каждую почту вашего письма *по прочтении* драмы. Если б я не был отцом сочинителя, то непременно напечатал бы об ней критическую статью. Эту статью вмещу я в письмо к вам и непременно пришлю ее. Завтра же начну писать и, каков бы ни был ваш суд, не переменю в ней ни одного слова.

Два года тому назад провел я зиму в деревне и, между прочим, написал книжку под названием: «Записки об уженье», которую к вам и посылаю. Она невелика, вы прочтете ее на досуге. Я писал ее с большим наслаждением. Воспоминание прошедшего освежало и оживляло меня. Если Бог исполнит мое желание и я проведу эту зиму в деревне, то начну писать другую книжку «об охоте с ружьем»: с двенадцатилетнего возраста до тридцатишестилетнего я был предан этой охоте страстно, безумно. Я уже написал «Прилет птицы весною» и думаю, что даже не охотник может прочесть с удовольствием этот отрывок. «Семейная хроника» пишется как-то вяло. Кажется, надобно переменить план: сократить подробности и не соблюдать строгой последовательности. Вот как много наболтал я вам о себе. Прощайте! Да сохранит вас Бог здрава и невредима. Обнимаю вас. Мое почтение вашей доброй матушке и сестрицам.

Душою ваш С. Аксаков.

Все мои вас обнимают. Костя вам кое-что посылает.

1502. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

<21 июня 1848. Абрамцево>

Любезнейший Николай Васильевич. Я получил ваш ответ на мое письмо. Я надеялся, что вы иначе его примете; но что делать? Слово ложь, кажется, вы тоже не так поняли; я именно писал: *ложь не в смысле ошибки и не в смысле обмана.* Жаль мне очень, если письмо это доставило вам неприятное ощущение, которое оно же не в силах было разогнать. Впрочем, появления на бумаге большею частию еще более затемняют, а потому я перестаю толковать о своем письме.

Вы пишете, что ждете нетерпеливо мою драму и надеетесь увидеть в ней мой взгляд на Русского человека, — то, что истина по моему мнению. Точно, в драме высказалось все это; но высказалось ли оно ясно и внятно — не знаю. Я не художник, и очень может быть, что драма моя неразборчиво написана, и потому признаюсь, не знаю, как она вам покажется, выступит ли перед

вами тайная мысль и дух драмы. В ней является великое событие, которое не кажется великим, которое совершается безо всяких эффектов, безо всяких героических прикрас; но в том-то вся и сила. Эта *простота,* о которой может быть ни один народ мира не имеет понятия, и есть свойство Русского народа. Все просто, все кажется даже меньше, чем оно есть. Невидность — это тоже свойство Русского духа. Великой подвиг совершается невидно. О, кто поймет величие этой простоты, перед тем поблекнут все подвиги света. А кто не поймет ее, будет говорить: помилуйте, да что в Русской истории, что в Русском человеке? Для таких людей всего лучше указать не на нравственную силу, которая выше всего, а на географическую карту, где, увидав огромное пространство, они невольно задумаются, не догадываясь, что это только еще самая плохая сторона силы, живущей в духе, силы внутренней. Так понимаю я события междуцарствия, так понимаю Русского человека и Русской народ. Эти слова еще далеко не исчерпывают моей мысли; это только еще одна сторона, но сторона, по-моему, неотъемлемая. Если б я хотел высказывать в драме свою мысль, как теорию, то я бы был неправ; но это не теория, это так есть, сколько я могу понимать. В подтверждение могу сказать, что сперва меня это огорчало, — эта безэффектность, и что только после увидал я все ее величие. В Русской истории нет ни одной фразы — все чистое беспримесное дело, до Петра, разумеется; но с него я нашу историю не называю Русскою. Русской народ участвовал в ней рекрутами и деньгами. Долго думал я о власти картинки над человеком. Запад всего больше это чувствует: он весь состоит из картинок; ко всякому своему делу он непременно приделает виньетку, а иногда из виньетки затевает и совершает самое дело. Пока был он молод, он был и красив, хотя всегда ложен в своих позах; но теперь он до того уж изолгался, что нуждается во всяких раздражительных средствах, чтобы придать себе энергии; энергии нет, убеждения нет, а на одних картинках без этого уж недалеко уедешь. И противен теперь Запад, мутящийся без всякого даже увлечения.

Посылаю вам небольшую статью, в которой высказываю свои основные гражданские убеждения, написанную месяц с лишком. Скажите ваше мнение. Прощайте, любезнейший Ник<олай> Вас<ильевич>. Когда вы в Москву? Обнимаю вас, ваш Константин Аксаков.

У меня много лежит в портфеле, но цензура ужасно строга.

1503. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

21 июня, 1848. Спасская мыза близ С.-Петербурга.

Дело наше касательно просроченного векселя твоего, кажется может еще поправиться. Отправив к тебе письмо в Васил<ь>евку, я при встрече с кн. П. А. Вяземским рассказал ему о твоей потере денег. Князь, будучи хорошо знаком, да и служа по одному министерству с бароном Штиглицем, вызвался переговорить с ним об этом деле. Между тем я переехал на дачу. Там получил я уведомление от князя, что Штиглиц согласился, снесшись наперед с тем домом в Париже, который обанкротился, выплатить тебе деньги по векселю. Через несколько недель князь Вяземский написал мне, что из Парижа Штиглицем уже получен отзыв, для тебя благоприятный, и чтобы я предоставил в контору Штиглица как вексель, так и доверенность от тебя на получение.

В это время у меня сперва была лихорадка, а после край наш постигнут был общим неблагополучием, т. е. холерою; итак мне совсем невозможно было съездить с дачи в город. Я, однако же, из предосторожности уведомил Штиглица письменно, что, во 1-х, по болезни своей, а во 2-х, по неимению формальной от тебя доверенности не могу теперь же явиться за деньгами, и прошу известить меня письменно, не повредит ли это невольное замедление мое рассчету. Он меня немедленно успокоил.

Теперь я прошу тебя составить обыкновенную с засвидетельствованием руки твоей доверенность на получение от Штиглица денег и прислать ее мне.

Но, как я, до ослабления свирепости заразы, все в городе быть не могу, то и прошу тебя изменить свой план касательно отъезда в Москву и получения от меня денег по ломбардному билету. Так как в Москве и в Петербурге холера, то ты живи до сентября в Васильевке. На небольшие твои там нужды я могу заимообразно уделить тебе из остающихся при мне собственных денег *рублей полтораста серебром.* Только и об этом ты должен уведомить меня, означив адрес, куда их отправить. В сентябре же, Бог даст, все рассчеты кончим. Напрасно воображаешь ты, будто я все записываю, что когда посылаю тебе. Моя аккуратность ограничивается немедленным исполнением налагаемых на меня поручений, а больше уж ничего я не делаю. Однако я думаю наверное, что первый из твоих ломбардных билетов тот самый и есть, о котором ты спрашиваешь (Прокоповичев). Прочие не что иное, как твой пенсион.

О назначении Смирнова в Москву здесь и слуху не было.

Пиши на мое имя в городскую квартиру.

1504. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<25 июня (н. ст.) 1848. Рим>

Добрый наш Ф. В. Чижов хочет написать рассуждение об иконной и исторической живописи, <но> говорит, что ему недостает для этого начитанности, которую на себя берут духовные лица. Я его утвердил в чувствованиях, сказав, что явление этой книги будет совершенно согласно с требованием нашего времени. Желательно бы, однако ж, мне было знать ваше мнение, в рассуждении того, может ли описание предшествовать факту? Может ли литератор действовать тут прежде художника и достаточно ли слово сего последнего, не подтвержденное его практическим делом? Мне, наконец, кажется, что прежде, чем представительный живописец не решит это опытом, представив, хотя в малых видах, икону и историческую картину, нельзя литератору говорить об этом верно и смело, хотя бы даже и пользовался он давнею и справедливою верою публики вследствие своего таланта, проникающего другие предметы. — Очень, очень одолжите, если ответите мне именно на эти строки.

Радуюсь, что вы совершили благополучно путешествие к Св. Гробу. Чем-то вы нас подарите? Ведь от вас все ждут чудес. Я тоже думаю, что, может быть, в этой вашей будущей книге и художник из ничтожества и предмета *печатной* колкой насмешки вынесется в деятеля общественного образования, и — тогда мы с вами с миром изыдем, чтоб приготовить мир миру.

Глубоко вас почитающий Александр Иванов.

Рим Июня 25. 1848

Наступающий жар и усталость душевная высылают меня из Рима, но куда, я еще не решился. Если случится истинно отдохнуть и прийти опять в спокойствие и полные силы, то напишу к вам и подробнее и поотчетливее обо всем.[1]

1505. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

22 июня 1848. Киев.

Вчера только я получил твое письмо. Оно шло более недели. Мне было приятно, наконец, узнать, что ты прибыл в Васильевку благополучно.

[1] *На этом заканчивается текст письма, опубликованный в 1858 г. по утраченному беловому автографу. В черновой тетради А. А. Иванова есть еще одна фраза:* Вы все-таки адресуйте в кафе Греко.

С отъездом твоим в Киеве открылась холера и навела ужас на самых бесстрашных. Некоторые из круга наших знакомых или известных нам мгновенно пали ее жертвой. Известия из Полтавской губернии далеко не утешительны: и там эта нестерпимая холера почти во всех уездах. Каково у вас? Намерение наше ехать теперь в Одессу не состоялось. Эпидемия везде: и по дороге, и в Одессе. Мы отправляемся в ваши места. Отъезд предположен 27-го или, что всего позже, 29-го нынешнего месяца. Итак, нет худа без добра: даст Бог — увидимся!

Благодарю тебя от души, что, писавши к Орлаю, ты не позабыл меня. Когда эти печальные обстоятельства изменятся, мы все-таки думаем ехать в Одессу. Отставка моя напечатана давно; о ней из министерства пришло письмо на этих днях. До сих пор не сдавал я своей должности; это довольно неприятная история.

1506. П. А. Плетневу

Д<еревня> Василевка. Июля 7. <1848>

Пишу к тебе больной, едва оправившийся от изнурительного поноса, который в три дни оставил от меня одну тень. Впрочем, это, слава Богу, еще не холера, а просто понос от нестерпимых[1] жаров, томительнее которых, я думаю, не бывает в самой Африке. Никакого освеженья даже по ночам. Холера везде вокруг, и, я думаю, еще никогда не была она так повсеместно и скоро разносима. Маленькую доверенность (в рассуждении того, что она на осьмушке) при сем прилагаю. Если по ней еще нельзя будет взять вдруг, то обяжешь меня, если вышлешь мне из своих[2], какие найдутся у тебя под рукой, хоть рублей 150 серебром. Я совсем на безденежьи. Вокруг — тоже ни у кого, начиная с моих родных, которым должен буду помочь. Голод грозит повсеместный. <Урожая> покуда еще нечего даже собирать. Все не выросло и выжглось так, что не жнут, а вырывают руками по колоскам. Надежда есть еще кое-какая на поздние хлеба, особен<но> на гречу, если перепадет несколько дождей и засуха не будет так жестока. Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени. Деньги посылай по такому же адресу, как и письма: в Полтаву. Пришли две тысячи асс<игнациями>, а остаток, в виде пятого билета, примкни к прежним четырем. Если ж тебе почему-либо удержать при себе не захочется или будет

[1] невы<носимых>

[2] хоть из своих

хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, в два приема или в один.

1507. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<3 июля 1848. Москва>

Я очень обрадовался письму твоему от 15-го июня. В след за тем получил другое с письмом к М. А. Базили, которого до сих пор не мог доставить по адресу или лучше без адреса. Строгоновы живут в Кунцове, а они единственный источник, тобою указанный. Помнится мне, у Ипсиланти была дача в Всесвятском, но и туда далеко. Постараюсь, однако, исполнить. Порасспрошу. Мы все с нетерпением тебя ожидаем. Ты можешь и должен, приехавши в Москву, прямо доехать в Дегтярном переулке, между Тверской и Дмитревкой, до дома С<офьи> Б<орисовны> Шевыревой и в нем остановиться и расположиться на все время пребывания нашего в Сокольниках. Весь дом к твоим услугам и с садом. Здесь мы живем тесно. Может быть, ты наймешь дачу возле нас. В конце августа мы переедем в Москву, тогда наша дача к твоим услугам, пожалуй, ибо мы наняли ее до нельзя[1]. Здесь у нас до сих пор прохладно. Жары были, но не долго и весьма сносные. Не знаем, что будет далее. Июль и август до половины бывают иногда душны. О болезни ты знаешь из газет. В Сокольниках, слава Богу, нет ее. Чертковы живут в своей подмосковной недалеко от Троицы. Щепкина не видал. Хомяков в деревне. Погодин под Девичьим. Рады, рады будем тебя все увидеть. Жена тебе душевно кланяется. Бориса ты знаешь. Но я еще представлю тебе Екатерину Степановну и Петра Степановича, а новое лицо еще и для нас неизвестно. Ожидает его в сентябре или к концу августа. Обнимаю тебя душевно, любезный друг.

Весь твой С. Шевырев.

Июля 3. 1848. Москва. Сокольники.

1508. С. Т. Аксакову

Июля 12 <1848>. Василевка.

И за письмо, и за книги благодарю вас, добрый Сергей Тимофеевич. Как ни слаб я после недуга, от которого еще не оправился как следует[2], но не могу отказать себе написать к вам несколько

[1] *Вместо:* до нельзя — *было:* до осени

[2] У меня был изнурительный понос, расслабивший меня до nec plus ultra (disenteria). — *Примеч. Н. В. Гоголя.*

строчек. Какое убийственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздух! Только три или четыре дни по приезде моем на родину я чувствовал себя хорошо. Потом беспрерывные расстройства в желудке, в нервах и в голове от этой адской духоты, томительнее которой нет под тропиками. Все переболело и болеет вокруг нас. Холера и все роды поносов не дают перевести дух. Тоска (еще более оттого, что никакое умственное занятие не идет в голову). Даже читать самого легкого чтенья не в силах. А потому не ждите от меня покуда никаких отчетов относительно впечатлений, произведенных присланными книгами. Я после напишу Константину Сергеевичу мое мнение о его драме. Статья его о современном споре мне понравилась, может быть, оттого, что во время чтенья голова моя была свежа и вниманья достало на небольшую статью. Ваш разбор драмы я бы желал нетерпеливо прочесть, хотя по кусочкам. Мне кажется, вы сделаете очень нелишнее дело, если займетесь <им>, тем более, что самый предмет, о котором пойдет речь, так важен для всех нас, что и сама драма и сам сочинитель могут остаться почти в стороне. В драме постигнуто[1] *высшее свойство* нашего народа — вот ее главное достоинство! Недостаток — что, кроме этого высшего свойства, народ не слышен другими своими сторонами, не имеет грешного тела нашего, бестелесен. Зачем Конст<антин> Серг<еевич> выбрал форму драмы? Зачем не написал прямо историю этого времени? Странное дело: когда я разворачива<ю> историю нашу, мне в ней видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди, и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие. Когда же я читаю извлеченную из нее нашу так называемую историческую драму, кругозор предо мно<ю> тесен, я вижу только те лица, которые выбрал сочинитель для доказанья любимой своей мысли. Полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой весенней свежести, я не слышу. Наместо действия я слышу словопрения, и мне кажется все бледно. Не распространяю этих слов на драму Константина Сергеевича. В ней вялости нет, язык свеж, речь жива. Но зачем, не бывши драматургом, писать драму? Как будто свойства драматурга можно приобресть! Как будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко ценить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество и ничто другое. Его ничем нельзя заменить. Без него история всегда останется выше всякого извлеченного из нее сочинения.

[1] что всего важнее, постигнуто

Может быть, все это, что я вам теперь говорю, есть плод нынешнего мутного состоянья моей головы, неспособной рассуждать отчетливо и ясно; может быть, в другой раз, когда прочту внимательней это сочинение, и притом в минуту более свежую, я выражусь иначе и лучше; но, мне кажется, я и тогда не соглашусь с Констант<ином> Сергеев<ичем>, будто драма есть художественное понимание истории в известную эпоху. Скорей разве можно сказать художественное *воспроизведенье* ее. Пониманья одного мало для драмы. Но обо всем этом потолкуем после. Сочиненье, во всяком случае, *немаловажно* и всегда останется замечательно тою высокою задачей, которую оно задало нам и над которою стоит всякому истинно русскому поразмыслить и порассудить сурьезно. Прощайте, добрейший Сергей Тимофеевич. Обнимаю вас крепко. Не знаю, когда с вами увижусь. Хотел было ехать теперь, несмотря на болезненную слабость, но узнал, что дилижансы из Харькова в Москву уничтожились. Заводить свой экипаж нет средств и скука. Попутчика покуда не отыскивается. Напишите мне слова два о Миха<и>ле Семеновиче, не будет ли он в Харькове? Он, кажется, имеет обыкновенье заглядывать туда в августе, около ярмарки. Как бы мне было приятно прокатиться с ним! Пишите.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Всем вашим дружеский поклон.

1509. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Павлино, 8-го июля 1848 г.

Наконец, вы в России, любезный Николай Васильевич! Как мы обрадовались этим известием! Теперь мы надеемся вас скоро увидеть здесь, в Павлине.

Довольны ли вы вашим путешествием, вашим здоровьем? Что вы мне не говорите словечко о вашем пребывании в Иерусалиме? Вы знаете, как это меня интересует. Впрочем, когда вы к нам приедете, мы успеем поговорить обо всем.

У нас, слава Богу, все шло хорошо до сих пор. Здесь, в Павлине, было только два случая холеры, и то еще их очень скоро могли преодолеть. В городе холера была очень сильна, как вы, верно, сами читали в газетах, но она теперь с каждым днем уменьшается. Доктора говорят, что ежели ход болезни пойдет естественным образом (это очень вероятно), то в конце нынешнего месяца уж почти не будет больше холеры в Петербурге.

Вся Царская фамилия в Петергофе, где было также несколько случаев холеры. Государь, слава Богу, здоров и Государыня очень поправилась. Папенька видит их каждую неделю, а мы были в Петергофе три или четыре раза. Нынешнее лето очень мало собраний при дворе. Государь не хочет, чтобы веселились, пока холера будет здесь свирепствовать.

Про Александру Осиповну ничего не могу сказать вам. Мы здесь на петергофской дороге, а она в Павловске. Впрочем, брат ее Аркадий часто сюда ездит и дает нам известия о сестре. Она все в том же положении: у нее нет другой болезни, кроме расстройства нерв. Наш доктор, к которому мы имеем большую доверенность, убежден, что она выздоровеет, но он ее не лечит.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! приезжайте к нам скорее: мы вас ожидаем с нетерпением и увидим с душевной радостью. Вы застанете здесь все семейство, за исключением Владимира, который в Симбирске, и брата, который в Берлине. До свидания.

А. В<иельгорская>.

1510. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

9 июля[1] 1848 г. Село Дубровно.

Все это время я было думал обнять тебя в Васильевке, но не так случилось.

Приехав в Лубны в воскресенье, мы располагали пуститься в Сорочинцы; но, узнав, что там холера во всем разгаре, направили лыжи в Дубровное.

Пишу тебе из этого пустынного уголка, который в насмешку, кажется мне, носит название, обещающее тень и прохладу; на деле же это степная деревенька, не лишенная, однако ж, особливо по мнению моей жены, своего рода прелести. Чистый воздух, поле с золотыми колосьями — для горожан это рай!

Но дело не в том. Каким бы образом нам с тобой увидеться? Я не могу оставить пока моего добровольного заточения... Жена, которая с приездом вздумала еще прихворнуть, красавица-дочь — все это существа, с которыми расставаться не легко, а особливо в такое смутное время; а путешествовать с ними, т. е. перевозить их — ох, весьма затруднительно! Остается одно — ты угадываешь — остается тебе приехать к нам. Ты — неутомимый путешественник и холостой, а я — домосед и семьянин. Сделай еще

[1] *В публикации ошибочно:* июня

маленькую жертву и поспеши навестить нас. Я после отплачу тебе и с семьей приеду к тебе в Васильевку. Дай только Бог, чтобы эта гнусная холера сколько-нибудь угомонилась.

Вот твой маршрут, если доброе твое сердце послушает твоего призыва: ты выезжаешь на ночь в Сорочинцы и кормишь с Березовой-Луки на Коновалы, да по Ромодану на Ветколовку (имения Устиновича), на Ортополошь и в Дубровное. От Березовой-Луки всего 25 верст. В один день из Сорочинец в Дубровное! Как ты думаешь? Ожидать ли тебя? У меня есть предчувствие, что и на сей раз ты не откажешь моему дружескому призыву.

Хоть у нас здесь и пустынно, и соседей мало, но в пяти верстах есть твой знакомый, князь Репнин, который теперь проживает в нашем соседстве в поместье своем Андреевке. Да притом же и Ромы от меня недалеко (всего 35 верст): может быть, захочешь навестить Редкина.

Я разделался, наконец, с Киевом. Казалось, нечего было жалеть, нечего терять, но, оставив его навсегда, откуда-то взялись и сожаление, и грусть, и мысль, буду ли я, Бог весть, в другом месте столько счастлив, как был счастлив в Киеве.

1511. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

16 июля <1848. Санкт-Петербург>.

Благодарю тебя, любезнейший Николай Васильевич, за твою память обо мне и за письмо твое, ни в какое другое время не может быть так интересно получить известия от друзей наших, как в настоящее, когда нельзя быть уверенным в жизни и того, с кем виделся вчера. Да, нас посетил страшный бич: по свидетельству медиков, эпидемия 31 года против нынешней была игрушкой как по количеству случаев, так и по злокачественности. Петербург, судя по официальным известиям, потерял от нее до 11 тысяч жителей, а она все еще продолжается, хотя и в несравненно меньшей степени. Что касается до нас, то мы все, со всеми чадами и домочадцами, пребываем по сию минуту благополучны и не тронуты никакими лихими болестями. Из общих знакомых наших тоже, кажется, никто не отправился к отцам; только один Белинский, что, вероятно, ты уже знаешь, умер, но еще прежде холеры от продолжительной чахотки.

Базили здесь, и я иногда с ним вижусь, он сетует на тебя за забвение его, и я тоже на тебя в претензии за то, что ты ни словечка не упоминаешь мне о Данилевском, с которым ты, верно,

виделся и который, Господь его знает за что, наказывает меня нескольколетним молчанием, так что я только от Базили узнал о его существовании и женитьбе. Поклонись же ему от меня, да и супруге его, если увидишь их. Я должен у тебя просить извинения: ты поручаешь мне подписаться на «Иллюстрацию», и я с удовольствием исполнил бы твое поручение, но нахожусь в таких стесненных обстоятельствах, что, право, не могу: денег у меня и всегда бывает немного, а теперь лето и холера, лишив меня всех частных занятий, довела до того, что я должен рассчитывать всякую копейку, если не хочу заставлять поститься семейство мое; в таких грустных обстоятельствах, признаюсь тебе, я еще никогда не находился. Прими же мои уверения, что только одни они не позволяют мне оказать тебе эту ничтожную услугу.

Будь здоров и счастлив, и да хранит тебя небо от всяких невзгод! Уведоми меня до личного нашего свидания хотя строчкой о себе и Данилевском. Письмо твое дошло до меня очень поздно; причиною то, что ты не написал на нем: в *9 линию,* и оно валялось у почтальона, пока другое письмо на имя мое не показало дороги ему.

Жена и дети все тебе кланяются и с нетерпением ждут тебя. Приезжай, авось судьба и пощадит нас, как щадила до сих пор.

Весь твой Прокопович.

1512. С. П. Шевыреву

26 июля <1848>. Ва<сильевка>.

Отвечаю тебе на твое письмецо слабый, едва оправившийся от изнурительной болезни. Сил у меня так немного, что всякая болезнь для меня изнурительна и оставляет надолго след. Понос и рвота, продолжавшиеся дня три или четыре, которые для другого были бы ничего, для меня важная вещь. Три недели уже прошло, а я все еще слаб. Время стоит здесь невыносимо знойное. Дождей ни капли. Жары удушают и несут болезни. Солнце и палящие ветры сожгли землю и весь хлеб. Никто не запомнит такого времени. В Москву не думаю, что выберусь раньше половины августа, тем более, что теперь прекратилось заведение дилижансов (от Харькова до Москвы), и я не знаю еще, как доберусь. Покупать экипаж затем, чтобы потом бросить и ехать одному, для меня неудобно и дорого. Попутчика покуда никого нет. Приехавши в Москву, я заеду прямо в Дегтярный переулок и, если тебя там еще не будет, то зарасположусь там денька на четыре, если же ты уже переедешь,

то отправлюсь к Погодину под Девичий, хотя это будет и далеко от всяких пунктов. Впрочем, теперь останусь я в Москве не более, как неделю. На месяц или на три недели нужно будет съездить в Петербург затем, чтобы после этого подольше пробыть с вами. Найди средство отдать при сем прилагаемое письмо Базили. Я думаю, он уже приехал из Петерб<урга> и, может быть, с тобою увиделся. Человек этот очень замечательн<ый> и умный и знает Восток в политическом, религиозном и всяком отношении, как никто. Если его еще нет в Москве, письмо отправь к жене его тем же путем, если только ты нашел его. Ожидая с нетерпением того благодатного времени, когда мы наговоримся наконец о всем, что близко душе, обнимаю тебя крепко и прошу за меня обнять всю семью свою.

Твой Г<оголь>.

1513. К. М. Базили

Июля 26 <1848>, Васильевка.

Как жаль, что я хорошенько не расспросил у тебя при расставаньи нашем, как к тебе адресовать. Пишу через Шевырева, авось ты с ним увидишься или с кем-нибудь из знакомых ему, и через них он доберется до тебя и вручит тебе эти строки. Я писал уже этим путем, то есть через Шевырева, к Маргарите Александровне; не знаю, получила ли она или нет. А между тем я получил от нее весьма доброе письмецо, за которое прошу тебя поблагодарить от меня много и много. Она меня порадовала известием, что твои дела, слава Богу, идут хорошо, хотя я не знаю, как именно. Пожалуйста, уведоми двумя словами о том, каким образом все устроилось и какой возымело оборот, а вследствие того и какой ныне твой маршрут. Мне бы очень хотелось с тобой повидаться еще раз прежде твоего отъезда. Я противу чаяния прожил в деревне гораздо более, чем думал: холера и всякие болезни вокруг, а наконец и моя собственная болезнь, от которой в силу доселе мог оправиться, задержали мой отъезд. В половине августа думаю, однако ж, подняться в Москву; авось даст Бог в ней увидаться. Прощай! Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно.

Твой Н. Г<оголь>.

Маргарите Александровне душевный и братский поклон.

1514. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

19 июля. 1848. Спасская мыза близ С.-Петербурга.

Вчера, в воскресенье, получил я письмо твое от 7 июля из Васильевки, а сегодня отправляю к тебе деньги. Извини, что не мог у себя набрать пока более 150 руб<лей> сер<еребром>. Холера застала меня на даче врасплох, так что я, не запасшись множеством необходимых вещей (а в том числе и деньгами), перебиваюсь кое-как до прекращения болезни в городе. При ней ни за что не хочу ехать туда, потому что, сидя на даче с 27 мая, совсем отвык от городского воздуха, и он подействовал бы на меня губительнее, нежели на такого человека, который свыкся с ним. Теперь у нас холера очень ослабела, но тут-то и нужна осторожность, чтобы не сделаться смешным в глазах порядочных людей, как умрешь в такую льготную пору.

Я остаюсь при моем прежнем мнении, что тебе лучше и благоразумнее до начала октября, или хоть до половины сентября, просидеть в Васильевке. Жары скоро пройдут. Пустынножительство для тебя прямо роскошь. Да теперь же ни души из приятелей своих не найдешь ты ни в Москве, ни в Петербурге: все от страху разъехались по деревням.

Старайся только воздерживаться от фруктов, от молочных, мучных и зеленных кушаньев. Ешь цыплят, кур да всевозможные каши.

Между тем не оставляй меня без уведомления обо всем, что касается до тебя, что будет нужно и проч.

Обнимаю тебя.

П. Плетнев.

1515. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

22 июля 1848 г. Дубровно.

Бога ради, где ты и что с тобою делается? Приехавши в нашу деревню, я писал к тебе по почте и просил приехать ко мне, поелику жена моя была в это время нездорова, и я уже не мог ни взять ее с собой, чтобы навестить тебя, ни оставить дома. Вот уже недели две прошло с тех пор, как странствует мое письмо, — и ни тебя, ни ответа! Шлю нарочного осведомиться, в Малороссии ли ты, или уехал в Москву, не простясь с нами. Напиши, как нам свидеться. Жена моя начала понемногу поправляться, а потому мы можем пуститься в путь в Васильевку, если только у вас все благополучно.

В Сорочинцах и Семереньках холера страшно свирепствовала, но теперь прекращается и, может быть, в эту минуту и вовсе прекратилась.

Каково у вас? все ли здоровы? Если ты захочешь прежде навестить меня, то податель сего проводит тебя до самого крыльца нашей избушки. Было бы это хорошо!.. А отсюда вместе поедем в ваши места. Делай как хочешь, только бы нам поскорее увидеться.

1516. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Черновые наброски

<Лето 1848. Неаполь>

<1>

Вполне уверен, что вы не подчинили последнее письмо мое только одной той минуты чувства, в которую его прочитали, но, рассмотрев вашу собственную неправоту, совершенно согласились, что прежде всего нужно уважить глубоко предмет тот, с которым желаешь сообщиться, не из собственных личных выгод, но единственно к пользе и совершенствованию общества, которому мы все, специальные люди, должны поочередно служить.

Сколько я ни рассматривал и мое положение, и положение моих братий по искусству, все выходит на то, чтобы еще год прилежно проработать мою картину и в это время еще более всмотреться и в мое, и их положение. Сделаем взгляд на прошедшие 9-ть месяцев, чтобы видеть яснее и настоящее и будущее.[1] Напомнив себе Миланом и Флоренцией важнейшее время школы итальянской и ободренный дух мой долгим пребыванием в самом почтенном семействе, я был тогда в состоянии подымать величайшие тернии соприкасающихся мерзостей жизни, все выносилось, — видя вдали самый счастливой результат. Но тайная рука, ведущая[2] сквозь бездны и груды трудов моих к будущему счастию, не могла предвидеть, что частые беспокойства в часы отдыха наконец могут ослабить силы, в половине[3] марта я это почувствовал, но прошедшие сильные удары уменьшили[4] твердость на пути моем...

[1] *Далее начато:* Приехав из Севера

[2] меня

[3] поста

[4] силу

<2>

Спешу к вам писать не потому, что чувствую уже в себе созрелым весь план миссии отечественных искусств, но потому, что предчувствую, что спокойнее этих дней купанья моего в Неаполе у меня не будет, — что новые тревоги, новые гвозди для распятия уже готовятся. В часы страданий лучше не говорить и не писать, чтобы <не> поставить себя ниже того, чем я в самом деле есть, чтобы не подать людям повод к новым ложным заключениям, к которым столь способно настоящее человечество, растерявшее по разным причинам на пути своей жизни все лучшие свои чувства. Без дальних умствований скажу вам, что выше вашей особы я никого не знаю, что привык вас любить и уважать с самого начала вашего <так> знакомства, — что быть с вами вместе составило бы истинное мое счастие, но что теперь у меня слишком мало времени, чтобы доказать систематически и законно ваше значение и соприкосновение к отечественным искусствам. — И покамест скажу то же, что однажды написал уже вам в моем письме: вы можете избавить нас от страданий, и в особенности меня; не принимайте это себе в обиду и верьте, что это непреложная истина, выносящаяся к вам из страдальческой души моей.

<3>

Не знаю, в каком расположении духа и при каких обстоятельствах застанет вас последнее письмо мое. Беспокоюсь только об одном, чтобы защита моя за художников не показалась бы вам обидой и колкостью. Вследствие чего пишу вам теперь опять именно для того, чтобы наша переписка не имела заставой положение ссорящихся. Ссору, как разрушительницу всего созидательного на пользу общую, нам, русским, надо елико возможно держать от себя подальше, тем более, что мы к ней более всех способны и по свежести сил и их на половину развитию, и по неопытности понимать друг друга. Мне бы хотелось теперь на досуге, в разлуке с[1] моей картиной, посудить с вами о том, какие услуги может сделать литератор художнику и художник литератору. — Начнем с последнего как более близкого мне.

Художник, исторический живописец, есть представитель истории людей в изящных видах; в истории людей виднее всех история евреев: это Симово племя сделало нас сынами Божиими. Казалось бы, чего еще ждать человеку на земле: все сделано и все совершенно. — Недостает еще одного: Иафету поместиться в палатке Симовой, Genèsse, IX, 27. Он очень талантлив

[1] огромной

на изобретения, это доказали все европейские народы вносом своих изысканий в природе; но тут недостает еще одного народа его же племени, чтобы все проверить и приложить к самому делу, удерживая в душе своей достоинство Сына Божия, без которого нельзя постигать последней высоты всех разнородных граней Иафета. Итак, русской исторической живописец, пользующийся сведениями европейскими и осветивший свое земное существование возношением к своему нравственному идеалу, может у себя в студии создать все высокое в мире в изящных видах. — Но этот самород никак не может начать своих действий в свете без предварительного объяснения на языке, доступном обществу. Вот отсюда является надобность в литераторе. Отобрав истины от живописца и необходимые законы его самобытного существования, литератор может своим разложением не только сделать понятными обществу, достичь ему еще более материалов к совершенствованию, но и доставить ему же глубочайшее спокойствие, его стихию, без которой он существовать не может, принимая в последней степени совершенства все его достоинства.

Так вот вам задача, любезнейший мой Николай Васильевич. Задача, которую вы, как представительной литератор, непременно должны решить, от этого сочетания будут зависеть все успехи и ваши, и наши. Прощайте, долго не буду вам писать, если не ответите мне на это письмо, потому что, окончив мое отдохновительное время, я должен буду напрягаться к молчанию, чтобы в страданиях, какие мне придется переносить в Риме, не вымолвить чего-нибудь противоречащего всем добрым начинаниям и тем не доставить врагам моим новых материалов для нападений.

Мысль является всегда с примесью несообразностей, со временем большей обработки они исчезают. Так мы видим в картине всего мироздания. Но там была возможность созидать спокойно и постепенно, а теперь настало такое время, что никто не хочет знать естественности и желает только одной казни, которая ведет ко всеобщему разрушению.

1517. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1848 г. Августа 10-е.

Милостивый Государь
Николай Васильевич.

Не подумайте, не получая от меня так долго писем, что ваш покорнейший слуга забыл про вас, что его юношеский жар начал

остывать и бред (мои письма можно назвать бредом), вас призывающий, кончается. Нет. Жар моей болезненной юности не проходит, временная горячка перешла в помешательство[1]. Я помню, что призывал вас на помощь, помню, что надеялся от вас исцеления, и память эта осталась мне еще до сегодня, хотя нет более прежней[2] надежды. Доказательством того, что я часто призывал вас, могут служить пятнадцать листов длинного письма, которое я писал все лето и не мог дописать. Послал бы я вам их, но они писаны не на почтовой бумаге; я думал, что могу не только кончить мое письмо, но и переписать его. Прошу вас, не взыщите с меня за то, что это письмо пишу к вам прямо начисто: и ему не дойти бы до вас, если б я вздумал как следует быть аккуратным.

Этими строками следовало бы и кончить письмо — писать мне больше нечего. Я писал вам, что голова моя словно кружится, как начинаю думать о себе. Это истинная правда, такая правда, что писать о себе я более не стану. Писать об жизни, об вопросах жизни для меня также невозможно; голова моя стала так слаба, что не решит теперь, я думаю, и арифметического вопроса. Об чем же остается писать мне?.. Надо же чем-нибудь исписать этот лист, чтобы вдруг от десяти страниц не перейти к десяти строкам. Постараюсь дать вам понятие о том, что предстоит теперь моим глазам.

Лето я провел и провожаю в чужом доме. Два раза я ездил в Москву по болезни брата, который, наконец, и умер. Половину денег за уроки я проездил, другая половина не знаю куда разошлась, долг не убавился, если еще не прибавился, менее чем через месяц надо отправляться на экзамен, который я в мае не кончал, к которому готовиться еще не начинал. Дня три назад[3] я приехал из Москвы и привез с собою мать и остального брата, которых поместил в соседней деревне. Бегаю теперь от них к себе, от себя к ним, чувствую, что я болен, чувствую, что я нужен, и собираю по дороге терпение, которое дорого достается. Божий слуга я дурной, делаю гораздо больше зла, нежели добра, голова для благочестивых размышлений ослабела, сердце для теплых излияний очерствело, нужно служить *жизни*, житию, мамону... что же прикажете мне делать? И мамону служу я без надежды, и молюсь по вечерам без теплоты — а доживать надо.

[1] *Было:* сумасшествие
[2] *Было:* уже
[3] назад *вписано.*

Поэзия, поэзия... да: может быть, это достояние, темная поэзия, мне еще остается; но что в ней? Гляжу на ландшафт и поддаюсь поэтическому влиянию. Но поэзия, если для меня не разоблачилась, так я знаю, что она и не разоблачится никогда, а денег она мне не даст. Другое было бы дело, если б она помогла мне нажить состояние, я тогда стал бы ее холить. Но я знаю, что останусь с ней таким же бедняком, а ее постичь не постигну. Скажите, какую она может дать мне отраду сама собою? Я не знаю, что она такое, скука ли от праздности, игра ли крови или какое-нибудь обещание человеку... Бог ее знает! А между тем я знаю, что мне должно *служить семейству*... Я знаю[1], что скоро с треском перед нею рассыплюсь, что она много горя понесет на душе. И брата остального тоже я веду, веду и обманываю, знаю, что и он очутится после меня в бурьяне. Я холодно смотрю на все это, убиваю себя и других и равнодушен, потому что мне нечего более делать: я знаю, что я *жертва* семейства, или обстоятельств, или чего-нибудь другого. Я жертва, а жертве подобает смирение, т. е. молчание, я и молчу. В свободные минуты занимаюсь поэзией и таким образом... Таким образом я жду, когда расклеится мой организм.

Если вам угодно будет сказать мне о каком-нибудь[2] высшем назначении, я скажу вам, что для меня все назначения равны под одним итогом *прожить свою жизнь*. След<овательно>, о назначении какого-нибудь человека можно судить тогда только, когда он умрет.

Прощайте, Николай Васильевич, простите мне за все недостатки, которые здесь встретите.

Если вам угодно будет порадовать меня весьма приятным развлечением, напишите ко мне несколько строк, чем скорее, тем лучше. Жалею, очень жалею, если судьба не приведет меня вас увидеть, на том свете, Бог знает, встретимся ли, если и встретимся, все не так, как здесь. Напишите мне что вам угодно, хоть два слова, мне все-таки приятно будет; приятно будет то, что уверюсь, что вы меня слышите, что вы ко мне не так холодны, как другие люди, что и во мне еще есть и пробивается иногда жизненная теплота. Может быть, я от смерти далек, может быть, мне нужно *еще* исправиться: соблаговолите в таком случае написать, что почтете нужным. Сам я ничего не знаю и мало что понимаю. Если вам угодно писать ко мне, то пишите, сделайте великое одолжение,

[1] *Далее было:* наконец

[2] каком-нибудь *вписано.*

прямо: Дмитрию Константиновичу Малиновскому в Москву, на Пречистенку, в приход Афанасия и Кирилла, в Нащекинский переулок, в собственный дом. Нужды нет, если адрес будет длиннее письма, вы все-таки меня много обяжете. Чрез Степана Петровича письмо ко мне долго не дойдет, да я не желал бы и быть у него с своим *вечно* печальным лицем. Впрочем, извольте поступать, как вам угодно, прошу только простить меня за то, что очень, может быть, вам не понравится. Честь имею остаться покорнейшим вашим, Милостивый Государь, слугою

Д. Малиновский.

1518. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Август 13. 1848. <Москва>

Что ты запал? Здоров ли? Мы пережили трудное время. Холера у нас свирепствовала. У меня кругом были и болезнь и смерть. Матушка напугала сильно — только не холерою: воспаление, тоже грозившее антоновым огнем, и пр. Теперь выздоравливает. Дядю схоронил. На улицах нельзя было показаться, чтоб не встретить дроги, траур, можжевель. Болезнь прошла почти, но неутешительны известия о жатве, о пожарах и проч. Знамение по местам! А в Европе-то что делается!

У меня было одно убежище и утешение — «История»! Работаю пристально и надеюсь скоро кончить приготовление к печати томов 4, 5 и 6 исследования — до татар. Эти шесть томов — фундамент, собственно, и истории, в коей не будет уже никакого исследования, рассуждения, толкования, а один рассказ. Рад, что тебе понравился отрывок. Не читал ли ты прежний— «Святослава», помещен<ного> в 1847 году? Тот в другом роде. Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в «Ревизоре» и «Мертвых душах» об объективности действующих лиц, обязана моя «История» много.

А прочие мои обстоятельства очень плохи.

Твой М. Погодин.

Откликнись!

1519. Н. Ф. Павлову

<Лето (до 24 августа) 1848. Васильевка>

Я читал со вниманием и несколько раз ваши письма, напечатанные в «Москов<ских> Ведом<остях>». Возвратившись

в Россию, я перечел их еще раз, над многим задумался. Многое отыскал в себе такое, чего не подозревал. Чего не отыщешь в себе, если только, победивши раздражитель<ность> самолюбия, поставишь<?>.[1] Но при всем том, победя гордость и самоуверенность, и теперь, как и прежде, должен сказать, что много<е> вы приняли не в том виде, многому приписали такой грубый смысл, что поныне стонут мои нервы и сердце содрогается.[2] Когда я пробежал сам свою книгу по возвращении, я был испуган ею, не мыслями и не идеею, но той чудовищностью и тем излишеством, с которым много<е> было выражено и которая, точно, представила в другом виде мои мысли многим и приписала многому такие цели и такие виды, от которых должно содрогнуться сердце благородного человека. Есть какой-то дар преувеличения, есть какое-то неспокойствие в нашем времени. Головы всех не на месте. Может быть, от этого самого и истина ищется более, чем прежде. Это переходное состояние, в котором находится настоящая эпоха, совершается и в каждом человеке, особливо в том, который идет вперед. Со мною было то же от переходного моего состояния. Бог знает, может быть, оно продолжается, и его памятником моя книга. В продолжение многих лет, отделивши от моих собственных........,[3] я стал следовать за душою человеческою и отдал себя всего этому исследованию с тех пор, как сам заболел душою. И вообразил я себе, что я достигнул высших степеней и открыл вещь неизвестную<?>, как святую обязанность, не могу снести до сих пор......[4] Возле меня не было в это время такого друга, который бы мог остановить меня; но я думаю, если бы даже в то время был около меня наиближайший друг, я бы не послушался. Я так был уверен, что я стал на верхушке своего развития и вижу здраво вещи. Я не показал даже некоторых писем Жуковскому, который мог мне сделать возражение.[5]

Не знаю я, винить ли меня, если это состояние невольное, если оно объемлет всех. Взгляните пристально, и вы заметите это состояние у всех, которые стоят впереди, и между тем всякий уверен, что он уже выбрался из этого состояния, и дух самоослепления является <...> гордая уверенность. Удастся ли ему одну сторону истины открыть, он уже горд своим открытием...

[1] *Так в исходном тексте; по-видимому, фраза не закончена.*

[2] *В исходном тексте примечание:* «Не разобрано».

[3] *Так в исходном тексте.*

[4] *Так в исходном тексте.*

[5] *Далее зачеркнуто:* так я торопился с этой опрометчивой книгой, точно как бы какая-то сила меня толкала. Я был так увере<н>

1520. П. А. Плетневу

1 сентября <1848>.
Черниговск<ая> губер<ния>, с. Сварк<ово>.

Деньги, 150 р<ублей> серебром, получил исправно. Здоровье мое, слава Богу, немного получше; выезжаю на днях, затем, чтобы пораньше приехать в Москву и оттуда иметь возможность заглянуть в Петербург. Поздно осенью и во время холодов ехать мне невозможно. Не согреваюсь в дороге вовсе, несмотря ни на какие шубы. После 15 сентября или около того, может быть, обниму тебя. Поговорить нам придется о многом. Прощай! Твой весь

Н. Гоголь.

1521. А. В. Гоголь

<Начало сентября 1848. Село Сварково>

Пишу к тебе слова два из Сваркова, куда прибыл благополучно. Завтра отсюда выезжаю весьма покойно в Орел, в экипаже А. М. Марковича, а оттуда в Москву, с дилижансом, о чем ты можешь известить матушку. Когда приедет кочубейский лесовод, не позабудь спросить у него, когда именно он будет садить желуди у Кочубея, и об этом меня уведоми, равно как и о том, как ты расправляешься с работами в саду, о чем, как ты сама знаешь, мне беседовать всегда приятно...

1522. А. С. Данилевскому

Орел. Воскресенье. <5 сентября 1848>

Добрался я до Орла благополучно. Но здесь, к величайшему моему изумленью, дилижанса не нашел. Они уничтожены так же, как и в Харькове.[1] Как жалею теперь, что не взял из дому человека! Уже хотел отправляться один[2] на так называемых вольных и на перекладных, но раздумал, вспомня хворость свою и недостаточную храбрость, и решился нахальным образом взять у тебя человека, а у добрейшего Александра Михайловича бричку до Москвы. В Москве же нанимаю надежного извозчика, который отвезет к вам и Прокофия и бричку в исправности. Разница будет в лишней неделе. Прощай! Обними за меня Ульяну Григорьевну и передай душевный мой поклон ее милым сестрицам. Александру Миха<й>ловичу засвидетельствуй мою и признательность

[1] *Далее начато:* Если бы я это мог пред<видеть>

[2] Отправляюсь один на перекладных

и любовь. Не забывай и пиши. Еще раз выставляю тебе адрес: его высокородию Степану Петр<овичу> Шевыреву,[1] близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

Твой Н. Гоголь.

Это письмо тебе вручит извозчик мой Захар Москаренко, которому ты вручи за меня 1 целковый, за который я тебе пришлю из Москвы фунт конфект.

Дай извозчику еще один целковый.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию Александру Семеновичу Данилевскому. В Сварков, близ Глухова[2].

1523. А. С. Данилевскому

Сентября 12 <1848>. Воскресенье. <Москва>

Посылаю тебе булавку, 4 куска казанского мыла и конфект с желаньем, чтобы все пришлось по вкусу. В Москве, кроме немногих знакомых, нет почти никого. Всё еще сидит по дачам и деревням. Россета также нет; он, как сказывают, находится где-то в путешествиях в Харьковской губернии. Теперь я еду в Петербург. Первых чисел[3] октября полагаю возвратиться в Москву. Адрес остается по-прежнему.

Твой Н. Гоголь.

Уведоми, в исправности ли все пришло вместе с Прокофием, равно как и то, доставлена ли извозчиком (прежним) бричка.

Ульяне Григорьевне душевный и братский поклон. Александру Миха<й>ловичу также.

Извозчику, который везет Прокофия, все заплачено и ничего ему не следует, даже на водку.

1524. Протоиерею Матфею Константиновскому

Москва. Сентября 12 <1848>. Воскресенье.

Пишу к вам несколько слов из Москвы, многоуважаемый мною брат и богомолец! Я, слава Богу, приехал сюда цел и невредим. Может быть, чрез месяц приведет меня Бог поблагодарить вас лично за все. Покуда я читаю и перечитываю ваши письма;

[1] *Далее начато:* для перед<ачи>

[2] В Глухове, оттуда в Сварков.

[3] Около первых чисел

это чтенье мне нужно, оно заставляет меня внимательно осматриваться на себя. В нынешнее опасное время это еще необходимее, чем когда-либо прежде. Не оставляйте меня по-прежнему. Одна мысль о том, что вы обо мне возносите моленья, уже освежает меня и бодрит. Искренно признательный и благодарный вам

Н. Гоголь.

1525. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Сентября 12 <1848>.

Так давно, мой друг возлюбленный, о вас ничего не знаю. От 16 мая вы из деревни написали, с тех пор ничего не слыхать. Осведомлялась о вас, и все безуспешно. 9 августа к вам в Полтаву писала. Теперь услышала, что вы в Москве и скоро едете в Петербург. Я бы тотчас поехала на вас хоть взглянуть, несмотря на то, что на днях ожидаю из-за границы внука, которой из Московского университета вышел кандидатом, жил в Берлине, слушал там лекции и хотел еще там на зиму остаться, но обстоятельства домашние его вызвали, и на этой неделе прямо сюда будет. Меня бы это не остановило, он бы меня подождал здесь. Есть другое обстоятельство, на несколько дней меня удерживающее; вас не обременяю подробностями, Степану Петровичу сообщила. Если бы вы по приезду одно слово мне написали, я бы тотчас приехала с вами повидаться, а теперь грус<т>но будет, если вы уедете в Петербург, и я не буду иметь утешения взглянуть на вас, мой милой друг, и обнять, и благословить вас лично после такой долгой разлуки. Одно что всегда меня успокоивает. Это молитва, которая соединяет со всем, что дорого и близко. — А грус<т>но мне будет не видать вас. Что же делать, мое желание вас видеть Богу известно[1]. Кого могла, просила о вас известить, а далее уже от меня ничто не зависит. Прошу вас, мой друг, сделайте одолженье, несколько строчек написать, долго ли вы пробудете в Москве и где остановились. Если я один час могу вас застать, я приеду взглянуть на вас, обнять и лично благословить милого друга и сына, Богом мне данного, с которым все эти шесть лет и несколько месяцев соединялась молитвою и в ней не разлучалась, и с помощию Божиею сохраню до смерти это чувство, связующее меня с вами в Боге, Ему, мой друг, часто и сию минуту вручаю вас, о Всемилосердный, Ты его не оставь и сохрани в чувствах, Тебе угодных. Простите, мой друг, обнимаю, благословляю

[1] *Было*: Бог вид<ит>

вас и пребуду до смерти с неизменяемым чувством любви и дружбы вам до смерти душею предана. Прощайте.

Христос с вами!

Адрес мой: *в Рузу* Моско<вской> губернии. Надежде Никола<евне> Шереметевой. — А почта из Москвы в середу и суб<б>оту отходит. Прощайте, мой друг, еще вас от всего сердца благословляю. Христос с вами!

Ради Христа напишите несколько слов. Оканчиваю, благословляю еще вас, мой друг.

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.

1526. П. А. Плетневу

<16 сентября 1848. Санкт-Петербург>

Был у тебя уже два раза. На дачу не мог попасть и не попаду, может быть, ни сегодня, ни завтра. Тем не менее обнимаю тебя крепко в ожиданьи обнять лично. Я еду сейчас с Миха<и>л<ом> Юрьев<ичем> Виельгор<ским> в Павлино, а оттуда в Павловск. По случаю торжественного фамильного их дня отказаться мне было невозможно.

Весь твой Н. Гоголь.

1527. М. И. Гоголь

Сентября 20. <1848. Санкт-Петербург>

В Петербург я приеха<л> благополучно. Благодаря молитвам, может быть, вашим, почтенная и добрая моя матушка, я чувствую себя хорошо. Несмотря на многие грустные явления, которых свидетелями приходится нам быть ныне чаще, нежели в прежние времена, милость Божия еще держит дух мой и доставляет мне случаи видеть многое утешительное. Будем же крепки, будем тверды нашей верой в Того, Кто Один только может помочь всему. Обнимаю мысленно как вас, так и сестер.

Ваш признательный сын Н. Г<оголь>.

Адресуйте письма в Москву, на имя Степана Петр<овича> Шевырева, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

1528. А. С. Данилевскому

Петерб<ург>. Сентября 24 <1848>.

Письмо твое я получил уже в Петербурге. Оно меня встревожило, во-первых, тем, что бричка не привезена, как видно, извозчиком, привезшим меня в Орел. Во-вторых, что я точно позабыл второпях дать от себя какой-нибудь удовлетворительный вид Прокофию. Теперь я в страхе и смущении. Извозчик, повезший Прокофия, кажется, честный человек, с пашпортом и за поручительством дворника двора, в котором стоял он в Москве. Он Орловской губернии, Мценского уезда, крестьянин сельца Бибикова, помещицы Ольги Николаев<ны> Руценовой. Имя ему Федор Ильин[1]. Все это написано в его пашпорте. С ним послана также тебе золотая булавка, казанское мыло и конфекты, что все должен тебе доставить Прокофий. Я не понимаю сам, как я одурел и распорядился так плохо. Из Орла тоже я не успел написать второго письма о перемене намерения брать бричку, но на словах рассказал все извозчику, чтобы он донес тебе, как это случилось. На него я понадеялся, как на человека из Глухова, известного в Сваркове всем людям. Ради Бога, успокой меня скорейшим уведомленьем. В Петербурге я успел видеть Прокоповича, вокруг которого роща своей семьи, и Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он как очевидец о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложенье общества. Тем более это безотрадно, что никто не видит никакого исхода и выхода и отчаянно рвется в драку, затем, чтобы быть только убиту. Никто не в силах вынесть страшной тоски этого рокового переходного времени[2]. И почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово *молитва* до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах. Ульяну Григорьевну благодар<ю> очень за письмо. Обнимаю вас обоих, а Олиньке поцелуй.

Весь твой Н. Г<оголь>.

Адрес мой по-прежнему: на имя Шевырева, в Дегтярном переулке, в собственном доме, близ Тверской. Я здесь еще пробуду неделю с небольшим.

[1] Вавилов

[2] состояния

1529. Н. Н. Шереметевой

<25 сентября 1848. Санкт-Петербург>

Письмо ваше, добрый друг мой Надежда Николаевна, я получил уже в Петербурге. В Москве я ожидал вашего приезда или ответа от вас, потому что Шевырев посылал вам[1] дать знать о моем приезде. Мне было жалко выехать из Москвы, вас не видавши, но так как я надеялся чрез три недели возвратиться назад, то и не предпринимал поездки в Рузу для свиданья с вами. Душевно благодарю вас за строки письма вашего, исполненные по-прежнему любви и участия. Скоро надеюсь поблагодарить вас лично за все.

Весь ваш Н. Гоголь.

<*На конверте:*>

Его высокородию Степану Петровичу Шевыреву.
В Москве.
Близ Тверской, в Дегтярном переулке,
в собств<енном> доме.
Для передачи Надежде Николаевне Шереметьевой.

<*Штемпель:*>

С.-Петербург. 1848. 25 сент<ября>.

1530. Ф. Л. Халчинскому

<Вторая половина сентября — начало октября 1848. Санкт-Петербург>

Гоголь весьма сожалеет, что не имел удовольствия застать дома Федора Лаврентьевича и передать лично поклон от Ивана Дмитр<иевича> из Константинополя.

1531. М. П. Погодину

<Начало октября 1848. Санкт-Петербург>

Вот тебе несколько строчек, мой добрый и милый! Едва удосужился. Петербург берет столько времени. Езжу и отыскиваю людей, от которых можно сколько-нибудь узнать, что такое делается на нашем грешном свете. Все так странно, так дико. Какая-то нечистая сила ослепила глаза людям, и Бог попустил это ослепление. Я нахожусь точно в положении иностранца, приехавшего осматривать новую, никогда дотоле невиданную землю: его все дивит, все изумляет и на всяком шагу попадается какая-нибудь

[1] *Далее было:* в Рузу

неожиданность. Но рассказов об этом не вместишь в письме. Через неделю, если[1] Бог даст, увидимся лично и потолкуем обо всем. Я заеду прямо к тебе, и мы с месяц поживем вместе. Обнимаю и целую тебя крепко. Передай поцелуй всем домашним. Весь твой

Н. Гоголь.

Не позабудь[2] также обнять Шевырева, С. Т. Аксакова и всех, кто любит меня и помнит. Зеньков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал сам инстинктом почти все то, что приготовлялся я ему посоветовать.

1532. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Фрагмент

<Октябрь 1848 (около 13-го числа). Москва>

М<илостивый> Г<осударь> Н<иколай> В<асильевич>. Вы поставили меня в совершенно неловкое и затруднительное положение. После вашего визита ко мне каким вниманием могу отвечать вам я? Зачем вы лишили меня таким образом свободного к вам обращения!.. Извините за смелую откровенность, но думаю, что, по отношению между нами, правильнее было бы, если б вы с своей стороны уведомили меня запискою о вашем желании видеть меня...

1533. А. О. Смирновой

Москва. Октября 14 <1848>.

Я вас ожидал, добрая моя Александра Осиповна, у Веневитиновых. Я думал потом, авось-либо вы заедете в контору дилижансов. Но вас не было, и мне сгрустнулось. Мы с вами так немного виделись! Едва только что успели разговориться. Не оставляйте меня[3] хотя письмами и дайте надежду увидеть вас скоро в Москве. Здесь привольнее. Тут найдется более свободного, удобного времени для бесед наших, чем в беспутном Петербурге[4]. Еще одна просьба: не оставляйте Вьельгорских, особенно тех из них, которым вы можете быть нужнее. Ничего больше,

[1] надеюсь

[2] *Далее начато:* передать

[3] *В автографе:* мне

[4] в Петерб<урге>

как старайтесь только почаще видеться с графиней Л<уизой> К<арловной> и Анной Михайловной, хотя бы вам показалось, что они с своей стороны и не очень хотят этого. Мне, признаюсь вам, очень жалко[1] за Анну Михайловну. У ней было так много прекрасных материалов. Ее нынешнее состояние душевное, мне кажется, должно более преклонить к участию в ней, чем к порицанию. От долговременной борьбы с собой или, лучше сказать, с хандрой своей, она утомилась и устала. Чувствуя это временное бессилие свое, она не борется, не действует и покорилась,[2] дала увлекать себя этому минутному развлеченью света, как покорились вы невинным временным развлеченьям, вроде игры в карты и т<ому> подобное. Тем не менее ее положенье опасно: она — девица, наделена большим избытком воображенья. Ее слова меня испугали, когда она сказала мне: «Я хотела бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло; я не имею собствен<ных> сил». Старайтесь быть с ней как можно чаще. Не придумывайте ничего, чем помочь ей или развлечь. Все наши средства смешны и ничтожны. От нас требуется только одной любовной, исполненной участья беседы, а все прочее обделывает и устрояет Бог. Говорите с ней больше всего о том, о чем мы с вами говорили, то есть о том, что ближе всего должно быть сердцу русского человека. Все, что клонится к тому, чтобы узнать, в чем именно состоит[3] наше истинно русское добро, есть уже неистощимый предмет разговоров. Тут воспитывается твердыня нашего характера, и разум озаряется светом. Но боюсь много заговориться. Времени нет теперь писать больше. Обнимаю вас, моя добрая, и жду от вас с нетерпеньем ваших по-прежнему близких душе моей строк. Прощайте. Адресуйте на имя его высокородия Степана Петровича Шевырева, близ Тверской, в Дегтярном переулке. Добрейшего Аркадия Осиповича обнимите. Весь ваш

Н. Г<оголь>.

1534. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

<Октябрь (после 14-го числа) 1848. Москва>

Простите меня, что я поднимаю вопрос, теперь уже старый (ибо в наше время с невероятною быстротою все новое делается уже старым), но тем не менее далеко-далеко не решенный вопрос

[1] было очень жалко

[2] *Далее было:* может быть, также этому

[3] ест<ь>

о вашей книге, наделавшей столько шуму, навлекшей на вас столько неправых обвинений и, к сожалению, столько постыдных похвал от ваших прежних порицателей. За исключением немногих дельных отзывов (Шевырева, например) все остальное, писанное о вашей «Переписке с друзьями», отличается невероятною дикостью, поразительною чуждостью к тем *страшным* духовным интересам, которые составляют ее содержание, или добросовестным, но неистово-фанатическим противоположением. Неудивительно, что я зову добросовестным это противоположение: напомню вам о покойном Белинском и его письмах к вам (непечатных). Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко ваше значение в литературе, любил вас с детским обожанием. Представьте же себя на его месте: человек страдал действительными душевными недугами, болезненно воспитывал идеи в своей душе, мечтал разгадать пути гения сообразно с этими идеями, и вдруг мечта его разбита вдребезги; обоготворенное им предстало ему в совершенно ином виде, лучшая опора его сокрушена. «Не судите, да не судимы будете»: пожалейте об этой бедной, томившейся в узах страдания, мраке и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся душе; не скажу — простите ее, ибо что такое человек, чтобы прощать?.. Негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к вам, проистекали не из мутного источника; грех есть преступление закона, а не заблуждение в законе. Мир памяти страдавшего брата, слово мира и любви да произнесется над этим бедным прахом! Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему в вину его неистовых выходок в письме к вам, на которые сами вы, сколько я знаю, отвечали словом мира, любви и смирения.

Совершенно иное чувство одушевляло других ваших противников, за исключением некоторых, разумеется; то было раздражение мелочного самолюбьица, то было негодование на смелый глас вопиющего в пустыне, дерзнувший серьезно заговорить о значении жизни; то было озлобление не против вас, а против самой Божьей правды, *«ея же мир не может прияти»;* книга ваша была здесь только поводом. Но вместе с тем эта книга стала *«Иудеом соблазн, Эллином безумие»*, разумея под Иудеями, книжниками и фарисеями всех устаревших ханжей и лицемеров, которые, под прикрытием священных для человека слов, ловят в мутной воде рыбу, а под Эллинами наших смешных Западников, отчаянных нововводителей. Соблазном стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компании; безумием представили

ее те, которые не хотели видеть, как далека ее возвышенная искренность от этой грязи, от этого подлого пресмыкания, которое хотят нам выдать за любовь к отечеству и проч.

Тот, кто имеет честь писать к вам эти строки, принялся читать вашу книгу, находясь сам в болезненном душевном состоянии, и притом принялся читать ее с предубеждением против ее. Два странных чувства обладали им сначала: глубокое, сознательное поклонение творцу «Мертвых Душ» и вместе с тем невольное негодование, впрочем, скорее извне пришедшее, чем внутреннее. Скоро первое впечатление уступило место серьезному, внутреннему процессу, процессу болезненному, тяжкому, где, может быть, принесено было в жертву много личного самолюбия: тяжело расставаться с тем, за что мы все, чада волнующегося века, держимся, как за доску спасения, с этими хотя и призрачными, но тем не менее блестящими опорами. Вы, вероятно, и сами знаете, как это тяжело; но я думаю, что тот, кто был скептиком серьезно, не для виду только, не остановится ни перед какою бездною. Сомневаться, так сомневаться уже во всем, даже в самом сомнении; от этого-то, мне кажется, в скептицизме лежит зачаток веры: ибо для того, чтобы усумниться в самом себе, надобно поверить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный, Искандер сравнивает где-то последний, безвозвратный шаг мышления с последним, отчаянным шагом игрока, который самого себя ставит на карту. Пожалуй, это так: да только шаг, считаемый И<сканде>ром за последний, далеко не последний. Современное мышление не само себя, но только свое прошедшее приносит в жертву; иначе оно было бы христианским мышлением, ибо христианство есть альфа и омега миросозерцания... Но я отбился от своего собственного нравственного процесса, который привожу я только в пояснение моих писем к вам, а вовсе не потому, чтобы придавал ему какое-либо важное значение. Повторяю вам: много и тяжело было передумано над вашею книгою и, вероятно, не одним мною; я же лично, может быть, был приготовлен к ней моим собственным душевным настройством. Не скрою от вас и того, что, не смотря на все негодование, навеянное на меня слухами о вашей книге, меня лично неотразимо влекло к ней именно то, что она всех почти привела в ярость, всех — даже людей согласных, по-видимому, с вами в основах мышления (как-то Павлова), одно убеждение, что истина есть только то, что сознается немногими, несколькими, одним, может быть; что истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого. Результатом всего этого была статья моя

по поводу вашей книги в «Московском Городском Листке»; вы, говорят, отозвались о ней благосклонно. Благодарю вас, но это была статья недосказанная, несмелая, ничего почти не сказавшая; дорожу я в ней только ее основною мыслью и добросовестностью попытки. Может быть, многие, кого я любил, с досадою отвергнулись от меня из-за этой статьи; может быть, другие сочли ее желанием угодить господствующим началам – что нужды? Этою статьею я примирился с собой за всю свою прежнюю литературную деятельность; она была первым шагом к выполнению того, что *«Обращаться с словом нужно честно»*. Но, повторяю вам, в этой статье не сказано ничего; все или обойдено, или сказано темно, неопределенно. Шевырев был прав, назвавши ее *стремлением сочувствовать Гоголю.* Определительно там одно: это — второй параграф, беглый анализ созданий великого поэта.

Долго носил я в себе мысль написать целую книгу по поводу вашей книги; но останавливала меня мысль, что этот комментарий ничего к ней не прибавит, что все же он, более или менее, будет носить на себе следы болезненности, что не мне разрешить все эти тяжкие вопросы, что дерзко выставить только вопросы же с своей стороны. Притом же, многое пало мне на сердце из этой книги, а в особенности слова: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро... Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит» и т. д. Не считаю себя призванным выходить из пределов того скромного круга деятельности, которым я ограничен; но мне хотелось бы беседовать с вами о многом и о многих из тех вопросов, на которые навела меня книга; для вас ли, для меня ли — из этого выйдет что-нибудь доброе. Разумеется, что письма эти не для печати, по крайней мере в той беспритязательной форме, в которой они будут к вам писаны. Имею честь быть, поклонник вашего гения,

А. Г<ригорьев>.

1535. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 20-го октября 1848 г.

Я собиралась к вам писать и села у стола, а вы сами подоспели. К Веневитиновым я не догадалась приехать, не догадалась и спросить у вас, с каким дилижансом вы ехали. Была в двух заведениях и приехала в третье по отъезде его. Вот отчего мы с вами не простились.

...Меня подчас разбирает порядочная досада на немощность тела моего; мне нужно в Калугу. Бедный Н<иколай> М<ихайлович> совсем упал духом, на него так и сыплют из департаментов всякую дрянь и грязь; он им слишком *горек, потому что не дает им взяток*. Какое бы вы доброе дело сделали и мне, и себе, и ему, если бы решились съездить в Калугу на три дня.

...Я право не знаю, что ему и отвечать, потому что в полном убеждении, что нельзя служить, а между тем, вне этой деятельности он пропадет, потому что не может ничем заняться и скучает, а что еще хуже, начнет управлять имениями, т. е. вводить всякую дрянь и новость, как-то: фабрики и проч. Будь у меня немного сил, я бы сладила. Я никого не принимала; а дело в том, что ко мне никто не ездит по известной вам причине, что в свете ищут *забав*, а у меня их не могло быть. Они, как все, живут еще на устарелых началах, а переделать это мудрено. Я вам говорила, что, между прочим, дети забава, и Соню посадили без моего спроса на лошадь. У Виельгорских я была однажды, графиня была в постели и не приняла, а с тех пор не выезжаю более. Постараюсь исполнить ваше поручение касательно Нози, но едва ли это мне удастся; надобно бы очень часто видеться с ней для этого, а графиня ее одну не пустит ко мне, сама же всегда приезжает на минуту. Александр Петрович был у меня; он спешит в Москву. Вам надобно видеться непременно с Филаретом; пожалуйста, ради меня, повидайтесь с ним, у него чувствуешь что-то радостное, так он *высветлел* (это ваше слово ему как раз приходится). Явление такое редко в этом сане. Вспомните его слова на освящении скита, когда он заливался слезами и все предстоящие рыдали. Это были последние слезы человека тленного, потому что скит открыт, когда он почувствовал, что никогда не будет в Петербурге и Синоде. С той поры заметили в нем ту значительную духовную перемену. Меня именно прельщало в нем то, что казалось Хомякову и многим несносно (т. е. его учтивость и кроткая любезность с прескучными дамами). Человек не имеет никакого права отталкивать просящего у него, и вот почему бедный владыка сидит с барынями. Вы у него научитесь любить Троицкий посад и препод<обного> Сергия, а там много утешения возле святого чудотворца. Не забудьте Михаила Нарышкина отыскать. Как хорош «Бродяга» Ивана Аксакова, и как он сам мне понравился теперь. Я люблю его трезвость; займитесь его меньшой сестрой Машей; бедняжка уже теперь хандрит. Свет вдали, а Константин, с топором его разрушающий, — все это на девочку сильно подействовало. Мать

озабочена, а отцу лишь до литературы. Аркадий, слава Богу, хорош во всех отношениях; вам очень усердно кланяется. Вчера ожидали в<еликую> кн<ягиню> Ольгу. Не знаю почему, но не могу оторваться от мысли, сколько радости и горя почувствуют при этом свидании Государь и все семейство. Государь было всех перепугал. Упал в комнате, вновь навощенной, так сильно, что его вследствие ушиба рвало желчью очень сильно, а бок весь почернел. Если бы на голове не было каски, то расшиб бы себе голову. Как сильно чувствуется, сколько он нужен в такие минуты, если он болен или хворает. После вас очень приторно в Петербурге; один греческий язык спасает: голова так еще слаба, что вечером кроме карт ничем не могу заняться. Прочитайте Дебольского «Попечение Церкви», там для вас нет ничего нового, но прекрасно изложено то, что нужно знать всякому православному. Теперь прощайте — я устала; поклонитесь всем моим знакомым. Ваша от души.

1536. Н. Н. Шереметевой

<26 октября 1848. Москва>

Я получил письмо ваше, добрый друг Надежда Николаевна. Благодарю вас. Голос ваш всегда мне отраден. Что же касается до молитв ваших, то за них, верно, будет благодарить душа моя вечно. Не надивлюсь милости Провидения, которое, видя бессилие моих собственных молений, устроило так, чтобы обо мне молились другие.

Не позабудьте известить меня, когда будете в Москву. Мне бы очень хотелось променять нашу переписку на изустную беседу. Сделайте одолженье, передайте поклон мой вашему достойному сыну, с которым мне очень желательно познакомиться. Бог да хранит вас!

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На конверте:*>

Милостивой государыне Надежде Николаевне Шереметьевой.

В Рузу Московской губернии.

<*Штемпель:*>

Москва... 1848. Октября 26.

1537. Графине А. М. Виельгорской

Москва. Октября 29 1848.

Как вы? как здоровье ваше, добрейшая моя Анна Михайловна? Что до меня, я только что оправляюсь от бессонниц своих,

которые продолжались даже и здесь, в Москве, и теперь только начинают прекращаться. Москва уединенна, покойна и благоприятна занятьям. Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположенья духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует, и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени. Напишите мне несколько строчек о ваших занятиях и состояньи духа вашего. Я любопытен знать, как начались у вас[1] русские лекции. Покуда я еще не присылаю вам списка книг, долженствующих составить русское чтение в историческом отношении. Нужно много обнять и рассмотреть предварительно, чтобы уметь подать вам одно за другим в порядке, чтобы не очутился суп после[2] соуса и пирожное прежде жаркого. Напишите, как распоряжается мой адъюнкт-профессор и в каком порядке подает вам блюда. Я очень уверен, что он вам скажет очень много хорошего и нужного, и в то же самое время уверен, что и мне останется[3] место вставить свою речь и прибавить что-нибудь такого, чего он позабудет сказать. Это зависит не от того[4], чтобы я больше его был начитан и учен, но от того, что всякий сколько-нибудь талантливый[5] человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне хотелось[6] бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались 2-м томом «Мерт<вых> душ». После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон русской жизни[7] еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство». Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил... Но в сторону это. Не позабудьте рядом с русскою историей читать историю Русской Церкви; без этого многое в нашей исто-

1 ваши
2 прежде
3 что и я найду се<бе>
4 не от большей на<читанности>
5 даровитый
6 так хотелось
7 русского быта

рии темно. Сочинение Филарета Рижского теперь вышло целиком: пять книжек. Их можно переплести в один том. Книга эта есть, кажется, у Матвея Юрьевича, которого при этом случае обнимите за меня крепко. О здоровье вновь вам инструкция: ради Бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Старайтесь всеми мерами ложиться спать не позже 11 часов. Не танцуйте вовсе, в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение, но правильного движенья, нужного телу, не дают. Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уже устроены[1], чтобы выражать благородство душевное; как скоро же[2] нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны.

Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет. Вы видите, что свет вам ничего не доставил: вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку[3] хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсем. Есть в свете гадости, которые, как репейники, пристают к нам, как бы мы ни осматривались. К вам кое-что уже пристало; что именно, я покуда не скажу. Храни вас Бог также от поползновений на так называемую светскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти — это лучше всего. «Наблюдайте святыню со всеми!» Вот что мне сказал один раз один святой отшельник. Я тогда не понял этих слов, но чем далее вхожу в них, тем глубже слышу их мудрость. Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святыне, то и собственное выраженье лица нашего становилось бы лучше, и речь наша облеклась бы в то приличие, ту любовную, родственную простоту, которая всем нравится и вызывает с их стороны тоже расположенье к нам, так что не скажет нам тогда никто неприличного или дурного слова. Не пропускайте бесед с такими людьми, от которых вы можете многому поучиться, не смущайтесь тем, если[4] они имеют черствую наружность. Будьте только к ним внимательны, умейте их расспрашивать, и они с вами разговорятся. Помните, что вы должны сделаться действительно русскою, по душе, а не по имени. Кстати:

[1] точно как будто черты лица вашего устроены

[2] как только

[3] *В автографе:* об руки

[4] что

не позабудьте, что вы мне обещали всякий раз, когда встретите Даля, заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится оригинальность[1] нашего русского ума. Когда случится вам видеть Плетнева, не забывайте его расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях. Эти люди были более русские[2], нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека. Если будете видеться с Александрой Осиповной, говорите с ней только о России: в последнее время она много увидела и узнала из того, что делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен[3]. Словом, имейте теперь дело с теми людьми, которые уже не имеют дела со светом и знают то, чего не знает свет. Бог да хранит вас! Прощайте. Не позабывайте меня и пишите чаще. Делайте мне такие же черствые и жесткие наставления, как и я вам, не скрывая дурного[4], которое во мне заметили. Мы ведь это обещали друг другу.

Ваш весь Н. Гоголь.

Обеих сестриц, Ап<оллинарию> и Софью Мих<айловну>, обнимите крепко. В письмах мне покуда надписывайте так: на Тверской, в конторе «Москвитянина». Через неделю переезжаю и пришлю вам адрес новой квартиры.

1538. А. С. Данилевскому

Москва. Октября 29 <1848>.

По приезде из Петербурга нашел твое письмо. Не отвечал на него вдруг потому, что хотел собрать для тебя какие-нибудь удовлетворительные сведения насчет службы в Москве. Но до сих пор ничего утешительного не могу сказать. Из того, что перед моими глазами, вижу я только то, что[5] те благодатные места членов, которые приходят на ум тебе, подхвачены[6] повсюду, притом жалованье бездельное. Даже и нет таких, чтобы доходили до трех тысяч ассигнациями. Все прочие места, какие ни поглядишь, сопряжены

[1] настоящая оригинальность
[2] русские духом и мыслью
[3] поучит<елен>
[4] ничего дурного
[5] что, во-первых
[6] подхвачены дав<но>

с ответственностями и с тревогами, способными вывести из терпения даже и постоянного человека, не только тебя. Жизнь в Москве стала теперь гораздо дороже. С какими-нибудь тремя тысячами едва холостой человек теперь в силах прожить[1], женатому[2] же без 8 тысяч трудно обойтиться, — я разумею — такому женатому, который бы вел самую умеренную жизнь и наблюдал бы во всем строжайшую экономию. Почти все мои приятели сидят на безденежье, в расстроенных обстоятельствах, и не придумают, как их поправить. При деньгах одни только кулаки, пройдохи и всякого рода хапуги. От этого и общество и жизнь в Москве стали как-то заметно скучнее. Я теперь сурьезно задумался о том, служить ли тебе, добиваться ли места в нынешнее время, когда все так неверно, когда завтра же не знаешь, что будет. В деревне можно, по крайней мере, хоть не умереть с голоду. Скучно, может быть, пусто, но ведь это крест, который должно несть. А крест никогда не бывает легок. Ты очутился против желанья, может быть, против воли помещик. Что ж делать? Нужно принять это, как данную провиденьем обязанность[3], глядеть на нее, как на должность, размерить день свой, отдать час или два всякое утро на хозяйство. Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь — горечь, а не наслажденье, что все мы здесь поденщики и плату получаем только *там* за ревностное исполнение своего дела, — до тех пор не обратится нам жизнь в *наслажденье,* и не почувствуем значенья слов: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть». Скука будет тебя преследовать[4] в городах еще более, чем в деревне, потому что многое так стало теперь грустно, как никогда доселе не бывало. Подумай обо всем этом хорошенько, не позабывши принять в соображенье свои наклонности, свой характер и т. д. А я покуда буду забирать еще сведения, хотя и не предвижу ничего утешительного. Ты же сделал дурно[5], что не заставил Алексея Васильевича Капниста написать о тебе подробно Ивану Васильевичу. Он все-таки более других может быть тебе полезен. Прощай. Обнимаю тебя крепко. Передай душевный дружеский поклон Ульяне Григорьев<не>. Поцелуй крошку-дочь и кланяйся от меня всем. Адрес остается по-прежнему.

Твой Н. Г<оголь>.

[1] в силах пробиться
[2] обыкнов<енно> женатому
[3] должность и обязанность
[4] теперь преследовать
[5] очень дурно

1539. М. И. Гоголь

Москва. Ноябрь 1 <1848>.

Возвратившись из Петербурга, застал ваши письма. Рад, что у вас покуда все[1] благополучно. Отправьте доброму Андрею Андреевичу это письмецо. Я собственно для себя не имею надобности в деньгах. Лишних денег желал бы разве только затем, чтобы уделить вам. Впрочем, вы можете обратиться к нему сами в случае, если бы пришла вам последняя крайность, от которой да бережет вас Бог. Прощайте, покуда не имею досуга писать больше. Напишу[2], когда буду посылать сестрам шнуровки, о которых за множеством дел позабыл было вовсе.

Ваш всегда признательный сын Н. Г<оголь>.

1540. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Воскресенье. Ноября 6 <1848. Москва>.

Приезд внука меня тут задержал. 8<-го> поеду в деревню, и не хочется оставить Москву, не взглянувши еще раз на вас. Буде не увижу, сим прощаюсь, благословляю вас, как сына, и с тою же любовию вручаю вас Богу, в Нем, и не видавши вас, соединяюсь, и в Нем можно не разлучаться, да Он по благости Своей поможет глубоко чувствовать Его Отцовское о нас беспрерывное попечение. Прощайте, будьте Господом хранимы. Еще вас благословляю, вручаю Богу, Он видит душу, неизменяемо вам преданную *до смерти.* Христос с вами!

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь
от Шереметевой.

1541. Протоиерею Матфею Константиновскому

Москва. Ноября 9-го <1848>.

Я к вам долго не писал, почтеннейший и близкий душе моей Матвей Александрович. Сначала я думал было скоро увидеться с вами лично. Потом, когда случилось так, что намерение мое ехать к вам отложилось до весны, я долго не мог взяться за перо, — может, по причине большого неудовольствия на самого себя. Я был недоволен состоянием души своей и теперь также.

[1] все еще
[2] Напишу после

В ней бывает так черство! То, о чем бы следовало мне думать всякий час и всякую минуту, так редко бывает у меня в мыслях, и это самое редкое помышленье о нем так бывает холодно, так без любви и одушевленья, что в иное время становится даже страшно. Иногда кажется, как бы от всей души молюсь, то есть хочу молиться, но этой молитвы бывает одна, две минуты. Далее мысли мои расхищаются, приходят в голову незваные, непрошеные гости и уносят помышленья Бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. Все как-то делается не вовремя: когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о прежнем. А между тем в теперешнее опасное время, когда отвсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться, обратить все существо свое в слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасение и молиться о всех. Все это чувствуется и ничего не делается, и оттого еще страшнее всё вокруг, и слышишь одну необходимость повторять: «Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого!» Друг мой и богомолец, скажите мне какое-нибудь слово; может быть, оно мне придется.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте мне так: его высокородию Степану Петровичу Шевыреву, в Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке. Для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

1542. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

7 ноября <1848. Санкт-Петербург>.

Любезный Николай Васильевич, вот уже месяц, как вы от нас уехали, и до сих пор мы не получили от вас никаких известий. Французская пословица говорит: «Pas de nouvelles, bonnes nouvelles»; так я надеюсь, что вы совершенно здоровы и что будущее ваше письмо меня утвердит в моем предположении. Мне очень хочется знать, что вы делаете с тех пор, что вы в Москве, как вы себя чувствуете и как вы перенесли первые морозы. Отвечайте, пожалуйста, на все мои вопросы. Вы знаете, что у меня с давних времен водится грех вам докучать вопросами; следовательно, я прошу вас один раз навсегда не гневаться за то на меня, но отвечать на мои вопросы с вашей прежней благосклонностию.

Вам будет, может быть, приятно слышать, что наши занятия с Владимиром Александровичем продолжаются очень правильным образом и что он сам, так как и мы, находит их очень

увлекательными. Два раза в неделю мы собираемся у него для урока, а прочее время, то есть каждый день от одиннадцати до двенадцати часов, мы обработываем и пишем то, о чем он нам говорил во время урока. Владимир приготовляется очень серьезно перед каждой из наших бесед, и в самом деле надобно признаться, что он нашел касательно предметов, нами теперь рассматриваемых, много новых и замечательных взглядов. Со временем он намерен привести в порядок наши и его труды об истории русского языка и русской литературы, обработать их совершенно и составить из них книгу. Он заставляет нас читать много русских народных песен, чтоб мы вникнули в дух русского народа и поучились бы коренным русским выражениям. Теперь прощайте, любезный Николай Васильевич, будьте здоровы, как мы здесь все здоровы, и отвечайте мне поскорее. Да сохранит и подкрепит вас Господь к предпринятому вами делу.

А. В<иельгорская>.

1543. А. О. Смирновой

Ноября 18 <1848>. Москва.

Виноват, что отвечаю вам не вдруг на ваше письмо, добрейшая моя Александра Осиповна. Есть на то причины: опять вожусь с собой, открываю в себе столько гадостей, что отлетает всякая мысль о других. Притом принимаюсь сурьезно обдумывать тот труд, для которого дал Бог средства и силы, чтобы смерть, по крайней мере, застала за делом, а не за праздным бездельем. Все это отвлекает меня от прочих дел и даже от писем. Ехать в Калугу недостало силы воли. Мне представилось, что я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу. Если мне и удавалось на веку своем помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскали себе высшего советника, и мне <не> оставалось ничего более, как только им напомнить[1], к кому нужно обращаться за всеми надобностями. Вашим советом позаняться хандрящею девицею также не воспользовался. Я думаю, что обращаться с девушкой есть дело женщины, а не мужчины. Поверьте, девушка не способна почувствовать возвышенно-чистой дружбы к мужчине; непременно заронится инстинктивно другое[2] чувство, ей сродное, и[3] беда обрушится на

[1] напомнить о том

[2] срод<ное>

[3] и тогда

несчастного доктора, который с истинно братским, а нѐ другим каким чувством подносил ей лекарство. Женщина — другое дело: у нее уже есть обязанности. Притом она не ищет уже того, к чему девушка стремится всем существом. Все, что я сделал, это было то, что я, вследствие письма вашего, постарался узнать, которая из дочерей Серг<ея> Тим<офеевича> называется Машинькой. Надобно вам сказать, что я был в приязни только со стариками да с детьми мужеского пола; что же до женского, то я знал имена только двух старших дочерей, с остальными же только раскланивался, не говоря[1] ни слова. Не забывайте Вьельгорских. Видайтесь с ними как можно почаще. Говорите с ними о русском и о всем, что драгоценно русскому сердцу; теперь же кстати у них завелись русские лекции. От этого и они и вы будете в барышах. Светлая тишина воцарится в вашем духе. Нет ничего на свете лучше, как беседа с теми, у которых души прекрасны, и притом беседа о том, отчего становятся еще прекраснее прекрасные души. Прощайте.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Не позабывайте и пишите.

1544. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

<17 ноября 1848. Москва>

Вас упрекали в особенности за предисловие. В самом деле, в литературе, потерявшей всякое важное значение, подобный религиозный акт должен был привести в изумление; стараясь придать ему смешной и даже подлый характер, хотели только отстранить от себя тяжкий и ненавистный вопрос. Вопрос этот вот какой: «Обязан ли и в какой степени обязан ответственностью за все действия человек вообще и человек духа в особенности?» Как нарочно, вместе почти с вашею книгою, явилась другая книга, наделавшая чрезвычайно много шуму... По крайней мере в своем приходе, книга действительно блестящая, остроумная, резко парадоксальная, profession de foi в известном отношении. Я говорю о «Кто виноват?». В ней романист высказал в образах или, лучше сказать, в призраках то же, что еще прежде высказывал в парадоксах мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства. Сколько ума, расточенного на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности — свободы и сопряженной с нею ответственности;

[1] даже и не говоря

сколько меткой злости, потраченной на то, что злости не стоит, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти, грусти не за святыню человеческого духа, а скорее за мелочное самолюбие! Но эта книга важный факт, крайняя исповедь убеждений. Из нее следует: 1) что человек, глубоко чувствующий и горящий жаждою деятельности, должен обречь себя на бездействие, что следственно честный человек — синоним с бесплодным человеком; 2) что женщина — единственная задача жизни для мужчины, и наоборот, и что вне этой задачи для того и другой остается только умирать *в безмолвном и гордом страдании*, как выразился поэт этого направления; 3) что никто и ни в чем не виноват, что все условлено предшествующими данными и что эти данные опутывают человека, так что ему нет из них выхода, ибо «привычка есть цепь на человеческих ногах». Одним словом, человек-раб, и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, это явно и ясно высказано в «Кто виноват?»... Странно, в высшей степени странно было совместное появление этих двух книг, так противоположных по тону и по направлению. Жизнь, общество и литературу, разменявшиеся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренний тон, и содержание вашего предисловия. Помнится, предисловие к 2-му изданию «Мертвых Душ» произвело такое же изумление. И действительно, как же не изумиться? Художник придает общественную важность своему делу, что не приглашает всех и каждого к совету, соучастию в своем деле... Да как же это? Да что же это? спрашивала *Русская литература* с наивным изумлением, не подозревая, бедная, что в этом самом изумлении сказывается какое-то циническое презрение к самой себе, какое-то отрицание в самой себе всякого важного, общественного значения. В отношении к себе она может быть права, да не вправе была она считать своим главою и представителем поэта, который еще прежде в своих сценах «Разъезда после представления» прямо объявил, как он смотрит на свой подвиг, как он дорожит тем, чтобы семена, им брошенные, приносили плод в народе. Но ей, этой литературе (евнуху или, что хуже еще, развратнице), что за дело до плода? Для одних, как для Булг<арина> и прочих, литература дойная корова или развратный дом; для других мечтательное самообольщение или умственная онания. С одной стороны, утрачена вера в поэта, как в пророка, как в провозвестника правды; с другой стороны, принято, что если и явится пророк, то он непременно должен явиться со словом ненависти и вражды.

Ясно — почему смешным хотели сделать ваше откровенное признание. Давно уже сказано:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehen,

как давно уже сказаны все правды; но в том-то и беда, что за невозможностью и бессилием враждовать с неправдой показалось остроумным ратовать против правды.

Еще вопрос: имели ли вы, как человек, право обнажать перед другими людьми внутреннейшие и сокровеннейшие тайны вашей души?.. В этом вопросе опять выказывается циническое пренебрежение современного человека к высшему значению своей личной жизни. Замечательно, что подобное неуважение к высшей задаче личного бытия многие вывели из ваших же, только ложно понятых, данных. Как великий мастер, вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякого грустного отпадения человека от образа Божия, и вы первый обратили внимание всех на незаметные существования Акакиев Акакиевичей. Но во 1) вы знали, где остановиться в этом безграничном анализе личности, 2) вы указали на опасность рабского воспроизведения действительности в вашем фантастически-понятном «Портрете». Читали ли вы «Двойник» даровитого Достоевского? Вот вам осуществление в действительности фантастической основы «Портрета». Тяжело становится на душе от этого произведения, но не так возвышенно-тяжело, как от «Шинели»: нет. Вы, вчитываясь в это чудовищное создание, уничтожаетесь, мелеете, сливаетесь с его безмерно-ничтожным героем, и грустно становится вам быть человеком, и вы убеждаетесь, как будто, что человек только таков и может быть. Какая же тут вина, ответственность, какой суд над собою? Жил червем и умер червем, и дело кончено: «Une foi mort, on est bien mort». А вы осмелились говорить: «замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся»... Еще бы старый Сведенборг встал и начал с простотою рассказывать о чудесах Царствия Божия господину Голядкину старшему!

Ноября 17. 1848 года.

1545. П. А. Плетневу

Москва. 20 ноября <1848>.

Здоров ли ты, друг? От Шевырева я получил экземпляр «Одиссеи». Ее появленье в нынешнее время необыкновенно значительно. Влияние ее на публику еще вдали; весьма может быть, что в пору нынешнего лихорадочного своего состоянья большая часть читающей публики[1] не только ее не разнюхает, но даже и не приметит. Но зато это сущая благодать и подарок всем тем, в душах которых не погасал священный огонь и у которых сердце приуныло от смут и тяжелых явлений современных. Ничего нельзя было придумать для них утешительнее. Как на знак Божьей милости к нам, должны мы глядеть на это явление, несущее ободренье и освеженье в наши души. О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том «М<ертвых> д<уш>». Читаю преимущественно[2] то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь сурьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка. Как ты? Дай о себе словечко. Поклонись всем, кто любит меня и помнит.

Весь твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба. Пошли в Академию художеств по[3] художника Зенькова и, призвавши его к себе, вручи ему пятьдесят рублей ассигнациями на нововыстроенную *обитель,* для которой они работают иконостас. Деньги запиши на мне.

1546. П. В. Нащокину

<Середина октября — ноябрь 1848. Москва>

На ваше письмецо не отвечал потому, что хотел сам у вас быть. Ваш человек вовсе не переврал моих слов. Дело действительно так: граф будет через месяц, а графиня здесь и стоит в гостинице «Дрезден». Ваше письмецо мне было отдано на другой день человеком здешнего дома, который, имея много дел, оставил его у себя в передней, а не у меня на столе. До свиданья.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Дружеский поклон всем вашим.

<*На обороте:*>
Павлу Воиновичу Нащокину.

[1] она

[2] *В автографе:* преймущественно; *далее не отмечается*

[3] за

1547. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Ноября 20 <1848>.

Обнимаю, благословляю возлюбленного и близкого душе моей друга. Сегодня по милосердию Отца нашего сподобилась приобщиться Святых Таин. Вспоминала о вас. Бог видит, Ему вас и вручаю, Его и нынче и всегда молю о вашем Спасении. Уверена, что вы сами свыше сего ничего на сем свете не желаете. Дай Бог нам о сем и всей душею заботиться, тогда повсюду и со всеми хорошо и легко на сердце, которое по Его же Отцовскому Милосердию ни против кого ничего неприятного не имеет. Да, кажется, ничего не может случиться такого, что бы могло нарушить внутренное спокойствие, столь необходимое для нашего Спасения. А предавшись сему, с утешением каждому и все отпустишь. Ох, как Милосерд Господь, да Он Сам по благости Своей поможет познать и глубоко чувствовать Его Отцовское беспрерывное о нас попечение, — и полно. Я вас давно не тревожила своими письмами, но в такой день, как нынче, и в отдаленности в продолжение шести лет *моя душа* вас всюду *отыскивала*. Спаси вас Господи! О себе что вам сказать. Начально благодарю Милосердного Господа, допустившего меня приобщиться Святых Таин, и да по Своей благости поможет хранить сей дар на Спасение души. Боже, Милостив нам буди и помоги свершить здешнее странствие по воле Твоей святой, чтобы сподобиться блаженной вечности!

Вы спрашивали, когда будем в Москву, чтобы вас известить. Мы думали, в этом месяце — дороги нет, а главное, сын нездоров, три недели от сильной боли в ноге страдает. Как можно будет, приедем. Очень желаю вас видеть и послушать вас, а дотоле, как и на всю жизнь (которая уже недолго продлится — 73 года), но пока существую, с любовию и дружеством вам постоянно душею предана. Еще вас благословляю. Прощайте.

Христос с вами!

Случилась оказия. Завтра один знакомой едет. Прежде середы получите сии строки. И хочу вас, мой друг, попросить. Если вам не будет стоить большого принуждения, скажите, мой друг, словечко о себе, чем порадуете душу, неизменяемо вам до гроба преданную. С любовию и дружеством вам принадлежу. Христос с вами! Прощайте. — Я, пришедши[1] от обедни, к вам написала письмо, а эти строки пишу уже поздно, пора отдохнуть. Если

[1] *В автографе:* пришедчи

вздумаете слова два-три сказать, напишите в середу или в суб<б>оту *в Рузу*, а теперь, признаюсь, устала. Прощайте, мой милой друг, обнимаю, благословляю вас с любовию матери и с этим чувством вручаю вас Богу. О Всемилосердный, не остави его, спаси его, и

Христос с вами!

1548. А. О. Ишимова — Н. В. Гоголю

С.-Петербург, 2-е декабря 1848 г.

Как справедливо назвали вы, Николай Васильевич, в одном из писем последней книги вашей — нынешнюю жизнь нашу *бессмысленною*. Истинно бессмысленно теряем мы часы и даже дни свои и, равнодушные к этим потерям, ничем не стараемся предупредить их, как будто сознавая совершенную невозможность сделать это. Так думала я и нынешнею осенью, когда вы были здесь, и мне так хотелось поговорить с вами о многом, что заронило в душу мою ваша прекрасная книга 1847 года. Но скажите, была ли к тому какая-нибудь возможность, хотя и виделись мы не один раз. При таком порядке нашей общественной жизни уж лучше не жить вблизи с теми, с кем хочешь говорить иногда о чем-нибудь дельном: в письмах мы еще как-то способнее на вещи серьезные, нежели в обществе, и если бы вы были здесь, мне и в голову не пришло бы, что я могу сообщить вам несколько слов об одном необыкновенном вечере, который послан был Богом на мою долю. Впечатление, оставленное им в душе моей, было так восхитительно высоко, так невыразимо отрадно, что мне хотелось поделиться им с такою душою, которая могла бы вполне понять его и которая не нашла бы странным это хотение. Такую душу я находила только на страницах книги вашей, Николай Васильевич, и потому не удивляйтесь письму моему и не отвечайте на него тем же холодом, который так убийственно веет от всего нашего общества, когда дело идет не о модной певице или очаровательном пианисте. Но чтобы не мучить вас долее, я скажу вам, что я была на днях у Ф. Н. Глинки и слышала там несколько отрывков из его поэмы «Таинственная капля». Не знаю, слышали ли вы что-нибудь об этой поэме, — но, по моему разумению она принадлежит к той поэзии, о которой вы говорите в конце статьи вашей об особенностях русской поэзии. «Как во времена младенчества народов поэзия служила к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них бранолюбивый дух, так придется ей теперь вызывать на другую высшую битву человека,

на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу, которую сам Небесный Творец наш считает перлом своих созданий». Поэма Глинки, мне кажется, есть именно блистательное начало той поэзии или того времени поэзии, о котором вы предвещаете. Это — сцены из Евангелия, опоэтизированные до такой степени, что, созерцая их, вы забываете все вас окружающее — вы видите только небо и с радостию готовы терпеть на земле все, что должно довести вас до этого неба! Я не думаю, чтобы вы ни от кого не слышали об этом необыкновенном явлении в литературе нашей, и потому говорю вам о нем, как о чем-то знакомом. Если же, к удивлению моему, вы ничего о нем не знаете, то я расскажу вам в нескольких словах содержание его, и вы лучше, нежели из всех описаний моих, поймете, какую чудную вещь мог сделать из нее поэт, такой религиозный, каким всегда был Глинка. Основанием поэмы взята легенда, бывшая еще от средних веков общею в христианском мире — о том, как Св<ятая> Дева во время бегства своего из Египта с Младенцем Иисусом исцелила каплею молока Своего — больного ребенка разбойника, захватившего в плен Святое Семейство и потом освободившего его в награду за это исцеление. Дитя, принявшее в себя драгоценную каплю, вырастает, однако же, между разбойниками и делается сам атаманом их, но божественная капля не может пропасть: разбойник бессознательно носит ее в груди своей и посреди нечестия, окружающего его, беспрестанно проявляет ее в благородных стремлениях к чему-то высокому, божественному, для него непонятному. Он блуждает по той же земле, где учит Спаситель, не раз он встречается с Ним, и тут непостижимое чувство влечет его к Нему, но обстоятельства всегда удаляют его от чудного Учителя до тех пор, пока наконец он встречается с Ним по левую сторону креста Его, также на кресте. Скажите, что может быть трогательнее этой легенды? Но если бы вы знали, сколько поэтических подробностей придал ей Глинка, писавший ее поистине как вдохновенный свыше, если бы знали, каким высоким, прекрасным, истинно библейским языком он говорит в ней? Но это невозможно описывать — надобно непременно самому прочесть или прослушать чтение всего, чтоб получить верное понятие о всех красотах, о всей поэзии и, можно сказать, о всем неземном очаровании этой поэмы. Она вся состоит из картин отдельных, но между тем связанных между собою одною идеею. Вы видите в письме моем доказательство того, как она поразила меня своею необыкновенностию: восторженное состояние души моей отнимает в глазах моих всю странность

поступка моего; мне кажется, что вы обрадуетесь моей новости и нисколько не удивитесь тому усердию, с которым я сообщаю ее вам. Не правда ли, Николай Васильевич? Вас интересует все, что хотя чем-нибудь касается до русского мира, — как же людям, разделяющим в этом отношении чувство ваше, не желать поделиться с вами таким отрадным явлением в литературе нашей? Я уверена, что вы, не будучи Николаем Васильевичем, сделали бы то же, что я, и написали бы к Николаю Васильевичу, прослушав несколько страниц Глинки. Я спросила его и жену его, которой прекрасное одушевленное чтение еще более возвышает гармонические стихи мужа — видели ли они вас в нынешний приезд ваш сюда, и они отвечали мне, что, к величайшему сожалению их, они лишены были этого удовольствия. Они оба большие ваши почитатели, и Авд<отья> Павловна говорит, что, когда возникли в Москве разные толки о вас после вашей последней книги, — она спорила за вас не один раз до слез. И это сущая правда: тот, кто искренно любит вас, должен иногда спорить за вас до слез! так бессмысленны бывают иногда многоразличные суждения и слухи, распространяемые о вас. Вообразите, что нелепость их доходит до того теперь, что иные пресерьезно уверяют, будто вы отреклись от последней, можно сказать, Евангельской книги вашей и говорите, что это было *минутное увлечение!* Ну, скажите, как же тут не спорить, как не плакать о том, что у нас хотят отнять последнюю отрадную надежду нашу! Я пишу вам об этих недостойных вас слухах, только потому, что знаю, вы любите узнавать о них и не тревожитесь ими, как они ни возмутительны для души благородной: вы уже выше этой тревоги. — Я не знаю вашего адреса в Москве и пишу на имя С. П. Шевырева, будучи уверена, что он знает, где вы находитесь. Если бы я не знала, как докучливы бывают для человека мыслящего вопросы о том, *что вы поделываете?* то непременно задала бы вам один из таковых, потому что мне очень, очень хотелось бы знать, увидим ли мы когда-нибудь описание хотя некоторой части того, что вы чувствовали в Священных Местах Иерусалима, или бесчувственность толпы, не умевшей оценить ваших потрясающих душу воззваний к ней, решила вас на холодное молчание? О нет, ради Бога, не делайте этого! Бог послал вас нам, чтобы вы говорили к этим бедным заблудшим братьям вашим; не молчите же, чтобы они, не поняв и этого грустного молчания, не подумали в своем жалком ослеплении, что вы, в самом деле, уже не имеете ничего сказать им. Вы знаете, однако ж, что в этой толпе есть люди, которые с такой любовию

думают о вас, с такой надеждой ожидают слов ваших и с такою уверенностью убеждены в благотворном действии этих слов, что и это одно небольшое число людей, могущее со временем возрасти до огромного, должно убедить вас в необходимости говорить с нами. Не молчите же, Николай Васильевич, ради Бога не молчите в нашей пустыне!

Глубоко уважающая вас Александра Ишимова.

На В<асильевском> О<строве> по 7-й линии дом Костюриной.

1549. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

<Ноябрь–декабрь 1848. Москва>

От вас лично, от вашего предисловия и от вашего завещания, тесно связанных, впрочем, с самым содержанием вашей книги, перехожу к этому содержанию. Но прежде всего ответ на ваше письмо. Не требуйте от меня положения стройного и строгого, оно покамест не в моей власти; недостаток его одна из причин, по которым я на время, а может быть, и навсегда, отрекся от всякой литературной деятельности, и, без всякого сомнения, недостаток этот в связи с моим внутренним настройством. Может быть, потому еще ваша книга так сильно на меня подействовала, что в высшей степени страдаю я недугом, на который преимущественно она нападает, недугом распущенности, следствием раннего пресыщения жизнью. Отсюда сознание идеала и сознание своего собственного бессилия сообразоваться идеалу, состояние души, может быть, самое безотрадное, самое скорбное состояние веры и разума и апатии сердца.

Первый вопрос, которого вы коснулись, это вопрос о значении женщины. Вас упрекали, помнится, что в этом, по признанию всех, высокопоэтическом письме, вы не сказали ничего положительного. Это неправда: больше вы и не могли и не должны были сказать. Вы возвели этот вопрос к его высшему началу, возвратили красоте ее таинственное и небесное значение, и довольно! Еще больше; вы указали на средства, которыми владеет женщина. Но, мне кажется только, что вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, как, выражаясь ее языком, протест в пользу женщин, с одной стороны, и в пользу бедных, с другой; одним словом, в пользу слабейших. Вы не фанатик — это доказывают многие из ваших же писем;

вы не близорукий и не ограниченный человек, следовательно, вы не можете закрыть глаза и не видать, что в основе своего протеста литература и мышление современное правы; ошибаются они в средствах, да и не могут не ошибаться. Думаю я, что в каждом великом мировом событии есть две стороны: дело Божье и дело человеческое; точно так и в этом, более и более приводимом в ясность вопросе... Подозреваю, что вы не в числе гонителей Занда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которые так щедры поборники патриархального быта. Чего хочет Занд, если действительно может что-либо определенно хотеться поэту, действительно носящему в себе страдания, страсти и стремления целой эпохи? Вероятно, не того, чего хотели бы для женщины фурьеристы, т. е. четырех законных мужей и способности двадцать раз на день удовлетворять похотям тела. Возьмите самые молодые из ее созданий: ни в одном из них не найдете вы ничего, кроме той печальной истины, что людским эгоизмом осквернены самые святые отношения мужчины и женщины, что под святым знаменем брака выступают всего чаще самые гнусные, самые богохульные отношения и что, наконец, нельзя слишком строго судить нарушение подобных отношений, но везде и повсюду проглядывает мысль о святости истинно-брачного союза, о значении женщины, как помощницы и сообщницы мужа во всем благородном и великом: то Рафль и Индиана, две души, понявшие наконец свое родство и заключившие неразрывный союз перед лицом девственной природы; то Фиамма, являющаяся Симону, как возбудительница ко всему доброму и возвышенному; то Изельта, поднимающая до себя Пьера Гюгенена; то Консуэло, рука об руку идущая трудною стезею с Трисмегистом Альбером. Везде и повсюду женщина является тем, чем она должна быть в Христовом Царстве: стихиею умягчающею, важною везде; и повсюду брак — святыня. Не отвергнете вы и того также, что современный быт семейный, и наш Русский семейный быт в особенности, куда как далеки от Христова идеала. Не мне доказывать это великому поэту, который создал матушку в «Отрывке», семейный быт Манилова и Собакевича, который вложил в уста Чичикова горькое размышление о встрече с блондинкою. Увы! большая часть наших женщин — *бабы;* остальная, меньшая, почти вся из Круциферских. Кто же виноват в этом? Неужели уже так-таки никто? Взгляните попристальнее, каким образом создаются бабы и каким образом образуются Любовь Александровны. Знаете ли что? В вашем письме о том, «*Чем может быть жена*

для мужа в простом домашнем быту?» чуть ли вы не давали советов излишних. Наши женщины среднего и низшего круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вред всем человеческим сторонам заняты домашним порядком: кругозор их слишком тесен, понятие о доме слишком ограничено или опошлено. Писавши ваше письмо, вы имели, кажется, в виду чисто светскую женщину, т. е. более или менее страдающую недугом распущенности. О! для нее все средства, вами советуемые, превосходны, а нашим женщинам среднего кружка нужно советовать чуть ли не противное. Может быть, это вам покажется парадоксом, но прошу вас обратить внимание на ваш же принцип, т. е. на вечный принцип собирания и сосредоточения самого себя. Собираться в себя значит познавать Бога; познавать же Бога — значит отрешиться от тварей и от всего тварного; отрешиться же от тварного не значит быть аскетом, но только сознавать тварное за тварное, возводить его к Источнику Света и употреблять во славу Его, — одним словом, жить на земле, но не забывать, что, по слову Апостола, *житие наше в небе*, что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо пометом в сравнении со Христом по тому же слову: ибо все должно существовать только *во Христе*. А наши женщины слишком похожи на *Марфу, пекущуюся и молвящую о мнозе;* слишком мало в них энтузиазма к великому и человеческому; лучшия из них думают, что, ведя хорошо домашние дела, исполняя обязанности рачительной хозяйки, они уже все сделали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть христианином, вообще слишком мало быть честным человеком; чтобы быть женою и матерью христианина, слишком мало быть честною женщиною. Тот, Кого исповедуем мы, кротко взглянул на ятую в прелюбодеянии, ибо она много возлюбила, но с строгою укоризною обратился к домохозяйке Марфе... Взгляните на воспитание наших женщин среднего и низшего круга: с немногими оттенками, оно одинаково направлено к истреблению веры в жизнь и в лучшие блага жизни; оно замыкает бедную девочку в тесный круг обиходных домашних понятьиц, и нет ее душе выхода из этой печальной сферы, ибо всякий выход сопряжен с опасностью, а презирать опасности во имя правды она не приучилась, да и не верит даже в возможность такого презрения. И вот, со временем из этой девочки делается или *нежная* Манилова, или г-жа Собакевич, одним словом, — баба. Она верна мужу, она ведет приход и расход; да лучше бы была неверна мужу, не вела приходо-расходной книги! Еще печальнее, если ее природа

благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она — Круциферская; но, к сожалению, страшно пошлы основы ее страданий. Наши Жорж-зандистки и Круциферские клевещут на Занд и, право, не стоят того участия, которым исполнена к ним современная литература. Неверие в великое и благородное у них такое же, как и у баб; но разные господа втолковывают им, что нельзя жить без того, чтобы не любить «долго и нежно, с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной», и вот они пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочем, весьма дешево: жертвы и самопожертвований от них не ждите. Кроме того, вас поразит в них какое-то смешное и возмутительное отрицание всего религиозного и т. д. Понятия их и господ, втолковывающих им великие истины, достойны внимательного изучения... Еще покойный Пушкин намекнул на идеал современной женщины, «кометы в кругу расчисленном светил»; но никто так не обыдеализировал ее, как Лермонтов. Все это было когда-то хорошо, все это теперь надоело страшно. Не преходит только истинное и прекрасное, не прейдут идеалы Шиллера и Занда, вечно светлые образы Офелии, Дездемоны, Миранды, Миньоны, Гретхен, Анунциаты.

До свидания! Простите мне мои отступления и не забудьте, великий художник, что я только ваш ученик и ревностный поклонник.

1550. М. И. Гоголь

Декабрь 10 <1848. Москва>.

От вас уже давно не имею писем. Получили ли вы мое письмо, пущенное в прошлом месяце с приложением письма к Андрею Андреевичу? Я покуда здоров. Посылаю сестрам, Анне и Елиз<авете>, шнуровки и по платью, Ольге 10 руб<лей> денег в особом письме. Кольцо[1] Лизы исправлено и отправляется тоже по почте золотых дел мастером.

Затем будьте здоровы все, и Бог да хранит вас! Прощайте, почтенная и добрая моя матушка!

Признательный ваш сын Н. Г<оголь>.

Я к Марье Николаевне Синельниковой писал и хотел бы знать, получила ли она письмо.

Сестру Анну благодарю много за дела по садоводству.

[1] Что же до кольца

1551. А. М. Марковичу

<Середина октября — середина декабря 1848. Москва>

Если вы желаете видеть редкий музеум русских древностей и почти всех замечательных московских литераторов и ученых, то приезжайте сегодня ввечеру ко мне и к Погодину, который вам будет сердечно рад. Приезжайте запросто, одевшись, как одеваетесь дома. Дам и модных людей не будет.

Весь ваш Н. Гоголь.

1552. Графине А. М. Виельгорской

Декабр<я> 28 <1848>. Москва.

Мы перекинулись по письму, и потом оба замолкнули. У меня произошло это оттого, что хотелось дать вам утешительный ответ на ваши добрые, милые обо мне запросы. Но до сих пор все как-то не устроивалось в порядок, ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятия. Впрочем, говорить так — может быть, уже неблагодарность. Все же я не прикован к постели, но хожу и двигаюсь; все же хоть и с трудом, но переношу мороз и холод; все же хотя и медленно, но движется труд и занятия. Бог в помощь вам, добрый, близкий друг! Перед наступленьем нового года душа моя пожелала сказать вам: Бог в помощь! Чего пожелать вам? Да водворится в наступающем году светлая, твердая тишина в душе вашей и вознесет вас выше всяких смущений. Да сопутствуют вам святые силы в прекрасном стремленьи вашем быть русскою, в *значеньи высшем* этого слова. Лучше этого я не знаю, чего вам пожелать. Прощайте, обнимите крепко всех ваших, передайте им поздравленье[1] мое с новым <годом> и желанье, да будет он им[2] — высокое ликованье духа! Откликнитесь!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте: в дом Талызина, на Никитском булеваре.

1553. Протоиерею Матфею Константиновскому

28 декабря <1848. Москва>.

Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу. Известие, что вы будете сюда, меня много обрадовало.

[1] поздравьте

[2] всем им

Вы напрасно думали, что приезд ваш на праздник Рождества может быть не в пору. Александр Петр<ович> живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тоже тишину, переехал к нему на время пребыванья моего в Москве. Он просит вас прямо взъехать на двор к нему, не останавливаясь в трактире. Комната для вас готова. В надежде скорого свидания

весь ваш

Н. Г<оголь>.

Квартира гр<афа> Алек<сандра> Петров<ича> в доме Талызина, на Никитском булеваре.

1554. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Декабрь (н. ст.) 1848. Рим>

Из всех лиц мне знакомых я более и более возрастаю к вам уважением. Ваше высокое безмолвие и письменное молчание много прибавляет вам цену. — Я бы желал, чтобы оно продолжалось как можно более в отношении ко мне, хоть я очень недавно получил известие об общественном мнении Москвы о вас. Там говорят, что вы приобрели глубокое внутреннее спокойствие. Казалось бы, что человек, дошедший до этой последней степени высоты своей, очень и очень полезен, и любопытен бы был в своих письмах; но дело иное быть в сношениях со светскими людьми, с молодой ученостью, — или с русским художником, которого каждый шаг к успеху сопряжен с ...[1]

1555. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

21 декабря 1848 г. Дубровно<?>.

Последнее письмо твое, признаюсь, меня несколько огорчило, не потому, что до сих пор ты не успел ничего сделать касательно помещения моего в Москве, — нет; неудачи я не могу тебе ставить в вину. Но досадно мне, что ты переменил точку и теперь с другой стороны смотришь на мое положение. Вдруг показалось тебе, что в Дубровном, а не в Москве, я должен нести крест свой, потому что я помещик, как будто это случилось вчерашнего дня, как будто при свидании твоем со мною Дубровно и я были друг другу чужды. Поверь мне, что все остается в том же положении, с тою только разницей, что с каждым днем я убеждаюсь все более

[1] *Не дописано.*

и более в необходимости, покамест еще есть желание и воля, расстаться с деревней, где я не устрою, а скорее расстрою дела мои; да и не одно это заставляет меня думать о службе; есть причины и поважнее... Ну, да что об них! на этот раз умолчу.

Откуда ты вообразил себе, что мне нужно по крайней мере восемь тысяч, чтобы содержать себя в Москве; я полагаю, шести тысяч будет достаточно. Если место будет с жалованьем в тысячу руб<лей> серебром, то, прибавив 2500 руб<лей> ассигнациями, которые я могу иметь с Дубровного, я надеюсь свести концы с концами. Притом же, служа, я все-таки буду иметь что-нибудь впереди — надежда чего-нибудь да стоит! — тогда как в деревне перспектива самая неутешительная, чтобы не сказать — печальная. Ну, да что об этом говорить. Ты будешь уверять меня в противном и подчас приводить в доказательства и дельные резоны, и тексты, и я все останусь при своем. Вследствие этого делай как хочешь. Что же нового в Москве? На днях тетенька жены моей, которая провела несколько времени в Москве, обрадовала нас неожиданным своим приездом. Мне приятно было узнать, что она видела тебя и что ты навещаешь Александра Михайловича, что ты здоров и весел, что московские морозы тебе по сердцу и проч.

1849

1556. А. М. Марковичу

<Конец декабря 1848 или начало января 1849. Москва>

Очень вас благодарю и очень жалею, что не могу воспользоваться вашим приглашеньем и билетом. Я не владелец завтрашнего дня и утром и вечером. Поздравляю вас от всей души с новым годом.

Ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александру Михайловичу Маркевичу.

1557. Н. Н. Шереметевой

<Начало января 1849. Москва>

Приветствую вас, бесценный друг! Два письма уже я послал вам в Рузу. Получили вы их? Благодарю вас за поздравление с новым годом. От души молю Бога, да пронесется он для вас

прекрасно, в святых мыслях и светлых молитвах, как начался он для меня, за что возношу Ему милосердому благодарения сердечные. Прощайте, да пребудет Он с вами вечно, и не забывайте меня по-прежнему.

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1558. П. А. Плетневу

1849. Генваря 20. Москва.

Письмецо твое получил. От всей души и от всего сердца желаю тебе возможного счастия вместе с тою, которую избирает твое сердце в подруги; хотя, признаюсь в то же время, что я мало верю какому-нибудь счастью на земли. Тревоги начинаются именно в то время, когда мы думаем, что причалили к берегу и желанному спокойствию. Блажен тот, кто живет в *здешней* жизни счастием *нездешней* жизни. Ты называешь избранную свою существом нездешнего мира. Идите же оба к Тому, Кто един *путь* и *дорога* к нездешнему миру, без Которого в мире идей еще больше можно запутаться, чем в прозаическом мире повседневных дел. Чем дале, тем яснее вижу, что в нынешнее время шатаний ни на час, ни на минуту не должно отлучаться от Того, Кто Один ясен, как свет[1]. Время опасно. Все шаги наши опасны. Бог да спасет тебя и вразумит во всем. Поздравляю тебя с новым годом от всей души и сердца. Передай это поздравление от меня и той, которая полюбила твою душу.

Весь твой Н. Г<оголь>.

1559. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Петербург, 15-го января <1849>.

Душевно благодарю вас, любезный Николай Васильевич, за ваше милое, дружеское письмо, в котором вы так усердно мне желаете всего того, о чем я сама молю Бога. Да благословит Он и вас, любезный Николай Васильевич, на начавшийся новый год и да укрепит вас душевно и телесно к довершению вашего труда и к исполнению всех других подвигов, Им от вас требуемых.

Надеюсь, что вы благополучно начали новый год. Мы его встретили дома, следуя со вниманием прекрасным молитвам,

[1] *Далее начато:* и без Ко<торого>

которые читаются в молебен на этот случай. Следующий день я провела очень хорошо, что мне показалось счастливым предзнаменованием на весь 49-ый год, но после того началось для меня печальное время. Не знаю, помните ли вы ту девицу Амалию, которая была с нами в Ницце и в Париже? Она служила у нас в доме двенадцать лет, и я ее очень любила. Она захворала первого января и через четыре дня скончалась, а на следующий день умер меньшой брат одной из лучших моих приятельниц, молодой Фридерикс, вследствие чего я провела всю первую неделю нового года в слезах и на панихидах. Теперь эти грустные впечатления несколько рассеялись, и я снова поднялась духом и готова наслаждаться с благодарностью всеми благами, данными нам Богом, которых не умеем совсем ценить в минуту испытания, когда видим смерть вблизи и когда столь разительно открывается нам вся суетность всего земного.

Благодарю вас еще за ваше первое длинное письмо. Я прочла его с большим удовольствием и вас искренно благодарю за ваше дружеское, братское ко мне участие. Не беспокойтесь насчет моего здоровья: оно укрепляется, слава Богу, с летами, и, кроме того, я мало выезжаю нынешнюю зиму и, следовательно, мало утомляюсь.

Русские наши занятия, к несчастию, не продолжаются: Владимир беспрестанно нездоров, встает поздно, и таким образом охота с обеих сторон, кажется, остыла. Во всяком случае, надобно будет искать другого учителя, потому что Владимир отправляется завтра в Москву.

Александра Осиповна все нездорова, и, к моему сожалению, мне не удается ее часто посещать. От брата хорошие известия: надеется приехать к нам летом. Вы встретитесь с ним, вероятно, в Павлине.

Прощайте, любезный Николай Васильевич, берегите себя как следует, и да благословит вас Господь во всех ваших деяниях и да услышит все ваши молитвы.

А. В<иельгорская>.

1560. А. С. Данилевскому

<Январь 1849. Москва>

Письмецо твое получил. Хотел было писать, не дожидаясь ответа, и известить, что Россет предлагает тебе при себе место в 1000 р<ублей> серебр<ом>. Место, впрочем, не казенное.

Но Россет внезапно уехал в Калугу и когда будет назад, не знаю. Если решишься ехать в Москву, не позабудь повидаться с Алексеем Васильевичем Капнистом и взять от него письма к брату и еще к кому-нибудь из служащих и деловых людей. Мои приятели, как нарочно, *единого прекрасного жрецы* и больших сношений с деловыми людьми не имею<т>. Впрочем, будем работать по силам. За глаза действовать нельзя, и потому тебе заглянуть сюда действительно не мешает. Писал я к тебе о занятии деревней не потому, чтобы переменил точку воззренья на твое положенье. Но потому, что был разочарован безотрадностью всяких служебных поприщ. Если бы у тебя было хотя честолюбие и стремленье выйти в люди, тебе бы легче было на службе, ты бы имел сколько-нибудь духу перенести многое, что способно оскорбить благородное чувство. Но этой силы, стремлящей вперед, у тебя нет, поэтому положенье твое будет в несколько раз труднее положенья другого человека. Все пошло как-то вкривь, для взяточников есть поприще, для честных почти нет. Недавно имел случай узнать, как даже и те, которые занимают завидные места членов, подвергаются сильным взысканиям, если только плут-секретарь захочет упечь их. Осмотрительность и вниманье к читаемым делам нужно иметь необыкновенные. Если хочешь как-нибудь ужиться на службе и получить терпенье не бросить ее, то, пожалуйста, не обольщай себя вперед легкостью ее; напротив, рисуй лучше вперед себе всякие ожидающие неприятности. Мне сказывал один, что он потому только ужился на службе, что ему при самом вступлении некто опытный человек дал следующий совет: не позабывайте ни на минуту, что все ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь никакому поступку с их стороны, принимайте его, как должное. Это одно только правило, которое я с тех пор держал неотлучно в голове своей, спасло меня, говорил он. Еще одно: напрасно ты имеешь уверенность, что тебе 6 тысяч достаточно на содержанье в Москве. Это можешь только сказать тогда, когда проживешь здесь и узнаешь на месте цену всякой вещи. Я нашел, что все стало почти вдвое дороже противу того, как было назад тому еще 7 лет. Не позабывай также и того, что ты не экономен и еще ни разу не сводил концы с концами. Жизнь небогатого семейного человека, я думаю, еще трудней в Москве, чем в Петербурге. Я это вижу по семействам, которые вижу.

Но да вразумит тебя Бог во всем и даст мудрость, как управить трудную ладью жизни. О себе покуда могу сказать не много. Начинаю кое-как свыкаться с климатом, хотя не без простуд и насморков. Занятия мои еще как следует не установились, отчасти, может быть, и оттого, что все, что ни вижу и что ни слышу вокруг себя, неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселым и развлекаться, но в душе грусть: будущее страшно; все неверно. Вполне спокойным может быть теперь только тот, кто стал выше тревог и волнений и уже ничего не ищет в мире, или же тот, кто просто бесчувствен сердцем и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тем, что в письмах моих попадутся иной раз советы и тексты, даю их только потому, что сам их ищу. До сих пор все советы, от кого <бы> они ни были, даже от не весьма умных людей, были мне полезны. Если я и не следовал многим из них, то все-таки вследствие их оглядывался пристальнее на самого себя и вооружался большею осторожностью в поступках.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Ульяне Григорьевне душевный поклон и всем, кто меня помнит. Я подписался за тебя на «Москвитянин», который в этом году обещает быть хорошим журналом. Я прибавил безделицу к тем деньгам, которые тебе Погодин оставался должен.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

1561. О. В. Гоголь

<Начало 1849. Москва>

Любезная сестра Ольга, благодарю тебя за письмо и поздравленья. Книжки, какой ты <просишь>, не отыскал нигде. Она, верно, давно уже издана и вся выпродалась[1]. Посылаю тебе вместо того «Воскресные Евангелия» с толкованьями и небольшими беседами в конце. Ты можешь прочесть всякий раз перед тем, как идти в церковь. Можешь даже и выписать на небольшую бумажку, это не трудно. Из Евангелия читается не больше, как полстранички.

Распоряжения твои относительно лечения скота хороши. Продолжай тоже[2] по-прежнему помогать страждущим, навещать

[1] в лавках вся выпродалась

[2] также

их и особенно не пренебрегай разговором с ними. Посылаю тебе на лекарства и на вспоможение бедным пятнадцать рублей серебром[1]. Затем Бог да хранит тебя и да поможет во всем.

Твой брат Н. Г<оголь>.

Не позабывай уведомлять меня о лечениях как успешных, так и неуспешных, а также[2] и о том, что услышишь для тебя необыкновенного, о нуждающихся также.

<*На обороте:*>

Ольге Васильевне Гого<ль>.

1562. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 26-го января 1849 г.

Посылаю вам с Билевичем[3] пару носков, любезный Николай Васильевич. Трудно вам сказать, в каком мы положении. Вот почти две недели, как сидит у нас сенатор, и ни к чему не приступает до сих пор. Сначала были формальности, губернатор явился к нему с почетным рапортом, потом был у него получить приказания, представил ему чиновников; после чего сенатор явился ко мне с дядей своим Мацневым; дал почувствовать, что не примет даже официального обеда, чтобы не сказали в Москве, что он с нами в хороших отношениях. Мы все ждали, что Ершовы тотчас явятся и начнется дело, но сегодня Мацнев приехал к Николаю Михайловичу и сказал, что они, вероятно, будут через две недели; все это ужасно неприятно, ставит нас в самое фальшивое положение и весьма тягостно. По-видимому, сенатор не знает, как начать дело, потому что оно выбито из колеи и никакая статья Свода законов не укажет, как в нее войти. Есть обстоятельства такие непостижимые в жизни, что надобно слишком ухватиться за Бога, чтобы, наконец, не сомневаться в Его правосудии. Известный всему миру подлец подает подлый и скверный донос, и в его угодность терзают два семейства, марают их честь перед Государем всей России, и даже те, которые посланы их оправдывать, боятся показать истину. С нами делают неслыханные дела; примеру подобного нет и не бывало. Закревский против нас попирал все законы в пользу Ершовых, и ни один министр не имел духу этого сказать Государю; после этого можно ли жить в России, когда тот, который должен блюсти закон, его попирает, и за это не наказывается. Сенатор наш такой трус, что не стыдится громко говорить, что Закревский силен и что он его боится; он даже не перегово-

[1] двадцать пять рублей серебром

[2] равно

[3] *В рукописи:* Бѣлевич

рил с Перфильевым в Москве, чтобы не показать вид, что он за нас. Сам мне сказал, что, откланиваясь Государю, он ему сказал, что знает старика Е<ршо>ва за черного человека, а теперь боится приступить к делу. Хорош и министр внутренних дел — не мог иметь влияния на выбор сенатора; если бы сюда прислали Корнилова, тот давно бы уже это все кончил. Одна уже эта медленность его доказывает, что он хотел дать время выбрать сына Е<ршо>ва в предводители, и тем и выградить его от суда, потому что, очень естественно, Государь скажет: «видно, что сын Е<ршо>ва честный человек, что единогласно все дворянство его выбрало».

Государь ведь не может знать, как делаются выборы и что значит влияние генерал-губернатора, да еще такой с....., как Закревский. И тут даже он не имел права допустить его к выборам, потому что он под судом: значит, он еще поступил противозаконно и смеется над указом сената, который мы получили, в котором сказано: «Е<ршовы>х, отданных под суд за клевету на гражд<анского> губерн<атора>, и прибавлено в указе — предварительно суда сделать формальное исследование. Следовательно, суд не был отменен и Закревский просто сказал: «я .... на комитет министров, на решение, наконец, на указ правительствующего сената печатный, и допускаю Е<ршова> к выборам, потому что у меня бланки, а я действую высочайше дарованною мне властью», как он имеет привычку говорить. Теперь же вообразите наше положение; мы имеем против себя двух п........ которые, пожалуй, пойдут под колокольный звон, им это ни по чем, и другого п...... Закревского, который, как ч...., за них лезет, никого не боится, всех министров своей силой напугал. А сила в том, что он себя представляет *охранителем* Москвы от вольнодумцев, а вольнодумцами представляет тех, что не любят разврат, который у него делается, который делается вообще в свете. В том числе, вероятно, и мы с вами, а уж, кажется, я стою за правду и не заражаюсь ничем! Вот вам, любезный друг, наши обстоятельства; кажется, трудно вообразить что-нибудь хуже. Один Господь Бог за нас, потому что сильных покровителей у нас нет. Было время, что вы просили меня молиться за вас, теперь вам надобно молиться за меня, за нас всех.

Вчера у меня был жандармский полковник, говорил мне о Софье Ивановне, и последние его слова были: если дойдет до того, что ее на очную ставку с отцем, может быть, она тут и умрет, но, конечно, мы до этого не допустим, потому что она едва дышит. Я держусь кое-как, стараюсь не давать волю мыслям, потому что,

может быть, придется ехать в Петербург. Николай Михайлович тоже болен, очень исхудал. Одним словом, мы живем в аду, по милости Закревского. Мне ужасно хотелось бы, чтобы вы приехали сюда, выберите тепленький денек, возьмите калужский дилижанс и приезжайте; вам даже любопытно будет на все это смотреть; да так как вы сердцеведец, то можете многое высмотреть и узнать, что от нас при теперешнем волнении и ускользнет. Подумайте, душа моя, и приезжайте, только скорее. Ваша от души. По почте берегитесь писать, мы окружены шпионами Закревского, и письма наши читаются, так что я даже Арнольди не пишу. Ваша от души, еще раз.

Графу Александру Петровичу поклонитесь и графине тоже; можете ему кое-что сообщить.

1563. М. И. Гоголь

<Середина февраля 1849> Москва.

Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения насчет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено совершенно и окончательно еще при покойном отце. Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, после ли записки оказалось сомнение. Отец мой доставил также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали ли эти грамоты или не затаскали ли их куда-нибудь в суде, что теперь и не вспомнят. Обо всем этом Иван Васильевич Капнист советует вам переговорить или с Любомирским, который служил еще при нем и знает все, или с кем-нибудь другим в Полтаве, долго служившим при дворянском собрании. Впрочем, насчет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Все это сущий вздор. Был бы кусок хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин или просто дворянин, в *шестую* ли книгу или *восьмую* записан. (Если не докажется происхождение от полковника Яна Гоголя, то род будет записан в 8 книгу.) Шестая книга, конечно, почетнее, но права почти те же. Итак, вы узнайте: было ли записано в 6-й или еще нет? О себе могу сказать только то, что здоровье мое пока покуда порядочно, хотя и нет еще такого расположения к трудам и занятиям, какого бы желал. Сестер моих Анну, Елисавету и Ольгу обнимаю от всей души. На письмо Елисаветы об Эмилии скажу то, что ей следует поступить как лучше, как удобнее и возможнее. Если можно как-нибудь

поместить в полтавский институт, то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будет ее прислать сюда в институт гувернанток, но для этого следует прислать вперед все нужные бумаги, по которым она может быть принята. То есть, во 1-х, метрическое свидетельство, потом, во 2-х, свидетельство от предводителя или губернатора о том, что она, точно, не имеет ничего и что у ней нет ни отца, ни матери. А если можно, то и копии с послужного списка отца; впрочем, последнее не к спеху. Для определения в принятии достаточно и двух первых. Прощайте, будьте здоровы. Прошу молитв ваших. Остаюсь всегда любящий сын

Николай Гоголь.

1564. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

16 февраля 1849 г. Анненское.

Письмо твое чрез посредство Александра Михайловича я получил давно, но не отвечал потому, что ровно не знал ничего сказать тебе в ответ на твои проповеди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну песнь. Кто просил тебя искать для меня место, на котором бы можно было сидеть сложа руки и ничего не делать! Ну, да Бог с тобой! Мне кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее, из этого ничего не выйдет. Ты — плохой ходатай, я — плохой искатель. Lasciamo la politica, ove ella sta, e parliamo d'altro.

Хочу поделиться с тобой моей радостью: на прошедшей неделе, после тяжкой беременности, приводившей меня по временам до отчаяния, жена моя родила богатыря в 3/4 аршина, которого предполагаем назвать Григорием в честь его деда. Здоровье и матери, и ребенка удовлетворительно.

К Россету я писал, но не получал ответа. Вероятно, письмо мое не нашло его в Харькове. На Редкина и Кукольника мало имею надежды и потому не затрудняю их; если достанется быть в Петербурге, то, ухвативши их за бока, может быть, и можно выжать из них какую-нибудь пользу; переписка же ни к чему не поведет.

Ты так аккуратен, что, писавши ко мне, и не означил своего адреса. Буду адресовать на имя Шевырева; это, кажется, всего вернее. Чтобы не поставить и тебя в затруднение насчет моего жительства, сейчас скажу тебе, что я проживаю в деревне сестер жены, в Сумском уезде, Харьковской губернии, и останусь здесь до мая, а потому адресуй ко мне свои письма или свое письмо на

мое имя в *Сумы,* Харьковской губернии. В мае же и после мая всегда пиши ко мне в Ромну, Полтавской губернии. Ясно? ну, то-то же! бери пример с меня!

У нас тут много слухов на твой счет: говорят, что ты уже напечатал вторую часть «Мертвых душ», чему я не верю, пока не буду иметь экземпляра в собственных руках.

О Миргороде и его любезных обитателях редко получаю известия; все в тех местах обстоит, кажется, благополучно, только винокуренный акциз многих помещиков заставил почесать в затылке.

Поклонись от меня Боткину и Гинтовту да напиши, ради Бога, что-нибудь о своей персоне. Все мораль да мораль — это хоть какому святому надоест! Что предполагаешь делать летом? не заглянешь ли в Малороссию?

До свиданья, мой добрый друг! не гневайся на меня за мое молчание, не изменяй своему великодушию.

1565. А. С. Данилевскому

Февраля 25 <1849. Москва>.

Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. Сам не знаю, как это случилось. Знаю только то, что я и в мыслях не имел говорить проповеди. Что чувствовалось на ту пору в душе, то и написалось. Может быть, состояние хандры и некоторого уныния от всего того, что делается на свете, и даже от неудачи по твоему делу, может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки, — во всяком случае, прости! Радуюсь от всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный был в большое утешение вам обоим. Насчет II тома «М<ертвых> д<уш>» могу сказать только то, <что> еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссее». Если Гомера встретили равнодушно, то чего же ожидать мне? Притом недуги мало дают мне возможности заниматься. В эту зиму я как-то разболелся. Суровый северный климат начинает допекать. Ничего не могу тебе сказать еще насчет того, где буду летом, а тем менее — буду ли в Малороссии, хоть бы и желалось поглядеть на тебя и на других близких. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском

булеваре. Впрочем, всячески адресованное письмо до меня в Москве доберется. Обними за меня Ульяну Григорьевну, перецеловавши деток, и передай поклон ее сестрицам.

Твой весь Н. Гоголь.

Пиши ко мне и не забывай. Ты говоришь, что у вас много слухов на мой счет. Уведоми, какого рода, не скрывай, особенно дурных. Последние[1] тем хороши, что заставляют лишний раз оглянуться на себя самого. А это мне особенно необходимо. Когда буду чувствовать себя лучше, распишусь, может быть, побольше.

1566. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1849 г. Февраля 17.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Вы очень хорошо понимаете себя: точно также и всякий понимает себя более или менее лучше других. Я говорил уже, что хочу улучшаться и первым средством к этому считаю говорить о себе другим откровенно, как сам себя понимаю. В этом смысле будет моя сегодняшняя беседа.

Сказать кстати, нынче вздумал я о самоисправлении и, как о виде этого родового понятия, о исправлении через других. Кто хочет искренно своего исправления, тот должен дорожить малейшим к этому представляющимся средством. Одно из таких средств пришло мне сегодня в голову. Что мир во зле лежит, эта мысль в известном смысле справедлива и в справедливости своей так резка, так обильно поражает фактами того, кто хочет наблюдать за ней, что у бедного человека не оказывается сил говорить о ней: обилие аргументов его поражает, и он не знает, за что взяться.

Взгляните только на малейшее благое намерение человека, на какую-нибудь маленькую благую крупинку его мысли, и взгляните на судьбу их: взрастает терние и поглощает пшеницу. В мирском климате добру трудно вырасти, дать колос и плод — мир во зле лежит. Повторяю, это по опыту знает всякий добрый хозяин. Как же не рваться всеми силами к благому делу удобрить свою ниву? как не рваться к этому, когда это, при всей ужасающей своей необходимости, так трудно? О, сколько возможно употребим себя на то, чтобы в короткие часы нашего испытания хоть что-нибудь сделать добра!

[1] они

...На ком лежит долг учить ближнего? На том, кто может. Беру в пример писателя такого, который сам признает долг своей великим долгом наставника, который с успехом говорит с обществом, который, наконец, может говорить истинно и прямо полезное: неужели он не может учить ближнего? Чего же ждать ему, когда время бежит, бежит, бежит... и не чувствует, что он благоволит думать об общей пользе. Ему нечего ждать, и молчание его я отношу опять-таки к успеху того, кому не приятно появление в мире всякой искренней, доброй мысли.

Невинным образом я мог сделать Вам неприятное сближением моего примера с Вами, но прошу Вас, не стесняйте моей откровенности: она срывается в минуту доброго расположения к *общему*, чему должно жертвовать *частным* и даже своею выгодою, что, может быть, я и делаю. Позвольте мне обратиться к Вам с несколькими словами о Ваших произведениях. Многие статьи в Вашей «Переписке», как я помню, и то понятие, которое я мог о Ваших мыслях иметь, дают мне уверенность, что вам необходимо писать больше и больше, — излагать свои мысли. Если я уже начал, то и кончу. Всем известно, что Вы, *если бы даже Вы имели для чего-нибудь мало данных, можете быть истинны и убедительны.* Положим, в чью угодно угоду, что Вы призваны не для речи с учительской кафедры; но вспомните, что свету нужно? Скудно тлеет в нем огонь священный, огонь религии; оракулы его духом своим не раздувают его, а тушат: и Вы будете только для себя хранить полезный для него материал! Но вспомните, вспомните, какая рать вокруг на него ополчается, вспомните, что Вы из единственных его поборников, что если Вы не оставите для него ничего, то он многое, весьма многое потеряет. В духе ли успевающего ныне образования раздувать его[1] для освящения трудов своих? Образование подвинулось; но златобуквенная книга Христа лежит закрытая, если не в позоре, тем не менее в совершенном, равнодушном забвении. А Вы читаете ее, и, может быть, один из немногих, поняли смысл ее еще более потребностей житейских! Вы можете писать отлично от других, и Вам не написать для нее хоть несколько страниц?.. Я вижу в этом великую нужду, Николай Васильевич! Бог знает, найдется ли еще когда человек с равною Вам возможностью, да придет ли ему еще воля так писать? А Вы между тем не оставите и того факта, что были умные, талантливые люди, которые увлеклись величием незамечаемого нами сокровища и преклонили с надеждой и ожиданием пред

[1] Огонь религии. — *Примеч. И. Д. Малиновского.*

ним колена... Слушать ли вокруг вечное жужжание толков, когда мысль устремлена мимо их, дальше их. Марфа не помешала в благом деле Марии, повара не должны мешать эконому, частные лица не должны вмешиваться в правление: плюньте на шум внизу, и если Вы стоите головою выше, то смотрите прямо на дорогу, а не на лица сопутников. Я говорю, что Вам нужно писать именно в том роде, в каком были статьи в Вашей «Переписке» .

Д. М<алиновский>.

1567. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Петербург. 24-го февр<аля 1849>.

Любезный Николай Васильевич, вы нас совершенно забываете или очень заняты, иначе я не могу объяснить себе ваше долгое молчание. Владимир сказал мне, что он оставил вас здоровым и в прекрасном расположении духа, из чего я заключила, что в самом деле все идет у вас благополучно и что вы довольны самим собою, понимаете ли, в каком смысле я это говорю? Ежели мои догадки верны, то я готова вам все простить и даже позволить вам никому не писать, что весьма великодушно с моей стороны. Одно хотела бы я знать: приедете ли вы в Петербург весной и в какое именно время? Не помню, писала ли я вам, что нам всем очень хочется поехать на нынешнее лето в нашу деревню, недалеко от Коломны, и тем же случаем остановиться в Москве и хорошенько рассмотреть этот для нас совершенно незнакомый город. Я бы очень желала, чтоб мы сошлись вместе в Москве и чтоб вы были нашим cicerone. В вашем отсутствии граф Комаровский взял на себя исполнять вашу должность при моей особе, и я могу уверить вас, что вы были бы довольны его ревностью. Он непременно хочет меня convertir à la Russie (по его собственному выражению) и в этом намерении хочет мне рекомендовать разные сочинения, касающиеся до России и до славянских племен вообще, и он сам обещал мне писать некоторые статьи об этом предмете, чтоб я ими могла руководствоваться в моих занятиях. Вы видите, любезный Николай Васильевич, что со всех сторон меня влечет сделаться русскою, и как я не сопротивляюсь этому стремлению, но сама ему способствую, сколько могу, так надеюсь, что ваше и мое желание наконец исполнится и что я сделаюсь русскою не только душой, но и языком и познанием России.

А. В<иельгорская>.

1568. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1849 г. Февраля 27.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Сегодня я не могу писать много, но желаю сказать слова два в дополнение того, что начал. Я начал о том, что религия стоит того, чтобы ей посвятить долю от трудов своих. Что касается до поэта писателя, то он может много чудного сделать пером своим. Пусть он обратит свою душу на поэзию прямого добра, на поэзию религии: во-первых, он найдет здесь обильную жатву; во-вторых, при благословенной работе, каждым взмахом пера будет приносить пользу тысячам, и какую пользу! Верно, он много высокого передумает и перечувствует в продолжение жизни, — года, — одного праздника христианского. А другие этого не знают, — отчего же не писать ему об этом, с ними не делиться? Для народа драгоценны памятники истинной поэзии, и истинный поэт вправе молчать только тогда, когда это право докажет он как 2 и 2 = 4. Его работа — заповедная работа, его творения — редкие творения, жизнь его — благодатное явление в человеческом круге; ему надо работать и работать, больше других работать; а для этого бдеть над собою, чтобы выработать себя для других. Другим людям он вырабатывает счастье, человечеству — жизнь: его жизнь на земле не такова, как для других, — он должен с этим примириться.

Д. М<алиновский>.

1569. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1849 г. Марта 1.

Род художественных творений, о котором я говорил, есть дар поэта людям, дар драгоценный, без сомнения; но напрасно поэт скажет, что, принося этот дар, он служит единственно в пользу ближнего и той пользе, о которой Вы, Николай Васильевич, говорили. Извините, если я скажу что-нибудь неловкое; я говорю вовсе не для того, чтобы быть ловким. Чтобы принесть кругу людей, тем более поколению, чувствительную пользу, нужны, по моему мнению, другого рода творения. Сколько и какую пользу приносит поэт своим творением чисто художественным?

Польза таких художественных произведений для общества та же, какую приносят мальчику добрые игрушки, а взрослому добрые занятия. Недостаточность их в деле пользы состоит в том, что они не имеют силы будить человека от порока и защищать от него, что о добре они говорят не так, как нужно окруженному

напастями человеку — прямо ораторскою проповедью, могучим словом, а говорят они о добре иносказательно, одним своим добрым присутствием, одною своею красотою, так же, как говорит о добре природа. Художественное произведение есть цветок, а цветы и в раю, и безгрешного не спасли от зла. Рассыпая такие цветы, поэт помогает доброму, кроткому делу матери-природы, но не входит в полезное дело отца. Мать в своем деле видит добро и старается показать его сыну, а отец смотрит на сына и делает ему добро, анализируя зло. О чем же говорит поэт? Не те ли же слышим от него речи, какими жалуется на свой неуспех нежная, многожелающая, но маломогущая добрая мать? Она не перестает верить могуществу своих мер и жалуется только на себя, и сетует, и скорбит и... Жалко и мать и детей, когда нет при них отца.

Д. М<алиновский>.

1570. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

19 марта <1849. Москва>.

Всегда помню о возлюбленном и дорогом для меня новорожденном, а нынче особеннее вспоминала. Надеюсь лично вас поздравить. — Но пока доберусь до вас, посылаю поздравить милого друга, и все чего вам желаю, видит Бог, Ему вас вручаю, Его и молю, да сохранит вас от всего, могущего вредить вашему Спасению, о котором дай Бог нам неослабно заботиться[1]. В сем спокойном состоянии душа свободно вздохнет к Тому, где никогда не отвергнут призывающих во истине, а у Него, Премилосердного, и в радости и в горести все найдем, что успокоивает душу и к Нему же ее обращает и возвышает, и слава Богу. Прощайте, благословляю вас.

Христос с вами!

Будьте Господом хранимы, а с Ним повсюду безопасно и отрадно. — Да благословит Господь вашу работу и поможет вам свершить во славу Его. Отеческому Его Покрову вручаю вас часто и сию минуту, Боже мой, Ты его не покинь, наставь и помоги творить Твою святую волю. Господи, спаси его! Прощайте, еще вас благословляю.

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.

[1] *Далее было:* о сем

1571. Н. Н. Шереметевой

<19 марта 1849. Москва>

Благодарю вас за письмецо и в нем особенно за желание, чтобы Бог благословил труд мой на пользу ближнего.[1] Ничего бы так не хотелось, как этого. О! если бы Бог, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но вняв единствен<но> молитвам добрых душ, обо мне молящихся, удостоил бы меня этого счастия и не отлучался бы от меня во все время моей жизни, несмотря на всю мою низость и неблагодарность!

Вероятно, вы уже удостоились приобщиться Св<ятых> Тайн. От всей души вас поздравляю

весь ваш

Н. Гоголь.

Доброго Ивана Алекс<андровича> Фон-Визина я успел удовольствие ви<деть> два раза и вам благодарен от души за это знакомство.

1572. С. Т. Аксакову

<19 марта 1849. Москва>

Любезный друг Сергей Тимофеевич,

Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло.

Весь ваш Н. Гоголь.

Суббота.

1573. Графине А. М. Виельгорской

Москва. Марта 30 <1849>.

Я получил милое письмецо ваше, добрейшая Анна Миха<й>ловна. Оно меня порадовало тем, что вы не оставляете желанья вашего сделаться русскою. Бог в помощь! Нигде так не нужна Его помощь, как в этом деле. Вы говорите, что и мое и ваше желанье исполнится, что *вы сделаетесь русской не только душой, но и языком и познаньем России.* Я подчеркнул эти строки, потому что это ваши собственные слова. Знаете ли, однако же, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и познаньем

[1] *Далее было:* Видит Бог

России, чем русскою *душой*. Теперь в моде слова: *народность* и *национальность*, но это покуда еще одни крики[1], которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся[2] развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное? В чем она[3] состоит? Это нужно рассмотреть внимательно. Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа. Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере.[4] Итак,[5] для того, дабы сделаться русским,[6] нужно обратиться к источнику, прибегнуть к средству, без которого русский не станет русским в значеньи высшем этого слова. Может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значение жизни. Правду слов этих может засвидетельствовать только тот, кто проникнет глубоко в нашу историю и ее уразумеет вполне, отбросивши наперед всякие мудрования, предположенья, идеи, самоуверенность,[7] убежденье[8], будто бы уже постигнул, в чем дело, тогда как едва только приступил к нему. Да. В истории нашего народа примечается[9] чудное явленье. Разврат, беспорядки, смуты, темные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия были у нас еще, быть может, в большем размере, чем где-либо. Они ярко выказываются на всех страницах наших летописей. Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильней, чем где-либо. Слышатся также повсюду в летописях следы сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повести они

[1] одни пустые крики
[2] начинаем теперь стремиться
[3] эта привлекательность, всех нас теперь зовущая
[4] *Далее начато:* Доказательство тому то, что
[5] *Далее начато:* к<ак> вы видите, что
[6] *Далее начато:* в<ам>
[7] *Далее начато:* и гордость и
[8] увереннос<ть>
[9] совершается

нам не передали. Слышна возможность основанья гражданского на чистейших законах христианских. В последнее время стали отыскиваться[1] беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова *Домостроя,* где, как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России. Является уже не политическое устройство России, но частный семейный быт и в нем жизнь, освещенная тем светом, которым она должна освещаться. В наставлениях[2] и начертаньях, как вести дом свой, как быть с людьми, как соблюсти хозяйство земное и небесное, кроме живости подробных обычаев старины, поражают глубокая опытность жизни и полнота обнимания[3] всех обязанностей, как сохранить домоправителю образ благости Божией в обращении со всеми. Как быть его жене и хозяйке дома с мужем, с детьми, с слугами и с хозяйством, как воспитать детей, как воспитать слуг, как устроить все в доме, обшить, одеть, убрать, наполнить запасами кладовые, уметь смотреть за всем, и всё с подробностью[4] необыкновенной, с названьем вещей, которые тогда были в употреблении, с именами блюд, которые тогда готовились и елись.[5] Так и видишь перед глазами радушную старину, ее довольство, гостеприимство, радостное, умное обращенье с гостьми с изумительным отсутствием скучного этикета, признанного необходимым нынешним веком. Словом, видим[6] соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это <придти?> в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным.

В последнее время стали беспрестанно открываться рукописи в этом роде. Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах,

[1] открываются
[2] этих наставлениях
[3] объятия
[4] с такою подробностью
[5] *Далее начато:* Всё
[6] видим в этом быт<е>

подвластных воображенью, обольщеньям самолюбивого ума[1] и всяким пристрастьям. Но для вас эти книги покуда недоступны: во-первых, из них напечатано немногое; во-вторых, оно не переведено на нынешний русский язык. Вы древнего языка нашего не знаете[2]. Вот почему я медлил вам советовать, какие книги прежде читать. Все, что больше всего может вас познакомить с Россией, остается на древнем языке. Остается одно средство: вам нужно непременно выучиться по-славянски.[3] Легчайший путь к этому следующий: читайте Евангелие не на французском и не на русском языке, но на славянском. К французскому прибегайте только тогда, когда не поймете. Слова, которые позагадочнее, выпишите[4] на особую бумажку и покажите священнику. Он вам их объяснит. Если вы прочтете Евангелие, послание и прибавите к этому пять книг Моисеевых, вы будете знать по-славянски, при этом деле и душа выиграет немало. Когда же увидимся[5], тогда я вам объясню в двух-трех лекциях все отмены, какие есть в нашем древнем языке от славянского. Вы его полюбите. Этот язык прост, выразителен и прекрасен. Но я, кажется, много заговорился, пора и перестать. Итак, Бог в помощь! Будьте русской; вам следует быть ею. Но помните, что если Богу не будет угодно, вы никогда не сделаетесь русскою.[6] К источнику всего русского, к Нему Самому, следует за этим обратиться.[7] Бог в помощь! Теперь о себе. Донесенье Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположенья духа только наполовину справедливо. Он меня видел в гостях. Нельзя же приносить в гости скуку. Волей или неволей, но должен если не быть, то по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти все время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья. Наконец, я испытал в это время, как не проходит нам никогда безнаказанно, если мы хотя на миг отводим[8] глаза свои от Того, к Которому ежеминутно

1 ума и гордых страстей

2 *Далее начато:* а всё, что есть луч<шего>

3 *Далее начато:* Употр<ебляйте>

4 выпишите потом на

5 мы с вами увидимся

6 *Далее начато:* Итак, нужно обратить<ся>

7 *Далее зачеркнуто:* Еще слово: какая вам книга... прочитайте... Мне все кажется, что в ней есть полезное для вас. Я хотел по крайней мере указать вам полезное, именно вам. Обязательно молитесь и прочтите мое письмо матери<?> во время поста и говенья.

8 только отклоняем

должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаньями земными, наместо небесных. Но Бог был милостив и спас меня, как спасал уже не один раз. Что касается до поездки моей в Петербург, то, несмотря на все желанье[1] видеть людей, близких моему сердцу,[2] она должна до времени быть отложена[3] по причине не так устроившихся моих обстоятельств. А не так устроились обстоятельства по причине предыдущей, то есть от не так удовлетворительного расположенья духа. Но Бог лучше нашего знает, чему лучше быть. Тем более вы меня порадовали вестью, что, может быть, нынешним летом заглянете в Москву. От всей души желаю, чтобы Москва оставила в душе вашей навсегда самое благодатное впечатленье. Прощайте, добрейшая моя Анна Миха<й>ловна. Передайте мой душевный поклон графине, расцеловавши ее ручки.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Так как радостный праздник уже готовится наступить и[4] письмо придет к вам в светлый день, то посылаю вам заочно братское лобызанье со словами: Христос Воскресе!

Софье Миха<й>ловне я пишу в одно время с вами. Аполлине Миха<й>л<овне> передайте поклон самый душевный.

1574. Графине С. М. Соллогуб

Москва. 30 марта <1849>.

От вас ни словечка, добрейшая, милая Софья Михайловна. Несмотря на то, в одно время с письмом к Анне Михайловне (которая благодаря доброте ее не забывает меня) пишу и к вам. Сделайте милость, уведомите меня, что вы делаете и как проводите ваше время. Что делает графиня Луиза Карловна и в каком расположении духа бывает чаще? Что делает Апол<л>ина Мих<айловна> и Анна Михайловна? С Анной Михайловной вы бываете, вероятно, чаще и потому о ней больше можете рассказать мне. Что вы нарисовали, что начитали и что наделали хорошего вообще за всю зиму? Вы сделаете мне этим подарок[5] на светлое воскресе<нье>, с наступленьем которого вас от всей души поздравляю. Дай Бог, чтоб и в душе вашей пребывал неотлучно

[1] желанье мое

[2] *Далее начато:* я до

[3] отодвинуться

[4] *Далее начато:* может

[5] боль<шой> подарок

Сам Воскреснувший, радостно сияя и освещая Собою еще более вашу душу.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Переворотите на следующую стра<ницу>.

Попеняйте Александру Осиповну за то, что она ко мне никогда ни полслова, ни четверть словечка. Сделайте ей сильно выговор, а потом поцелуйте и скажите ей от меня: Христос Воскрес! С ней, как с близкой сестрой, христосуюсь я в этот день и, к сожаленью, так же, как с вами, всегда почти заочно.

Всех ваших малюток, булочек и хлебцев, обнимаю и целую.

1575. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

<Конец марта 1849. Москва>

Христос Воскресе!

Наконец получил от вас письма. Вы, слава Богу, здоровы, но все вокруг вас нездорово. Обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грехам терпим наказанье Божье. Своей неразумной, неосмотрительной жизнью мы навлекаем печальные следствия. Как ни рассмотрю и себя самого и других, вижу, что все, а в том числе и я сам, живем далеко не так, как следует. Все мы живем, надеясь на благополучие в следующем году, всякий гонит от себя и мысль о том, что его может посетить злополучие еще тягчайшее, нежели в прошедшем году. От этого никто не думает о запасах. Ни в ком нет благоразумия Иосифова, все заботятся только о том, как бы получше провести сегодняшний день, подальше от работ тяжких, но полезных и дающих нам пропитание, поближе к работам легким, бесплодным[1], дающим забвение всего нас окружающего. И так проходит вся жизнь наша. Счастливы мы еще тем, что Бог поражает нас бичами несчастий и заставляет нас хотя по временам опомниться и оглянуться на себя. Без того мы бы не опомнились до последних дней Страшного суда. Всего ужаснее, когда из-за нас и виною нашею страждут невинные и от грехов и заблуждений наших терпят праведные. О, нужно нам теперь крепко молиться! Молиться о том, чтобы вразумил нас Бог, как нужно вести жизнь, чтоб от неустройства и небреженья нашего не терпели другие. Прежде всего я прошу вас помолиться обо мне ото всех сил, сколько станет общего, соединенного усердия вашего и любви ко мне, чтобы не отступался от меня Бог и дал бы мне ум и силы исполнять свои

[1] развлекающим

обязанности, которые я позабываю ежеминутно. Посылаю пятьдесят рублей серебром в пользу страждущих. 25 рублей сереб<ром> поступят сестре Ольге на известное употребленье, другие же двадцать пять сестре Анне на раздачу необходимого хлеба голодным[1]. Всего лучше, если бы эта раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать, разве тогда уже, когда не станет сил работать. Благодарю от души сестру Анну за то, что она старается доказать на деле ко мне любовь исполненьем просьб насчет работ в саду. Я уверен, что эти занятия доставят потом усладу и ей самой; благодарю также и племянника Колю за то, что помогает ей. В самих же работах нужно руководствоваться возможностями и никак не отрывать для саду от других, важнейших работ. Особенно не занимать подвод, которые, по случаю скотского падежа, стали теперь дороги и редки. Нужно помнить, что есть занятия, еще важнейшие в хозяйстве, которые (увы!) мы бросили, как скучные и ничего не говорящие душе. Много, много мы бросили душеспасительных трудов и, заботясь только о себе[2], в то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о других, потеряли свое. Оттого и труднее нам в нынешнее <время> спасти душу свою, чем когда-либо прежде. Помолитесь, добрейшая моя матушка, о бедной душе моей[3]. И вы также, милые сестры. Никогда еще не были мне так нужны молитвы.

Весь ваш Н. Гоголь.

<На обороте:>

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь, Анне, Елисавете и Ольге Васильевнам.

1576. М. И., А.В. и Е. В. Гоголь

3 апреля <1849. Москва>.

Христос Воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам. За поздравление благодарю вас — и вас, почтеннейшая матушка, и вас, милые сестры, хотя и удивило меня то, что от одной сестры Ольги не было приписано ни

[1] тем
[2] о развлеченье
[3] обо мне

строчки. Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад, в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии, документов дворянства и проч. и пр. Ваши беспокойства и мысли о том, что я могу в чем-либо нуждаться, напрасны. Вы их гоните от себя подальше. Все зависит от экономии. Я[1] просто[2] стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землей. Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем[3], забудем, что есть на земле страданья, несчастья. Заплывет телом душа — и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней. Вы мне ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя[4] их хлеб, не[5] хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что[6] они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет навыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного. Передайте мой душевный поклон Андрею Андреевичу, а вместе с ним[7] и поздравленье с праздником, с моим искренним желанием ему так же, как и вам, наслаждаться отныне более, нежели когда-либо, высоким внутренним веселием душевным. Всех вас обнимаю.

Н. Г<оголь>.

[1] *Далее начато:* по
[2] *Далее начато:* не д<умаю>
[3] или же просто задремлем
[4] едим
[5] и не
[6] что они здесь живут
[7] с тем

1577. О. В. Гоголь

<3 апреля 1849. Москва>

Христос Воскресе!

Ты одна не написала ни строчки. Что с тобою? Здорова ли ты? Напиши, как идут дни твои: что делаешь, с кем видаешься, с кем и о чем говоришь. Ты меня не уведомила также о получении денег 15 руб<лей> серебр<ом>, посланных в одно время с толкованьем воскресных Евангелий. Еще к тебе имею одну просьбу. Наблюдай иногда над Эмилией и в свободное время, когда у ней нет урока, занимай ее беседами душеспасительными.[1] Проси также и сестру ее Сашиньку, если она с тобой, наставлять и увещевать сестру свою, к ней привились кое-какие пороки. Придумай, нельзя ли ей дать какое-нибудь такое дело и занятие, которое бы для дитяти не было скучно, а между тем действовало бы нечувствите<льно> на душу и на нравственность. Бог тебя вразумит, если ему помолишься. А ей это очень нужно. В ожиданьи от тебя вести остаюсь

твой брат Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Ольге Васильевне.

1578. В. А. Жуковскому

3 апреля <1849. Москва>.

Христос Воскрес! Больше ничего не знаю сказать тебе. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос Воскрес. Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приуготовляю, то идет медленно[2] и не может никак выйти скоро, и Бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять. Чувствуется только, что не без смысла. Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди завираются и набалтывают кучи глупостей[3], так что едва ли не должен теперь[4] всякий истинный поэт и мыслитель думать прежде всего о воздержании, произнося: «Господи, положи хранение устом моим». Ты счастлив, подчинивши себя слепцу Гомеру.

[1] *Далее начато:* о Боге<?> и исполн<ении> обязанностей, увещев<ай>

[2] то не для текущего вр<емени>

[3] говорят кучи глупостей и завираются

[4] в нынешнее время

Он не увлечет тебя с дороги в омут, хоть и слепец. Свой же собственный ум, того и гляди, занесет куды-нибудь в овраг. Кстати об «Одиссее». Я уже было написал к тебе письмо собственно о ней, но письмо это осталось неокончен<ным>. Оказалось, что по поводу этого предмета так много нужно говорить, что я испугался.

Наговоримся[1] при свиданьи. Покуда передаю тебе всеобщее неудовольствие на *печать,* которое разделяю и я. Шрифт[2] так неудобен для чтения, что я, у которого глаза, слава Богу, хороши, заикался и поперхивался[3] едва ли не на всякой строчке. По моему мнению, «Одиссею» следовало бы издать особо: разгонисто, буквами крупными, формат книге дать большой. Словом, прилично важности труда. Но слава Богу, что, во всяком случае, она[4] издана и ее читают. Чтение это вносит особенное спокойств<ие> в душу, беспрестанно возмущаемую мятежным временем. Я всю зиму прожил в Москве. Лето полагаю провесть также если не в самой Москве, то, по крайней мере, в окружности ее. Мне все кажется, что хорошо бы тебе завести подмосковную. В деревне подле Москвы можно жить еще лучше, нежели в Москве, и еще уединеннее, чем где-либо. В деревню никто не заглянет, и чем она ближе к Москве, тем меньше в нее наведываются, это уже такой обычай. Так что представляются[5] две выгоды: от людей не убежал и в то же время не торчишь у них на глазах. Если[6], в ответ на это мое письмо (которое, как ни коротко, но есть уже подвиг, принимая в соображение непостижимую лень и бездействие сил моих), наградишь меня, с обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, весточкой о себе, об «Одиссее», о милом твоем доме и о том, когда ждать тебя и в какой уголок русского царства, то и сим, может быть, освежишь и дремлющую мою деятельностьи силы[7]. Бог да хранит тебя и все, что близко твоему сердцу. Да спасет от всего нечистого добрую душу твою. Передай мое поздравленье с праздником и братское заочное лобзанье супруге, деткам, всем Рейтернам.

Христос Воскрес!

Твой Н. Гоголь.

Мой адрес: Москва. На Никитском булеваре в доме Талызина.

[1] Об этом наговоримся

[2] *В автографе:* штрифт

[3] *В автографе:* попырхивался

[4] «Одиссея»

[5] представляются отсюда

[6] Если ты

[7] силы, обессиленные леностью

1579. П. А. Плетневу

3 апреля <1849. Москва>.

Христос Воскрес!

От всей души поздравляю с светлым праздником и тебя и твою милую супругу, с которою желал бы душевно познакомиться. Напиши мне хоть что-нибудь из новой жизни своей. Что до меня, хоть и не так живу, как бы хотел, хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо Богу и за то. Могло бы быть еще хуже. Бог да хранит вас. Будь здоров и телом и духом.

Весь твой Н. Г<оголь>.

Ольге Александровне передай мое поздравление, Александре Осиповне тоже.

1580. А. А. Иванову

<7 апреля 1849. Москва>

Христос Воскрес!

Что с вами, милый и добрый Александр Андреевич? Я ничего о вас не знаю. Спрашивал у Чижова, он мне сказал о вас очень мало, почти ничего. Только и узнал, что вы, слава Богу, еще живете, но как живете, как идут дела и работа — этого не знаю. Ради Бога, уведомьте сколько-нибудь обстоятельнее обо всем. Здоровье мое кое-как живет. Дух хоть и не всегда бодр, но не спит — держусь и креплюсь. Больше не пишу ни о чем, потому что отсылаю письмо по старому адресу и не уверен, дойдет ли оно. Пора вам в Москву. Здесь так много открывается древностей и преимущественно по вашей части, что вы не обсмотрите и в целые годы.

Бог да хранит вас. Не медлите извещением. Весь ваш

Н. Гоголь.

Москва. Святая неделя. Апреля 7.

<*На обороте:*>

В Рим. В Италии.
Al signore
signore Alessandro Iwanoff. (Pittore russo.)
Roma, nell'antico Caffe Greco nella via Condotti,
vicino alla piazza di Spagna.

1581. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю

6 апреля 1849 г. Санкт-Петербург.

Поздравляю вас с праздником, добрейший Николай Васильевич! Христос Воскресе!

Очень приятно было мне узнать от брата моего, видевшего вас в бытность свою в Москве, что вы, слава Богу, здоровы. Жалею только, что он не мог поведать мне ничего подробного о вас и о том, каково вы совершили ваше путешествие к Святому Гробу. Брат сказал мне, что вы с великим участием расспрашивали его об Иванове и о его картине и об Иордане. При всем моем желании удовлетворить вашему любопытству на этот счет, могу сказать вам об Иванове только то, что я оставил его в Риме совершенно здорового, бодрого духом; теперь же от времени до времени получаю от него письма, из коих видно, что он здоров и что вообще в положении его ничего не изменилось. Впрочем, в письмах своих ко мне он ограничивается только говорить о своих делах по наследству, оставшемуся по смерти отца его, которого он имел несчастие лишиться в исходе прошлого лета. О себе же говорит он очень мало; о картине же подавно ни слова. В бытность мою в Риме он еще все продолжал никого не допускать в свою мастерскую и даже избегать всякого разговора о картине. Одно только мне известно, что он работает ее постоянно и что она сильно подвигается у него к концу. Об Иордане мне также известно, что он оканчивает свою доску, с которою в конце нынешнего года намеревается возвратиться в Россию. Он порядочно поседел; впрочем, по-прежнему здоров и весел. На днях узнал я от одного художника, которому писали из Рима, что Иордана опять заставили вступить в Чивику (национальную гвардию) и что его будто бы видали с ружьем. Вообразите себе Иордана с ружьем! я думаю, ему никогда и во сне не снилось, что под старость придется нести солдатскую службу. Вот все, что могу сообщить вам о наших общих приятелях, и то даже не ручаюсь за достоверность последнего известия.

Брат мой кланяется вам и с благодарностью возвращает вам при этом письме семьдесят пять рублей серебром, которые вы ему столь обязательно одолжили в бытность его в Москве.

Затем прощайте, добрый мой Николай Васильевич! От души желаю вам здоровья, бодрости и деятельности и всех благ земных и небесных. Если вам это не в тягость, то порадуйте меня несколькими строками, чем премного обяжете искренно преданного вам Ф. Моллера.

1582. Графине А. М. Виельгорской

<16 апреля 1849. Москва>

Христос Воскрес!

На мое длинное письмо вы ни словечка, Софья Миха<й>ловна тоже. А я писал и к вам и к ней за три дни до Светлого Воскресенья. Если вы на меня за что-нибудь рассердились... Но нет, вы на меня не можете рассердиться[1], добрейшая Анна Миха<й>ловна. За что вам на меня сердиться? Верно, это случилось так, само собою. Вам просто пришла лень, неохота писать, оттого и не написалось. Тем не менее и в этом письме, так же, как и в прежнем, повторю[2] вам то же: не оставляйте вашего доброго желания быть русскою в значеньи высшем этого слова. Только одним этим путем можно достигнуть к выполненью долга своего на земле. Когда вы будете в Москве и взглянете на все ее святыни и увидите в старинных церквях ее останки древнерусской жизни, — вы тогда поймете это. О многом придется поговорить тогда; теперь же боюсь вам наскучить и сказать что-нибудь непонятное.[3] Скажу вам покуда только то, что я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для Бога.* Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для Бога. Даже и в минуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от Того, Который глядит на нас и в минуты увеселений наших. Не упускайте и вы этого из виду. Будем стараться[4], чтобы все наши[5] занятия были устремлены на прославление имени Его и вся жизнь наша была неумолкаемым Ему гимном. Вы любите рисовать — рисуйте же всё то, что служит к украшенью храма Божья, а не наших комнат; изображайте светлые лики людей, Ему угодивших. От этого и кисть ваша и мысли станут выше. Вы получите несравненно больше услажденья, вам не нужен будет и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри вас, станет вашим учителем и поведет вас к совершенству в искусстве. В Москве будет вам много пищи. В древней[6] иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики и на

[1] не рассердитесь
[2] повторяю
[3] *Далее начато:* Одно только и то весьма старую новость
[4] Старайтесь
[5] ваши
[6] В древней нашей

ликах удивительные выражения. В прежнем письме я просил вас особенно позаботиться о славянском языке. Он будет вам очень нужен. Чтение Еван<гелия> и Посланий апостольских на славян<ском> языке — лучший к тому путь. Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Если ж и читали, то все-таки прочтите, потому что в ней много есть такого, что с первого разу не дается. Это книга Шевырева о древней русской словесности. Она послужит вам прологом к чтенью тех книг, в которых раскроется вам вполне русская жизнь. Еще к вам усердная просьба. Посылаю вам деньги, на которые прошу вас приказать взять для меня в синодальной лавке «Христианское Чтение» за прошлый 1848 год. Там помещена целиком, начиная с 1-го номера, церковная история Евсевия Кесарийского первых веков. Эту историю прочитайте, она не только не скучна, но занимательна необыкновенно. Евсевий Кесарийский был сам почти современник описываемых происшествий, застал еще учеников апостолов. Прочитавши эту историю, вы узнаете в самом деле, что такое была жизнь древних христиан. Это вам также поможет много к узнанию, что такое истинно русская жизнь. Книгу эту[1] можете удержать у себя сколько хотите, а в Москву привезите с собою. Но довольно. Бог в помощь, добрейшая Анна Миха<й>ловна! Расцелуйте и обнимите всех ваших, милых и близких моему сердцу.

Весь ваш Н. Гоголь.

Апреля 16. 1849.

<*На обороте:*>

Ее сиятельству графине Анне Миха<й>ловне Вьельгорской. В С.-Петербурге. На Михайловской площади. В доме графа Вьельгорского.

1583. Графине С. М. Соллогуб

<16 апреля 1849. Москва>

Христос Воскрес!

Все-таки пишу к вам, добрейшая Софья Миха<й>ловна, хоть вы не хотели отвечать ни одной строчкой на письмо мое, писанное за три дни до светлого праздника; и на приветствие мое «Христос Воскрес» не хотели отвечать: «Воистину Воскрес». Анна Миха<й>ловна тоже не отвечала. О графине вашей маменьке ничего не говорю, она решилась меня навсегда выбросить из

[1] *Далее начато:* привезете мне сами в

памяти. Авось это письмо будет счастливее предыдущего, и вы меня уведомите о себе самой и обо всем том, о чем я задавал вам запрос, равно как и о том, где будете проводить лето. Утруждаю вас при сем случае маленькою просьбою. Вероятно, вы видите Чернышевых-Кругликовых. Передайте им следуемое при сем письмо Моллеру. Затем обнимаю вас мысленно.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1584. Графине А. М. Виельгорской

<Вторая половина апреля 1849. Москва>

В письме моем к вам (от 16-го апреля) я позабыл самое главное — попросить вас уведомить меня, когда именно вы будете в Москве; означьте если не самый день и число, то, по крайней мере, около какого времени ждать вас. Спросите также у Смирновой, когда она выезжает. Мне бы хотелось никого из вас не пропустить, но всех увидеть.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1585. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Конец марта—апрель 1849. Рим>

Моллер мне сообщил, что вы в Москве и желаете от меня письма. Я бы очень хотел знать, что вы скажете мне о Завьялове; ведь этот человек совершенно был на своем месте, Москва предпочла Скотти. Не знаю, были ли вы всему этому свидетелем и как дело теперь.

1586. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

<22–25 апреля 1849>

1849 г. 22-е Апреля. Пятница.

Милостивый Государь
Николай Васильевич.

Мне желается побеспокоить Вас еще некоторыми очерками своей внутренней жизни.

Начну с того, что взгляну пристальнее, какие мысли в самом деле лежат во мне о вашей последней книге после всего того, сколько я о ней знаю в настоящее время, еще не вникнув снова в нее и во все толки о ней.

При ее появлении я прочел ее мельком и, кажется, не всю, миновав некоторые литературные в ней статьи. Еще до чтения

ее я о ней слышал разные смутные вести, между которыми одна особенно выдавалась, что вы очень больны. Как будто слышалось даже, извините, что болезнь оказала влияние на ваши умственные способности и что вы уже вовсе не то, что были... Наконец я увидел вашу книгу. Читать ее я должен был с одним молодым, добрым, миловидным и аккуратным господином, который очень любит быть забавляем и до сих пор не может не смеяться, вспомнив, как Чичиков слепил из воску снегиря и как жена Собакевича умывала[1] руки рассолом. Он не глуп, но не имеет собственного в важных случаях суждения, а заимствует его у умнейших своих знакомых или у большинства. Мы вместе читали вашу книгу, и многие места в ней очень его забавляли, те, где вы говорите особеннее и с большим увлечением. Все это вместе с слухами, приготовившими меня к чтению,[2] в самом деле показывало[3] мне, что книга — не обыкновенный плод, подобный прежним, а болезненное извержение. Но не смотря ни на что, книге вашей я несказанно обрадовался[4], я увидел в ней плод, достойный вашего таланта, а по значению содержания он мне показался еще ценнее прежних обыкновенных. Болезнь, какая была в вас, дала только форму книге, и не более; содержание же было плод не болезни или — все после этого плод болезни.

Прочитав вашу книгу, я написал к вам, что вы, по моему мнению, открыли ею для пера дверь в новую область. Так я думал в самом деле. — Некоторые в некоторых статьях ваших для меня замысловатости и маленькие кудреватости пробегли[5] мимо глаз моих мельком, и являлось одно: дело поэзии на поприще философии. На земле истинным философом может быть только поэт. Путешествовать по философии нельзя с одною способностию к логическим выводам. Философ должен почувствовать потребность философии в представлениях жизни большего или меньшего объема, а не Бог знает в чем, что ведет к одним a priori, не имеющим точки исхода, кружащими в поисках ее, которые можно разрушить одним дуновением и которые служат только[6] к трате, а иногда и[7] великому вреду индивидуальных жизней.

[1] *Было:* умыла

[2] *Далее было:* когда

[3] *Было:* показывали

[4] *Далее было:* и

[5] *В автографе ошибочно:* прибегли

[6] только *вписано.*

[7] и *вписано.*

Прибавь поэт мысль к поэзии, и он драгоценный человек для человечества, для государства, для общества, он философ, каким философу подобает быть — выше будничного человека, рассуждать всегда способного. Если я хочу рассуждать о жизни, я должен вознестись над нею и созерцать ее как предмет посторонний, в том отдалении, чтобы рисовалось передо мною целое; на это способен только поэт. Философ не поэт полезет как червь, поэт могуч перед ним как орел — это неоспоримо!.. Филозофус решительно ничего не видит кроме своей[1] милой работы, а поэт видит, видит жизнь — не жизнь, так все равно представление ее, которое, как зеркальное, без подлинного образа быть не может: спорить ли сухому эгоисту философу с светлым, божественным[2] поэтом? Поэт-философ для изумленной черни пророк — и баста; таков, должно быть, был божественный Платон — хоть темно, но то же самое <*1 нрзб.*> я понимал и прежде. Смутно[3], в облаках носился предо мною величественный образ поэта-философа, открыто, но не совсем представлялось мне его дело, я мечтал, мечтал и мечтал... Ваша книга вдруг упала передо мною; раскрываю ее и вижу: именно о том... Я прочел ее бегло, дух мой при первом шаге возрадовался, я начал радоваться и, еще как мелкое существо, загулял и забыл про дело... И рецензии и суждения о вашей книге я пропускал почти без внимания, с полувниманием, как будто отлагая дело до будущего, когда и *внутренний* организм мой усовершенствуется и охоты придет более. Теперь охота ко мне приходит, не знаю, что выйдет с делом. Понимаете ли вы, Николай Васильевич, как я смотрел на вашу книгу?

Теперь толки о ней или лучше сказать порицания ее стали для меня явственнее. Скажу о том, что знаю, то, что думаю. Я мало читал о вашей книге и больше, должно быть, слышал, потому что не могу указать источников, по которым составились мои впечатления.

В суждениях, которые разошлись о вашей книге, должно быть, декларации приняты за самое представление. Что касается до меня, я не вижу в ней никакого противоречия тому духу, который характеризует ваши[4] сочинения и проявляется в них, образуясь с течением времени все больше и больше; иные же говорят, что вы в ней как будто бы перерождаетесь. Те, которых поразила

[1] своей *вписано.*

[2] *Было:* Божественным

[3] *Было:* Темно

[4] характеризует ваши *вписано вместо:* проявляется в ваших

в вашей книге новость, имели в виду, вероятно, одну её внешность — статьи, драпирующие ее появление. Вы сами говорите[1], что собрали и напечатали то, что уже было написано в разные времена, по разным поводам и, след<овательно>, не по прихоти вашей, а по прихоти вашего таланта, того же, который, не спрашиваясь ни критиков, ни читателей, создал и *Мертвые души* и все прочее; зачем же вместо разбора представленных материалов тешиться над той минутой, когда вы собирали, в которой в самом деле просвечивает, да и не может не просвечивать, нечто странное. Из уважения к вашему таланту, из уважения к тем сокровенным и дорогим для человека минутам, которыми вы[2] самоотверженно, Бог знает из гордости ли, украсили обертку вашей книги, должно бы было легче судить эту обертку и глубже вникнуть в ее содержимое. Подвиг, на который вы рискнули, можно сказать, геройски, подвиг на пути вашего самоулучшения, увенчался успехом: из суждений о вашей книге вы много дорогого[3] могли внести в кладовую нравственности вашей души... Но еще не воздана должная честь вашей книге. Ваша книга состоит из двух частей: одна, которую вы, с большим правом, посвятили себе, и другая — для других. Первая, может быть, исполнила уже свое назначение, вторая еще ждет себе панегирика! (Я не читал еще разбора Степана Петровича Шевырева, не читал, может быть, и многих других и, вообще, *могу* много не знать, потому что говорю, только еще принимаясь узнавать и рассуждать настоящим образом.) На настоящее содержание вашей книги ни в одной критике не был устремлен взор[4], достойный его, равно ему глубокий, распахали только пристегнутый к нему вопреки моде лоскут вашей личности. И что ж взвели на ваше выкинутое слово о себе, слово, которое обнаружило благородное бескорыстие и детское простодушие в интересах поэта? Жизнь поэта обильна горем и любовию к миру; он испытывает тьму горя, которое других обходит мимо, он любит мир, потому что он жрец истины, которая олицетворена миром; служа истине, служа своему таланту, он оказывает услугу миру, который за это его чествует; весь интерес поэта в жизни, его беседа с миром, его творения: не вправе ли он сказать между прочими речами слово о себе? Вправе, потому что другие строят для себя огромные палаты, грабят для себя ближних. Он вправе

[1] *Было:* *<1 нрзб.>*

[2] *Вместо:* которыми вы — *было:* которые выска<заны>

[3] дорогого *вписано.*

[4] *Вместо:* ни в одной критике ~ взор — *было:* устремлен был взор

сказать о себе и сказать все, что смущает[1] его крепкую, одинокую в людном мире душу; люди, которые наслаждаются плодами его скорбной[2] жизни, должны иногда выслушать его историю, его не к ним взывающие жалобы. Из безотчетного в сущности признания поэта они, выжав для себя пользу, должны почерпнуть новые причины уважения к нему. С вашей книгой вышло иначе: люди один за другим взвалили на вас каждый грехи свои, благо, подали вы к тому повод. Были у вас и невинные сердцем, и покойные совестию разбиратели, как бы посторонние интересам литературы: они нашли случай пощеголять в литературе гладкостию речи, элегантством приемов и т. д. Никто, кажется мне, приступая к разбору вашего произведения, не запасся любовию к нему как к новому факту для литературы, а это было главное для того, чтобы не упустить из виду истины, и это было легко, потому что от вас можно было ждать не одной[3] компиляции, а и[4] самобытного факта: обнаружились вы в своей книге, обнаружились и критики в суждениях о ней... это было их пробный камень! Поверьте, что вы писали от души, то не смотря ни на что возымеет свою цену: неведомый вождь поэта не заводит куда не должно. И что ж взвели на ваше не сдержанное слово? Приходится сказать, что психология дело не пустое и не простое. В человеке, облеченном в тело, все может быть, но главное в истинном поэте из всего тленного — его нерушимая привязанность к его произведениям, которых красоту он не променяет ни на что и вредить ей не станет ни за какие деньги; а ему ли не знать в истинности своей красоты толку? Одним словом: за свой отважный подвиг в деле саморазвития и за свои грехи, к[5] которым человек и на исповеди склонен, вы поплатились. Все к лучшему. — Но еще раз скажу, новые, внесенные вашею книгою в область нашей жизни и философии ценности еще не признаны: главное в ней упущено из виду. В деле вашей книги я вижу олицетворенный шаг духа писателя, которому не одной же аллегорией позволительно заниматься. Произведения поэта непременно скрывают нравственную истину, которая может являться и в настоящем своем костюме — надо только прилежнее им заняться.

[1] *Далее было:* иногда
[2] *Было:* прискорбной
[3] одной *вписано.*
[4] и *вписано.*
[5] к *вписано.*

23-е Апреля.

Говорили, что вы утратили силы писать сочинения, подобные прежним, — чрез свою новую книгу. Это, мол, кажется чистым вздором. Ваша книга и ваши повести совершенно разное дело, так сказать, по форме духа, одно другого не касается и одно другому не мешает. Одно — произведения объективные, которые зависят от фантазии, чуть ли не вечной собственности поэта, которая может перемежаться, но не прекращается; другое — смысл поэта, рожденный[1] богатством внутренней опытности, внутренних видений, взлелеянный благородною добротою его души, образованный обстоятельствами века. Объективное творчество — его оффиции как художника, его наслаждение как простодушного поэта; субъективность — его потребность как мыслящего существа, его необходимость как существа, облеченного враждующей с духом плотию. Он не может быть машиной, чтобы беспечно производить объективные игрушки: игрушки эти — аллегория — ему ли не интересоваться и ее смыслом? Он не машина, он любит человека, любит народ, любит мир, не игрушечною любовию, какова для него любовь его героев, но любовию подлинною, собственною, как такой же, как и все, человек, образованный из тела, снабженный земными привязанностями. Среди мирной, изящной, благоуханной жизни его объективных произведений часто вдруг выступает его собственная жизнь, горячая, живая, пламенная, порывается без изящных, округленных форм, спешная, неясная, как молния, как гроза, но как гроза прекрасная среди своей ужасности, как гроза, необходимая и плодотворная для окрестной природы — для объективных произведений поэта. Она[2] освежает и обновляет почву, дает жизнь семенам, сок и силу растениям. Созерцая опустошения, которые гроза производит, только неразумный[3] убоится за растительность. Да, ваша книга помешала другим книгам, потому что в вас не два существа и двух дел вы производить вдруг не можете. Но иначе никак не могла помешать: дух в ней пошел совсем по другому направлению. Если б в областях вашей души не гроза происходила, а засеяли бы вы их небывалыми доселе семенами — за ваше произведение можно бы было опасаться, вы вступили бы в разлад с своим поэтическим инстинктом. Лишь бы гроза кончалась и снова б началась ваша мирная, ленивая, апатическая жизнь,

[1] *Далее было начато:* вос<с>т<ановленный><?>

[2] *Далее было:* животворит

[3] *Далее было: <1 нрзб.>*

когда взрастают и зреют объективные произведения. Поэт любит землю, любит людей своего века и иногда живо интересуется их интересами. В вечном веке происходит брань истины с врожденным[1] несовершенством человеческой жизни; в ином веке эта брань сильнее и ожесточеннее. Как же не выступать на брань избранному[2] атлету века? Крики брани до него доходят, душная атмосфера века гасит курящиеся очаги его души, он смущен и не может выносить тяжелого бездействия: на глазах перед ним неудавшаяся работа, вокруг неистовые клики бесчинства, гордое[3] торжество лжи, жалкая доля малых силою, опасность, угрожающая тысячам... Он не был готов к брани, но летит паки с геройскою самонадеянностию, с твердою верою в правду, с благородною нерасчетливостью... И гроза начинается в областях его души: идет он под знаменем истины, громит зло в других, не щадит и себя, и... может ли он находиться в нормальном, в покойном состоянии? Смешное требование!

Вот в каких связях живут объективность и необъективность поэта. Меня могут спросить: стало быть, ваши объективные произведения суть плод эпохи апатии, они чужды тому внутреннему беспокойству, которым дышит ваша последняя книга? Нет, я не сказал, чтобы между ними и последним временем лежала совершенно резкая черта. Поднимались грозы часто, более или менее сильные, и даже публике по многим страницам они были известны. В них бывало более тоски на болезнь, нежели решительности с нею сражаться. Таким образом гулливое время поэта, время объективных созданий перемежалось волнениями. Каким же образом гроза может пособлять мирному творчеству, когда она как будто бы тушит его? Она тушит фантазию, зажигая другие душевные силы. Фантазия поэта витает в области представлений жизни — своего века. Конечно, и в XIX веке она может воскресить Римлян, Греков, но... что такое фантазия. Это воображение, которое воображает не по рисункам памяти или геометрических очертаний, а по... сама собою: она уколет поэта Бог знает куда, вовсе без его ведома и воли. Но должно заметить, что фантазиею управляют внешние обстоятельства: музыка, картина, запах, ветерок[4], явление в мире[5] человеческом... Потому-то на поэта

[1] врожденным *вписано.*

[2] *Далее было:* своему воину

[3] гордое *вписано.*

[4] *Далее было:* и

[5] *Далее было:* душ

имеет влияние эпоха, век. Фантазия воскресит вам Римлян, но по поводу современного обстоятельства, по отношению к нему[1], и потому-то фантазия витает в области представлений своего века. А коли это так, то становится[2] почти очевидным: может ли поэт покойно и сильно творить, когда в нем не перегорели современные вопросы? и благотворна ли для чистоты его фантазии гроза, освещающая современность? Вот какими вопросами я встретил бы одну часть вашей книги и перешел бы к разбору другой.

О другой части, в которой вы являетесь на кафедре наставника, я скажу теперь немного. Журналам, во-первых, не понравился ваш беззатейливый тон, где вы говорите без хитрости и коли учите так откровенно[3], тоном учителя, беседуя с лицами, а не безлично, как лицемер, который идет на охоту с зонтиком в руке и пальмовым хлыстиком, остальное припрятав в кармане. Разве журналы не учат? разве они не для наставления своих читателей говорят? Не смей же они роптать нахально даже и на того, кто бы единственно пошел за тем, чтоб перебить хлеб у них: сражайся с ним как хочешь, но не смей надевать святой власяницы смирения[4] и порицать его в буйстве!.. Разве мы слепые! Мы должны бы, кажется, видеть, с какой кислой миною встречает[5] круг наших философов нового себе собрата!! Нет, мы пропустили мимо глаз судорожные корчи на безжизненных[6] лицах наших беспогрешных светил... «Вот новая книга нашего известного писателя. Он беседует с нами. Посвятим пристальное внимание рассмотрению его столь удивительно явившейся беседы: вероятно, много интересного и полезного в ней заключается». Вот каким искренним[7] расположением должны бы были встретить ваши письма, и тогда — всяк принялся бы по силе за дело. Но... повторяю, ваша книга была для публики[8] пробным камнем журнальной добросовестности (публика этого еще не знает). В моих глазах ваша книга многих бестрепетных, непобедимых рыцарей вышибла из седла... Каждая статья в вашей книге требует от критика статьи еще большей. В книге вашей нет целого: вы, занесясь в новую область, были

[1] по отношению к нему *вписано.*
[2] становится *вписано.*
[3] *Было:* учите
[4] смирения *вписано.*
[5] *Было:* встречают
[6] безжизненных *вписано.*
[7] искренним *вписано.*
[8] для публики *вписано.*

смущены неизмеримою ее огромностию, блестящими ее плодами и нарвали их, не позаботясь[1] даже о надписях для них: откуда ваши дива и где каждому место; чувствуя их в своих карманах, вы с радостным трепетом сердца понесли их на показ братии... Критик должен пополнить[2] извинительный недостаток, происшедший из доброго источника: вы хотели братию скорей обрадовать и пренебрегли трудом отделки, которая особенно в наш английский век необходима. Ваша ошибка становится большею ошибкою потому, что новое ваше произведение налагает на критика весьма не малую обязанность... Даже не ошибиться вправду не легко, встретив ваши новые сюжеты, помирить же с ними[3] существо наших критиков еще труднее: вашей книге, по-настоящему[4], нельзя[5] было выйти так простосердечно, как она вышла. Да, в выходе вашей книги был, может быть, грех: ее наскоро надетый чепчик, необдернутая шаль и чуть ли <не> те башмаки, которые она в другой раз бы <не> надела, показывают, что она спешила показаться. Но это, впрочем, такой грех, который ее же только одну и скомпрометировал, показав в ней желание скорее выйти... Немножко совестно, а в сущности полезно: молодая[6] женщина, таким образом скомпрометированная, получила бы огромную пользу от этого урока, если только она перенесла его. Но вашей книге лучше было самым неловким образом выйти, нежели вовсе не выходить, потому что она вынесла, по моему мнению, весьма дорогие вещи. По моему мнению, вы внесли к нам новость, диковинную новость, которая многим показалась стариною, которой вы сами еще[7] не могли[8] быть, каким следовало быть, вожатаем, которая есть правда, уловленная руками поэта. Трудно, трудно было ей при появлении встретить успех... Но она должна ждать его.

Ваша книга дорога для меня, во-первых, что я уже говорил, как дело поэта на поприще философии, которое я всегда буду уважать как несомненную, натуральную драгоценность. Во-вторых, она касается нашей жизни. Я верую в то, что организация

[1] *Было:* не заботясь
[2] *Далее было:* ваш
[3] помирить же с ними *вписано вместо:* интересы
[4] по-настоящему *вписано.*
[5] *Далее было:* по
[6] молодая *вписано.*
[7] еще *вписано.*
[8] *Было:* не сумели

и элементы Русской жизни лучше других современных, и развить эту мысль[1], объяснить некоторые[2] вопросы и дать верное направление к некоторым добрым стремлениям — дело весьма важное. В-третьих, книга ваша важна особенно ныньче <так>, когда предстоит столько соблазнов погребсти себя в нераспутываемые тенета, в господствующий по многим местам[3] мрак. Стоит только дать вашей книге опору и силу, и она должна принести плод.

В журналах развито много справедливых и прекрасных идей, но главными журналистами владеет современная болезнь, замеченная вами, *гордость ума*, которая имеет большие ослепляющие свойства и... вы многие, но еще не все результаты ее указали. Она много вреда делает. Душа ею сушится, и как бы ни добра была цель человека, как бы ни тонок был анализ, ее преследующий, цель не достигается вполне, достигается вместо ее, не знаю, что такое. Больные начинают *следить век* и другие припадки себе производят, а простая истина стоит, как Крылова ларчик, нераскрытою. Искусные механики между тем бьются, потеют и, если не пристыдишь их, бедняжек, пожалуй, беды дождешься, потому что иная прекрасная наука — бедовая для здоровья вещь. Кто говорит, что нет прекрасного у Французов, у Немцев, у Китайцев? Петр Великий много заимствовал у Иностранцев, но он не завидовал им. Так и мы, заметив и украв у чужеземцев хорошее, должны этим и ограничиться. Сок их нечего сосать, он оказывается тлетворен, а у нас есть вместо него свой, который если не сформировался еще, так тем лучше, потому что это значит, он будет еще лучше, чем теперь.

Публика как будто забыла вашу книгу, но стоит развернуть ее и увидишь, что написанное в ней не того десятка, чтобы скоро забываться. Надо ждать и действовать и из вашей книги выкраивать томы, в которых бы между прочим уместилось и все прекрасное, что было в журналах.

Вот все, что я думаю о вашей книге. Мои мысли еще не сформировались, многое, может быть, в них еще не понятно и написано мною наобум, ошибочно, но по ним, кажется, уже можно судить о моем мнении, потому что какое-то мнение во мне как будто уж и просвечивает. Покорнейше прошу вас, Николай Васильевич, прочтя мною написанное, заметить мне о нем,

[1] *Было:* объяснить это

[2] *Далее было:* спорн<ые>

[3] *Было:* во многих местах

что-нибудь насчет его справедливости. Предмет, о котором я здесь говорил, очень, очень меня интересует. Я всегда много думал о науке, которою надо учить человека жить. Создать эту науку в общем виде едва ли есть возможность, но в частных отделах она может быть[1], если существует, хорошо обработана.

Сколько хорошего можно, мне кажется, сказать по поводу каждой вашей статьи!

Приступаю к чтению вашей книги.

Вот мои мысли о вашей книге в роде общего заключения:

1. Большею своею частию, по своему характеру или роду ваша книга произведение, доселе у нас небывалое, так сказать, поэтическая философия.

2. Целого она не представляет. Ни время ее составления, ни цель ее[2], ни самый предмет не составляют в ней единого.

3. При рассматривании ее предмета, значения, которое она являет, критик, по моему мнению, должен обратить внимание на три стороны:

a) Факт и обстоятельства ее появления, причем должно объяснить и право поэта философствовать.

b) Какое участие имеет в вашей книге ваша личность; везде ли вы верны самому себе.

c) Главное дело, имеющее целию общественную пользу.

4. Главное дело в вашей книге бóльшая, но не большая часть. Единство в нем проступает[3], но и в нем, как во всей книге, не выработано целое; это просто собрание писем к разным лицам одного и того же человека.

5. Единство его — дух, осмысливающий христианскую и[4] русскую жизнь, мирящийся с русскими началами — русская философия.

6. Вы имели право собрать и издать свои письма, во-первых, в силу пункта a), который, однако, требует внимательной обработки; во-вторых, по современной нужде в обновлении или перемене духа, которая должна[5] довольствоваться всякою внешностию;

[1] *Далее было:* хорош<о>

[2] *В автографе ошибочно:* его

[3] Единство в нем проступает *вписано вместо:* Дух целости обозначается

[4] христианскую и *вписано.*

[5] *Было:* может

в-третьих, потому что многие отдельные[1] письма представляют большие ценности[2].

7. Некоторые частные[3] идеи ваши должны, по моему мнению, иметь дальнейшее развитие и объяснение[4].

8. Наконец я в совершенном неведении: теперь какое вы участие принимаете в начатом вами деле, продолжите вы его или нет? Этот вопрос весьма меня занимает. Я думаю, что пора начинаться русской философии... В следующем листочке напишу о ней, что думаю.

1849 г. Апреля 25.

Продолжаю о вашей книге.

Бог знает как обнять вашу книгу!.. Перед критиком была не книга, а ваша прихоть, перевитая с идеями, в ином месте голыми. Идеи имеют одно стремление, но не представляют стройного войска... Книга ваша — первый крестовый поход. Ее произвела на свет[5] прихоть, порожденная[6] обстоятельствами, век, отразившийся в вас. Основание дела никак не заслуживает охуждения, но дело является не созрелым, телом без потребно-развитого организма — делом прихоти, каприза, обстоятельств, которые извергли плод болезненно[7]. Если сравнивать вашу книгу с крестовым походом, то «предисловие» ее и «завещание» займут место проповеди Петра Амиенского, а письма представят те разноцветные элементы, из которых крестовый поход составился, которые скопились в разные времена прежде и из которых многие явились с геройством слишком громким. Разные элементы или составы внесены в вашу книгу, для которых вместо связывающего начала явилась вдохновенная случайность, Пустынник Петр, выдвинувший[8] в дело, дело неготовое — вот, по моему мнению, справедливый смысл вашей книги. Осмысливши ее таким образом, легче идти далее. Воины, которые прежде не думали быть воинами, не были, легко согласиться, готовы к брани, но вдохновение, объявшее[9] Петра, не позволило ни ему, ни им самим это видеть, и составилась

[1] отдельные *вписано.*

[2] *Вместо:* 5. Единство его ~ философия. 6. Вы имели право ~ ценности. — *было:* 6. Вы имели право ~ ценности. 5. Единство его ~ философия.

[3] частные *вписано.*

[4] *Было:* обозначение

[5] Ее произвела на свет *вписано вместо:* Основание ее —

[6] порожденная *вписано вместо:* произведенная

[7] *Было:* прежде времени

[8] *Было:* который выдвинул

[9] объявшее *вписано.*

рать новобранцев. После стало видно, что ряды составлены без порядка, без связи, и многие воины не имеют даже приличного[1] вооружения; были между ними и прекрасные рыцари. Говор, который разносила масса, был какой-то смутный, говор, местами восторженный, местами даже будто сухой, педантический, потому что все могло вступить[2] в рать, от мала до велика; раздавались тут и слова без преувеличения, произносились речи светлые, в которых ни одному слову нельзя было сделать укоризны, которые могли бы быть светилами для разлетевшихся по воздуху звуков, но — был во всем упоительный беспорядок, начиная с самого пустынника, и все слилось в хаотический говор... Это-то ополчение явилось пред глазами изумленных критиков, которые мирно и домовито пели и гнездились на самой вышке Иерусалима[3]. Судьба вашей книги не совсем совпадает с судьбою Первого Крестового похода, однако имеет с нею сходство.

Вашу книгу не встретил беспристрастный взор, тем более взор любви, тогда как и беспристрастие могло в ней ошибиться, тогда как взор любви ей был необходим[4]. Как вам угодно, в ней нет, по моему мнению, одного — смыслу, т. е. одной мысли, хоть и веет от нее одним духом, одним запахом; это — вся неправильность ветвей без связки их корнем. Вы понадеялись на силу самого духа, который сам мог прочистить себе дорогу? О, поэт, дух этот разжалован, его не только гонят, на ним смеется «современная близорукость», он требует сильной защиты[5] — целого дерева или по крайней мере работы от корня[6]. Вы понадеялись на силу таланта, которым каждая статья достаточно защищена сама собою? Если бы это и было так, но в том-то и беда, что разбирали вашу книгу, а не отдельные статьи. Ошибкой ли, с намерением ли книге не дан был настоящий смысл[7] невинного сборника, на нее напали как на целое, а ее целое был сшивок лоскутьев. Если б с этим согласились, если б это извинили, тогда было бы другое дело и самые смысл и выходки ваши получили бы не столь, как бы сказать, угрожающий, задорный вид. Но этот смелый

[1] приличного *вписано.*
[2] *Было:* все вступили
[3] Иерусалима *вписано.*
[4] тогда как взор любви ей был необходим *вписано.*
[5] *Было:* сильного подкрепл<ения>
[6] целого дерева ~ от корня *вписано.*
[7] *Было:* взгляд

вид не совпадал[1] с значением книги и повредил ему, раззадорив кучу неприятелей на слабое тело неясного духа. Вижу ясно смысл судьбы вашей книги!.. Привожу для объяснения его[2] ваши собственные слова: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними, иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько[3] принесли зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедыватели Бога, дерзавшие произносить имя Его[4] неосвященными устами. Обращаться с словом нужно честно (и вообще осторожно)[5]. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, когда еще не пришла в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло. Заметят ли[6] читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкают[7] весьма часто? примут ли[8] от него то, чем он хотел с ними поделиться? Нет; они заметят[9] в нем одно только неряшество и неопрятность, которые прежде всего замечает человек, и ничего от него не примут[10]». Вот ваш обвинитель — ваши собственные слова. Да, ваша книга, можно сказать, вовсе не требует от других обвинений[11], они все высказаны в самой книге, нужно только приложить их к делу. Но... в вашей же книге очень хорошо понят дух современности,[12] близорукость, гордость ума — можно ли же было вам надеяться на исключительную для ваших слов снисходительность? Вы знали кроме того, что они не льстят современности, обстоятельство, которое[13] превыше общего к вам уважения, скажите, могли

[1] совпадал *вписано вместо:* уживался

[2] для объяснения его *вписано вместо:* здесь

[3] *Далее было:* зла

[4] *Было:* его

[5] *Слова в скобках:* (и вообще осторожно) — *отсутствуют в статье Гоголя и вставлены в цитату Д. К. Малиновским.*

[6] *В статье Гоголя:* Заметили ли

[7] *В статье Гоголя:* сверкали

[8] *В статье Гоголя:* приняли ли

[9] *В статье Гоголя:* они заметили

[10] *В статье Гоголя:* не приняли

[11] не требует от других обвинений *вписано вместо:* не нуждается в обвинениях

[12] *Далее было:* дух

[13] обстоятельство, которое *вписано вместо:* что

ли вы после всего этого ждать успеха?.. Но вы были под влиянием увлечения и... вы выходите из воды сухи, а критиков, делать нечего, должно винить. Приговор, который многими критиками над вашей книгой произнесен, посадил их на мель[1]: загубили они рекомендацию своей многоглаголивой[2] светлой всеобъемлемости, даже своего бесстрастия[3] — ваша книга подарила публику драматическим событием. Лежит на арене тот, кто так недавно разъезжал по ней в светлом наряде, на прекрасном коне... Зачем вы его сбили? Он был доброе, прекрасное существо,[4] с большим умом и эстетическим благородством! Жесток и горек был для него конец, горек неожиданно, негаданно, и тем более горек и ужасен!.. Так ненадежно и тленно все на земле, так пагубна желанная независимость, так мощна рука Создателя, нами правящая!..

Не вмешаемся в Суд Божий, оплачем собрата и с новою мягкостию на душе обратимся к нашей собственной работе... Да, судьба вашей книги подарила нас многими драматическими фактами... Судьба эта, не смотря на описание, которое я ей сделал, должно сознаться, еще глубже и таинственнее, так что едва ли вы сами все, или даже много в ней понимаете...

Нельзя не увлечься и не счесть вашу книгу за преддверие чего-то великого, в роде философии, об которой я толкую. Не подумайте, Николай Васильевич, что я здесь думал что-нибудь нечистое, о своем[5] каком-нибудь величии, чтобы так, знаете, исподтишка пустить что-нибудь в ход — ей-Богу нет. А думаю я о том величии, в котором является[6] о роде людском Промысл Божий... Как волна размывается об утес и катится, смиренная, к его подножию, так в чистую минуту смиряется и образумливается гордый, лукавый, неблагородный человек, передавшийся на сторону вражию, встретив светлое, страшное лице Правды... Что мы? Черви; кроме того, существа крайне неблагородные и не чистые пред[7] безукоризненным[8] лицем Творца нашего. Как увидишь это, клянешь день и час своего хвастовства, в который так глупо сам поднял на себя руку и явился таким... отвратительным

[1] на мель *вписано вместо:* в капкан

[2] рекомендацию своей многоглаголивой *вписано вместо:* свою зарекомендованную много<глаголивой>

[3] *Было:* беспристрастия

[4] *Вместо:* существо, — *было:* существо!..

[5] *Далее было:* особом

[6] *Было:* которым сопровождается

[7] *Было:* перед

[8] безукоризненным *вписано.*

самому себе. Эта правда — насмешливая правда на̀д нами, которая в силе ниспровергнуть самые удивительные для глупых взоров чертоги гордости… Но я уж слишком увлекся вашею книгою. Кстати тут замечу. Проповедь о смирении не по силам человеческим. Человек в силах подвигом проповедывать смирение, словом же… только Бог. Во-первых, вдруг всего понятия о смирении человек не обнимет, во-вторых, как только он без особенной благодати Божией[1] отрешится от буквальности слов Спасителя, он не выполнит того делом, что скажет словом.

Что же говорить дальше? Дальше следует приступить к подробному разбору каждой статьи и связать их между собою, чего вы не потрудились сделать. Видите ли, какую обязанность возлагаете вы на критика? Он должен кончить ваш труд!! Иначе ему нечего делать… Пожалуй, разбирай себе дальше значение вашей книги и высказывай те мысли, которые она порождает; но это чуть ли не труд бесконечный. Должно подвергнуть анатомическому исследованию каждую статью, должно многие из них пояснить и пополнить, должно наконец их связать или по крайней мере привести в порядок. Неудивительно[2], что такая задача привела критиков в смущение и они наговорили, что каждый мог, много хорошего, но совершенно[3] частного,[4] потому что частное[5] только видели, а общего, которого не было, не видали; вместо этого общего они приняли шелуху, в которую завернуты были орехи, и шелуху эту в пух[6], хоть не совсем как должно, растрепали. Многие принимались за орехи, грызли их, но этим насмешили только благоразумного человека своею решительною важностию при своем решительном незнании главного дела. Так я думаю и, может быть, очень ошибаюсь… И весь круг и зрителей и действующих лиц пришел в смущение: над русскою литературою и образованностью подшутил кто-то шутку… Презамысловатая шутка; кто подшутил — Бог весть! Румяны века сами подшутили над собою, над красавицею — современным русским образованием: румяны конфузят иногда тех, кому служат, так[7], что те, с досады, что некого винить, готовы в самом деле показывать и сечь румяны. Одна моя знакомая немка ходила покупать

[1] без особенной благодати Божией *вписано.*

[2] *Далее было:* после этого

[3] совершенно *вписано.*

[4] *Далее было:* такого же бессвязного

[5] *Было:* частного

[6] в пух *вписано вместо:* в раз

[7] *Было:* и так конфузят

китовые усы для корсета и потеряла на дороге 25 рублей; пришедши домой, чтоб отвести грызущую от сердца[1] тоску, она без всяких шуток отодрала розгами усы и[2] этим успокоилась: так следует поступать и тем, которых сильно доела шутка — иначе нечего делать. Вы в шутке не виноваты, потому что шутить не думали: сама собой разыгралась шутка, которая может кончиться пользою.

Я не так еще прочел вашу книгу, чтобы сказать что-нибудь о самых зернах, которые по ней рассыпаны. Для этого надобно особое и большое время. Скажу здесь еще одно, что мне кажется. Мне кажется, что в предисловии, которое при вашей книге отчасти самозванец, вы чуть ли не ошиблись, если думали своею книгою принесть читателям пользу, ту пользу, которую могли получить от ваших писем те лица, которые их получали. Ваша книга может принесть[3] большую пользу, пользу общую, изменив в хорошую сторону направление идей целого общества (что должно быть впереди); но ожидать пользы от ее частных советов весьма ненадежно, потому уж, что нельзя к людям, которых не знаешь, привить[4] им неведомые правила — удача тут может быть случайная. Если б ваши письма[5] писаны были не в самом деле к[6] частным лицам, а под этою фирмою вы имели бы в виду безличность, тогда бы было совсем другое дело. Теперь же ваши излитые в книге идеи полезны как материалы для новых задумчивых дум о благе России и человека, как материалы для философии. Ваша книга, по моему мнению, опять скажу то же, представляет образчиковые отрывки *из Русской Философии.*

1587. А. О. Смирновой

<Начало мая 1849. Москва>

Какие странные мне привез от вас Аксаков слова: вы потому ко мне не пишете, что не в силах принять от меня советов. Друг мой Александра Осиповна, если бы <вы> знали, как я далек от того, чтобы суметь кому-либо дать умный совет! Я весь исстрадался. Я так болен и душой и телом, так расколебался весь, что

[1] от сердца *вписано вместо: <2 нрзб.>*
[2] *Далее было:* успо<коилась>
[3] может принесть *вписано вместо:* принесет
[4] *Было:* прививать
[5] *Далее было:* име<ли>
[6] *Было:* как

одна состраждущая[1] строчка вашего доброго участья могла бы быть мне освежающей каплей. А вы вместо <того> приказали передать мне такие слова, точно как бы в насмешку надо мной. Добрый друг мой, я болен. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1588. С. Т. Аксакову

<7 мая 1849. Москва>

Мне хотелось бы, держась старины, послезавтра отобедать в кругу коротких приятелей в погодинском саду. Звать на именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами или через Константина Сергеевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно.

Весь ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову. В Сивцов Вражек. Дом Пушкевича.

1589. В. И. Белый — Н. В. Гоголю

<24 апреля — 2 мая 1849. Одесса>

Христос Воскресе!
Милостивый Государь,
Николай Васильевич.

Любезно бо приемлете безумныя, мудри суще.

Втор<ое> посл<ание> к Коринф<янам>. XI, 19.

Подумаешь, подумаешь — грех; а роздумаешь — воля Божа[2].

Присловье.

Выслушайте мою простую, грубую речь, в которой решился я изложить просьбу мою к Вам хоть не о «деле», но о «правде дела»; а между делом и мои грешные помышления. Прошу Вас выслушать. Я простого, мещанского рода и низшего образования, прошел только дьяконскую школу, после чего долго не верил,

[1] *В автографе:* состраждущего
[2] *Так в автографе.*

чтобы буква люди (л) называлась — эль. С юных лет брошен я в омут жизни, чтоб существовать, и волей судьбы попал в разряд приказных, но только в разряд. Встречался с грязными и беспутными людьми, но Бог не допустил меня погибнуть, наделив характер мой от природы некоторыми добрыми свойствами, которые иссокрушились от зла и бедности. Сколько ни была в начале жизнь моя в чужом городе и между чужими людьми пустая и грустная, но я имел некоторое желание читать книги и читал кой-какие. Первая книга, которую досталось мне прочитать, был перевод романа Жанлис: «Альфонсина, или Материнская любовь». От процесса этого чтения я пролил потоки слез. Впоследствии из других книг высмотрел я лучшую жизнь человека и стал иметь свое особенное понятие о свете и даже о литературе; из книг же замечал я, кое-как, по-своему же, бессознательно правописание (вовсе не зная, есть ли на свете правописание и что оно за штука, как не знает и теперь еще некоторый сочиновный люд, а случается, не знает, прости им Боже, и сколько лет от Р. Х.), стараясь вводить его (правоп<исание>) в деловые бумаги, переписываньем которых почерк мой сделался хоть не тверд и не красив, как изволите видеть, но все буквы в нем похожи-таки на свою родню; ибо мальчиком писал я пресмешными каракульками, так что когда, бывало, покойный добрый мой отец увидит мое писанье, то говорил, крутя головою: «Черт знает, як оце ты пишишь хворостом; поменьше круты крючки».

И с тех пор прошел я широкое болото жизни. Но все это и другое прочее лицевая моя сторона.

Года с три я читаю уже, по возможности, лучшие книги и журналы, следовательно, знаю Вас так, как знают и другие грамотные русские люди. «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями» произвели на меня неизъяснимое действие, задали фосфору душе; об этом-то дело. Прошу терпения.

При чтении поэмы со мной происходило то, что может происходить в душе человека, борющегося с страшною смертию. Не преувеличиваю. Хотя я испытывал сильные душевные потрясения и от других книг, особливо повестей, где раскрываются печальные семейные сцены (это мой любимый род чтения), но все не так томила меня грусть и боль души: я ненавидел себя одного. Непостижимо для меня в поэме Вашей нет печальных драм и герои — люди не моего сословия, не моего разряда, а как-то пришлись и мне в близкую родню. А читая «Выбран<ные> места

из пер<еписки> с др<узьями>», я проникался каждым словом, болел и сильно почувствовал, в чем более испорчен у меня характер, какие были тому причины и кто виноват. Простите за распашку: я припомнил, я раскрыл в сердце своем всю мою ничтожную жизнь, выкопал все мои гадкие поступки, и даже то, что когда-то мучил бедную собачонку. Все выкопал, все... Но при этом чтении я был недоволен уже и на других, даже, простите моей мысленной дерзости, немножко и на Вас, за один совет, который нисколько не касался моего бедного положения. Слова же Ваши в сей книге, составляющие рассказ о Вашем душевном обстоятельстве, особливо на стр. 144, строки 14 и 15, — есть роковые для меня слова: они въелись в мое сердце и запали в душу, как тревожная, но благодатная надежда. Это мой якорь спасения, это! мало того, извините за безумную откровенность, мне кажется, что из сих же строк и некоторых последующих я понимаю Ваше внутреннее состояние, Ваше стремление к какому-то великому подвигу, но не умею хорошенько этого объяснить, как не в силах ясно выразиться о странной природе моего характера: он впечатлительной до слез и тревожный до болезни. Но страннее еще то во мне, что, не находя толку в самом себе, мне думается, что я понимаю внутренний дух человека вообще. Знаю сам, что это чересчур глупо и смешно, но, что делать, чувствую иначе, от чего иногда мучусь душевно. Односторонняя ли это у меня природа или природная глупость — не знаю; верно, у меня мертвая, бестолковая душа и нет ни капельки благоразумия.

«Мертвые души» читал я прежде, давненько, в первом издании, почему вовсе не знал и не слышал (да, верно, и лучше было[1], когда бы не знал), что при втором издании есть Ваше предисловие к читателю, которое вот только теперь увидел, читая во второй раз поэму. Новое чтение не производило уже на меня такого жесткого впечатления, как прежде; я даже хохотал от некоторых мест, но над мыслями и естественностью немел. В «Мертвых душах», по моему грубому понятию, нечего исправлять, разве бы расширить рассказ о жизни Чичикова до появления его в свете отставным чиновником; но всего нужнее описать его детство, раскопав семейное гнездо его родителей, в которое Вы уж заглянули зорко. Это принесет благодетельную пользу. Здесь, как заметил я, принялся один Собакевич, и то принялся он между людьми, имеющими претензии на образование: нынешние фраки они называют à la Собакевич... Покажите чистым людям человеческую

[1] бы

грязь. Они посмотрят хоть одним глазом, как смотрят на другие вещи, и смотрят так, *як заглядуе сорока в кистку.* Это мужицкая фраза, но умнее выразиться я не нашелся. Так высоко не сказал и Ф. В. — Да если бы и нашлось[1], что исправлять в поэме, то я не в силах сделать годных замечаний. Скажу только во-первых, некоторые Ваши рассуждения помимо истории несколько темны для меня, темного человека, а на странице 254 я понимаю или пророчество, или вовсе ничего не понимаю; а во-вторых, Чичиковы есть разных родов[2]. Эту фамилию носит у меня один. Извините за самоволие. Однако ж при всем том не могу внутренне согласиться только с тем, чтобы у Чичикова была такая водящаяся у людей бережливость, его своя особенная, шельмовская заботливость к приобретениям, оттого, что ему пошло впрок отцовское наставление: «Береги и копи копейку».

Позвольте мне опять пуститься в рассуждение насчет моего понятия о чувствах человека. Конечно, понимаю я это столько же, сколько понимает Петрушка Чичикова; но пусть доведется Писателю, может быть, с превеликим смехом слышать суждения простого человека о чувствах — вот оно! В характере человека должно быть два нравственных свойства, как-то так: человек внутренно сам для себя и внутренно его — я для жизни. Первое свойство, думаю, есть духовное, а второе умственное, или, пожалуй, моральное. Поэтому: если это второе свойство у человека создано слабо и если оно с детства не направлено по его природе и наклонностям, не улажено впопад домашним воспитанием, а паче не укреплено добрыми примерами, да не было, хоть в юношеском возрасте, под влиянием порядочных обстоятельств жизни и добрых людей, то у такого человека, как бы ни был он умен и воспитан, всегда найдется какое-нибудь гадкое качество нравственное. И это-то качество, предполагаю, есть родитель всех страстей, всех наших слабостей.

Силою же того качества человек непременно сделает порядочную мерзопакость, о которой, уж какая Ваша правда! не скажет никому, и за то она будет грызть его душу... Может быть, сильно я грешу, но думаю, что у каждого человека есть свой душевный червяк, который при том страшный демон мысли. Кто знает, не

[1] *Далее было:* в поэме [ско<лько?>] хоть<?>

[2] Ни от кого вы не дождетесь таких замечаний на героя Вашего, какие представляет их важность дела, напечатанного в С<анкт>-П<етер>бургских Сенат<ских> Ведом<остях>, 1848 года, № 66, стр. 994. Если вы не читали оного, потрудитесь прочесть. NB Стоит внимания. — *Примеч. В. И. Белого.*

здесь ли искать причины: от чего человек, жил ли он на земле счастливо или горестно, когда умирает, отворачивается от всех и от всего — к стене? Нагородил я чепухи и всякой теревинивини о моем понятии, а все не так, как чувствую; но должен сказать, что такое понятие развилось у меня более от Ваших творений, из коих многие я читал.

Видите ли, я убежден (но справедливо или нет, растолковать мне нет кому) в той мысли, что слова и наставления только наружно полируют детей (пусть-ка Семинарист, хоть будь он после камергером, шаркнет ногой, как требуется в в<ысшем> свете), а напротив не имеют того сильного влияния, какое могут иметь на них дела и примеры, окружающие их жизнь, их занятия; и что добрые и худые привычки и наклонности у детей вкореняются более всего от матери. Впрочем, на детей равно же действуют и другие, так называемые пустые и ничтожные примеры и дела, вот хоть такие: я видел собственными глазами, некто Надворн<ый> Сов<етник>, почтенный своею должностью и наружностью, гуляя с сыном своим, мальчиком лет 6 (который был одет по-испански, что ли, весь в брижах, от чего очень походил на удуда), в одном казенном саду, где строго запрещалось рвать цветы, — сорвал несколько веток сирени, и, положивши их в шляпу сына, вышел благополучно из сада. — Другой мелкой чиновник, из бедного городка, рассказывая мне об успехах в ученьи сына его Феди, прибавил следующую черту о силе его здоровья: «Знаете ли, там, у нас, за городом, так версты 4, есть казенный лес; и знаете ли, пошлешь так иногда работника вырубать тихонько нужного для хозяйства деревца, пойдет туда и мой Федя, что же вы думаете: он сам притащит такое деревцо, что в силу, батенька, мне поднять». — А одна больше-городская сударыня — вдовушка, принимающая интересный вид с 11 часов утра, беседуя в 12 с Станиславом Осиповичем о какой-то вчерашней авантюре, здесь же говорит дочери своей — полупансионерке, выводящей уже восхитительно нотки: «Поди, мой ангел, к Терезии<?> Яковлевне и скажи, что не могу придти к ней сегодня; у меня сильно болят зубы, и скажи ей, что маман в постели».

Думаю, что в средних и низших семействах одно счастье, одно великое благополучие — добрая, умная жена. Женщина не только в пустом шуме света, но на всяком месте и во всех делах может иметь благодетельное влияние. Но нынешняя женщина-мать, даже не светская дама, а финтюрная жена моего же брата мещанина или жена какого-нибудь стрекулиста — настоящая

кукушка; вне дома она, пожалуй, и соловей, и сорока, но дома в берлоге — кукушка. Точно так же, как эта птица не высиживает, не кормит и не смотрит своих детей, а бросает их на заботы и попечение маленькой, бедной птичке. Когда же дети начнут порхать, тогда мать принимается твердить им одну ложь под видом вежливости; а встречая нищего или трубочиста, она велит детям обходить их и дает им такие названия, по которым дети не поймут, что это тоже их братья-люди, из которых один несчастный, а другой — честный труженик.

Итак я думаю, не от отцовского наставления (собственно) Чичиков останется бессмертным в России. Нужно искать другие причины, другие. Ведь другие же благородные люди, наверно, при воспитании своем не получали таких родительских наставлений, какие получил Чичиков, а в некотором отношении они бывают замечательнее его. Например, положим так: от чего иной господин, немаленькой начальник, знатнейшей<?> породы, богатого состояния, высшего образования и чином повыше Чичикова, отчего он делает такие штуки насчет приобретений, что и Чичиков, удивляясь с завистью, говорит: «Ну, подлец! уж можно сказать, что подлец! да и голова шельмовство!!» Чичиков чином своим тоже господин средней руки, но воспитанья медного, и с самого детства напитан одними дурными примерами и правилами; да если и задумал надуть кого, то он имел для этого хоть мертвые, а все же души, а этот немаленькой господин употребляет на дела свои одни живые штуки; а между тем он больно-крепко честолюбив, и случалось даже, что жителям говорил гордым и обидным тоном — так: «С прискорбием замечаю, г.г., что многие из вас не снимают передо мною шляп, когда я хожу по городу. Это не делает вам же чести, да и для детей ваших служит нехорошим примером». — Отчего дочь богача (городского аристократа), получивши, как говорится, блестящее воспитание — бежала из дому отца и очутилась в объятиях мерзавца, кучера? — Отчего, напротив, дочь гнусной, беспутной матери, малолетняя девчонка, выросшая в гнезде разврата, — бежит от матери, как от змеи, и остается честною женщиною? — Отчего случается, что благовоспитанный человек, и действительно добродушный, пособит в беде, в горе промотавшемуся франту, проигравшемуся игроку, пособит (с особенным участьем) мадаме скверной во всех отношениях, пособит мошеннику жиду, но простому человеку, бедному, горькому мужику не пособит, ей-Богу, не пособит? — Отчего и между мертвыми душами если попадется где живой мужичок,

то и он смотри: решительно или пьяница, или негодяй? Верно, нет добрых мужиков. Селифан и Петрушка дело иное. Знаете ли, что на днях сказал мне простой, грубой мужик, еле грамотной (ей-Богу, правда!): «Писатель та же свеча: всем светит, а сама сгорает». Нельзя ли в поэме Вашей заставить какого философа, подобно Кифу Мокиевичу, заняться разрешением и такой задачи: на какую сумму выходит из России за границу хлеба, и на какую сумму получается из-за границы к нам перчаток, одних перчаток? только предостерегите разрешающего, что некоторыми данными нельзя<?> пользоваться, ибо П. И. Чичиков служил в Таможне. — Твердо знаю, что все эти мои вопросы, вылезшие из моей пустой головы, и туда воротившиеся, похожи на тот вопрос, который задает себе несколько лет и никак не разрешит один воспитанный юноша (который очень любит жуировать и танцевать польку, но считает ненужною, даже вовсе лишнею вещью рубахи и... и потому носит одни манишки с розовым ажур<ом>): отчего, когда напьешься, есть не хочется? Но... вот что:

Простодушное, человеческое воззвание Ваше к Читателю при поэме М<ертвые> д<уши> вселило в мою душу какое-то мучительное желание, нравственную потребность писать Вам и просить открыть мне то душевное Ваше обстоятельство, о котором Вы сказали (в «Выбран<ных> мест<ах> из пер<еписки> с др<узьями>», стр. 144): «Если бы я видел в этом пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявил». Умоляю Вас! скажите мне, хотя в малой мере, если только возможно это открыть такому ничтожному человеку — каков я. Чувствую сердцем, что мне нужно знать Ваше откровение: оно принесет мне полное счастье — успокоит душу, страдание которой облегчается уже одной этою просьбой. Клянусь так, клянусь! клянусь! Пожалейте человека, ведь я еще молод. И весь этот нелепой, но душевной бред примите ни за что больше, как за прямые чувства откровенности пред Вами, *только пред Вами*, великий ведатель души человека. Я полон к Вам веры, и потому открыл Вам свою душу, свои прямые чувства. Не думайте, чтоб я не понимал, что все мною здесь написанное есть гиль и пустословие — знаю; я пишу тому, кто позволил писать к себе всякому нищему грамотой. И потому только, а не ради чего иного, не ради того, чтобы я вообразил себе сказать Вам — поглядите: какой я скорописатель! Но для того собственно, чтобы вместе с моей просьбой исполнить и со стороны своей сколько-нибудь Ваше воззвание к Читателю — я, грешный человечек, тля на земле, решился настрочить некоторые характеры тех

людей, которых знал или слышал об них, и которые, по моему соображенью, идут более или менее к истории Чичикова. Славный он человек; надо ему послужить. Одним случаем я достал настоящий его портрет. Посылаю первую заметку, которую слепил, как сумел: чистая мещанская проза. Чем богат, тем и рад. Там есть, простите меня, слишком голая истина, ибо истина, но я не хотел изменить, убедясь из «Выбр<анных> мест из пер<еписки> с др<узьями>», что Вы не обидитесь чужой глупостью (вот тут-то, над этими последними словами, я долго думал, как сказать, да и смотрите, не наусердничал ли и во всем прочем: ведь услужливый дурак опаснее врага); а также кой-что заметил и из лица Вашего, которое досталось мне лицезреть один момент здесь, в Одессе, прошлого года. Это моя маленькая история. В то время была у меня на душе сил<ьн>ейшая горесть, а тут единственный приятель мой зовет праздновать весну, было 1 мая; но я бегал везде по городу, чтоб увидеть Гоголя. И если было встречу француза в бороде или итальянца в смешном костюме: это Гоголь! Гоголь! прежде же всего увидел одного больного господина, который ехал в енотовой шубе, по той улице, где дом Т. — Это непременно Гоголь! а тогда было тепла за 20 град<усов>. Но увидел Вас уже на другой день в Л. церкви; но, через одних сударыней, я мало Вас видел. И было мне за что-то очень, очень досадно. Если грубая моя заметка достойна сколько-нибудь Вашего внимания, готов напичкать другие, где, между прочим, расскажу, как попало, кой-что о жизни отца Чичикова и о смерти некоего Плюшкина. Последнее истинное происшествие весьма замечательно, ибо в предсмертных днях душа Плюшкина ужасно боролась с жизнью, пов<торяю>, с жизнью; но я не сумею дельно передать его Вам, как не умею справиться с своею мыслью, бежит, да и бежит неугомонная, глупая. Портрет же Чичикова пришлю тогда, когда Вы позволите мне это сделать. Хотелось бы сказать кое-что о драматических произведениях, да боюсь, за это уже скажут мне большого дурака. Цур ему, цур; и так далеко залѣз. По свойству малоросса: доверчив, мнителен и упрям (мое соб<ственное> замечание), я всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, ежели все написанное мною, мало того, что оно глупо, грязно и негодно, — не следовало быть написано мною, таким ничтожным человеком — *сожгите это все, ради Христа,* и будьте при том так милостивы ко мне, поручите кому написать, хоть слуге Вашему, известить меня чрез почту (в Думу), не более как только о том, что письмо мое достигло в Москву. Не пренебрегите,

не забудьте этой моей чистосердечной просьбы. Не воображайте, чтобы я был уж такая грязная приказная тварь, препека, что мне не стоит дать в руки иного лоскутка бумаги, кроме приказного. Я трепещу перед Провидением… болею душой и борюсь горестно с своим положением… Да, на моей шее ездили Чичиковы, да не простые, а такие, которые знакомы с французским чертиком; возил я их, подлецов, и была им честь за то, что скоро ездили, а у меня ломило грудь. Уж все, так все. — Хвастну-ка; но делаю это перед Вами, как делает дитя-ученик перед добрым отцом: я даже литератор! Подношу… Вам… мое… сочинение.

Из Одесского Вестника,
1848 г.
Апреля
24, № 33.

<Газетная вырезка, наклеенная В. И. Белым на лист письма к Н. В. Гоголю от 24 апреля — 2 мая 1849 г.>

Фельетон. Некролог. Я. И. Шнейдер

В Одессе умер 20-го числа прошедшего Марта коллежский советник *Яков Иванович Шнейдер,* на 102-м году своей жизни. Н. С. Всеволожский в записках о своем путешествии в 1836-м году чрез южную Россию, Крым и Одессу говорит об нем так (Т. 1. Стр. 98 и 99): «Я упомянул о профессоре Шнейдере и не могу не сказать еще несколько слов об этом старом, добром и ученом наставнике моей молодости. Я лет тридцать не видал его и думал, что он уже давно умер. Судите о моем удивлении, когда мне сказали, что он, в маститой старости, преблагополучно живет с своею престарелою сестрою в Одессе! Я спешил навестить его и хотел узнать, не могу ли быть ему полезен в чем-нибудь. Я сохранил живейшую благодарность к этому человеку, замечательному своими обширными познаниями и своим красноречием. До французской революции он, вместе с известным Рейбелем, был адвокатом верховного совета в Кольмаре (Conseil souverain), потом переехал в Россию, был в доме отца моего наставником моим и профессором юриспруденции в Московском Университете. Получив отставку, он купил поместье в Швейцарии; но происки якобинцев вытеснили его оттуда. Этот человек много раз беседовал наедине с Наполеоном, тогда еще генералом республики, желавшим его видеть. Он знал, что Шнейдер имеет большие связи во Франции и пользуется известностью как писатель о государственном благоустройстве и комментатор знаменитого

сочинения Монтескье: *о сущности законов.* Теперь добрый и ученый Шнейдер, дряхлый старик, живет неизвестный никому в Одессе. Он сперва не узнал меня, но потом чрезвычайно обрадовался! Почитаю себя счастливым, что перед отъездом моим успел его видеть, обнять и оказать ему услугу. Профессору Шнейдеру должно быть более девяноста лет».

Нам только известно, что г. Шнейдер с своею старухою сестрою несколько лет жил в Одессе в отдаленной части города, в уединенном домике, почти никем незнаемый. При своей глубокой, немощной старости он не переставал заниматься литературой. Жизнь такого замечательного человека должна быть любопытна для каждого образованного и занимательна для биографа; поэтому жаль, если биография Якова Ивановича Шнейдера ограничится одним воспоминанием почтенного ученика его.

В. Б.

<Продолжение письма В. И. Белого к Гоголю от 24 апреля — 2 мая 1849 г.>

Это сделалось странным случаем. Года три назад меньшой брат мой (который занимается коммерческим делом), читая однажды ночью путешествие Г. Всеволожского, вдруг будит меня спящего и спрашивает: слышал ли я в Одессе о старом профессоре Шнейдере? Я отвечал — нет. Посмотри, говорит брат, показывая мне книгу, какой это замечательный ученой; но Всеволожский пишет, что здесь его никто не знает. С той минуты Шнейдер залез мне в голову. Случалось мне спрашивать об нем кой-каких вицмундирных людей; но никто и ничего не знал. В 1847 году, в августе месяце, по одному домашнему делу был я в том доме, где жил Шнейдер — и видел его раза три, что считал за великое счастье. Он был дряхленькой старичок, с приятнейшим и умным лицом. Наконец также нечаянно узнал о его смерти, о которой тоже почти никто не знал. После всего этого я поставил себе непременным долгом написать в газете хоть этот его Некролог. И еще мнил тогда, что Вы будете читать его, находясь в это время в здешнем Карантине. — Ну, пропало все дело, Вы ожидаете замечаний от людей, занятых делом житейским, а тут нелегкая подвернула тоже литератора. Простите меня за эту пустую болтовню и позвольте сказать:

Не пишите добродетельных людей, не пишите; велит Вам Бог не пишите! Ибо в Евангелии, которое в это время лежит открытым передо мною, сказано (Луки XVI, 15): И рече (Иисус) им (фарисеям): вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом.

Приветствуя Вам паки: Христос Воскрес! прошу простить меня за беспокойство и невежливость, которые я мог сделать Вам настоящим письмом, и прошу верить, что весь этот грех мой случился от непреодолимого желания моего писать Вам. Аминь!

Просто, без варияций, желаю Вам совершенного здоровья и всех благ мира сего, и остаюсь при глубоком уважении

Ваш, Милостивый Государь,

Усердный слуга

Василий Иванов Белой (Билый).

Служу в Одесской Городской Думе Делопроизводителем и бухгалтером по Евр<ейскому> отд<елению>; но на самом деле есмь: Заднепровский уроженец и здешний 3<-й> г<ильдии> купеческий сын.

Одесса
27 Апреля 1849 г.

P. S. За обременительную пересылку письма этого просите Степана Петровича Шевырева простить меня великодушно.

Простите тысячу раз, простите мне, бедному, докучливому человеку за повторение горячих просьб. Если будете смеяться над моим письмом или, напротив, будете гневаться на него, сделайте это сами, не показывайте другим. Вы не поверите, какого страдания стоит мне, полудикому человеку, послать вот эту дряничку<?>. Какое ужасное желание послать; но и мучительная боль души не посылать. Ей-Богу, правда! Одну почту пропустил, т. е. воротился с дороги, и хотел разорвать все это; а после решил послать одну заметку, для чего зачеркнул *в начале: Заметка 1-я, листок 1-й,* а в конце: *продолжение будет: а голая истина под конец.* Истина заключается в том, как русская великосветская барыня отозвалась о Мертв<ых> душах. Теперь же решил твердо послать, но наперед испросив Святое Евангелие, которое указало мне изречение: Аще . . . . Посылаю!!

2-го Мая.

Ровно год как я имел счастье Вас видеть.

Замечательное для меня сближение.

[Листок 1-й]

[Заметка 1-я]

В одном уездном городе, замечательном, во-первых, четырьмя речками странных названий, которых не найдешь ни в какой географии, а во-вторых, домом, носящим название: «дворянский

дом», какой можно видеть только в этом городе, — когда-то жил дворянин П. И. Ч... Он пользовался уважением не только высшего городского общества, но и всех помещиков, будучи для них неисчерпаемым банком; по этой-то причине Ч... имел такую славу в уезде, какую Штиглиц имеет в России. Откуда Ч... переселился в этот город, наверное не знали: одни говорили, что он приехал из Петербурга, другие, что из-за границы, но некоторые люди, меньшого сорта, разведали проселком, что он служил при *Таможнях* на Цессарской границе. Хоть Ч... был холост, но жил в благородном довольстве и на женатую ногу, как и должно солидному мужу. Полною распорядительницей его изобильного дома была девушка Домицеля, по фамилии Пётух-Сандецкая, молодая и вертлявая Шляхтанка. История ее жизни также не была известна, достоверным же считалось в городе только то, что Ч... привез ее из Киева в новой, богатой, в чистой<?> коляске с какими-то контрактами и планами. При такой жизни Ч... город со всем уездом считал его мало того что достойнейшим человеком, но и советником и благодетелем в житейских делах; ибо всякий, кто имел какую-нибудь разорительную тяжбу с родственниками или соседями, непременно прибегал к Ч... за советом и помощью; и надо отдать ему справедливость, он не отказывал никому на словах в своем душевном участии; случалось даже, что и замолвивал словечко Городничему или Судье, но это делалось для людей солидных и поважнее. Но род людской неблагодарен, всем не угодишь. На Ч... была смертельно недовольна Раиса Никитишна Тюрина, по случаю одного очень печального обстоятельства, которое ее постигло. Но как это обстоятельство, в самом деле, не горестно, и как оно не требует сострадания к г-же Тюриной, но я решусь прежде сказать об ней самой, а после о несчастьи ее.

Она была вдова-бригадирша и помещица порядочной деревни; дама лет по<д?> 40, среднего роста и средней дородности; в нравственном же отношении деликатная дама. Главною заботою в ее жизни<?> было то, чтобы крестьяне ее носили имена романические и вообще греческие; вследствие чего в деревне ее обитали (между крестьянами) Аполлоны, Гаи, Филологи, Евсипифы<?>; (между крестьянками) Фесписии<?>, Таисии, Калиопы, Голоцаты<?>. Но кажется, что такая любовь владелицы к романическим именам простиралась и на домашних животных: ибо голландский петух, бродивший по барскому двору, имел также знаменитую кличку — Вертер. Нельзя не упомянуть также и о нижеследующем обстоятельстве, которое в свою очередь

выказывает черту характера Тюриной, да и нужно сказать это для объяснения причины ее несчастья. Придворный штаб Тюриной состоял из всех почти девок, которые принадлежали к ее деревне. Они были обучены разным рукодельям и пению старинных подблюдных песен и любимых госпожою романсов, и помещались в одной землянке, примыкавшей вроде флигеля к барскому дому и, неизвестно почему, называвшейся «Школою Аркадии». Блюстительницею при школе была верная напарница помещицы престарелая дева, благородного рода, Матвеевна, любительница табаку и чаю, но притом и гроза бедных девок. Под ее неусыпным наблюдением они целый день без отдыха занимались своими рукоделиями, а вечером оглашали барскую гостиную пением, которое, смотря по расположению Тюриной, было то весело, то грустно. Когда же случались у госпожи гости (а гости часто бывали, ибо Тюрина любила общество), девушки пением своим вторили оркестру музыки, состоявшему из своих же крестьян-артистов, из которых каждый, кроме музыки, занимался еще свойственным его натуре делом и только в часы покоя заменял орудие своей деятельности на музыкальный инструмент. Так, кучер Кир играл на контрабасе, Зоилка повар на кларнете, а Аистийка<?> мельник на скрыпке. Этот оркестр отличался удивительным громозвучием благодаря усердию кучера Кира, который во всю свою кучерскую мочь пилил на контрабасе, увлекая своим воодушевлением товарищей, так как он же был и дирижер. При таком напряжении инструментальных звуков никогда нельзя было расслышать песни, которую они сопровождали, что иногда доставляло певицам случай проходить молчанием самые увлекательные ноты концерта, шевеля только, во избежание всяких неприятностей, губами; ибо за действиями строго смотрела Матвеевна. Но один только громогласный, отрывистой полонез девушки пели по распоряжению госпожи с весьма редким, но сильным аккомпаниманом собственно контрабаса. Полонез этот своею интонациею походил на малороссийскую песню: «Ой чія ты дивчина? — Попови. На вгороди морквицю пололи» и проч., но хозяйка говорила гостям: «Это моего сочинения; оно слабо; но моя страсть полонезы».

Тюрина очень заботилась об устройстве своего имения и хозяйственных отраслей; а потому она имела управляющим деревни немца Карла Карловича Пихта, который на пути к настоящей своей должности прошел чрез многие весьма разнохарактерные мытарства, а именно: в одном городе содержал трактир; потом,

по каким-то непреложным путям судьбы, сделался у одного помещика домашним доктором; у другого помещика, имевшего конский завод, отправлял службу ветеринарного лекаря; наконец у одной помещицы, отличавшейся русскою тучностию, был домашним зубным врачом и буравил в одном месте, под горою, воду, в чем владелица терпела крайний недостаток; да еще у какой-то городской барыни приготовлял детей в немецком языке. По проекту этого-то управляющего Тюрина перестроила всю свою деревню на немецкий лад по плану, похожему на конскую подкову, длинным полукружием. Крестьянские избы приняли вид тех домиков, какие строят немцы в своих колониях; да и во всех отношениях не забыта перспектива. Там, где приходится у подковы большой шип, возводился новый господский дом; а где приходятся у подковы меньшие задние шипы, предположено было построить с одной стороны экономическую контору, а с другой дом для управляющего. Но проект не приведен был к окончательному исполнению, потому что Гурий Иванович Зудин, который неизвестно каким родом попал в короткое знакомство с<?> Тюриной, выжил немца из ее деревни, не забыв и потузить его хорошенько на дорогу. Зудин, верно, с помощью волшебной палочки, сделался у Раисы Никитишны полным распорядителем и хозяином всего относящегося до собственности ее. Встретилась же она с Зудиным в том городе, где жил П. И. Ч..., и с первого раза очень понравила Зудина как ловкого и услужливого молодого человека; достоинства, которые она очень уважала.

[Продолжение будет, а голая истина под конец.]

К заметке 1-й, листок 2-й.

Однако г. Зудин недолго пожил в деревне г. Тюриной[1]. Он занял у ней 200 р<ублей> ас<сигнациями> для какого-то важного дела, от которого у его должны родиться тысячи, предложил Тюриной занять ей все эти тысячи, — и махнул куда-то. Больше об нем не слышали; а в гостиной Тюриной почему-то чаще прежнего распевались вечерами грустные песни.

Перерываю торочимую историйку. В том же городе четырех речек три почтенных человека беседовали за чайком, не по поводу сей историйки, а так себе, о житейских делах. Один из них, старичок, отставной учитель, страх любивший читать книги о магии и кабалистике, начал с жаром рассуждать: «Что мне ни говори, а есть на земле счастье, есть! есть!! Оно бродит по людям,

[1] Я ошибся, ее настоящая фамилия Тюшкина. — *Примеч. В. И. Белого.*

только не всякий умеет с ним познакомиться; да что я горожу познакомиться, — не всякий умеет попасть его за хвост. О! есть, есть счастье! К иному счастье приходит вместе с Марьей Ивановной; другой получает его за козырки из черного дерева; а иному, и самому подлейшему человеку, счастье родной отец, потому что он умеет слушаться счастья, и только знай говорит: “Исполню ваше поручение”. А другие от того при счастье, что умеют бить по чужим карманам, вот, на улице, хоть наш...»

— Э, э, Иван Фомич, Иван Фомич, — отозвался старик-купец, — забыли, батюшка, забыли: Христос омыл ноги и Иуде.

— Ну что Иван Фомич? что! я ведь и говорю о христопродавцах из века.

В это время третий собеседник, отставной военный офицер, смотревший с грустною раздумчивостью в окно, оборотясь к своим собеседникам, сказал: «А я вот о чем думаю, г.г., пропадет моя земелька, пропадет. Ч... представил уже закладную в Суд и такие дубасит<?> проценты — чтоб черт побрал всю его родню».

Кажется, беседа (этих) почтенных людей этим и кончилась, потому что они все трое вышли на улицу и, остановившись, смотрели на одного певца, о котором я с радостью скажу слова два.

Это был отставной солдат Кулешов, редкой, добрый человек. В городе все его любили от малого до большого; даже Городничий, большой честолюбец (который, помню, и на меня раз прикрикнул: «Эй! щенок, шапку!», а ведь он знал и по-французски), и тот был к нему снисходителен. Я тоже любил этого доброго солдата и сохранил об нем живое, сердечное воспоминание; ибо в детстве моем, которое грустно протекало в том же городе, было у меня единственное наслаждение выйти вечером за ворота нашего домика и слушать этого барда. Занятие Кулешова было молоть нюхательный табак, который славился своим достоинством, и продавать на базаре, где вечером, оставляя свое торгашество, он выпивал постоянно свою порцию водочки, но никогда не в меру, и отправлялся домой с остатком табаку на плече. Идя ровно по середине улицы и не обращая ни на что внимания, он пел с одушевлением и особенным голосом (напевом) следующую свою песенку, к которой я, будучи диким мальчиком, прислушивался не без внимания.

Как пошел, да пошел,
Господин Кулешов:
И — вот Кулешов!
И — там Кулешов!
И — всюду Кулешов!..

Э-э!.. и пошел, да пошел,
Господин Кулешов:
И — здесь Кулешов!
И — там Кулешов!
И — все это Кулешов!
Кулешов! Кулешов!
Господин Кулешов!..

Ну, пошел же, пошел,
Господин Кулешов:
И — вот Кулешов!
И — там Кулешов!
И — сюда Кулешов!
И — туда Кулешов!
И — вот эдак Кулешов!
Кулешов! Кулешов!
Господин ты! Кулешов!!

Примеч<ание>. Исправление этой песенки я сделал вследствие замечания моей матушки-старушки, которая, по выезде моем из дому, долго еще слышала песнь Кулешова.[1]

Эту песню он распевал себе, пока доходил до своей хижины, находившейся далеко за городом.

Наконец и в гостиной г. Тюриной хор ее не так часто стал петь унылые песни. В расположение ее точно таким же родом, как и Зудин, затесался другой молодой человек, но и другого покроя — господин Жигалкин.

Кто он был такой, откуда и когда взялся в городе четырех речек, никто не знал. Только однажды какой-то проезжий, в черкесской шапке, навеселе, рассказывал в трактире, что он Жигалкина знает, и хорошо знает, что Жигалкину много церемониться нечем, и что если бы Жигал<кин> с ним поспорил, так он бы ему съездил *прямо в Харьковскую губернию, да не проминул бы заворотить и в Рыльский уезд,* и прямо бы ему в глаза рассказал всю его историю. Но хотя Жигал<кин> с ним не спорил, и проезжий видел его только мельком в окно из трактира, да проговорил про себя: «Вишь *ракалия-щука!*» — однако ж рассказал тут же кой-что, касающееся его жизни. Так, из слов веселого проезжего узнали, что Жигалкин жил в одном большом городе, где когда-

[1] *Далее было:* Какая простая, но пронзительная музыка этой песни. Я хорошо знаю

то замешан был в дело картежников, которых он же выказал; и что Жигалкин обладал способностью отыскивать пропадавших собак: так, если, бывало, у какой-нибудь дамы пропали внезапным случаем собачка шпиц или собачка на *тоненьких ножках*, и дама публиковала об этой пропаже в газетах, с назначением приличной награды за доставление пропавшей собачки, то никто не доставит было собачки, а Жигалкин доставит непременно. Сам же Жигалкин рекомендовал себя прямо дворянином, не упоминая никакого чина, а говорили, что он имел (только) аттестат о служебных своих занятиях от Станового Пристава[1]. Но по виду походил он на лихого армейского Подпоручика; ибо Бог знает отчего, а есть физиономии иных людей, которые вот так и похожи на подпоручика, а они, смотри, или вовсе не служили в военной службе, а если и служили, то имеют совсем другой чин. — Жигалкин носил всегда венгерку синего сукна, обшитую запутанными вензелями; фуражку, избитую на все бока, которую он называл *матрадура;* имел преизрядные черные усы, похожие на крылья летучей мыши. На руках у него было много разнохарактерных колец, стальные с вензелями, но заметно не его имени, золотые и серебряные с камушками — незабудками и змейками; а одно было золотое массивное, изящной работы, на котором вместо камня было поле платиновое с вырезкою герба, представлявшего какого-то маленького зверька, стоящего на задних лапках. Говорил Жигалкин как-то важно, звучно, с ударениями, и в произношении его особенно слышалась буква «ш». Всякий разговор начинал он таким предисловием: «*Вообразите, какое анде*». Это предисловие, однако, касалось только серьезного дела, но когда предмет разговора относился до нежного пола, то тут вместо предисловия давал названия вроде этого, или смотря по достоинству: «*Что за онерная шпанка! Ах! какой ренонсовой купидон; чудо караси!*» Любил выпить, но всем вообще винам предпочитал мадеру, которую называл — *Громобой!* На лице его написано было пиковое ухарство, отчаянная дерзость, но там, где нужно было покоряться, он ловко умел поменять дерзкое выражение своей физиономии на коварную кротость; а если приходилось ему снискивать чью-нибудь благосклонность, то здесь он до того умилялся, что действительно на глазах его выступали слезы; но в это время и усы его переменяли настоящий свой вид и похожи уже были не на крылья летучей мыши, а на двух маленьких ежиков, пробиравшихся<?> в нос, от чего и *сей последний* раздувался. Пока Жигалкин

[1] *Было:* от Земского Исправника

обжился в сказанном городе, он вел себя довольно скромно, даже, можно сказать, благородно, и его многие полюбили. Почтенным людям он находил передавать новости, другим любезным людям оказывал мелкие услуги, навязываясь на них сам; а с некоторыми г.г. сходился[1] для *компанства* там, где они любили бывать; частенько у многих профрансистов выигрывал деньги, но разделывался благовидно, больше шуточками, или вовсе избегал брать деньги; а если иной раз никто не беспокоился о расчете, то и он молчал, как бы вовсе забыв о выигрыше. Детям позначительнее чиновников он покупал пряники<?> и орехи, за что они величали его: милым дядинкой. Дамам также он умел доставлять в компании разные удовольствия. Их особенно занимало то, когда он, бывало, возьмет колоду карт и сделает так, как делают игроки во время стосса: тацирррь, карты все делают полет по воздуху, и опять уляжутся в руке его своим стройным порядком. Удивляло и то их, что он находил в колоде всякую карту, какую кто заметил. По поводу чего одна солидная дама раз как-то сказала: «Вот какой вы молодец на все руки»[2]. Но после Жигалкин всем насолил: во-первых, на откупщика подал донос, что продает водку не по кондициям; а там на купцов, что обвешивают; с людьми чиновными пересcорился, а на дам такие распустил истории, что одна грозилась поколотить его башмаком. Даже говорили, что и Городничему, человеку образованному и самолюбивому, нанес дерзости, но и тот почему-то ему уважил. Однако ж и с Жигалкиным случилась скверная история.

На одной чиновничьей свадьбе он особенно наводил батарею на дам. Жену одного Секретаря, имевшего золотые часы с 24 камнями и игравшего постоянно в преферанс по 30-и сер<ебром>, назвал: мадам *Трефандье*, а дочь квартального — мамзель *Примизье*, и задирал<?> Повытчика Уездного Суда, человека щекотливого и который ни на минуту не отходил от своей жены.

1 *Далее было:* там

2 Комедию Вашу «Игроки» я не видел еще и не читал. Спрашивал недавно в книжной лавке, а сказали: «*Нетути: намедни продали IV Том, исчитанный уже и изорванный, за 5 р<ублей> с<еребром> и то продешевелись*». При сем случае доложу. Я почти четыре года томился желанием прочитать поэму М<ертвые> д<уши>, но не имел возможности: в кн<ижной> лавке требовали за прочтенье ее 1 р<убль> 50 <копеек> и 2 р<убля> сер<ебром>, да залогу 15 р<ублей> с<еребром>, так как, будто бы, [про] стоила тогда этой цены поэма. За это кому-то большой грех. По-моему, это замечание важнее всех, какие были, есть и будут на поэму М<ертвые> д<уши>. — *Примеч. В. И. Белого.*

Но сей не выдержал. Он собрал своих товарищей в уголок, сказал им: «Господа! да что же он за такой здесь обер-гоф-штоф-стакан-рюмко-мейстер! до *коих* пор спускать ему такие нахальства, потузить его на все бока!» Предложение это было принято с восторгом и произвело самое жаркое сочувствие в чиновнич<ь>ей братии, даже г. Дергачевский, недавно получивший степень Канцеляриста и сохранявший постоянно в лице своем бураковый цвет, в мгновение ока побледнел значительно и, кусая губы, там же, первый готов был приступить к исполнению предложения. Наверно[1], намерение чиновников было приведено, *надлежащим порядком*, в действие несколько позже или совсем позже; ибо тот же Повытчик, пришедши утром в Суд, сказал собратам: «А что! каково угостили Гуся Иваныча шампанским с крокосом!»

— О! весьма чрезвычайно, — отвечал помощник Повытчика, — в особливости Дергачевский поднес ему славного Мордофеича. Уж можно сказать, что по сей части Дергачевский у нас молодец.

— *Сделайте* милость, — отозвался Дергачевский, — покорнейше я прошу вас, не принимайте вы во мне таковово сильного, в большом количестве — участия.

Сказка эта впереди.

1590. М. И. Гоголь

12 маия <1849. Москва>.

Посылаю[2], добрая матушка, полтораста рублей серебром не для вас собственно, но для раздачи тем бедным мужичкам нашим, которые больше всех других нуждаются, на обзаведение и возможность производить работу в текущем году, и особенно тем, у которых передох весь скот. Авось они помолятся обо мне. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болею не только телом, но и душою. Много нанес я оскорблений. Ради Бога, помолитесь обо мне. О, помолитесь также о примирении со мною тех, которых наиболее любит душа моя! На следующей неделе буду писать к вам.

Обнимаю всех вас мысленно, весь ваш.

[1] это

[2] Посылаю вам

1591. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. 15 мая <н. ст.> 1849.

До сих пор я все был верен моему слову и делу и, в надеждах, что уже недалеко и до конца, с которым бы разрешились очевидно все мнения и надежды общества, усиленно продолжал труд. Но вот уже две недели, как совершенно все остановилось. Рим осажден французскими, неаполитанскими и испанскими войсками, а Болония австрийскими. Каждый день ожидаешь тревоги. Люди, теперь здесь во главе стоящие, грозятся все зажечь и погребсти себя под пеплом. При таких условиях, конечно, уже невозможно продолжать дело, требующее глубоко сосредоточенного спокойствия. Я, однако ж, креплюсь в перенесении столь великого несчастия, и только что будет возможно, то опять примусь за окончание моей картины.

Очень жалею, что вы мне ни о чем-таки не написали.

Со знакомством вашим, особливо в последние годы, очень много открылось у меня изумительных осязаний будущей жизни.

Вас истинно и глубоко уважающий

Александр Иванов.

Хотел было я вас спросить о Завьялове — упрекнуть и вас, и Москву в бессовестности, но, так как это все останется без результатов, — все, все отлагаю до окончания моей картины.

1592. В. А. Жуковскому

Мая 14 <1849>. Москва.

Мне был передан упрек твой. Виноват, но не совсем. Я писал к тебе немного дней спустя после того, как получил «Одиссею». Письмо адресовал в Баден; видно, не дошло. Я много исстрадался в это время. Много было слез. Бесплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она в силах была произвести что-либо. Жду нетерпеливо прочесть тебе все, что среди колебаний и тревог удалось создать. Тревоги и колебанья не прошли и доныне, и сердце мое сильно болит. Но как отрадно мне было услышать, что «Одиссея» приближается к концу! О, это Божья благодать и Божье чудо: если среди возмущений, объемлющих всех и всех волнующих, посылает Он кому-нибудь из нас силы исполнять на земле долг свой, то это верный знак Его Небесной милости. Лучшего счастья нельзя иметь на земле. О, помоги же

Он тебе, как верному рабу Своему, все сполна принести Ему, ничего не зарывши в землю! А я буду ждать тебя в Москве или там, где захочешь. Только уведоми об этом заране хотя двумя словами. Бог да сохранит тебя со всеми милыми твоему сердцу всего здравым, спокойным и невредимым.

Весь твой Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Son excellence monsieur Basile de Joukowsky.
Baden-Baden.

1593. В. И. Белому

Москва. Майя 16. 1849.

Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании. Вследствие замечаний ваших приму к соображенью и многое другое.

Под именем добродетельных людей я разуме<л> лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*, то, что проще и ближе становит человека к исполненью обязанностей. Если вам когда-нибудь захочется написать еще что-нибудь — очень меня обяжете.

Весьма вам признательный Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию
милостивому государю Василию Ивановичу Белому.
В Одессе. В Одесской городской думе.
По евр<ейскому> отделению.

1594. С. Т. Аксакову

<16 мая 1849. Москва>

Статья мне нужная напечатана в С.-П<етер>бургск<их> сенат<ских> ведомостях 1848 № 66. — Попросите у Констан<тина> Сергеевича на несколько дней «Достопамятности Москвы» Снегирева и препроводите с подателем записки, чем много обяжете.

Весь ваш Н. Гоголь.

1595. Н. Н. Шереметевой

Маия 20 <1849. Москва>.

Благодарю вас, добрейшая Надежда Николаевна, за ваше доброе письмо. Здоровье мое, кажется, несколько лучше, временами я бываю спокоен, но зато находят опять такие волнения... Со страхом вижу, как далек я от покорности и от преданья всего себя воле Божией. По-прежнему прошу вас не оставля<ть> меня вашими молитвами.

Весь ваш признательный вам Н. Гоголь.

<*На конверте:*>

Ее превосходительству милостивой государыне
Надежде Николаевне Шереметьевой.
В Рузу Московской губернии.

1596. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

С. Петербург. 17 мая <1849>.

Смиренно сознаю вину свою, любезный Николай Васильевич: «Повинной головы и меч не сечет». Одно дело помнить и любить людей, другое писать им. Вы убеждены, надеюсь, что мы часто вспоминаем о вас, но вы также должны знать, что занятий у меня вдоволь, и, право, не успеваешь. Дети у меня были больны, в особенности Саша, который не на шутку нас всех перепугал. Соня подрастает и требует постоянного внимания. Притом и здоровье мое не блестящее. И так, любезный Николай Васильевич, простите мне великодушно продолжительное мое молчание. Благодарю вас от всей души за ваше участие и за два последние письма. Поручение ваше Александре Осиповне я давно исполнила. Она больна, грустна и в самом плохом положении. Надежда получить некоторую пользу от предпринятого ею лечения доктора Леваневского удерживает ее здесь. Теперь она живет в Царском Селе, с сестрою Оболенскою. Мы намеревались нынешнее лето провести в окрестностях Москвы или в деревне маменьки, но Михаил Юрьевич никак на это не согласился. Хотя Павлино прекрасная дача, однако же не дурно бы было и съездить в Синицу. Мы надеемся много рисовать, много читать и наслаждаться спокойной жизнью Петергофской дороги. Садовники, по разным приметам, обещают нам теплое и сухое лето. Владимир отправился опять в деревню на целые три месяца. Вряд ли он успеет повидаться с вами в Москве, ибо он спешит в Симбирское имение, где присутствие его становится весьма нужным. Матвей

Юрьевич едет завтра с герцогом в — — — на дачу графини Бенкендорф, близ Ревеля, и по возвращении его оттуда отправится <в> чужие края. А вы, любезный Николай Васильевич, что намерены делать? Где вы проведете лето? каково ваше расположение духа? Говорят, что ваше здоровье очень поправилось и что русская зима вам нисколько не повредила. Надеюсь, что лето укрепит столь доброе начало и принесет вам пользу во всех отношениях. Не худо бы было и написать кое-что для бедных читательниц русской словесности... Подумайте об этом и не забывайте искренно преданной вашей

С. Соллогуб.

Маменька и сестры сердечно кланяются вам.

1597. П. А. Плетневу

Мая 24 <1849. Москва>.

Ты позабыл меня, мой добрый друг. Обвинять тебя не могу. У тебя было много забот и вместе с ними много, без сомнения, таких счастливых минут, в которые позабывается все. Дай Бог, чтобы они длились до конца дней твоих и чтобы без устали благословилось в устах твоих святое имя виновника всего. А я все это время был не в таком состояньи, в каком желал быть. Может быть, неблагодарность моя была виновницей всего. Я не снес покорно и безропотно бесплодного, черствого состояния, последовавшего скоро за минутами некоторой свежести, пророчившими вдохновенную работу, и сам произвел в себе опять тяжелое расстройство нервическое, которое еще более увеличилось от некоторых душевных огорчений. Я до того расколебался, и дух мой пришел в такое волнение, что никакие медицинские средства и утешения не могли действ<овать>. Уныние и хандра мною одолели снова. Но Бог милостив. Мне кажется, как будто теперь легче. Чувствую слабость и расстройство физическое. Но дух как будто лучше. О, если бы все это обратилось мне в пользу и вслед за этим недугом наступило то благодатное расположение духа, которое мне потребно! Прошу тебя взять из банка деньги по второму билету, то есть тому, который содержит в <себе> 650 р<ублей> серебром, со всякими процентами, какие наросли,[1] которые ты имеешь выслать мне на имя Шевырева, если в продолжение недели с половиною не получишь от меня письма,

[1] *Далее начато:* и подержав

потому что я еще не знаю, может быть, мне придется ехать самому в Петербург, если только сколько-нибудь здоровье станет лучше. Хотелось бы хоть раз взглянуть на всех, близких моей душе. Здесь пронесся слух, что Жуковский возвращается на Петербург. Пожалуста, дай ответ на это хоть в двух строчках.

Будь добр и не поленись. Поцелуй за меня ручки у твоей, без сомнения, доброй и милой душою супруги. Замолвь ей обо мне доброе слово. А мне объяви ее имя и отчество, которых по твоей милости я до сих пор не знаю.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Адресуй ответ на имя Шевырева.

1598. Графине С. М. Соллогуб

Маия 24 <1849. Москва>.

Как вы меня обрадовали вашими строчками! Да наградит вас за них Бог. День 22 маия, в который я получил ваше письмо, был один из радостнейших дней, каких я мог только ожидать в нынешнее скорбное мое время. Если бы вы видели, в каком страшном положении была до полученья его душа моя, вы бы это поняли. Приехал я в Москву с тем, чтобы засесть за «Мерт<вые> души», с окончаньем которых у меня соединено было все и даже средства моего существованья. Сначала работа шла хорошо, часть зимы провелась отлично, потом опять отупела голова; не стало благодатного настроения и высокого размягчения душевного, во время которого вдохновенно совершается работа. И все во мне вдруг ожесточилось, сердце очерствело. Я впал в досаду, в хандру, чуть не в злость. Не было близких моему сердцу людей, которых бы в это время я не обидел и не оскорбил в припадке какой-то холодной бесчувственности сердца. Я действовал таким образом, как может только действовать в состояньи[1] безумия человек, и воображая в то же время, что действую умно. Но Бог милосерд. Он меня наказал нервическим сильным расстройством, начавшимся с приходом весны, болезнью, которая для меня страшнее всех болезней, после которой, однако же, если я выносил ее покорно и смирялся, наступало почти всегда благодатное расположение. Внезапно растопившаяся моя душа заныла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу[2] я, что в нем лежит

[1] в припадке
[2] увидел

один эгоизм, что, несмотря на уменье ценить высокие чувства, я их не вмещаю в себе вовсе, становлюсь хуже, характер мой портится, и всякий мой поступок уже есть кому-нибудь оскорбление. Мне страшно теперь за себя так, как никогда доселе. Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно Анну Миха<й>ловну и вас молиться за меня крепко и крепко. Не знаю, слышали ли это ваши сердца. Но всякий раз, когда я представлял себе мысленно вас обоих, молящихся обо мне, мне становилось легче, и надежда на милосердье Божье во мне пробуждалась. Вы спрашиваете меня, что буду делать с собою и куда двинусь. Сам не знаю. Передо мною одно[1] безбрежное море. Чувствую только, что мне нужно куда-нибудь ехать, потому что дорога была бы полезна для нерв моих, куда — не знаю. Не оставляйте меня, добрая моя Софья Михайловна. Одна небольшая весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде, и когда я воображу себе только, как мы снова увидимся все вместе и я прочту вам мои «М<ертвые> души», дух захватывает у меня в груди от радости. Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить.

Расцелуйте бесценные, добрые, милостивые ручки у графини и у Анны Миха<й>ловны.

Бог да сохранит невредимыми всех вас.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Владимира Александровича я видел. Как только узнал, что он в Москве, тот же час, несмотря на хворость свою, поспешил к нему. Кроме того, что мне приятно было собственно его видеть, я бы обрадовался всякому человеку, от которого мог что-нибудь о вас узнать. Ради Христа, не позабывайте меня! Как я бессилен, как слаб и как мне нужна теперь помощь!

Обнимите Веневитиновых. Я их смутил неуместным письмом. Что ж делать, утопающий хватается за все.

1599. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Царское Село, 18-го мая <1849>.

Я не знаю, что вам наврал Аксаков, любезный друг мой Николай Васильевич! Советов я не хотела принимать *от него*, потому что считаю человека его лет, без горьких опытов жизни,

[1] только одно

плохим советчиком[1]; а он вздумал было меня ими угощать невпопад. Об вас же не было и речи на этот счет, а я сказала ему, что вам не пишу потому, что не пишется и что, полагая вас здоровыми и бодрыми телом и духом, думаю, что нечего писать о своем горе, вам известном. Теперь вы меня вызываете, и я отвечаю.

Я с неделю живу у сестры Оболенской в доме. Здоровье плохо, хотя аппетит и сон лучше; слабость велика, и бывают дни, что все кажется, что последняя минута приходит, все ждешь какого-нибудь казуса. Говорят, что это нервы, велено через силу бродить, — я и брожу, как машина, без участия воли и без удовольствия.

Собравшись с силенками, была у Императрицы и великой княжны Ольги. Приняли меня очень милостиво, по-старому. Я нашла перемену к лучшему, — более серьезности, и в Ольге Николаевне необыкновенную рассудительность и вместе кротость и смирение перед тем, что ожидает ее в лице ее супруга. Она очень ясно видит причины разрушения порядка общественного на Западе, корень зла, и вовсе не утешает себя минутными призраками водворяющегося порядка; видит ясно, что и мы зашли в impasse[2], и до какой степени.

Теперь и Царское семейство в личном горе: герцог Лейхтенбергский очень плох. Одному Государю доктора сообщили вполне свои опасения, и сегодня мне сказали, что по последнему письму должно полагать, что Царь воротится на днях. У герцога phtisie tuberculeuse, по словам Меновского[3], которого консультировали на днях. У Наследника дочь была при смерти; теперь ей лучше. Государь так чадолюбив, что все эти семейные страдания на него сильно действуют. Дай Бог, чтобы в теперешние минуты миновало его хоть личное горе.

Сегодня я слыхала, что с Пруссией мы не на шутку в разладе по делам Дании с Голштейном, и что эскадра выступает в Бельт[4]. Из Австрии нет еще известий. Говорят, что у венгерцев до 200.000 войска. Маршруты некоторых дивизий наших изменились. Между прочим я знаю, что один из моих братьев идет уже прямо в Варшаву, а не в Слоним, как было сказано прежде.

[1] *В первой публикации:* советником

[2] *В копии «Русской Старины» на месте слова пробел и примечание: «Не разобрано». Печатается по первой публикации.*

[3] *В первой публикации:* Мяновского

[4] *В копии «Русской Старины» на месте слова пробел и примечание: «Не разобрано». Печатается по первой публикации.*

Дух в войсках[1] хорош: от Наследника в Новгороде все были в восторге. Слава Богу!

Но какая же беда у нас совершается в глазах: война Европейская и война за принцип! О наших коммунистах ничего не слыхать, над ними производится суд… То, что рассказывали в первые дни, если не преувеличено, так гадко, так мерзко, что нельзя довольно благодарить Бога, что их вовремя остановили[2]. Сочувствия они ни в ком не возбудили, а презрение — во всех. По-Христиански следовало бы пожалеть; но общество не все единомысленно.

Куда вы намереваетесь ехать летом, и как лечитесь, и от чего вы разболелись? Мне говорила Анна Алексеевна Окулова, что вы читали у Толстых «Домостроителя» вслух, и очень хорошо; о болезни вашей не было и помину. Я же жду возможности ехать в Калугу, а там что Бог даст; с своими повидаться пора.

Миша начал ходить, говорит много, а я его оставила в пеленках. Ольга управляет хозяйством, Соня хорошеет, Надя сделалась гораздо кротче. Губернатор наконец оправдан; Ершовых велено отдать под суд за гнусный фальшивый донос. Каково же нам было сидеть четыре месяца под подозрением мерзейших подлостей! Нечего сказать, на долю всех и каждого выдался годок! А меж тем кто образумился и переменил лад жизни? Никто, и даже теория перемены чисто индивидуальной пугает всех. На устах у всех, mais c'est du fanatisme religieux, и боятся фанатизма в эпоху страшнейшего безверия, когда он невозможен, потому что сильных убеждений ни у кого нет; потому что все сбились с толку.

Скажу вам, что Конкордия и все заведения, покровительствуемые Излером, другом человечества, процветают. И тошно и гадко смотреть, как стараются заводить то, что обезобразило Париж и весь Запад!

Говорят, что Жуковский выехал из Бадена и попал на тревогу в Дрезден. А всю дрезденскую штуку разыграл подлец Бакунин, друг Штирнера[3]. Хороши стали наши соотечественники!

Пишите ко мне в Царское Село (в Кадетской улице, дом Кокорева, на квартиру князя Оболенского).

[1] *В первой публикации:* в войске

[2] *В первой публикации:* переловили

[3] *Слово:* Штирнера, — *вписано в копии карандашом. В первой публикации вместо:* Штирнера — NN (фамилия не разобрана).

Прощайте, Христос с вами, я опять вернулась к омеопатии, мне надоела хина и ревень, которым меня пичкал Меновский[1]. Ваша от души, как всегда,

А. Смирнова.

Вам бы не худо пожить у нас в Калуге летом, по многим причинам.

1600. А. О. Смирновой

Мая 27 <1849. Москва>.

Благодарю вас за доброе и милое ваше письмецо. Много бы я заплатил за то, чтобы успокоились ваши нервы и вы бы отдохнули хотя на время. Мое здоровье лучше. Зиму я провел хорошо. В конце ее только пришла хандра, которую я старался всячески побеждать. Но с приближеньем весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнули в такое уныние, в такую нерешимость, в такую тоску от собственной нерешимости, что я весь истомился. Скажите Софье Миха<й>ловне, что письмецо ее произвело надо мной чудо. С того же самого дни или, лучше, с той минуты, как получил его, я стал себя чувствовать лучше. Теперь с каждым днем укрепляюсь заметно. Во время болезни моей сильно молились обо мне некоторые добрые души. Бог внял их молитвам. Куды ехать, не решился[2]. Предполагал уже было снова в Иерусалим. Если бы вы ехали теперь же, я бы с удовольствием поехал с вами в Калугу. Может быть, мы бы снова прожили вместе с обоюдною душевною пользой. Дайте об этом мне весточку. Бог да хранит вас. Прощайте!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес мой: на Никитском булеваре, в доме Талызина.

Мне сказывал Муханов, что у вас есть подмосковная, весьма удобная для жительства, и что он на вашем месте предпочел бы ее обитанью в Калуге. Не зная ни подмосковной, ни Калуги, не могу судить, прав ли он или нет.

1601. Графине А. М. Виельгорской

<Май 1849. Москва>

Мне казалось необходимым написать вам хотя часть моей исповеди. Принимаясь писать ее, я молил Бога только о том,

[1] *В первой публикации:* Мяновский

[2] не знаю

чтобы сказать в ней одну сущую правду. Писал, поправлял, марал, вновь начинал писать и увидел, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вам, точно, моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего, или же с иной точки, и тогда может все показаться в другом виде, и что писано было затем, чтобы объяснить дело, может только потемнить его. Совершенно откровенная исповедь должна принадлежать Богу. Скажу вам из этой исповеди одно только то: я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать. Оно было еще тяжелее оттого, что мне некому было его объяснить, не у кого было испросить совета или участия. Ближайшему другу я не мог его поверить, потому что сюда замешались отношенья к вашему семейству; все же, что относится до вашего дома, для меня святыня. Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить. Думаю, все случилось оттого, что мы еще не довольно друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко, по крайней мере гораздо легче, чем следовало. Вы бы все меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. Право, это было бы хорошо и для здоровья и веселей, чем обыкновенная бессмысленная жизнь на дачах. А если бы при этом каждый помолился покрепче Богу о том, чтобы помог ему исполнить долг свой, — мы бы, верно, все стали чрез несколько времени в такие отношенья друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, *чем я* должен быть относительно вас. Чем-нибудь да должен же я быть относительно вас: Бог недаром сталкивает так чудно людей. Может быть, я должен быть не что другое в отношении <вас>, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношенья наши хотя и возмутились на время каким-то налетным возмущеньем, но все же они не таковы, чтобы глядеть на меня как на чужого человека,

от которого должны вы таить даже и то, что в минуты огорченья хотело бы выговорить оскорбленное сердце. Бог да хранит вас. Прощайте. Обнимите крепко всех ваших.

Весь ваш до гроба Н. Гоголь.

1602. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Мая 24-го <1849. Васильевка>.

Деньги, присланные тобою, мой милый сын, для раздачи людям, получила. Благодарю тебя. Я буду им выдавать по мере надобности их, вменяя за что-нибудь из их работ с прибавлением молиться о твоем здоровьи и исполнении всех твоих желаний; у кого нет скота, будет покупаться из доходов, которые у нас понемногу получаются; только большими кушами нельзя теперь иметь. И потому я присланные тобою 200 рублей серебром, да прибавлю за несколько времени собранные полтораста рублей ассигнациями, хочу уплатить подати за 1-ю половину, которые остаются в недоимке, и за три месяца надобно заплатить за просрочку по копейке с рубля, да еще я слышу, прибавлено по несколько с души и придется, верно, до 900 рублей или все 900 дойдут. По причине болезни люди не могли внести, а тут еще погода помешала ярмарке, которая давала значительный доход в то время, и подати вносили; но, вместо недели, и одного дня не было ярмарки: погода разогнала всех приехавших и все приготовленное для ярмарки осталось непроданным и теперь медленно выручается по частям. — В хозяйственных наших делах меня не упрекает совесть, они идут так, как способы наши позволяют; в хлебе люди не нуждались, иной крайности не было, в случайности брали из магазина, в котором позволено брать с тем, чтоб по получении нового отдать, и я отпускала для них мукой, если у них не было кому смолоть по причине болезни; да сверх того продала на 600 рублей ассигнациями по необходимости для уплаты в приказ и податей, когда не доставало, вырученных за табак и лен. Теперь уже скачут на костылях и те наши больные, на которых не было никакой надежды на выздоровление, воздух их лечит или, лучше сказать, Всемогущий Творец; хотя они так измучены, что трудно их узнать, но когда начали ходить, то и будут здоровы, только одного опасно, чтоб не были калеками: подводило жилы на ногах, но иные совсем уже прямые. — Письмо твое, мой любезный сын, потрясло все мое существо, но чем больше читаю его, тем делаюсь рассудительнее и покойнее. Мне вообразилось, прочтя

его первый раз, что нанес огорчение тому, кого ты больше всех любишь, и мне страшная мысль пришла в голову, что это значит Государю, и потому ты просишь молиться, потом в облегчение той мысли вообразила, что Жуковскому; словом сказать, обезумела. Но когда прочла несколько раз и усмотрелась, то увидела, что, по твоему мнению, ты многим нанес оскорбление, которых ты любишь, и просишь, чтоб молиться о примирении с ними и также молиться о бедной душе твоей, то несколько успокоилась и скажу тебе на это, мой сердечный друг, что душа твоя не бедная, а богатая добрыми делами и прекрасная, но у тебя есть гордость: ты хочешь непременно равняться с Богом. Он Один только совершен и непричастен ни к каким слабостям, но человек ежеминутно искушаем; но он никак не должен тревожиться, зачем он сделал этак, а не так. Зато он всегда смиряется перед Богом, и Бог это любит, когда смиренный возносится<?>, а не чувствуя за собой ничего особенного, мы не были так близки к Богу и не смирялись бы так перед Ним, считая себя недостойным Его. Если ты нанес кому огорчение, то Бог избрал тебя орудием к наказанию его. Конечно, надобно быть очень осторожному в заключениях и долго рассматривать; иногда покажется, или наскажут более, нежели есть в самом деле; и тогда ты напрасно не нанесешь никому огорчений, а еще бы лучше, когда их совсем не наносить, но мы независимы от себя, Бог руководствует нами, и не должно унывать, вообразя, что ты уже такой грешник, и быть уверенну, что Бог так милосерд, что за одну фразу, выговоренную от сердца, оставляет все грехи наши, и потому сказано: идеже умножается грех, там изобилует благодать Божья. Следовательно, Бог следит за тем человеком, желая приобресть его и исправить. Конечно, надобно убегать нам от грехов, чтоб не гневать милосердия нашего Творца, но если бывают такие случаи, что человек не может владеть собой, и в ту минуту прибегнуть к рассудку, то должен вспомнить, что он ничтожная пылинка у Бога, не удивляться и не терзаться этим; но смиренно[1] просить защиты против самого себя, чтобы не допущен был более до таких неприятных случаев, чтоб Бог никогда не оставлял тебя, посылая во всех случаях благоразумие на помощь.

Письмо твое я получила в пятницу пред Троицыным днем в Полтаве; молилась о тебе, сколько доставало моих сил; в субботу должны были окончить все свои дела и ночью уже приехали домой, на Троицын день я была в заутрене и обедне, просили

[1] *В публикации:* смиренность

священника вынуть частицу о здравии твоем, благоденствии и исполнении твоих желаний, и всегда молюсь, чтоб Бог никогда не оставлял тебя по Своему милосердию, и наставлял на путь истинный.

У нас теперь все, благодаря Бога, хорошо, только бы дождя нужно; кругом идут, а у нас нет, но удивительно для меня то, что около Полтавы дожди изобильные идут и почти каждый день, а хлеб яровой у нас лучше, может быть, оттого, что у нас очень рано посеяно в влажную землю. Надобно отдать честь нашему приказчику, как он деятельно управляется, тогда как почти никаких способов не было: люди без рук, без ног, скоты тоже, и у нас отлично все сделано, только что немного менее против прошлогоднего в посеве, но при хорошем урожае, верно, вдвое будет хлеба, если еще и не больше против прежних годов. Да сохранит тебя Господь, мое сокровище и отрада[1] на земле, молитвами матери, нежно любящей тебя.

1603. М. И. Гоголь

<Весна 1849. Москва>

Я получил ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннейшая и добрейшая матушка. Весьма за него благодарю, еще больше за ваши молитвы. Здоровье мое, слава Богу, лучше, но климат, может быть, придется переменить. Впрочем, ничего еще на этот счет верного не могу сказать. Положение бедного А<ндрея> А<ндреевича> меня искренно трогает. Пошли ему Бог дни утешений в остальное время его жизни! Передайте от меня поклон добрейшей Софье Васильевне Скалон. Любите всех, вас любящих, и храни вас Бог подозревать кого-либо в нелюбви к себе, это же и не в вашем характере. Вы способны любить даже и нелюбящих[2], даже[3] и недобрых. Как же можно подозревать в чем-либо добрых? С этим можно впасть в большие недоразумения. Отчего вам кажется, будто А<ндрей> А<ндреевич> должен мне помочь? Во-первых, я не нуждаюсь; во-вторых, у него родственники есть ближе меня; в-третьих, он сам в таком положении, что ему нужна помощь; в-четвертых, наконец,[4] скажу вам откровенно, мне бы было очень тяжело что-нибудь от него получить. Слава Богу, что

[1] *В публикации:* отрадно

[2] не стоящих любви

[3] *Далее начато:* те<х>

[4] *Далее начато:* мне бы

он так благоразумен и это понимает сам. Еще я не понимаю, отчего вы так заботитесь о приобретениях для детей ваших в нынешнее время, когда все так шатко и неверно и когда имеющий имущество в несколько раз больше неспокоен бедняка. Слава Богу! Бог сам пристроивает детей ваших: ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость Божия. Как посмотришь вокруг, сколько несчастных родителей, не знающих, куда деть своих детей! Сердце дрожит[1], когда помыслишь, какая страшная участь грозит им посреди их ожидающего разврата. А непристроенные семейства умножаются с каждым годом все больше и больше, а прихоти все растут, и каждому хочется жить так же, как живет его сосед. Жить попросту, как должен жить человек, никто не хочет. Удерживать, умерять себя никто не умеет, потому что никто не занят истинным делом[2], а в праздности много приходит человеку тех прихотей, о которых бы он и не подумал, если бы был, точно, занят. Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденьи свежих[3] дерев на место усохнувших и не принявших<ся> вместе с племянником. Может быть, пришлю ей семян огородных овощей. А на приглашенье приехать самому скажу, что от моего приезда немного было бы толку, если бы и можно было приехать. Все делается не без воли Божией. Может, притом надобно сказать и то, что издали как-то любится лучше, а вблизи, как увидишь то да другое, то и это не так, — еще и поссоришься. Издали, например, сестры мне кажутся[4] умными, занятыми, трудящими<ся>, полезными и в собственном домоводстве и в отношеньи[5] к другим, а вблизи кажутся проводящими время в праздности, ездящими по гостям, читающими пустые книжки или занят<ыми> рукодельями для пустых украшений. Очень может быть, что я не прав, но тем не менее какая-то грусть проникает мне душу, и мне становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всеми и вижу, что я меньше всех исполняю долг свой,[6] принимая в соображенье то, что мне больше других[7] Бог дал способностей и сил к произведенью дел полезных. Сестра Елисавета ничего мне

[1] дрожит невольно

[2] делом, которым должен заниматься

[3] тех свежих

[4] кажутся все

[5] и относительно

[6] *Далее начато:* праздность

[7] всех других

не написала — доказательство, что она меня мало любит, а я хоть с ней и ссорюсь, но люблю ее много. Обнимая мысленно вас всех и желая вам от души всего, что нужно для души, остаюсь

всегда признательный сын Н. Г<оголь>.

1604. М. И. Гоголь

<Весна 1849. Москва>

Посылаю вам, маминька, банку горчицы, что же касается до семян, то Иван Осипович Петрашевск<ий> их обещался доставить вам. Теперь не случилось.

Прощайте и будьте здоровы.

1605. О. В. Гоголь

<Весна 1849. Москва>

Благодарю тебя за письмецо, милая сестра Ольга! Я уже думал, давно не получая от тебя известия, не больна ли ты, но слава Богу, ты, кажется, здорова, во всяком случае, верно, чувствуешь себя теперь лучше, нежели зимою. С деньгами, которые теперь у тебя в руках, пожалуйста, распорядись по своему усмотрению — что найдешь нужным, то и покупай, это тебе лучше знать, чем мне, живущему далеко, поэтому купи и аптекарские вески, но только или в аптеке, или через аптекаря, чтобы они были верны и чтобы тебе изъяснил название всякой вещи. Я посылаю с полдесятка книг, в числе их для тебя беседы об отношении Церкви, которую по прочтении дай прочитать и сестрам. Книга эта очень хорошо написана и верно понравится не только тебе, но и другим. Пожалуйста, не позабывай меня и пиши, не дожидаясь почты, всякий раз, когда улучишь свободное время: с кем виделась, что читала, что понравилось, когда было весело и когда скучно, — всем этим меня обяжешь.

Твой брат Н. Г<оголь>.

1606. Графине А. М. Виельгорской

Июня 3 <1849>. Москва.

Наконец, письмецо и от вас! От всей души благодарю вас за него, добрейшая Анна Миха<й>ловна. Очень обрадовался, что глазам вашим лучше. Ради Бога, берегите их. Как ни любите вы рисовать, но благоразумие требует от вас меньше заниматься рисованьем, а больше двигаться на воздухе. Понимаю, что прогул-

ки без цели скучны. Вот отчего мне казалось, что жизнь в деревне могла бы больше доставить пищи душе вашей, нежели на даче. Сделать четыре, пять[1] верст в день затем, чтобы взглянуть на труд и работы поселян, какие производятся в разных местах имения, совсем не то, что наша обыкновенная прогулка. Там невольно можно ознакомиться с бытом тех людей, с которыми так тесно связано наше собственное существование, и чрез то прийти в возможность помогать им.

Но Тот, Кто устрояет все, знает лучше, что нам полезней и лучше. Нужно покориться. Не удалось намерение быть в том месте — нужно осмотреться, как нам быть на этом. Обязанности человека везде. Они могут быть также и в Павлине. Около вас теперь куча племянников и племянниц. Сколько прекрасного можно передать в молодые души путем любви! Можно сызмала навеять на восприимчивое детское любопытство[2] познанье своей родины и ее[3] историю, и разнообразье ее местностей, и образ жизни ее обитателей во всех углах ее, и даже пламенное желание быть ей полезным. Можно и в отроческое время дать человеку идею о том, как должны быть святы отношенья между людьми. И тогда он счастлив на всю жизнь, потому что в остальное время жизни будет уже сам заботиться о дальнейшем своем теченьи по указанном<у> пути, о приведеньи себя в большую и большую возможность приносить пользу и благодетельствовать. О! как бы мы теперь все были подвижны, во сколько меньше было бы у нас лени, бездействия и спячки, если бы приобрели то в юности, что принуждены приобретать теперь! Как на беду, первое наше воспитание отдаляет нас вдруг от того, что вокруг нас. С первых же дней набивают нас предметами, переносящими нас в другие земли, а не в свою. Оттого мы и не годимся для земли своей. О себе ничего не могу вам сказать положительного. Я только что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг было меня потрясла и расколебала всего. Я имел, точно, намерение проездиться по северо-восточным губерниям России, мало мне знакомым, но как и когда приведу это в исполнение — не знаю. Собой я был крайне недоволен во все это время. И только дивлюсь Божьей милости, не наказавшей меня столько, сколько я того стоил. Не оставляйте меня, добрейшая Анна Миха<й>ловна, вашими строчками. Описанье вашего дня

[1] несколько

[2] *Далее начато:* и

[3] разноо<бразную> ее

и препровожденья времени в Павлине будет для меня подарком. Бог да хранит вас!

Перецелуйте бесценные ручки вашей маминьки.

Весь ваш Н. Гоголь.

1607. К. М. Базили

5 июня 1849 г. <Москва>

Милый друг Константин Миха<й>лович!

Все собирался писать к тебе, как вдруг поразила меня весть о горе, тебя поразившем. Мысль писать в бессилии остановилась. Я измерял пред собою великость твоей утраты и видел, что никакое[1] слово мое, никакое участие кого бы то ни было, кроме разве того, кто посетил тебя, не в силах было принесть утешения. Близость твоя от Святых Мест меня успокоивала много. Теперь, как только представился случай к отправлению письма в Константинополь, пишу к тебе. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположен внимать словам участья, но и теперь ничего не умею сказать, кроме того, что утрата твоя велика и что по этой самой причине вечно следует благодарить Бога за мгновенное владение утраченным даяньем[2]. Воспоминанье о нем остается нам в украшенье всей последующей жизни. В немногие дни нашего пребыванья в Байруте я искренно полюбил покойницу. И мне казалось, что лучшей подруги тебе нельзя было избрать в мире. Никто, кроме ее, не мог быть тебе так нужен и необходим в этом крае, где не всякой европейской обитательнице захотелось бы жить. Милый друг! Вся жизнь наша должна быть благодарность. Благодарность, а не другое что. Тогда вся жизнь наша будет прекрасна. Ты меня много, много обяжешь, если напишешь о себе, о состояньи души своей. Хотел бы я еще просить тебя, просить описать[3] мне последние минуты *ее*. Но не знаю, будет ли это возможно[4], не наполнит[5] ли это тебя грустью, не опечалит ли сердца! О себе особенно замечательного[6] не могу покуда ничего сказать, кроме того, что зиму провел довольно хорошо. Весной заболел, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не в таком

[1] всякое
[2] благо<м?>
[3] написать
[4] удобно
[5] распол<ожит?>
[6] многого

состоянии, чтоб светло заняться делом, но времени не пропускаю, от дела не бегаю и запасаюсь материалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умным и осмотрительным, чтобы быть в состояньи сказать даже и не весьма умное слово. Время беспутное и сумасшедшее. То и дело, что щупаешь собственную голову, не рехнулся ли сам. Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники[1] *разрушения.* Где только дело касается созданья и *устройства,* там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка! Прощай! Обнимаю тебя крепко!

Твой весь Н. Гоголь.

1608. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

30 мая, 1849. СПб.

Письмо твое от 21 мая доставили мне только вчера. Очень долго залежалось на почте, не знаю почему. К тому же вчера было воскресенье; и так я не мог послать тебе ответа в тот же день.

Ты угадал, что у меня много было хлопот. Но это бы ничего, если бы я предвидел конец им. А вот беда, что и этого нет. Мать жены моей страдает ревматизмами целый год. Она лишена всякого движения. Сперва лечили ее на дому. Открылось после, что невозможно подать ей всех пособий в частной квартире. И так перевезли ее к церкви Преображения в лечебное заведение принца Ольденбургского. Дочь ее, нынешняя моя жена, так страстно любит мать свою, что подобную привязанность справедливее назвать болезнию сердца. Со времени нашей свадьбы не проходило дня, который бы не проводила она у постели страдалицы. Следовательно, я все это время был в каком-то ненормальном положении. Наконец, после переезда нашего на Спасскую мызу, это мое положение стало еще менее нормальным по отдаленности, которую путешественница моя принуждена всякий день уничтожать своими ежедневными поездками к больной. Рассказывают, что в ревматизмах так страдают по десяти лет. Я рискую все это время не видать жены при себе. Но я не сержусь на нее. Меня трогает и умиляет столь нежная дочерняя любовь. Ей нетерпеливо бы

[1] ревни<тели>

хотелось осуществить все прежние мечты, как она располагалась жить подле меня. Но болезнь сердца пока не допускает до того. И вот мы живем в одних ожиданиях. Редкое существо эта женщина в таких летах: ей только 23 года (зовут ее Александра Васильевна). Она столько же миниатюрна, сколько и грациозна. А. О. Смирновой очень понравилась она. Жуковского всего и всего Пушкина помнит она наизусть. До этого дошла она, года три читав их со мною почти ежедневно. Только не воображай в ней чего-нибудь романтически-плаксивого. Это душа крепкая, это ум деятельный и твердый — как у не многих мужчин бывает.

Не позабудь же уведомить меня, как скоро понадобятся тебе деньги по одному из ломбардных билетов.

И я жду Жуковского сюда. Зимою он решительно объявил, что в начале июня прибудет к нам, и один даже, если доктора не позволят ехать жене его.

Твой

Плетнев.

1609. П. А. Плетневу

6 июня <1849>. Москва.

Благодарю тебя за письмо и за вести о своем житье-бытье, близком сердцу моему. Очень благодарен также за то, что познакомил меня заочно с Александр<ой> Васильевной. Да не находит на тебя грусть оттого, что ты не всегда с нею. В нынешнее время быть у одра страждущего есть лучшее положение, какое может быть для человека. Тут не приходит в мысли то, что теперь крутит и обольщает головы. Тут молитва, смирение и покорность. Стало быть, все то, что воспитывает душу, блюдет и хранит ее. Начать таким образом жизнь свою надежнее и лучше, нежели днями первых упоений и так называемыми медовыми месяцами, после которых, как после похмелья, смутно просыпается человек, чувствуя, что он спал, а не жил. Я думал было наведаться в Петербург, но приходится отложить эту <поездку>, по крайней мере, до осени. Деньги вышли по второму билету, то есть тому, который заключает в себе сумму 650 р<ублей> серебром с процентами, какие накопились. Пришли на имя Шевырева.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Передай мой душевный поклон Александре Васильевне и Ольге Петровне и не забывай меня хоть изредка письмами. Обнимаю тебя крепко.

1610. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Июня 4 <1849>.

Возвратилась от обедни, где по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин, вспоминая о вас, мой друг, с любовию матери в эту минуту. Видит Тот, Которому всегда и теперь вручаю, испрашивая на вас благословение Его Отцовское. О Всемилосердный, Ты его не оставь, наставь и помоги творить Твою святую волю. — Сего вам постоянно желаю и, как умею, молю Отца нашего о вашем спасении. Он видит ощущения души, с любовию и дружеством вам преданной до гроба. Я вас, мой друг, не часто тревожу своими письмами, но в такой день сильнее соединяется душа с теми, кто нам близок, и несколько слов сказать необходимо. — Теперь едут в Москву, и скорее дойдет, нежели по почте. Прошу Ивана Александровича о доставлении сих строк. — О себе ничего не говорю. Здоровье становится получше. — Грус<т>но за дочь и зятя, что они потеряли истинно предостойного сына, которого и мне и всем нам крепко жаль. С младенчества его знала, кроме хорошего ничего за ним не замечала. Упокой, Господи, душу его и не оставь бедных родителей! Прощайте, мой милый друг и сын возлюбленный, данный мне Господом, Его и молю, да поддержит Он вас на пути, которой вы по благости Его избрали. Еще вас благословляю.

Христос с вами!

Ради Христа берегите себя и с помощию никогда нас не оставляющего Отца Небесного пребывайте в спокойствии. Тогда повсюду хорошо и со всеми легко, а с иными и отрадно. О Всемилосердный, помоги нам неослабно чувствовать Твое о нас беспрерывное Отцовское попечение. Спаси вас Господи! Еще от всей души вас благословляю и до последней минуты вам предана.

Христос с вами!

Берегите себя, не смущайтесь, молитва все преодолевает. Боже мой, не покинь его. — В нынешней день смело скажу, что всегда вам говорю. Как дорого мне ваше спасение, Он видит, Ему вас вручаю и сим кончаю. Христос с вами! Прощайте.

1611. А. О. Смирновой

Июня 15 <1849. Москва>.

Да, я точно в Москве, добрейш<ий> друг Александра Осиповна, и очень желаю вас видеть и замедлил к вам приездом

только потому, чтоб не разминуться с Аркадием Осипо<вичем>, а он, сказывают, будет на днях. От него надеюсь узнать, между прочим, и о том, каким путем к вам добраться,[1] доселе же сведения, на этот счет собираемые, крайне темны. Прискорбно мне узнать из вашего письма, что вы недомогаете, но Бог милостив: все строит и обращает нам в пользу. Граф и графиня Т<олстые> очень вас благодарят и кланяются.

До свиданья!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Передайте душевный мой поклон Аркадию Осиповичу.

1612. И. В. Капнист — Н. В. Гоголю

<23 июня 1849. Москва>

Я был у Вас, любезнейший Николай Васильевич, и, к сожалению, не застал. Прошу Вас усерднейше приехать завтра 24-го числа в Сокольники обедать к сердечно Вас любящему *имениннику* И. Капнисту.

Сестра Соф<ья> Вас<ильевна> и Вас<илий> Ан<тонович> с детьми ко мне приехали и очень желают Вас видеть.

1613. А. М. Марковичу

<1 июля 1849. Москва>

Благодарю вас много, почтеннейший Александр Михайлович, за известие о себе. Ваши строчки тем более меня порадовали, что я начинал уже было думать, что вы, занявшись делами хозяйства, забудете обо мне вовсе. Но так как этого не случилось, то (подстрекаемый добротой вашей и расположеньем делать приятное приятелям) беспокою вас следующею убедительною просьбою: составьте для <меня> маленький сельский календарь годовых работ, как они производятся у вас в Черниговской губернии. По дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные поговорки и замечания, обратившиеся в правила и руководства. В образец прилагаю вам отрывок из календаря одной из северных губерний: Месяц май. (Травень.)

1) *Еремия-запрягальник.* Посев. *Поговорка:* «Сей неделю до Иеремии и неделю после».

[1] *Далее начато:* потому что

3) *Тимофея* и *Мавры* — зеленые щи.

4) *Ирины-рассадницы.* Сеянье капусты.

6) *Иова-Горошника.* Сеянье гороха.

8) Зажиточные поселяне пекут пироги. Старик выходит с пирогом на дорогу угощать первого встречного.

9) Установленье дорог. Георгий с полувозом, Никола с возом. Поспеванье корма. «Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин травой».

Выгон лошадей на *ночнину* с празднованьем холостых ребят всего села; всю ночь игра. Пекутся для этого пироги с гречневой кашей.

Приметы: с Николы еще 12 морозов остается; если не случатся все весной, то остальные исполнять до Симеона Столпника, т. е. до 1 сентября.

10) Начало сеянья пшеницы. Сей пшеницу, когда зацветет черемуха. *Поговорка:* «Сей рожь в золу, а пшеницу в грязь».

11) *Мокия Мокрого.* Если в этот день идет дождь, то все лето будет мокрое.

13) *Гликерьи-комарницы.* Появленье комаров.

14) *Сидора-Сиверка.* Холодная погода в этот день означает холодное лето.

15) *Пахомия Теплого.* Теплая погода предвещает теплое лето.

21) Сеять лен и садить огурцы.

25) Сеется пшеница, если погода помешала прежде. *Поговорка:* «Если лист на дереве полон, то и сеять полно».

29) *Феодосии-колосяницы.* Рожь начинает колоситься. Старики говорят: «Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает».

30) Змеи делаются злы. По словам поселян, они в этот день идут поездом на свою свадьбу.

Примечания общие. В этом месяце почти все весенние хороводы — троицкие, семицкие. В хороводах воспевается сеянье проса, овса, ячменя, гороха и маку. Следует поименованье песней, какие поются, и описанье обрядов.

В таком виде и все прочие месяцы. Если вы пожертвуете несколькими часами в неделю на составление таким образом черниговского календаря, то сим меня много, много обяжете. Не оставьте меня извещеньем о том, что делаете сами и как проводите ваше время. Я располагаю поездить по губерниям в окружностях Москвы, посетить кое-кого из знакомых и поглядеть

на Русь в тех местах, где ее не знаю. Сначала хотел было сделать это в большом размере, но, увидя, что чем дальше в лес, тем больше дров, ограничиваюсь малым. Месяца через два полагаю возвратиться снова в Москву. Письма же адресуйте по-прежнему. В одно время с письмом к вам пишу и к Александру. Желая от всей души всех возможных вам благ, остаюсь

весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На конверте:*>

Его высокородию милостивому государю
Александру Миха<й>ловичу Маркевичу.
В Глухов Черниговской губернии, а оттуда в с. Сварков.

1614. А. С. Данилевскому

Июля 1 <1849. Москва>.

Извини меня, мой добрый Алексан<др>, перед собой и перед Ульяной Григорьевной, что не пишу. Думается о вас часто. А писать не пишется. Лень ли это или сознанье ничтожности писанья или что другое — право, не знаю. Может быть, это просто притупление способностей и сил. Но от этого да избавит нас Бог — и тебя, и меня, и всех добрых людей. Странное дело: я теперь меньше тружусь, чем когда-либо прежде, меньше занимаюсь, а между тем все мне мешает. Время летит так, что не успеваешь оглянуться, и все еще почти ничего не сделано. Меньше, чем когда-либо прежде, я развлечен; более, чем когда-либо, веду жизнь уединенную, и при всем том никогда еще так мало не делал, как теперь. И от этого находят досадные расположения духа. Я не в силах бываю писать, отвечать на письма. Не в силах исполнять всех тех обязанностей, которых исполнение приносило прежде удовольствие душе моей. Вот тебе в коротких словах вся моя душевная история. По твоему делу до сих пор не сделал ровно ничего, хотя, признаюсь тебе искренно, мне часто желалось перетащить вас обоих в Москву и даже устроить вместе хозяйство и жительство. Клементия Россети до сих пор здесь не было. Он все еще в Петербурге. Я сам собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окружности Москвы, повидаться с некоторыми знакомыми и поглядеть на Русь, сколько ее можно увидеть на большой дороге. Где проведу зиму, не знаю. А ты не оставляй меня извещеньем о себе. Я очень желаю знать, как у тебя идет[1] лето. Прошу убедительно Ульяну Григорьевну написать об

[1] проводится

этом также. Как здоровье обоих вас и как ведет себя единородная дщерь, которую мысленно, совокупно с вами, целую и обнимаю.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Так как из Москвы все уже уехало, то письма адресуй мне на имя одного знакомого, проживающего в Калуге, таким образом: его превосх<одительству> Николаю Миха<й>ловичу Смирнову для передачи Ник<олаю> Вас<ильевичу> Гоголю. А он перешлет ко мне туды, где буду находиться.

1615. М. И. Гоголь

Москва. Июль 4 <1849>.

Письмо ваше от 5 июня получил, так же как и другое, писанное перед тем в мае. Обо мне напрасно вы беспокоитесь, так же как и о том, что меня не так ценят, как следует. Это участь всех людей. Никого не ценят так, как следует. Для того, чтобы ценить человека, нужно видеть его со всех сторон, а видеть со всех сторон человека может один только Бог.

Отложите также всякие мысли о воздаяниях в этой жизни. В нынешнее время особенно, когда редко кого ожидает веселая будущность, дай Бог не лишиться только того, что уже имеем. На потребу дня немного нужно. Вы давно уже не уведомляли меня об Андрее Андреевиче. Получаете ли от него письма и здоров ли он? Передайте при сем следуемое ему письмецо.[1] Я намерен сделать маленькую поездку по некоторым губерниям вокруг Москвы, а[2] так как все мои знакомые разъехались тоже по деревням, то письма адресуйте в Калугу[3] на имя Смирнова. Он мне перешлет их туда, где буду находиться. Адрес выставляйте так: его превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову в Калугу для передачи Н. В. Гоголю. А с сентября месяца вновь по-старому, на имя Шевырева. Посылаю вам несколько книг, какие накопились. Из них для вас особенно: «О скорбях и болезнях». «Поученья к прихожанам» Путяты пригодятся и для ваших крестьян. Вы дайте их прочесть священникам[4]. Вероятно, они из них выберут кое-что для прочтенья в праздничные дни. Во многих церквах и по городам читают из этой книги. Прощайте. Сестер обнимаю. Племянника Колю также. Скажите ему, чтобы он пересчитал, сколько дерев числом принялось из тех, которые насадила

[1] *Далее начато:* так как
[2] и
[3] ко мне в Калугу
[4] нашим священникам

тетушка его Анна Васильевна, а сколько нет, и об этом мне бы написал, также[1] и о занятиях своих. А к ней самой надеюсь скоро писать[2], Лизе также. Прощайте.

Ваш сын Н. Г<оголь>.

1616. Графине А. М. Виельгорской

<Начало июля 1849. Москва>

Узнавши, что вы занимаетесь ботаникою, посылаю вам изображение растений русской земли, лучшее, какое у нас есть. В нем собраны все общеупотребительнейшие виды нашей флоры, с отчетливым[3] изображеньем признаков.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Бог да хранит вас всех, милых и близких моему сердцу.

<*На обороте:*>

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В С. П. бург. На Мих<айловской> площади, в доме графа Вьельгорского.

1617. В. И. Белый — Н. В. Гоголю

<10 июля 1849. Одесса>

Милостивый Государь,

Николай Васильевич.

Не оставьте прочитать и сие.

Всемогущему Богу только известно, как я был болен телом, вздумал страдать и душой за мое письмо к Вам, в котором так много грубых и непростительных выражений, а при том и такая безумная просьба, которую вопияла моя изнывшая душа. Простите невежде. Того дня, в которой я имел счастье получить строки Ваши, я до того был хвор, что не мог выйти из квартиры, но, прочитав их, почувствовал облегчение и страдание души много уменьшилось. Как благотворно, как живительно для бедного человека ласковое слово, снисхождение... Такое счастье испытал я раз только в жизни. Бог Вам за это судья, и слезы мои — вместо слов благодарности. Чувствую все Ваше великодушие. А между тем во мне происходило что-то уже особенное, ибо после моего скорописательства я так было раскозырялся о правде[4], что

[1] равно как

[2] писать особенно

[3] весьма отчетливым

[4] Я знаю, что за правду страдал и Чичиков. — *Примеч. В. И. Белого.*

чуть-чуть было не лишился первой половины моего ти́тула, т. е. службы; но, слава Богу, дело выходит так, что и она-таки за меня держится. Кажется, неясно сказал я в первом письме: попал в разряд приказных, сиречь, служу только приватно с ними, но настоящее звание мое: купеческий сын, бедный сын. Также забыл доложить, что письма моего я не сочинял, не вымышлял слога и выражений, а писал прямо то, что чувствовал в то время, когда писал, так и то, что чувствовал, когда читал Ваши творения, и рассказывал все то, что лезло в мою пустую голову, ни чуточку не останавливаясь над тем, что приходило из души на мысль, стараясь этим показать пред Вами вполне влияние, какое произвели творения Ваши и на простого, четверть-грамотного человека и представить истинное понятие об них этакого же человека. А от того в прямую правду мою залезла расхряпанная откровенность, которую я видел, мучился, но послал письмо. Да и просьба о душевном обстоятельстве, хотя высказана в простоте сердца (я не хотел скрывать ничего, ибо Вы добиваетесь правды), но не даром — вот почему: когда я читал в первый раз «Выбран<ные> места из пер<еписки> с друз<ьями>» и только дошел до указанного мною места, то в ту минуту я помирился[1] сам с собой; за это обязан Писателю более чем вечною благодарностью. Также нужно сказать, что упомянутые мною примеры или случаи — все почти есть впечатления моего детства. Видно, тогда я был сколько-нибудь попонятливее, теперь же только чувствую и чувствую. Там есть и то впечатление, которое убило жизнь моего отца; даже сравнение женщины с кукушкой вынес я из детства. Мальчиком, на родине, собирая терн в лесу, видел я, что какая<-то> маленькая птичка, не больше соловья, кормила кукушку, летавшую за этою матерью, но давая корм, она страшно боялась такого огромного детища. Старик-Лесничий, на вопрос мой об этом явлении, сказал мне: «Та зозуля, хлопче, ледаща, непутня до дитей птыця; у нее николы нема свого гнизда, и несе яйця в чужим гнизди, и чужа бидна птыця высьжуе и годуе іи дитей; а сама вона тилькы лита всюди та бреше. Годив с тридцать бачу я оттака маленька птычка годуе зозулю, таку здоровецко<?>. Шо то як воно все у свита Божому ведется». — Причем рассказал мне и известную у малороссиян легенду о кукушке. После того, в детстве же слышал я рассказ одной простой женщины, жаловавшейся на какие-то несчастные обстоятельства свои, заставившие ее кормить чужое дитя, а свое оставить... Эти два случая тогда

[1] *Далее было:* собственно

же крепко запали в мою грубую детскую душу, но это кажется так свежо.

Боже! какое бедное, какое грустное было и мое детство, а о юношестве страшно и вспомнить; причем я от рожденья слабого здоровья. В детстве же нечаянным случаем я совсем было утонул в реке, но какая-то простая женщина спасла меня с непостижимым самоотвержением. У меня, как припоминаю теперь, и не было ничего детского; я не играл, не резвился, как делают дети, а постоянно был грустен, нося в себе тяжелую мысль: что станется с моею жизнию, с моими родителями и моими маленькими братьями? и многое предугадал, видя, по каким кочкам шла наша бедная семейственная жизнь. Часто от этого у меня было душевное расстройство, в минуты которого верно я был странен, ибо отец мой говорил матери: «Смотри, колы Васыль у нас не валюка-дурак». Такое замечание совсем убивало меня, и я не находил[1] слова сказать кому-нибудь о моем положении. У! какое оно было горькое. Не знаю, к чему так повела меня судьба моя. Я не избирал настоящей дороги к существованию, и молю Творца день и ночь, чтоб избавил... Покойный отец мой намеревался отправить меня, когда мне было не больше 13 лет, в Москву, где отдать в лавку мальчиком, но это занятие так страшило меня, а душа просто говорила о каком-то великом несчастье — что я пожелал себе жестокой болезни, чтоб избежать этого, молил о том Бога, и у меня была сильная горячка, которая чуть не отправила меня подальше Москвы. Скажу из нескольких случаев хоть один, что и при благополучии со мной происходили странные вещи. Этот случай назову первый шаг в свет, в дом одних помещиков Илохотиных, имевших большое село и, должно быть,[2] из родни г. Плюшкину. Они были старики, бездетные, но Бог знает, избила ли их жизнь, или они сами избились в своей жизни. Помещик[3] очень боялся привидений и домовых; всегда рассказывал об этом, а ночью вставал, зажигал свечи, курил ладаном и читал священные псалмы. У них во всякой комнате было много образов, даже в конюшне, где стояло две чалых лошади, был большой образ, с изображением св<в>. Фрола и Лавра, что меня очень поразило, когда я увидел, но после отец мой растолковал мне, что эти угодники есть защитители лошадей, которые так полезны... Супруга

[1] ни

[2] они

[3] Это не тот, о котором я сказал: «некто Плюшкин». — *Примеч. В. И. Белого.*

помещика была высокая ростом, страшно худая и разбитая параличом женщина, сидевшая постоянно на носилках, к которым вместо спинки привязаны были козлы из какого-то экипажа, обитые медными гвоздиками. По бокам этой спинки висели карманы, наполненные кучами ключей, большею частью заржавленных, мешочками, чем-то набитыми, и пучками сухой травы, особенно той, которая у малороссиян называется сире-зилья; от[1] всей этой травы был невыносимый запах. Верно, она любила кошек, потому что часто требовала к себе кошку, с которой играла, теребив ее за уши, за лапки и за хвост, но кошка не кричала и была очень равнодушна ко вниманию госпожи. Меня очень удивляла такая сноровка. Почтенная дама эта частенько допрашивала супруга о действиях его по процессу за раздел с сестрою ее, генеральшею; потом со слезами и дико-переменившимся голосом желала сестре такого благополучия: «Сама таскается по П...гу, а мне разбойница не дает дожить спокойно веку; чтоб ей и детям ее ни путья, ни добра, куда они поворотятся». — Слова эти холодом прошли тогда по моей душе, да и теперь иногда приходят мне на память. Но со<?> всем тем помещица, должно быть, добрее была своего супруга, ибо, за одно доставленное мною ей удовольствие, до совершения которого я чуть навеки не остался в сугробах снега, она подарила мне маленький горшочек меду (так не больше фунта полтора или два, клянусь, правда) и дала на дорогу окутать меня (а больше ноги; дело было зимой в день нового, 1832 года) изорванные куски изношенной енотовой шубы, похожие более на растерзанной мех обгорелой рыжей собаки. Причем она грустно-умильно говорила: «*Это — была дорогая шуба моего покойного батюшки, пошли ему Творец Небесный Блаженнейшее Царство!*» В нашем бедном хозяйстве куски этой дорогой шубы тогда же пошли в дело. Отец мой, с помощью искусства солдата-портного, сочинил мне вот какую шубку. Из кусков сих сделан был мастерской выбор преимущественно на воротник и на полы, узенькою полосою, в спину шубы был вставлен невычененный мех волка, а в рукава бараний черный мех (линтварь по-малорос<сийски>), но частица его была употреблена в необходимых местах и между энотом и волком. Покрыта же шуба моя была материею, называемою там, у нас, — Мухояр, да это, кажется, имясловское название. Помню мою теплую радость такой чудесной шубе, помню и слова покойного моего отца, при осмотре ее, когда примеривал портной: «Трошки довга; да правда росте. Ну, славная у тебя шуба,

[1] *Далее было:* которой

барская шуба; да такая шуба только у тебя да у Предводителя». — Но далась мне знать эта барская шуба: только, бывало, выйду на улицу, как собаки так и бросятся на меня с лаем, с визгом, верно, чуя невычен<ен>ный мех волка или, может быть, им понравилась такая невиданная в нашем городе шуба. Кто их знает. Никогда они не давали мне пройти благополучно по городу, а один раз-таки порядком изорвали мою шубу и чуть меня не загрызли, от чего я был долго и сильно болен.

Теперь мне попалась книга стар<ого> изд<ания> соч<инений> Карамзина. Как я жалею, что до сих пор ничего еще не читал из Карамзина, но я в том не виноват, ибо хотел читать многое... Из этой книги я понял, от чего у меня такой впечатлительной характер, как я силился высказаться в перв<ом> письме. Оттого, думаю, что я целую мою жизнь нахожусь в том деловом круге людей, которые ничего мне не говорили такого, не говорил и я, а было иногда по душе сказать[1], так, хоть бы сказать — вот эту малороссийскую песенку:

— Сыдыть козак на стырни,
Постолы латае;
Стырня его в ногу коле,
А-вин іи лае.

Потом прибавить:

— Какая полная, какая живая картина в этом кусочке слов. Ну, что если б древнему греку удалось сложить такую песенку, сколько бы теперь было крику и беды перьям.

— А какая убийственно грустная музыка в песне малорос<сийского> чабана: «Тирю, бирю...» Это! — отходная по душе человека! Это! Не сочинить итальянцу такой сильно-печальной музыки, не сочинить.

И, пожалуй, сказал бы:

— Говорят, что болезнь души много способствует расслаблению тела; по собственному опыту, я прибавлю, что немощи физические вряд ли не сильнее действуют на душу. Нет слов, чтобы выразить всю неизмеримость грусти, которая посещает меня от времени до времени; в эти минуты живо чувствуешь всю ничтожность жизни, всю суетность мирского величия и всех этих

[1] Или спросить бы у кого: «Где можно найти что-нибудь об украинском философе Сковороде? И от чего происходит слово — ум?» Я себе взял в голову, не от Еврейского ли Умен — Аминь. — *Примеч. В. И. Белого.*

пустяков, которые известны людям под звучным именем славы, почестей, богатств мирс<ких>. В эти минуты вы одиноки в мире, хотя бы вас окружала толпа; бледный, неподвижный, вы бессознательно смотрите на окружающих вас; по наружности мертвец, вы живете в эти минуты двадцатью жизнями; огонь под ледяной корой, ум ваш болезненно тормошит одну за другою способности души и сердца; тогда вы убеждаетесь, что дружба, любовь, смирение, кротость, самоотвержение, все эти сладкие вещи, которыми мы так простодушно потешаемся, — слова без смысла, растения жарких стран в северном климате, пересаженные неискусною рукою, растения увядшие, сухие... Но эти святые минуты скорби спасительны для душ, не зараженных ядовитым дыханием порока; уверенность в непрочность[1] вещей дольнего мира разбивает его оковы, мысль проясняется и, как юная, чистая голубица, радостно летит к далекому небу, на прежнюю свою родину...

— Тяжко... грустно... Человек!.. если ты подслушал меня — прости, не осуди эту вспышку потухающей души, этот вопль больного сердца... Я сохну, как... бурьян.

Если же я сталкивался с теми людьми, которые умеют так картинно натягивать перчатки и так бесподобно произносить имя человека — чеаэк! — то видел или благородное ко мне презрение, как и следует по всем правам мужику-мещанину, — или, напротив, добродушие, похожее на то снисхождение, которое мужик сапожник оказывает деревенскому мужику же: «Ны дывысь, шо я швец! а говоры зо мною, як з простым». А от того, вижу теперь, рванулась у меня, ничтожного человека, решимость отозваться на высокое воззвание Ваше. Но зачем я все это написал? Стаю на колени и произношу: «Учитель!.. Писатель!.. Простите, что я осмелился еще раз писать Вам письмом — я знаю, что это дерзость с моей стороны — не позволю больше себе этого счастья, не позволю; простите хоть потому, что от этого я делаюсь лучшим и горе свое чувствую легче, легче. Простите. Прощайте...»

С чувствами глубочайшего почтения и душевной преданности имею счастье быть

Вашим, Милостивый Государь,

всепокорнейшим слугой.

Василий Белый,

Одесса.
10 Июля 1849 г.

[1] *Так в автографе.*

P. S. Прошу простить и за такое неаккуратное писанье. Право, не могу лучше.

Знаю, чувствую, что Писателю очень пренеприятно иметь малейшие отношения черт знает с кем; а потому я всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не стеснять себя ответом; но, если можно, сделать для меня милость, поручите кому милость прислать мне один конверт с адресом, что будет весточкою о получении и сего моего письма, которое можно и турнуть назад. Я говорю о письмах. Извините за прямую откровенность. Говорят, это лучше, т. е. прямота; но, Боже! сколько мне за нее доставалось на орехи каленые.

Пока все это я дряпаю — ничего, но когда окончу и подумаю, куда оно полетит, — просто боюсь; но ободряют советом малороссиянина: «Роби, як Днипр робе».

1618. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Павлино. 14-го июля <1849>.

Не знаю, любезный Николай Васильевич, как благодарить вас за вашу неожиданную посылку, которая так кстати явилась. Сестрицы почти вскрикнули от радости, увидевши ее. Они теперь составляют травник и очень желали узнать все русские названия растений, в чем никто почти не мог им помогать, и вот, к счастью, вы вздумали нам прислать именно ту книгу, которая нам была нужна. Сестрицы уж давно искали русское сочинение о ботанике, но до сих пор без малейшего успеха; они не понимают, как не узнали об этих тетрадях, которые вы прислали. Вы ошибаетесь, думавши, что я занимаюсь ботаникой; она меня вовсе не привлекала еще недавно, но с некоторого времени она вдруг показалась мне интересной, и я решилась заняться познаньем растений, особливо цветов, которых[1] я всегда так любила. Меня останавливает покамест мысль, что я за слишком многим[2] берусь вдруг. Рисование, чтение, музыка и извлечения из читаемых книг уж занимают у меня целый день. Все-таки я не могу решиться совсем отдать сестрицам ваши тетради. Пусть они употребляют их сколько хотят, но чтоб непременно возвратили их бы мне, когда я их потребую: вот какой я эгоист!..

Что вам сказать про нас? Слава Богу, до сих пор нынешнее лето было приятно для нас всех. Погода теперь прекрасная,

[1] *Так в источнике.*
[2] *Так в источнике.*

и в хорошую погоду Павлино, в самом деле, прекрасное место. Но гораздо важнее погоды и всех внешних обстоятельств расположение духа. Уж давно я не была так спокойна и так весела, как теперь, за что благодарю Бога. Прочие все также необыкновенно хорошо расположены, и хотя мы почти никого не видим из чужих, никто из нас не чувствует потребность развлечений и увеселений.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! поправьтесь совершенно в эту прекрасную погоду и не оставляйте вашего намерения посетить северо-восточные губернии России. Оно, верно, много способствует вашему выздоровлению. Может быть, вы и к нам заедете, и знаете, с каким искренним удовольствием вас примут здесь.

А. В<иельгорская>.

Кстати напишите мне, сколько я вам теперь должна за все ваши благодеяния.

1619. А. О. Смирновой

Москва. Июля 29 <1849>.

Так как Лев Иваныч не отыскал для вас «Домостроя», то посылаю вам свой экземпляр. Книга называется «Временник», а «Домострой» помещен в ней посередине. Можете его, вырвавши, переплести особо. Мне очень грустно было отъезжать от вас. Я жалею, что приехал к вам рано. Нужно было мне приехать месяц спустя[1], чтобы вы <в> Калуге хорошенько обжились. Я бы тогда[2] прожил дольше, может быть. Напишите строчки три. Я все еще просыпаюсь с мыслью, что я в Калуге, и все мне кажется, что обедать буду с вами, но вместо Кристофора является с приглашеньем к обеду Иван и тем напоминает мне, что я в Москве. Адресуйте письма по-старому в дом Талызина на Никитском булеваре. Хотя я и поеду через недели полторы колесить снова, но письмо найдет меня. Прощайте, старый, закадычный друг Александра Осиповна.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Кланяется вам Тентетников. Обнимите всех домочадцев.

<*На обороте:*>
Александре Осиповне Смирновой.

[1] спустя после того
[2] *Далее начато:* приехавши в другой раз

1620. М. И. Гоголь

Москва. Июль 30 <1849>.

По возвращеньи в Москву получи<л> ваши письма от 12 июля. Очень жалел, что дожди у вас так сильны и мешали до сих пор хлебной уборке. Уведомьте, как теперь: удалось ли собрать и спасти хотя половину? Адресуйте письма по-старому в Москву. Я хоть и поеду еще кое-куды в окрестности, но не надолго. Здоровье покуда порядочно. Прощайте!

Н. Г<оголь>.

1621. Графине А. М. Виельгорской

Москва. Июля 30 <1849>.

Я ездил взглянуть на некоторые губернии поблизости Москвы, был в Калуге, где прогостил несколько дней у Александры Осиповны; возвратился снова на короткое время в свою уединенную комнатку в Москве и увидел на столе письмо. С радостью узнал, что оно было от вас, а еще с большею, что подарок мой пришелся кстати. Не удивляйтесь тому, что вам никто не мог указать на сочинение, которое я вам послал. Русские никогда не знают, что существует на русском языке. Обращайтесь с расспросами по этой части ко мне, а не к кому другому. Нынешняя книга оказалась[1] более нужною сестрицам вашим. Но, может быть, прочие будут нужны для вас. Так как Софья Миха<й> ловна и Аполлина Миха<й>ловна занимаются собираньем <произведений?> петербургской почвы, то им, сверх полученных вами тетрадей, нужно будет еще одно сочинение, которое при сем получит Софья Михайловна. Передайте ей письмецо.[2] Книга послана особо на ее имя. Не думайте, что я разоряюсь на книги. Я дарю[3] из своей собственной библиотеки, которая составилась у меня давно. Я люблю из нее дарить друзьям моим. Мне тогда кажется, как будто книга[4] совершенно пристроена и поступила в достойное ее книгохранилище. Мне можно так поступать. Я вас богаче и имею больше вашего возможности заводиться книгами потому именно, что на другое ничто не издерживаюсь. За содержание свое и житие не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду и к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам

[1] пришлась

[2] *Далее начато:* По<слана>

[3] вам дарю

[4] книга моя

за это ни копейки. Прощайте, добрый друг Анна Миха<й>ловна. Целую мысленно добрые ручки ваши. А вы перецелуйте за меня покрепче ручки графини.

Ваш весь.

Адрес мой остается по-прежнему.

1622. Графине С. М. Соллогуб

Москва. Июля 30 <1849>.

Я очень был рад, узнавши, что книга, посланная Анне Миха<й>ловне, оказалась полезною и для вас. Так как вы уже собираете травник, то вам нужно иметь сверх того еще подробное поименование всех растений, растущих около Петербурга. Посылаю вам Петербургскую флору, которая будет вам полезна уже потому, что, кроме названия всякого растения, вмещает обстоятельное[1] описание, применение на пользу и указание, в каких именно местах около Петербурга растет. Если же вы захотите потом когда-нибудь узнать вполне *применение растений на пользу* человека, то рекомендую вам сочинение, которое вас вполне удовлетворит. Это «Хозяйственная ботаника» проф. Щеглова. По моему мненью, сочинение это разве одними рисунками уступит иностранным, но текстом и полнотою содержания их далеко превосходит. Оно состоит из пяти больших отделений. В *первом* отделении рассмотрены все растения, употребляемые в пищу: все роды хлебов, овощей, корней и огородных злаков. Во *втором* отделении все роды кормовых трав для скота с показанием, какие для них вредны и почему. *Третье* отделенье рассматривает растения, употребляемые на краски и на всякие технологические производства на фабриках и заводах. *Четвертое* вмещает все лекарственные растения,[2] *пятое* — все ядовитые. Сочинение в большую четвертку с раскр<ашенными> изображени<ями>, 5 томов. Растения рассмотрены только растущие в России или такие, которые могут расти в России. Если вам захочется иметь это сочинение, то напишите, и я вам его вышлю. У меня оно есть. Если вы не захотите его у себя вовсе оставить, то можете держать все-таки у себя, как принадлежащее мне. Уведомите меня, сколько вы уже доселе собрали в свой травник произведений петербургской почвы. Где именно и в каких местах посчастливилось вам их

[1] подробное

[2] *Было начато:* произ<ведения>

больше найти и хорошо ли они у вас высушены. Затем обнимаю вас вместе с вашими булочками и хлебцами.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Передайте душевный поклон Аполлине Миха<й>ловне и расцелуйте ручки графини.

<*На обороте:*>

Софье Миха<й>ловне.

1623. Графу А. П. Толстому

<Конец июля 1849. Москва>

Мне было очень приятно узнать от графини, что вы обо мне воспоминаете. Я вспомин<аю> о вас часто. Хотелось бы сильно провести Спасов пост с вами. Есть в душе желанье исполнить лучше то, что доселе исполнялось небрежно или, лучше, не исполнялось вовсе, но есть также и уверенность, что без братской помощи сам не в силах. Вы меня подвижней, воздержней, терпеливей. Вы теперь, кажется, больше можете подействовать на мою леность. Передайте душевный мой поклон Софье Петровне и Наталии Владимиров<не>. Скажите, что много ценю благосклонное, дружеское их расположенье ко мне. Я уверен, что кто к кому расположен, тот о том и помолится. А что может быть выше молитвы? Если я держусь на свете, если я еще не до конца погряз в беззакониях, если я еще не весь с ног до головы гниющий труп, то это благодаря молитвам молившихся обо мне. Если вы кого-нибудь встретите неленостного в молитвах, попросите его, как брат просит брата, обо мне молиться, чтобы дал Бог мне силы, немощному, бессильному, повести лучшую жизнь. Помолитесь также вы обо мне, бесценный друг. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

О себе в прочих отношениях ничего не умею сказать, кроме того, что скучны все житейские заботы. Аще не Господь созиждет дом, всуе все попеченья. Пробыл две недели у Смирновой, которая была очень больна. Приехал сюда, чтобы забрать извест<ия> о вас, но, видя, что вы раньше двух недель, вероятно, не выедете, поеду[1] еще на недельку в окрестности Москвы. Обнимите от всей души Скурыдина, Бурачка и всех, кто только помнит меня.

<*На обороте:*>

Графу Александру Петровичу.

[1] загляну

1624. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Ливанские горы, 25 июля 1849 г.

Благодарю тебя, добрый друг мой Николай Васильевич, за твое участие — не скажу в навестившем меня горе, но в разрушении судьбы моей. Горе — доля наша. Много горя знавали мы и прежде. Ты знаешь, что я уже был испытан смертью первого моего сына. Горе наше нужно человеку для морального его воспитания. Оно делает нас добрее, терпеливее, снисходительнее. Но в положении моем горе — последняя вещь. В горе найдешь опору в самом себе и в религии; это что-то внутреннее, индивидуальное и кроме себя да Бога никому отчета не дашь в своем горе. Вспомни и сообрази мое положение и сравни с тем, что оно было прежде. Чем же оно было, по-человечески говоря, чем оно было так важным, что одним дыханием оно рушилось? Недовольно того, что я осужден дикому одиночеству, да еще на чужбине, но на мне же лежит забота о трех ребенках и ответственность за них перед Богом. Сыну моему старшему, любимцу твоему Саше, не было и трех лет, когда он остался сиротою. Маше было полтора года, а новорожденной дочери, которой впоследствии дано имя матери, было 14 дней. Это было в первых числах ноября, именно в Михайлов день, в тот день и в тот час, когда за три года перед тем отходил в моих руках мой сын Михаил. Мы прибыли сюда благополучно через все холерное пространство от севера до Сирии. Месяц спустя она родила так же благополучно, как и в прежних родах. Затем, несколько дней спустя, обнаружились первые симптомы, которые всех нас и доктора нашего беспокоили, а ее только одну обманывали и радовали обилием молока. Полна материнского чувства, коим так благоразвивается характер женщины, она гордилась тем, что могла сама кормить своего ребенка и не понимала сопротивления моего и доктора нашего, и слышать не хотела о кормилице. В этих разговорах провели мы вечер 7-го числа. Все это было обманом нервным и обилие молока было гибельным. После обеда она призвала к себе старших ребенков, порадовалась их лепету, поиграла с ними, затем перекрестила их и послала ложиться. Затем насильно заставила меня идти в свою комнату ложиться, а я от беспокойства уже был в лихорадке несколько дней. Забыл я тебе заметить, что дети страдали страшным коклюшем и что все было мрачно кругом. Когда я вышел, простившись с нею, она стала раздеваться, стала, как всегда, на колени перед изголовьем, перекрестилась, и когда совсем хотела лечь, видно, затемнело в глазах: при ней

были нянька и горничная; она сказала им по-гречески: «поддержите; не вижу» — это было последнее слово. Я прибежал, принял последние ее дыханья, думая, что только был обморок. И все так думали. Прибежали доктора, дамы знакомые. Мы делали всякие опыты, а она, вероятно, жалела о нас. Вот точь-в-точь ее последние минуты, о чем ты так добродушно спрашиваешь. Ты знал ее, как немногие только знавали и как немногих сам ты знавал. Вот уже, кажется, девять месяцев прошло. Подумаешь ли, что я хоть сколько-нибудь — не скажу утешился, но отдохнул ли и собрался ли с силами после того? — Нет, друг мой Николай Васильевич! Каждый день горше и горше чувствую свою утрату. Указываешь на Того, Кто испытует, карает и милует по премудрости Своей. Знаешь ли, заслуживаю ли я поднять око слепое на Него? Знаешь ли, что в ту ночь, после полуночи, когда все кроме меня думали, что то был не обморок, а смерть, когда жена сардинского консула стала ее одевать и когда убедили меня в истине, знаешь ли, что было первой моей мыслью, которую я с хохотом тогда же объявил всем во всеуслышанье. А вот что было: до сих пор я был так глуп, что верил в бессмертие души, будто бессмертная частица Бога так мгновенно, так неожиданно отходит. Я сам хоронил ее и, поверь, во все это время, среди всех обрядов и верить не хотел в бессмертие души и все об этом грезилось мне. Ужели так строго еще в этой жизни наказан за слабоверие. Если дано мне направить хоть первые годы морального воспитания детей, то непременно сделаю их верующими до суеверия, слепо, сколько от меня будет зависеть. Уже сын лепечет молитвы и постоянно слушает обедни, а живем, знаешь, в монастыре, летом — на Ливане.

Тем ли, думаешь, кончились мои испытания? Бог ее ради только даровал семейству моему радости. Когда ее не стало, вот что случилось: дети были больны коклюшем; это — мучительная болезнь, но не слишком опасна; нужны только заботы. Затем ровно 1-го января, т. е. с 31-го на 1-е, когда полмира пирует, в Александре обнаружилось воспаление легких. Семь дней сряду держал я его в своих руках, чтобы усладить последние его минуты, ибо надежды не было никакой. Бог, однако, его спас. Но болезнь продолжалась всю зиму и еще до сих пор он не оправился. Так провел я это время. С дочерьми я принужден был расстаться во все время болезни сына. Добрые знакомые наши дамы силою взяли их из дома моего. Весною съездил я на покаяние, в Иерусалим, морем, ибо сухопутно было некогда, и более недели отлучаться от детей я не смел. Затем поспела ко мне младшая сестра, чтобы

кое-как устроить меня и детей. Теперь все обстоит благополучно. Родственники и мои и ее непременно хотят, чтобы я покинул этот край. Но мною овладела лень такая и такая нерешительность, что я совсем лишен способности сочинять новые планы в будущем. Куда мне теперь переводиться с тремя ребенками, да какое влияние возымеет на них перемена климата? Да мне самому куда тащиться? Если что-нибудь еще может быть для меня приятным, так это лень и совершенное бездействие по целым суткам. Может быть, усовершенствуюсь со временем тем, что приучу и самый ум к бездействию, т. е. его-то вон, всякую мысль и тем дам отдых мозгу. Оставим это, брат Гоголь, и поговорим о другом. Соберись, брат, с духом да приезжай сюда, поживи годик у меня. Не похвалюсь приятностью моего дома; но дам тебе жизнь в покое, как медведю в берлоге, пожалуй если пожелаешь одиночества, нигде такого не вкусишь, да все-таки по нескольку часов в сутки проведем вместе, говоря или молча. Вскоре перебираюсь в новопостроенный великолепный дом. Два года план этого дома готовил я с тою, которая теперь живет в другом мире, не в каменных палатах. Тьфу, брат, как пошлы все романы и все трагедии, где плаксы оплакивают своих возлюбленных. То ли смерть матери моих детей, того существа, с которым пять лет сряду я привык жить и мыслить и чувствовать заодно? В ее бумагах нашел я два твои письма: они хранились с письмами моими, матери и сестры ее. Да кстати, куда я адресую это письмо. Ты отметил, в своем письме 4 июня, а откуда оно писано, Бог знает. Все тот же ты и счастлив ты.

Поручу Халчинскому отыскать тебя, но если письмо это опоздает, не гневайся на твоего Базили.

1625. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 1-го августа 1849 г.

Спасибо за письмо и за «Домострой», вчера обеих получила; у меня Бог весть что в желудке, сегодня с утра ноет да и только: я полагаю, что ветер имеет на это влияние, потому что вчера ничего не болело, спала хорошо, а как встала — почувствовала нытье; гадко, что делать! Как мне жаль, скажу тоже, старый, закадычный, что мы с вами мало виделись, мне как-то с вами ловко, ловчее, чем со всеми другими; мне кажется, что и вам тоже чувствуется. Мои все вам кланяются.

...Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове; меня они все очень интересуют и часто я думаю о Костанжогло

и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем, все хорошо. Прощайте, — приезжайте. Христос с вами!

1626. Н. В. Путяте

<19 августа 1849. Абрамцево>

Сделайте милость, уведомьте, Николай Василь<еви>ч, у вас или не у вас Клементий Осипович. Я был в Троице и, к изумленью, его там не увидел. Княжна Цицианова сказывала, что и она не видала его и что он оттоле куда-то уехал вдруг. Из сего я вижу, что человек, которому поручен был ответ, изустно донес его не в том виде. Встретивши его в поле, подъезжавши к деревне и поленившись возвратиться с ним для написанья записки (а карандаша в кармане тоже не было), я ему объяснил, что мы, дескать, с стариком Аксаковым собирались все утро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь. Теперь же, видя, что Клементий Осипович переменил намерение[1] и хочет ехать с вами (или идти пешком к Троице, как сказано в записке), то в таком случае будь по его. Мы все поедем тоже в Троицу. Там встретимся и устроим насчет возврата в город. Но все, как видно, спуталось и перепуталось. Известите меня как о Клементии Осиповиче, так[2] равно и о себе, будете ли вы дома сегодня и завтра. Потому что если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпеньем с вами познакомиться, едем к вам. Поехали бы и сию минуту, но ждем еще известья из Троицы, где у меня есть небольшое дело.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный поклон супруге и сестрице.

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Путяте от Гоголя.

1627. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

27 августа <1849>. Радонежье <Абрамцево>.

Я чувствую душевную потребность сказать вам несколько слов, милый друг Николай Васильевич! Я должен перед вами покаяться. После всего случившегося в течение последних семи

[1] желание ехать

[2] как о себе, так

лет я, Фома Неверный, как вы сами меня назвали, потерял было веру в дальнейшее существование вашего творческого таланта. Мне показалось несовместным ваше духовное направление с искусством. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю вас, что вы наконец решились рассеять мое заблуждение. Вы знали его; но не знали, как тяжело было мне смотреть на вас, на мнимого страдальца, утратившего плодотворную силу своего творчества, но не потерявшего стремления, необходимости творить. Много вытерпел я сердечной скорби от моей грубой ошибки. Но теперь все забыто! Слава Богу, я чувствую только одну радость. Талант ваш не только жив, но он созрел. Он стал выше и глубже, что я и сказал вам сейчас после чтения.

Может быть, вы хотели бы слышать от меня критическую оценку, но я не могу этого сделать. Я слушал с таким волнением, а сначала и с предубеждением, что подробности впечатлений скоро поглотились одним чувством наслаждения. Притом же я никогда не могу судить верно о подробностях, *слушая в первый раз:* мне надобно прочесть своим глазом. Но вот что у меня осталось в памяти. 1) Мне показалось, что сначала как-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мне показался несколько длинным и натянутым рассказ об Александре Петровиче. 3) Встреча в деревне крестьянами молодого барина как будто жидка и одностороння. Но я не ручаюсь за верность моих замечаний. Если вы захотите их иметь, то дайте мне тетрадь в руки. Да подкрепит Бог ваше здоровье и благословит окончательные труды ваши: ибо я считаю, что «Мертвые души» написаны и что теперь остается последняя отделка. Я прошу у Бога милости дожить до их появления, при настоящем моем уме и чувствах. Я хочу вполне насладиться не только восстановлением вашей славы, но и полным торжеством вашим на всем пространстве Руси...

Как утешили вы меня, Константина и все наше семейство! Как долго мы были полны только одним чувством, о которое притуплялось даже горе... Прочь все теории и умствования: да будет благословенно искусство на земле!

Крепко вас обнимаю.

Душой ваш С. Аксаков.

Иван вам кланяется. Он спрашивает: читали ли вы стихотвор<ения> Григория Богослова? Если нет, то прочтите.

В Рыбинске играли «Ревизора»; в половине пиесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица, — помирали все со смеха.

1628. М. И. Гоголь

Москва. Сентября 4 .<1849>.

Письмо от августа 1-го получил. Рад, что у вас хлеба гораздо лучше прошлого, и удивляюсь только тому, что такая засуха[1]. Здесь[2] повсюду дожди; продолжались они до 1 сентября и не давали убирать до сих пор хлеба. С сентябрем началась только ясная погода. Советую вам держать хлеб и не продавать его. Цены становятся очень низки. Продадите за бесценок, а потом сами будете покупать. Душевно меня огорчает разрушающееся здоровье Андрея Андреевича. Любезной сестре моей Елисавете Васильевне замечу здесь, что она крайне неаккуратна. Эмилия уже давно бы, может быть, была помещена, если бы она потрудилась выслать все те бумаги, о которых я писал, а именно: 1-е, свидетельство о том, что она сирота[3], не имеет ни отца, ни матери и никакого имущества; 2-е, послужной список ее отца и, наконец, 3-е, метрическое свидетельство. Вместо всего этого я получил одно только метрическое свидетельство и ничего больше, даже изъяснения, почему нельзя было выслать прочего. Этак нельзя делать. Здоровье мое покамест не в дурном состоянии, хотя и нет свежести крепких юношеских лет. Передайте поклон всем тем, которые прислали мне его от себя в ваших письмах. Бог да сохранит вас всех здоровыми и невредимыми от всех зол. Прощайте.

Ваш Н. Г<оголь>.

1629. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1849 г. Сентября 1.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Неужели Вам не скучно читать мои письма? Вы сказали даже, что Вам приятно прочесть написанное мною: с признательными слезами на душе благодарю Вас за это. Не могу Вам рассказать, как я ценю теперь тот доступ, который я к Вам имею. Как не вбивай себе в голову, что жизнь, это — временное странствие, однако мы всегда слишком ею очарованы, слишком в нее врастаем для того, чтобы совершенно отречься от удовольствий на раскритикованных ее равнинах и жить вполне без интереса на земле: это, видно, противно природе. Всяк, всяк, даже святой муж имеет на земле удовольствия, каждый свои. И вот когда я всматриваюсь в удоволь-

[1] у вас такая засуха
[2] Здесь же
[3] именно сирота

ствия мои, вижу, что писать к Вам — одно из самых больших моих удовольствий. Благодарю Вас, Николай Васильевич, всем чувством моего обессиленного сердца, за непрестанное участие ко мне бедному; благодарю Бога за поданную мне отраду с Вами беседовать!

Д. М<алиновский>.

1630. Графиня А. Д. Блудова — Н. В. Гоголю

4 сентября 1849 г.

Если вы не заняты или не приглашены кем-либо другим, сделайте нам удовольствие приехать обедать к нам на дачу завтра, 5 сентября. У нас будут и Виельгорские.

Антонина Блудова.

1631. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<8 августа — 9 сентября 1849. Москва>

Москва. Августа 8.

Очень жалею, даже более нежели жалею, что в проезд ваш через Москву вас не видала, потому только, что не знала. Если бы не нашла вас вечером, поутру бы рано приехала. Мне тем более жаль, слышу от Аксаковых, что вы месяца полтора проездите, а мы в сентябре уезжаем в деревню, где до зимы останемся. — Но о прошедшем жалеть можно, а толковать нечего, переменить никто не может. Дай Бог, чтобы вам повсюду было так хорошо, как вы сами по благости Божией того *душею* и *для души* желаете. Христос с вами, Его Отеческому Покрову часто и сию минуту вас, мой друг, вручаю с любовию, с нею и молю Его от чистого сердца, да сохранит Он вас повсюду в чувствах, Ему, Премилосердному, угодных. В сем состоянии свободно вздохнем к Тому, где всегда и все найдем, что нужно для нашего спасения. Дай Бог нам постоянно о сем заботиться, тогда по Его благости все устроится на пользу, на пользу вечную. — Помоги вам Господи свершить свой труд во славу Божию, следовательно, на благо ближнему, сего, мой друг, желаю и молю о том Бога, да Он вас не оставит. — Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас с любовию, с нею и дружеством принадлежу вам до смерти неизменяемо душею предана. Прощайте.

Христос с вами!

Прошу Александре Осиповне сказать почтение и желание ей здоровья, коим, как слышу, не богата. Дай Бог ей с семейством все доброе. — А вас, мой друг, еще благословляю. Прощайте.

Если вам вздумается меня порадовать, сказать хоть слово о себе, подпишите: *в Москве*, на В<о>здвиженке, в доме графа Шереметева. Вероятно, недели две еще тут пробудем. — А если не захочется вам писать, то сношение мое с вами не прерывается в молитве. Милосерд Господь, да Он вас не покинет, прощайте.

Сентября 9.

Здравствуйте, да благословение Божие повсюду над вами пребудет. Сию минуту прочла вашу молитву, которую и всякой день читаю, она пришлась мне по душе. Спаси вас Господи. Прощайте. Еще вас благословляю, и до гроба с вами в Боге не разлучусь. Христос с вами!

<На обороте:>
Николаю Васильевичу Гоголь
от Шереметевой.

1632. А. О. Смирновой

Москва. Сентябр<я> 15 <1849>.

Что с вами, бесценный друг Алексан<дра> Осиповна? Зачем вы ни строчкой не отвечали на письмо мое? Я слышал, что вам много хлопот и даже неприятностей, но все-таки хоть два слова. Хоть одно слово. С меня довольно и коротенького *здравствуй*.

Бог да хранит вас. Весь ваш

Н. Г<оголь>.

1633. А. О. Смирновой

Октябр<я> 20 <1849>. Москва.

Я о вас часто думаю, Александра Осиповна. Вероятно, и вы тоже иногда обо мне вспоминаете, но все же этого мало. Нужно иногда перекинуться письмецом. Я, слава Богу, не чувствую, что я хвор, время летит в занятиях, так что некогда подумать о болезни. Больше читаю, чем пишу. Вижу, что много нужно еще приготовиться, нужно[1] внимател<ьно>, и даже очень внимательно, прочесть все то, что знакомит нас с краем нашим, нами позабытым. Вижу мало кого, потому что просто не имею времени видеть. Графиню Соллогуб, которая здесь, еще не видал ни разу. Здоровье ее, говорят, хорошо. Видел вскользь Андрея Карамзина с супругою, возвратившегося из путешествия по заводам и обширным

[1] что нужно о

демидовским землям, вскользь видел Соллогуба, неизменного и того же. Александр Петро<вич> Толст<ой> возвратился из Петербурга здоров и вам кланяется. Напишите же, что делаете вы и как живется. Ведь описывать немного: верно, строк пять-шесть всего. Поклонитесь тем, кто помнит меня в Калуге, и пришлите мне пакет, посланный на ваше имя мне в Калугу[1] графиней Толстой. Он[2] заключает в себе два письма[3], одно из которых мне очень нужно. Да и все-таки, мне кажется, этому пакету приличнее быть у меня, чем оставаться где-нибудь в конторе Жулева. В ожидании ваших добрых дружеских строк (всегда отрадных моей душе), остаюсь ваш весь

Н. Гог<оль>.

1634. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской

Москва. Октябрь 20 <1849>.

Милые и добрые друзья, Софья Миха<й>ловна и Анна Михайловна! От всей души поздравляю вас с принятием в семейный круг ваш нового гостя. Разумею новорожденное существо, которое досталось одной из вас в дочери, а другой в племянницы. Возвратившись в Москву, я застал здесь Владимира Александр<овича> и от него узнал о вашей семейной радости. Дай Бог, чтобы радость ваша сделалась еще большей[4], когда дитя достигнет возраста, поймет и оценит жизнь лучше нашего нынешнего поколения, бессмысленно ее растратившего[5] на пустые развлеченья. Нынешняя поездка моя не была велика: все почти в окрестност<ях> Москвы и в сопредельных с нею губерниях. Дальнейшее путешествие отложил до другого года, потому что на всяком шагу останавливаем собственным невежеством. Нужно сильно запастись предуготовительными сведениями затем, чтобы узнать, на какие предметы преимущественно следует обратить внимание. Иначе, подобно посылаемым чиновникам и ревизорам, проедешь всю Россию и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь все книги, сколько-нибудь знакомящие с нашей землей, большею частью такие, которых теперь никто не читает.[6] С грустью

[1] на мое имя в Ка<лугу>
[2] он мне
[3] два письма мне
[4] большей радостью
[5] *В автографе:* растратившую
[6] *Далее начато:* При

удостоверяюсь, что прежде, во время Екатерины, больше было дельных сочинений о России. Путешествия были предпринимаемы учеными смиренно, с целью узнать точно Россию. Теперь все щелкоперно. Нынешние путешеств<енники>, охотники до комфортов и трактиров, с больш<их> дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее. При полном незнаньи земли своей утвердилась у всех гордая уверенность, будто знают ее. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для <того> только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России, как следует, смиренно, с желанием знать ее. Все время мое отдано работе, часу[1] нет свободного. Время летит быстро, неприметно. О, как спасительна работа и как глубока первая заповедь, данная человеку по изгнаньи его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой! Стоит только на миг оторваться от работы, как уже невольно очутишься во власти всяких искушений. А у меня было их так много в нынешний мой приезд в Россию! Избегаю встреч даже с знакомыми людьми от страху, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дому только для прогулки и возвращаюсь сызнова работать. Бог да хранит вас, добрые, близкие моей душе! Не оставляйте меня уведомлять о себе. С удовольствием помышляю, как весело увижусь с вами, когда кончу свою работу. Перецелуйте ручки у графини вашей маминьки. Обнимите Михаила и Матвея Юрьевича, Веневитиновых и всю вашу вечно близкую моему сердцу семью.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Адрес мой по-старому.

1635. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

<20 октября 1849. Верея>

Милостивый Государь,

Николай Васильевич.

Всепокорнейше Вас прошу оказать мне великое доброе дело; не только мне, — но и моему брату, и всему нашему семейству. Прибегаю к Вам с просьбою о протекции в самое важное для нас время, когда наконец пришла бумага на нашу просьбу. Надеюсь, Милостивый Государь, Николай Васильевич, что Вы по доброму и незаслуженному мною расположению Вашему ко мне, не откажетесь принять Ваше действительное участие в судьбе моей,

[1] и часу

за что я, и без того обязанный Вами, пребуду должен Вам вечною признательностию.

Из Петербурга, из Военного Департамента, пришла бумага, которой приказывается нам немедленно обратиться к Корпусному Командиру с просьбою о зачислении нас туда, куда мы поступить желаем. Не дождавшись бумаги, мы уже поступили в 17-ую бригаду полевой артиллерии, в легкую № 3 батарею; теперь, когда пришло к нам Монаршее соизволение избрать род службы, мы желали бы быть переведены в Гвардейскую артиллерию. Мы желали этого и прежде, теперь же, когда более узнали разницу между одним и другим, желаем этого еще более. Покорнейше Вас прошу, Николай Васильевич, примите участие в постороннем для Вас деле, но в таком, где Вы много можете сделать для целой судьбы людей без протекции и без состояния.

О пришедшей бумаге я только что получил известие и не знаю хорошо, какую она имеет силу. Из того, что нам нужно по ней обратиться к Корпусному Командиру, я заключаю, что нам предоставлено поступление, быть может, только в армию. Если это так, то, попросту сказать, для того, кто уже поступил в артиллерию, не большой расчет иметь случай перейти в полк армейский. Между тем расчет для него весьма огромный, если, каким бы то ни было образом, он может перейти в гвардейскую артиллерию; в особенности если он имеет к тому средства по образованию; это расчет не большой, а огромный для полевого артиллериста. Очень хорошо зная это, я осмелился предаться моим расчетам и всеми силами стараться не упустить тот случай, который неожиданно по вдохновению просьбою к Государю мы отчасти сами себе открыли. В самом деле, смысл нашей просьбы был таков, чтобы Государь позволил нам служить «вблизи Своего[1] Августейшего Дома», т. е. в Петербурге, т. е. в гвардии; *если оказана на нашу просьбу милость*, то… пусть нас переведут в гвардейскую артиллерию… Это справедливое заключение во всяком случае, мне кажется, можно провесть в исполнение, если только захотят этого люди, которые это могут.

Милостивый Государь, Николай Васильевич, Вы посылали меня к Г<-ну> Полковнику Гинтовту, Вы сами хотели сказать ему слово обо мне, — теперь это может быть весьма действительно: если Вам угодно будет раскрыть ему наше дело, как оно есть, то я, кажется, уверен, что он, с позволения Вашего, будет в шляпе. Прошу Вас покорнейше, не откажитесь этому делу содействовать.

[1] *Было:* своего

Препровождаю Вам при сем письме просьбу к Корпусному Командиру, с которою покорнейше прошу Вас поступить, как Вам угодно. Я сам теперь насчет этого дела в большом неведении. Может быть, бумагу перешлют в г. Верею, и мы должно будем дать отзыв на нее из батареи: в таком случае позвольте мне медлить и ждать Вашего ответа. Г<-н> Полковник Гинтовт без всякого сомнения знает, можно ли нам чего ожидать от пришедшего решения и как в этом случае поступить должно: Николай Васильевич, ради Бога не оставьте нас своим вниманием в таком важном для нас деле!

Я же смею беспокоить Вас просьбою о письменном ответе и потому прошу моего товарища и друга быть у Вас и ждать Ваших ответов и приказаний. Может быть, Вам нужно будет прочесть просьбу, которую мы подали Государю, — он доставит Вам ее; может быть, Вам угодно будет послать его к кому-нибудь для меня — он пойдет; и ответ Ваш я через него узнаю. Посылая его к Вам, я снабжаю его собственноручною его рекомендациею, в письмах, которые я вчера от него получил, о чем, впрочем, покорнейше Вас прошу не говорить ему. В этом письме он отвечает мне на предложение быть у Вас, которое я ему недавно сделал, вовсе не по настоящему делу, а по другому, по литературному, которое теперь бросил в печку. Зовут его Матвей Иванович Орлов; он студент 4-го курса Словесного отделения.

Еще я должен Вам сказать, что начальник 6-ой артиллерийской дивизии, Генерал Сухозанет, принял нас в артиллерию весьма благосклонно, и я не знаю, какое он должен принять участие в наших делах; если и его нужно о чем-нибудь просить, то сделайте милость, скажите о том г. Орлову, он даст знать моей матери, которая, пожалуй, и сама, и через других может[1] просить Сухозанета.

Я весьма обременяю Вас собою, Милостивый Государь, Николай Васильевич, но что же делать, пусть своим участием Вы окажете мне возмездие за ту любовь к поэзии, за то стремление ко всему прекрасному, которые я имел счастие, а может быть, и несчастие, от природы заключить в себе. Обеспокоив Вас своим знакомством, я между тем много вынес себе из него пользы, нужды нет, что *по-видимому* она была для меня совершенно бесполезна. Теперь наконец Вы можете увенчать дело моего устроения, если дадите мне средства оставаться там, где дорога к заслугам и просторнее и виднее: я говорю про Гвардейскую службу и про

[1] может *вписано*.

Петербург, где в тысячу раз более для меня средств образоваться и устроить себя, чем в Верее. Почем знать, может быть, при небольшой опытности, которую я до сих пор успел приобресть, и я наконец выйду в достойные люди, если мне откроются к тому средства. — Последним словом своим я осмеливаюсь призывать на себя дорогую Вашу благосклонность... Честь имею пребыть, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою

Дмитрий Малиновский.

Милостивый Государь, Николай Васильевич!

Имея до Вас важную просьбу, я должен говорить подробно.

Я узнал, что нам, находящимся в унтер-офицерском звании, невозможно подавать никакой личной просьбы Корпусному Начальнику; поэтому дело наше зависит теперь тем более от людей, которые примут в нем участие. Я узнал, что бумагою нашею могут распорядиться без нас, отослав ее как бесполезную, по той причине, что мы уже поступили на службу. Все дело теперь, коротко, зависит от содержания самой бумаги и от хлопот, которые к ней будут приложены.

Содержание бумаги я не знаю, но оно может быть двояко или даже трояко: 1) нам, может быть, дозволено поступить только в 6-ой корпус; 2) позволение может быть неопределенно, — в какой угодно род войска; 3) может быть, нам позволяется вступить в какой-нибудь гвардейский полк; последнего случая я не предполагаю, потому что в просьбе нашей мы выразились не более как следующим образом: «Но да исполните наше пламеннейшее желание, Государь! Всего осмеливаемся просить от щедроты Царской! Пусть весь век мы будем служить солдатами; лишь бы это было близ Твоего Августейшего Дома[1]». (Эти слова были сказаны после того, как мы объявили просьбу быть приняты в военную службу вообще.)

Если содержание бумаги первого рода, то и в таком случае, опираясь на смысл нашей просьбы, мы имеем право просить о службе гвардейской. Но в таком случае необходимо, чтобы это было угодно Корпусному Начальнику; он может делать представление нас Государю... Если бумага второго рода, то обстоятельства дела почти таковы же, с тою только разницею, что в этом случае Корпусной Командир скорее может принять в нас участие, и хлопоты о нас будут для него легче. В третьем случае надежда наша была бы всех основательнее.

[1] *Было:* дома

Вообще, что касается в нашем деле до протекций, то можно сказать, что все дело зависит от участия в нем Корпусного Начальника: если он захочет, он может выполнить наше желание *служить в Гвардии.* Если б я мог в настоящее время действовать лично, я бы, так сказать, продолжил мою просьбу, поданную Государю, на том основании, что Начальник Корпуса, как назначенный посредник между Царем и просящим подданным, может вникнуть в полный смысл просьбы, который я не осмелился прямо высказать Царю, и ходатайствовать за просящего. Теперь же, когда препятствие в том, что я, во-первых, вовсе не имею голоса, во-вторых, — уже нахожусь на службе и должен быть не определен, а переведен, — я теперь могу ждать чего-нибудь только от добрых людей — почти только от одних Вас, Милостивый Государь, Николай Васильевич. Вы можете сделать то, что Корпусный Начальник *примет* в нас *участие* и будет *хлопотать* за нас.

Прибегая с моею просьбою к Вам, я излагаю Вам основание ее ясно и коротко. Вот пример просьбы, которую я подал бы Корпусному Начальнику: «Ваше Высокопревосходительство; просят из дворян два брата, Дмитрий и Сергей Малиновские, зачисленные с 19 июля сего года в Ваш Корпус; в легкую № 3 батарею 17-ой артиллерийской бригады. — Сызмала горя высокою любовию к Особе Великого Государя и прейдя наконец в возраст, мы подали, в бытность Государя нынешним годом в Москве, на Имя Его просьбу о принятии нас в военную службу; прямой смысл нашей просьбы был таков, чтобы Государь соблаговолил принять нас в гвардию, как место службы, ближайшее к Августейшему Дому. В то время, когда на нашу просьбу еще не было Высочайшего соизволения и когда между тем Россия узнала об открывшихся в ней военных действиях, мы, горя любовию к нашему Отечеству и будучи не в силах оставаться людьми праздными, поспешили поступить на службу в находящиеся тогда близ Москвы войска Корпуса Вашего Высокопревосходительства, в легкую № 3 батарею 17-ой артиллерийской бригады. Ныне, когда Монарх удостоил нашу просьбу милостивым разрешением, мы, сохраняя все то же сердечное желание служить вблизи от Августейшего Императорского Дома[1], которое осмелились изъявить в просьбе нашей к Государю, честь имеем просить Ваше Высокопревосходительство о исходатайствовании нам Монаршей милости на перевод наш из полевой артиллерии в гвардейскую, для коей мы имеем надле-

[1] *Было:* дома

жащее образование[1]». — Если нам позволяется вступить только в армию, то я стал бы просить Корпусного Командира, как сказанного посредника, заступиться за нас, коих просьба не вполне удовлетворена, потому[2] только, что не смело выражена. — Мне кажется, что такая просьба имеет все справедливые основания и может быть приведена в исполнение. В просьбе нашей к Государю именно было высказано, что из любви к нему мы желаем служить близ Него[3]: если просьбы нашей Государь не отвергает, то мы не довольствуемся поступлением в полевую артиллерию, которое учинено было по сказанной причине, из благородной необходимости, и осмеливаемся продолжать просить о том же, о чем и просили. Вот, Милостивый Государь, Николай Васильевич, те основания, на которых существует наша просьба.

Мне остается только просить Вас, просить о том, чтобы Вы дали ей ход, чтобы Вы были причиною того, что Корпусный Начальник примет в нас участие и будет содействовать нашей просьбе с желанием. Ваши значение и знакомства могут все, о чем я прошу Вас, и мне ничего более не остается, как только просить...

Милостивый Государь, Николай Васильевич, Вам известно, я уверен, что, посылая к Вам это письмо, я весь обращаюсь в просьбу. Это зависит от моего характера, который всегда увлекается тем, чем бывает серьезно занят. Но кроме этой детской силы моей просьбы я ручаюсь еще за другую... Горький опыт сделал борозду на душе моей, и она уж не та, точно так же, как молодая женщина, которая еще вчера была невестой. Не могу Вам рассказать подробно, что со мною сталось, но я уж не тот, что был. Молодой женщине кажется, будто она вдруг стала как-то тяжелее, будто с нее облетели какие-то Сильфидины крылья, ей кажется, будто она в первый раз только себя видит, в первый раз себя замечает, будто она только что теперь воплотилась и стала каким следует быть человеком: сядет на стул и замечает, что она сидит, ходит и чувствует, что она ходит; одним словом, она себя видит, чувствует себя, думает о себе, и ей кажется, что до сих пор с нею этого не было. В этом роде перемена, совершившаяся и со мною. Об Вас ли я вспоминаю, мне становится перед Вами както конфузнее, старину ли приведу на память, и от многого кусаю губы и краснею, — что прежде пролетало мимо глаз моих очень

[1] *Было:* надлежащие сведения
[2] *Далее было:* что
[3] *Было:* него

просто. Теперь и на судьбу свою я смотрю не так, как прежде… ах, много разных разностей мне видится и думается!!.. Из всего этого заключаю, что я стал солиднее. Адресуя к Вам мою просьбу и справляясь с внутренними своими темными чувствованиями, убеждаюсь в этом еще более…

Мое дело идет теперь почти единственно о счастии моих родных. Прочтите письмо благородного товарища моей жизни и предположите, что я головой не глупей его, сердцем не жес<т>че, желаниями не менее благороден, и при всем этом, что я тот, коего внешнюю жизнь осторожные слова друга, исполненные живой любви и истинного участия, ценят лишь весьма снисходительно. Он убежден в моем уме, благородстве и доброте, но полагает, что я слишком еще увлекаюсь, и от того-то приходят те беспрестанные волнения, которыми жизнь моя обуревается. Он дает мне такие простые советы… Он соглашается с моею матерью, которая простирает к детям своим руки и, после всей своей горькой жизни, ждет от них *столь малого и справедливого утешения!* Я мать мою люблю не меньше его, понимаю, что ей нужно, не меньше его — и… Как горяча моя любовь, как сильно во мне желание счастья моей матери, это знаю я один, чья душа так часто кипит за родных в слезах, тогда даже, когда сами[1] они улыбаются: и при всем этом и мать, и даже друг мой находят во мне столь многое с любовию несогласное, столь многое, чем я их огорчаю! и я не могу освободить себя до сих пор от их упреков!.. Не самолюбие мое тут страдает! Я скорблю о своих недостатках… Надо еще прибавить, что даваемые мне советы почти для меня лишние, потому что я знаю их, прежде даже тех, которые их подают, я благоразумнее, умнее, менее ребенок, чем обо мне думают! Сообразив все это, Вы отчасти поймете, что я такое в самом деле. Наконец я не знаю: благороден я, или подлец?.. Без всяких фигур Вам говорю, мне так тяжело при этом вопросе, что, ей-Богу, из глаз у меня выступили сейчас слезы… Хорошо и покойно Вам, Николай Васильевич, сидеть моим судьею, а я страдаю теми страданиями, которые Вы воображаете! — Прочтите письмо ко мне и раздумайте обо мне серьезно в какую-нибудь особую для этого минуту; тогда Вы поймете, с какими рыданиями предлагаю я всем просьбы о судьбе моей.

За сим следует и конец… Последняя точка этого письма вместе с временем и пространством скрывают меня от Вас, но тем не менее я надеюсь существовать далее и с нетерпением

[1] сами *вписано.*

и усердием буду ожидать Вашего ответа. Истинно готовый, Милостивый Государь, к Вашим услугам, если б только когда-нибудь Бог привел меня к ним, истинно почитающий Вас

юнкер легкой № 3 батареи 17-ой полевой
артиллерийской бригады Д. К. Малиновский.

1849. Октября 20, г. Верея, 11 часов ночи.

1636. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<23–24 октября 1849. Покровское>

Покровское. Октября 23.

Порадовалась, получа ваши строки, так давно от вас не имела, даже ни от кого о вас ни слова не слыхала. И из-за этого сношения мои с вами не прерывались молитвою; пока жива, так и останется молитва с отсутствующими и со всеми единственное соединение, которому никто препятствовать не может, когда не себя ищет, а думает о ближнем, дорожа его спокойствием, от коего зависит внутреннее души состояние. Кажется, для каждого должно быть священною обязанностию с любовию вспоминать о ближнем, да для христианина дальних и нет, все близко и всякого жаль. Милосерд Отец Небесный, да Он по благости Своей Сам поможет нам это чувствовать, тогда с покорностию и благодарностию благоговели бы пред Его святыми велениями. Если не имеем средств удовлетворить желанию души быть ближнему хоть сколько-нибудь на пользу, то все можно оставаться в спокойствии, довольствуясь тем. Бог видит наши намерения и чистое души желание со всею готовностию в простоте сердца содействовать для спокойствия ближнего, а далее уже не наше дело, как свыше благословят. Буди Его святая воля во всем! Рада, что вы так предались занятиям. Дай Бог вам совершить во славу Того, для Кого и предприняли сей труд! Сего желаю и молю о том Бога, Его Отеческому Покрову вас вручаю, да Он вас не оставит и поможет довершить для пользы других. Даст Бог, так и будет. В работе своей вы себя не ищите, а имейте в виду Единого Бога, с Ним и к Нему подвизайтесь. Христос с вами!

Вы не отвечайте, с тем и пишу, чтобы не затруднять вас; в конце октября буду в Москву на несколько дней и не отниму у вас время, а на минутку приеду взглянуть на вас; и по такой ужасной дороге сбираюсь. При свидании скажу, зачем еду, видно, надобность. Боже, Милостивый, не остави нас, наставь и помоги во всем безусловно повиноваться. Прощайте, мой друг, обнимаю,

благословляю вас с любовию, с нею и дружеством постоянно до смерти вам душею предана, Бог видит, Ему вас часто и сию минуту вручаю. О Всемилосердный, не остави его, наставь и помоги поступать по Твоей святой воле; тогда повсюду хорошо и со всеми легко. Господи, спаси его! Прощайте.

Христос с вами!

24 октября.

Отправляю на почту. Еще вас от всей души благословляю, вручаю Богу. О Всемилосердный, не остави его! Наставь и помоги творить Твою святую волю!

Христос с вами!

1637. Я. К. Грот — Н. В. Гоголю

Гельзингфорс. 26 октября 1849 г.

Милостивый государь, Николай Васильевич! простившись с вами, я прожил в Москве еще до конца июля и все поджидал вас. Мне было весело думать, что, может быть, еще удастся мне побеседовать с вами, и сверх того я желал представить вам Протопопова, у которого я жил. Услышав, что вы были у меня, он очень жалел, что я в то время не доставил ему случая познакомиться с вами. Полагаю, что и для вас было бы интересно сблизиться с этим человеком. По характеру, привычкам, взгляду на жизнь он чистый русак, а по образу мыслей и правилам благороднейший человек, какого я знаю.

Вы желали иметь финскую флору. Еще в сентябре месяце просил я С. П. Шевырева передать вам, что по этому предмету ничего цельного еще не издано. Есть кое-какие диссертации на шведском и на латинском языках, но они относятся только к частностям. О скандинавской флоре есть сочинения, но она во многом отличается от здешней. Душевно сожалею, что не могу исполнить первого желания, которое вы мне изъявили.

При последнем свидании нашем вы дружески вызвали меня сообщать вам замечания, которые мне случится сделать во время моего путешествия, по России — о русском народе. Поездка моя была так коротка и по времени и по протяжению ее, что я из нее не могу представить вам ничего, что было бы достойно вашего внимания. Вместо того вот вам отрывок из письма, которое я вчера получил от старого друга моего, Дмитрия Степановича Протопопова. Если вы дорожите наблюдениями человека, который вот уже лет десять совершенно посвящает себя изучению русского

крестьянина для того, чтобы сколько можно содействовать к улучшению его быта, то позвольте рекомендовать вам Протопопова. Прилагаемые строки набросаны им без всякого старания, единственно потому, что пришлось к слову; может быть, они для вас не заключают в себе ничего нового, но вы, конечно, найдете, что они написаны с большим убеждением и знанием дела. Я посылаю вам это без ведома Протопопова. Вероятно, он не позволил бы мне сделать это, но я решился на то, вспомнив, как вы интересуетесь всяким суждением по этому близкому и для вас предмету. Протопопов занимает должность начальника комиссии для уравнения податей казенных крестьян. Он большую часть жизни проводит в деревнях и на большой дороге. Он изучает сельское хозяйство во всех отношениях; теперь принялся за ботанику, в которой и без того уж наметался порядочно на практике. Живет он очень близко от вас: близ Никитских ворот, в Скатертном переулке, в доме Степанова.

С истинным уважением искренне вам преданный Я. Грот.

<Отрывок из письма Д. С. Протопопова к Я. К. Гроту, отправленный Я. К. Гротом в письме к Н. В. Гоголю от 26 октября 1849 г.>

<25 октября 1849>

В жизни нашей собственная личность исчезает: Русаку своя особа не стоит гроша, он любит жить общею с другими жизнию. Ему только те милы наслаждения, которые он разделяет с другими. Мужик, заработав лишний рубль, несет его не в кассу, а в кабак, потому что там он повеселится с приятелями, которые в свою очередь пригласят его повеселиться на их добычу. Разглядите это свойство Русского народа, беззаботность о своей личности, и вы поймете и их неряшество, и бескапитальность, и незаботу о совершенстве труда. На что ему украшать свою жизнь, заботиться о будущем?

Он чувствует в себе обилие сил на то, чтобы, когда настигнет нужда, поработать из всей мочи, потерпеть донельзя и все это сделать для того только, чтобы выйти из трудного положения, а не для того, чтоб оградить себя на будущее время от беды. Посмотрите: вот сгорела деревня, мужики и рвутся и мечутся, чтобы поскорей построить свои избы; построили — и довольно. Что им за дело, что новая постройка не обеспечивает их от пожара? Пусть горит, они опять примутся хлопотать как муравьи: на то им Бог дал и силы. Поговорите с ними о прошлом:

они не станут говорить вам, как прежде жили хорошо, а станут говорить с увлечением о том, как они метались в нужде, как они боролися с нуждою. Вспомните рассказы их о 12-м годе; что в их рассказах? Повесть о том, как они жили в лесах, как по неделям сидели без хлеба, как били их Французы и особенно Поляки; и чем подчивали они своих гостей незваных.

Странным, может быть, покажется, если я скажу, что Русский любит труд и нужду, и любит труд не как средство и нужду не как нужду, а так самих по себе. Продолжительное наслажденье, счастье и спокойствие грептят ему на совести. Ну что это, он говорит, мне все хорошо да хорошо: так не должно быть, это вражеское навождение[1]; это или дьявол насылает, или Бог во гневе хочет излить на меня все сладкое, чтобы дать мне на том свете горькое. Знать грешник я большой.

1638. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 29-го октября 1849 г.

Письма ваши лежали на почте, любезный Николай Васильевич, потому что на адресе не сказано было, куда их доставить. Посылаю вам их. Ося вчера приехал и рассказал, как вы завязли в знаменитом Малом Ярославце; вообразите же, каково было тогда наполеоновым пушкам; ведь они были фордыбаки, а не такие щелкоперы, как вы. Я шучу, а у меня голова болит и вокруг нас вовсе не смешно, потому что ждем сенатора Давыдова. Аркадий пишет нам: «Ревизионная штука меня ужасно взбесила; поднялась опять эта поганая ершовская история; пошли опять толки. Не находя никакой пользы слушать выражение всеобщего удивления, негодования и проч., говорю всем, что все это в порядке вещей. Разве не в порядке вещей, что клеветник, преданный суду, находит сильного *покровителя* в человеке, который ссылает без следствия, ссылает в Вятку, и оклеветанный, оправданный следствием в одном действии, заподозрен во всех». Аркадий большой юморист, когда он сердится. Мы были должны п–ому немцу барону Окскерпо 50.000 ассигн<ациями>. Теперь закладывают Спасское, чтобы ему заплатить; Аркадий пишет, что он скажет, что Смирнов взятку взял, чтобы ему заплатить. Впрочем, один суд и расправа у нас — Государь, потому что он один без лицеприятия. Я пока держусь кое-как; стараюсь более быть одна и слушать менее говоров, читаю и пишу по-гречески. Жаль мне, что

[1] *Так в публикации.*

вы не могли остаться эту зиму со мною; все-таки нужен человек и живое слово, а вы убедились, что у нас никого нет. Впрочем, Бог лучше знает, когда и кого пошлет кому. Однажды, у кельи Серафима, наместник Троицкий, еще в молодости, стучался часа два, умоляя его впустить к себе и дать совет; тот немилосердно отказал. Антоний бросился домой, и в горе и отчаянии схватил образ и начал молиться. Успокоился и заснул с образом. Дня через два к Серафиму пошел; тот тотчас его принял и был ласков с ним. Антоний спросил, зачем он его не пустил тогда к себе. «Я знал, что тебе лучше быть одному, что это нужно было тогда», ответил Серафим. Пусть же и я помолчу и помолюсь одна.

...Худо, что здоровье Николая Михайловича очень плохо, не знаю, как он вынесет эти все штуки; тем более, что сам уж никак не способен на штуки и все те гадости, которые не сварятся при ревизиях. Здесь же, как нарочно, давали «Ревизора», но я не была в театре. Я получила от Жуковского второй том «Одиссеи», чего весьма недостойна. Прощайте, поклонитесь от меня графу Толстому и графине; Аксаковым тоже. Ваша от души.

1639. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<31 октября/12 ноября 1849. Баден-Баден>

Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружеский ответ на мое письмо из Варшавы. Он очень, очень бы одолжил меня, доставив мне через Булгакова свои статьи об «Одиссее» (если можно, и первую и вторую), если эта написана.

1640. К. И. Марков — Н. В. Гоголю

20 ноября <1849>. Москва.

Милостивый государь, Николай Васильевич! В 1846 г. вы препроводили к ржевскому протоиерею отцу Матвею экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями» при письме, в котором просили его разрешить некоторые вопросы из богословия, но, сколько мне известно, ответа не получили. Не желая, чтобы вы безвинно укорили достойного священника в невежливости, я взял намерение объяснить причину его молчания. В то время, как он получил ваше письмо, я находился в Ржеве. Так как уведомление ваше, куда адресовать вам ответ, было написано по-французски, а отец Матвей не знает этого языка, то он просил одного из своих знакомых перевести ему адрес ваш. Знакомый

его, увидев ваш автограф, упросил его взять письмо к себе на дом под предлогом трудности перевести адрес без помощи словаря и ученых справок. Когда письмо ваше вышло таким образом из рук отца Матвея, то сметливый переводчик разгласил его по всему уезду и на запрос владетеля его отвечал, что его *зачитали*. Из этого вы ясно видите, что причина молчания отца Матвея заключалась в незнании вашего адреса. Он очень соболезновал об этом случае, и мне известно, что он намеревался отвечать на ваши вопросы пространно и с особенною ревностью. Не лишним считаю сказать вам мое мнение о нем. Сколько мне известно — вам рекомендовал его граф Толстой, но, вероятно, преувеличил его достоинства. Как человек, он действительно заслуживает уважения; как проповедник, он замечателен — и весьма; но как богослов — он слаб, ибо не получил никакого образования. С этой стороны я не думаю, чтобы он мог разрешить сколько-нибудь удовлетворительно ваши вопросы, если они имеют предметом не чистую философию, а богословские тонкости.

По моему мнению, религия есть наука, и я не признаю возможности существования слепой, нерассудительной веры в здравомыслящем человеке. Все наши христианские верования основаны на исторических доводах; они *доказаны*, следовательно, мы верим *не на слово*, а вследствие или, лучше сказать, помощью науки. Все великие богословы были не фанатики, но глубокоученые люди, и можно сказать, что только помощью науки Церковь до сих пор разрушала заблуждения софистов. Под словом наука я разумею не разгадку непостижимых истин, а только достоверность христианских фактов. Но в этом все и состоит.

Человек идет ложным путем, если условием веры поставляет — постижимость, а за невозможность *постичь* факт — отвергает и самый факт. К тому же в ежедневной жизни нашей мы верим на каждом шагу, не понимая причины, а видя факт. Разве мы понимаем зачатие младенца, жизнь утробную и самый процесс родов? Это так чудесно, так непостижимо, что если бы мы не видели этого явления ежедневно, то почли бы это нелепостью и самою чудовищною. Итак повторяю — докажите истину факта — и вера явится сама собою; но для этого нужна наука, а без нее всякое рассуждение будет одно пустословие, могущее удовлетворить женщин и суеверный ум, а не истинного христианина.

Отец Матвей может говорить о важности постов, необходимости покаяния, давно известных предметах, но тщательно избегает трактовать о сюжетах чисто богословских и не может даже объяснить двенадцати догматов наших, т. е. членов Символа

веры, а в истинном понятии их и заключается христианство, ибо добродетель была проповедуема всеми народами.

1641. К. И. Марков — Н. В. Гоголю

23 ноября <1849>. Москва.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Искренность, которою дышат мысли ваши в предисловии ко второму изданию «Мертвых Душ», ободряет меня воспользоваться вызовом вашим сказать вам мое мнение о вашем творенье.

Странно было бы, если бы вы сочли мнение двух-трех журналистов мнением обыкновенным; да и на последнее нельзя еще положиться теперь, ибо поэма ваша застала публику, привыкшую смотреть на литературные произведения с *стереотипной* точки зрения; поэма ваша, говорю, застала ее врасплох, и она сама еще не может себе дать отчета, что это такое. Что-то недурно, думает она, но как-то странно, прибавляет она тут же и вместе с тем с жадностью подстерегает выход всякого нового произведения вашего. Одним словом, вся наша литература сосредоточена в Гоголе для публики.

Но скорее к делу: так как поэма ваша еще не кончена, то собственно нельзя почти и сказать о ней своего мнения; однако же я скажу, и вот почему: при разборе всякого произведения я смотрю на две вещи — первое на характеры, второе — на сюжет. Последнее для меня есть статья второстепенная. Что значит сюжет — исключительный случай! Он может быть занимателен или нет, но человека из него не узнаешь. Иное дело — характеры: в них вся заслуга писателя. Дайте мне хотя один глубоко задуманный характер, и я придумаю десять поступков (или романов), на которое это лицо будет способно. Без него же всякий роман не выше водевиля. Большинство публики, взращенное в старых понятиях о литературных произведениях, во всех ваших сочинениях смотрит главнейше на содержание их, пропуская характеры, и находит во многих, напр<имер>, «Ревизоре» и даже «Мертвых Душах», несообразности, неправдоподобие, преувеличенье, забывая, что сама же эта публика превозносит Мольера в тех пьесах, где сюжет основан на нелепых переодеваньях и самых неестественных столкновениях. Это происходит от того, что с детства нам натолковали, что Мольер — гений. Надо сказать правду, публика наша рассуждать много не любит, а, напротив, любит пожить чужим умом.

В ваших сочинениях первое условие, т. е. изображение характеров, имеет для нас, русских, двойную цену, ибо вы изображаете

характер *русского человека.* С этой главной стороны вашу поэму я считаю уже оконченною, и вот причина, почему я решаюсь сказать о ней свое мнение теперь же, но не в частностях, а в целом. Первая часть «Мертвых Душ» изображает темную сторону русского общества — так полагают все, читавшие поэму; иные же, напротив, думают, что это картина не худой стороны, но вообще русского общества, и крайне этим недовольны. Справедливо ли это мнение или нет — еще решить нельзя, ибо мы не знаем, что будет дальше, хотя в предисловии намекается на зрелище более утешительное в продолжение поэмы. Но, признаюсь вам, *вы задумали план громадный и опасный.* Из превосходного творения может выйти избитая история, а может быть, еще более превосходное творение.

Если вы хотите представить общество русское, *как оно есть*, то хорошая сторона его существует и изображение его в вашем романе неизбежно; но если вы выставите *героя добродетели*, то роман ваш станет на ряду с произведениями старой школы. Не пересолите добродетели. Изобразите нам русского человека, но в каждодневном его быту, а не исключительное лицо, которые встречаются у всех народов. Изобразите нам хорошего русского человека, так, как вы изобразили *пошлого* в первой части, т. е. без преувеличения, а такого, каким мы его встречаем на каждом шагу, *не героя пошлостей*, а просто пошлого человека, ибо вы согласитесь, что ни Манилов, ни Собакевич и др. не суть исключения, но представители масс. Кто знает Россию только по столичным гостиным, тот найдет их уродами, а кто жил в России, тот назовет их русскими.

Одним словом, хорошая сторона нашего общества должна быть в вашей поэме для полноты картины, но отнюдь не для утешения читателя, как делалось в старину, или как дают в театре дивертисменты после трагедии, чтобы отвести душу. Спрашиваю, для чего мне утешительные лица в романе. Разве для меня не утешение уже то, что, видя перед собою презренные существа, я говорю себе: «слава Богу, что я не такой!» Вот лучшее впечатление, которое может произвесть писатель в читателе — и неужели это неутешительно?

Писатель должен изображать свой предмет, *как он есть*, и не думать о впечатлении на читателя, ибо оно зависит совершенно от самого читателя. Случалось ли вам присутствовать при торговой казни какого-нибудь отъявленного мошенника? Мне случалось, и я прислушивался к народным толкам. Исправник читает описание злодейства подсудимого. Иной крестится, когда чтец скажет:

«обокрал церковь»; другой говорит: «эка, мошенник, хорошенько бы его!»; третий думает: «эка, молодец! и рожа-то какая хватская; жаль, что попался!»; иная баба и поплачет, да вместе поднимет трехлетнего ребенка, чтобы посмотрел, — для курьезу или для примера, неизвестно; у иного пропадет охота самому пуститься на дурное дело, которое, может быть, уже и замышлял; а у десятого по непостижимому свойству натуры человеческой, может быть, возгорится тут же желание пойти по следам преступника. Точно то же совершается и в душе читателя. Может быть, найдутся люди, которые назовут Плюшкина человеком положительным и основательным. Иной подумает: «да смейтесь над ним, а у него денег до чорта!» Кому-нибудь и Ноздрев покажется славным малым, а про Чичикова не один скажет: «умен бестия!» Старайтесь же после этого действовать благодетельно на общество верным его изображением. Мне кажется, мораль никогда не должна быть целью писателя, а главное — он никогда не должен выставлять на вид свою мораль. Взяв из жизни характеры, он должен их заставить действовать так, чтобы вовсе не было заметно участие писателя. Лица должны как бы совершенно отделиться от него и поступать не зависимо, но в смысле своих характеров; точно так, как будто бы писатель был сам не виноват, что они так действуют. Иначе произведение будет походить на кукольную комедию, и так и подмывает сказать писателю: «спрячьте руки; зрителям видно, как вы передвигаете куклы». В этом отношении «Мертвые Души» суть совершенство. У обыкновенных писателей характеры поясняются сюжетом; для сюжета придуманы характеры. У вас напротив; можно сказать, что все действующие лица еще почти не сделали шагу для развития сюжета, но уже обрисованы самым полным образом, и прочитав первую только часть, думаешь, что роману конец. Остается только развязка анекдота. Для иных это главное.

1642. М. И. Гоголь

1849. Москва. Ноябрь <до 28-го числа>.

Не писал к вам долго потому, что все ожидал ваших писем, которые, по случаю отлучки моей из Москвы, гонялись за мною повсюду и до сих пор еще не пришли сюда. Я ожидал их всякий день и прождал целый месяц. Опасаюсь, чтобы они вовсе не пропали. Здоровье мое, слава Богу, кое-как идет. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая, однако же, начала портиться, а зимы все нет.

Напишите мне, сделаны ли были какие посадки дерев в саду; я полагаю, что все те деревья, которые пропали в прошлом году, замещены теперь новыми. За этим дела немного, и потому не думаю, чтобы сестры поленились. Сейчас получил ваши письма. Из одного из них вижу, что его должен был доставить Аполл<он> И<льич> Ознобишин, весьма[1] сожалею, что не удалось видеть его. Рад, если вы поедете в Кагорл<ык> к Андрею Андреевичу, но нахожу неблагоразумным, если никого совершенно не останется дома. На приказчика, ни на кого[2] нельзя положиться. Вы уже сколько раз испытали, что приказчик сначала хорош, а потом портится. Портится же он всего пуще тогда, когда господа в отлучке. Если остане<тся>, по крайней мере, сестра Ольга (которой, в самом деле, нечего делать в Кагорлыке), всё[3] будет лучше, нежели никого. Передайте Софье Васильевне и супругу ее благодарность за воспоминанье и поклон. А почтенному Андрею Андреевичу засвидетельствуйте мою искреннюю признательность, если его увидите. Не позабудьте также передать дружеский братский поклон Дмитрию Андреевичу. Затем да хранит вас Бог всех здраво и невредимо!

Ваш Н. Г<оголь>.

1643. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю (с припиской О. Сем. Аксаковой)

<Ноябрь 1849. Москва>

Благодарю Вас, милый друг, за Ваши строчки. Я крепко было попался в лапы прежней моей болезни, то есть ревматической, одноместной в урочное время и бродящей во все остальное, жестокой боли. Я принялся за то же лекарство, которое, вопреки стараниям моих докторов, спасло меня от помешательства пред сим за полгода. Теперь мне гораздо лучше, и я почти здоров, но заключен в одной комнате, при 18 или 19 градусах тепла. До весны не надеюсь выдти на открытый воздух. Благодарю Вас за «Одиссею»: без всяких шуток, во время жестокой боли, от которой я стонал, я мог слушать Гомера с наслаждением, и даже острота боли как будто притуплялась. Вечная благодарность Жуковскому! По-моему, перевод первых 12-ти песен лучше относительно языка. Нередко укалывалось мое эстетическое чувство Жуковским,

[1] и весьма
[2] ни на какого
[3] то всё

который торчит из Гомера. «Гость таинственный» или «ду́ши Телемак» — нестерпимы.

Теперь начинаем читать с подлинником и станем справляться во всех сомнительных случаях. Нет ли у Вас первой половины? Пришлите к моей больной. Обнимаю Вас. Здоровы ли Вы? Ваш душой

С. Аксаков.

<Приписка О. Сем. Аксаковой:>

Обнимаю Вас душою, Николай Васильевич; мы напугались порядочно болезнию Сергея Тимофеевича. Как была вовремя «Одиссея»! пришлите, пожалуйста, первую; хотим всё снова перечесть. Как я благодарна Жуковскому!

Глубоко огорчены мы всею семьею и поражены смертию Панова; мало знали цену ему… Прощайте, не знаю, когда увидимся.

<На обороте второго листа рукой О. Сем. Аксаковой:>
Николаю Васильевичу Гоголю.

1644. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

<Ноябрь 1849>

Любезный Николай Васильевич, отчего вы уже чересчур сделались молчаливы, или не больны ли вы? Мне бы очень хотелось вас видеть и с вами поговорить, но невозможного и не ждите, но, по крайней мере, вы бы писали хоть изредка. Мы ждем своего сенатора ежедневно и ежечасно. Сплетен, сплетен-то, Господи упаси, сколько! Один и единственный предмет разговора — сенатор и его приезд. Один чиновник говорил мне, что, вошедши в кондитерскую Гартмана, будучи погружен в эту мысль, он даже ему советовал подумать, чтобы принял свои меры, как его выкрасить комнату и проч.; потом, говорит, я опомнился, когда Гартман сказал: «А мне что же до сенатора?» Губерния тут является во всей красе своей, т. е. в постыдной наготе. Удивляюсь более и более матушке России, как она успела, под шумок европейский, втихомолку, дойти до такого разврата и утратить всякое нравственное чутье. И все и все и везде деньги, и до наглости доходит обожание этого кумира новых времен. Кумир, который в мелочи по карманам, этот более опасен тех богов, которые выливались из металла. Если в древности совершали обряды в честь грубой чувственности, теперь служат утонченной чувственности, и все прикрыто и как будто благовидно. На это наводит меня слово Евсевия царю Константину.

Я, по вашей рекомендации, читаю «Христианское Чтение», и с большим наслаждением. Странное существо человек! Читаю и скучаю тем, что не с кем поделиться впечатлением, а писать не умею. Вы, может быть, не испытали, что такое так быть одною, как я в моем положении, где всякое слово, мною сказанное, принимается как оскорбление, как желание выказать себя, отличить себя. Мои сношения с вами, даже мой греческий язык, мне ставят в укор. Приправляют все речи так: «Как же вам заниматься дрязгами хозяйства? С вашим ли умом?» То есть, на что ты годна, когда у тебя грибы не солены в пору, и варенья не умеют варить, и люди тебя обирают.

Многое хотелось бы вам передать поважнее этого, но по почте не годится говорить о делах семейных. Одно у меня утешение — приезд матери невестки моей Афросимовой. Она кротка, добра и умна, и дивится многому. Что делал *** с нами, это уму непостижимо; хороша и жена брата Осипа, нечего сказать! Впрочем, говорил Сам Христос: «а врази человеку домашние его». Напишите мне, знакомы ли вы с Назимовым, который теперь назначен вместо Строгонова? Мне это нужно теперь знать по одному делу. Что делают все ваши и мои знакомые, Тентетников и проч.? Графу Александру Петровичу Толстому мое почтение. Попросите его вам рассказать, что сделал с ним в Твери Топильской; мне очень хочется знать, правда ли это; мне говорил это Барановский, а ему сам Топильской не стыдился рассказывать свои гадости. Прощайте, здоровье мое скверно, да как и быть иначе при таких дрязгах. Дай только Бог вынести все. Прощайте.

1645. М. И. Гоголь

28 ноябр<я 1849>. Москва.

Я получил ваши письма из Полтавы и из Кагорлыка. Душевно пожалел о том, что наш достойнейший и добрейший Андрей Андрее<вич> на старости лет своих должен испытывать столько неприятностей, но при всем том не потерял и не теряю надежды, что Бог вознаградит за все. Не могу думать, чтобы сын его был в такой степени безнадежен. Мне, напротив, в нем показалось что-то доброе. Он несчастлив только тем, что попал в это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Он не один, много, много других так воспиталось. Но это мгновенное общее опьянение века, которое долго не может продолжиться. Многие из молодых людей видят теперь и сами,

на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились. Это время должно непременно наступить и для него, тем более, что он, как мне сказывал в Одессе сам духовник, вовсе не так дурен в душе своей, как о нем говорят. Я сам начинаю думать, не старается ли кто-нибудь нарочно очернить сына пред отцом, от чего да сохранит Бог. Тут всего лучше терпенье, надежда на милосердье Бога и молитва. Передайте Андрею Андреевичу мой душевный поклон и чувство, исполненное самой признательной любви к нему, в чем, я уверен, он не сомневается. Бумаги об Эмилии я получил и буду стараться. Только не знаю, как вы ее доставите в случае принятия ее. Что же касается насчет ваших ожиданий моего приезда, то я вам опять повто<рю> то, что всегда говорю. Слова я не даю никогда[1]. Обещать — не обещаю тоже.[2] Говорю: может быть, приеду, а может быть, и не приеду, разумея всегда возможность и устроение обстояте<льств>. Я не так богат, чтобы для одного удовольствия свидания бросать по 1000 рублей на переезд, и не так досужен, чтобы жертвовать временем, которое у меня дорого. Мне так нужно много видеть мест, еще не виданных мною, что не знаю, успею ли и их осмотреть. Приехать к вам я имел намерение только тогда, если б[3] мне удалось к этому времени окончить мой труд и напечатать его и управиться совершенно со всеми хлопотами.[4] У меня, напротив, вот какой обычай обещать: я к вам приеду, может быть, через год, а может бы<ть>, через пятнадцать лет. Так я гово<рю> всем, зная, что все зависит не от моей воли, а от устроения обстоятел<ьств>. А обстоятельства устрояет Бог.[5] Мы все на земле поденщики и работники. Прежде всего должны думать о работе своей, а потом уже об удовольствии свидан<ия>. О просьбе вашей насчет Олимпиады Федоровны никак не умею приложить ума и никак[6] не знаю, чем я могу помочь. Вы даже не объяснили мне, к кому должно обратиться, чтобы отыскать ее сына. Мир велик. Губернатора нашего я не видал. Он был в Москве тогда, как меня еще здесь не было. Душевно желаю, чтобы пребыванье ваше в Кагорлыке было приятно и для вас и для Андрея Андреев<ича>.

Ваш любящий сын Н. Г<оголь>.

[1] *Далее начато было:* но в
[2] *Далее начато:* Но
[3] ког<да>
[4] *Далее начато:* Что же
[5] *Далее начато:* Что же делать
[6] тем более что

1646. А. О. Смирновой

Нояб<я> 28 <1849>. Москва.

Иногда так хочется вас видеть, что много бы дал за то, чтобы один час побыть с вами[1] и поболтать, а примусь за письмо — не пишется, и не знаю, что сказать вам. Лень ли это, или, в самом деле, все предметы стали не стоющими письма? Решите сами. Все, однако же, я думаю, у вас есть больше о чем сказать мне, чем мне вам. У вас есть хоть, по крайней мере, сенатор Давыдов и всякие ревизионные гадости. А у меня все лениво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летит и летит так быстро, что иногда страх врывается в сонную душу.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Обнимите ваших малюток и передайте поклон Николаю Михайловичу. Мисс Овербек не позабудьте также. Граф Толстой благодарит вас много за память, супруга его также.

1647. С. Т. Аксакову

<Ноябрь 1849. Москва>

Посылаю вам 1-й том и желаю, чтобы доставил вам развлечение. Ради Бога, берегите здоровье и делайте всё с *умеренностью.* Это большая добродетель. Жалко, если до весны не увидимся. Известие о кончине Панова меня опечалило. Все позабывается, что чем далее, тем более с каждым годом должны убывать и отходить все близкие сердцу, а не прибывать. Бог да хранит вас и да поможет благодарить его благодарно[2] за все.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1648. М. П. Погодину

Отрывок

<Конец ноября 1849. Москва>

Когда увижусь с Щепкиным, передам ему это и ответ привезу сам.

1649. Князю П. А. Вяземскому

<Осень 1849. Москва>

От всей души благодарю вас за сообщенье письма от Жуковского. Оно меня больше чем успокоило на его счет. Среди всех

[1] вас видеть

[2] в благодарность

этих бурь Бог помог ему не только избежать их, но даже произвести такое дело, которое и во время тишины невозможно произвести с такой быстротой, — это знак милости небесной! С благодарностью возвращаю вам обрадовавшее меня письмо и постараюсь поблагодарить лично.

Весь ваш Н. Гоголь.

1650. В. А. Жуковскому

<Осень 1849. Москва>

Миллион поцелуев и ничего больше! Известие об оконченной и напечатанной «Одиссее» отняло язык. Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору[1] «Мерт<вых> д<уш>» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо напишу — и будет длинное.

Твой Н. Гоголь.

<На обороте:>

Василию Андреевичу Жуковскому.

1651. К. И. Маркову

Четверг <3 декабря 1849. Москва>.

Очень вам благодарен за ваше письмо. На прежнее не отвечал по незнанью вашего адреса. Что же касается до II тома «М<ертвых> душ», то я не имел в виду собственно *героя добродетелей.* Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних и что намеренье[2] автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с *одной* какой-либо *стороны.* О прочих пунктах письма вашего переговорим когда-нибудь лично; мы же, кажется, соседи.

Искренн<е> благодарный за ваши заметки

Н. Гоголь.

<На обороте:>

Константину Ивановичу Маркову.

У Арбатских ворот. В доме Загряжской.

[1] самому автору

[2] мысль

1652. А. М. Марковичу

6 декабря <1849>. Москва.

Очень благодарю и за известия об вас и за календарь. Рад, что у вас обстоит все благополучно: в нынешние времена это не совсем обыкновенная вещь. Я кое-как перебиваюсь. Здоровье, слава Богу, еще держится. По-прежнему сижу за делом, а делается мало. Время летит так быстро, что нападает страх. Поездки мои были маловажны. Но всё же они оживили начинающую тупеть память. Многое современное заставило вспомнить с грустью о *прежнем*, невозвратно минувшем. Много завелось повсюду бесхарактерности, бессилия, смущения в головах и пустоты в сердцах. Об утонченностях разврата уже и не говорю. Покуда я еще ничего не готовлю к печати, во-первых, потому, что сам не готов, а во-вторых, потому, что и время не такое: авось отрезвятся сколько-нибудь опьяневшие головы. Не позабывайте писать хотя изредка. Известия о вас и о всем, что вас окружает, мне всегда приятны. Передайте при сем письмецо Александру Сем<еновичу>. Я не знаю, где он на нынешнюю пору находится. Может быть, с вами. Передайте поклон мой почтенной вашей сестрице и всем милым вашим племянницам.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Его высокородию Александру Михайловичу Марковичу.

В Глухов Черниговской губернии, оттуда в село Сварков.

1653. А. О. Смирновой

Декабря 6 <1849>. Москва.

Только что отправил к вам письмо, как, два часа спустя, пришло ваше. Гадостей, как видно, около вас немало. Но как же быть? Не будь их, не достигнуть нам и Царствия Небесного. Как раз забудет человек, что он здесь затем, чтобы нести крест. Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что их распускает чорт, а не люди, затем, чтобы смутить и низвести с того высокого спокойствия, которое нам необходимо[1] для жития жизнью высшей, стало быть, той, какой следует жить человеку. Эта длиннохвостая бестия как только приметит, что человек стал осторожен и неподатлив на большие соблазны, тотчас спрячет свое рыло и начинает заезжать с *мелочей*, очень хорошо зная, что и бесстрашный лев наконец должен взреветь, когда нападут на него бессильные

[1] *Далее начато:* затем, чтобы

комары со всех сторон и кучею. Лев ревет оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступленьем холодов все это сгинет, что кусанья эти, может быть, и нужны, как отнимающие лишнюю кровь, то, может, и у него достало бы великодушия все это перенесть терпеливо. Я совершенно убедился в том, что сплетня плетется чортом, а не человеком. Человек от праздности и часто сглупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое, и мало-помалу сплетется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь. Не обвиняйте также и домашних никого; вы будете несправедливы. Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чем да поможет вам Бог! Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать не сенатор, а Тот, Кого ничем не подкупишь и у Которого совершенно другой взгляд на все.

Гр<аф> Толстой очень благодарит вас за память. С Назимовым я мало знаком: виделся с ним раза два, отзывают<ся> же о нем другие хорошо. Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе. Здоровье мое кое-как плетется, хотя и не совсем так, как нужно для произведенья моей поденной работы. Бог да хранит вас! Прощайте.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Если Николай Михайлович сегодня именинник, то передайте ему мое поздравленье. Детушек перецелуйте.

1654. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<Ноябрь — начало декабря 1849. Баден-Баден>

Милый Гоголек, я не отвечал на последние письма твои, потому что не люблю мистификаций. Из этих трех письменных конфузий, которые я получил от тебя со времени нашей разлуки, я, как ни силился, не мог склеить и половины порядочной честной записки. Итак, не сетуй, что я на твои призраки писем тебе не отвечал. Что со мной делается, ты это знаешь, ибо главное мое дело Одиссея; теперь в твоих руках — ты, вероятно, получил и вторую часть от Булгакова. О прочем сказать нечего, старое

по-старому. Но что же ты так вдруг исчез для меня, и так упорно молчишь (будучи со всеми прочими такой словоохотливый корреспондент). Это для меня непонятно, и не знаю, найдешь ли способ себя оправдать пред собою и предо мною. Пока ты этого способа не нашел, от меня письма к тебе не будет. Поблагодари доброго Шевырева за его любезный ответ на мою варшавскую эпистолу. Если он напишет продолжение своей прекрасной статьи об Одиссеи <так>, то нельзя ли мне эту статью прислать отдельно через Булгакова. Жуковский.

1655. В. А. Жуковскому

Москва. 1849, декабря 14.

Прежде всего благодарность за милые строки, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно: *нехотение*[1] *писать*. Это правда. Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость[2] или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствованье хуже сна? Полтора года моего пребыванья в России пронеслось, как быстрый миг[3], и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал[4] бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от<о>двигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лепятся вяло[5], а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои «Мертвые души» не выходили в это мутное[6] время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь все, и молодежь и стар<ость>, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки. Другие изблевывают свое собственное несваренье.

[1] нежелание
[2] старость ли
[3] быстро
[4] почувствовал бодрость
[5] лениво
[6] стро<гое>

Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу *силу*. Можно сказать, что только одна Церковь и есть среди нас еще здоровое тело. Появленье «Одиссеи» было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли «Одиссею» с полной признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию; вероятно, он скажет в ней много хорошего, но никакие рецензии не в силах[1] засадить нынешнее поколение, обмороченное политическими броженьями, за чтение светлое и успокаивающее душу. Временами мне кажется, что II-й том «Мерт<вых> душ» мог бы послужить для русских читателей некоторою ступенью к чтенью Гомера. Временами приходит такое желанье прочесть из них что-нибудь тебе, и кажется, что это прочтенье[2] освежило бы и подтолкнуло меня — но... Когда это будет? когда мы увидимся? Вот тебе все, что в силах сказать. Прости великодушно, если и это письмо неудовлетворительно. По крайней мере, я хотел, чтобы оно было удовлетворительно. Обнимаю от всей души и тебя и все, что к тебе близко.

Твой весь Н. Гоголь.

<На обороте:>

Василию Андреевичу Жуковскому.

1656. П. А. Плетневу

Декабрь 15 <1849>. Москва.

Мы давно уже не переписывались. И ты замолчал, и я замолчал. Я не писал к тебе отчасти потому[3], что сам хотел быть в Петербург, а отчасти, и потому, что нашло на меня *неписательное* расположение. Все кругом на меня жалуются, что не пишу. При всем том, мне кажется, виноват не я, но умственная спячка, меня одолевшая. «Мертв<ые> души»[4] тоже тянутся лениво. Может быть, так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время еще содомное. Люди, доселе

[1] не в силах будут
[2] чтенье
[3] и потому
[4] Даже и «Мертв<ые> души»

не отрезвившиеся от угару[1], не годятся в читатели, не способны[2] ни к чему художественному[3] и спокойному. Сужу об этом по приему «Одиссеи». Два-три человека обрадовались ей, и то люди уже отходящего[4] века. Никогда не было еще заметно такого умственного бессилия в обществе. Чувство художественное почти умерло. Но ты и сам, без сомнения, свидетель многого[5]. Пожалуста, отправь это письмецо к Гроту и сообщи мне его точный адрес. Передай также мой душевный поклон Балабиным и скажи им, что я всегда о них помню. Затем, обнимая мысленно с тобой вместе всех близких твоему сердцу, остаюсь

твой весь Н. Г<оголь>.

Адрес мой: в доме Талызина на Никитском булеваре.

Об «Одиссее» не говорю. Что сказать о ней? Ты, верно, наслаждаешься каждым словом и каждой строчкой. Благословен Бог, посылающий нам так много добра посреди зол!

1657. Я. К. Гроту

<15 декабря 1849. Москва>

Очень благодарю вас за ваше доброе письмо, которое нашел по приезде в Москву. Мне самому очень жалко, что не удалось с вами еще повидаться. Благодарю вперед за предстоящее знакомство с Протопоповым, которого я непременно отыщу. Его замечания о русском народе, приложенные в вашем письме, совершенно верны, отзываются большой опытностью, а с тем вместе и ясностью головы. Прощайте и не забывайте меня.

Ваш весь Гоголь.

1658. Графине А. М. Виельгорской

Декабря 26 <1849>. Москва.

Здоровы ли вы, добрейшая Анна Миха<й>ловна? Я уже давно не имею от вас известия. Как вам живется, как веселится, как скучается? — уведомьте меня хоть строчкой. Что же касается до меня, еще живу, еще мыслю, еще двигаюсь, хоть и говорят, будто бы значительно худею. Труда своего никак не оставляю, и хоть не всегда бывают свежие минуты, но не унываю. Благодарить нужно

[1] далеко не отрезвились и еще в чаду от угару

[2] и не способны

[3] высокому

[4] прежн<его>

[5] свидетель многому такому, что заставляет чело<века>

Бога за все — и за дождливый и за солнечный день. Поздравляю вас с наступающим годом и от всей души желаю, чтобы пожилось вам как в нем и так и в следующих годах прекрасной, светлой жизнью, какой способны жить одни только прекрасные души.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте поздравление мое Софье Миха<й>ловне и всем вашим, близким, близким моему сердцу.

1659. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

23 дек<абря> 1849. С.-Пб.

Тебе стыдно, что ни о чем не уведомляешь меня. Если о себе говорить нечего, мог бы многое сказать о других.

Правда ли, что осенью гостил ты у Смирновой в Калуге? Разве ты не знаешь, как мне интересно все слышать, что до нее касается? Уж о литературных твоих делах я и не спрашиваю, уверившись, как не любишь ты разглагольствовать о них. Конечно, теперь глухая пора и для Жуковского. Боюсь только, что от толстых журналов мы навек оглохнем.

Не побываешь ли ты как в Петербурге? Весною прибудет Вяземский, а может быть, и Жуковский.

Твое письмо Гроту отдашь лично: он здесь. Обыкновенный адрес его:

В Гельзингфорсе.

Его Высокородию Якову Карловичу Гроту.

Балабиным сегодня же передам поклон твой. Будь здоров и счастлив. Обнимаю тебя.

П. П<летнев>.

1660. Н. Н. Шереметевой

<1849. Москва>

Очень сожалею, что не видал вас. Когда вы были у меня, тогда я был у обедни, не думая, что вы приедете в такое время. Во всяком случае, позвольте от всего сердца поблагодарить вас за то, что не оставляете меня. Бог да воздаст вам за ваши молитвы обо мне и о том, что близко душе моей. Прощайте. Не забывайте меня по-прежнему ни дружескими письмами, ни молитвами.

Ваш весь.

<На обороте:>
Надежде Николаевне Шереметьевой.

1661. Н. Н. Шереметевой

<1849. Москва>

Очень вас благодарю. Да поможет Бог и вам и мне без Него не обходиться ни на минуту.

Ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1662. Н. Н. Шереметевой

<1849. Москва>

Когда вам угодно. Мне всегда приятно на вас взглянуть. Берегите только свое здоровье и не выезжайте, когда погода дурна.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1663. Н. Н. Шереметевой

<Конец декабря 1849. Москва>

Благодарю вас много, добрый друг Надежда Николаевна, за вашу записочку. Поздравляю вас также с наступающим годом. Дай Бог, чтобы он был глубоко благоприятен нам обоим в высоком внутреннем отношении.

Весь ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1850

1664. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Января 3 числа 1850 года.

До слез тронуло меня ваше милое, дружеское письмо, любезнейший Николай Васильевич. И вам от всей души желаю здоровья, спокойствия духа и поздравляю с новым годом. О счастии же к чему говорить или желать, когда мы знаем, <что> все земное счастие не что иное, как пустое слово. Не могу без грусти слышать эти принятые в свете выражения, коими друзья и не-друзья дарятся по случаю наступления нового года: *поздравляю вас*

с новым годом, с новым счастием. Конечно, в некотором смысле счастье всегда ново для всех, ибо немногие нашли его в прошедшем и предвидят всегда в будущем. Мы бы с тем разве должны поздравлять друг друга, что новый год есть большой шаг, ведущий к небесной нашей отчизне, где нет ни скорби, ни печали, ни воздыхания.

Благодарю вас сердечно за ваши молитвы, но не соглашаюсь с вами, когда вы называете их *убогими:* Бог волю любящих Его творит и молитву их слушает. Не менее того сомневаюсь в исполнении их, когда вы желаете, чтоб в наступающем году я была бы облагодетельствована Богом, как никогда доселе, всю остальную жизнь от утра до вечера, во все часы и минуты только и думала о том, как бы благодарить Его. Подобного благодеяния я не могла заслужить и, следственно, не смела бы и вообразить. Ежедневные слезные моления мои еще ни к чему не послужили, еще никакое земное благо не доставили тем, кто их еще не знает и, вероятно, к тому только послужат, что вменятся мне в очищение души. Упование на Промысл Божий может еще говорить: «не смущайся, не изнемогай духом», но человеческая мудрость и предвидение тщетно ищут, на чем бы основать свое упорное верование и чем бы в собственных глазах оправдать всегда обманутую надежду.

Ваши краткие письма исполнены, однако ж, неоцененными изъявлениями искренней к нам дружбы, но до того тощи касательно вас самих, что едва из них заключить можно, <что> вы еще писать умеете и друзей не забываете. Эти сведения хотя и хороши, но для нас все-таки недостаточны и отзываются какою-то оскорбительною для дружбы скромностью. Вы заслужили бы и с моей стороны подобного рода лаконизма, но письмо мое докажет вам вдоволь, как я незлопамятна, и заставит вас, я надеюсь, писать и более, и чаще, и обстоятельнее о своем здоровье, о своих занятиях, сочинениях, — словом, обо всем, до вас лично касающемся. Дабы дать вам пример, скажу во-первых, что мы все, слава Богу, на ногах, — весьма немаловажное дело в нынешнее время, когда только и слышно о скоропостижной смерти, о внезапной опасной болезни, об ударах и тому под. Всегда, полагаю, то же бывало и будет, но когда у нас темно в душе, то все кажется еще чернее.

Счастливейшая чета в Петербурге, в Москве (а про губерниях[1] и говорить нечего) составляет Аполлина Михайловна и Алексей Владимирович. Дети у них премилые; старший сын —

[1] *Так в источнике.*

совершенно ангел Рафаэлевых картин. Софья Михайловна благоденствует, вскармливая по долгу христианскому Аполлинарию, второе в семействе издание. Старшая, вам знакомая, Беби растет и телом, и умом; Саша хорош собой, а Булка преумная и презабавная девочка, очень непригожая, Софья Ивановна в маленьком виде кроме *шкапчика*. Владимир пишет для журнала и театра. Последняя его комедия: «Беда от нежного сердца», очень умна, смешна и, вероятно, будет иметь большой успех. Анна Михайловна с ревностью занимается учением, музыкою, живописью. Здоровье ее, слава Богу, не слишком страдает от нашего ужасного климата и от совершенного лишения всех удовольствий внешней натуры, столь для нее необходимых. Я все не хочу терять надежду видеть вас летом у нас в Петербурге. Передайте графу и графине дружеский наш поклон. Будьте здоровы, веселы, пишите, сочиняйте, но не забывайте ваших петербургских друзей.

1665. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1850 г. Января 12.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Считаю своим долгом написать Вам хоть коротенькое письмо, которое бы изъявило мою Вам благодарность. Благодарю Вас за все вообще, о чем надо говорить долго, и в особенности за книгу, которую Вы мне подарили, за Библию. Я желал ее, предчувствуя себе от нее добро, Вы же привели в исполнение то желание, которое легко могло затеряться среди тысячи ему подобных. Смотрю на Ваш подарок и вижу, что в руках у меня сокровища, которые, если даст Бог, могут принести мне пользу, — мне нельзя Вас не благодарить.

Если я должен сметь в чем-либо Вас мысленно обвинять, так это, мне кажется, в том, что Вы не говорили мне правды обо мне... И тут тьма вещей темных. Очень вероятно, что Вы сами не так думали прежде, как стали думать после обо мне. Но нет, мне кажется, Вы иногда удерживали себя от того, чтобы сказать мне все, что хотели. Весьма нетрезв и еще короткомыслен был я, обо многом не имел понятия и был невыразимо горд своим знанием, но, мне кажется, молодой ум мой мог как-нибудь сварить ту вещь, которую бы в нее бросили. Я объясняю себе это так, что Вы не находили слов для всего, что думали. Любопытно мне было бы знать, владела ли Вами охота, хоть прежде, охота красноречия: вылить, объяснить, развить для себя и для других мысль, которая Вас поражает, так старательно, как кто-нибудь самым дорогим

друзьям своим показывает самый дорогой для себя предмет? Это всегда было со мною, и я удивляюсь, почему Вы мне, искателю истины, не постарались показать истины. Бог знает, как это для меня темно... Если пошло дело на правду, то я ведь должен сказать Вам то, что говорю.

Когда я серьезнее столкнулся со смыслом жизни и заглянул в Ваши, давно забытые мною сочинения, я увидел Вашу внутреннюю жизнь в новом, гораздо полнейшем виде: Вы являетесь мне лицом как будто другим. Еще, чувствую, не пришло время мне с Вами беседовать так, как мне о том мерещится; но мало-помалу, если хочу исполнять назначение моего знакомства с Вами, я буду приступать к Вам с новыми вопросами. Чудна жизнь, с этим всякий согласится, чудна так, что теряешь охоту чудесами ее заниматься; но есть же вещи в ней единственные, абсолютные, краеугольные — нельзя же отстать без того, чтобы слона не увидать, после того, как до усталости шлялся по кунсткамере. Если они есть, то есть для людей — у меня собственности нет, которую бы мог потерять; пойду за ними. Или уж и я стал порастать грибами? Или кончается мало-помалу мое блуждание, и я, оплетаемый житейскою осокою, прирастаю к месту? Иссякает во мне огонь волшебный? Это была молодость... Молодость моя, молодость! Какие бы я слезы пролил о тебе, если бы для последнего прощения ты предстала мне на миг во всей собранной полной красоте твоей! Но все идет в жизни капля по капле, как и само время отсчитывается нам скупо, маятником; и из человека, великого духа, великого царя, выходит бревно, не имеющее никакого значения.

Д. М<алиновский>.

1666. П. А. Плетневу

Москва. Генваря 21. 1850.

Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного[1] состояния, от климата ли, производящего его, но я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладываю на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, — и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше, как час, смотрю на часы — уже время обедать. Некогда даже пройтись

[1] болезненного моего

и прогуляться. Вот тебе вся моя история. Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец «М<ертвых> душ». Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны;* собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведение. Это разве может только Один Бог, у Которого все под рукой: и разум и слово с Ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разума доискиваться. — У Смирновой я, точно, прогостил осенью. Не писал о ней потому, что полагал тебя знающим насчет ее через Аркадия Ос<иповича> Россета, которому при сей верной оказии передай мой душевный поклон. Она вначале более тосковала и больше хворала. В последнее же время, как мне показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дело, за которое всякая женщина, по-моему, должна бы приняться с самого начала, то есть за хозяйство и всякие экономические заботы по имению. Теперь я слышу, что она их продолжа<ет> и за ними не скучает. От этого и самое здоровье ее, говорят, лучше. Так мне о ней рассказывали видевшие ее еще недавно в Калуге. Дочери у ней вышли очень миленькие, обе почти невесты, вторая[1] даже красавица. Воспитываются хорошо благодаря гувернантке, мисс Овербек, уединенью и близости от жизни деревенской. Как живешь ты? с кем видаешься и о чем разговариваешь чаще? Передай поклон милой супруге своей и милой дочери. На меня не сердись и люби, потому что я также тебя люблю, а письмо — дрянь. Оно никогда не может выразить и десятой доли человека. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если он напишет письмо коротенькое и не так обстоятельно, как бы хотелось. У меня правило всякое письмо считать подарком, а дареному коню в зубы не смотрят. Прощай. Хотел было просить тебя взять[2] из ломбарда последний куш денег. Но раздумал. Пусть их лежат, авось как-нибудь изворочусь. Впрочем, уведоми, можно ли брать по частям или нет.

Твой весь Н. Г<оголь>.

1667. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Петербург. 17 января <1850>.

Как вы добры, любезный Николай Васильевич, не браните меня в вашем последнем письме, когда я это столько заслужи-

[1] меньшая

[2] о вынутьи

ваю. Видно, уж всегда мне заслуживать ваш гнев моей неисправностью в нашей переписке, а вам всегда великодушно прощать меня. Благодарю вас искренно за все то, что вы мне желаете на нынешний год. Дай Бог, чтобы ваши и мои желания исполнились и чтоб жизнь моя сделалась бы «прекрасной, светлой», по вашим словам, и я прибавляю — полезной себе и другим. Желаю вам то же самое, кажется, лучшего нельзя желать. Как я рада, что вы прилежно занимаетесь: это доказывает сперва, что вы здоровы и хорошо расположены, а во-вторых, обещает нам, хотя, может быть, еще не скоро, новое творение вашего пера, которое я (как и вся Россия, вероятно) ожидаю с нетерпением. Прекрасна судьба истинного даровитого писателя, которому дано свыше владеть умами и сердцами людей, которого влияние может быть так важно, так обширно! У вас цель в жизни, любезный Николай Васильевич, она вас совершенно удовлетворяет и занимает все ваше время, а какую цель мне выбрать? Из всего моего рисования, чтения и пр. и пр. никакого толку не будет. Не сердитесь и не браните меня мысленно, я только что шучу, хотя и не совсем. Вы хотите знать, как я скучаю и как веселюсь. Мои расположения меняются по-прежнему, хотя эта переменчивость иногда мучительна, я утешаю себя мыслию, что я этим избегаю монотонность — самая скучная вещь, по-моему. Я очень мало выезжаю, что мне совершенно по сердцу, но собираются у нас часто знакомые, которые приятны и которых я охотно вижу. К несчастию, мы нынешнюю зиму не продолжаем наши русские занятия. Я читаю по-русски, сколько могу, но это еще весьма мало! Вообще литература наших журналистов меня вовсе не привлекает. Я все собиралась прочесть «Церк<овную> ист<орию>» Евсевия и как-то не прочла, однако же когда-нибудь непременно примусь за нее. Когда мы вас увидим? Впрочем, ежели вы заняты в Москве, жаль вас беспокоить. Прощайте, любезный Николай Васильевич; все наши кланяются вам сердечно.

1668. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

20 генваря (1 февраля) 1850. Баден-Баден.

Наконец, мой милый Гоголек, я получил от тебя что-то похожее на письмо, после двух лет разлуки, и какой разлуки? Во время это случилось столько с тобою, что было бы довольно материалов для продолжительной переписки. Впрочем, я не слишком тебя обвиняю — все возможные загадки лени мне понятны, ибо все

мною самим были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: все мои друзья молчат как мертвые. Ни один даже из учтивости не поблагодарил меня за присылку «Одиссеи». Весьма сожалею, что истратил деньги на напечатание ста экземпляров in 8^{0} *Полных моих сочинений*, для раздачи моим друзьям и приятелям; из лавки Смирдина каждый получил бы свой экземпляр без хлопот; а я не остался бы в убытке. Но оставим это. Благодарю тебя за письмецо. Что скажу о себе? Я не на розах по-прежнему, как то было при тебе. Жена продолжает страдать, и тебе понятнее, нежели другим, каково ей, — ты сам испытал все эти муки, которые не потому так тягостны, что сокрушают счастье жизни, но более потому, что отымают у души всякую способность переносить их с покорным терпением. Убеждение говорит: «Здесь все добро и все к добру, потому что Бог хозяин в доме Своем и Сам обо всем заботится лично, следственно, все должно быть в совершенном порядке. Да не смущается сердце твое!» Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу, как нечаянное наводнение, которое вдруг уносит хижину со всеми в ней живущими.

Но об этом предмете будем говорить после. Обращаюсь к историческому. Из Швейцарии, куда мы спасались от немецкого колбасного бунта, мы переселились снова в Баден-Баден. Зима у нас жестокая, какой никогда здесь не бывало; она мешает Гугерту приняться за лечение жены; по его плану, мы должны остаться в Бадене до конца июня, провести июль в Остенде, потом возвратиться в Россию и провести зиму в Ревеле. Исполнится ли этот план — это знает один Всевышний Хозяин. Меж тем я, побывав в Варшаве, хворал, и хотя не было у меня лежачей болезни, но чуть не объявилась смертельная — теперь все поправилось. Но, кончив свой большой труд, я вдруг остался без дела, как корабль, который плыл с попутным ветром на всех парусах и вдруг, обхваченный штилем, остановился посреди неподвижного моря и лениво покачивается на одном месте, производя в пассажирах тошноту и рвоту. Из этой неподвижности я вышел, однако, принявшись после эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обучение грамоте моей Сашки. И так как это дело должно совершаться по моей *собственной*, мною самим изобретенной методе, то оно имеет характер поэтического создания и весьма увлекательно, хотя начинается чисто с азбуки и простого счета. Что моя метода хороша, то кажется мне доказанным на опыте, ибо вот уже целый месяц, как ежедневно (правда, не более получаса

в дни) я занимаюсь с Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки именно потому, что я заставляю ее своею головкою работать, а не принуждаю сидеть передо мною с открытым ртом, чтобы принимать от меня жеванные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравнение немного нечисто, но оно верное. Из этих уроков может составиться полный систематический курс приготовительного домашнего учения, который со временем может принести и общую пользу. Между тем берет меня подчас и охота побеседовать с моею старушкою музою; хотелось бы пропеть мою лебединую песнь, хотелось бы написать моего «Странствующего Жида»; но это могу сделать только урывками. Теперь же главный мой труд педагогический. Знаешь ли, что ты можешь помочь мне весьма значительно в этом поэтическом предприятии? План «Странствующего Жида» тебе известен; я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов. Что же ты тут можешь сделать с своей стороны? А вот что. Мне нужны локальные краски Палестины. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения; опиши мне просто (как путешественник, возвратившийся к своим домашним и им рассказывающий, что, где с ним было) то, что ты видел в Святой Земле; я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Вифлеема, Мертвого моря, Пустыни искушения, Фавора, Кармила, Степи, Тивериадского озера, долины Иорданской — все это, вероятно, ты видел; набросай мне несколько живых картин без всякого плана, как вспомнится, как напишется, мне это будет несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я уверен, что к собственным моим мыслям прибавится много новых, которые выскочат, как искры, от удара моей фантазии об твою. Не поленись же, напиши, сделаешь мне дорогой подарок, да и самому тебе будет приятно мне его сделать: поневоле воротишься в Палестину. А я буду ждать твоего ответа — утвердительного или отрицательного, и до тех пор не примусь за свое лебединое пение.

Прости. Пришли свой адрес. Ты так обленился, что и об второй части «Одиссеи» не сказал мне ни слова, а я ею более доволен, нежели первою. Как ты?

1669. Н. Н. Шереметевой

<Февраль (до 11-го числа) 1850. Москва>

Немножко прихворнул, но, кажется, болезнь незначительная, и теперь чувствую <себя>, слава Богу, несколько лучше. Ваш весь

Н. Г<оголь>.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1670. Графине А. М. Виельгорской

Москва. 11 <февраля> 1850 года.

За что же мне бранить вас, добрейшая Анна Миха<й>ловна? За ваше доброе, милое письмо? За то, что вы не забываете меня? Поспорю только с вами насчет того, что вам кажется прекрасною участь писателя, будто бы владеющего сердцами и умами и чрез то могущего иметь обширное влияние. Я думаю, что мы все в этом мире не что другое, как поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые нам дал Бог, работать Ему, ожидая платы не здесь, а там. А какое именно влияние произведет наш труд на людей, как велико или обширно это влияние — это совершенно во власти Того, Кто располагает делами мира.[1] Часто тот, кто задумает произвести добро, производит зло; мы сеем и сами не знаем, что именно сеем. Один Бог возращает плод, дает ему вид и форму. Как нам знать, кто больший из нас, кто лучший, когда первые будут последними, а последние первыми? Иногда бывает и то, что не блестящий труд труженика, никем не оцененного, всеми позабытого, вдруг чрез несколько веков, попавшись в руки какому-нибудь не совсем обыкновенному человеку, наводит его на гениальную мысль, на великое и благодетельное дело. Дело изумляет мир, а первоначальный творец его не изумил им даже и небольшой круг людей, его знавших. Не грустите же о том, что вам нет поприща или что поприще ваше тесно. Только молитесь постоянно Богу[2], чтобы Он удостоил вас послужить Ему честно, добросовестно, прилежно,[3] всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила

[1] *Далее начато:* Этого никак мы этого

[2] *Далее начато:* о том

[3] *Далее начато:* а поприще вам откроется

наконец в двери небесные и ум наш не озарился бы вразумлением свыше, как нам быть и что делать. Что сказать вам о себе? Временами бываю свеж мыслями, временами хвораю и тогда бываю малодушен, хандрю и грущу. Работа прекращается, как и теперь. Сижу больной, нервы страждут, и все во мне страждет. И так бывает тяжело, что не знаешь, куда деться, как позабыть себя. Праздно вращается на устах бескрылая молитва... Но храни вас Бог и да соделает вам легким то, что для других трудно, сподобивши вас быть во всем Ему угодной. А меня не забывайте в молитвах.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Перецелуйте всех ваших.

1671. М. И. Гоголь

Москва. 11 <февраля> 1850.

Давно не получал от вас писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы и как у вас? Я не знаю до сих пор, благополучно ли вы возвратились из Кагорлыка в Василевку. Я кое-как живу, но прихварываю больше эту зиму, чем прежнюю. Как видно, холодный климат меня прижимает. А может быть, и оттого, что сам не живешь и не молишься, как следует. Я получил много от Бога и должен бы быть лучше вас всех, но ежеминутно убеждаюсь, что я хуже вас всех. А потому нужно терпеливо нести болезни, как должное и праведное наказанье. Молитесь обо мне все вместе и будьте здоровы.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Ничего еще не могу сказать верного насчет помещенья Эмилии. Любезному племяннику хотел было писать, но отлагаю до следующего раза. Покуда обнимаю заочно всех вас.

1672. А. О. Смирновой

Москва. 11 <февраля> 1850 года.

В какое время пришло ко мне милое письмо ваше! Сам болен, изнемогаю духом, сам требую молитв и утешения и не нахожу нигде. О, как трудно быть тому, кто не умеет быть в Боге[1]! Чувству<ю> это во всей силе на себе. С болезнью моей соединилось такое нервическое волнение, что ни минуту не посидит

[1] в Боге, подобно мне

мысль моя на одном месте и мечется, бедная, беспокойней самого больного. Верю только тому, что Бог милосерд и что строит всегда лучше того, как замышляем мы.[1] О, не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред Богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред Богом, кто может из людей опорочить нас, заклеймить пятном наше имя? А скорби? Но если уже Сам Спаситель сказал, что только ими очищается душа, как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды? Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякий скорбит; я сам так скорблю, что не в силах и молиться. Твержу ваше имя всякий день, но что это за молитва бескрылая! О, спаси вас Бог, спаси, покрый, осени[2] святым щитом своим, проведи сквозь эту ничтожную, пугающую тревогу здраво, цело, со внесеньем богатых сокровищ в вашу испытанную бедами душу! Прощайте! Да не смущается сердце ваше!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Болезнь отнимает силы думать теперь о приезде; но если станет лучше и доктор позволит… Впрочем, говоря откровенно, не знаю, чем могу быть вам нужен теперь. Думаю даже, не повредил бы чем-нибудь мой приезд; пойдут еще новые какие-нибудь нелепые слухи. Верьте, однако ж, тому, что сердцу было бы очень сладко, если бы Бог сподобил меня быть каким-нибудь орудием к вашему утешенью. Зачем же не обратиться нам прямо к Тому, Кто Сам просит нас и увещевает к Нему обращаться? С Богом же снова в путь ваш! Глядите твердо кверху и да не смущается ваше сердце! Все нечистое пронесется мимо!

1673. Н. Н. Шереметевой

11 февр<аля> 1850 <Москва>.

Мне сегодня опять как-то не весьма хорошо, прошу вас покрепче обо мне помолиться.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

[1] *Далее начато:* Проб<овал>

[2] проведи

1674. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<11 февраля 1850. Москва>

Из строк ваших, мой друг, вижу, что вам опять хуже, говорите, помолиться. Бог видит, как Его молю о вас и как Его Отцовскому Милосердию всегда и сию минуту вас вручаю и Им умоляю, ради Христа не смущайтесь, а молитесь и довольствуйтесь положением, в которое Ему угодно поставить. Слава Богу о всем! — Вашу записку прочла за столом и по участию души тотчас бы к вам отправилась, но боялась вас беспокоить. А что мне думается насчет вашей болезни, вы давеча сказали, что у вас золотуха в голове, — и видела за ухом у вас пластырь, а я слыхала от людей знающих и опытных, что золотуху лечить не должно, — да Господь вас наставит, в каком случае и как поступить. Надеюсь, что ничего и на сей раз и во всех ваших действиях не предпримете, не помолясь и не попрося благословения свыше. Заключаю сие, благословляя вас как сына, мне любезного, вручаю Богу, молю Его, да с Его Отцовскою помощию возможете с терпением все нести. Боже Милостивый, Ты его не оставь! Спаси и помилуй, и помоги ему во всех случаях жизни хранить душу в спокойствии, тогда повсюду хорошо и со всеми легко. Прощайте, мой друг!

Христос с вами!

Пожалуйста, словесно прикажите, каково вам? — Боже мой, Ты его не покинь! Еще раз благословляю и сим оканчиваю.[1]

1675. Н. Н. Шереметевой

<11–12 февраля 1850. Москва>

Благодарю вас много. Вашим советом постараюсь воспользоваться. Буду молиться, просить высокого спокойствия душевного,[2] без которого не двигнется и самая работа, а вы молитесь, чтобы я умел как следует молиться и жить. Прощайте, Христос с вами!

Искренно признательный вам

Н. Г<оголь>.

Не оставляйте уведомлять о себе.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

[1] *На следующей, чистой половине листа надпись рукою Гоголя:* Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие.

[2] *Далее было:* сил на работу и

1676. К. С. Аксакову

<Первая половина февраля 1850. Москва>

Зайдите ко мне, любезнейший Константин Сергеевич, я прихворнул и не выхожу. Навестить больного все-таки доброе дело.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Константину Сергеевичу Аксакову.
Филипповск<ий> переулок, в доме Высоцкого.

1677. С. Т. Аксакову

<Середина февраля 1850. Москва>

Чувствую лучше. Простуда и жар в голове уменьшается. Овер одобрил все, сделанное моим доктором. Надеюсь если не сегодня, то завтра выйти на воздух. Рад, что вы также чувствуете лучше. За все слава Богу.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1678. А. М. Марковичу

<Середина февраля 1850. Москва>

Вашу фамилию мне переврали. Я сижу больной и не могу видеть многих, но вас бы принял и с удовольствием побеседовал бы. Итак, не будете ли так добры, чтобы навестить больного, вам искренно преданного и вас искренно любящего.

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Александру Михайловичу Маркевичу.

1679. М. А. Максимовичу

<Январь–февраль 1850. Москва>

Жаль. Тем более, что мороз сегодня не велик. Письма не оказалось у меня никакого. Вероятно, ты позабыл его где-нибудь в другом месте. Будь здоров.

Твой весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Михаилу Александровичу Максимовичу.

1680. В. А. Жуковскому

28 февраля <1850>. Москва.

Почувствовав облегченье от болезни, в которой пробыл недели полторы, принимаюсь отвечать[1]. Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему «Вечному Жиду». Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу? Что[2] могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю[3], когда все уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие Евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина[4] такими окрестностями, которые гораздо[5] ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне[6] видимые местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места[7], по которым прошел *скорбный путь* Спасителя ко кресту, которые все теперь собраны под одну крышу храма, так что и Св. Гроб, и Голгофа, и место, где Спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому Он был проводим, и место нахождения животворного креста — все очутилось вместе? Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного[8] наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами? Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбугрившегося моря? Все это, верно[9], было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных,

[1] *В черновой редакции:* Сейчас получил твое доброе письмо и, несмотря на то, что еще не совсем оправился, почувствовав облегченье от болезни, берусь, как видишь, за перо

[2] *В черновой редакции:* Но что

[3] *В черновой редакции:* какие новые черты представил бы

[4] *В черновой редакции:* в уме нашем

[5] больше которые гораздо

[6] *В черновой редакции:* все ныне сохранившие

[7] *В черновой редакции:* те места

[8] *В черновой редакции:* всякого того

[9] *В черновой редакции:* может быть

как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля каменьев[1], да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадется где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда?[2] Представь же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан, тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских[3] страшный день Крестной Смерти при помраченьи всего вокруг и землетрясеньи или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится все окружающее, и нынешнее и минувшее? Право, не знаю[4], что могу сообщить тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы тебя вдохновенно принять<ся> за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он[5] с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, — и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхожденья солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровожденьи и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд

[1] *В черновой редакции:* посреди серизны

[2] *В черновой редакции начато:* Какую картину доставит твоей поэме

[3] *В черновой редакции:* в Иерусалиме

[4] я не знаю

[5] *В черновой редакции:* он, верующий

через малую пустыню по мокрому берегу[1] или дну моря, так что[2] с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные[3] копыта[4], а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище,[5] осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима. Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элеонской горы, — одно место, где он кажется[6] обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с остриями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элеонской горе видел я след ноги Вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты[7]. Еще помню вид, открывшийся мне вдруг посреди однообразных серых возвышений,[8] когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я[9] уже не ждал ничего[10] — вдруг с одного холма, вдали, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшего<ся> углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верьхами <так> в одну ровную линию, составляя

[1] по самому берегу
[2] *Далее начато:* плоско
[3] его лошадиные
[4] *В автографе:* копыты
[5] *Далее начато:* под
[6] *Далее начато:* прост
[7] *В черновой редакции:* Его пяту чудес
[8] *Далее начато:* похо
[9] и я
[10] *В черновой редакции:* я уже начал скучать

повсюду ровной высоты исполинский берег[1] над морем. По ним не было приметно[2] ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мглистый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение — нагроможденный вал бесплодных каменьев[3] — сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции. Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда. По всем горам высечены уступы — следы[4] некогда бывших виноградников,[5] и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные каменья, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных каменьях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной Богом стране. Только в Яффе небольшое количество дерев[6] ломится от тягости[7] плодов, поражая красотой своего роста.

Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе[8] и внутренней[9] историей твоей собственной души? Нет, все эти Святые Места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие — и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в Евангелии! Как беден перед

[1] *В черновой редакции:* как берег одинаково неизмеримо высокий

[2] *В черновой редакции:* нельзя было видеть сквозь

[3] *В черновой редакции:* [множество камней] каких-нибудь мелких каменьев

[4] *В черновой редакции:* следы уступов

[5] *В черновой редакции:* и это знаменует, что всё <*1 нрзб.*> виноградом

[6] *В черновой редакции:* [и малое количество дерев] [красуется шумит в красоте] необыкновенного роста, незнакомые европейцу

[7] тягости необык<новенной>

[8] *В черновой редакции:* в это время

[9] *В черновой редакции:* истинной

этим неизмеримым кругозором[1], открывающимся живо́й душе, тот узкий кругозор, который озирается[2] мертвыми очами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики[3]. Мне кажется, если бы ты сделал то же с Библией, что с Евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то Святая Земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной Богом и украшенной именно так, как была *древле.*

Шевыреву я передал и твой поклон и твою просьбу. Теперь он загроможден делами по университету, которых навалили на него кучу. Но «Одиссеей» он займется непременно, как только сколько-нибудь удосужится. Тем более, что это занятье его много занимает. Что же мне написать тебе об «Одиссее»? Сказавши в первом письме, что много есть в России людей, тебе особенно за нее благодарных, и что она совершенство, я сказал всё. Да и что сказать о труде, в котором все части приведены в такую стройность и согласие? Если бы что-нибудь выступало сильней другого или было обработано лучше или же отстало, тогда бы нашлись речи. А теперь вся оценка[4] сливается в одно слово: прекрасно! Притом, если даже и хвалить[5] картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла. Во II томе[6] «Одиссеи» это еще более поразительно, чем в первом. Но прощай. Да поможет тебе Тот, Кто Один только может быть Вдохновителем в труде твоем! Обнимаю тебя всею мыслью, крепко. Бог в помощь!

Твой весь Н. Гоголь.

Обними за меня все близкое твоему сердцу. Мой адрес: на Никитском бульваре в доме Талызина.

Максимович просит убедительно стихов для альманаха «Киевлянин». Хоть двух строчек.

[1] *В черновой редакции:* горизонтом

[2] *В черновой редакции:* види<тся>

[3] *В черновой редакции далее начато:* точно как с умыслом рука Божья обр<екла> [пустын<ю>] запустенью все эти места, чтобы <*1 нрзб.*> искать в сердце своем не земного, а небесного. *Далее текст черновой редакции значительно расходится с окончательным и потому дается отдельно, после основного текста.*

[4] вся оценка и всё

[5] *Далее начато:* по

[6] *Далее начато:* еще

<Черновая редакция окончания письма>

Сделай с Библи<ей> то же, что с Евангели<ем>: всякое утро переводи по главе, и древняя Палестина, верно, предстанет тебе, как живая, еще прежде, чем доберешься до половины Библии.

Друг, не гневайся, если[1] сказанного мною для тебя мало[2]. Я хотел сказать много — видит Бог! Я хотел бы[3] подать тебе братски руку и быть тебе хоть на полпути вожатым[4]. Но вижу, что Вожатый Один и что к Нему прямо нужно обратить<ся>. Он же и приведет.

Обнимаю тебя всею душою и всех милых твоему сердцу обнимаю также. Не забывай меня. И<...>

Ничего[5] о II части «Одиссеи»,[6] право, не знаю, что сказать тебе[7], сказавши в первом письме, что за нее благодарят все, у кого еще бьется эстетическое чувство. Я все сказал[8] о труде, который есть совершенство и <в котором> все приведено в согласие и стройность.[9] Ничего не говорят[10]. Прекрасно, да и только! Если бы одна какая-нибудь часть выступала сильнее другой и была обработана лучше, чем третья,[11] перед друг<ой>, тогда бы еще другое дело. Но когда все обработано с равной любовью,[12] когда и то, и другое, и третье хоро<шо>, что тут говорить[13]? Все похвалы обращаются[14] к Гомеру. Переводчик поступил так, что его не видишь[15]. Он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, нет стекла[16]. Во II томе видно это еще ощутительнее, чем[17] в первом. Это ты знаешь и сам.

[1] *После этого зачеркнуты начатые фразы:* «не в силах тебе», «не сказал больше», «я не доставил»

[2] *В автографе:* много

[3] *Далее начато:* как неясен бессильный

[4] быть твоим вожатым

[5] Ничего не скажу тебе

[6] *Далее начато:* скажу, трудно сказать что-нибудь против того

[7] что сказать тебе о том, что совершенно. Я уже все сказал

[8] сказал в нем

[9] *Далее начато:* Ничего другого нам сказать, как только прекрас<но>, ничего, как то<лько?>

[10] не говорят, кроме прекрасно. Просто одно

[11] *Далее начато:* тогда бы на что-нибудь

[12] *Далее начато:* что

[13] *Далее начато:* к тому ж

[14] идут

[15] Переводчика не видишь как-то

[16] *Далее было:* вот и всё. А потому и нечего говорить о переводчике. А что

[17] еще более, чем

Всею душой и мыслью обнимаю тебя. Да поможет тебе Творец всего прекра<сного> в душах наших!

Твой весь.

1681. А. Я. Булгакову

<28 февраля 1850. Москва>

Чувствительнейше обяжете, почтеннейший Александр Яковлевич, и Жуковского и меня, Вашего покорнейшего слугу, препровождением при сем[1] прилагаемого пакета к нему в Баден-Баден. Сам не смею Вас беспокоить лично, зная, как Вы всегда по утрам заняты, но признаюсь, очень бы хотел попасть к Вам тогда, когда Вы свободны.

Ваш весь

Н. Гоголь.

1682. Протоиерею Матфею Константиновскому

28 февраля <1850>. Москва.

Как вы доехали? Как нашли всё по приезде вашем во Ржев? О вас нет никаких известий, и граф Александр Петрович, и я, и все ваши вам близкие о вас беспокоятся. Дайте нам о себе одну только строчку. Я между тем, по желанью вашему, обратился к Шереметьевой с просьбою о девочке вашей. Она была так добра, что поехала тот же час хлопотать, и привезла ответ благоприятный: ее можно поместить, привезя ее в дом Шереметьева к Варваре Сергеевне Шереметьевой. Впрочем, вот записочка от нее самой; ее здесь же прилагаю. Уведомьте, пришлась ли по вкусу вашему сыну «Всеобщая история» и не нужно ли вам еще каких книг? Прощайте, добрейший, близкий сердцу моему Матвей Александрович. Не позабывайте меня грешного в молитвах ваших.

Вам весь ваш признательный

Николай Гоголь.

1683. Графу В. А. Соллогубу

<Четверг, 10 февраля 1849 или 2 марта 1850. Москва>

Завтра, т. е. в пятницу, около 5 часов, гр<аф> Толстой ждет вас к блинам. А с ним вместе и я.

Н. Гоголь.

[1] *Было:* при сему

<*На обороте:*>

Его сиятельству графу В<ладимир>у Александрови<чу> <Солло>губу[1].

1684. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

<Первая половина марта (после 5-го числа). 1850. Москва>

Любезнейший Николай Васильевич, если бы я собрался слушать вас, с намерением критиковать и подмечать недостатки, кажется, и тогда, после первых же строк, прочтенных вами, я забыл бы о своем намерении. Я был так вполне увлечен тем, что слышал, что мысль об оценке не удержалась бы в моей голове. Вместо всяких похвал и поздравлений, скажу вам только, что я не могу вообразить себе, чтобы прочтенное вами могло быть совершеннее. Но вы непременно требуете замечаний, а мне хочется исполнить ваше желание — и потому посылаю вам несколько придирок, касательно не художественной стороны, а исторической верности. Обращаюсь к вступлению Тентетникова в службу и к впечатлению, которое она произвела на него.

Т<ентетнико>в — человек, получивший ученое образование; на службу определяет его дядя, действ<ительный> стат<ский> советник; поэтому должно полагать, что он принят был в министерство на тех же правах, на которых поступают все молодые люди, прошедшие полный курс наук и не лишенные вовсе протекции. Но от таких людей теперь уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют прямо в столоначальники, или в помощники столоначальников, а помощник столоначальника и столоначальник занимаются тем самым, чем занимаются начальник отделения и директор.

Нелепость настоящего устройства всех наших департаментов и канцелярий заключается совсем не в том, что образованным людям задаются механические занятия, что участие их в делопроизводстве ограниченно, а совершенно в противном. Вспомните ход дел: министр распечатывает пакет, и если бумага не касается каких-либо личных его отношений, почему-либо для него значительных, он передает ее директору; директор — начальнику отделения; начальник отделения — столоначальнику. Здесь она останавливается и начинается над нею работа умственная. Столоначальник сочиняет ответ, кладет решение. Он должен вникнуть в содержание бумаги, задать себе вопросы такого рода: с какой

[1] *Часть текста с адресом повреждена.*

стороны взяться за дело? Какое дать ему направление? Приступить к решению, или оттолкнуть от себя на целый год под предлогом новых справок, соображений и т. п. Вообще участь дела в его руках; приступ к нему зависит от него, а этот первый шаг есть самый важный. Заготовленный столоначальником проект ответа идет на рассмотрение начальника отделения, который не изучает сущности дела, а ограничивается рассмотрением того, что сделал столоначальник, т. е. нет ли в подсунутой ему бумаге чего-либо противного закону, или такого, что бы могло не понравиться директору. Так как он только критикует труд другого, то сравнительно с столоначальником (хотя и подчиненным ему) деятельность его не так значительна. Далее, директор точно также смотрит, не вкралось ли в бумагу одно из тех слов, к которым не благоволит министр, и пущено ли хоть одно из тех, которыми можно его подкупить. Итак, направление дела, если только посторонние обстоятельства и личные соображения не перебьют его хода, — почти всегда зависит от низших чиновников, т. е. столоначальников. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверх до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряет постепенно характер, цвет, силу, иногда смысл; но почти никогда ничего не выигрывает, ничего не прибавляется к сущности ее.

Потому мне кажется, что впечатление, произведенное на Тентетникова его служебною деятельностию, не также совсем верно, именно потому, что самая эта деятельность представлена у вас слишком ничтожною и ограниченною.

Я встречал на службе молодых людей трех разрядов (не считая приобретателей). Большинство, поступая прямо из училища, не имея ясного понятия о практической деятельности, очень скоро втягивается в служебный формализм и усвоивает себе все взгляды и понятия наших столичных учреждений, то есть они приучаются к мысли, что всякое министерство существует само по себе и само для себя, что всякое дело в его стенах начинается и в них оканчивается и что вся задача в том, чтобы провести его благополучно и не задев никого, от первого стола до министра. Эти люди проникнуты сознанием своей важности и отменно довольны службою.

Те, которые стоят выше их, впадают в тоску. Их мучит именно эта отрешенность от жизни, эта отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела по бумагам, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не

ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет, преступная легкость, с которою оно обделывается. В этом случае страждет не самолюбие, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросают службу, или — как Тентетников — приучаются смотреть на нее как на дело второстепенное.

Наконец, некоторые, испытав все это, продолжают, однако, служить, но смотрят на службу уже не как на средство действовать на жизнь, приносить пользу, а как на предмет, достойный во всей его мерзости изучения... как на одну из коренных болезней нашего времени.

Вообще первое соприкосновение с службою почти всегда бывает решительною минутою в жизни человека и определяет его надолго, если не навсегда. В характере Тентетникова эта тема, конечно, не главная, и вы должны были коснуться ее слегка; поэтому все, что я сказал, может быть, вовсе некстати; но все же мне хотелось указать на предмет, знакомый мне и который, может быть, вы когда-нибудь разработаете. Других замечаний я решительно сделать не могу, и мне остается только пожелать от всей души, чтоб вы благополучно совершили дело, важность которого для нас всех более и более обнаруживается.

Преданный вам Ю. Самарин.

1685. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

11 марта <1850. Москва>.

Сегодня по милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин в Чудове монастыре за ранней обедней. Тотчас к вам не посылала, было рано, теперь, надеюсь, вы возвратились, сорадуюсь, мой друг, вашему блаженству, да Сподобивший поможет нам и хранить сей дар на спасение души. — И дай Бог беспрерывно чувствовать Его Отцовское о нас попечение. Вручаю вас Его Покрову. Прощайте, благословляю вас.

Христос с вами!

<На обороте:>
Николаю Васильевичу Гоголь.

1686. Н. Н. Шереметевой

<11 марта 1850. Москва>

Поздравляю вас от всей души! Весьма рад буду видеть вас завтра, если только вам свободно. Весь ваш

Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1687. А. Я. Булгакову

Марта 24 <1850. Москва>.

Несказанно обязан за письмо Жуковского, которое при сем возвращаю с чувствительнейшею благодарностью. Что общий друг наш разгневался на немцев, в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний подействовали, как он выражается, благодетельно на низшие регионы его телесного состава и на п<......> к<........>. От этого у него голова становится обыкновенно светлей, и мы можем ожидать из нее выхода еще многого добра.

Ваш весь Н. Гоголь.

1688. Протоиерею Матфею Константиновскому

1850 г. Марта 24. Москва.

Медлил отсылкою к вам книг по той причине, что нигде не нашел еврейской грамматики на русском или латинском языке. Решился наконец взять на немецком, хоть, может быть, этот язык вам и не так знаком. Впрочем, мне показалось, что в лексиконе есть почти все грамматические принадлежности и объяснения. Если же нет, то вы меня уведомьте; я могу послать в Петербург, куда я уже и послал за грамматикой еврейской, некогда изданной Павским, которой здесь в Москве нигде не отыскалось. Искренно и от всей души желаю я вам успехов в священном языке, утешаю себя мыслию, что, отыскивая какое-нибудь слово в лексиконе, вы помолитесь и обо мне, грешном, чтобы Бог спас мою душу, несмотря на всю мою леность в делах спасения. Несказанно благодарю вас за уведомления о себе и о домашних. Не переставайте хотя изредка давать о себе весть. Граф и графиня посылают вам поклон.

Весь ваш Н. Гоголь.

1689. Н. Я. Прокоповичу

Март 29 <1850>. Москва.

На твое письмо не отвечал в ожиданьи лучшего располо-

жения духа. С нового года напали на меня всякого рода недуги. Все болею и болею; климат допекает; куды убежать от него, еще не знаю; пока не решился ни на что. Рад, что ты здоров и твое семейство также. По-настоящему следует позабывать свою хандру, когда видишь, что друзья и близкие еще, слава Богу, здравствуют. Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава Богу, перешли сорок лет и во все это время ничего не знали, кроме хорошего, тогда как иных вся жизнь — одно страдание. Да будет же прежде всего на устах наших благодарность. Болезни приостановили мои занятия «Мертв<ыми> душам<и>», которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не подымаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты[1], а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие. Уведоми меня о себе. Все же и в твоей жизни, как дни ее, по-видимому, ни похожи один на другой, случится что-нибудь не ежедневное: или прочтется что-нибудь, или услышится, или само собой, как подарок с неба, почувствуется такая минута, что хотел бы благодарить за нее долго и быть вечно свежим и новым в своей благодарности. Адресуй по-прежнему: в дом Талызина на Никитском булеваре. Супругу и деток обними.

Твой весь Н. Гоголь.

1690. В. А. Жуковскому

<Март 1850. Москва>

В дополненье к письму моему о местностях Палестины, ознаменованных стопами Спасителя, посылаю тебе при сем прилагаемую замечатель<ную> книжку[2]: «Иисус Христос на Голгофе». Автор ее скрыл свое имя, не скрывши только того, что он много перечел по этому предмету и еще более, может быть, перечувствовал. От души буду рад, если книжка придется по душе. Всё в Москве тебе кланяется.

Твой весь Н. Г<оголь>.

<На обороте:>

Василию Андреевичу Жуковскому.

[1] *Так в автографе.*

[2] книгу

1691. Е. В. Гоголь

<Март–апрель 1850. Москва>

Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грядочку и сама своими руками разведешь для меня хоть репы на соус.[1] Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью, это не наше дело, за это взыщет Бог, наше дело любить. Только мне кажется,[2] любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. Стало быть, размысли об этом, моя добрая и временами весьма неглупая сестра, не в тебе ли самой причина. Над собой нужно бодрствовать ежеминутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая черствость, такое озлобленье, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нем для любви. И натура наша сделается только раздражительная, но не любящая. Брату твоей доброй подруги — будущему архитектору — книгу с рисунками церквей пришлю. Я не забыл.

Твой Н. Г<оголь>.

Насчет помещенья Эмилии, кажется, нет никакой надежды. На что, признаюсь, не очень горюю. Общественные женские[3] заведенья вообще дурны, а теперь стали еще хуже. Тому, что всего нужней, везде учат плохо. Вижу и удостоверяюсь все более, что женщина воспитывается только в семье.

<*На обороте:*>

Елисавете Васильевне.

1692. А. М. Марковичу

<Начало апреля (после 3-го числа) 1849 или конец апреля (после 23-го числа) 1850. Москва>

Христос Воскрес!

Обнимаю вас крепко и поздравляю, а порученья не исполнил. Во-первых, потому, что домой возвратился поздно ввечеру

[1] *Далее начато:* Все-таки недурно

[2] *Далее начато:* если бы ты точно кого

[3] наши женские

и доселе не видался ни с кем из приятелей, посредством которого можно б достать билет. Ни с кем из нынешних театральных служащих я не в сношении. Через Щепкина я мог доставать билет в его бенефис. Очень жалко, что не могу на этот раз прислужиться. Прощайте. Впрочем, надеюсь если не сегодня, так завтра с вами повидаться.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

<*На конверте:*>

Александру Михайловичу Маркевичу.

1693. Н. Н. Шереметевой

<Начало апреля (после 3-го числа) 1849 или конец апреля (после 23-го числа) 1850. Москва>

Воистину Воскрес!

Благодарю вас много за память обо мне, за молитвы и за поздравление.

Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1694. М. И. Гоголь

<Апрель 1850. Москва>

Христос Воскрес!

Поздравляю вас, почтеннейшая и многолюбимая матушка, с радостнейшим для всех нас праздником! Письма, и ваше и сестер, получил. Посылок, пожалуста, никаких не присылайте. Варенья и в Москве довольно. Вместо того, посылаю вам семян для огорода и конфектов.[1] Тут же и книжка с полным наставленьем, как обходиться с посевом всякой зелени и кореньев. Анне Васильевне и Николаю Павловичу поручаю особенно заняться этою частью. Бог да хранит вас! Будьте здоровы!

Ваш сын Н. Г<оголь>.

1695. А. А. Иванову

Москва. 1850. Апрель.

Христос Воскресе!

Что вы, бесценный, добрый Александр Андреевич, позабыли меня вовсе? Вот уже скоро год, как я не имею о вас ни слуху, ни

[1] *Далее начато:* Анне Вас<ильевне>

духу. На последнее мое письмо вы не отвечали. Может быть, оно не дошло к вам. Напишите мне[1] слова два о намереньях ваших, не встретимся ли мы с вами где-нибудь хоть на Востоке, если вы не располагаете[2] приехать скоро в Россию. Пронеслись слухи о вашей картине, что она будто бы совершен<но> окончена. В таком случае вы ее, верно, отправите в Петербург, а может быть, и сами лично поспешите вслед за нею. Мне будет очень жаль, если как-нибудь с вами разъедусь. Адресуйте ко мне в Москву или на имя Шевырева в университет, или на квартиру мою в доме Талызина на Никитском булеваре.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Моллеру, пожалуста, передайте мой душевный поклон и скажите ему, что я прошу и молю его написать хоть строчку. Уведомьте также о том, спокойно ли теперь в Риме и не мешают ли вам заниматься.

1696. П. А. Плетневу

<Вторая половина апреля 1850. Москва>

Христос Воскрес!

Поздравляю тебя с наступившим радостным днем! От тебя давно нет вести. Последнее письмо было мое. Если ты опять за что-нибудь сердит на меня, то, ради Христа Воскресшего, истреби в сердце своем всякое неудовольствие на человека, все время болевшего, страдавшего много и душевно и телес<но> и теперь едва только кое-как поднявшегося на ноги. Обнимаю тебя от души вместе со всеми милыми твоему сердцу и еще раз говорю: Христос Воскресе! Собирался было ехать к тебе в Петербург кое о чем поговорить, кое-что прочесть из того, что написалось среди болезней и всяких тревог. Но теперь не знаю, как это будет. Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство, и они сами очутились в такой крайности, что я принужден собрать все, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставш<ийся> мой билет на 1168 руб<лей> серебром со всеми накопившимися в это время (трех, кажется, лет) процентами и перешли их к Шевыреву. Как только все сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся. Христос посреди нас устроит души наши к радостной встрече. Бог тебя да хранит.

Твой весь Н. Гоголь.

[1] *Далее начато:* что

[2] не думаете

1697. Протоиерею Матфею Константиновскому

<Конец апреля 1850. Москва>

Христос Воскресе!

Благодарю вас, бесценнейший, добрейший Матвей Александрович, за ваше поздравленье с Светлым праздником. Не сомневаюсь, что если приобрела что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и других угождающих Богу подвижников. О, если бы Он не оставил меня ни на минуту и сказал бы мне путь мой! Как бы хотелось сердцу поведать славу Божию! Но никогда еще не чувствовал так бессилья своего и немощи. Так много есть, о чем сказать, а примешься за перо — не подымается. Жду, как манны, орошающего орошенья свыше, все бы мои силы от него двигнулись. Видит Бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославленью Его святого имени. Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнию, как игрушкой, что жизнь — не игрушка. И все, кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается. Нужной свежести для работы нет. И (не скрою перед вами) это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста. Впрочем, может быть, все это происходит от изнуренья телесного, силы физические мои ослабели. Я всю зиму был болен; не уживается с нашим холодным климатом мой холоднокровный, несогревающийся темперамент; ему нужен юг. Думаю опять с Богом пуститься в дорогу, в странствие, на Восток, под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями Святых Мест. Дорога всегда действовала на меня освежительно: и на тело и на дух. О, если бы и теперь всемилосердый Бог явил надо мною свое безграничное милосердие, столько раз уже явленное надо мною, когда я уже думал, что не воскреснут мои силы, и не было, казалось, возможности физической им воскреснуть! Но силы воскресали, и свежесть появлялась вновь в мою душу. Помолитесь обо мне крепко, крепко, бесценнейший Матвей Александрович, и напишите два словца ваших.

Ваш вечно вам признательный

Н. Гоголь.

1698. М. А. Максимовичу

<Конец апреля 1850. Москва>

Христос Воскрес!

Всеконечно, у Аксаковых сегодня. Завтра же мы приглашены с тобой к Погодину.

Твой весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>
Михаилу Александровичу Максимовичу.

1699. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

26 апреля 1850. Петерб<ург>.

Благодарю тебя, любезнейший Николай Васильевич, за твою память обо мне и за письмо. Получение от тебя писем, как бы кратки они ни были, доставляет мне самые светлые минуты в моей монотонной и скучной жизни, и поверь мне, что это не фраза слилась с пера у меня.

Я отложил ответ на письмо твое до свободного времени, т. е. до наступления Страстной недели, но, как <нарочно>, тут захворал гигантским флюсом, и вот уже наступила другая неделя, а я все еще не могу освободиться от него и не решаюсь высунуть нос из дому, ни с кем не вижусь, ничего не слышу и не знаю, что делается на белом свете; читать даже нечего.

Ты жалуешься тоже на болезнь от климата; да кто же тебе, свободному, как птица небесная, не велит ехать на юг, в Малороссию? Чего тебе лучше? Неужели тебе еще и до сих пор необходимо постоянное пребывание хоть в какой-нибудь да столице? А работать ты можешь и там, да еще как! Там бы тебя не сердило и направление современных читателей. Извини за неуместную, может быть, мою выходку; что делать? желание мерять всех и все на свой аршин не с меня началось, да не мною и кончится, а я, кажется, другого блага для себя бы и не пожелал, как только хоть бы разок еще вздохнуть воздухом какого-нибудь самого глухого захолустья Малороссии. Кажется, после того я бы с большим терпением мог протащить до конца все, навьюченное на меня житейскими обстоятельствами. Вот и все тут, что я могу сказать тебе в настоящую минуту и в письме, и при свидании; больше ничего из себя не могу выжать. Семейство мое здорово, кланяется тебе и благодарит за твою память. Напиши же мне, как ты намереваешься распорядиться собою в нынешнее лето, все, до тебя касающееся, меня крайне интересует. Прощай, да хранит тебя судьба.

Весь твой Прокопович.

1700. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

2 мая, 1850. Санктпетербург.

Совсем не угадал ты, отчего я давно не пишу к тебе. Просто от уверенности, что ты и без писем моих знаешь главное, что со мною делается. Да и твоя работа такова, что тебе не до развлечений.

Я довольно часто получаю известия от Жуковского. Он располагался лето провести для жены в Остенде, а на зиму для них уже нанят дом в Ревеле. Но когда узнал он из моих писем, что я для жены своей на лето сбираюсь в Гельзингфорс, то ему захотелось и лето провести в Ревеле же, чтобы я вместо Гельзингфорса приехал туда. Я отвечал ему, что не прочь от этого плана. Теперь жду, что он окончательно скажет на это. Жуковский счастливее тебя на работу. У него многое прибавляется в издание полных сочинений его.

Посылаю тебе последний твой бывший в ломбарде капитал 1168 р<ублей> и накопившиеся на него проценты 141 р<убль>, всего 1309 р<ублей>. В моем быту никаких перемен не последовало. Из литераторов наших я вижусь только с Тютчевым. Вяземский получил отсрочку еще на полгода.

У меня дома все здоровы и тебе кланяются.

Скажи Шевыреву, что он меня позабыл и даже не прислал мне новой своей книги.

Обнимаю тебя. До свидания.

П. Плетнев.

1701. Н. Н. Шереметевой

<Май–июнь 1849 или
начало мая (до 11-го числа) 1850. Москва>

Слава Богу, здоровье кое-как идет. Весьма буду рад вас увидать снова.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Я пробуду в Москве недолго.

1702. Неустановленному лицу

<Май (после 9-го числа) 1850. Москва>

Очень жалею, что опять не застал вас дома. Я думал, что вы заглянете навестить больного и по старине провесть денек вместе в погодинском саду, куды я, несмотря на хворость, потащился в надежде обнять всех, привыкших проводить вместе со мной этот день. Но вас и многих других не было. Я еще не уезжаю из Москвы и надеюсь у вас побывать на днях.

Н. Гоголь.

1703. А. С. и У. Г. Данилевским

14 маия <1850. Москва>.

Милые друзья мои, я не писал к вам потому, что мне хотел<ось> сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было. Я не писал к вам еще потому, что много скорбел и страдал как душевно, так и телесно. И до сих пор не выбрал<ся> из этого состояния. И[1] принимаюсь за перо с тем только, чтобы сказать вам, что теперь не в силах писать. Но если будет мне лучше, напишу к вам на будущей неделе.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес по-прежнему: дом Талызина на Никитск<ом> бульва<ре>.

1704. М. И. Гоголь

Москва. 1850. Мая 15.

Спеша отправить вам посылку с семенами, которую, вероятно, вы уже получили, я позабыл сказать многое насчет вашего дома. Из писем сестер я узнал, что вы все в нем очень зябли в продолжение зимы. Этому горю следует помочь. Дом надобно весь снова запаковать, выщекотурить, а многое и вновь переделать. Разумеется, это можно сделать только при мне, иначе вновь выдет дурно, потому что ни на каких работников нельзя полагаться. Если мне случится ехать в Константинополь, тогда[2] я могу пробыть с месяц у вас и устроить так, чтобы при мне все было кончено, а до того времени прошу вас заблаговременно приискивать плотников, щекотурщиков и хороших печников. Отчасти могут вам в этом помочь Тимченковы, которые еще недавно выстроили дом и кое-что, без сомненья, о них знают. Можете также разузнать в Полтаве от строивших дома. Понадобится также лес, сухой, давно срубленный. Как жалко, что строенье бывшей фабрики вами продано в Полтаву: теперь оно было бы весьма кстати. Узнайте, нет ли у кого из соседей готового сруба или амбара из крепких брусьев не совсем старого дерева, которые можно бы приобресть было покупкою, а также хорошего сухого дерева, годного на столярн<ую> работу, на двери и проч., потому что многое придется переменить, а другое прибавить. Всё это имейте в виду, а иное можете и купить, с рассрочкой денег до моего приезду, если недорого и случай может быть пропущен,[3] — особенно досок.

[1] *Далее начато:* до сих пор еще не в силах

[2] тогда доро<гой>

[3] *Далее начато:* Думаю, что от

Обо всем напишите. Желая вам душевно всякого здоровья и ожидая с нетерпеньем известия о том[1], как[2] началась у вас весна и каковы обещаются урожаи, остаюсь ваш многолюбящий сын

Н. Г<оголь>.

1705. Протоиерею Матфею Константиновскому

<Середина мая 1850. Москва>

К вам моя сильная просьба, бесценнейший Матвей Александрович: добрая старушка Надежда Николаевна Шереметьева, которую вы встретили у меня и которая с такой готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помещеньи девочки в Шереметьевское заведение, после 74-х лет[3] жизни, исполненной добрых дел, скончалась 11-го маия. Она меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви ее, и не был к ней даже вполовину так внимателен, как она ко мне. Помолитесь о ней, добрейшая душа, и за себя и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ее имя в то время, когда поминаете имена усопших рабов Божиих, вами чаще[4] поминаемых.

Вечно вам признательный и всегда просящий молитв ваших

Н. Гоголь.

Гр<аф> Ал<ександр> П<етрович> Толстой и графиня вам кланяются.

1706. М. И. Гоголь

Москва. 1850, мая 24.

Благодарю вас, добрейшая матушка, за поздравление с протекшими именинами. Радуюсь, что вы были в это время в Диканьке, равно как и встрече вашей с добрым нашим губернатором и его племянницей[5]. Опечалило меня только известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий[6] всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь будет подущать и развращать мужиков, которые, слава

[1] о весне и со
[2] какова
[3] дн<ей>
[4] чаще других
[5] *Далее начато:* которой перед<айте>
[6] сопутствующий

Богу, до сих пор всё еще нравственней других. Доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это только тем, что она в стороне от большой дороги. Теперь и эта прелесть для меня готовится исчезнуть. Не предавайтесь также мечтам, будто вы от этого выиграете относительно доходов. Выиграют только торгаши да переторжники, да жиды, да содержатели кабаков и постоялых дворов, которые настроятся вокруг вас во множестве и с которыми у вас еще заведутся дела по судам, от чего да сохранит вас Бог! Употребите лучше все меры и все силы, чтобы все то, что вы рассказали губернатору о пользе дороги через нашу деревню, не имело бы никакого действия и осталось бы так только в предположении. Поверьте, что если б даже и случилось выиграть какой-нибудь рубль лишний, то он не выкупит разврата крестьян, за которых вы дадите ответ Богу. Лучше думать о том, что есть, хранить то, что есть, благодарить Бога за то, чем пользуемся; тогда и взгляд наш будет яснее, и душа покойнее, и хозяйство нечувствительно станет идти лучше. А все эти предположенья в будущем только распаляют воображенье, повергают человека в состоянье вечной тревоги и потемняют взгляд на вещи. Ради Христа, берегите себя от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть! Вот и теперь, уже при одной вести о посылке, вам пришла мысль, что это непременно должно быть продолженье моего сочиненья, и вы уже поспешили предаться радости, и все позабыто, — позабыто, что я еще в прежнем письме обещал сестрам прислать огородных семян. Лучше[1], вместо всех этих обманчивых ожиданий, молиться с тихой покорностью и полной доверенностью Богу, не покидая своей обычной поденной работы. «*Довлеет дню злоба его*»[2]. Этого ни вам, ни мне да и никому не должно позабывать.

Вы ничего мне не сказали насчет того, какова у вас стоит погода и каковы удались посевы. Это важно тем более, что опасаются во многих местах засухи. Уведомьте также, сколько в этом году высеяно всякого хлеба и на каких местах. В прежнем письме моем, которое, вероятно, вы уже получили, я говорил о потребности перестроить или, лучше, перечинить и обконопатить потеплее[3] дом, чтобы вам можно было в нем проводить сноснее зиму. Я просил для этого иметь в виду сколько-нибудь хорошо высушенного дерева и даже приискать у кого-нибудь из соседей

[1] Лучше нам

[2] *Далее начато:* а я покамест еще

[3] теплее

готовый сруб или амбар (с сырого леса никак нельзя) и чтобы сруб состоял из бревен крепкого и прочного леса. На заплату я кое-что сберег, и если он не дорог, то станет денег и печникам и даже штукатурщикам, потому что некоторые комнатки нужно будет, для большей теплоты, внутри выштукатурить. Я просил в том же письме хлопотать о печниках заранее, забрав сведение от тех, которые недавно строили себе дома и были своими печниками довольн<ы>, также позаботиться и об отысканьи плотников, которые, сверх уменья мостить полы, умели бы плотно делать двери и всякую столярную работу около дома. Ожидаю обо всем этом от вас уведомления.

Слухи насчет болезни бывшего харьковского архиер<ея>, о которых вы пишете, ложны. Он недавно проехал через Москву, и хотя я его не видал, но те, которые его видели, говорят, что он здоров совершенно.

Что же до дурных слухов вообще, то они распространяются теперь обо всех в таком изобилии, как никогда доселе. Теперь время лжей и слухов. И о себе я слышал такие слухи, что волосы могли бы подняться на голове, если б я ими покрепче смущался, — в чем отчасти я виноват: зачем приехал на родину! Мне больше, чем кому-либо другому, нужно было держаться вдали.

Андрею Андреевичу, когда будете писать, передайте мой душевный, искренний поклон и скажите ему, что нет дня, в который бы я не вспоминал о нем. Дай Бог, чтоб дела его устроились хорошо. За его доброту к вам и ко мне я много ему признателен.

Прощайте. Бог да сохранит вас.

Ваш всегда признательный сын Н. Г<оголь>.

1707. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

1850 г. Мая 28 <Москва>.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Сегодня я у Вас был, не застал Вас дома; а между тем весьма желал кое о чем говорить. Потому и пишу к Вам.

В голове моей весьма часто летает много прекрасных для меня планов, мыслей, желаний; подвигаясь за летящим временем понемногу вперед, я встречаю вопросы, затруднения, узнав которые, нельзя от них отступиться; иначе, кажется мне, отстанешь от того тихого пути, который Сам Бог, сама жизнь, сам случай назначает каждому на долю. (Насильно заниматься науками я не хочу, но не хотел бы и неглижировать тем, что вызывает мои

желания.) При таких занятиях планами и вопросами, имеющими отношение к огромному обществу, я нуждаюсь в таком общении, которое бы вырывало из меня плевелы, давая простор возрастать пшенице, которое бы разъясняло стезю моих мыслей и способствовало к их созрению, которое было бы для моей воображаемой пока цели полезно. Цель моя — или лучше, желание мое — *принести пользу обществу, говорить во всеуслышание, быть писателем.* Я имею в виду тот идеал писателя, который Вы высказываете. Могу ли я после всего этого не желать пользоваться Вашим знакомством? не просить Вас взять на себя труд снисходительно или, как там придется, со мною беседовать? Не знаю, как Вы стали бы думать на моем месте и как должно думать, а я думаю, что современность наша — Россия и даже человечество — весьма нуждается и в самых малых обдуманных, искренних приношениях. Что я думаю о своих силах, это говорить бесполезно, потому что силы познаются лишь на деле; можно сказать только следующую, недавно познанную мною мысль: чувствовать в себе силы, мечтать о подвиге еще далеко-далеко не значит иметь силы готовыми для совершения подвига: вдохновение приготовляется природою, но если не всегда, то иногда ему должен предшествовать добросовестно-большой труд со стороны самого человека. Итак, я думаю, что возможно исполнение моего желания быть полезным обществу, но считаю это дело очень трудным... Одним словом, я считаю Ваши искренние советы весьма нужными для себя и виноват здесь разве только в том, что еще не умею ими как надобно пользоваться.

Припоминаю Вам Вашу прежнюю снисходительность ко мне, припоминаю Вам, что Вы слушали меня, когда я говорил, сам не зная что, читали длинные письма, которые если что высказывали, то только личные мои обстоятельства, если что оставляли в памяти, то только свою грязную внешность. Теперь, когда мысли мои приходят в порядок и отделяют должное от недолжного, когда они наконец — рано ли, поздно ли — перестают теряться в бесконечной неопределенности, я прошу Вас не забыть меня своим вниманием. Просьбою моею я не выгод для себя ищу, ищу я... оправдать многое доброе и прекрасное.

Чего я смею ожидать от Вас, так это не скрытности, — откровенности. Мне нужна Ваша откровенность как в отношении ко мне, так и в отношении ко всему, о чем случится мне Вас спрашивать. Мне не нужны ответы приготовленные, отделанные, мне не нужны догматы; потому что каковы бы они ни были,

я желал бы их проверить. Мне нужны Ваши искренние мнения, мне нужны материалы для соображений. Я никак не одобряю ни в ком, а в себе крайне не люблю вечную преданность авторитету; иначе давно бы, кажется, увлекся многими модными и кривыми воззрениями. После недавнего чтения Вашей «Переписки» я с радостию нашел в ней понятную для души моей истину и знаю теперь, что Вы заключаете в себе много прекрасных мыслей: их бы я желал ближе узнавать. Но прошу Вас, не обременяйте себя обдумыванием того, что захотите мне сказать: для меня все, что пойму, будет интересно и дорого.

«Живешь, живешь — такая наконец скверность становится!» Хоть на какой-нибудь полке жизни не нужно спать и надо быть честным человеком, — иначе пропал человек.

Наконец обращаюсь к известным Вам моим тетрадям. Я уверен, что Вам еще не достало терпенья разобрать первую. Как же быть теперь? Отдать Вам ее — я отдал, видно, Вам нужно сделать мне одолжение... Во второй говорится несколько интересных для меня слов о вдохновении, об акте творчества, о прекрасном, разбирается письмо об этом Жуковского, кажется, к Вам. Идет также речь о современности и о значении Вашей последней книги. Но все сочинение состоит из несвязных клочков, и прочесть Вам из него отрывки, если позволите, должен я сам, когда-нибудь после отдыха Вашего от первой моей тетради. Не знаю, когда могу получить ответ Ваш об этой тетради, и потому покорнейше прошу Вас сказать человеку, когда я могу застать Вас дома. На этой неделе в среду я приду спросить его об этом. Засим всем с почтением пребыть честь имею Вашим покорнейшим слугою Д. М<алиновский>.

1708. Графине С. М. Соллогуб

Москва. 29 маия <1850>.

Слышал и скорбел о посетившем вас горе, добрый друг София Миха<й>ловна! Тот же час принялся за перо, написал все, что могла сказать на ту пору утешительного вам душа моя. Но письмо замедлило на почту. Я его распечатал, прочел и не отправил. Все показалось мне в нем слабым и неуместным. О, как ничтожны все утешенья наши в тех сильных скорбях, где Утешителем может быть только один Утолитель всех скорбей Христос! О, да воздаст Он стократно за вашу скорбь высокими внутренними утешениями! Я слышу, что отложили свой план

ехать в Москву; как ни жалко мне не увидать вас в этот раз, но если Ревель вам лучше и полезней, пусть будет, как Богу угодно. Там, по крайней мере, вы встретите Жуковского. Его присутствие, верно, вам будет теперь усладительней, чем когда-либо прежде. Эта и прежде прекрасная душа глубоко созрела в последнее время от скорбей и тех тяжелых испытаний, которыми угодно было Богу еще более просветлять ее и возносить к небу. Что касается до меня, то, прохворавши всю зиму в Москве, должен снова пуститься в отдаленное странствие, чтобы провести предстоящую зиму на каких-нибудь островах Средиземного моря, хоть еще и не знаю, какими средствами и как совершу это путешествие. Не для здоровья, но единственно для доставленья себе возможности работать и кончить свою работу. Вижу только, что в России мне не следовало заживаться. Нужно было, не останавливаясь нигде долго, всю ее проехать вдоль и поперек, а зиму провести вдали ее на юге, где голова моя способнее к работе. Тогда бы и дорога мне сделала пользу и временный отдых на теплой станции. О, как опасно тому, чей удел быть на земле странником, остановиться где-нибудь долее следуемого, сколько искушений, сколько соблазнов воздвигнется вокруг него! Как вдруг готова ворваться в сердце его мерзость запустенья! Мерзость запустенья на том месте, которое должно быть свято! Друг добрый и скорбящий Софья Миха<й>ловна, ваше сердце сберегает Сам Спаситель от всего, что может опозорить его святыню, помолитесь обо мне, не забывающем никого из вас в моих грешных молитвах. Всех перецелуйте. Влад<имиру> Александр<овичу> передайте мое искреннее участие в его утрате. Бог да сохранит вас. Если успеете, напишите хоть две строчки в ответ, адресуя в Москву в дом Талызина на Никитском булеваре.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Еще раз прошу вас перецеловать ручки обеих графинь, Луизы Карловны и Анны Миха<й>ловны.

1709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Черновой набросок

<Май (н. ст.) 1850. Рим>

Обращаясь памятию к вашим милостям, постоянно меня оживляющим в трудные часы жизни, я должен сознаться в моей слабости и потому решился писать к вам, находясь все еще на ходу моего здесь дела.

Убытки и ущербы, нанесенные в продолжение этих годов, для меня более всего значительны потерею ваших . писем, в которых столь ясно выражалась моя счастливая будущность. Не нерадение и небрежность были причиной такой потери, но наше время, где sedizione во всех видах наносит возможные удары новораждающемуся <так> человечеству.

Во всяком случае прошу опять снизойти к моей слабости — повторить мне прекрасные ваши письмена ответом на мое это письмо. Обещания, подтвержденные в письменах, еще более укрепят меня в перенесениях тяжелых минут жизни и ускорят окончание моего здесь дела.

Надеясь на вашу благосклон<ность>

Остаюсь...[1]

1710. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Май (н. ст.) 1850. Рим>

Завтра отправляется отсюда Ф. И. Иордан с оконченной своей гравюрой, для представления ее Государю Императору. Он отправил теперь ящик с оттисками и доску, которую, конечно, он гораздо после получит в Петербурге, и в таком случае, может быть, лучше бы было и не представлять труд Государю, прежде получения ящика с сотнею экземпляров. Публика, особливо наша, горяча. Она пожелает вдруг иметь оттиски, если Его Величество примет Иордана и труд его благосклонно, как то можно ожидать, опираясь на внутреннее достоинство дела. Посудите и дайте ему совет, а мне кажется, хорошо ему представиться накануне 25-тилетнего юбилея царствования, так что и труд его мог <бы> быть ознаменован и великим днем.

Он скоро по приезде в Петербург думает побывать к вам в Москву. Вы будете иметь время обсудить весь этот план и посоветовать, как найдете лучше.

В первые дни выставки «Преображения» я очень на него роптал (я это вам говорю как великую тайну): мне досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона, гравировавших тоже с этой картины, <но> и не лучше всех гравюр, какие находятся в свете. Но я замирился внутренно с Иорданом на том, что он не коренной русский. Этих слов моих прошу никому не сообщать. Время — великий целитель; он <Иордан> нам вскоре приготовит «Мадонну Фолинью» Рафаэля, и тогда мы порадуемся с вами еще более, чем настоящему успеху Иордана. Говоря

[1] *Не дописано.*

об успехах двух наших граверов, нельзя не вспомнить об их великом учителе, Уткине: старик еще живет, или, лучше сказать, отживает век слез, печали и горя. Куда бы хорошо было, если бы он при этом случае был бы удостоен первостепенного отличия! Это бы совершенно разрушило подлую мысль, будто бы новоприезжие удушают и давят своих прошедших наставников.

Сам о себе ничего не скажу. Спросите Иордана, он вам многое что может рассказать.

1711. А. О. Армфельду

<Май — начало июня 1850. Москва>

Многочтимый Александр Осипович.

Так как благодеяний о помещении сиротки не совершилось, то благоволите облагодетельствовать присылкой метрического о ней свидетельства. Хоть это и неважное, положим, благодеяние, но все же без него девочка, что корнет без эполет — то есть не только без доброго имени, но даже вовсе без имени.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1712. К. С. Аксакову

<Конец мая — начало июня 1850. Москва>

Оказывается, что вам очень недурно съездить в Киев, Константин Сергеевич: во-первых, чтобы не обидеть первопрестольной столицы, а во-вторых, чтобы, задавши работу ногам, освежить голову, совершая путь пополам с подседом на телегу и с напуском[1] пехондачка, совокупно с нами, оттопавши[2] дорогу до Глухова, откуда Киев уже под носом, и потом, по благоусмотрению, можете устроить возврат.

1713. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. Июня 5 <н. ст.>, 1850.

Что вам сказать обо мне? Я все тот же, что и был при вас в Риме. Живу жизнью одной студии, и перемен почти никаких нет. Об одном иногда только жалею, что нельзя записывать мне моих мыслей в памятную книжку. Прежде я имел это обыкновение — наблюдать за их разрастанием. Впрочем, я и на это не ропщу, веря, что уже скоро будет всему развязка.

[1] с примесью
[2] совершив

Недавно послал я письмо к вам о Иордане. Ему удалось довести до конца свою длинную работу, но не думаю, чтобы были живительные перемены в гравюрном мире и с самым счастливым приветствием его важного труда. Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характер не уработан под стать наступившей эпохе нашего времени, и наконец, его сердце — не русское.

Полагаясь на волю провидения, столь часто выручавшего меня из разных опасностей, я не теряю ни бодрости продолжать труд, ни желания быть достойным избавления <от> будущих зол и таким образом приступить наконец к кризису моей жизни.

Вам совершенно преданный Александр Иванов.

Моллер жаловался на вас, что вы об себе ему никогда не пишете. Я ему при первом свидании сообщу все ваши желания.

1714. А. С. Данилевскому

Москва. Июня 5 <1850>.

Ты[1] ни полсловечка не отвечал[2] мне, милый друг[3], на мое письмо, ни ты, ни Ульяна Григорьевна[4]. Что с вами, здоровы ли вы? Я все время болел и вследствие того провел праздно всю зиму, что для меня во всех отношеньях, было тяжело и действов<ало> обратно[5] на расстройство моего здоровья. Опять перебираюсь на юг, на Средиземное море. Дорогу хочу сделать на Малороссию, чтобы еще повидаться с вами. Так как экипажем заводиться скучно, да и расходно по моим обстоятельствам, то я присоединился к Максимовичу, который едет отсюда в Глухов. Итак, если ты будешь в это время близ Глухова, то сделаешь большое одолжение, и себя показавши и меня подвезши. Если же тебя не случится, то обращусь с просьбой к Александру Миха<й>л<ови>чу Маркевичу, авось у него случится как<ая>-нибудь бричонка, а не то пущусь и «на телеграфе», по выраженью одного станционного смотрителя, не обращая вниманья на хворые бока. Прощай. Обнимаю тебя от всей души в ожидан<ии> обнять лично. Около 20 июня, я полагаю, мы уже будем в Глухове.

Твой весь Н. Г<оголь>.

[1] Вы

[2] отвечали

[3] друг мой

[4] ни ты, Александр, ни вы, Ульяна Григорьевна

[5] дурно

1715. А. С. Стурдзе

Июня 6 <1850>. Москва.

Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе. Мы виделись мало: час с небольшим. Только прошлись по саду вашего приютного обиталища да едва тронулись в разговоре таких вопросов, о которых хотелось бы душе поговорить подольше. Но, несмотря на то, этот час и эта прогулка остались в памяти моей, как что-то очень отрадное. Может быть, Бог приведет меня опять к вам в Одессу. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг. Не столько побуждает меня к этому самое сохранение здоровья, сколько желание найти место, где бы можно мне кончить свою работу. Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать. Благодаря[1] милосердье Божье, конечно, и это дурное время было не без пользы, но как подума<ю> о том усыпленьи и бездействии сил, в какие повергают меня холод и стужа зимы, — заране<е> пробирает[2] страх. Хочу провести три зимние месяца[3] где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе. Очень меня обрадуете, если несколькими строчками уведомите о себе, адресуя[4] в Полтаву, в деревню моей матери Василевку, где я пробуду, может быть, июль и весь август. Передайте душевный мой поклон Титовым. Если Репнины там, то очень меня обяжете, уведомивши словечком о них и передавши им также мой душевный поклон.

Весь ваш, искренно вас уважающий и любящий много

Н. Гоголь.

1716. М. И. Гоголь

Москва. 9 июня <1850>.

Письмо ваше от 27 мая получил. Говоря о переделке в доме, я вовсе не разумел совершенную его перестройку, но поправку, переборку полов, перестановку некоторых печей, перемену некоторых дверей и окон, иначе устроить сени и, наконец, щекотурку

[1] Благодарю

[2] пробирает меня

[3] *В автографе:* месяцы

[4] адресуя ко мне

внутри. Словом, устроить дом так, чтобы вы могли в нем провести эту зиму. Хочу произвести работу при себе потому, что женщины многих вещей никак не сумеют сделать и вовсе не знают, как быть с мастеровыми и чего именно от них требовать. Для этого я занял не какую-либо большую сумму, но рублей 700, не больше, ассигн<ациями>. Можно даже употребить и до 1000. Хотелось мне именно в это лето, потому что есть у меня теперь свободное время. В будущем же году у меня будет много забот других. Если я пробуду в Малороссии, то дня три, не больше, проездом; стало быть, тогда мне не до того. Поэтому прошу похлопотать только о том, чтобы достать наемных плотников и человека два столяра, для того, чтобы вскорости произвести все те вещи внутри дома, которые я придумал для теплоты, да щекотурщиков. Расспросите только о том, как можно достать досок. Если не иначе, как из Кременчуга, то что будут стоить двухвершковые и полуторные с доставкою продающего, ибо нам высылать своих людей нельзя. Все нужно сделать руками наемными. Хороший печник будет также нужен, но нужно, чтобы он был испытанный и действительно хороший печник. Конечно, было бы недурно[1] переделать хотя с одной стороны (с северной) пристройку[2] так, чтобы вышла лишняя комната: от этой было бы потеплей всему дому. Впрочем, это еще посмотрим при свидании, которое, если Бог даст, может быть в начале будущего месяца, то есть июля.

1717. С. Т. Аксакову

<13 июня 1850. Москва>

Мы с Максимовичем заедем к вам на дороге, то есть перед самым отъездом, часу во втором, стало быть, во время вашего завтрака, чтобы и самим у вас чего-нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлет, или, пожалуй, вареников, и запить бульонцем.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

1718. Иеромонаху Оптиной Пустыни Филарету

<19 июня 1850. Село Долбино>

Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, проси-

[1] необходимо

[2] *Далее начато:* лишней комнаты за теплую стену, но

те всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу имени Его, не посмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердый, сделать все и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыне. Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше доброе дело.

Ваш всею душою

Николай Гоголь.

<*На обороте:*>

Отцу Филарету, иеромонаху в Оптинской Пустыне.

1719. А. М. Марковичу

<25 июня 1850. Глухов>

Уведомляю вас, почтеннейший Александр Михайлович, что я прибыл в Глухов благополучно и сгораю нетерпеньем вас видеть, но так как товарищ мой, с которым я приехал, не имеет часу времени и торопится отправиться далее, то я вас прошу прислать за мною какой-нибудь экипажец вроде брички для помещения меня вместе с двумя небольшими чемоданами. В ожиданьи чего остаюсь ваш весь

искренно вам преданный

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокородию Александру Михайловичу Маркевичу.
Н. Гоголь.
В Сварков.

1720. А. С. Данилевскому

<26–30 июня 1850. Дубровное>

Сейчас приехал в Дубровное. Сижу у окна и любуюсь видом на деревню соседа, напрасно желая хотя сим вознаградить <себя>

за неудачный приезд в пустой дом. А подъезжая, так живо воображалась встреча, и вот наместо распахнувшихся дверей и объятий — глиняная стена и закрытые окна, запоры и затворы на всем. Пожалуста, пришли за мной экипаж и лошадей в Березовую-Луку или попроси у Трахимовского. Я совершенно на безэкипажьи. До тебя доехал, взявши бричку и лошадей у дяди твоего Александра Михай<ловича>. Устрой так, чтобы, если мож<но>, отправить лошадей вслед за подателем, так чтобы я мог из Березовой-Луки выехать утром же. Твой, весь сгорающий нетерпением тебя видеть

Н. Гоголь.

Передай душевный поклон[1] и заочный поцелуй Ульяне Григорьевне и деткам. Трахимовским также.

1721. А. М. Марковичу

<27–30 июня 1850. Березовая-Лука>

Очень вас благодарю за бричку, коней и доброту души. Александра Семеновича не застал в Дубровной, он с супругой в Сорочинцах, а потому, переночевавши, я решился сделать на ваших лошадях еще двадцать верст до места, откуда из Сорочинец должна прибыть подстава. Еще раз приношу благодарность. Люди, лошади и сама бричка вели себя в исправности. Душевный поклон милым и добрым вашим племянницам.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1722. Е. В. Гоголь

<30 июня 1850. Сорочинцы>

Я приехал в Сорочинцы благополучно, но в чужом экипаже. Пожалуста, не сказывая матушке, вели заложить коляску и завтра же, т. е. в субботу, пораньше, прежде чем станет светать, часа в 3, выехать за мною, так чтобы в часов в 7 она была здесь. Матушке можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будет спать...

1723. А. С. Стурдза — Н. В. Гоголю

Приют близ Одессы. 1850 г. 21 июня.

Почтеннейший Николай Васильевич! Дорогой, но нежданный гость, письмо ваше из Москвы[2] застало меня здесь, тотчас по

[1] поцелуй

[2] *В публикации В. И. Шенрока ошибочно:* из Малороссии

возвращении моем из-за Днестра, где прожил я около двух месяцев в оазисе[1] покойной сестры моей и куда думаю опять возвратиться на столько же времени в августе, аще Бог повелит.

Надежда на свидание с вами более досужное радует меня; да как бы нам не разъехаться. Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку из-под родного неба. Здоровью вашему едва ли помогут эти частые странствования! Недаром Гораций где-то сказал: «Qui patriae exul, se quoque fugiti».

Мы все, более или менее, в этой юдоли хвораем тем же недугом: разладом, борьбой духа с плотью. Московская зима напугала вас, вам не дают работать, творить в безмятежии умственном, — так пожалуйте к нам, милости просим; отведайте житья в южной России. Проведите несколько зимних месяцев на южном берегу Тавриды, остальные с нами в Одессе. Здесь найдете вы цвет Малороссии: доброе, уветливое[2] семейство Репниных; сердечно благочестивое и умное о<тца> М. Павловскаго, Михневича и других, подобных им. Преосвященный Иннокентий останется с нами на всю зиму. Он, узнав от меня, что вы в Полтаве и намерены у нас побывать, обрадовался и просил меня передать вам поклон и благословение. Я не только желаю, но и предчувствую, что край наш придется вам по сердцу и по здоровью.

А. Н. Муравьев в марте гостил у нас около двух недель и, кажется, увез с собою приятные впечатления и добрую память о нашем уездном городке. Все зависит от выбора круга знакомых, в котором гость для всех замечательный, но не всем милый сумеет поставить себя. Простите, благодарю за память и пребываю искренно уважающим вас

А. Стурдза.

1724. Н. В. Неводчиков — Н. В. Гоголю

Приют. 21 июня 1850 года.

Милостивый Государь Николай Васильевич! Тому два года вы говорили со мною в карантине и отозвались потом на письмо мое. Немудрено значит, если я помню вас, а вы, верно, забыли меня, опять немудрено: сколько мне подобных встречали вы на вашем пути! Слава Богу, я опять могу сказать вам: «здравствуйте» и пожелать вам доброго пути в Одессу, где люди истинно добрые готовы принять милого гостя. Доброта их мудрая освежит

[1] *В публикации В. И. Шенрока:* в имении

[2] *В публикации В. И. Шенрока:* приветливое

вас лучше благорастворенного климата чужбины, и найдете вы в уединении успешную работу, а в обществе — привольный отдых. Жалуйте же в Одессу.

Александр Скарлатович предчувствует недаром. Господь с вами!

1725. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 24-го июня <1850>.

«Русский человек задним умом богат». Когда вы мне говорили, что будете просить паспорта на восток, через министра внутренних дел, я забыла вам сказать, что ваше письмо к нему должно идти с свидетельством от инспектора врачебной управы того города, где вы проживаете. Это первое; второе вот что: графа Перовского просите единственно о паспорте, мне же о том тотчас сообщите; тогда отсюда написано будет, чтобы он обратил внимание. А о прочем напишите к Его Высочеству Наследнику Александру Николаевичу; он вас помнит, часто перечитывает и принимает участие в вас. Знак доверия и откровенность всегда находят отголосок в его прекрасной душе. Это совет Т***, который у нас; именно не советовал писать к его дяде, а прямо к Его Высочеству, которому сам читал ваши сочинения и зачастую. Вот, душа моя, что имею вам сообщить, и прошу послушать совета! Не пеняйте, что я не говорила с ним об этом деле, удача которого меня очень занимает. Но вредить я не могла, а узнать, какой путь лучше избрать. Государь, во-первых, так занят, что трудно ему самому вспомнить, а министр, не зная вас лично, не примет труд вторично беспокоить, и притом было недавно подтверждение по его министерству не утруждать просьбами о денежных пособиях. Во всяком случае, дело о назначении суммы пойдет через министерство просвещения, так как тогда шло, но Ширинский-Шихматов, хотя очень добр, нездоров и еще нов. Всего лучше написать откровенно все Его Высочеству; вчера вечером мы это решили, а сегодня с Божиим благословением пускаю к вам письмо. Дождь у нас не долго погостил — едва ли поправил поля наши. Скажите, что делают ваши домашние, что урожай? Клементий приехал, следствие кончилось. Ершовиада едет в Петербург, остается ожидать царского правосудия, в котором не могу и не хочу сомневаться. Христос с вами, молитесь о нас, а я вас никогда не забываю.

А. Смирнова.

1726. А. О. Смирновой

Д<еревня> Василевка. Июля 10 <1850>.

Два бесценные письмеца ваши, добрый друг Александра Осиповна, получил. Благодарю вас от всей души и от всего сердца за все. Советами воспользуюсь. Все прииму в соображение и примусь за написанье такого письма, которое бы только[1] изобразило открыто и чистосердечно мое положенье и ничего больше. Я думаю, что если только Богу угодно, то все обделается само собою. Вы сами помните, что я вовсе не просил о том пенсионе, который мне был пожалован неожиданно на время пребыванья моего за границей для леченья. Я даже вам не заикался об этом. Но Богу угодно было, чтобы вам в одно время вдруг сгрустнулось о моем положении. Он дал вам на то время силу и настойчивость, Государю милостивое вниманье ко мне, министру просвещенья участье и желанье споспешествовать — и все обделалось. Недели через две вы получите от меня то, что внушит мне мой рассудо<к> и сердце. А их да вразумит Бог! О сем молитесь и вы. А насчет чортика и всяких лезущих в голову посторонних гостей скажу вам: просто плюньте на них! Скажите: мне некогда, у меня есть теперь много забот поважнее, в том числе, положим, и дело Гоголя. А еще лучше скажите: у меня есть другие, высшие обязанности: мне нужно благодарить Бога за то, что сохранил меня до сих пор, что я еще живу на свете, что жизнь моя еще нужна для добрых дел. Некогда, некогда, сатана, убирайсь[2] себе в свою преисподнюю! Он[3], скотина, убежит, поджавши хвост. Прощайте до первой оказии. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1727. Графу А. П. Толстому

Село Васильевка, близ Полтавы. 10 июля <1850>.

Спешу написать вам несколько строк. Ехал я, слава Богу, благополучно. Небольшие кое-какие неудобства не стоят того, чтобы быть замеченными посреди неисчетного множества благодеяний, которыми дождит на нас неустающий в даяниях Бог. И, право, мне кажется, человеку не о чем помышлять, как только о том, чтобы превратиться в благодарственный гимн и в неумолкаемую песнь Ему. Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь

[1] прямо

[2] *Так в автографе.*

[3] И он

и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участья к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце, который вам будет по дороге, к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому игумену и славится также своей жизнью; третий их брат игуменом Соровской обители и тоже, говорят, очень достойный настоятель. Я уверен, что эта обитель оставит у вас, как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний.

Если вы еще в Петербурге, то передайте мои душевные поклоны Софье Петровне и обеим вашим искренно мной любимым племянницам Наталье и Марье Владимировнам Апраксиным. Дай Бог, чтобы они все были здоровы и преуспевали во всем, что возвышает душу человека. Скурыдину и Бурачку передайте также мои заочные поклоны. Не позабудьте и преосвященного Евсевия, которого, вероятно, вы иногда видаете, и напишите хоть строчку, в каком бы расположении духа она ни написалась.

Спросите у Натальи или Марьи Владимировны, не оставил ли я у них в Неаполе трех тетрадей с видами Палестины. Если на случай они в Петербурге, то я бы попросил их переслать мне в Полтаву.

На днях буду писать к вам, может быть, больше и обстоятельней, а особливо если получу что-нибудь от вас.

1728. С. П. Шевыреву

Д<еревня> Василевка. Июля 10 <1850>.

Я прибыл в деревню матушки довольно благополучно и спешу к тебе написать несколько строчек, добрый друг. Зейдлицкие порошки получил, хотя слуга твой не догадался заключить их в деревянный ящик, без чего все, как известно, на почте истирается в прах, что случилось и с ними. Впрочем, покуда, слава Богу, нет в них надобности. Недели через две после этого письма

предстанет к тебе племянник мой Трушковский. Он, узнав, как теперь трудно приютиться, желает идти по восточным языкам и ехать в Казань. Поэтому прошу тебя убедительно снабдить его письмами к тамошним профессорам. Если[1] кто-нибудь из московских в сношении с ними, то проси его. Может быть, Погодин замолвит также от себя. Словом, употреби свою обычную благодетельную доброту к открытию ему пути и не оставь в то же время напутственным своим совет<ом>, как ему быть в студентском бытии. С ним напишу тебе больше, а теперь обнимаю тебя заочно всею силою души.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Софии Борисовне душевный братский поклон. Всех целую заочно.

1729. Министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому или министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову или начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову

<10–18 июля 1850. Васильевка>

Ваше Сиятельство
милостивый государь.

Скажите мне откровенно, можно ли и прилично ли ввести Государя Наследника в мое положе<ние>. Признаюсь, никогда бы не посм<ел> я просить о каком-либо вспомоществов<ании>, если бы не жило во мне твердой уверенности, что я долг заплачу и что не будет *<2 нрзб.>*[2]. Обстоятельства мои таковы, что я должен буду просить позволенья и даже средств проводить три зимние месяца[3] в году в Греции[4] или на островах Средиземного моря, или где-нибудь[5] на Востоке невдали от России. Это не прихоть, но существенная потребность моего слабого здоровья

[1] Если узнаешь, что

[2] *Две первые фразы вписаны над зачеркнутой:* покуда к вам прибегаю более за советом, чем с просьбой

[3] *В автографе:* месяцы

[4] *Далее над незачеркнутым текстом вписано:* обстоятельства мои такого рода, что мне нужно жить

[5] *Далее над незачеркнутым текстом вписано:* так же, как осенние и летние внутри России

и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою природу и, укрепившись пребываньем на юге, приехал было в Россию с тем, чтобы здесь заняться и кончить свое дело, но суровость двух северных зим расстроила снова мое здоровье. Не столько жаль мне самого здоровья, сколько того, что время пропало даром. А, между тем, предмет труда моего не маловажен[1]. В остальных частях «Мертвых душ», над которыми теперь сижу, выступает русский человек уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями[2], но всей глубиной своей природы и богатым разнообразьем внутренних сил, в нем заключенных. Если только поможет Бог произвести все так, как желает душа моя, то, может быть, и я сослужу службу земле своей не меньшую той, какую ей служат все благородные и честные люди на других поприщах. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное следует выставить ярко, в живых, говорящих примерах, способных подействовать сильно; о многом существенном и главном следует напомнить человеку вообще и русскому в особенности. Поэтому мне кажется, что я имею некоторое право поберечь себя и позаботиться о своем самосохранении. Принужденный поневоле наблюдать за своим здоровьем, я уже заметил, что тот год для меня лучше, когда лето случалось провести на севере, а зиму на юге. Летнее путешествие по России мне необходимо потому, что на многое следует взглянуть лично и собственными глазами. Зимнее пребывание в некотором отдаленьи от России, на юге, тоже необходимо (не говоря уже о потребности для здоровья): точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышенье, откуда бы все видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобыкшему созерцать, бывает необходимо временное отдаленье от предмета, который он видел вблизи, затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза.[3] Присоветуйте, придумайте, как поступить мне, чтобы получить беспошлинный пашпорт и некоторые средства для проезда. Состоянья у меня нет[4] никакого; жалованья не получаю ниоткуда; небольшой пенсион, пожалованный мне великодушным Государем на время пребыванья моего за границей для излеченья, прекратился

[1] Сочинение мое вовсе не маловажно.

[2] не каким<и>-нибудь пошлостями и странностями, случайно к нему приставшими

[3] У меня это в особенности важно: я уже испытал природу своего глаза

[4] Я состоянья не имею

по моем возвращеньи в Россию. Конечно, я бы мог иметь средства, если бы решился выдать в свет мое сочинение в неготовом и неконченном виде — но на это не решусь никогда. Есть, слава Богу, совесть, которая не позволит мне этого даже и в таком случае, если бы я очутился в последней крайности. Всякому человеку следует выполнить на земле призванье свое добросовестно и честно. Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель. Прежде мне было возможно скорее писать, обдумывать и выдавать в свет, когда дело касалось только того, что достойно осмеянья в русском человеке, только того, что в нем пошло, ничтожно и составляет временную болезнь и наросты на теле, а не самое тело, но теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу все здоровое и крепкое в нашей природе и выставить его так, чтобы увидали и сознались даже не признающие этого, а те, которые пренебрегли[1] развитие великих сил, данных русскому, устыдились бы, — с таким делом нельзя торопиться. Такая работа не совершается скоро. Много нужно для этого созреть и умом и душой и быть в отдаленьи от всего, возмущающего высокое настроение духа, много нужно тайных молитв, сокровенных сильных слез... словом, много того, чего я не могу объяснить, что и объяснять мне неприлично.

Мне кажется, если бы доставлена была мне возможность в продолженьи трех лет сделать три летние поездки во внутренность России и три зимние пребывания вне ее под благорастворенным климатом юга, всегда действовавшим освежительно на мои силы и творческую способность, — такое благодеяние не пропало бы даром. Сверх мной упомянутого большого сочинения, я бы мог окончить тогда ту необходимую и нужную у нас книгу, мысль о которой меня занимает с давних времен и за которую (дай только Бог сил исполнить, как хочется) многие отцы семейств скажут мне спасибо.[2] Нам нужно живое, а не мертвое

[1] бросили

[2] *В черновой редакции далее начато:* Всем нам уже известно, сколько бедствий и беспорядков в Русской земле произошло от собственного нашего неведения земли своей. [Это неведенье земли кладется] Книгу, которая бы знакомила русского еще с детства с землей своей, ибо едва ли не главною причиной всех нестроений и внутренних беспорядков есть неведенье русских собственной земли своей, [которое] точно как бы [именно] с умыслом

изображенье России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев, но когда все его способности свежее[1], чем когда-либо потом, а воображенье чутко и удерживает навеки все, что ни поражает его. Такую книгу (мне всегда казалось) мог составить только такой писатель, который умеет схватывать верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа,[2] а всякую *местность* со всеми ее красками поставлять так ярко <и> выставить так живо, чтобы она навсегда осталась в глазах, который, наконец, имел бы способность сосредоточивать сочиненье в одно слитное целое так, чтобы вся земля от края до края со всей особенностью своих местностей, свойствами кряжей и грунтов врезалась бы как живая в память даже[3] несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже[4] во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, заводить несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразьем особенностей, какими отличаются его ветви и племена, чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его Бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой *местности*, и не требовал бы повсеместного выполненья того, что хорошо в одном угле и дурно в другом.

Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно

кладется в основу нашего воспитанья в тот [именно] возраст, который называется детским, но в который живей воображенье и все, что раз взошло, остается навеки.

[1] Когда его способности свежи

[2] *Далее начато:* который в то же время дар

[3] еще

[4] еще

знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей,[1] а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится и начинанье наискуснейшего погибнет в начале.

Если необыкновенность просьбы моей, уже зависящей от необыкновенности моих обстоятельств, затруднит вас дать совет мне, тогда поступите так, как, может быть, и без меня научит вас благородное сердце. Представьте это письмо прямо, как оно есть, на суд Его Императорского Величества. Что угодно будет Богу внушить его[2] монаршей воле, то, верно, будет самое законное решение. Во всяком случае великодушный Государь не прогневается на своего верного подданного, от всех сил стремящегося принести пользу[3] родной земле своей, столь драгоценной его монаршему отеческому, многолюбящему сердцу.

1730. А. О. Смирновой

Июль 18 <1850>. Д<еревня> Василевка близ Полтавы.

Посылаю вам все, что мог придумать. Письмо это доставит вам племянник мой Трушковский, юноша, едущий в Казанский университет продолжать там свое учение по факультету восточных языков. Дело вот в чем: я нахожусь в каком-то нравственном бессилии. Пробовал писать к Наследнику, но так стало совестно все просить и просить, все забирать вперед, не сделавши ничего, что перо не поднялось. Писать официальную просьбу к министру о пашпорте с присоединением свидетельства от врачебной управы мне неприлично: я человек не служащий и этим формам не подлежу. Притом же я в России все-таки известнее какого-нибудь инспектора врачебной управы, которого подкупное свидетельство большему подвержено сомнению, чем мое собственное. Дело в том, что так как уже самое положение мое несколько необыкновенно и не похоже на положенье других людей, то и поступить я должен несколько необыкновенно. Я написал письмо к министру внутр<енних> дел. Если же найдете его более приличным министру просвещения, то пусть оно будет к министру просвещения. Если ж Орлову, то пусть будет к Орлову. Я выставил только сиятельство. Они все трое сиятельные. Если ж никому нейдет оно в особенности, то дайте каждому из них по копии,

[1] на споспешествование своими сведениями добрых и умных людей

[2] ему

[3] который от всех сил стремится принести от себя на пользу

сказавши, что Гоголь, совершенно не зная, к кому из них обратиться, по причине несколько необыкновенной своей просьбы, выходящей из предела установленных порядков, заботился только о том, чтобы изложить обстоятельно и откровенно свое положение, в уверенности, что они как истинно благородной души люди,[1] любящие добро земли своей, не откажут в покровительстве тому, который также от всей души хотел бы принести ей дань и от себя по мере небольших сил своих. А, может быть, недурно будет и так: посоветовавшись прежде с гр<афом> Толст<ым>, с которым вы обо мне уже совещались (которому передайте душевный поклон), обратить это письмо к Наследнику, сделавши такой приступ: «Ваше Импер<аторское> Высочество! Все мне присоветовали принять смелость обратиться прямо к вам и чистосердечно изъяснить свое полож<ение>», и вслед за этим все как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично. Я думаю, что редакцию этого[2] может по расположенью своему ко мне сделать наилучшим образом гр<аф> Т<олстой>. Я же не знаю ни полного титла, ни форменных условий пись<ма>, а что самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестан<но>, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десть бумаги и ничего не сделаю. Я думаю, что мое дело только изобразить свое положение и сделать его очевидным другом. Остальное все управит Бог. Он, верно, внушит и вам, и Т<олстому>, и всякому другому, с кем бы вы нашли нужным обо мне посоветоваться, именно то, что нужно. Тогда я могу написать от себя небольшую вроде официальной просьбу только к министру внутр<енних> дел. Впрочем, уведомьте меня об этом двумя-тремя небольшими[3] строчками. Ваш весь

всегда вас любящий всею силою души своей

Н. Гоголь.

1731. Послушнику Оптиной Пустыни Петру Григорову

1850. Июля 18 <Васильевка>.

Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье. Окажите, почтеннейший и добрейший отец Петр, такое же расположение и к подателю письма сего, юноше, слава Богу, еще самых

[1] истинные сыны отчизны

[2] дела

[3] не больше

добрых наклонностей, племяннику моему, едущему оканчивать ученье свое по части восточных языков в Казанский университет, Николаю Павл<овичу> Трушковскому. Покажите ему все в вашей обители. Мне бы хотелось, чтобы она и в нем оставила самое благодатное воспоминанье, чтобы он помнил, что есть берег, куда можно пристать и быть безопасну от самых сильных кораблекрушений. Передайте от меня радушный поклон всей братии, начиная с достойнейшего отца игумена, и попросите молиться их всех о мне.

Весь ваш Н. Гоголь.

Прилагаю при сем 10 р<ублей> серебром на молебствие о благополучном моем путешествии и о благополучном окончании сочинения моего, на истинную пользу другим и на спасенье собственной души моей. Об этом попрошу вас попросить всех преуспевших в молитвах и в особенности отца игумена.

1732. С. П. Шевыреву

18 июля <1850. Васильевка>.

Податель этого письма — племянник мой Николай Трушковский, о котором я уже тебе писал в прошлом письме моем. Снабди его, добрый друг, какими можешь рекомендациями и письмами к казанским профессорам по факультету восточных языков, к которым он возымел охоту. Этим ты сделаешь истинное добро, потому что юноша чистой души и самых хороших расположений. Я еще сижу в Малороссии и подымаюсь на юг не раньше, как через полтора месяца: жары невыносимые. Нет сил ни работать, ни даже лечиться; одно, что решаюсь употреблять, — это купанье. Я думаю, ты им также пользуешься. Засухи непомерны, но при всем том Бог спас от полного неурожая. Чьими-то святыми молитвами вызванный дождь вдруг пошел назад тому недели полторы, продолжался всего полдня и спас весь край. Нужно жить с землей и видеть здесь на месте, как достается хлеб, чтобы выучиться хоть сколько-нибудь благодарить Бога. Но Боже, Боже! как мало мы достойны благодеяний, как скоро привыкаешь ко всему, как склонен к неблагодарной бесчувственности бедный человек. Как нечувствительно он отдаляется от Бога даже и тогда, когда еще думает, будто с Ним. О, храни нас святая сила! и тебя, и меня, и весь дом твой! Передай душевный братский поклон Софии Борисовне и обними за меня деток.

Твой весь Н. Г<оголь>.

1733. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

1 ав<густа 1850>. Деревня Васильевка близ Полтавы.

Берусь за перо напомнить вам о своем существовании, добрейшая княгиня Елисавета Петровна. Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу с тем, чтобы оттоле пуститься в климаты теплейшие. А, может быть, придется пробыть в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остаетесь ли вы эту зиму в Одессе, равномерно и княгиня, ваша маминька, и княжна Варвара Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя обнимите). Известите меня об этом двумя-тремя строчками, адресуя в Полтаву. Без вас Одесса представляется мне крайне пустынной, и нет никакого позыва ехать.

Весь ваш Н. Гоголь.

1734. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Мар-Ильяс на Ливане 24 июля 1850 г.

Спасибо за добрую память о плачущих и скорбящих; да будет она заслугою тебе перед Богом, добрый друг мой Николай Васильевич. Письмо твое от апреля из Москвы дошло до меня лишь на днях. А вот, если случится тебе еще писать ко мне, даю тебе адрес, по которому скоро и исправно будут мне доставлены твои письма: Г-ну Спиридону Ивановичу Мавро в Одессу для доставления в Бейрут г-ну Базили.

Провожу лето с детьми на ильинских высотах на Ливане. Воздух хорош; свежо, свободно. Нет скучных посетителей; дела идут все перепискою. Прогулки кругом волшебны, а главное не забудь, здесь в этом монастыре одиноком провел я лучшие мои годы, т. е. по нескольку свободных летних месяцев каждый год, с добрым спутником моей жизни. Первый год нас было двое, потом второй год был с нами сын, потом была дочь. Все тропинки, все ущелья памятны. Что прошло, то прошло. Благодарю Бога, что трое детей моих живы и здоровы. При мне еще теперь добрая сестра, приехавшая из Италии, чтобы приютить мое семейство. К зиме она, вероятно, туда воротится... из Бейрута не смею ни на шаг, чтобы переменой климата не накликать новой беды. А вот я воспользовался присутствием здесь сестры, чтобы навестить мать мою в Тоскане. Дней в 50 объездил множество городов; был и в Риме, и удивлялся тому, как ты мог провести столько лет в этом скверном городе. Сирия все-таки лучше Италии;

по крайней мере народ здесь гораздо почтеннее потомства квиритов.

Сколько времени проведу еще здесь, не ведаю, да ничего и знать не хочу о будущем, да и не о чем ломать голову. Лишь бы день за днем шли себе, а ведь они идут безостановочно.

Коли в самом деле хочешь ехать за границу, приезжай, брат, сюда. Скромный уголок найдешь и жизнь спокойную и безмятежную. На счет расходов на путешествие неужели не удастся тебе выхлопотать из отпускаемых на путешествия так называемых ученых мужей по Министерству Просвещения? Требуй, брат, а то, пожалуй, другой истратит тех денег еще бестолковее. А я хорошо провел здесь зиму в Байруте <так>, а...[1], пожалуй, на Ливане. При мне два чиновника: один порядочный малый из Петербурга, другой родственник, малый редких правил, способностей и познаний. Бьюсь без толку и пользы, чтобы мой Александр научился хоть сколько-нибудь по-русски, — нет средства; кроме молитвы ни слова не знает. Гувернантка француженка. Болтает и мой мальчишка по-французски, точно парижанин, Господи прости! даже по-гречески и по-арабски говорить перестал. Ведь главное — время проходит. Прости, дай весть о себе.

Твой К. Базили.

1735. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

С.-Петербург. 25 июля 1850 г.

Черкнуть вам, Николай Васильевич, только стоило о мне словечко доброе, а мне очима своима такую благодать узрети, и стало на душе посветлее. Что это за диковина! вот так и тянет к благочестивому, а сам грешник окаянный и неисправимый. Будто и раскаиваешься, а все выходит на поверку лицедейство. Тот только раскаивается, кто исправляется. Кто же не вылезает из болота, тот никогда чист не будет. Да отчего же я душой к вам влекусь? Кто объяснит эту несообразность? Не я. Разве вы? Ученым и книги в руки. Я же пока твержу с Шекспиром: «много есть в мире такого, что и не снилось нашим мудрецам!» Вот, дыша одним воздухом с вами и графом, как-то отрадно: чисто, ясно, верно. А то сколько кривляк, вас, истинных подвижников, обезьянничающих! Посмотришь, согрешишь и невольно подумаешь: «се ты еси иудей именуешься, и хвалишься о Бозе, и почиваеши на законе, — а твориши <не>правду».

[1] *Вырвано.*

Впрочем, кто знает, чего не знает? Может быть, на смертном одре, если не разом скосит, очнусь и я, прозрю и повторю слова умирающего великого Петра: «верую, Господи! помози моему неверию!»

И что за притча такая: вы, вперя взоры горе и неохотно низводя их долу, читаете в небесах, как по писаному; а я, выпуля глаза, смотрю, и мне все «темна вода в областях[1] воздушных». Мне сдается, так нас и судить будут: вас, ясно видящих, строго, — меня, слепорожденного, — милосердно. Ведаю ли я, что творю? И молил, и воздыхал, и плакал: «не далась мне грамота!» Чистый деизм понимаю. «Бог есть любовь чистейшая!» И головой и сердцем понимаю. «Твори добро врагам своим». Так бы и поцеловал ручку того, кто это вымолвил. Далее же хоть тресни, ни зги не вижу. Сказать легко — верую; но будешь лицемер перед Богом, зерцалом совести и миром. Моя душа не принимает неправды: «от юности моея возлюбих правду всем сердцем».

Что ж тут делать? как быть? Живу день за день, как живется. Конечно, когда бы и все такие же, как я, ночные колпаки были, то не было бы ни лжи, ни обмана, ни ненависти, ни коварства, ни грабежа. Так воистину! И в этом сознаюсь без запинки, потому, что моей тут заслуги нет: все доброе от Бога. Он меня создал мокрой курицей: я в том не виноват. Вот в чем виновен: люблю любо и прелюбо. Однако, ведь не я же сам вырастил такую неугомонную плоть. Проклятые — —, от которых избавиться не могу! Помолитесь, благочестивый праведник, чтобы эта треклятая проказа оставила развратного, 55-тилетнего греховодника, хоть издохнуть-то непоганым! Смерть за плечами! Беда неминучая ждет. В вашей святой молитве только и вижу луч спасения.

В народе ходит молва, что вы и вторую часть «Мертвых Душ» кончили. Нетерпеливо ждут выпуска в свет, и я равномерно. Мне все что-то ныне кажется, что и до того не доживешь, и до другого не доживешь. Потешьте, душенька, повернитесь попроворнее!

Я бы во веки не решился вас затруднять своим мараньем, да сиятельный приказал. А потому в случае наложения штрафа, с графа и взыщите, а я не плательщик, а только усердно преданный вам почитатель.

М. Скуридин.

[1] *Так в источнике.*

Графиня Марья Васильевна Адлерберг собирается в Иерусалим. К ней намеревается примкнуть и Кавелина.

Кладбищенскую церковь св. Митрофания всю кругом обокрали. Прибавляют, что будто из пятерых сторожей четверых убили. Что-то невероятно!

Мне нынешняя зима очень тяжела. А вас как Господь милует?

Спрощавайте! храни вас Бог!

Как вы приедете в Питер, по обещанию вашему с «Мертвыми Душами», и окажется, что уже и моя душа мертвая, то помяните меня словами скропанной мною для себя эпитафии:

«Повесой жил, повесой умер;
Он из повес был первый нумер».

На случай, если бы вы вздумали подарить меня вашею дорогою грамоткою, майор Михаил, Сергеев сын, Скуридин, имеет честь вам доложить, что он жительство имеет на Столярной улице, близ Кукушкина моста, в доме Скуридина, № 10.

1736. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю

<29 июля 1850. Оптина Пустынь>

☦

Достопочтеннейший Николай Васильевич!

Любвеобильное письмо Ваше (история для потомства) получил с удовольствием и признательностию, как от человека, которого давно привык уважать за талант, коим славится отечество наше. Природа скупа на таких людей, как Вы, и рождает их веками, зато и века помнят их! Что значит пред талантами знатность и богатство, минутная слава, которая мелькнет как метеор и погрузится в Лету... Признательное отечество не забудет Вас! Дай Бог, чтоб таланты Ваши не увлекли в гордыню... конечно, невозможно не сознавать и не чувствовать в себе достоинств гениальных; но если они будут в смиренном духе относиться с благодарением к Богу, Который даровал Вам дух премудрости, дух разума, дух страха Божия; тогда воистинну блаженны и треблаженны, почтеннейший Николай Васильевич... награда на небесах и вечное блаженство ожидает Вас, и эта награда, для которой мы живем, есть цель нашей жизни! Вы это сами знаете и смиряетесь пред судьбами Вышняго!

Пишите! Пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России, и не уподобляйтесь оному ленивому рабу, скрывавшему свой талант, оставивши его без приобретения, да не услышите к себе гласа: *Ленивый и лукавый рабе* и проч. — но подарите нас своей благочестивою поездкою к Св. Местам, и многие помолятся за Вас. Простите, что увлекся порывами патриотизма и отступил от настоящего ответа на Ваше письмо.

Племянник Ваш доставил письмо Ваше, когда я только был пострижен в Монахи и, облеченный во вся оружия правды, находился неисходно в Храме день и ночь, не раздеваясь до пяти дней, и потому не мог лично исполнить возложенного на меня приятного поручения, но исполнил все, что от меня зависело, а именно: видя его нужду в незнакомом городе, тотчас почел обязанностию снабдить его рекомендательными письмами в Казань, послал одного Монаха просить Г-жу Юшкову, урожденную Графиню Толстую, дать рекомендательные письма, коими <он> и снабжен, к попечителю, к одному из Профессоров и к ее мужу; а недели через две обещали написать письмо к одной приятельнице, у которой собирается вся Казанская Аристократия, и об этом письме я похлопочу. Итак, видите, что значит заехать в Св. Обитель, где неожиданно нашлись ему рекомендательные письма. Впрочем, диплом на вход во все дома он уже имеет; довольно сказать, что Гоголь его дядя — при этом магическом слове двери в Будуары и Гостиные немедленно отворятся, где лежат томы звучного пера Вашего.

Прилагаемое письмо Вашего племянника покажет, кому поручил показать достопримечательности Обители.

О<тец> Игумен благодарит усердно за приношение Ваше Св<ятой> Обители и, согласно желанию Вашему, молебствовали путешествующему Николаю, да сохранит его Господь цела, здрава и невредима от всех навет вражиих и спасет душу Вашу. Благословение О. Игумена и молитвы Братии да сопутствуют Вас всюду.

Когда будете в Афинах, прошу Вас в посольской церкви нашего двора отслужить панихиду по усопшем Иеромонахе Отце Аниките (Князе Шахматове), который, нет сомнения, не лишен милости Божией, а он помолится за нас.

Прощайте, почтеннейший Николай Васильевич! благочестивое путешествие Ваше и приязнь к Обители запишется в летописях сердец признательных и останется вечно памятным. Простите, я много заболтался, но, право, не хочется окончить

с Вами беседы; но делать нечего: чтоб не наскучить, кладя перо, желаю Вам от души всякого блага в исполнении предприятий Ваших и, прося Св<ятых> Молитв, остаюсь

ваш богомолец и слуга

Монах Порфирий Григоров.[1]

29[2] июля 1850 г.
Оптина Пустынь.

1737. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 30-го июля <1850>.

Вот что мы решили по своему уму и разуму, любезный Николай Васильевич. Толстой написал вам прилагаемое письмо к Наследнику, которому вы можете дать свои выражения, но *à-peu-près* должно быть так. Он, соображаясь с знанием местности, пониманий и времени, советует объем как можно сократить; дает совет ваше письмо вместо того, чтобы адресовать к какому-нибудь министру, адресовать к Олсуфьеву. Он, т. е. Олсуфьев, передаст ваше письмо Великому Князю, а сам прочтет с удовольствием и вниманием ваше письмо, словесно объяснит то, что Его Высочество не может иметь времени прочесть. Вот совет Толстого; кажется, он знает эти все отношения хорошо. Поспешите, потому что из Петербурга пишут, что Великий Князь едет на Кавказ. Я вернулась из Москвы больная... я устала от треволнений; вы знаете, что им немножко все равно, но меня смущают чужие смущения. Вообще всякая борьба мне противна, я думаю, по свойственной мне лени, но столько же по убеждению, что против воли Божией не пойдешь. Не говорю о борьбе с самим собой, но о борьбе с обстоятельствами. В Москве я встретила Самарина; он приехал на 28 дней с своим генералом. Графиня Толстая была у меня; Александр Петрович еще не возвращался. Как-то все затихло в Калуге — спасибо и за родных. Прощайте, Христос с вами.

1738. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<1 августа 1850. Село Вязема>

Любезный друг. Племянник твой Н. П. Трушковский был у меня в деревне и сегодня рано утром отправился в Москву

[1] ваш богомолец и слуга Монах Порфирий Григоров *написано рукой о. Порфирия.*

[2] 29 *вписано о. Порфирием.*

с тем, чтобы ехать в Казань. Он мне очень понравился, хотя слишком был краток срок нашего знакомства. Я снабдил его письмом к Григоровичу, который верно им займется и будет ему полезен. Его здесь напугали тем, что и в Казани приема не будет; однако, несмотря на то, он решился ехать и пробыть там даже год, если теперь не вступит. В деньгах, сказал он мне, он не нуждается, а в будущем, я сказал ему, чтобы он относился ко мне и что я буду удовлетворять его из сумм, тобою у меня оставленных. Сожалею очень, что порошки, по недогадке моего человека, дошли до тебя в изломанном виде. Не нужно ли прислать других? Уведомь. Тогда мы торопились, и он не остерегся. Здесь была такая же благодать, как и у вас. После усильных молитв народных пошли дожди и поправили хлеб, особенно яровой, также и травы. А то мужички боялись, что будут без хлеба и без сена. Да, хорошо бы было, если б мы умели не только просить, но и благодарить, благодарить и молитвой, и жизнию, ибо надо бы и жизнь превращать в молитву. Мы живем в деревне, теперь спокойнее и лучше. Жена моя все страдала нервами, теперь только что успокоилась. Дети тоже не совсем были здоровы, а ее тревожит всякая малость после великих страхов, нами испытанных. Время у нас с неделю стоит чудное. Купанье прекрасное. Я купаюсь 3 раза в день. Принялся за свой прерванный труд, но долго не мог приняться за работу. Теперь проходит прежняя усталость и чувствую себя бодрее. Но вот уже скоро опять лекции. Обнимаю тебя. Жена моя благодарит тебя за твой братский поклон и тебе отвечает таким же. Вся семья тебе кланяется.

Твой С. Шевырев.

Авг<уста> 1. 1850. С<ело> Вязема.

1739. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Одесса. 16 августа 1850.

Вы не можете себе представить удивление мое при чтении первых строк вашего письма. Я вовсе не подозревала, кто пишет мне. Наконец с нетерпением повернула листик и вижу, к крайнему моему удовольствию, что это вы, вы, который уже так давно пропали для нас! Вы намереваетесь зимовать в Одессе? Хотя я не принадлежу к числу поклонников ее, не могу, однако ж, не находить, что вас посетила очень счастливая мысль, тем более, что княгиня Варвара Алексеевна, княжна и все мы пробудем будущую зиму здесь. Так приезжайте же скорее!

Жары у нас нестерпимы и, право, непростительны, потому что не итальянское солнце производит их. Если где, так здесь можно поссориться с надеждами. Беда же тем, которые и зимой и осенью также не дружно живут с ними.

Прощайте, Николай Васильевич, не надолго; ожидаем вас с нетерпением, Елизавета Репнина.

1740. А. О. Смирновой

Августа 20 <1850>. Д<еревня> Василевка.

Письмо ваше, добрый, бесценный друг Александра Осиповна, получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень и неохота писанья. Вы сами знаете, как гадко хлопотать о самом себе и особенно просить[1], когда со всех сторон все просят денег, точно нищие, и кругом обирают Государя. Просто не подымается рука. И кажется, какой-то голос говорит: «Тебе бы не следовало об этом хлопотать. Тебе бы хоть одному следовало бы сделать свое дело честно, не забирая вперед платы». Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма, смягчивши требования[2] вспоможенья и напирая только на то, чтобы стало ясно мое положение; препровожу оба письма к Плетневу, чтобы он передал их Олсуфьеву, хоть это все и будет уже поздно, потому что Наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. Нужней всего мне теперь просто хлопотать о пашпорте, потому что за этими письмами прошло много времени, и боюсь крайне опоздать. Мне нужно непременно эту зиму хорошенько поработать в ненатопленном тепле, с благодатными прогулками на воздухе[3] благорастворенного юга. И если только милосердный Бог приведет мои силы в состоянье полного вдохновенья, то второй том эту же зиму будет готов. Вы сами знаете, что бывают времена, когда в один день больше делается, чем в месяцы. От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружелюбным зазывом в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! Весной увидался бы с вами раньше обыкновенного, май — в Москве, июнь, июль и август устроили бы где-нибудь на морских водах близ Реве<ля> или Риги в совокупности с Жуковс<ким> с присоединеньем

[1] просить в это время

[2] всякие требования

[3] на вольном воздухе

Плетнева. Там прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь — в Петербурге, для печатанья и окончательного устроенья дел. В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября, стало быть, вы еще можете дать о себе весточку в Полтаву, а после[1] этого числа адресуйте, для лучшей верности, к Стурдзе. Репнины также в Одессе и, кажется, остаются там всю зиму.

Прощайте! Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Напишите, чем занимаетесь. Вразуми вас Бог найти занятие и физическим силам: какую-нибудь рукопашную работу на вольном воздухе. Я телом не очень здрав, но голова, слава Богу, вся сидит во 2 томе.

1741. Графу А. П. Толстому

Август 20 <1850>. Д<еревня> Василевка.

Благодарю вас много, добрейший Алексан<др> Петрович, за ваше обстоятельное и любопытное письмо. Все известия, вами сообщенные, были для меня очень интересны. Очень бы я хотел взглянуть на сочинение Neale. Стыд, однако же, нашему духовенству, если оно не будет скоро переведено на русский язык. Исторические разысканья о таком важном предмете особенно полезны молодым священникам, заставляя их нечувствительно пристращаться к своему делу, прежде чем собственные душевные бури и события заставят почувствовать всю святость своего званья. Книгу эту следовало бы даже издать великолепно, так, чтобы и самые гаеры почувствовали, что это должно быть что-то важное. Очень жалею, что не попалось мне также в руки русское сочинение *о служении и чиноположен<ии> Правосл<авной> Церкви* с планами. Не знаю, отыщу ли ее в Одессе. Жаль, если Пальмер не напишет своего путешествия по Востоку.[2] Это была бы нужная книга. Под этим именем можно многое сказать в уши тем, которые не читают книг под другими заглавиями. 2-го тома Святогорцев я также не имею и надеюсь отыскать в Одессе. От Стурдзы я получил на днях весьма милое и дружелюбное письмо с гостеприимным зазывом в Одессу. Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу. Но голове и телу моему необходим, и особенно во время работы, благорастворенный воздух и ненатопленное тепло. А мне нужно всю эту зиму поработать хорошо, чтобы

[1] потом

[2] *Далее начато:* Под эти

приготовить 2 том к печати, приведя его окончательно[1] к концу. Покуда, слава Богу, дело идет еще недурно. Когда я перед отъездом из Москвы прочел[2] некоторым из тех, которым знакомы были, как и вам, две первые главы, оказалось[3], что последующие сильней первых и *жизнь* раскрывается, чем дале, глубже. Стало быть, несмотря на то, что старею и хирею телом, силы умственные, слава Богу, еще свежи. А при всем никак не могу быть уверен за работу. Если не поможет Бог, ничего не выйдет. Никогда еще не чувствовал так ясно, как теперь, что за всякой строкой следует взывать: Господи, помилуй и помоги! Если паче чаяния не выеду из Одессы за границу, а поворочу в южный Крым, то увидимся раньше. Но, во всяком случае, вернее то, что в Москве буду весной.[4] Впрочем, все будет так, как распорядится Бог. До 15 числа сентября адресуйте в Полтаву, а после в Одессу. Затем

ваш весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Графу Александру Петровичу.

1742. Графине А. Г. Толстой

30 август<а 1850>. Д<еревня> Василевка.

Перед выездом моим в Одессу спешу написать вам несколько строчек, добрейшая графиня. Граф пишет ко мне, чтобы между прочим известить его о времени моего прибытия в Москву. На юге буду стараться пробыть сколько возможно менее времени, но все не думаю, чтобы раньше весны мог[5] доставить себе приятность свиданья с вами. Вас хочется видеть как можно скорее — вот все. Прочее устроит Бог. Будьте так добры: препроводите одно письмо к графу, а другое к Скурыдину. Я сам не знаю, как адресовать. Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными письмами, а своих адресов оба не сказали. О графе знаю только, что он был на пункте выехать из Петербурга, но где теперь, с вами или опять отправился в дорогу, этого не знаю. Очень обрадуете меня, если хоть несколькими строчками известите и о себе, и о нем, и о всем, что вам близко. Князю, если увидите его, передайте мой глубочайший поклон. Затем Бог да хранит вас. Не забывайте меня и прощайте.

Ваш весь Н. Гоголь.

[1] сов<сем>
[2] я прочел
[3] они нашли
[4] *Далее начато:* А
[5] мог я

Адресуйте в Одессу Poste restante или[1] на имя его превосх<одительства> Александра Скарлатовича Стурдзы, или, еще лучше, на имя княжны Варвары Николаевны Репниной (Стурдза, кажется, теперь в отлучке).

1743. Государю Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу

Письмо, составленное графом А. К. Толстым, с исправлениями Гоголя

<30 июля 1850. Калуга —
конец августа — сентябрь 1850. Васильевка>

Милостивейший Государь!

С полною доверенностью к[2] благородному сердцу[3] Вашего И<мператорского> Высочества, прибегаю к Вам без всяких предисловий. Ваше В<ысочество> читали мои сочинения, и некоторые из них удостоились Вашего высокого одобрения.[4] Последняя[5] книга[6], на которую я употребил лучшие мои силы, — это «Мертвые Души». Но из них[7] написана только первая часть. Вторая же, где русский человек[8] выступает не одними[9] пошлостями[10], но всей глубиной своей богатой природы[11] — еще не[12] вполне окончена. Труд этот может один доставить мне способ существования, ибо состояния у меня нет никакого. Небольшой пансион, пожалованный мне великодушным Государем на излечение мое за границей, прекратился по моем возвращении в Россию.

Окончить вторую часть *«Мертв<ых> Душ»* я должен[13] для того, чтобы было чем[14] *жить.*[15] Но здоровье мое так слабо, что

[1] или, пожалуй

[2] *Далее было:* Вашему

[3] *Далее было:* прибегаю

[4] *Далее было:* Главное

[5] *Было:* Последнее

[6] Последняя книга, на которую *вписано вместо:* Последнее из них, то, на которое

[7] *Далее надписано Гоголем:* вышло в свет только самое малое

[8] *Далее было:* изображен

[9] *Далее было:* своими

[10] *Далее было:* и стр<анностями>. *Здесь же Гоголем надписано:* Но самое главное и

[11] *Далее Гоголем надписано:* со всем запасом сил

[12] *Далее было:* окон<чена>

[13] *Далее Гоголем надписано:* уже

[14] я должен для того, чтобы было чем *вписано вместо:* мне необходимо — чтобы

[15] *Против этих слов на полях помета А. О. Смирновой:* На это надобно упирать. *Далее Гоголем вписано:* Потому что у меня весь доход из трудов

я не могу выносить холодного климата[1] и в продолжение зимы работать не могу вовсе. Чтобы поправить несколько мое[2] здоровье, мне[3] необходимо проводить[4] ежегодно[5] три месяца[6] в Греции, на островах Средиз<емного> моря или где-нибудь на Востоке, вблизи России[7]. Если б доставлена мне была[8] возможность в продолжение[9] трех лет сделать три летних поездки во внутренность России[10] и три зимние на Юг или на Восток, такое благодеяние не пропало бы для меня[11] даром.

Милостивейший Государь! Осмеливаюсь просить В<аше> И<мператорское> В<ысочество> исходатайствовать мне у Государя Императора некоторое денежное пособие, хотя заимообразно,[12] на три или четыре года, до совершенного и добросовестного окончания второй части «Мертвых Душ»[13].

Вашего Импер<аторского> Высочества
Милостивейшего Государя моего
верный и всепокорный слуга

Н. Г<оголь>.

моих собств<енных>. Я ниоткуда не получаю ни жалованья, ни доходов. Как-нибудь мне не хочется кончить да и не в моей власти. Дело свое нужно сделать

1 холодного климата *вписано вместо:* холодных русских зим

2 мое *вписано вместо:* свое

3 *Далее было: а.* бы *б.* было бы

4 *Слова:* Чтобы поправить несколько мое здоровье, мне необходимо проводить, — *Гоголем зачеркнуты. Над ними вписано:* Если бы три зимних месяца доставлять

5 ежегодно *вписано*

6 *Далее было:* в году

7 *Далее Гоголем надписано:* все равно как мне необходима также поезд<ка>

8 *Слова:* Если б доставлена мне была, — *Гоголем зачеркнуты. Над ними вписано:* и в то же вре<мя>

9 *Далее Гоголем вписано:* этих

10 *Далее Гоголем вписано:* необходимые [тоже] для моего сочинен<ия> [тоже <*1 нрзб.*>] прямо относящ<егося> до Росс<ии>

11 для меня *вписано.*

12 *Далее было:* за

13 *Слова:* второй части «Мертвых Душ», — *Гоголем зачеркнуты. Вместо них вписано:* соч<инения>, которое, если Бог милостив, которое, мне говорит мое сердце, будет достойно внима<ния> по [край<ней мере>] потому, что желанье принести истинную пользу, не было такой силы в груди, как эта

1744. Гофмаршалу Двора Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича В. Д. Олсуфьеву

Письмо, составленное Гоголем на основе письма графа А. К. Толстого

<30 июля 1850. Калуга —
конец августа — сентябрь 1850. Васильевка>

Я долго колебался и размышлял, имею ли право осмелиться беспокоить Государя Наследника просьбою. Наконец подумал так: я занимаюсь сочинением, которое касается близкой сердцу его России. Если сочинение мое[1] пробудит в Русском[2] любовь ко всему тому, что составляет ее святыню и с тем вместе поселит в нем охоту к занятиям и трудам, более прочих свойственным нашей земле, то это[3] с моей стороны есть уже тоже некоторый род службы, полезной отечеству. Сочинение мое Мертвые Души долженствует обнять природу Русского Человека во всех ее силах. Из этого сочинения вышла в свет одна только часть, содержащая в себе осмеянье всего того, что несвойственно нашей великой природе, что ее унизило. Вторая же часть, где Русской человек является уже не пошлой своей стороной, но всей глубиной своей природы, со всем величием своего характера, не могла быть так скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созреть самому. Теперь часть дела уже сделана. Но я устал, утомился, и здоровье мое, которым было запасся[4] в Италии, вновь ослабело, и, что всего хуже, суровость климата отнимает у моей головы способность работать в зимнее время; две зимы пропали здесь даром. Чувствую, что для оживленья труда моего и окончанья нужно большее сближенье с Россией и временное отдаленье от нее.

Если бы в продолжение трех лет была у меня возможность совершать в летние месяцы путешествие по России, а на три зимние месяца удаляться невдали[5] от нее или на острова Греции или где-нибудь на Востоке затем, чтобы поработать в тишине, — сочиненье мое было бы кончено не к бесславью Русской земли. Ибо нет у меня другой мысли: этим живу, этим дышу, молюсь Богу только об этом. Но как добыть на это средства? Доходов и жалованья я не получаю ниоткуда. Пансион, пожалованный мне великодушным Государем во время пребыванья моего в Италии для излеченья, прекратился с возвратом моим в Россию. Три года

[1] сочинение мое *вписано карандашом вместо:* оно
[2] *В копии С. П. Шевырева ошибочно:* в Русских
[3] *В автографе ошибочно:* что
[4] запасся *вписано.*
[5] невдали *вписано.*

я здесь перебивался кое-как в надежде, что, когда окончу сочиненье, тогда сбыт его вознаградит меня достаточно. Но жестокие две зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенья крылья.

Если я не имею права просить о вспомоществовании денежном, то, мне кажется, я могу просить об оказаньи покровительства, о беспошлинном паспорте, давшем бы мне право прожить три зимы в теплых местах, и казенную подорожную, обеспечившую[1] бы на три года мое путешествие по России.

1745. А. С. Стурдзе

Сентября 15 <1850. Васильевка>.

После разных странствований приехавши в Полтаву, нашел я там бесценнейшее письмо ваше, добрейший и почтеннейший Александр Скарлатович. Не говорю вам о том, как получить его мне было отрадно. Хотел было тот же час вам отвечать и благодарить за дружелюбное ваше расположение, но, перечтя в другой раз, увидел, что ответ пролежит в Одес<с>е даром по причине отлучки вашей (как пишете, до самого октября). Вследствие этого отложил и пишу теперь. Свиданье с вами меня радует много. Благословенны те чистые стремленья к святому, вследствие которых люди становятся родными и близкими друг другу! Как надежны, как неразрывны становятся тогда[2] наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам собою становится мил человек человеку. Душевно бы хотел прожить сколько можно доле[3] в Одессе и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе. Кроме свойства[4] родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине Небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу[5] о здоровье, сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончанье сочиненья

[1] *В копии С. П. Шевырева ошибочно:* подорожной, обезопасившей

[2] *Далее было:* все

[3] *Было:* долей

[4] свойства *вписано вместо:* достоинства

[5] и грущу *вписано.*

моего нужно и могло бы принести пользу[1]. Много, много, как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно выставить в живых, говорящих примерах — словом, много того, о чем нужно напомнить нынешнему современному человеку и что принимается[2] ушами многих только тогда, когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта[3] не подымается, когда[4] болезненна голова. Обыкнов<енно> работается у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утружденье головы развеять и рассеять послеобедним пребываньем и прогулками на благорастворенном теплом[5] воздухе; без того у меня голова на другой день несвежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен сделать все, и Его милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря,[6] в самой Одессе, все еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. С[7] радостью проведу несколько месяцев с вами. В ожиданьи чего

ваш весь Н. Гоголь.

Благодарю много добрейшего Неводчикова за его милую приписочку в вашем письме. Нет, я его не позабыл и помню: такое радушное участие и такое доброе расположение не позабываются. Прошу вас также передать Преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье пастыря есть уже само по себе благодатный подарок, а соединенное с тем любовным чувством сердечного участия, с каким верно оно соедини<лось> у него, вдвойне благодатно. Не позабудьте также передать поклон мой о<тцу> М. Павловскому и всем, кто меня помнит.

Если поможет Бог, то первых чисел октября полагаю быть в Одессе.

1746. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 11-го сентября <1850>.

Спешу с ответом на ваше последнее письмо, но едва ли мое добредет к вам до 20-го, любезный Николай Васильевич. Кажется,

[1] *Далее было:* может быть, многим

[2] *Далее было:* только т<огда>

[3] эта *вписана.*

[4] *Далее было:* становится

[5] *Далее было:* вольно<м>

[6] *Далее было:* и

[7] *Было:* и с

вы так устроились, что планы ваши едва ли могут осуществиться в отношении к получению денежного пособия, да и сам паспорт придет поздненько. Во всяком случае, вам лучше быть поближе к западу и послушаться зова Александра Скорлатьевича Стурдзы.

Странно, я Стурдзы не знаю, но точно как будто мы родные. Мне кажется, что если бы я встретила его, мы были бы тотчас в искренних отношениях. Я давно уже смотрю на Одессу, как на отрадный островок, и единственно от того, что живет там автор драгоценных писем об обязанностях священного сана. Во всяком случае, осень там лучше провести, чем в Васильевке, и когда подъедет паспорт, то легко придумать, как добраться до Афона. Пожалуйста, уведомьте меня о всех будущих ваших перипетиях. У меня же ничего не имеется в виду ни нового, ни хорошего; все зависеть будет от ревизии и оборота, который ей даст князь Давыдов. Кажется, должно бы идти хорошо, но если намерены придраться, ко всему можно придраться; губернатор уже так поставлен, что должен за все отвечать. Я устала от всех этих неприятностей, и пора бы уже освежению прийти; под освежением разумею более отрадные впечатления. Но, кажется, этому долго не бывать, по моим соображениям...

...Меня ужасно тянет на юг, я думаю, что это потребность физическая. Ваш Вяземский съездил в Иерусалим; теперь его ждут в Астафьево, его подмосковную. Говорят, что это путешествие его очень успокоило. Вяземский еще человек прошлого столетия, и развлечения, какого бы они роду ни были, очень могущественны для него. Какие-нибудь иллюзии были еще у людей прошлого века, мы не можем иметь никаких. Аркадий в Вильне. Он пишет, что, по его мнению, тот край гнилой и напрасно о нем хлопочут. Но польки такого свойства, что гниют с вспышками — и потому рук нельзя с ними опускать; это уже я прибавляю. Ему Бибиков предлагал быть губернатором, но он отказался и говорит, что чувствует, что был бы дрянь губернатор. В первый раз он увидел русский чиновный люд вблизи и говорит, что все на один покрой, так что если бы не разные лица, то можно принять прокурора за председателя и так далее. Хорошо, что там можно с этим людом не знаться, потому что есть другой люд в остатках литовской аристократии — как бы она гнусна ни была. Да при ген<ерал>-губ<ернаторе> чиновный люд исчезает и совершенно обращается в машины... Скажу вам чудо: Е. С. Аксаков поехал с больными сестрами в Киев по приказанию Овера; это сообщает

мне Иван (Аксаков) из Ярославля. Софья Мих. Сологуб вернулась из Гельсингфорса, все такая же грустная, но здоровая; я ей писала, но не получила еще ответа. Да что и писать в таком положении: много надобно времени, чтобы примириться с такими сиротами. Где наш Жуковский? ровно ничего о нем не знаю. Императрица уехала в Варшаву 10-го, где предполагается провести зиму, ради лучшего климата; Государь уехал в Чугуев, Наследник на Кавказ, молодые великие князья ездят по России. Воображаю, как мил Петербург! Он тем только и хорош, что там царское семейство, а когда их нет, скука его еще ощутительнее. Все равно, что господская усадьба, в которой остались одни дворовые.

Пожалуйста, не вините за такое пошлое письмо, в нем ничего живого не слышится, так и на душе у меня вяло и мертво. Какая дрянь человек!.. Пожалуйста, кончайте второй том, ожидание томительно и, наконец, делается безнадежно. Христос вас да укрепит, а я всегда молюсь, чтобы труд окончился, полагая его полезным. Что я ваша от души, лишнее и писать.

1747. П. Ф. Минстер

23 сентября 1850 <Васильевка>.

От всей души и от всего сердца поздравляю вас с днем вашего Ангела. Хоть и не удалось мне присутствовать лично на вашем празднике, на который, как я слышал, съедутся подруги-институтки, но весело и заочно участвовать в вашем веселии. Знаю по опыту, что нет торжественней того торжества, когда собираются школьные друзья-товарищи провести день вместе. Дни эти — дни молодости нестареющей. Храните же свято, неизменно и до конца дней чистое пламя дружбы, какое бы ни встретили вы охлаждение, как бы вам ни показалось, что изменились к вам отношенья других людей; пребудьте сами неизменны, и вы с избытком будете награждены потом от них же, а жизнь ваша украсится многими прекрасными днями. Все здесь тленно, все пройдет — одни только милые узы, связывавшие нас с людьми, унесутся с нами в вечность. Ни на одну минуту не следует нам здесь позабывать того, что жизнь нам дана для любви и что мы сами — творенье Божьей любви к нам. Желая от души поболее в этот день повеселиться, остаюсь ваш всегда

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Поликсене Федоровне Минстер. От Гоголя.

1748. П. Ф. Минстер — Н. В. Гоголю

Полтава. 28 сентября <1850>.

Много, много вам благодарна, уважаемый и добрейший Николай Васильевич, что вспомнили день моих именин. Письмо ваше я получила в самую шумную минуту бала; оно переходило из рук в руки между добрыми нашими *патриотками*, с восторгом читавшими ваши теплые слова о радостных днях встречи с бывшими друзьями детства. Все мои совоспитанницы, съехавшиеся ко мне в тот день, неотступно просили изъявить вам общее чувство благодарности и любви за письмо ваше, одушевившее нас новым духом дружбы и товарищества. Искренно жалею, что милые сестрицы ваши, Анюта и Лиза, которых я люблю ото всего сердца, не могли приехать разделить с нами истинно прекрасных минут свидания с теми из подруг, с которыми мы были разлучены более семи лет. Ваша правда: нет торжественнее торжества, как это согревающее сердце свидание, надолго оставляющее в душе светлое чувство любви к ближнему. Мне случалось быть посторовнею зрительницею подобных мгновений, и тогда даже слезы невольно выступали на глазах моих, и я радовалась за них и боюсь сознаться, не завидовала ли им.

Если среди ваших занятий выберете время набросать ко мне хоть строчку, то я сочту это за особенный знак внимания к душевно вам преданной патриотке П. Минстер.

1749. А. О. Смирновой

Одесса. 26 октября <1850>.

Приехавши в Одессу, сию же минуту, не откладывая дела в долгий ящик, пишу к вам. Ваше письмо получил еще в Малороссии, перед самым моим выездом. Хоть и говорите вы, что оно писано в вялом и пошлом расположении духа, но оно мне было так же приятно и отрадно, как все ваши письма. Великое дело, когда душа сродни душе: в каком бы растрепанном и неопрятном виде ни вышел, хоть и при нужде бывают строки, все-таки увидишь в них того же человека, которого любишь. Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда. Точно, я плохо распорядился. Такая находит лень по этой части, что просто не могу с собой сладить, хоть и силюсь давать себе шпоры и понукан<ья>. Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму, хоть и страшат меня здешние ветры, которые, говорят, зимой невыносимо суровы, но сила моря была так полезна моим

нервам[1]. Авось-либо и Черное море хоть сколько-нибудь будет похоже на Средиземное. Что бы вам прожить зиму в Одессе! Мы бы опять тряхнули стариной, вспомня Ниццу и всякие приятные встречи, после долгих скитаний. Беда только, что время становится позднее и дороги гадки. Я успел уже видеть Стурдзу, хоть и на весьма короткое время. У него кучи новостей о Востоке и обо всем, для нас интересном, но выслушиванье я отложил до другого врем<ени>, желая поскорей вам нацарапать несколько строк. Не взыщите за царапанье. Прощайте и не забывайте меня.

Весь ваш Н. Гоголь.

1750. М. И. Гоголь

28 окт<ября 1850. Одесса>.

С большим трудом добрался я или, лучше сказать, доплыл до Одессы. Проливной дождь сопровождал меня всю[2] дорогу. Дорога невыносимая. Ровно неделю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшие дверцы коляски, а другой расстегиваемый ветром плащ, и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться в дорогу. С 15 октября решительно все дни *критические*. Если и покажется несколько теплых дней, то они уже не в состоянии поправить раз испортившую<ся> дорогу. Еще не могу вам сказать ничего решительно относительно[3] отъезда[4]. Из Константинополя пришедшие вести, что там не так спокойно, заставля<ют> меня призадуматься, ехать ли в этом году. С другой стороны, оставаться в Одессе тоже не весьма заманчиво для моего некрепкого здоровья. Климат здешний, как я вижу, суров и с непривычки кажется суровей московского. Я же, в уверенности, что еду в жаркий климат, оставил свою шубу в Москве. Но, положим, от внешнего холода можно защититься, как защититься от того, который в здешних продувных домах? Боюсь этого потому, что это имеет большое влиянье на мои занятия. Вообще в этом году я весьма поздно распорядился со всеми моими делами, и причиною этому лень, одолевшая мною в Малороссии. Нечувствительно[5] я выучился

[1] была всегда спасительна для меня
[2] во всю
[3] насчет
[4] *Далее начато:* то есть еду ли я или нет за границу
[5] Нечувствительно как

откладывать до завтрашнего дня, чего у меня прежде никогда не было. Это самая скверная и губительная привычка. Замечанье это для сестер, которые, пока молоды, еще не могут чувствовать всю ее гадость. Особенно не нужно отлагать исправленья себя в чем-либо уже замеченном, но нужно начинать его с сегодняшнего дня, а не с завтрашнего. Человек нечувствительно с летами набирает столько гадостей, что сам не ловит себя заблаговременно на всех мелочах. Можно сделаться нечувствительно из доброго несносным для всех. Уведомьте меня, говорили ли вы Юркевичу за лес, который возле Черныша, пришло ли разрешенье продавать его? Хорошо бы воспользоваться перевозкой в то время, когда дороги еще хороши. Прощайте. Прилагаю при сем два письмеца — к Андрею Андреевичу и Дмитрию Анд<реевичу>. Передайте поклон мой отцу Антону, Ивану Григор<ьевичу> Крикуневичу и Немченко. Обнимаю вас всех.

1751. А. В. Гоголь

<Конец октября — начало ноября 1850. Одесса>

Я не сержусь на тебя и даже не удивляюсь твоему отъезду, потому что ты еще ни одного разу меня не послушалась. Я вовсе не забочусь о том, чтобы мои советы исполня<лись>, уверенный, что Бог все строит к лучшему. Так и теперь могут тебе представиться многие обязанности, важнейшие тех, которые были бы дома. Но я только прошу тебя, ради Бога, обрати сама внимание на самую себя. В твоем характере, незаметно от тебя самой, вырастает строптивый дух своеволья и непокорства. Покорись хоть себе, если не хочешь никому покориться. Говорю тебе, что, если не приобретешь той милой кротости, того радушного желанья всем служить, всем угождать, думать о других, позабывши себя, которые одни только придают неизъяснимую прелесть всем движен<ьям> женщины и на лицо кладут постоянную ясность, — ты никому не понравишься и не исполнишь тем обязанностей, о которых помышляешь. Я заметил в этот приезд, что все тебя гораздо менее стали любить, чем прежде; да и я сам не без болезненного чувства приметил, что и вид твой и все движенья и ухватки стали черствей, неприятней и начали более отзываться чем-то ухарским. Повторяю тебе: ради Христа, о себе уже не говорю (не говорю: «ради меня», это можно сказать только тому, кто искренно и сильно нас любит), но ради Христа, обрати вниманье на самую себя. Может быть, после будет поздно. Выбросивши

из себя эгоизм, только умеющий <строить> всякие воздушные замки в будущем для самой себя, гляди на себя так, как бы ты рождена была служить другим, всем, всем, теперь же, в нынешнюю минуту, всем, хоть бы это служенье состояло в том, чтобы подать прежде всех стакан воды или поднять платок. Ты взяла себе престранную методу, чтоб не дать над собой власти другому или кто тебя пониже, перечить, не уступать. Этим только против себя вооружишь и самую себя испортишь. Мне не нравилось твое обращенье ни с сестрами, ни даже со слугами. Бей всех лаской и любовью, если хочешь их себе покорить, и как бы кто ни поступал с тобой, употребляй все силы, чтобы в лице тво<ем> выражалось постоянно ласковое и любовное к нему расположение, как бы ты даже и не заметила, что он тебя обидел. Бог тебя да вразумит; прибегай к Нему Самому теперь за советом, мне отныне уж нечего тебе говорить, да <и> не о чем больше. Молю тебя, вот и все. Молись и ты обо мне.

Твой брат Н<иколай>.

<*На обороте:*>

Любезной сестре Анне.

1752. Протоиерей Михаил Павловский — Н. В. Гоголю

<30 октября 1850. Одесса>

Милостивый Государь,
достойнейший Николай Васильевич!

С душевным утешением спешу послать Вам святую икону. Святая икона останется в Вашем жилище, а Святитель и Чудотворец Николай, Вам тезоименитый, да пребудет, Своею помощью и покровом, с Вами — всегда, ныне и присно! А *правило Веры и образ Кротости* (как поет Святая, Православная Церковь наша Святителю Николаю), — *правило Веры и образ Кротости* да будет, в глубине души Вашей, — всегда, а наипаче — в те, драгоценные, минуты, когда в руке Вашей будет перо Ваше! — Это мое благословенье Вам, — об этом будет и молитва о Вас, душею преданного Вам и чтущего Вас, слуги и Богомольца

Протоиерея Михаила Павловскаго.

30-го октября, 1850.
Одесса.

1753. С. П. Шевыреву

7-го[1] ноября <1850>. Одесса.

Благодарю тебя много и много, бесценный друг, за твои заботы о моем племяннике. Поблагодари также и Погодина. Он устроился в Казани очень хорошо, и, кажется, им остались все довольны. Денег ему покуда еще не нужно. Да и лучше, если молодой человек будет знать заранее, что *всякая копейка алтынным* гвоздем прибита; он, точно, снабжен всем необходимым. Я теперь, как видишь, сижу в Одессе. Приехал сюда затем, чтобы отсюда двинуться в теплые края, но это, кажется, не состоится по неименью еще пашпорта. Я поленился хлопотать о нем пораньше. Получить его могу или в конце декабря, или в начале генваря, стало быть, выезжать поздно. Весной же мне нужно быть в Москве и в Петербурге[2]. Боюсь и суровости зимы, которая далась мне знать[3] в прошлом году, боюсь и разлучаться с друзьями и близкими. Здешняя зима по забранным сведениям мало чем лучше московской, так что если бы не страшили меня совершенно испортившие<ся> дороги и невыгода зимнего пути, совершенно невыносимого для моего бренного тела, я бы потащился снова в Москву обнять сызнова вас всех и тебя в особенности. Насчет печатанья сочин<ений>: напиши мне, что стоит бумага, на которой печатается «Москвитянин». И можно ли ее заготовить достаточно на 2-е издание моих сочинений. Я бы желал листы ее перегнуть в 12-ю долю. Они велики, и двенадцатая доля будет почти равняться прежней осьмушке. Мне бы хотелось, чтоб изданье продава<лось> дешевле[4]: за 5 томов пять, шесть целковых, не больше. Нужно необходимо, чтобы к выходу II-го тома «М<ертвых> д<уш>» подоспело изданье сочинений, которых, вероятно, потребуется тогда вдруг много. Уведоми меня также, что возьмут типографщики за лист смирдинского издания русских писателей, которое тоже в двенадцатую долю и которых рамка страниц такая[5], как потребна моим сочинениям. С той только разницей, что мне хотелось бы пустить поля вокруг пошире,[6] и потому бумагу форматом побольше. Живу я в Одессе покуда слава Богу. Общество у меня весьма приятное: добрейший Стурдза, с которым вижусь[7]

[1] 2-го
[2] в России
[3] *Далее начато:* прошедши<м>
[4] *В автографе:* дешевлее
[5] должна быть такая
[6] *Далее начато:* что будт<о>
[7] быва<ю>

довольно часто, семейство кн. Репниных, тебе тоже знакомое. Из здешних професс<оров> Павловский, преподаватель богословия, и философии — Михневич, Мурзакевич, потом несколько добрых товарищей еще по Нежинскому лицею. Словом, со стороны приятного препровождения грех пожаловаться. Дай Бог только, чтобы не подгадило здоровье. Поместился я тоже таким образом, что мне покойно и никто не может мне мешать, в доме родственника моего, которого, впрочем, самого в Одессе нет, так что мне даже очень просторно и подчас весьма[1] пустынно. Уведоми о себе, о добрейшей Софье Борисовне, о детках и, словом, обо всем, что до вас относится. Я уже давно не имею вестей из Москвы. Да, есть ли у тебя экземпляр, чтобы отдать в цензуру, и какому цензору? Я думаю, лучше Лешкову. Им Погодин был всегда доволен. Если же какие-нибудь вздумает цензор изменения противу первого издания, в таком случае лучше в Петербург. Нужно просить Плетнева. Приложенное при сем письмецо, пожалуста, пошли Аксакову. Не позабудь слова два написать о погоде: когда в Москве началась зима и выпал первый снег. Здесь его выпало во множестве третьего дни, и с одного разу сделалась санная дорога: диво, доселе, говорят, невиданное. Вообще климат Одессы я нахожу мало чем лучше московского.

Обнимаю тебя несколько раз. Прощай, не забывай и пиши.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Адрес: в Одессу, в дом генерал-майора Трощинского.

1754. С. Т. Аксакову

7 ноября <1850>. Одесса.

Уведомляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, что я в Одессе и, может быть, останусь здесь всю зиму, хоть, признаюсь, здешняя зима мало чем лучше московской. Но нечего делать: с пашпортом я опоздал. А отсюда подыматься на[2] север тоже поздно. Видел я Казначеева, который мне показался весьма добрым человеком. Часто видаюсь со Стурдзой, с кн. Репниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школе; но чувствую, что вас недостает. Пожалуста, уведомьте меня о себе, о всех ваших и о всем, что до вас относится, о сем прошу и Конст<антина> Сергеевича. Продолжаете ли записки? Смотрите, чтобы нам,

[1] даже весьма

[2] в

как увидимся, было не стыдно друг перед другом и было бы что прочесть. Константину и Ивану Сергеевичам также.

Пишите: В Одессу. В доме генерал-майора Трощинского.

Весь ваш Н. Г<оголь>.

Душевный поклон Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всему дому!

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1755. И. А. Фонвизин — Н. В. Гоголю

30 октября 1850 г. <Москва>

Много благодарю вас, почтенный друг Николай Васильевич, за весточку из Полтавы и за возвращение книги, которую могли бы далее удержать у себя. По письму вашему надписываю свое в г. Одессу, из которой желаю скорого возвращения вашего сюда. Желаю этого для себя (эгоистически), а для вас — того, что может послужить вам к лучшему совершению пути, вами избранного. Ваши слова: *«тем теснее должны быть узы остающихся»*, напомнили мне то, что я писал, вскоре по кончине покойного друга нашего Надежды Николаевны, к зятю покойной, Ивану Дмитриевичу Якушкину. Я ему сказал, между прочим, что *«любовь отшедших в вечность к оставшимся здесь общим друзьям их должна теснее связывать последних между собою»*. Мы оба в разное время писали под влиянием одной занимавшей нас мысли. Итак, почтенный друг, будем, с помощию Господа, стараться теснее связывать эти узы молитвою.

Письмо это поручил я вам доставить родному племяннику моему Дмитрию Михайловичу Фонвизину, больному и телом и духом, телесный недуг его должно приписать преждевременному, а по тому самому уже вредному употреблению собственной воли; болезнь же духа происходит от обольщения нынешних лжефилософских систем последователей германского мыслителя Гегеля, как-то: Фейербаха и прочих, увлекающих молодежь и дающих большой простор страстям человеческим. Мне крайне жаль его, ибо не знаю, найдется ли в кругу знакомых его человек, который мог бы благодетельно подействовать на него и показать ему страшную бездну, на краю которой он беспечно ходит. Если Господь позволит вам пробыть некоторое время в г. Одессе... но нет! любовь вам более скажет, нежели что я могу сказать вам. Да поможет вам Господь во всем и да сохранит вас.

Простите. Сердечно преданный Иван Фонвизин.

P. S. Подумав, я переменил намерение послать это письмо через племянника, который может отлучиться из г. Одессы; в этом случае вы бы письма моего не получили, почему и посылаю на ваше имя.

1756. А. М. Трахимовскому

<Ноябрь 1850. Одесса>

Думал было еще с вами повидаться, добрейший Алексей Михайлович, — и не удалось. А между тем имею к вам убедительнейшую просьбу: дело вот в чем. Не следует нам, миргородским дворянам, выпустить из нашего уезда молодого Трощинского, которого переманивают в Киевскую губернию и с которым советую вам познакомиться, как с юношей, подающим добрые надежды. Говорю это не вследствие каких-нибудь родственных отношений, но потому что это в самом деле мне так кажется. Нам такие дворяне нужны. Употребите все усилия и сами собою и через знакомых и чрез Лукьяновича (которому передайте мой искренний и душевный поклон вместе с большим сожалением, что не удалось мне побывать у него лично, перед отъездом); словом, употребите все добрые движения души вашей и все от вас зависящие способы, чтобы в наступающие выборы избрать его в депутаты по Миргородскому уезду или иную должность по выборам, ему приличную, не связанную с большими хлопотами и разъездами, чтобы ему иметь возможность быть хотя вначале при больном отце; он и сам желает лучше причислиться к миргородскому дворянству. И, мне кажется, всем нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни было, внук того знаменитого мужа, которому много обязана Полтавская губерния, по крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского предводителя, несмотря на то, что, находясь в должности министра, обременен был кучей дел и обязанностей. По этому самому и нам уже следует споспешествовать всеми мерами его внуку в благородном желании служить по выборам. Придает еще шпоры моей просьбе и неприятный отзыв о Миргородском уезде, который случилось мне услышать дорогою от дворянства других уездов, будто бы они глуше и невежественней всех прочих в Полтавской губернии. Что уездный наш город Миргород плох, мы это знаем сами и над ним смеемся. Но пустынность уездного города и непроцветание

его скорее показывает то, что дворяне сидят по местам и заняты делом, а не баклушничают по городам. Дворяне других уездов уже и позабыли, что лучшие губернские предводители, и притом более других пребывавшие в этом звании, были все из Миргородского уезда. Во всяком случае, наша общая польза и выгода в том, если должности по выборам будут заняты нашими лучшими фамилиями. Переговорите обо всем этом с Лукьяновичем, подумайте сами и дайте мне ответ в Одессу.

Весь ваш Н. Го<голь>.

1757. И. Т. Лисенков — Н. В. Гоголю

С.-Петербург. 1850. Ноября 13.

Милостивый государь
Николай Васильевич!

Из газет видно, что Вы изволите иметь пребывание в Одессе. Позвольте иметь честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою: я петербургский книгопродавец Лисенков и прошу Вас покорнейше, не пожелаете ли Вы продать мне Ваши сочинения для напечатания, какие бы то ни были; у нас в книжной торговле почти ничего нет, публика ежедневно спрашивает Ваших сочинений, а у нас ничего нет, называет нас ленивцами и лежебоками, что ничего не печатаем Ваших произведений, а Бог знает, где Вас было можно найти, чтоб обратиться за Вашим дозволением напечатать.

Покорнейше прошу Вас дать ответ Ваш, что у Вас есть, чтоб напечатать, и сколько я Вам обязан заплатить, и немедленно желаемое получите от моих знакомых Криворотовых, к которым при сем прилагаю и письмо, и им вручите Ваше дозволение мне для напечатания, а главное, прошу Вас, не откажите в моей к Вам покорнейшей просьбе.

Имею честь быть с истинным к Вам навсегда почтением Вашего высокоблагородия покорнейший слуга

Иван Лисенков.

1758. П. А. Плетневу

Декабря 2. 1850. Одесса.

Пишу, как видишь, из Одессы, куда убежал от суровости зимы. Последняя зима, проведенная мною в Москве, далась мне, знать, сильно. Думал было, что укрепился и запасся здоровьем

на юге надолго,[1] но не тут-то было. Зима третьего года кое-как перекочкалась, но прошлого едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время (во время их) пропало даром, а время мне дорого. Работа — моя жизнь. Не работается — не живется, хоть покуда это и не видно другим. Отныне хочу устроиться так, чтобы три зимние месяца в году проводить вне России, под самым благораствореннейшим климатом, имеющим свойство весны и осени в зимнее время, то есть свойство,[2] благотворное моей голове во время работы. Я уже испытал, что дело идет у меня как следует только тогда, когда все утруждение, нанесенное голове поутру, развеется в остальное время дня прогулкой и добрым движеньем на благорастворенном воздухе (а здесь в прошлом году мне нельзя было даже выходить из комн<аты>). Если это не[3] делается, голова на другой день тяжела, не способна[4] к[5] работе. И никакие движенья в комнате (сколько их ни выдумывал) не могут помочь. Слабая натура моя так уже устроилась, что чувствует жизненность только там, где тепло *ненатопленное*. Следовало бы и теперь выехать хоть в Грецию; затем, признаюсь, и приехал в Одессу, но такая одолела лень, так стало жалко разлучаться и на короткое время с православной Русью, что решился остаться здесь, понадеявшись на русский авось: то есть, авось-либо русская зима в Одессе будет сколько-нибудь милостивей московской. Разумеется, при этом случае стало представляться, что и вонь, накуренная последними политическими событиями в Европе, еще не совершенно прошла, и — просьба о пашпорте, которую хотел было отправить к тебе, осталась у меня в портфеле. Впрочем, уже и поздно: к весне, во всяком случае, не нужно бы возвращаться в Россию. Намеренья мои теперь вот какого рода: в конце весны или в начале лета предполагаю быть в Петербурге, затем, чтобы, во-первых, повидаться с тобой и с Жуковским и перечесть вместе все то, что хочется вам прочитать, а, во-вторых, если будет Божья воля, то и приступить к печатанью. Время, кажется, уже несколько угомонилось, головы хоть, может быть, и не совсем, но, по крайней мере, уже, верно, отрезвились настолько, чтобы иметь терпенье и хладнокровье выслушать, в чем дело, а до сих пор, право, не подымались даже

[1] как следует
[2] *Далее начато:* которое
[3] *Далее начато:* на
[4] и неспособна
[5] к *переправлено из* как

и руки к изданью чего-либо[1]. Уведоми меня теперь же, какие у тебя планы на лето. Как бы устроиться нам так, чтобы провести его где-нибудь на морских водах, в Ревеле или в ином месте? Я думаю, что взаимные беседы нам будут теперь нужней, чем когда-либо прежде. Не поленись, напиши теперь же, присообща к этому хоть два слова о своем житье и о милых — близких твоему сердцу, которым всем передай душевный мой поклон.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе. 1-й части 1-го квартала. В доме Трощинского.

P. S. С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста, пошли человека в дом Пажеск<ого> корпуса сказать Лисенкову, который надоедает более других, что я буду сам в Петербурге.

1759. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 24-го ноября <1850>.

Некогда праздновали этот день с беспечным уверением, что не только Петербург — вся Россия, но и весь мир принимал участие в этом великом дне для Екатерининского института. Что бы я дала теперь за такое убеждение в чем бы то ни было! Что бы вы сами дали, любезный друг Николай Васильевич, чтобы воскресить в своей душе те убеждения, те верования, которые еще тому назад 20 лет можно было искренно питать в себе. Что произошло с 1830-х годов с человечеством? Как и почему гражданские, политические перевороты вдруг разъяснили бедному человечеству, что оно не верит ничему, что нет печати святыни ни на чем, что оно и хотело бы верить и любить, но уже не способно. Отнялась эта благодать от гордого запада. Осталась ли она нам? Да, можно утвердительно сказать, что народ русский верит и любит то, чему верит. Но народ русский и мы, образованный класс, две разные вещи. Сколько один хорош, столько мы гнусны и проникнуты разными западными элементами. Путешествия на запад, западное воспитание, чтение мерзкой, холодной, безнравственной их литературы сделало из нас каких-то нравственных метисов (métis). Даже лучшие люди, ищущие хорошее, полезное и в нем и приятное, и те заблуждаются, идут к добру косвенными путями и доходят не до той цели, к которой полагают, что

[1] чего-либо в свет

стремятся. Случай привел меня в одно семейство, многочисленное, богатое, где призрели нескольких сирот племянниц. Нас садилось человек двадцать за стол и более, и представьте мое удивление: на одном конце стола царствовал Вольтер, на другом конце — английские диссентеры и, что еще хуже, швейцарские сектаторы. Эти два разнородные начала безверия и разрушения боролись перед детьми всех возрастов. Настало воскресенье; некоторые члены семейства были у обедни, о которой не было и помину. После завтрака все уселись сложа руки и мать семейства начала вслух читать проповедь какого-то Monod de Genève (верно, брат известного доктора). Чтение продолжалось два часа, все были в восторге; я одна слушала, по-видимому, с равнодушием, но внутренно с негодованием; проповедь была самая скучная, водяная и вместе исполненная разрушительных слов для нас, православных. Изображение Бога-образа вообще просто называли идолопоклонством, первым грехом против заповеди, и все заключалось каким-то намеком на Апокалипсис, где обещано тысячелетия. По прочтении проповеди меня спросили: как она мне нравится? Я из учтивости хотела похвалить, но духу не хватило, и я объявила, что кроме русских проповедей не люблю никаких, даже боюсь читать, не считая себя довольно твердою в знании догматов. Мне объявили с удивлением, что догматы все равны, что и доказывает еще какой-то женевский сектатор, а о русских проповедях было сказано, что они очень дурны и скучны. Защитника Вольтера и философов тут, конечно, не было. Все эти люди прекрасные, но могут сделать много бед и не последнее горе в этой разногласице духовной, которая начинает к нам проникать. Я имела много случаев заметить, что пропаганда протестантизма очень сильна и едва ли не вреднее, потому что ее менее боятся. И пропаганда протестантизма идет рука об руку с пропагандою политическою. Она подтачивает все начала исподтишка, грызет, как мышь. Вот почему так вредно в доме присутствие иностранцев, и всех их менее вреден англичанин, но не диссентер. Это странное явление навело на мою душу какую-то грусть; и без того уже грустно от всяких дрязг, сплетен и служебных обстоятельств Н<иколая> М<ихайловича>, а тут еще представилась такая странная критика. Я долго думала; потом начала читать путешествие Шевырева на Бело-озеро. Рассказы его о церквах, монастырях, чудесах и святых носят на себе характер неискренности; так подогрето и разогрето воображением чувство веры, что грустно читать. Бедный, он бы хотел писать, как писали в старину, он чувствует что-то

горячо, чувство было прекрасно, плодотворно, но человеку нашего времени не дается воскресить старое. Скверное наше время, и за редкость те люди, которые могли оторваться от общего соблазна и уединиться. Завидую вам, вашему житью в Одессе; достаточно одного Стурдзы, чтобы примириться со многими неудобствами и неприятностями.

Я узнала случайно, что вы были у Трощинского и там, верно, вы побывали не даром, если только он помнит дядю своего и сохранил его бумаги. Мы все еще in statu quo. Те же сплетни и дрязги. Толстой вдруг уехал; его вызвал Василий Перовский, который очень болен. Греческий язык меня очень утешает; я кончаю Евангелие от Луки, по-моему, самое трудное. Дети здоровы, растут мало, начинают скучать Калугою, потому что начинают понимать общество. Я себе удивляюсь иногда, как я не...[1]

Христос с вами. Пишите, что делать будете.

1760. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Ноября 28. 1850. Москва.

Как я обрадовался письму твоему, любезный друг. Насилу-то ты мне откликнулся, и я узнал, где ты и что с тобою. А вот, по причине твоего долгого молчания, у меня и беда случилась, в которой я должен тебе повиниться. Князь Ханджери прислал мне письмо на твое имя от Базили; так как я не знал, в Царьграде ты или в Васильевке, я не решался тебе послать его и ждал все письма от тебя, а письмо к тебе между тем лежало, лежало, залежалось и затерялось. Целое утро употребил я на искание его и не мог найти. Еще не отчаиваюсь, при переборе всех бумаг, найти его, и когда найду, пошлю немедленно. Но ты наказан за вину своего продолжительного молчания; как же возможно было тебе так долго не писать ко мне? Рад тому, что ты приютился в Одессе и что подаешь надежду видеть тебя весною и даже со вторым томом Мертвых Душ. Вот было бы прекрасно. Все-таки ближе ты к нам, а не к Туречине. У нас зима была до сих пор гнилая. Два раза становилась и два раза сходила. Первый снег выпал очень рано, в первой половине октября, и вдруг сделался санный путь, но ненадолго. Теперь, кажется, уже зима стала как надо. Авось в третий раз будет постояннее. Большого холода нет; доходил раз до 15-ти градусов, но не надолго. Гуляют на Москве грип<п>ы, головные боли, жабы, корь и прочие приятности. Головной боли

[1] *Пропуск. — Примеч. В. И. Шенрока.*

подвергался и я. Жена моя была больна сильным головным ревматизмом. Катенька сильно кашляла, особенно по ночам. Борис и теперь под влиянием грип<п>а. Но другие больные, слава Богу, оправляются. Бумага, на которой печатается Москвитянин, стоит 10 р<ублей> асс<игнациями> стопа. Но Погодин сказывал мне, что фабрикант Попов ставит ее только ему за такую цену, и вообще по мелочи бумагу не ставит, а торгует оптом. След<овательно>, к этому бумажнику относиться нельзя. Когда были написаны эти строки, явился ко мне конторщик М<осквитяни>на и обещал доставить адрес Попова. Он, по мнению к<онторщи>ка, даст бумагу. Я напишу к нему в Рыбинск. Экземпляр сочинений твоих остался у меня только мой собственный, а в книжных лавках они продаются теперь не менее 25 р<ублей> серебром. Попробуем цензуровать здесь. С будущего года новые цензоры. Лешков из цензоров выходит, потому что, по новому уставу, профессор цензором быть не может. Говорят, цензорами будут кн<язь> Львов и какой-то Ржевский, а из прежних остаются Снегирев и Флеров. Я надеюсь, что твои сочинения будут пропущены и здесь: я буду просить о том нашего попечителя, который человек просвещенный и к литературе благоволит, не так как гр<аф> Строганов. Конторщик Москвитянина явился за тем, чтобы купить остальные экземпляры М<ертвых> Душ. Я не знаю еще, сколько их осталось. Велю сегодня счесть. За половину деньги он отдаст теперь же, а другую в декабре или, поздно, в начале января. Денег твоих у меня в кассе: 300 р<ублей> серебром билет и 226 р<ублей> серебром наличными. Я очень рад буду продать остальные, чтобы очистить место и для сочинений и для своих книг. Да к тому же и кстати будут деньги для издания сочинений. Относительно набора за лист Смирдинского издания я не имел времени сходить в типографию. Университетская дешевле других, но в ней происходят теперь преобразования. Не сговориться ли с Степановым? Во всяком случае, надобно бы было запастись литографированными сорочками, чтобы предостеречься от припечатаний. Пиши же ко мне: подавать ли в цензуру? Если ты пустишь сочинения свои за 5 целковых, то они разойдутся чрезвычайно быстро. Выбранные места из Переписки взойдут ли в них? Письмо твое к Аксакову я послал через Кошелева. Москва занята была несколько времени убийством г<оспо>жи Симон, которую убили дворовые люди Сухово-Кобылина, жившего с нею в связи. Несколько времени подозрение падало и на него самого, и он был задержан, но теперь оправдан и освобожден. Говорят, что она жестоко обходилась

с людьми, которых он давал ей в услужение. Москва плела разные истории на счет этого убийства, и одно породило многие, так что, казалось уже, мы живем среди кровопролитий. Город М<ертвых> Душ разыгрался вновь в самом трагическом виде. Я тебе хочу сделать еще предложение относительно суммы, которая осталась у меня от продажи сочинений. Она, как ты знаешь, простирается до 2500 р<ублей> серебром. Вот пришла мне какая мысль. Есть намерение возобновить при университете литературное общество. Попечитель весьма этого желает. Общество это имело бы двоякие занятия: литературные и ученые. В ученых первое место было бы по изданию памятников древней русской словесности, начиная с самых древних времен и продолжая по столетиям. Со временем к этому изданию присоединился бы и словарь древнего языка. Это дело делалось бы трудами университетской молодежи под надзором моим и других профессоров. Бедные студенты, которые трудились бы над этим, получали бы плату и содержание. Деньги 2500 р<ублей> серебром хорошо было бы определить для этой цели. Покамест достаточно бы было 1000 р<ублей> серебром определить на это издание, а прочие лежали бы в ломбарде. Таким образом деньги эти совершили бы назначение, для которого ты их определил, и употребление их соединилось бы с пользою. Издание это со временем могло бы окупиться. Без твоего решения я не могу так распорядиться этою суммою. Не благословишь ли меня на это? Отвечай. Обнимаю тебя. Жена и дети тебе кланяются.

Твой С. Шевырев.

Сей час счел остальные экз<емпляры> М<ертвых> Душ. Оказалось 611. Не знаю, купит ли все контора М<осквитяни>на. Она полагала, что их всего 200.

1761. С. П. Шевыреву

Одесса. 1850. Декабря 15.

Пользуюсь оказией и отвечаю тебе на твое письмо через Николая Никифоров<ича> Мурзакевича, который к Рождеству, вероятно, уже будет в Москве. Благодарю тебя много за все. Всякое письмо[1] к тебе начинается, как видишь, благодарень<ем>. Так уж, видно, определено свыше. Относительно распоряженья твоего насчет 1000 руб<лей> сереб<ром> из благотворительной

[1] Письмо, какое ни пишу

суммы совершенно согласен, и мне кажется самому, что это будет полезнее прочего. Сочинения можешь отдать в цензуру, но если бы к чему привязался цензор, то отвоюй, переговорив с попечителем[1]. Что же до отпуска всех экземпляров «М<ертвых> д<уш>» одному книгопродавцу, то, мне кажется, лучше этого не делать, потому что от этого выгоды мне никакой, а бедному покупщику вред. Забравши остальные книги, книгопродавец делается тотчас монополистом и дерет жидовские цены. Письма Базили не ищи, не отыщешь; оно давно в моих руках, ты его отправил тот же час ко мне, как получил. Обнимаю тебя. Поздравляю вперед с грядущим 1851-м годом, от всей души желая, чтобы он был тебе благотворнейшим из всех, доселе тобой встречаемых. Бог да хранит тебя, как зеницу ока, вместе со всем твоим семейством!

Твой Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

1762. В. А. Жуковскому

<16 декабря 1850. Одесса>

Поздравляю тебя с наступающим новым годом:[2] Бог в помощь, добрый друг! Везде, где бы ты ни был, где бы ни нашло тебя письмо мое, за какой бы работой ты ни сидел и каким бы делом и мыслью ни был занят — Бог в помощь! Мы давно друг к другу не писали; не писали, потому что не писалось, но, верно, мы думали часто друг о друге. Предмет, связавший тесней прежнего нас, близок равно сердцам нашим, и, мысля о нем, нельзя, чтобы мы не вспоминали друг о друге. Милосердый Бог меня еще хранит, силы еще не слабеют, несмотря на слабость здоровья; работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанью. Что ж делать? Покуда человек молод, он — поэт, даже и тогда, когда не писатель; когда же он созреет[3], он должен вспомнить[4], что он — человек, даже и тогда, когда писатель. А что человек? Его значенье высоко: ему определено стать выше Ангела небесного, любовью пострадавшего за нас Христа. Покуда писатель молод, он пишет много и скоро. Воображенье

[1] *Далее начато:* насчет же

[2] *Далее начато:* говорю тебе

[3] зреет

[4] пр<ипомнить>

подталкивает его беспрерывно. Он творит, строит очаровательные воздушные себе замки, и немудрено, что писанью[1], как и замкам, нет конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметом и дело касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь в ее высшем достоинстве, в каком она должна быть и может быть на земле и в каком она есть покуда в немногих избранных и лучших, тут воображенье немного подвигнет писателя; нужно добывать с боя всякую черту. Хотелось бы очень прочесть тебе все, что написалось. Если Бог благословит возврат твой в Россию будущим летом, то хорошо бы нам съехаться хоть на месяц туда, где расположишься ты на летнее пребывание, будет ли это в Ревеле, Риге или где инде. Мы туда бы выписали Плетнева, Смирнову и еще кого-нибудь и провели бы прекрасно это время. Уведоми меня, мой добрый, близкий, близкий моему сердцу. Пиши в Одессу, куда я убежал от суровости зимы,[2] подействовавшей было на меня довольно разрушительно в Москве, но, слава Богу, в этом году она благосклонней. Жду с нетерпеньем от тебя двух слов и, обнимая тебя, повторяю: Бог в помощь и тебе и всем близким твоему сердцу.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе 1 части 1-го квартала. В доме генерал-майора Трощинского.

16 декабря русского стиля.

1763. А. А. Иванову

16 декабря <1850>. Одесса.

Поздравляю вас <с> новым годом, Александр Андреевич! От всей души желаю, чтобы он был плодотворен для вашей работы и чтобы картина ваша в продолжение его наконец окончилась, и окончание ее, венчающее дело, было бы достославно. Пора наконец. Не все же продолжаться этим безотрадным явленьям суматох и беспорядков; пора наконец показаться на свет плодам мира[3], обдуманных во глубине души мыслей и высоких созерцаний, совершившихся в тишине. Хорошо бы было, если бы и ваша картина и моя поэма явились вместе. Я нынешнюю зиму провожу в Одессе. Петербургская и московская зима выносятся плохо моим слабым телом. Впрочем, весной полагаю быть в Москве,

[1] перу

[2] *Далее начато:* которая

[3] делам мира

а летом, может быть, в Петербурге. До самого конца марта адресуйте мне в Одессу (1 части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского). Уведомьте хоть несколькими словами, как проводите время, кто теперь с вами в Риме и есть ли с кем перемолвить дружеское слово. Если с вами Моллер, обнимите его покрепче и поздравьте от меня с новым годом. Бог да хранит вас невредимо!

Ваш весь Н. Гоголь.

1764. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Москва. Декабря 5-го <1850>.

Наконец, я получил прямую весточку от вас, милый друг Николай Васильевич! Итак, вы в Одессе и ваше намерение провесть зиму под теплым небом Бейрута — не состоялось. Я должен признаться вам, что обрадовался этому известию. Одесса близехонько благодаря легкости и удобству сообщений! Мне страшно было думать, что вы опять заедете так далеко, и я не верил и не верую в мысль, чтоб это чужое тепло было полезно вашему здоровью, а ведь о нем-то и речь идет. Поверьте, что я не увлекаюсь эгоизмом и не подкуплен возможностью скорого свиданья с вами, возможностью: сесть да и приехать в Москву. Будьте здоровы, доканчивайте успешно свой великий труд и не ездите в Москву хоть целый год.

Я один раз только имел известие, что вы живете в Василевке, что вы здоровы и сбираетесь в Одессу, чтоб оттуда ехать дальше. О Максимовиче до сих пор ничего не знаем.

Теперь следует рассказать вам по порядку все, что случилось с нами в продолжение шестимесячной разлуки: 4 июня я переехал в свою подмосковную, где я прожил до 21 ноября. До наступления зимы, которая явилась у нас почти месяцем ранее обыкновенного, я неутомимо удил и ходил за грибами и был довольно здоров; последний же месяц я писал ежедневно свои охотничьи записки и кончил отделенье степной, или полевой, дичи, начатое в Москве; написал даже кое-что в техническое отделенье моих записок: по совести должен сказать, что я доволен только некоторыми местами.

Я переехал в Москву с гораздо большею неохотою, чем когда-нибудь. Послезавтра две недели, как я переехал, и до сих пор еще не начал примиряться с своим положением. Не могу возбудить в себе никакого интереса к окружающим меня предметам.

Все мне чуждо и скучно. Писать ничего не могу. Событие, которое в другое время не только бы занимало, но и волновало меня, т. е. постановка на сцену драмы Константина, я точно вижу как во сне. Кроме личного участия в сочинителе, тут решаются два важные вопроса: можно ли перенесть с успехом на сцену, в ее настоящем значении, драматизм исторической старой русской жизни хотя в одном моменте, или простота ее так велика, что для сцены не годится? Второй вопрос еще важнее: сохранилось ли настолько в низших слоях общества (а не народа) и развилось ли в нас русского чувства, чтоб мы способны были почувствовать эту жизнь? Эту пиесу выпросил себе в бенефис один плохой актер Леонидов, и Константин дал мимоходом согласие, предполагая, что это дело, по многим причинам, не состоится; а между тем оно состоялось, и 13 декабря драма идет. Я предполагал, что все актеры, особенно по нерасположению к бенефицианту, будут весьма недовольны постановкой этой пиесы. Может быть, оно сначала так и было; но когда Конст<антин>, при первой считке, прочел ее с совершенною простотою и горячим одушевлением, все были увлечены и многие растроганы до слез. Лучшие актеры захотели играть по нескольку лиц в народе, и со вчерашнего дня начались уже репетиции, которые будут продолжаться даже по ночам, после спектаклей, за недостатком времени и свободной сцены. Признаюсь, этого я никак не ожидал и начинаю думать, что многие места произведут сильное действие. Святость содержанья драмы и простота, никому не заметная, в совершении великих дел понята толпой актеров, вполне оторванных от народа, недостаточно образованных, чтоб понять его, и забитых представлением лиц, почти всегда совершенно им чуждых!.. Согласитесь, что этого никак нельзя было ожидать. — Хочу сделать глупость: ехать на первое представление в литерную ложу, где бы я мог спрятаться от блеска ламп и от зрителей: ибо я никого не хочу соблазнять своим нарядом. Непременно напишу подробно обо всем вам.

Константин, Вера и Надя съездили в Киев и остались очень довольны своим путешествием: чудное местоположение Киева в соединении с его историческим и религиозным значением произвело глубокое впечатление на всех. Малороссия поэтически подействовала на моих дочерей и смягчила даже непреклонного Константина. Впрочем, главная цель поездки не достигнута: здоровье Веры находится в прежнем положении, как и здоровье главной больной, Оленьки; все же остальные — слава Богу. Гриша мой служит покуда в Петербурге, а Иван продолжает неутомимо

подвизаться в Ярославской губернии. Много нового, любопытного и важного открыл он своим следствием; от него же узнает правительство и все те, кому сие знать надлежит.

Вот вам, милый друг, рапорт обо всех нас. Старуха моя с прежним самозабвением хлопочет обо всем, и покуда Бог хранит ее здоровье. Хомякова еще нет: я крепко звал его к 13 декабря, но он ничего не отвечает. Кошелевы, Томашевский и брат кланяются вам. Жена и вся моя семья вас обнимают. В Москве обдали меня потоком таких гадких вестей, что я затыкаю уши. Старинный друг мой и ваш хороший знакомый Кавелин кончил жизнь.

Казначеев — добрейший человек и самый старший из моих друзей: мы дружны с ним сорок два года. Я напишу к нему.

Крепко вас обнимаю и молю у Бога сил и здоровья вам.

Ваш С. Аксаков.

Мы живем там же: в Филип<п>овском переулке, в доме Орловской, бывшем Высотцкого.

1765. С. Т. Аксакову

Одесса. Декабря 23 <1850>.

Очень обрадовали меня вашим письмецом, добрый друг Сергей Тимофеевич. Слава Богу,[1] вы здравствуете, хоть и не так, может быть, как хотелось бы, но… за все слава Богу! Если будем довольствоваться малым, дастся и больше. Меня тоже Бог милует и хранит: зима здешняя благоприятна мне. Занятия мои потихоньку идут. Весной хочется быть в Москве, повидаться с вами и с Москвой. Очень рад, что драма Конст<антина> Сергеевича попала на сцену.[2] Весьма меня обяжете, если уведомите, как она шла, каково общее впечатление и что говорят о ней порознь. Затем обнимаю вас от всей души и поздравляю совокупно[3] со всем милым вашим семейством всех с новым наступающим годом. Дай Бог, <чтоб> он каждому из вас принес в душу много радостей таких, за которые беспрерывно хочется благодарить Бога.

Ваш весь Н. Гоголь.

[1] *Далее начато:* что

[2] *Далее начато:* Уве<домите>

[3] вас с

1766. А. О. Смирновой

Декабря 23 <1850. Одесса>.

Письмо ваше от 24 ноября получил, добрый друг Александра Осиповна. Все правда, что вы в нем ни пишете. Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит все неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающих<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко все то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодари<ть>. Молиться за всех, благодарить за все. С псалмопевцем в руках то стремиться к Нему воплем души о водворении посреди нас правды, то славословить Его так же неумолкаемо, как он Его славословит. Дай Бог и вам и мне такого препровожденья жизни, тогда никакое мирское смущенье не смутит нас. О себе покуда скажу, что Бог хранит, дает силу работать и трудиться. Утро постоянно проходит в занятиях, не тороплюсь и осматриваюсь[1]. Художественное созданье и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое и не нарушается ли нестройным криком всеобщего согласия. Зима здесь в этом году особенно благоприятна. Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! так вдруг и напомнится кусочек Ниццы! Не прожить ли[2] следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно. Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты? Ведь старики, по-настоящему, должны только глядеть друг на друга да благодарить Бога за все, — за то, что прожили до этих пор и что глядят друг на друга. Поздравляю вас с наступающим новым годом. Дай Бог, что<бы> в нем вам много было и здоровья, и сил, и всяких милостей Божьих.

Ваш весь Н. Гоголь.

Адресуйте: Одесса. 1-й части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского.

[1] тише едешь — дальше будешь

[2] Не прожить ли нам

1767. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

14 дек<абря> 1850. С.-Пб.

Недуги твои, сколько я могу судить по твоим рассказам, происходят от расстройства нервов, обыкновенно последующего вообще за напряженными умственными трудами, а еще более за превращением ночи в день и обратно. Лет за двадцать назад тому я все это испытал на себе. Тогда не было у меня ни сна вовремя, ни аппетиту и никаких правильных отправлений, потому что я головою работал по 12 часов в сутки, ложился спать в три и четыре часа за полночь, вставая утром не равномерно, смотря по настоянию нужды, и не вставая с постели в праздничное время ранее полудня. Два человека помогли мне ясно увидеть пропасть, в которую стремился я, ведя такую бессмысленную жизнь. Первый был Грот: он мне не переставал доказывать, что сон с 11-ти часов ночи до 6-ти утра никаким образом, без страшной потери здоровья, не может быть заменен сном от 3-х до 10 часов утра. Сперва мне трудно было следовать советам благоразумия, потому что у больных нервами только в 12-м часу ночи и наступает сила бодрствования. Но как я очень полюбил Грота, то и решился насиловать глупые свои привычки, поддерживаемые примерами наших знакомых и друзей. Это заставило меня прежде всего отказаться от вечерних посещений общества. Я ограничился одним домом Балабиных, где все идет согласно с природою и благоразумием. Оставалось мне умертвить эту болезненную бодрственность, которая долго после 11-ти часов заставляла меня вертеться в постели без сна. Но как я приказал подымать себя в 6 часов утра насильно, то недели через три со мною и помирился тот благотворный сон, который начинается только до полуночи.

Все рассказываемое мною началось еще тогда, когда я жил на Сенной в доме Сухаревой и на Невском в доме Строгановой. Новая эпоха наступила в теперешнем моем университетском доме, где я познакомился с доктором Нордстремом, который в медицинской здешней академии состоит прозектором при профессоре сравнительной анатомии. Это молодой человек, страстно преданный изучению науки своей и теперь уже изумляющий Петербург успехами и отважностию своего лечения. В подробности изучив разные способы врачевания — аллопатический, гомеопатический и гидропатический, он из каждого отделил для себя то, что несомненнее и прочнее ведет к поражению болезни, а преимущественно к ее *предотвращению*. Но в пособиях

гидропатии, как в самых естественных и самых *предохранительных*, он нашел лучшие свои средства лечения.

Ему-то я обязан радикальным преобразованием всего моего физического состава. Я в прежнее время сряду лет двадцать на голом теле носил фланель, шерстяные чулки (все это зимой и летом), ваточную шляпу, корпию в ушах, галоши на сапогах (в мокрое и сухое время), кутался зимою в меховую шинель и проч. и проч.

Несмотря на то, я так был ежедневно доступен влиянию малейшей непогоды, что от одного ветра часто возвращался домой глухим. Нордстрем, при первом моем с ним знакомстве бывши свободен и пристрастившись ко мне, стал почти жить у меня, и, действуя с удивительною во всем постепенностию, ровно в полгода снял с меня все упомянутые выше оковы, налагаемые еще и ныне на жалких пациентов слепорожденною и тем более упрямою медициною дюжинных врачей. Вообрази: я никогда не надеваю галош, ни шубы, ничего, чем защищаются от петербургского климата; я безбоязненно купаюсь в Неве до заморозков вплоть; ищу, чтобы ветер обвевал мою шею; забыл, что такое кашель и насморк; пятиградусную воду лью себе в горячее горло, едва просыпаюсь утром; словом: я приобрел здоровье, какого не бывало у меня и в 18 лет, а мне шестой десяток.

Когда я рассказывал Нордстрему о болезни жены Жуковского, он не усомнился ни на миг, что может ей дать полное здоровье, если только муж и жена решились емуввериться безусловно. Я полагаю, что и с тобою произошел бы неожиданный переворот, если бы ты мог *бессознательно* вверить себя этому человеку. Все, что ни привык ты думать о климате Греции, Италии, Малой Азии и Палестины, все это будет пособием оптическим, кажущимся, которое исчезнет при первом дыхании свеженького ветра. Основа здоровья в качестве крови, в силах органов и в нормальной деятельности каждой части нашего состава. До этого-то и доходит постепенно Нордстрем, убежденный, что его методе, кроме органических повреждений, никакой климат не поставит препятствий.

Верного ничего не могу сказать тебе о будущем лете. У моей жены мать близ смерти. Она в Старой Русе. Если страдалица проживет до весны, мне надобно будет туда отправиться с женою. Если же постигнет ее кончина, то мы сперва поживем на своей обыкновенной даче, куда желаем с собою переселить Оленьку, теперь помолвленную, а тогда уже молодую. Конечно, в конце

июня нам можно будет без нее ехать, так как она с мужем останется водворенною нами в нашем теплом приюте. Жених Оленьки из Москвы, учился в тамошнем университете, откуда получил магистерство по юриспруденции, а теперь додерживает экзамен на докторство. Его фамилия Лакиер, сын доктора из прусских немцев, женатого на русской (Шауфус), от чего и молодой человек православного вероисповедания. Я его знаю около пяти лет, в продолжение которых он все был влюблен в теперешнюю свою невесту, но я не соглашался на их брак до нынешнего года, так как оба они были слишком молоды. Лакиер теперь в чине коллежского ассесора служит уже начальником отделения в Министерстве юстиции.

Ты, конечно, знаешь, что Жуковский из Петербурга не позже августа должен будет ехать в Москву.

P. S. По твоей публикации какая-то дама прислала на мое имя тетрадь, исписанную каллиграфически, где содержатся заметки на провинциальные нравы. Пожалуйста, напиши, не лучше ли мне поберечь ее до твоего сюда приезда, или тебе нужно, чтобы я переслал ее в Одессу?

П. П<летнев>.

1768. Протоиерею Матфею Константиновскому

1850. Одесса. Декабря 30.

Пишу к вам несколько строчек, добрейший Матвей Александрович, только затем, чтобы напомнить вам о себе, только затем, чтобы вновь повторить ту же просьбу: молитесь обо мне, добрая душа! Намерение мое ехать в теплые отдаленные края, для поправленья хилого моего здоровья, не состоялось. Я остался здесь, в Одессе, и этому рад. По великой милости Божией, зима здесь в этом году вовсе не похожа на суровые зимы предыдущие: она тепла и благоприятна моему здоровью. Что же касается до душевного состояния... но что говорить? Может быть, вам душа моя известна больше, чем мне самому. Молюсь, чтобы Бог превратил меня всего в один *благодарный гимн* Ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более *словесное*, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостоинства моего, сподобил бы Он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь Ему. Молюсь, молюсь и, видя бессилие своих молитв, вопию о помощи: молитесь, добрая душа!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Адрес мой: Николаю Васильевичу Гоголю в Одессу, 1 части 1 квартала, в доме Трощинского.

Не знаете ли вы чего об гр<афе> Александре Петровиче? Я давно уже не имею о нем известий. От всей души поздравляю вас с наступающим новым годом. Бог да хранит вас и да воздаст вам сторицей за ваши молитвы.

1769. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

25 декабря. Понедельник <1850. Москва>.

Поздравляю вас, милый друг Николай Васильевич, с великим праздником. Давно бы следовало мне написать вам о представлении драмы Константина, которое было 14 декабря; но в продолжение этих десяти дней много было у меня смущений разных и нездоровья. Не знаю, как сказать вам об успехе драмы? Если сильное раздражение в одной части публики, внимание в другой и сочувствие — в третьей, небольшой, части общества может назваться успехом, то успех был огромный: до сих пор Москва полна разговоров, брани и клевет на автора. Я был сам в театре, который битком набился народом. Еще до поднятия занавеса можно было видеть, что везде рассыпаны шикальщики, которые мешали всему без разбора и с такою наглостью, что общий голос публики называет их полицейскими служителями. Впрочем, мы убеждены, что это было сделано без дозволения графа Закревского, и слышали, что он был очень недоволен. Мнимая русская аристократия и высшее дворянство, не знаю почему, изволили обидеться и бояться донельзя, особенно Трубецкие и Салтыковы. Я имел счастие услышать, что про моего Константина говорили те же речи, какие я слыхал про вас после «Ревизора» и «Мертвых душ», то есть: «В кандалы бы автора да в Сибирь!»

Пиеса остановлена до разрешения из Петербурга; но, вероятно, не будет представляться. Да и в самом деле, зачем предлагать публике душеспасительную духовную пищу, если она производит в ней физическую тошноту и рвоту.

Вы знаете драму; она никогда не назначалась для театра и написана без всякого сценического искусства; но строгая истинность исторических событий и горячее чувство автора очень слышны на сцене, и многие места производят сильное впечатление. Для меня, по крайней мере, вопрос русской драмы решен: она может и должна быть; но непременно древняя, ибо в настоящее время русской жизнию живет один крестьянин. Что касается

до русского чувства, то оно сохранилось и пробудилось в доказательство, как хорошо актеры поняли пьесу. Посылаю стихи Ленского, прочтенные на обеде Константину.

Крепко вас обнимаю. Все голова болит. Все вам кланяются.

Ваш душою С. Аксаков.

Несмотря на шиканье, автора два раза и горячо вызывали.

1851

1770. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

<Вторая половина декабря 1850 — начало 1851>

Наконец, после драмы и всяких с нею соединенных хлопот, после толков и других помех, вновь принимаюсь я за дело и вновь пишу к вам. Согласно с вашим желанием, должно бы мне писать к вам о драме...

Актеры поняли и оценили драму; им она понравилась. Играли они охотно, с рвением. Это народ славный, нечего сказать. Что касается до публики, то вообще все, при битком набитом театре, слушали чрезвычайно внимательно, и никто не уехал до самого окончания драмы. Шиканье было, но оно имело особый источник; хлопающим также делались неприятности. Но речь не об этом. Было много за драму: задняя половина кресел, верхние ярусы и раек; было много и против драмы: все бенуары, бельэтаж и все передние ряды кресел.

Надо сказать и то, что, кроме игры актеров, драма поставлена была как нельзя хуже; народу было мало, декорации не только дрянь, но совсем не представляли того, что следует, костюмы дрянь, перемены декораций делались из рук вон медленно. Толки о драме, впрочем, главные происходили от раздраженного аристократического чувства. Обозлились считающие себя потомками бояр за то, что им не польстили, что крестьянин — их брат. В этих толках приняли участие не попавшие в драму, и в особенности Строганов, позабывши всякое приличие. Мне очень бы хотелось второго представления; но не знаю, будет ли оно. Известно, впрочем, что драма вполне оправдана в Петербурге; а позволена ли вновь к представлению, это еще неверно.

Между тем в отдалении рисуется мне другая драма, разумеется в том же духе, как и первая. Не стою я очень за свою драму как за исполнение, но стою решительно как за систему. Уверен

я, что Русская драма может быть только в таком духе и не иначе. Сама драма, уже после того, как я написал ее, открыла мне многое для Русского искусства. Так я вижу, что в ней есть *хор*, элемент Греческой драмы, с которою Русская только и может иметь сходство. *Хор* же есть начало Русской жизни. Теперь думаю я о драме из времен княжиих междоусобий, когда еще не сложился Всерусский хор, когда гремел он отдельно в Новгороде, Киеве, Чернигове, Суздале. Это множество хоров, звучащих разнообразно, с своими корифеями, с князьями, выбираемые от них; я чувствую, что оно может быть очень живо и драматично особенным образом. Носящееся над всем этим — общее чувство Русской земли. Ах, как бы это все могло быть хорошо! Но что касается до личного своего таланта, я охотно сознаю его недостаточность и делаю, что могу. Как бы хотел я, чтобы эта мысль художественная, мною понимаемая, наполнила великого художника, что бы могло из этого выдти! Если б вы выдвинули эту мысль, со всей ее строгостью, Николай Васильевич!

Знаете ли вы, что полные ваши сочинения продаются по 20 р<ублей> серебром; да и то книгопродавцы считают за дешевую цену; теперь они стали просить 25. Вам надо бы сделать еще издание. Вот о чем я еще не говорил с вами: о Малороссии, о Киеве. Ну, да это, надеюсь, до следующего письма. Теперь же крепко обнимаю вас, дорогой наш Николай Васильевич; дай Бог вам дух бодрости и труда. Вам хорошо трудиться: вы знаете, как всем нужен ваш труд.

Душою ваш Константин Аксаков.

1771. М. И. Гоголь

Генваря 20. 1851. Одесса.

От вас что-то давно нет писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы? На последнее мое письмо я еще не имел до сих пор от вас отзыва. Что же до меня, то здоровье мое несколько было опять поиспортилось. Весь декабрь (т. е. покуда было тепло) я чувствовал себя очень хорошо. Но с началом генваря и с наступлением холодов опять пошли недуги. Впрочем, теперь, слава Богу, они несколько угомонились. Сестре Анне Васильевне скажите, что я отсюда нот ей не посылаю, потому что и дороги и ничего нет нового, да и с пересылкой возня и продавцы народ продувной. А вместо того я решил написать к Шевыреву, чтобы он выслал из Москвы что есть поновее и получше. Тамошние книгопродавцы

или нотопродавцы гораздо лучше снабжены здешних. Уведомьте меня о здоровьи вас всех, начиная с Андрея Андреевича, и какова стоит в Кагорлыке зима, и какова она также в Васильевке, и что там делается.

Ваш признательный вам сын Н. Г<оголь>.

1772. П. А. Плетневу

Одесса. Генварь 25. 1851.

Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. От всей души поздравляю тебя с замужеством милой дочери и прошу также от меня передать ей поздравление. Рад, что здоровье твое укрепилось от холодного лечения. Я тоже имел от него пользу. Но нам всем, русским, нужно помнить и твердить себе беспрестанно: «Ничего не доводи до излишества!» В наши с тобой лета совершенно переламывать привычки и прежний обычай жизни опасно, а понемногу оставлять их, трезвиться телом и духом очень недурно и даже непременно следует. Иначе потеряешь как раз равновесие между телом и духом. Я уже давно веду образ жизни регулярный или, лучше, необходимый слабому моему здоровью: занимаюсь только поутру, в одиннадцатом часу вечера уже в постеле. Стакан холодной воды натощак и ввечеру. Но большое употребл<ение> холодной воды и обливаний вредит, производя во мне слишком большую испарину. В Одессе полагаю пробыть до апреля. Приезд Жуковского в Москву, может быть, несколько изменит мой маршрут, и вместо весны придется, может, быть в Петербурге осенью. Впрочем, это еще впереди. Покуда будь здоров, не забывай меня. А мне хочется очень с тобой, по старине, запершись в кабинете, в виду книжных полок, на которых стоят друзья наши, уже ныне отшедшие, потолковать и почитать, вспомнив старину. Но это не могло и не может <быть>, покуда не готово[1] то, о чем нужно говорить. Будет готово — разговоримся так, что и языка не уймем. Ведь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже у врат ее. Будь здоров.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Я писал тебе еще с Мурзакевичем, ехавшим отсюда[2] к вам. Если вздумается порадовать строчкой, адресуй к Шевыреву в Москву.

[1] покуда еще не делаю
[2] *В автографе:* отсюду

1773. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Москва, 18-го января 1851 г.

Благодарю вас за ваше письмо, любезный друг Николай Васильевич; оно пришло нечаянно, как будто нарочно под Новый год. Вот еще наверстали мы год скорбей на свою голову, потому что решительно кроме скорби ничего вокруг себя не видишь. Скорбеть о себе, о своих близких, об ослеплении общем, о болезненности душевной и физической, одним словом, кроме скорби ничего не увидишь и ничего не почуешь. Я приехала в Москву по случаю тяжкой и, по словам Овера, окончательной болезни сестры своей, той, которая так недавно была еще полна жизни и сил. Ей 27 лет, она совсем не приготовлена к такому порядку; малейший намек на приготовление себя молитвою вселяет в ней ужас и делает мрачною на целый день. Такое состояние души очень тягостно для ее мужа и всех нас. А между тем я на стезе, чтобы ехать в Петербург.

Ревизия подходит к концу, Николай Михайлович не хочет и не может более оставаться в Калуге, он болен и замучен всеми придирками князя Давыдова — и потому я еду вперед с старшими детьми, а когда потеплеет, подъедут меньшие, потом что Бог даст. Как я рада, что вы бодры и пишете: вам Бог окончит труд ваш на пользу многим.

У нас были в Калуге выборы, я увиделась с мещовским судьей Клементьевым; он всему уезду показался так горек, что его чуть не забаллотировали, однако, он удержался на своем месте. Он любит свою должность, ею дорожит и говорит, без нее не может жить. Его очень поддерживал ваш знакомец Александр Васильевич Оболенский, у которого чистая, искренняя, горячая душа. Клементьев был болен нервическим расстройством, но ему лучше, он очень набожен и пишет престранные вещи в религиозном отношении, не менее того очень замечательные. Мне сообщил свои мысли о *мощах*, которые он называет *мощь — сила*, храмина, опочивальня духа Божия, нам дарованного. Это целая теория, и есть связь во всем, что он верит и пишет. Замечательно это одинокое, безотголосное духовное развитие, совершенно оригинальное, которое не развилось от чуждого влияния, а вылилось вследствие страданий и непрестанной молитвы. Что будет далее с ним, не знаю; но он, конечно, очень замечателен.

Я узнала много интересного также о некоем Иване Белом, который живет в меловых горах в Острогорском уезде, Тамбовской губернии, об Иване Иванове, чудесном строении церкви во имя Пресвятой Богородицы. Все эти явления утешительны,

и молитвы таких отшельников спасительны для нас. Утешительный также наш кроткий и мудрый пастырь Филарет; вчера я просидела у него вечер и не могла нарадоваться его речи; всегда простой, тихой и успокоивающей. Он мне дал совет прибегнуть к соборованию св. елеем против нервического моего расстройства, и я последую его совету. Как он всегда прекрасен на службе, особенно Литургии, как весь в молитве и в созерцании. Истинно, он премудрый пастырь Церкви. Особенно я люблю в нем искреннюю и разумную любовь к Государю; его лицо просветляется, когда вспоминает последний его приезд, когда Государь изъявил желание видеть его у себя, что давно уже не случалось. Что было говорено между двумя высокими лицами, столь важными для нашей Церкви, мне неизвестно, но, кажется, Филарет очень доволен и счастлив.

Сегодня был у меня граф Александр Петрович. Графиня в Нижнем. Он бодр и весел, читает много, как кажется, современного. В Москве играли драму Константина Сергеевича Аксакова; она произвела много толков; ей сделали такую обстановку, что она показалась чем-то похожим на протест и прогресс в западном духе; даже многие кричали, что это коммунизм, потому что тут народ на сцене. Забыли, что это факт, но так как этот факт выведен на сцену Аксаковым, то все и представилось в виде чего-то будто опасного.

Напрасно придали важность, потому что драма скучна и сама бы шлепнулась; ее, однако, запретили. Но это не смутило автора, он убежден, что написал русскую драму, потому что на сцене Пожарский смиренный христианин, бесстрастный человек и потому не имеющий интереса драматического в смысле западном. Все, как видите, тоже детскость; всякий ездит верхом на своем коньке и погоняет его своими страстишками, своим самолюбием или тщеславием. А смиренно идущих на пути мало, и их умники презирают. Я полагаю, что мы столько и столько говорим, что когда-нибудь на нас нападет жажда молчания. Мне кажется, что оправдываются теперь эти слова: «за словеса устен твоих, аз сотворих тебе пути жестоки», и весь мир наказуется за свое празднословие и разглагольствование.

В Москве теперь театромания; играют в пользу бедных во всех углах, даже в частных домах; у Самариных играют в пользу Сологуба и отца С–на, который почти в таком же положении, как его зять; все это называется благодеянием, т. е. благим делом. Мне кажется, что если бы понимали вполне слова, то не искажали бы их значения на деле.

...Мне здесь сказали, что будто бы Владимир Соллогуб болен и что у него припадки, угрожающие тем же состоянием, в котором и его брат. Бедная Софья Михайловна, какой крест она несет! Впрочем, может быть, она вам пишет. Прощайте, друг многолюбезный, Христос с вами, пишите в Питер, на Мойку в мой дом. Когда-то приведется вас видеть? Хочу лето провесть в Спасском, в Бронницком уезде.

1774. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Черновая редакция

<Конец января 1851. Москва>

Ответ Ваш, любезный Николай Васильевич, на прошлогоднее письмо мое из Петербурга получен был мною осенью в Лыскове. — По возвращении из Петер<бур>га я ездил в Ржев, где погостил несколько дней, — потом в Лыскове, где прожил до начала зимы, — и вот уже близ двух месяце<в> в Москве одинодинехонек. — Времени прошло много, а сказать Вам обо всем этом прошедшем нечего — что дальше, то быстрее течет, не оставляя ни малейшего воспоминания. — Настоящая же жизнь моя в Москве вам известна. — Разница с прошедшею зимою та только, что я совершенно один и что дни летят в совершенной тишине и безмолвии — а летят все так же быстро. — Уединение мое во весь день; иногда во всю неделю не нарушается никем, потому что наших многих в Москве нет. — Жена усиливается, но до сих пор безуспешно, выехать из Лыскова; Бахметевы в Петербурге; брат Егор там же в ожидании назначения. — Остаются Урусовы и брат Влади<мир>, много проживающий <*1 нрзб.*> зиму в Уском. — Новых же неизвестных Вам фигур не вижу и потому остаюсь при двух чтецах. Один русской до обеда и француз после обеда. — Обедаю всегда дома и всегда один. — При такой жизни ни о чем не могу сообщить Вам что-нибудь для Вас любопытного. — О чтениях моих также нечего сообщать. Большею частию я читаю и перечитываю давным-давно Вам известное — такое, что всегда ново и всегда питает. Не хотелось бы посылать Вам письма без каких-нибудь вестей; но ничего не могу вспомнить, за исключен<ием> того, что на днях приехала сюда А. О. Смирнова с двумя дочерьми проездом в Петербург. — Я стараюсь видеть ее как можно чаще: она, слава Богу, в прекрасном и покойном духе и не жалуется на здоровье. — Из Мухановых Николай болен, а Владимир здоров. У них я встречаю иногда Хомякова и Б. Черкасова — оба они, кажется, здоровы и веселы.

1775. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим, 30 генваря <н. ст.> 1851.

В глазах художника, и в особенности в моих, вы все кажетесь прекрасным теоретическим человеком. Нельзя не налюбоваться вашим последним письмом; но у меня здесь совсем другое. Говорить подробно обо всем — не было бы благоразумно; рассказывать часть — темно, а потому скажу только то, что уже крайне необходимо.

Я вынужденным найдусь чрез месяца два к вам писать, и потому, сделайте одолжение, вышлите мне ваш адрес, чтобы письмо мое не имело никакого затруднения попасть к вам в руки, и немедленно. Счастлив бы я был, если б мог без этого обойтись!

В Риме теперь со мной брат, а Моллера всё поджидаем со дня на день.

Вас истинно уважающий и любящий

Александр Иванов.

1776. С. П. Шевыреву

Одесса. [Февраль] 1851.

От тебя давно нет известий, бесценный друг. Здоров ли ты? Уведоми хоть двумя строчками. Я писал к тебе с Мурзакевичем, получил ли ты это письмо? А между тем мне сгрустнулось по тебе и так хотелось бы взглянуть на тебя... В мае первых чисел или в середине его, если Бог поможет, буду в Москве. Здешняя зима была еще довольно сносна, и голова моя была свежее, чем в Москве, будет о чем потолковать и что прочитать. Приступил ли ты к печатанью моих сочинений? Недавно мне попалось в руки Смир<дина> изд<ание> русских авторов, и я увидел, что шрифт[1] уж чересчур густ и уборист (что не годится для моих сочинений: книжки выдут очень тоненькие и притом читать трудно). Рамку можно взять такую же или хоть и больше, но строки непременно пореже и буквы крупнее. Если можно, такой величины, как напечатана твоя поездка, и бумагу нужно бы выбрать плотнее, так, чтобы строки не сквозили. Все эти обстоятельства так важны, что если, паче чаянья, уже несколько листов[2] отпечатано, то можно их бросить и начать печатать снова. Уведоми также, во скольких типографиях печатается и около какого времени книга выдет.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Душевный поклон Софии Борисовне. Малюток поцелуй.

[1] *В автографе:* штрифт

[2] книга

1777. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю

Оптина Пустынь. 26 января 1851 г.

Достопочтеннейший Николай Васильевич! С удовольствием прочитал письмо ваше от 30 декабря прошлого года и радуюсь, что наш даровитый соловей

«Не улетал в дальние поля —
В теплый край, за сине море!»

но порхает еще на пажитях своих... И если б вы не отозвались своим привлекательным голосом из Одессы: то я так и полагал бы вас видеть опять поклонником Гроба Господня и на возвратном пути попирающего прах гордых фараонов в пирамидах. Но вы в предместье столицы Константина, в виду почти Святой Софии, и все это устроилось промыслом Божиим, и теплая зима в роскошном юге незаметна.

За молчание ваше сетовать нельзя. Кто не хотел бы получить от вас хоть строчку; но человеку, обремененному занятиями и заботами житейскими, невозможно отрываться от дела. Душа поэта парит на небесах и славит звучными струнами Бога всяческих Творца. Св. Давид показал, что значит поэзия, в своей Псалтыри; а сын его Соломон в «Экклезиасте» излил душу свою, признательную за данную премудрость.

Вы просите обитель молиться за вас — это доказывает, что не столько доверяете своим силам, сколько помощи Божией! Похвально и приятно слышать, и Господь устроит желание ваше в благое.

У нас ревизует Калужскую губернию сенатор Давыдов и открыл злоупотребление в Жиздринском уезде о премиях, кои даются за волчьи хвосты, и в восемь месяцев украдено суммы 12 000 серебром. В наших местах говорят, если б этот эпизод попался под перо ваше, то новый «Ревизор» явился бы на сцену или родилась бы целая поэма под названием: «Волчьи хвосты». Когда будете в Калуге, то у губернатора легко будет узнать подробно историю волчьих хвостов.

Прощайте, достопочтеннейший Николай Васильевич! Препровождаю к вам обещанные мною книги затворника задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу по глаголу Апостола: «жилище наше на небесах». Я надеюсь, что и жизнь его прочтете с удовольствием.

С моим полным уважением и душевною преданностью имею честь пребыть ваш Богомолец и слуга монах Порфирий.

1778. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<1/13 февраля (н. ст.) 1851. Баден-Баден>

Милый Гоголек. Вот уж моя очередь перед тобою виниться: на твое большое письмо я отвечал печатным, а на твое письмо о Палестине совсем не отвечал; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя в нем одно, так сказать, негативное изображение того, что ты видел в Земле Обетованной. Но все придет в свой порядок в воспоминании. То, что не далось в настоящем, может сторицею даться в прошедшем. И со временем твои воспоминания о Святой Земле будут для тебя живее твоего там присутствия. — Скажу тебе теперь несколько слов о себе. Но нет, еще несколько слов о тебе. Здесь, в Бадене, Кошелев (который, однако, нынче отъезжает); он обрадовал меня известием, что «Мертвые души» идут шибко вперед. Он знает, что ты читал многое Хомякову; но Хомяков не сказал, что, как и каково, сохраняя данное тебе обещание не произносить никакого суждения. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется, — дело будет, верно, хорошо кончено.

Теперь обо мне. Я надеюсь, верно, возвратиться нынешнею весною или в начале лета в Россию. Прежде всего поеду в Дерпт и там на первый случай оставлю жену и детей; сам же в августе месяце отправлюсь в Москву и там отпраздную коронацию и царский юбилей; туда, надеюсь, на это время съедутся все мои родные; туда, равно надеюсь, приедешь и ты и, по образу и подобию Хомякова, дашь мне хлебнуть твоих «Мертвых душ». — Я же теперь работаю много, но мои теперешние работы все ограничиваются педагогикою, то есть приготовлением к предварительному курсу учения детей моих; эта работа берет все мое время и не позволяет мне ни за что другое приняться. Если бы ее не было, то я бы перевел всю «Илиаду»; полторы песни переведены (каталог кораблей сбросил с плеч: это самое трудное), все пошло бы по маслу; но труд по службе, то есть по домашнему министерству просвещения, должен быть впереди; надеюсь, что «Илиада» от меня не уйдет: великое было бы дело оставить по себе в наследство отечеству полного Гомера. Об этом, однако, прошу тебя не говорить. Хотелось бы и «Вечного Жида» успокоить; это<т> труд может быть результатом теперешних трудов моих; моли Бога, чтобы даровал мне еще десяток лет здоровой жизни; я буду стараться употребить их с пользою, покорствуя святой Его воле; тогда после меня что-нибудь дельное останется на добро детям моим и отечеству.

Прости, Гоголек. Я напишу к тебе, когда поеду отсюда или когда приеду в Россию. Жена дружески тебе кланяется.

Твой верный Жуковский.

Баден 1/13 февраля 1851.

1779. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

С. П<етер>бург. 6 февраля 1851.

Помнится мне, — мне помнятся хорошо всякие глупости, — как в одном водевиле покойный Величкин говорил в роли дуралея: «Слабость моя — люблю умных людей!» Так и я, грешний[1], окаянный, люблю благочестивых. В доказательство того, хоть вы и позволили мне к вам писать, не писал, чтобы не стужать о мирском витающему духом в горних.

Вот и с другим благочестивым, также много душевно уважаемым и любимым В. А. Жуковским, с которым за границею переписывался, третий уже год, с возврата на родину, ни словечком не обменялся. Справлялся о нем чрез знакомых у Воейковых: дурные вести! Жена все больна, а на него Двор дуется. Распустилось за всенародие[2] за границею какое-то его письмо, в котором он, вознося до небес короля прусского, упоминает не раз: «Государь Император изволил им сказать то-то и это-то». А без соизволения, этого-де объявлять не следовало. Я этого письма не читал, а читал в немецком журнале Gross… Zott… выписку из другого письма В<асилия> А<ндреевича> на родину, которое было напечатано лишь для немногих, а в продажу не поступало. В этом письме превознесен бывший министр Радовиц, которого здесь почитают демагогом. За это и вяще — говорят — на него прогневались. Но поелику все вышенаписанное идет от фрейлейн Воейковых, а я безусловно не верю и вероподобным бабьим росказням, то и не ручаюсь в верности, а продаю, за что купил, en vous citant mes autorités.

Вы, чаю, ведаете, что гр<аф> Соллогуб определился к кн<язю> Воронцову и к нему на Кавказ едет, но в тарантасе или в другой повозке — того не слыхал. Милая его жена последует за ним весною.

Здесь очень толкуют о сокращении штатов, по всем ведомствам. Сенатор Челищев утверждает, что поводом к тому — недостаток 16 миллионов по росписи расходов на текущий год.

[1] *Так в копии.*

[2] *В копии примечание:* sic

Кажись, иные доходы растут; вот например, винный откуп что платит? Зато ему и раздолье. По закону кабаки должно запирать ранее десяти часов вечера, а они отворены до глубокой ночи. Вино должно продавать в одних питейных домах, а продают и в мелочных лавочках. В кабаке не должно быть ничего съестного, ни даже скамьи, на которой бы можно присесть; а посреди лавки, и закуски всякого рода, и музыка, и б…[1]

…По случаю бракосочетания великой княгини Екатерины Михайловны дана екатерининская лента гофмейстрине Апраксиной…

Рассказывают, главноуправляющий путями сообщений поднес к подписанию указ, которым переданы в его ведение дороги, содержимые на счет земских повинностей. Возгорелась колкая переписка между им и министром внутренних дел. Гр<аф> Клейнмихель потребовал от губернаторов донесений о состоянии дорог и сделал им выговор за недостаточность представленных сведений; а как губернаторам выговоры объявляются только от особы монаршей, то возникло дело, поступившее в государственный совет. Перовский, объясняя его, никого не привлек на свою сторону: все молчали. Государь Наследник, встав и надевая перчатку, изволил выразиться так: «великое уже для государства зло, когда высшие власти, облеченные доверенностию Государя, между собою враждуют; но и еще величайшее, когда какая-нибудь из них осмеливается присвоять себе права, одному монарху принадлежащие». — И в этом разуме говорил так умно, сильно и увлекательно, что тот, до кого относилось, зашатался, как опьяненный, и был под руку сведен с лестницы. Верны ли подробности, не знаю; но то верно, что последовало повеление, чтобы впредь доклады, касающиеся разных ведомств, не иначе подавались, как с обоюдного соглашения министров, до которых относится дело.[2]

1780. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

Одесса. 1851. 4 марта.

От всей души поздравляю и вас, добрейшая матушка, и вас, милые сестры, с наступившим Великим постом. От всей души желаю вам того же, чего и себе, т. е. провести его, как следует христианину. О, если бы мы сумели хоть время поста отдать *всецело*

[1] *Так в копии.*

[2] *Далее в копии примечание: «Конец письма не сохранился».*

Богу! О, если бы хоть в это святое время провели мы жизнь, сообразуясь с тем, что скажет о нас Бог, а не *люди!* Как бы тогда разумней потекло все прочее время года, а с ним и все наши хозяйственные и всякие дела, по слову Божию: «Ищите *прежде* правды и Царствия Божия — и сия *вся* приложатся вам». А мы глядим беспрестанно на то, что скажут *люди.* Оттого и беспокойно у нас в душе, и имение в расстройстве, и издержки за издержками, и голова идет кругом от хлопот, и раскаянье гложет при виде, как на всяком шагу делается нами опрометчивая издержка, тогда как деньги нужны были на гораздо нужнейшее. Например, и в теперешнем письме вы говорите, что деньги употреблены на шубу, — лучше бы употребить на посуду для шинков и кое-что нужнейшее для хозяйства. А что было виной? Старшая сестра моя по своей обычной опрометчивости имела неблагоразумие шепнуть вам: «Люди будут говорить: вы похожи на просительницу». И этих слов было достаточно. Вот что значит слово: люди! Позабыты вдруг все соображенья, отнялось предвиденье вдаль, взоры на будущее, что всякую минуту нужно ожидать повестки, требованья от казны и проч. и проч. О, пусть погибнет эта обманчивая, заводящая человека в бездну и в погибель философия: *сообразаться с тем, что скажут люди!* С нею и людям не угодишь и Бога потеряешь навеки. Счастливец же, соображающий свою жизнь с тем, что скажет Бог, сделается потом неминуемо любезен всем людям. Ради Самого Христа, пострадавшего за нас, прошу и умоляю, не пропустите нынешнего поста и воспользуйтесь им. И вы, добрейшая матушка, и вы, милые сестры, молитесь Богу о том, чтобы вразумил всех нас. О, как нужно нам всем вразумленье свыше! Я знаю это по себе. Как только было у меня что-нибудь сделано без Божьего вразумленья — всегда выходила такая глупость, что я краснел и не знал, куда деться от стыда пред самим собой.

Пора, пора нам приняться наконец за главное дело и, бросив всякие наружные украшенья, каких требуют люди, позаботиться не в шутку об украшеньи душ. Вспомните, что мы все уже в зрелых летах и что прожили уже больше, чем остается нам жить. Пора, пора за дело! Не все быть детьми. Другую, другую жизнь нужно повести, — простую, простую, какую ведет уже человек, думающий о Боге. Для этой жизни немного нужно. Для жизни евангельской, какую любит Христос, немного издержек[1]. Говорю вам это потому, что невольно обнимается душа ужасом, видя, как с каждым днем мы отдаляемся всё больше и больше от жизни,

[1] *В автографе:* сдержек

предписанной нам Христом. А смерть подходит между тем к нам все ближе и ближе… Боже, спаси и помоги! Но и Бог не может помочь, если мы не хотим устроить жизнь нашу сообразно с тем, что написано в Евангелии. Ни к чему не послужит то, что мы только сохраняем в теории, а не воплощаем тут же в дело. Говорю вам еще и потому, что по соображенью наших государственных обстоятельств и увеличивающих<ся> потребностей предвижу большое увеличенье казенных податей и повинностей в наступающих годах; оно уже и началось во многих местах теперь. Этому не радуйтесь, что уменьшены пошлины на заграничные, бакалейные и всякие товары. По мне, лучше бы вовсе запечатать эти бакалейные и всякие лавки; туды спровадили помещики все деньги, следуемые на уплату податей и казенных повинностей. По-видимому, кажется, небольшая вещь издерживать[1] по десяткам рублей. А как подведешь в год итог, видишь, что помещик тысячи две в год посадил[2] на эти сыры да селедки. Тогда как, по-настоящему, не следовало бы и покупать того, чего не производит собственная земля: и этого достаточно для того, чтобы не только наесться, но даже и *объесться*. Удивляться ли тому, что милосердый Бог, видя такое неустроенье нашей жизни, насылает нам наконец тяжелые времена, неурожаи, увеличенье податей?.. Он, милосердный, хочет нас заставить насильно вспомнить о том, что[3] нужно повести другую жизнь, насильно хочет нас спасти, позабывших святое Его слово, что узкий только путь ведет в Царствие Небесное, а широкий вводит в пагубу. Помыслим же об этом не в шутку в нынешнее благоприятное время поста. Храни нас Бог думать, что слова Христовы говорятся так, лишь бы только, чтобы только постращать, напугать нас, — нет, Он Сам сказал про непреложность слов Своих: «Небо и земля прейдут, а словеса Мои не прейдут». Еще раз желая вам от всей души и провести пост и говеть благодатно, прошу молитв и о себе грешном, да поможет Бог и вам и мне. А вам особенно советую, мои сестры, читать в это время наиболее такие книги, которые обличают и поражают душу, никак ее не щадя, но выказывая всю некрасоту ее. У всех просите себе обличенья и указанья всех ваших недостатков. А сами всех прощайте, в том числе и меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

[1] *Далее начато:* наи

[2] и посадил

[3] чтобы

О моем выезде наверно еще ничего не могу сказать. Все будет зависеть от погоды и как установится дорога. По дурной дороге отваживаться нельзя в не весьма крепкой колясчонке, и без того уже пострадавшей в распутную осеннюю дорогу прошлого года. Во всяком случае, буду стараться приехать к праздникам.

1781. Монаху Порфирию (Григорову)

1851. Одесса. Марта 6.

Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост! Много и много уже обязан я и вам и вашей обители и думаю теперь о том, как бы и чем мне показать вам мою признательность. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами.

Не оставляйте же и не забывайте меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный мой поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии.

1782. М. П. Погодину

Одесса. — 1851. Март 7.

Благодарю тебя, друг, за доброе твое письмо. Прискорбно было узнать из него об утрате твоей. Добрая мать, так тебя любившая, уже теперь не молится за тебя здесь на земле, она уже там... Она завещает теперь тебе молиться о ней. Не позабывай по ней панихид. Панихиды по близким душе успокаивают много нашу собственную душу. Да и самим мыслям становится после того как-то и способнее и удобнее стремиться туда, куда им предписан закон стремиться, и самые кандалы на ногах, на которые ты жалуешься, и которые у всякого человека на земле, становятся тогда неслышней и легче. Прощай! Если даст Бог, увидимся в мае.

Твой весь Н. Гоголь.

1783. Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — Н. В. Гоголю

Константинополь, 1851 г. марта 3 дня.

Возлюбленнейший Николай Васильевич! Наскоро пишу вам, торопясь на почту и к отъезду сегодня из Константинополя в Солунь на австрийском пароходе.

Церквей православных в Константинополе 46. Это передал мне о. Софония, и, верно, потому, что он и сам собирал сведения подобного рода. То же сказали мне о числе церквей и другие, впрочем, с исключением таких, что церкви Скутари и Терании не входят в это число, потому что они принадлежат другим епархиям.

Прощайте, возлюбленнейший. Недосуг писать.

Преданный вам Святогорец.

1784. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<3 марта 1851. Москва>

Да, любезный друг, виноват перед тобою, что давно не писал. Что делать с временем? Если бы продавалось и дешево, то купил бы. Вот у Хомякова много, да купить нельзя. Во-первых, имею честь уведомить тебя, что М<ертвые> Души все проданы и что наличными и билетами у меня в кассе твоих денег, с них вырученных, состоит 1985 р<ублей> 50 коп<еек> серебром. Как прикажешь с ними поступить? Ты писал ко мне, чтобы последних экземпляров в одни руки не продавать. Но письмо твое я получил слишком поздно, когда экземпляры были уже проданы. Но какое же право я имел бы не продать их, когда книгопродавец приносит мне все деньги сполна и по 20-ти проц<ентов> только я ему сбавляю? Я повещал многим: и Базунову, и конторе М<осквитянина>, и Улитину. Но никто не являлся не только за всеми, но и за десятками. А мне сбыть всего лучше. И место занимают, и присмотр за ними (нескольких экземпляров я не досчитался), и деньги в кармане. Во-вторых, к изданию сочинений еще не приступал. Теперь решительно некогда. Когда окончу публичные лекции, тогда примусь. Это будет на Страстной неделе. Не знаю еще, что скажет цензура? Пожалуй, захочет марать. Многое у Загоскина не пропускают и марают. Но к весне авось она более обойдется. Жена и дети благодарят тебя за память и отвечают тебе тем же.

Твой С. Шевырев.

Марта 3. 1851. Москва.

С нетерпением жду тебя в мае и радуюсь твоей деятельности.

1785. А. А. Иванову

Одесса. Марта 18 <1851>.

Не велико ваше письмецо, но спасибо и за то; по крайней мере, я знаю, что вы, слава Богу, здравствуете. Вы называете меня прекрасным теоретическим человеком. Не думаю, чтоб это было правда. Мне кажется, я плохой теоретический человек, да и практический также. Изо всей моей жизни я вывел только ту истину, что если Бог захочет — все будет, не захочет — ничего не будет. Как умолить Бога помогать нам, для этого у всякого своя дорога, и он как сам знай, так и добирайся. Но на мне, по крайней ме<ре>, вы должны научиться снисходительности к людям. Если я, человек, долго близ вас живший и притом все-таки понимающий, хоть, положим, теоретически, художество, так еще далек от того, чтобы понимать вещи и обстоятельства в настоящем виде, то как же можно требовать от начальства, состоящего из чиновников, чтоб понят<н>ы[1] были им внутренние требования оригинального, не похожего на других, художника? Поверьте, никто не может понять нас даже и так, как мы себя понимаем. И счастлив тот, кто, все это сообразя вперед, прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого, кроме — на Бога.

Письма адресуйте всегда на имя Шевырева в Москву, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме. Он доставит мне всюду, где ни буду.

Что бы вам написать хоть что-нибудь о вашем житье-бытье, не о том, которое проходит взаперти, в студии, но о движущемся на улице,[2] в прекрасных окрестностях Рима, под благодатным воздухом и небом! Где вы обедаете, куда ходите, на что глядите, о чем говорите? В иной раз много бы дал за то, чтобы побеседовать вновь так же радушно, как беседовали мы некогда у Фалькона. Не будьте скупы и напишите о себе не как о художнике, погруженном в созерцанье, но как о добром, милом моему сердцу человеке, развеселившемся от воспоминаний о прежнем. С вами теперь, как я слышал, Брюллов — как вы с ним ладите? и что делает брат ваш (которому передайте поклон мой)?

Ваш весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Rome. Italie.
Al signore Alessandro Iwanoff.
Pittore e academico russo.
Roma, nella via Condotti, vicina alla piazza di Spania. Caffe Greco.

[1] *Далее начато:* они

[2] о внешнем, о том дву

1786. С. П. Шевыреву

Одесса. Марта 18 <1851>.

Наконец от тебя письмо. Слава Богу, ты здоров. Благодарю за труды и все твои добрые о мне попечения. На днях выезжаю из Одессы. Недели три проживу у родных, а там обниму тебя, если все устроит Бог благополучно. Очень меня обяжешь, если возьмешь в синодальной лавке и перешлешь тот же час ко мне в Полтаву «Общую Минею» (большая книга, в лист) и «Четьи Минеи» (в 12 книгах, в осьмушку). К этому присовокупи два экземпляра Евангелия (библейского издания). Разумеется, все это в переплете (каком-нибудь).

С деньгами, полученными за проданные экземпляры «М<ертвых> д<уш>», распределись так: тысячу руб<лей> с<еребром> в банк (если найдешь нужным), 150 р<ублей> с<еребром> перешли мне в Полтаву, а остальные держи у себя до моего приезда. Впрочем, можно в банк положить даже и полторы тысячи: я думаю, что будет достаточ<но> для прожитья в год находящихся у тебя прежних. Но прощай! В ожиданьи личного свиданья посылаю тебе покуда заочный поцелуй.

Твой весь Н. Г<оголь>.

1787. С. П. Шевыреву

<Март (после 18-го числа) 1851. Одесса>

Прошу тебя присоединить к прежде сказанным книгам еще ноты церковного пения под названием: Партитурное собрание с преложением на фортепиано, музыка Бортнянского и других сочинителей, книга 1, СПб.[1], 1843 года, и прислать вместе в Полтаву.

Твой весь Н. Г<оголь>.

1788. М. И. Гоголь

Одесса. Марта 21 <1851>.

Вчера приехал Димит<рий> Андреевич. С ним приехало и письмо ваше. Я полага<ю> выехать на будущей неделе, так, чтобы к Страстной быть в Кагорлык. Если поможет Бог совершить путь благополучно, то или в субботу, или в воскре<сенье> доберусь до Кагорлыка. За лошадьми лучше пошлите домой, тем более, что Дм<итрий> Анд<реевич>, как я заметил, хочет тоже

[1] *В автографе:* Спбр.

в одно время с нами ехать в Кибенцы. Да и во всяко̀м случае, по-моему, нужно всячески избегать жить на счет других, хотя бы даже и весьма близких нам людей. Выеду я, может быть[1], или раньше, или позже Дм<итрия> Андре<евича>, затем, чтобы не мешать друг другу на станциях. Потому что лошадей трудно доставать и на один экипаж, а как будут два, то придется посидеть и по дню на станции и все-таки разрозниться. Затем, желая вам от всей души провесть благодатно остальное время поста, прося вас передать это же самое жела<ние> и весьма уважаемому мной Андрею Андреевичу, остаюсь

признательный сын

Н. Г<оголь>.

1789. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

1851, 19 марта, Москва.

Здравствуйте, милый друг Николай Васильевич, в новый ваш год! Крепко вас обнимаю и поздравляю. Несколько любящих вас приятелей заранее согласились было сегодня обедать у нас; но, как нарочно, что-то угораздило Погодина с Шевыревым устроить сегодня обед Иордану! Не только все наши гости обедают там, но и Константина утащили. Надеюсь, однако, что Бодянский отобедает и придет к нам. Хотя вареников есть не будем, но послушаем: «Ой, на дворе метелица».

Давненько не писал я к вам... а от вас уж и не помню, когда получил грамотку. Хоть ваше молчанье я считаю добрым знаком — но это чересчур. В последнее время я крепко расстроился было своими нервами, которые расплясались у меня, как у истерической женщины: теперь понемногу поправляюсь. Причину такой передряги перескажу вам лично. Странное дело: эта нервическая хворь не только не мешала, но даже помогала мне работать над моими записками, которые кончены, и это меня даже огорчает. Конечно, возни за ними осталось еще довольно; но она не может так сильно меня занимать, а без занятия нашему брату плохо. Мне кто-то сказывал, что вы до приезда в Москву поедете на южный берег Крыма. Если это правда, то я боюсь, что это письмо не застанет вас в Одессе и что вы не скоро к нам приедете.

Жду вас с нетерпением: хочу слушать и читать. Прощайте, друг мой! Обнимите за меня Казначеева и скажите ему, что его грамотка шла ко мне два месяца. Прощайте!

Всею душою ваш С. Аксаков.

[1] может быть, даже

1790. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

23 марта. 1851. СПб.

Сегодня получил я письмо твое от 25 января. Не понимаю, где оно пролежало эти два месяца. Уж не в твоем ли письменном столе? Удивительная с твоей стороны неаккуратность. Полагая, что мой ответ еще застанет тебя в Одессе, я решился написать к тебе поскорее.

Если бы ты действительно переменил свой маршрут — это было бы хорошо во всех отношениях. Что за жизнь на востоке для автора Чичикова? Ему надобно не выезжать из России. Недуги твои, надеюсь, легко поправятся, как скоро ты решишься вести регулярную жизнь. В путешествиях что за регулярность? Ни покоя, ни пищи, ни сна, ни удовлетворения привычек и любимых фантазий. Во всем зависимость Бог знает от кого и от чего.

Меня восстановило не обливание водою, как ты полагаешь, а отстранение неудобств и излишеств, которые всех нас губят. Вода мне служит только способом сохранения тела в приятной свежести и чистоте.

Смирнова рассказывала мне, как ты читал с нею вторую часть «Мертвых душ». Она в восхищении от нее. Со мною ты и речи не заведешь о том, сколько и как у тебя идет литературная работа. Правда, и сам я не охотник до времени толковать о том, что делаю. Все же не лишнее было бы с твоей стороны упомянуть о том, чем ты озабочен или обрадован. Не так жили со мною отшедшие друзья наши, о которых так мило говоришь ты в последнем письме ко мне. У них, правда, не было по целому свету столько других друзей, как у тебя. Это одно объясняет мне особенность отношений твоих ко мне и несколько успокаивает меня. Тогда кружок наш был маленький, но так крепко сомкнутый, что ни одна чуждая нам фигура не могла втесниться к нам и разделить кого-нибудь из нас от другого. Невозвратное время! Ты худо его помнишь, потому что поздно пристал к нам. Смешно мне, что ты свои лета равняешь с моими. Куда же тебе соваться тут? Ведь ты перед нами молокосос!

Жуковский приедет, вероятно, в мае и поместит семейство свое в Дерпте либо в Ревеле. Сам он только в августе отправится в Москву на празднование 25-летия Государева. До той поры мы непременно свидимся с ним, т. е. или он ко мне приедет в Петербург, либо я приеду к нему в Лифляндию. Вяземский летом будет жить в одном краю со мною за Лесным институтом, где он завел собственную дачу. Смирнова здесь не останется. Муж ее сменен

с калужского губернаторства и причислен просто к министерству внутренних дел. Итак, они, вероятно, уедут на лето в свою подмосковную.

Я все ждал, что скажешь ты мне насчет замечаний неизвестной особы, по вызову твоему приславшей их ко мне: не забудь, что при втором издании первой части «Мертвых душ» ты всех просил доставлять подобные замечания ко мне или к Шевыреву. А теперь ты даже и не отвечаешь мне на этот пункт. Что же это значит? Вообще твои письма так коротки и неудовлетворительны, что можно подумать, будто ты пишешь против воли.

На другое письмо твое, присланное с Мурзакевичем, я потому не отвечал, что ждал отзыва на свое первое. Пожалуста, поклонись Мурзакевичу, Зеленецкому, Саржинскому и всем, кто в Одессе меня вспомнит.

Жена моя, дочь и зять мой тебя благодарят за память о них и кланяются тебе. Обнимаю тебя мысленно и молю Бога, чтоб Он даровал тебе здоровье и веселость. Неизменно твой

П. Плетнев.

1791. А. О. Смирновой

<Конец марта 1851. Одесса>

Христос Воскрес!

Спешу поздравить вас, добрый друг, с радостным днем Светлого Воскресенья. Дай Бог и вам и мне того же: радоваться о Христе, любить всех о Христе, позабыть себя со всем черствым окружением собственных забот и, дорожа всякой минутой, спешить благодарить за <н>ее Бога, живя[1] подобно птицам небесн<ым>, не сея, не собирая в житницы, радуясь о том только, что[2] совершается Его Божья воля. О, пошли нам Бог, и вам и мне, силу любить всех! В ней потонет все грустное. Еще раз: Христос Воскресе!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1792. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. Апреля 12 <н. ст.> 1851.

Вам угодно было величайшим вниманием вознести на высокую степень художника: лице доселе блуждающее. Сочувствуя

[1] и, живя
[2] чтобы

ваш выбор, я еще не считаю теперь нужным выяснять все, что происходит в душе моей по сему поводу, — время и большая самостоятельность это сами покажут. Теперь одно мне необходимо: это письмо вашей руки. Я верую в постоянство, но все-таки удостойте меня этой милости, чем подкрепите дух мой, что всегда возвышался соприкосновением вашей беседы, без которого едва ли может быть счастливое окончание настоящих дней.

С нетерпением ожидая живительного успеха сего письма, остаюсь с глубочайшим уважением

Александр Иванов.

1793. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Апреля 6. 1851. Москва.

Письмо твое получил апреля 2 в Страстной Понедельник. По первой же почте отправляю к тебе 150 р<ублей> серебром, по твоему приказанию, также и Общую Минею. Четиих Миней в 12-ти книгах нет: все вышли и только через год будут напечатаны. В других лавках продаются очень дорого, да и не знаю, найдешь ли. Евангелия, изд<анного> библейским обществом, давно уж нет в продаже. Денег твоих у меня всех, — и билетами, и сериями, и ассигнациями, — 1985 р<ублей> 50 коп<еек>. В том числе билетами 600 р<ублей>, сериями 200 р<ублей>, остальное ассигнациями. Из них отправляются к тебе 150 р<ублей> серебром и куплена книга Минея за 3 р<убля> 85 коп<еек> серебром. Не знаю, что станет почта. Затем остальное все у меня. Теперь в ломбард класть нельзя, ибо нет присутствия, а на Фомин понед<ельник> положу. Не знаю, какие разумел ты прежние деньги. Я писал к тебе ясно, что всего-навсего у меня выручено от М<ертвых> Душ; за издержками и за отданными тебе, оставалось 1985 р<ублей> 50 коп<еек> серебром и теперь остается по рассчету вышеописанному. Христос Воскресе! Целую и обнимаю тебя. Ожидаю тебя с нетерпением.

Твой С. Шевырев.

1794. А. Хрущов (?) — Н. В. Гоголю

<23 апреля 1851. Село Бакуленька>

Милостивый государь Николай Васильевич, одно только ваше перо могло бы выразить те сожаления, с коими не могу разлучиться с тех пор, как имел честь видеть вас, милостивый

государь. Возможно ли? Видел вас, наслаждался вашей беседой и, только расставшись с вами, узнал, что вы та морально-литературная знаменитость, которая служит лучшим украшением нашего времени! Сожаления мои так велики, что я решаюсь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня извещением, могу ли я иметь утешение застать вас дома в конце этой недели. В ожидании удовлетворительно-обязательного вашего отзыва покорнейше прошу принять уверение в душевном моем к вам почтении и преданности, с коими имею честь быть навсегда ваш, милостивого государя, покорнейший слуга...[1]

23 апреля.

С. Бакуленька.

Покорнейше прошу свидетельствовать совершенное почтение вашей матушке.

1795. П. А. Плетневу

Полтава. Маия 6 <1851>.

Милое, доброе твое письмо получил уже здесь, в деревне моей матушки. Из Одессы выслали его мне довольно поздно; видно, в наказанье за то, что я свое отправил к тебе довольно поздно. Все действительно случилось так, как ты предположил: ровно через месяц после того, как оно было написано, запечатано и, казалось, как бы даже и отправлено на почту, нашлось оно в моем письменном столе. Что прикажешь делать? Видно, горбатого могила исправит. Кажется, как бы я преуспеваю со дня на день в этой добродетели. Зато тем признательнее принял и прочел я знак твоего непамятозлобия, твое милое и милующее письмо. На замечанье только твое о моей молодости скажу: «Увы! Два года, как уже пошел мне пятый десяток, а стал ли я умней, Бог весть один». Знать, что прежде не был умен, еще не значит поумнеть. Что второй том «М<ертвых> д<уш>» умнее первого — это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека, так что, может быть, Смирнова отчасти и права; но как рассмотрю весь процесс, как творилось и производилось его созданье, вижу, что умен только Тот, Кто творит и зиждет все, употребляя нас всех вместо кирпичей для стройки по тому фасаду и плану, которого Он Один истинно разум-

[1] *В копии сделан пробел и примечание: «Фамилия в подлиннике не разобрана».*

ный зодчий. С тобою всячески постараюсь увидеться. Теперь еду в Москву. Всякие письма и замечания, какие были тебе присланы насчет «М<ертвых> д<уш>», запечатавши в один пакет, пошли ко мне, адресуя на имя Шевырева, а если присоединишь к этому две-три строчки собственно<го> письмеца, — вперед посылаю тебе самое душевное спасибо. Всем тебе близким братский поклон!

Твой весь Н. Гоголь.

1796. С. Т. Аксакову

Мая 14 <1851>. Д<еревня> Василевка.

Милое ваше письмо, добрый друг Сергей Тимофеевич, получил уже здесь в Малороссии и благодарю вас за поздр<авление> с днем рожденья моего, и вас, и Ольгу Семеновну,[1] и Константина Сергеевича, и всю семью. На днях выезжаю в Москву. Вероятно, вы уже будете в вашей подмосковной, но постараюсь заглянуть к вам и туда. О Максимовиче не имею никаких вестей, слышал только, что был он болен, и ничего больше. Весна здесь так благоприятна, как давно не было. Обнимаю вас — до свиданья!

Ваш Н. Гоголь.

1797. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. 20 мая <н. ст.> 1851.

Письмо ваше от марта 18 можно разделить на две половины. Я полагаю, что вы его помните. Высшее управление, под которым мы находимся, лучше всего оставлять неприкосновенным для наших суждений, особливо письменных. Мы, христиане, должны в молчании и с покорностию ждать *обещанного блаженства*[2] и печься только о том, чтобы быть более и более его достойным. Этим я заключу для себя первую половину вашего письма.

Во второй вы спрашиваете о моей жизни вне студии? Вне студии я довольно несчастен, и если бы не студия, то уже вполне бы был убит. Так покамест стоит дело. Все, что вы разумели о моих страданиях, печатав статью обо мне, составляет, может быть, четвертую долю того, что случалось после. Так что, выражаясь языком переходного человека, я уже начинаю чувствовать какую-то художническую самостоятельность. И может ли что

[1] и Сергея Тимофеевича

[2] Как жаль, что вы не говорите, будете ли вы в Петербурге. — *Примеч. А. А. Иванова.*

быть этого справедливее? Ведь мы уже мало-помалу подходим к последнему вопросу: быть ли живописи или не быть?

Но я слишком, кажется, увлекся, желая отвечать вам на вторую половину вашего письма, и это оттого, что все как-то свертывается у меня на студию как на единственное и верное утешение в настоящие минуты.

Я обедаю в Фальконе, и это потому, что из всех камергеров наш Луиджи один оставался мне верен, от других я уходил с животной болью. Вследствие этого же переставал было ходить в кафе завтракать. Теперь, однако ж, наш<ел> кафе — на площади S. Carlo, где можно без опасения позавтракать.

Я почти ни с кем не знаком и даже оставил прежние знакомства. Я, так сказать, ежедневно болтаюсь между двумя мыслями — искать знакомства или бежать от них — и, вися в средине, кое-как разговариваю с людьми, всегда имея к ним всевозможную снисходительность и ища их благорасположения как необходимости для меня же. Как ни странно это положение, но вместе и утешительно. Никогда так я не был наблюдателен, как теперь, и в этом я нахожу отраду.

С Брюлло я в начале приезда часто виделся, но теперь с ним не бываю. Его разговор умен и занимателен, но сердце все то же, все так же испорчено.

Мне Н. П. Боткин писал, что будто бы вы сбираетесь в Рим чрез Грецию, и он тоже хочет сюда же пуститься чрез Лондон.

Брат мой все еще со мной. Мы думаем в июле, на первых числах, поехать вместе в Неаполь, в Тор-Аннунциато, для принятия морских купаний и занятий в Помпее. Оттуда в начале августа я думаю возвратиться в Альбано для этюдов первого плана картины (пожалуйста, не бранитесь: ведь вы тут только теоретик), а потом, в октябре, я в Рим, для окончания картины, а он думает в Сицилию, с возвратом ко мне же в Рим, к тому же времени.

Вас искренно любящий и почитающий Александр Иванов.

1798. А. В. Гоголь

<Май (после 22-го числа) 1851. Полтава>

Любезная сестра Анна!

Во всем Божья воля; ничего не совершается без воли Божьей. Так говорят — одни потому, что в этом убеждены, другие потому, что слышат, как это говорят другие. Вижу и я в нынешнем событьи Божью волю. Но все, однако ж, не знаю, правы ли

были вы вместе с сестрой, уладивши это дело в секрете, без предварительного совещанья с матерью или хоть даже и со мною. Уверенность в благоразумии своих поступков вредит нам много даже и в малых вещах, а дело нынешнее очень важно, так что, признаюсь, я и не могу понять, отчего ты предалась такому восторгу. Я здесь не вижу, чему еще радоваться: ни он, ни она не имеют ничего. Конечно, бедность еще бы не беда, если бы сестра[1] моя Елисавета была приучена к деятельной, трудолюбивой жизни, если бы она умела терпеть, переносить, если бы наконец имела ту безоблачную, ясную ровность характера, с которою человек счастлив везде, куда бы его ни бросила судьба, но при неименьи этого... что ни говори — страшно. Конечно, я могу утешаться тем, что ни в счастьи, ни в несчастьи сестры я не виноват: совета моего не спрашивали, но тем не менее сердце мое болит, я не могу предаться радости, не видя залогов будущего счастья. Он всем нам мало известен. В два-три раза, в которые я его видел, я могу только сказать, что я не заметил в нем ничего дурного; вы не судьи: какой же жених не будет стараться показаться своей хорошей стороной тем[2], у которых заискивает? — Итак, в будущем покуда потьма и неизвестность! А как вспомню при этом, сколько у Лизы всяких мелких капризов, которые и хорошего человека обратят к ней своей дурной стороной, сердце скорбит пуще. Нет, вместо всяких восторгов лучше смиренно прибегнуть всем нам к молитве. Отправляйтесь пешком теперь же в Диканьку испросить, вымолить у Бога, чтобы супружество это было счастливо. Чтобы во всю дорогу на устах ваших была одна молитва и никаких пустых речей или спора, чтобы только одно стремле<нье> к Богу было в сердцах ваших. Умерь свою привычку строить фантазии и планы для будущего в уверенности, что все потечет такою дорогою, какую ты[3] в голове своей[4] предпишешь.[5] Лучше вместо того, от всех сил своих и со слезами, помолись о своей сестре, чтобы милосердный Бог внушил ей помышленье беспрерывное истреблять[6] из своей души все те качества и свойства, которыми мы наносим неприятности, оскорблен<ия> другому. Ответ капитану матушка мне прочла. Он, по-моему, очень благоразумен. Она пишет, что

[1] она
[2] к тем
[3] *В автографе:* какую же
[4] всему в голове своей
[5] *Далее начато:* Но
[6] о том, чтобы истреблять

предложенье его приятно и ей и дочери, но что она считает долгом предуведомить его, что состоянья у ней нет теперь никакого, и потому советует сообразить с этим род жизни заблаговременно и обо всем передумать. Мне же писать письмо к нему неприлично[1]. Я больше вашего опытен и знаю больше вашего свет. Письмо от меня было бы тогда у места, если бы он отнесся ко мне, тогда обыкновенно благодарят за честь и рассыпаются во всяких комплиментах, но письмо адресовано к матушке и притом так холодно-официально, что я бы даже и не нашелся как отвечать, точно как бы он не от своей воли, а по какому-то принужденью делает это предложенье. Впрочем,[2] это все стороннее. Дело не в этих пустяках. Чему быть, того[3] не миновать, а суженого конем не объедешь. Уж если что случилось, то верно случилось потому, что так угодно было Богу. Дай только Бог, что<бы> случившее<ся> случил<ось> не как наказанье, а как награжденье. Зная, что счастливые супружества бывают уделом только тех, над которыми почивало неотлучное благословенье родителей, которые не огорчали их ни поперечным словом, ни поперечным поступком, я должен вас молить, чтобы хоть в продолженьи месяца или двух неделей глядеть на мать свою, как на святую, исполняя малейшие ее желанья, не прекословля ей ни в малейшей безделушке, чтобы получить[4] истинное растроганно-признательное благословенье, исполненное слез и благодаренья Богу за детей своих, тогда[5] я бы не боялся ни за какое бы ни было супружество[6]. Бог да вразумит тебя и наставит во всем, как и чем быть полезной своей сестре.

Твой любящий тебя брат Николай.

1799. Е. В. Гоголь

<Май (после 22-го числа) 1851. Полтава>

Любезная сестра Елисавета!

Письмо твое меня смутило[7]. Молись Богу ото всех сил души, сколько их в тебе достанет. Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть. Впереди все неизвестно; известно

[1] *Далее было:* да и вам прежде, чем советовать мне делать это, приличнее было бы испросить у меня совета

[2] *Далее начато:* весьма может быть и от незнанья

[3] тому

[4] наконец получить

[5] *Далее начато:* будет счастлив<о>

[6] *Далее начато:* но по

[7] смутило мно<го>

только то, что половина несчастья от нас самих. Молись, отправься пешком к Николаю Чудотворцу, припади к стопам угодника, моли его о предстательстве, сама взывай ото всех сил ко Христу, Спасителю нашему, чтобы супружество это, замышленное без совещания с матерью, без помышленья о будущем и о всей важности такого поступка, было бы счастливо. Что касается до меня, от всей души желаю, чтоб оно было счастливо, но желанья моего мало, счастье зависит от тебя самой.

Говей, исповедайся, принеси чистое покаянье Господу во всем. Рассмотри строго всю свою жизнь. Ни в чем себя не оправдывай, но лучше обвини во всем. Много есть в нас таких качеств и свойств, которыми наносим мы неприятности и вред другому и которые, покуда еще не связана с нами судьба другого, сами по себе еще не так важны, но в супружестве бывают[1] причиной полного несчастья обоих. Вспомни сама, что не было человека, с которым бы ты не поссорилась, и не было приятельницы, с которою бы, пожив несколько времени вместе, не произошло между вами какой-нибудь размолвки, — а ведь с мужем нужно прожить весь век. Не почитай ничтожными вещами все эти, по-видимому, мелкие капризы и упорства, старайся от них всеми силами избавиться заблаговременно, теперь же, потому что <они> бывают причиной охлаждений друг к другу, страданий беспрерывных и наконец вечных разрывов. Ты в радости — я дрожу за тебя. Одна мысль о том, как тебе трудно сделаться хорошей женой, которая вся должна быть одно послушанье и небесная кротость, вводит страх неизъяснимый в мою душу, особенно, когда помыслю о том, что тебе даже неизвестна эта добродетель[2], что ты не слушала меня ни в чем, что я тебе советовал для твоей же пользы, и[3] что в то время, когда сестры твои по мере сил старались исполнить хотя десятую долю моих советов[4], тебя никакими убежденьями и просьбами нельзя было заставить даже попробовать своих сил. Как вспомню это — не могу не бояться, не могу радоваться счастью[5], которого я еще не вижу. О, да спасет тебя Бог, вразумит, наставит во всем[6]. Молись, ничего другого не умею и не могу тебе сказать.

Твой от всей души желающий тебе счастия брат

Н. Г<оголь>.

[1] еще бывают
[2] последняя добродетель
[3] *Далее начато:* тогда
[4] просьб
[5] твоему счастью
[6] *Далее начато:* ничего

1800. М. И. Гоголь

Москва. Июня 5 <1851>.

Спешу уведомить вас, почтеннейшая и добрейшая матушка, что приехал я в Москву благополучно. Только за вас, признаюсь, мое сердце было неспокойно. Как вспомню, что вам трудов и забот теперь и всяких, может быть, огорчений! Вы же теперь всё так близко принимаете к сердцу. О, спаси вас Бог за ваши беспрестанные молитвы о нас недостойных, спаси вас Бог от всяких смущений и да будут все ваши годы до поздней старости исполнены одним только выраженьем признательности к вам детей ваших! Не думайте, чтобы я был против вступленья в замужество сестер. Напротив, по мне, хоть бы даже и самая последняя, более других устроенная для жизни безбрачной, вздумала[1] пожертвовать безмятежьем ее на это мятежное состоянье, я бы сказал[2]: с Богом! если бы возможны были теперь счастливые браки. Но брак не есть теперь пристроенье к месту, нет: расстройство разве; ряд новых нужд, новых тревог, убивающих, изнуряющих забот. Только и слышишь теперь раздоры между родителями и детьми, только и слышишь вопли о том, что нечем вскормить, не на что воспитать и некуда пристроить детей. И как вспомнишь, сколько в последнее время дотоле хороших людей сделались ворами, грабителями, угнетателями несчастных из-за того только, чтобы доставить воспитанье и средства жить детям, и вся Россия наполнилась разоряющими ее чиновниками. И пусть бы уж эти дети доставили им утешенье — и этого нет. Только и слышишь жало<бы> родителей на детей. Вот почему сердце мое так неспокойно за сестер. Неопытные, они[3] жаждут только перемены. Они создали мысль, что нынешнее положенье их невыносимо и что всякое другое сноснее. Не приученные к терпенью, они думают, что могут лучше распорядиться на том поприще, которое все состоять будет из одного терпенья. Как вспомню о бедной сестре Елисавете, которая уже от<того> только, что недоставало сахару для гостей, издавала вопли отчаянья, — что же будет с нею потом, когда пойдут недостатки поважней недостачи сахара для гостей? Вот почему я так просил вас всех молиться. Сестер убеждал даже отправиться пешком в Диканьку, а вас ехать. Я думаю, кучер Левко передал вам мою изустную просьбу, как[4] себя

[1] ре<шила>

[2] благосл<овил>

[3] *Далее начато:* думаю<т>, что во всяком случае

[4] как можно

приберегать в дороге, и если пройтиться, то разве очень немного, потому что излишнее движенье волнует кровь и вам вредно. Всего лучше молитва. А к сестрам моя теперь просьба. Если желают, чтобы супружество это было счастливо, то[1] лучше не составлять вперед никаких радужных планов. Лучше заранее приуготовлять себя ко всему печальному и рисовать себе в будущем все трудности, недостатки, лишенья и нужды — тогда, может быть, супружество и будет счастливо, потому что и ум, привыкнув к осмотрительности заранее, обратит вниманье на то, на что нужно обращать вниманье сначала. О, счастлив тот, кто мирится с своими настоящими обстоятельствами! Будущее неверно. Вот и теперь смущает меня одно печальное событие, случившееся, говорят, во Владимире 21 мая. Во время хода церковного проломился мост, так что перешли одни священники, несшие иконы, а весь народ обрушился в реку. Дай Бог, чтобы капитана миновала эта опасность. Не помните вы, от которого числа писал он свое письмо и когда думал он выехать в Киев?

Посылаю вам деньги, занятые мною у вас в Кагорлыке, Васильевке и по дороге, при разных случаях. По моему расчету, их набралось на 10 р<ублей> сереб<ром>. Остальные 15 р<ублей> с<еребром> должны остаться в капитале для произведенья из них уплаты в свое время столяру по мере изготовленья вещей. Передайте их сестре Анне или сестре Ольге. Другие же 25 р<ублей> на лекарства и церковь Ольге.

Жду с нетерпеньем известий о всех вас.

Многолюбящий вас сын Н. Г<оголь>.

1801. О. В. Гоголь

<5 июня 1851. Москва>

Любезная сестра Ольга!

Посылаю тебе денег, сколько собралось, 25 р<ублей> сер<ебром>, на лекарства, просфоры и прочее, что к церкви. Хорошо бы завести причастникам на запиванье бутылку меду, но не отдавать ее в руки пономарю, а стоять самой при раздаче просфор и остаток забирать себе. Прошу тебя обратить особенное вниманье на родильниц и отложить несколько денег, чтобы нанять[2] работницу на то время, когда родившая должна пролежать в постели; для этого нужно непременно наведаться самой,

[1] *Далее начато:* вы

[2] нанять ей

чтобы удостовериться, точно ли больная лежит в постели и точно ли работа<ет> за нее другая. В распределеньи денег я пропустил Наума Дзюба, которому дай тоже целковый. Он при мне работа<л> хорошо, и я был им доволен, что можешь ему и объявить[1]. Обо всем, что случилось, как вы доехали, как нашли всё дома и что произошло без меня, уведоми.

Твой любящий брат Н. Г<оголь>.

1802. А. В. и Е. В. Гоголь

<5 июня 1851. Москва>

Милые сестры Анна и Елисавета! Теперь вам не пишу за неимением времени, но скоро буду. Ради Бога, не скучайте моими письмами, теперь они вам очень, очень нужны. Примите просто, прямо на веру, что их диктует вам одна любовь, а не что другое, и вы хоть сколько-нибудь, может быть, поймете тогда и меня самого.

Весь ваш

многолюбящий брат Н. Г<оголь>.

Старайтесь пребывать всё это время в самом почтительном отношении к матушке и в любви ко всем.

1803. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Сельцо Спасское, 7-го июня 1851 г.

Правда ли, что вас ежеминутно ждут в Москву? Может быть, вы уже там; мы друг друга совсем потеряли из виду, только случайно у Дурновой я узнала, что вы бывали у Репниных в Одессе и выехали оттуда. Много с нами было материальных перемен, и хотя конец был весьма оскорбительный, тяжелый и незаслуженный, — все это лучше и легче, чем то, что мы терпели последний год в Калуге от п...... и г...... Давыдова ..... Я уже в деревне отдыхаю, но бедный Николай Михайлович отписывается в сенате и скучает в Петербурге. Летом же от Излеров ли, или Конкордии, не знаю, но дела еще медленнее идут. Напишите ко мне, что вы намереваетесь делать летом и где нам свидеться, а свидеться нам необходимо. Прощайте, Христос с вами. Грудь так болит, что пишу с трудом; графу Александру Петровичу мой дружеский поклон и уважение; если графиня тут, то и ей также. Аксаковым поклонитесь очень дружески. Ваша, как всегда и на век.

Александра Смирнова.

[1] а выдать целковый из тех денег

1804. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

5-го июля 1851 г. Дубровное.

Ровно две недели, как мы простились с Васильевкой и ее милыми обитателями. В Сорочинцах пробыли всего два дня.

Я однажды имел случай видеться с Малинкой, который, к чести его, имел довольно такту, чтобы не спросить о последствиях поручений своих насчет предложения быть участником в издании 2-й части «Мертвых Душ».

Если я не писал к тебе прежде, то это потому, что не было оказии в город для отправления письма, а посылать нарочного в теперешнее время полевых работ не приходится. Да и что интересного могу сказать тебе? Ровно ничего.

Мы, наконец, добрались до своих пенатов благополучно. Теперь понемножку все хвораем: у детей насморк и кашель, у жены болит горло, а меня посетили… один уселся на ноге, а другой…

Крестник твой начал оживать: чаще кричит; а вчера матушка с восторгом прибежала объявить мне, что он улыбнулся. А сколько уж слез!..

Мы приехали сюда, словно в другой мир: из царства засухи в царство дождей и гроз. Всякий день приносит свой ливень и свою грозу, а часто и град. Табак, наша лучшая надежда на грядущий доход, запропастило градом, равно и гречиху. Превосходное жито совершенно вылегло от дождей, граду и ветру. Травы, не смотря на непомерно влажное лето, нехороши. Сена мало, да и убирать не улучишь времени.

На будущей неделе начинается наша последняя Ильинская ярмарка. Жаль, больно жаль, что нас лишают единственного пункта для сбыта наших несчастных сельских продуктов. С досадой в сердце и негодованием в душе поеду проститься с нашей родной ярмаркой. Не хочешь ли и ты со мной?

Я позабыл сказать тебе, что, перед отъездом нашим от вас, явился туда молодой, влюбленный Владимир Иванович Быков. Ты, верно, давно уже знаешь о его посещении. Елизавета Васильевна в восторге от своего будущего мужа, и этот предполагаемый союз сулит, по-видимому, много счастия. Дай Бог, чтобы общие наши надежды и желания осуществились вполне.

1805. М. И. Гоголь

Москва. 14 июля <1851>.

Странно мне, что вы еще не получили письма моего со вложением денег работникам и сестре Ольге. Я писал скоро по приезде моем в Москву. На нынешнее письмо ваше отвечаю несколько поздно, потому что был в отлучке и третьего дни только приехал в город. Прошу вас и умоляю, добрейшая матушка, еще раз не хлопотать и не заботиться ни о чем. Вы видите, все строит Бог. Право, нам только нужно повторять: да будет святая воля Божья во всем! Не знаю, удастся ли мне приехать на свадьбу сестры, хоть и желал бы очень. Обстоятел<ьства> мои трудненьки. Но пусть будет так, как устроит Бог. Отправьте одно письмо Владимир<у> Ивановичу Быкову в Киев, потому что я не знаю, как адресовать, а другое сестре Елизавете.

Ваш истинно любящий вас сын Николай.

Молитесь обо мне!

1806. В. И. Быкову

Москва. Июля 14 <1851>.

Душевно рад иметь вас как родного и близкого человека. Сестра моя Елисавета не без качеств, могущих составить счастие мужа, если только будет постоянно о том молиться Богу. В письме своем к моей матушке пишете вы, что узнали нужду и уже привыкли к неприхотливой жизни. Ради Бога, не оставляйте такой жизни никогда, но, напротив, полюбите более, чем когда-либо прежде, бедность и поведите жену свою таким же образом с первых же дней замужества. Ковать железо нужно, покуда горячо: жена в первый год замужества — гибкий воск, с которым[1] можно сделать все. Пропустите — будет поздно! Счастлив тот, кто с первых же дней после бракосочетан<ия> установит у себя в доме правильное распределение времени и часов и для себя и для жены, так, чтобы и минуты не оставалось пропадающей даром, и чтобы таким образом ко времени, когда им сходиться друг с другом, накопилось бы у обоих о чем пересказать другому, и предмет для разговора никогда бы не истощевался. Такими, по-видимому, неважными вещами надолго скрепляется связь. Я видел много на веку своем всяких супружеств: счастливей из них были те, когда тот и друг<ой>, т. е. муж и жена, соединялись затем, чтобы вести

[1] *В автографе:* с которой

истинно деятельную, отданную трудам жизнь.[1] Бог вас благослови и вразуми во всем! Буду стараться приехать к вам на свадьбу, хоть и не знаю, дадут ли на это возможность покуда несколько затруднительные мои обстоятельства.

Ваш весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Владимиру Ивановичу Быкову.

1807. Е. В. Гоголь

Москва. Июля 14 <1851>.

Милая сестра моя Елисавета! Письмецо твое с известием об обручении получил. От всей души желаю, чтобы супружество ваше было счастливо *вполне*. Молился об этом, несмотря на бессилье молитв моих; просил твоего прежнего духовника, отца Сергия (Тарновск<ого>), молиться о тебе. Он — человек истинно благочестивый и молящийся, может быть, Бог вонмет его молитвам, но повторяю тебе — всего этого мало. Нужно тебе самой молиться (и молиться беспрестанно), чтобы вразумил тебя Бог, как быть в этом новом званьи, как сбросить с себя, как искоренить в себе все эти (увы! мы их называем незначительными мелочами), которыми наносим мы несчастие связанным с нами людям и, стало быть, себе самим. Бог тебя да наставит! О прочем не заботься. Пожалуста, уговаривай всех в доме не делать никаких сборов и приготовлений к твоей свадьбе. Они будут для тебя, по доброте своей, лезть изо всех сил и жертвовать всем, чтобы накопить тебе всякого тряпья, но всякий сундук будет тебе в тягость: ты — женщина походная, твой муж военный, у которого квартира не должна быть велика, а потому не следует стеснять ее и загромозживать жениным дрязгом. Толкуй, пожалуста, всем[2] это. Я видел и графинь, выходивших замуж за военных и у которых, кроме узелка и небольшой шкатулки, ничего не было. В этом случае можешь[3] не послушать старшей сестры, которая несколько заражена страстью ко всему парадному. Придумать какую<-то> кочь-карету — это, пожалуй[4], было бы даже вроде великодушного движенья[5] со стороны того, кто бы сам купил

[1] *Далее начато:* Но

[2] им всем

[3] позволяю тебе

[4] пожалуй что

[5] *Далее начато:* но если бы так она ее

ее на свои деньги. Но делать предписанье мне[1], не сообразя, есть ли какая-нибудь на это возможность,[2] не рассудивши притом, что в один месяц не делается никакой экипаж, и который[3] мастер здесь в Москве сделать[4] в год... Грустно[5] бывает, когда с опрометчивостью соединяется еще и безболезность к положенью[6] близкого человека. Друг мой сестра! Неужели ты думаешь, что я пожалел бы помочь тебе? Но войди в мое положение: говорю тебе, что если я умру, то не на что будет, может быть, похоронить меня, вот какого рода мои обстоятельства. Я думал было, приехавши в Москву, поправить житейские дела свои, но встретил препятствия на всяком шагу. Денежные обстоятельства мои плохи. Видно, Богу угодно, чтобы мы оставались в бедности. Да и признаюсь, полная бедность гораздо лучше средственного состояния. В средственном состоянии приходят на ум всякие замашки свыше состояния: и кочь-карета, и досада на то, что не в силах ее сделать, и мало ли чего на каждом шагу. А когда беден, тогда говоришь: «я этого не могу» — и спокоен. Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат. Истину говорю тебе и чем дале живу, тем более ее чувствую. Недаром Бог не хочет, чтобы иные[7] люди были богаты: трудно богатому спастись. Сказавши тебе все это, буду, однако ж, всячески стараться достать хоть сколько-нибудь денег, чтобы купить для вас маленькую подержанную колясочку, иногда они достаются дешево, и если будет возможность и средства, приеду, может быть, в ней сам, но ничего не могу обещать наверно, как бы ни желалось мне обнять тебя лично, поздравить и пожелать всякого добра, добра истинного, прекрасного, а не ложного и обманчивого, за которым так гонятся люди.

Твой весь брат Николай.

Напиши мне, в какой день сентября назначена ваша свадьба.

<На обороте:>

Милой сестре моей Елисавете.

[1] другому

[2] *Далее начато:* зная, что мне едва было на чем выехать из дому и что я говорил не один раз о том, что

[3] и не берется

[4] иначе как

[5] Грустно мне

[6] к коему к положенью

[7] многие люди

1808. П. А. Плетневу

Москва. 15 июля <1851>.

Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнемогший от жару и пыли. Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовленья к печати «М<ертвых> д<уш>» второго тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки, а не то, что поправлять или даже переписать то, что нужно переписать. Гораздо лучше просидеть было лето дома и не торопиться, но желанье повидаться с тобой и с Жуковским было причиной тоже моего нетерпенья. А между тем здесь цензура из рук вон. Ее действия до того загадочны, что поневоле начнешь предполагать ее в каком-то злоумышлении и заговоре против тех самых положений и того самого направления[1], которые она будто бы (по словам ее) признает. Ради Бога, пожертвуй своим экземпляром сочинений моих и устрой так, чтобы он был подписан в Петербурге. Здешние бабы-цензора отказываются даже и от напечатанных книг, особливо если они цензурованы петербургским цензором. А второе издание моих сочинений нужно уже и потому, что книгопродавцы делают разные мерзости с покупщиками, требуют по сту рублей за экземпляр и распускают под рукой вести, что теперь все запрещено. В случае, если и в Петербурге какие-нибудь придирки насчет, может, каких-нибудь фраз, то Смирнова мне сказала, что велик<ая> княгиня Марья Никол<аевна> просила ее сказать мне, чтобы в случае чего обратиться прямо к ней. Это она говорила о втором томе «М<ертвых> д<уш>». Нельзя ли этим воспользоваться и при 2 издании сочинений? Прежде хотел было вместить некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть все остается в том виде, как было в 1 издании. Еще пойдет новая возня с цензорами. Бог с ними! Писал бы еще кое о чем, но в силу вожу пером. Весь расклеился. Передай душевный поклон мой достойной твоей супруге, о которой кое-что слышал от Смирн<овой>. Балабиным, если увидишь, также мой душевный поклон. Получил пересланное тобой описание филармонического[2] быта в большом свете, по поводу «М<ертвых> д<уш>». Две страницы пробежал: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь. Ради Бога, передай, что знаешь о Жуковском, да и о себе также. Письма адресуй по-прежнему на имя Шевырева.

Твой весь Н. Гоголь.

Правда ли, что кн<язь> Вяземский в сильной хандре?

[1] и правил

[2] филантропического

1809. Преподобному Моисею (Путилову), настоятелю Оптиной Пустыни

<Середина июля 1851. Москва>

Так как всякий дар и лепта вдовы приемлется, примите[1] и от меня небольшое приношение по мере малых средств моих (двадцать пять рублей сер<ебром>). Употребите их по усмотрению вашему на строительство обители вашей, о которой приятное воспоминанье храню всегда в сердце своем. Очень признателен вам за ваше дружеское гостеприимство и усердно прошу молитв ваших о мне грешном. Неотступно прошу, чувствуя в них сильную надобность.

Много благодарный вам

Николай Гоголь.

Покорнейше прошу передать при сем приложенное письмецо достойному отцу Макарию. Если пожелает он узнать мой адрес, то вот он:

Ник<олаю> Васильев<ичу> Гоголю в Москву, в дом Талызина на Никитском булеваре.

1810. Иерей Димитрий Пономарев — Н. В. Гоголю

16 июля 1851 г.

Достоуважаемый Николай Васильевич! Проповеди, присланные вами «Беседы сельского священника с прихожанами», по своей простоте и силе выражений, изображению картин в простом быту христианина самым живым и натуральным образом имеют право считаться в числе самых лучших произведений в этом роде. Я, по крайней мере, не знаю проповедей, которые бы могли быть употребляемы с такою пользою для сельских прихожан, как эти проповеди.

Бог, Отец щедрот и всякия утехи да будет с вами. Имею честь быть вашего высокоблагородия покорным слугою св<ященник> Дмитрий Пономарев.

1811. С. П. Шевыреву

<25–26 июля 1851. Москва>

Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть мелких сцен и лиц героев. Случились

[1] *В автографе:* принимите

истории. Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому неизвестны. Ради Бога, никому.

Обнимаю тебя. Твой весь.

1812. А. В. и Е. В. Гоголь

Москва. Июль <1851>.

О суете вы хлопочете, сестры. Никто ничего от вас не требует — так давай самим задавать себе и выдумывать хлопоты! Жених — человек неглупый: просит и молит о том только, чтобы ничего не готовить, так давай самим. Не спорю, что хорошо бы и то и другое, да если нет, так что тут хлопотать? На нет и суда нет. Тут хоть тресни, а из ничего и сваришь ничего. Тут как пусть себе ни досадует сестра Анна (которая любит вперед сочинить план, не спросясь с карманом, а потом выходить из себя, когда план не выходит, как ей хочется) — не даст[1] Бог возможности, ничего не сделаешь. А мой совет — свадьбу поскорей да и без всяких приглашений и затей: обыкновенный обед в семье, как делается[2] это и между теми, которые нас гораздо побогаче, — да и все тут. А какой-нибудь щебетунье-соседке, любящей потолковать о приданом, сказать, что это не все, что обещал, мол, брат выслать белья и всего из Москвы через месяц — и ни слова больше. Хотел бы очень приехать если не к свадьбе, то через недели две после свадьбы — но плохи мои обстоятельства.[3] Не устроил дел своих так, чтобы иметь средства прожить эту зиму в Крыму ([4]проезд не по карману, платить за квартиру и стол тоже не по силам), и поневоле должен остаться в Москве. Последняя зима была здесь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобы не проболеть опять, потому что суровый климат действует на меня с каждым годом вредоносней, и не хотелось бы мне очень здесь остаться. Но наше дело — покорность, а не ропот. Сложить руки крестом и говорить: *да будет воля Твоя, Господи!* а не *сделай так, как я хочу!*

Посылаю тебе, сестра Елисавета, просимые тобою Евангелие и Библию, желаю от всей души заниматься более внутренним духом их, чем наружностью и переплетом. А тебе, сестра Анна, — *Лавсаик*, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь беспрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина: «Дух же

[1] как не даст

[2] делается теперь

[3] *Далее начато:* Никак

[4] *Начато:* там нужно будет

терпения, смирения, любве даруй мне!» О, если бы тебе хоть сколько-нибудь терпенья и покорности — душа бы твоя сияла, как голубка. Даже и самое лицо светлеет, когда в душе обитает покорность, точно так же, как безобразно свирепеет оно, когда бес нетерпенья колеблет душу. О, настави и вразуми всех нас, Боже! Молитесь обо мне: я сильно изнемог и устал от всего.

Любящий ваш брат Николай Г.

Что, мне не дадите адреса Владимира Ивановича? Ведь мне ж придется отвечать на письмо.

<*На обороте:*>

Любезным моим сестрам Анне и Елисавете.

1813. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю

<21 июля 1851. Скит Оптиной Пустыни>

☩

Милостивый Государь

Николай Васильевич!

Спаси вас, Г<оспо>ди[1], за посещение нашей Обители и за то, что вспомнили меня вашими строками, в коих выражаете свои недостатки в добродетельной жизни и намерение составить книгу для пользы юношества; вместе с сим просите сказать вам что-нибудь. Если Бог внушит.

Хоть я и не вижу в себе такого достоинства, но по желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию; а вера ваша да будет ходатайством у Г<оспо>да[2] внушить мне слово к вашему утешению.

Видя свои недостатки в добродетельной жизни, невольно должны мы смиряться и каяться перед Господом, но не смущаться и не унывать. Господь же призрит на смирение и подаст Свою помощь к исполнению воли Его, ибо без Него не можем мы ничто же творити.

Во благом вашем намерении о издании полезной книги Б<о>г[3] силен даровать вам Свою помощь, когда будет на сие Его святая воля.

[1] *Слово написано под титлом.*

[2] *Слово написано под титлом.*

[3] *Слово написано под титлом.*

Но, как пишут Св<ятые> Отцы, что всякому благому делу или предыдет, или последует искушение; то и вам предложит<ся> в сем деле искус, требующий понуждения.

Желаю вам успеха во всех ваших благих начинаниях и действиях и с почтением моим остаюсь недостойный Богомолец многогрешный Иеромонах Макарий.

21 июля
1851 года.
О<птиной> П<устыни> скит.

<*На обороте:*>
Его Высокоблагородию
Николаю Васильевичу
Гоголю.

1814. Преподобный Моисей (Путилов), игумен Оптиной Пустыни — Н. В. Гоголю

<21 июля 1851. Оптина Пустынь>

Милостивый Государь
Николай Васильевич!

Ваше почтеннейшее письмо и на Обитель серебр<ом> двадцать пять рублей имел честь получить 19 сего июля. Христианское усердие Ваше и благорасположение к Обители нашей обязывает нас общебратственно навсегда приносить у Престола Божия смиренные наши молитвы о здравии, благоденствии и спасении Вашем.

С чувством искренней благодарности и высокопочтением пребыть честь имею
Милостивого Государя
Нижайший Богомолец

Игумен Моисей.

21-го июля 1851 г.
Оптина Пустынь.

1815. В. Н. Лешкову

<Июль 1851. Москва>

М<илостивый> Г<осударь>
В<асилий> Н<иколаевич>!

Узнавши, что в цензуре есть новые запрещения, вследствие которых не только все новые сочинения, но и старые, прежде

отпечатан<ные>[1] подвергаются сызнова[2] пересмотру, я прибегаю к ва<м> с просьбой спасти доселе отпечатанные мои сочинения от изменений[3] и <*1 нрзб.*> изданье их в том виде, как изданы они доселе. Образ мыслей моих совершенно известен и Государю Императору и Государю Наследнику. В сочинениях моих насмешки <не> над прави<тельством>, но над людьми, употребляющими во зло доверие[4] правительст<ва>, не над постановленья<ми>[5], но над злоупотребленьем их[6]. Все это у недальновидного цензора часто смешивае<тся>[7] в понятии и заставл<яет> его с боязнью смотреть на невинную, сколько-нибудь резкую фразу[8] <и> заставляет смотреть подозрительнее.[9] Я прошу вас об этом уже и потому, что книгопродавцы для своих собственных выгод уже начинают распускать слух, что сочиненья мои будут <*1 нрзб.*>[10], и берут с бедн<ого> покупа<теля>[11] вшестеро большую цену за немногие ныне оставшиеся экземпляры. Уничтожение каких-нибудь двух-трех резких фраз и выражений, конечно, для меня ничего не значит, но это не послужило <бы> тем, <кто> сочинения мои знает наизусть: их непропущенье[12] мысленно будет вноситься[13] читателе<м>, с той только разницей, что станет принимать<ся>[14] им, как <*1 нрзб.*>[15], такой смысл, какого ни я, ни <*2 нрзб.*> ни может быть сама цензура.[16] [А вы сами знаете, какой][17]

С совершен<ным> п<очтением>

[1] прежде отпечатанные *вписано.*

[2] сызнова *вписано вместо:* строгому

[3] от изменений *вписано вместо: а.* от уничтоженья *б.* от переправок и п<е>ределок

[4] употребляющими во зло доверие *вписано вместо:* злоупотребляющими

[5] *Было:* зако<нами>

[6] их *вписано вместо:* постановлений

[7] *После:* смешива<ется> *было:* с теми сочиненьям<и>, которые имеют вполне вредную [неблаго<родную>] и недостойную Рус<ского> цель

[8] в понятии <...> фразу *вписано.*

[9] *После:* подозрительнее — *было:* Кроме жалости личной за свои сочинени<я>

[10] будут <*1 нрзб.*> *вписано вместо:* запрещены

[11] с бедн<ого> покупа<теля> *вписано.*

[12] непропущенье *вписано.*

[13] *Было:* вносить

[14] принимать *вписано вместо:* подозревать в

[15] как <*1 нрзб.*> *вписано.*

[16] *После:* цензура — *вписано:* <*1 нрзб.*>

[17] *Не дописано.*

1816. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

23 июля, 1851. СПб.

Вчера получил я письмо твое, любезный друг Николай Васильевич, от 15 июля из Москвы — и спешу отвечать тебе. Ты совсем ошибаешься, воображая, что здешние цензора благоразумнее московских: совсем напротив. Доказательством одно уж то, что здесь ничего не пропустили в печать из новых сочинений Жуковского, хоть каждая строчка его дышит религиозностью, нравственностью и вдохновением. Князь Щербатов, исправлявший прежде должность попечителя в Москве, а недавно и здесь бывший в той же должности (след<овательно>, председательствовавший в обоих комитетах цензуры), говорил мне, что никакого нет сравнения между нашими цензорами и московскими: последние хоть строги, но понимают, чем занимаются, а здешние — просто идиоты. Итак, ни прежних, ни новых сочинений твоих и думать не надобно сюда переносить: оканчивай все там. Во-1-х, генерал Назимов, если ты явишься к нему и объяснишь, в чем твоя просьба, непременно сам вызовется быть твоим цензором: это он сделал с Островским и готов делать со всеми, у кого только заметил талант. Во-2-х, после 18 августа весь Двор прибудет в Москву, где Государь всегда бывает необыкновенно милостив. В крайности, ты можешь подать прошение, чтобы, подобно тому, как было с Жуковским, высочайше повелено было все, тобою уже напечатанное прежде, выпустить ныне снова в свет без малейших перемен, а о 2-м томе «Мертвых душ» Назимов решится сам войти с представлением к Государю, если бы это понадобилось. Великая же княгиня Мария Николаевна теперь за границею. Но Смирнова с своей стороны и без ее высочества придумает средство, как помочь тебе, если это будет нужно.

Вчера кн. Вяземский сюда возвратился из Ревеля, где он провел 4 недели. У него действительно есть признаки ипохондрии, происшедшей от расстройства нервов. Теперь он думает проситься, чтобы ему дали отпуск куда-нибудь подалее. Не знаю, не пустится ли он в Брюссель к сыну. Кн. Вяземский передал мне слух, который принял от кого-то недавно, будто Жуковский снова нездоров и покамест не может предпринять путешествия в Россию. Это меня очень печалит, если только справедливо.

Прощай покамест, до свидания. Моя жена и дочь тебе кланяются. Ольга и муж ее у нас живут, с нами на даче.

Твой П. П<летнев>.

1817. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<27 июля 1851. Село Троицкое>

Успокойся. Даже и жене я ни одного имени не назвал, не упомянул ни об одном событии. Только раз при тебе же назвал штабс-капитана Ильина, но и только. Тайна твоя для меня дорога, поверь. С нетерпением жду 7-й и 8-й главы. Ты меня освежил и упоил этим чтением. Бодрствуй и делай. 1-го августа я в Москве. Обнимаю тебя.

Июля 27.

Твой душевно С. Шевырев.

1818. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

Москва. Август<а> 3 <1851>.

Соскучился без вестей о вас, добрейшая княгиня Елисавета Петровна. Откликнитесь двумя строчками, где вы, что вы и как вы. Я в Москве и о вас вспоминаю часто. Передайте от меня также душевный поклон княгине и княжне; скажите им и себе, и князю, супругу вашему, что я вам всем обязан много за мое минувшее приятное пребыванье в Одессе. Сколько пробуду времени в Москве, не знаю. Куда на зиму и остаюсь ли здесь — тоже покамест мне неизвестно: все зависит от устроения обстоятельств литературных и всяких. Адрес мой: на Никитском бульваре, в доме Талызина.

Ваш весь всею душою Н. Гоголь.

1819. Графине А. Д. Блудовой

<Июль–август 1851. Москва>

Душевно рад; а в какой степени и будет ли удовлетворено ваше нетерпенье — это покуда весть Бог. Условие было — сказать во всяком случае все, что на душе.

Ваш весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Ее сиятельству графине Антонине Дмитриевне Блудовой.

1820. В. И. Быков — Н. В. Гоголю

Киев. 21-го августа 1851 года.

Милостивый государь
Николай Васильевич!

Приятное письмо Ваше я имел удовольствие получить и сердечно благодарен Вам за советы, которыми буду стараться по возможности руководствоваться.

Я всегда старался искать девицы, как можно меньше любящей роскошь; теперь по воле Всевышнего мои мечты сбылись, и я восхищаюсь похвалами Елизавете Васильевне, которые и слышу от всех ее знающих, и потому теперь мне остается просить Бога, чтобы Он поддержал ее в добрых качествах до конца жизни. Обещание Ваше приехать к нашей свадьбе меня утешает за отсутствие всех моих родных, которые по отдаленности не могут меня подарить своим приездом. С истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой.

В. Быков.

После 15 сентября я уезжаю на месяц в Васильевку.

1821. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Одесса. 23 августа 1851 г.

Вы обрадовали меня своим письмом, любезный Николай Васильевич! Так вы все еще в Москве! а я писала родным, просила их уведомить меня о вас: *где вы? что вы? как вы?*

Я пролежала всю весну. Частые обмороки довели меня до совершенного изнеможения, и я с трудом оправилась. С нетерпением ожидаю вас и обещанного вами.

Княгиня В. А. поручила мне передать вам адрес Кривцовой: в доме Репнина, в Леонтьевском переулке. Вы, верно, не знали, что она теперь в Москве. Прощайте, не забывайте нас!

Елизавета Репнина.

1822. М. И. Гоголь

Москва. Сентября 2. 1851.

Очень понимаю, почтеннейшая и добрейшая матушка, что прискорбно вашему материнскому сердцу выдать дочь, не наделивши ее всем, чем бы вам хотелось, но поймите также, что прискорбно мне видеть, как чрез это положенье ваше и всех вас станет еще тягостней и затруднительней. Эти бедные браки,

заключаемые с займами денег на самую свадьбу, тем уже тяжелы, что новому дому помощи никакой, а старый до последнего разоряется. «Будем жить собственными трудами!» Этих слов не вправе сказать даже и те, которые умеют трудиться. Думал и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги — отказалась голова. Рад бы лететь к вам, со страхом думаю о зиме. Крым мне нужен. Здоровье мое сызнова не так хорошо, и, кажется, я сам причиною. Желая хоть что-нибудь приготовить к печати, я усилил труды и чрез это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть, на два. Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. Вижу и знаю, что работа, при моем болезненном организме, тяжела; это не то, что работа рук или на воздухе и даже обыкновенная письменная. Головная работа такого рода, как моя, всех тяжелей. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. На ваши теплые, на ваши близкие моему сердцу молитвы много у меня надежды. Трудно, трудно бывает мне!.. Скажите сестре Анне, что стыдно ей до сих пор быть ребенком. Ее оскорбило мое замечание, что она большую цену дает всяким приличиям, и она плакала. Может быть, и меня тронуло ее жестокосердие, когда, зная затруднительное мое положение, написала она мне купить на свои деньги коляску, но я не плакал. Замечанье вовсе не было сделано с тем, чтобы оскорбить ее. Ведь это ж, если оскорбляться замечаньями старшего и притом любящего нас человека, тогда можно до того воспитать строптивость своего характера, что уж не в силах будешь перенести и малейшего противоречия. Замечанья мои я говорю *очень не даром*, и почему знать, если бы их смиренно принять, вместо того, чтобы раздражаться, может быть, в них открылся бы другой смысл. Многое я говорю, соображая и будущее, и настоящее, и, наконец, такие обстоятельства, относящиеся к положенью всего государства и нашего края, которые покуда известны только мне да тем, которые присматривают<ся> получше к тому, что делается в нашем отечестве. И вот вам говорю, что <с> каждым годом будет затруднительней достать место, трудней пристроивать детей, бедственней всем, имеющим семейства. Правительство, видя, что размножились чиновники до того, что нужно для содержанья их отягощать новыми налогами государство, старается значительно уменьшить места, да и много есть такого теперь, о чем много говорить, что если дворяне не оставят своих привычек и всех этих будто бы необходимых приличий, — их участь будет самая плачевная и горестная. Стало быть, замечанья мои были очень не даром. Но знаю и то,

что если трудно уметь давать умные советы, то еще труднее уметь их выслушать и воспользоваться. Это дело или очень умного, или очень смиренного человека,[1] а потому и не удивляюсь, что сестры мои прежде, чем вникнуть в дух моих слов, ищут, нет ли в них чего-нибудь оскорбляющего их личное самолюбие и достоинство. «*Чего поищешь, то и найдешь*», говорит пословица. Бог да вразумит их и наставит во всем. О, как нужно всем нам вразумленье свыше! Но если недостает в сердцах наших полного смиренья, то как нам вразумиться свыше? Молитесь обо мне, добрейшая моя, родная душе моей матушка. Часто мне бывает трудно, очень, очень трудно. Дела[2] так много, а сил так мало! О, да подаст Бог вашими материнскими, угодными Ему молитвами здоровье и силу на труд и святое вразумленье для него свыше!

Весь ваш, всею душою любящий вас и признательный сын

Н. Г<оголь>.

На поездку мою в Крым мало имею надежды. Один было мой знакомый хотел подвезти в своем экипаже и на своих издержках, но теперь оказывается, что он едет день и ночь, спешит так, что, если бы я вас и увидал, то на две минуты.

Объясните, почему вы все-таки не присылаете адреса Влад<имира> Ивановича?[3]

1823. Е. В. Гоголь

Сентября 2 <1851. Москва>.

Душевно восскорбел я об утрате нашего добрейшего соседа Гаврила Семеновича, о которой ты извещаешь меня, любезная сестра! Мир душе его! Молился и молюсь о нем. Передай мое душевное участие Надежде Гавриловне. Я не сомневаюсь в том, что вы обе при ней теперь неотлучно. В это время[4] нужно все позабыть свое и думать о другом. Не благодари еще покуда меня за подарок, хоть мне и очень бы хотелось его сделать тебе. Ты, кажется, нехорошо прочла[5] мое письмо, там столько было всяких условий. Если поеду в Крым, если достану денег и если отыщу подержанную дешевую колясочку. Видишь ли, сколько всяких

[1] *Далее начато:* тщеславный или дурно воспитанный прежде всего пора<зится>

[2] Делать нужно

[3] *Далее начато:* Я бы к нему

[4] В таком случае

[5] *Далее начато:* в

если. Что ж делать, нужно снизойти и к моему затруднительному положению и быть терпеливу. Покуда не сделал ничего, но Бог милостив: не теперь — позже, авось как-нибудь, но обещать наверно — не обещаю и ничего и не могу. Бог тебя да хранит, наделивши кротостью и небесной красотой терпенья, так необходимых в предстоящем тебе новом звании.

Твой искренно любящий тебя брат.

<*На обороте:*>

Сестре Елисавете.

1824. А. С. и У. Г. Данилевским

<Июль — сентябрь (до 18-го числа) 1851. Москва>

Много, много вас благодарю, милые, добрые кум и кума, за ваши строчки. Душевно бы рад был обнять вас обоих лично, но не знаю, как это сделать, позволят ли всякие обстоятельства приехать в Малороссию[1]. С одной стороны, здоровье (которое опять стало плохо) требует переезда хоть в Крым, с другой — есть много причин, не дающих сделать этот переезд. Душевно сожалею, друг и кум Александр Семеныч, что и твое также здоровье, говорят, не в большом порядке. Но, видно, уж так следует, нужно терпеть да молиться. «Денег нет перед деньгами», — говорит пословица. Так, может быть, и здоровье. По край<ней> мере, от всей души прошу его и тебе и себе, чтобы на старости лет распить когда-нибудь бутылку старого вина и вспомнить все пройденное время и благодарно, признательно поблагодарить Бога за жизнь.

Твой весь Н<иколай>.

Бог да хранит вас обоих с детками. Алек<сандру> Михалыч<у>, если увидите, душевный поклон.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

1825. В. И. Быкову

<2–18 сентября 1851. Москва>

Не знаю, буду ли к вам на свадьбу, как искренно и душевно того ни желаю. Во всяком случае, поступите, по-моему, благоразумно, если, не дожидаясь меня, поспешите со свадьбой. Матушка и сестры мечутся теперь всюду, как угорелые кошки, чтобы

[1] это сделать

накопить побол<ее> для невесты всякого белья и тряпья. На это они усадят много денег, если только их где-нибудь достанут[1], а вам с этим тряпьем будет только возня. Пожалуста, уверьте, что ваша жизнь бивуачная и что вам некуда девать этот сор, а что лучше, если они могут это исполнить потом. Не торопясь, они изготовят это постепенно к какому-нибудь другому времени. Словом, чем-нибудь отклоните их и скажите, что вам так хочется исполнить мою просьбу поспешить с бракосочетанием.

1826. М. И. Гоголь

18 сентября 1851. <Москва>

Сейчас только что получил письмо ваше, бесценнейшая моя матушка. Обстоятельства мои, может быть, еще так устроятся, что я попаду к вам 1-го октября, проездом в Крым. Очень меня только тревожит, что вы не так здоровы. Бог да восстановит и укрепит вас! Ради Бога, ничем не смущайтесь и молитесь. Все Бог устроит к наилучшему. Дал бы Он только силы мне окончить свое дело.

Ваш всегда любящий сын Николай.

1827. С. В. Скалон

<18 сентября 1851> Москва.

Сейчас получил письмо от матушки. Она не так здорова. Не от хлопот ли? Ради Бога, будьте при ней и утешьте ее. Я сам надеюсь приехать вслед за вами и, может быть, на днях выезжаю.

Ваш весь Н. Гоголь.

1828. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

С. Петербург 13 сентября 1851.

Парижский префект полиции Карлье прислал к Государю Императору экземпляр брошюры, изданной Герценом. В ней и о вас, мой святой[2] муж, отче Николае, речь идет. Бредни этого сумасброда не заслуживают вашего внимания, устремленного в горняя; но, полагаю, вам будет любопытно, как этот мерзавец о вас говорит — по той причине, что разглагольствие его до высочайшего сведения дошло. Вот вам выписка всех мест из брошюры, где вы и ваши творения упомянуты.

[1] достанут и займут

[2] *Слова:* святой — *нет в публикации 1936 г.*

Воспитательница Ее Императорского Высочества, княжны Марии Максимилиановны, Варвара Павловна Барыкова, урожденная Ушакова, старинная приятельница Василия Андреевича, видела его в Баден-Бадене. Он было и совсем собрался в святую Русь, и все вещи уже были уложены в сундуки и ящики, как с ним внезапно сделалось сильное воспаление глаз, так что факультет воспретил ему путешествие под опасением потери зрения. Барыкова говорит, что это их, то есть и мужа и жену, ужасно расстроило. Все счеты были покончены, равно как и наем квартиры: все, решительно все, упаковано, и вдруг судьба поставила точку с запятой.

Вас, видно, не дождусь в Питер. Никак вы на том свете сдержите обещание прочесть «Мертвые души». Хоть бы уж коли самого нельзя сюда заманить, прислали бы прочесть. Я бы, с приложением благодарности, преисправно возвратил. «У нас талантов два-с: умеренность и аккуратность».

Засвидетельствуйте глубочайшее мое почтение высокографской чете, душевно мной любимой и высоко уважаемой. Я пришел с графом проститься и только, по уверению слуг, получасом опоздал. Бог с вами, то есть с вами Бог, а потому поручает себя вашим святым молитвам старый греховодник.

Extraits d'une brochure de M. Herzen sous le titre de «Du developpement des idées révolutionnaires en Russie» par A. Iscander. Paris. Librairie A. Franc. Rue Richelieu, 67. 1851.

Page 107. Gogol, l'idole des lecteurs russes, tomba tout-à-coup dans le plus profond mépris pour une brochure servile.... On ne pardonne pas en Russie à un renégat.

Page 119, 120 et 121. Les nouvelles par lesquelles débuta Gogol, forment une série de tableaux de mœurs et de paysages de la Petite-Russie d'une beauté réelle, pleine de gaîté, de grâce, de mouvement et d'amour. Des nouvelles pareilles sont impossibles dans la Grande-Russie, faute de sujet, d'original...

A mesure que Gogol sort de la Petite-Russie et s'approche de la Russie centrale, les images naïves et gracieuses disparaissent. Plus de héros demi-sauvage dans le genre de *Tarass Boulba* plus de vieillard débonnaire et patriarchal qu'il a si bien dépeint dans les *Gentillâtres de l'ancienne roche*. Sous le ciel moscovite, tout en lui devient sombre, brumeux, hostile. Il rit toujours, il rit même plus qu'auparavant, mais c'est d'un autre rire, et il n'y a que les gens d'une grande dureté de cœur ou d'une grande simplicité d'âme qui se soient laissés prendre

à ce rire. Passant de ses petits-russiens et cosaques aux russes, Gogol laisse de côté le peuple, et s'arrête à ses deux ennemis les plus acharnés: le fonctionnaire et le seigneur. Jamais personne n'a fait avant lüi, sur le *tchinovnik* russe, un cours si complet d'anatomie pathologique. Le rire sur les lèvres, il pénètre sans ménagement dans les replis les plus cachés de cette âme impure et maligne. La comédie de Gogol *Le Réviseur*, son roman *Les Ames Mortes*, sont une terrible confession de la Russie contemporaine et qui font pendant aux révélations de Kochikhine au XVII-me siècle.

L'empereur Nicolas se pâmait de rire en assistant aux représentations du *Rèviseur!!!* — Oh, ironie, sainte ironie, disait Proudhon, viens que je t'adore!

Le poète, désespéré de n'avoir produit que cette auguste hilarité et le rire suffisant des employés, parfaitement identiques avec ceux qu'il a représentés, quoique plus protégés par la censure, crut devoir expliquer, dans une introduction, que sa comédie est non seulement très risible mais aussi triste, — «qu'il y a des larmes chaudes derrière son sourire».

Après le *Réviseur* Gogol se tourna vers la noblesse campagnarde, et mit au grand jour cette population inconnue qui se tient derrière les coulisses, loin des chemins et des grandes villes enfouie au fond des campagnes, cette Russie de gentillâtres, qui, sans bruit, tout an soin de leurs terres, couvent une corruption plus profonde que celle, de l'Occident. Nous les vîmes, enfin, grâce à Gogol, quitter leurs manoirs, leurs maisons seigneuriales, et défiler devant nous sans masque, sans fard, toujours ivres et voraces, esclaves du pouvoir sans dignité et tyrans de leurs serfs sans compassion, suçant la vie et le sang du peuple avec le naturel et la naïveté de l'enfant qui se nourrit du sein de sa mère.

Les Ames Mortes secouèrent toute la Russie.

Une pareille accusation était nécessaire à la Russie contemporaine. C'est l'histoire de la maladie faite de main de maître. La poésie de Gogol est un cri de terreur et de honte que pousse un homme dégradé par la vie banale, et qui voit tout à coup dans une glace ses traits abrutis. Mais pour qu'un cri pareil puisse s'échapper d'une poitrine, il faut qu'il y ait des parties saines et une grande force de réhabilitation.

Page 122. Fallait-il donc s'acclimater, comme le fit plus tard Gogol, ou courir au-devant de sa perte, comme Lermontoff? Il etait impossible de nous acclimater, il nous répugnait de périr; quelque chose disait au fond de notre cœur qu'il était trop tôt de s'en aller, il semblait qu'il y avait encore des âmes vivantes derrière *Les Ames Mortes.*

Page 149. L'auteur de l'article du *Moscovite* dit que Gogol, «descendit comme un mineur dans ce monde sourd sans tonnerre ni

secousses, immobile et égal, marais sans fond qui entraîne doucement, mais sans retour, *tout ce qu'il y a de frais* (c'est un Slavophile qui parle); il descendit comme un mineur qui a trouvé sous terre une veine qui n'a pas encore été entamée». Oui, Gogol a senti cette force, cette mine vierge sous la terre inculte. Peut-être même l'eût-il entamée, mais malheureusement il crut avant le temps avoir atteint le fond, et au lieu de continuer à déblayer, il se mit à chercher l'or. Qu'en est-il résulté? Il commença à défendre ce qu'il avait démoli, à justifier le servage, et finit par se jeter aux pieds du représentant de la «bienveillance et de l'amour», de sa majesté.

Que les slavophiles méditent la chute de Gogol! Ils y trouveront plus de logique peut-être que de faiblesse. De l'humidité orthodoxe, de l'abnégation qui place son individualité dans celle du prince, à l'adoration de l'autocrate, il n'y a qu'un pas.

Entre autres choses curieuses, voici une assertion qui me paraît originale. L'auteur avance que «le gouvernement russe, après avoir travaillé vingt ans, est parvenue à allier d'une manière indissolable la Russie à l'Europe révolutionnaire».

«*Il n'y a plus de frontières entre la Russie et la Pologne*».

Que vous en semble? Если не на этот вопрос ответите, то хоть двумя словами успокойте меня в том, дошло ли мое письмо к вам?

<Перевод:>

Извлечения из брошюры г. Герцена, под заглавием «О развитии революционных идей в России» А. Искандера. Париж. Книгоиздательство А. Франка, улица Ришелье, 67. 1851.

Стр. 107. Гоголь, кумир русских читателей, возбудил глубочайшее презрение к себе за раболепную брошюру... В России не прощают отступнику.

Стр. 119, 120 и 121. Повести, которыми дебютировал Гоголь, составляют ряд картин нравов и пейзажей Малороссии, истинно прекрасных, полных веселости, грации, жизни и любви. Подобные повести невозможны в Великороссии за неимением предмета, оригинала.

По мере того, как Гоголь отходит от Малороссии и приближается к средней России, наивные и прелестные образы исчезают. Нет более полудикого героя, в роде *Тараса Бульбы;* нет добродушного, патриархального старика, какого он так хорошо изобразил в *Старосветских помещиках.* Под московским небом все в нем

становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он все еще смеется, — он смеется даже больше, чем прежде, — но другим смехом, и только люди очень черствые или очень простодушные были обмануты этим смехом. Переходя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет народ в стороне и сосредоточивается на двух его самых заклятых врагах: на чиновнике и помещике. Никто до него никогда не читал такого полного курса патологической анатомии русского *чиновника.* С усмешкой на губах он без жалости проникает в самые сокровенные изгибы этой нечистой и злобной души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мертвые души» представляют собою ужасную исповедь современной России, подобную разоблачениям Кошихина в XVII веке.

Император Николай помирал со смеху на представлениях «Ревизора»!!! О ирония, святая ирония, говорил Прудон, приди, я поклонюсь тебе!

Автор, в отчаянии, что вызвал только августейший хохот и самодовольный смех чиновников, совершенно тождественных с теми, которых он изобразил, но более огражденных цензурой, — счел нужным разъяснить в предисловии, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, «что за смехом его кроются горячие слезы».

После «Ревизора» Гоголь обратился к поместному дворянству и выставил на показ это неизвестное племя, скрытое за кулисами вдали от дорог и больших городов, зарытое в глуши своих деревень, — эту Россию дворянчиков, которая в тиши, погруженная в свое хозяйство, таит разврат более глубокий, чем на Западе. Благодаря Гоголю, мы, наконец, увидели, как они вышли из своих жилищ, из своих барских домов без масок, без прикрас, вечно пьяные и ненасытные: рабы власти без достоинства и безжалостные тираны своих крепостных, сосущие жизнь и кровь народа с невинностью и простодушием ребенка, сосущего грудь матери.

«Мертвые души» потрясли всю Россию.

Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой. Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, вырвавшийся у человека, униженного пошлой жизнью, когда внезапно он видит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы такой крик мог вырваться из груди, нужно чтобы были и здоровые части и большая сила восстановления.

Стр. 122. Что оставалось делать: приспособляться, как это сделал позже Гоголь, или бежать навстречу своей гибели, как Лермонтов?

Но приспособить нас было невозможно, а гибнуть нам не хотелось: что-то в глубине души говорило, что слишком рано еще уходить; казалось, что за «Мертвыми душами» есть еще души живые.

Стр. 149. Автор статьи в «Москвитянине» говорит, что Гоголь «спустился, как горнорабочий, в этот глухой мир, где не слышится ни громовых ударов, ни сотрясений, неподвижный и ровный, в бездонное болото, медленно, но безвозвратно затягивающее *все что есть свежего* (это говорит славянофил); он спустился, как горнорабочий, нашедший под землею жилу, еще не початую». Да, Гоголь почуял эту силу, эту девственную руду под нетронутой землей. Может быть, он ее и почал бы, но, к несчастию, раньше времени вообразил, что достиг дна, и вместо того, чтобы продолжать расчистку, стал искать золото. Что же из этого вышло? Он начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право и кончил тем, что бросился к ногам представителя «благоволения и любви», Его Величества.

Пусть славянофилы задумаются над падением Гоголя. Они найдут в нем, может быть, больше логики, чем слабости. От православного смирения, от самоотречения, растворяющего свою личность в личности Государя, до обожания самодержца один только шаг.

В числе других любопытных вещей, вот мысль, которая мне кажется оригинальной. Автор утверждает: что русское правительство, проработав двадцать лет, достигло того, что неразрывным образом связало Россию с революционной Европой.

Нет больше границ между Россией и Польшей.

Что скажете об этом?

1829. С. Т. Аксакову

Москва. 20 сен<тября 1851>.

От всей души и от всего сердца поздравляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, со днем вашего рождения. Весьма жалею, что не с вами сижу за кулебякой, но тем не менее и душой и мыслями с вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц, а[1] я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, так же, как живы ваши птицы. Всех обнимаю,

[1] *Далее начато:* мне пожелайте

всех вас до единого целую мысленно и прошу не забывать меня в молитвах.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Пишите ко мне в Полтаву, а потом в Симферополь, на имя Княжевича.

<*На обороте:*>
Бесценному другу Сергею Тимофеевичу.

1830. С. Т. Аксакову

<21 сентября 1851. Москва>

Перед выездом захотелось мне еще раз поздравить вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, и со днем рожденья и с наступающим днем именин. Вспомните обо мне, а я о вас, и мысленно помолимся друг о друге, чтобы дал Господь сил. А Ольга Семеновна и милые ваши детки, может быть, помолятся и у самого Сергия.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Пожалуста, не позабывайте писать.

<*На обороте:*>
Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1831. М. И. Гоголь

Сентября 22 <1851. Москва>.

Еще пишу к вам несколько строчек, почтеннейшая матушка. Последнее[1] письмо с известием, что вы нездоровы[2], меня много огорчило. Вероятно, нездоровье ваше от множества хлопот по случаю свадьбы сестры. Но если думать обо всем, то конца не будет хлопотам. Я, чтоб и вас утешить, решился ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, ехать или не ехать, что езда моя будет нескорая[3]; даже опасаюсь, чтобы она не расстроила меня еще более. Притом я на вас только взгляну и поскорее в Крым, а потому вы, пожалуста, меня не удерживайте. В Малороссии остаться зиму для меня

[1] Последнее ваше
[2] не так здоровы
[3] очень нескорая

еще тяжелей, чем в Москве. Я[1] захандрю и впаду в ипохондрию. Мне необходим такой климат, где бы я мог всякий день прогуливат<ься>. В Москве, по крайней мере, теплы и велики дома, есть тротуары и улицы. Расстройство же нынешнее моего здоровья произошло от беспокойст<ва> и волненья и в то же время от сильного жару, какой был во все это время, который[2] так же, как и[3] холод, раздражает сильно мои нервы, особенно если дух неспокоен, а виной этого неспокойства был я сам, как и всегда мы сами бываем творцы своего беспокойства, именно оттого, что слишком много даем цены мелочным, нестоющим вещам. Бог да хранит ваше здоровье, так нужное нам! Поверьте, что ваши молитвы о нас гораздо полезнее ваших беспокойств. Ваши теплые материнские молитвы гораздо лучше устроят обстоятельства всех нас, чем ваши хлопоты и заботы. И я верю, что если в тихом настроении умиленного духа будете молиться обо мне, то Бог мне даст силы исполнить свое дело и труд честно и добросовестно и притом без изнуренья здоровья.

Ваш весь многолюбящий сын Николай.

1832. Преподобному Макарию (Иванову) Оптинскому

<25 сентября 1851. Оптина Пустынь>

Еще одно слово, душе и сердцу близкий отец Макарий. После первого решения, которое имел я в душе, подъезжая к обители, было на сердце спокойно и тишина. После второго как-то неловко и смутно и душа неспокойна. Отчего вы, прощаясь со мной, сказали: в последний раз? Может быть, все это происходит оттого, что нервы мои взволнованы, в таком случае боюсь сильно, чтобы дорога меня не расколебала. Очутиться больным посреди далекой дороги меня несколько страшит. Особенно, когда будет съедать мысль, что оставил Москву, где бы[4] меня не оставили в хандре.

Ваш весь.

Скажите, не говорит ли вам сердце, что мне бы лучше было не выезжать из Москвы?

[1] Я там
[2] при котором
[3] как и во время
[4] так бы

1833. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю

<25 сентября 1851. Скит Оптиной Пустыни>

Мне очень жаль вас, что вы находитесь в такой нерешимости и волнении. Конечно, когда бы знать это, то лучше бы не выезжать из Москвы. Вчерашнее слово о мире при взгляде на Москву было мне по сердцу, и я мирно вам сказал о обращении туда, но как вы паки волновались, то уже и недоумевал о сем. Теперь вы должны сами решить свой вояж, при мысли о возвращении в Москву, когда ощутите спокойствие, то будет знаком воли Божией на сие. Примите от меня образок ныне празднуемого угодника Божия Сергия; молитвами его да подаст Господь вам здравие и мир.

Многогрешний иеромонах Макарий.

25 сентября 1851 г.

1834. С. Т. Аксакову

<30 сентября 1851. Москва>

Сегодня, может быть, буду у вас. А слухам никаким не верьте. Слухи для того уже и существуют на свете, чтобы им быть слухами. Пропущены или не пропущены, стоит ли это того, чтобы предаваться ребяческой радости[1] или печалиться.

1835. С. П. Шевыреву

<30 сентября 1851. Москва>

Очень жалею, что тебя не дождался. Я ждал до 12 ч<асов>. Попечитель на другой день после моего отъезда, 23-го окт<ября>[2], приезжал с известием, что он пропускает все и что нужно обыкновенным порядком только доставить цензору, который прямо подпишет, и дело готово. Стало быть, с министром нечего об этом и толковать. Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница. Дух мой крайне изнемог; нервы расколеблены сильно. Чувствую, что нужно развлечение, а какое — не найду сил придумать.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Боюсь я, чтобы министр не сбил теперь с толку попечителя и не произошла опять каша. До моего приезда ничего не предпринимай.

<На обороте:>

Степану Петровичу Шевыреву.

[1] радоваться им

[2] *Очевидная описка Гоголя. Следует:* 23-го сентября

1836. М. И. Гоголь

<Конец сентября 1851. Москва>

Поздравляю вас и обнимаю от всей души, почтеннейшая, добрейшая моя матушка, и вас также, милые сестры. Бог да ниспошлет вам, что нужно для спокойствия и счастия прочного! До самых сих пор все думал, что как-нибудь изворочусь с своими обстоятельствами и попаду к вам. Но как экономно ни рассчитывал, все видел, что поездка моя в Крым не по возможности и деньгам. Душа скорбит, что не могу провести с вами эти дни, и оттого еще больше расклеился весь мой состав. Но Бог милостив. Вашими усердными молитвами Он меня подкрепит. Молитесь обо мне, бесценнейшая, добрейшая моя матушка; чувствую, что все здоровье мое зависит от ваших молитв.

Ваш весь многолюбящий сын Н. Г<оголь>.

1837. М. П. Погодину

<Сентябрь 1851. Москва>

Павел Васильевич Ан<н>енков, занимающийся изданием Соч<инений> Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори, а особенно покажи ему старину, авось-либо твое собрание внушит уважение этим господам, до излишества живущим в Европе.

<*На обороте:*>

Михаилу Петровичу Погодину.

1838. М. И., А. В. и Е. В. Гоголь

Октября 3 <1851>. Москва.

Не удалось мне с вами повидат<ься>, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Уже было выехал из Москвы, но, добравшись до Калуги, заболел и должен был возвратиться. Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна. Видно, уже так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму остался я в Москве. На прожитье в Крыму вряд ли бы достало средств. Здесь же, в Москве, теперь доктор, успешно лечащий нервические болезни наружными вытираньями и обливаньями холодной водой. Бог, иде же

хощет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы. Коляску же, в которой я ехал к вам, отправил из Калуги в Полтаву к Софье Васил<ьевне>, которая вам перешлет с тем, что если она не понравится сестре Елисавете, вы оставьте себе, а ей отдайте вашу. Коляска эта не щегольская и не новая, но для дороги очень удобна, покойна и легка. Если бы из занятых вами денег вы прислали мне хотя двести рублей серебром, я бы, приложивши к ним сотни полторы своих, мог бы купить по случаю такую коляску,[1] которая стоит тысячи две-три, а теперь эти деньги, верно, расплылись на всякие тряпки, которым сестры мои дают такую цену. По-моему, трехсот рублей было бы достаточно: сто рублей на шубу, сто рублей на прикупку серебра[2], сто рублей на белье и остальные 700 руб<лей> сереб<ром> лучше бы придержать на многое, гораздо нужнейшее. А теперь бедному Владимиру Ивановичу много будет возни с жениными вещами, вовсе не нужными для скромной жизни, какая должна быть у них. Виной всему то, мои милые сестры, что вы, позабывши свое бедное состояние, поставили себя в ранг стодушных невест, а потому и стали соображаться с тем, что нужно для помещиков, у которых около сотни душ. А если бы вы поставили себя в ряд людей, у которых двадцать душ, вы бы и половины не сделали тех издержек. Вы почувствовали бы, что в замужестве следует жить вам еще проще, чем в родительском доме, белье носить еще потолще, чем носили. Ну, рассудите сами, когда будет случай людям, имеющим какое-нибудь двадцатидушное поместье, носить голландские рубашки? Не огорчайтесь, милые сестры, моими замечаньями: одна любовь их говорит, а не что другое. Нет, друг мой Елисавета, если бы ты хотя вполовину имела той любви ко мне, какую говоришь, ты бы лучше оценила слова мои, основанные на познаньи главных вещей в жизни, а не мелких. Вот и теперь, мне сказывали Аксаковы, ты имеешь планы ехать и в Москву и к родным Владимира Ивановича. Друг мой, все это стоит издержек и притом расстроивает еще не успевший устроиться порядок. Новобрачным следует вначале прожить вместе одним, одним, не призывая к себе ни сестры, ни матери, никого. Один Христос только должен быть посреди их, во имя Которого они заключили брак. Всякое третье лицо будет помешательством. После, когда установится между вами жизнь

[1] *Далее начато:* за

[2] на сер<ебро>

и устроится дом, вы можете делать разъезды или пригласить кого к себе быть свидетелем вашего согласия. Обо всем этом поразмысли, друг мой. Жаль мне, что я не в таких теперь обстоятельствах, чтобы прислать подарочек на новое хозяйство. Он будет за мной. После, когда разживусь, покуда посылаю тебе ящичек для письма. А ты, милая сестра моя Анна, не поскучай своим пребываньем с матушкой в деревне. Без тебя ей будет казаться очень пустынно. Займитесь осенью вместе с Ольгой садкой дерев. А если тебе уж очень соскучится зимой, то советую тебе отправиться погостить к Марье Николаевне и в особенности сблизиться с Катериной Власьевной, у которой ты многому можешь научиться относительно того, как устроить в деревне лучший порядок и подействовать благодетельно на нравственность крестьян и домашних. Христос с вами, мои добрые и милые, молитесь обо мне все. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. Мне теперь очень нужны молитвы всех вас.

Всех вас всею душою и всем сердцем любящий

Николай Г.

В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия[1] о вас и о всех нас. Здоровье ваше и новобрач<ных> было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют.

К Владимиру Ивановичу буду писать.

1839. О. В. Гоголь

<3 октября 1851. Москва>

Милая сестра Ольга Васильев<на>, посылаю тебе 10 рубл<ей> серебром на всякие надобности для бедных[2] и лекарства. Рад, что ты устроилась хорошо в своей комнате. Не оставляй уведомлять обо всем, что касается тебя и всех вас.

Твой брат Н. Г<оголь>.

1840. С. В. Скалон

Октябр<я> 3 <1851>. Москва.

Отправившись из Москвы неделей после вас, я на дороге заболел и должен был возвратиться опять[3] в Москву. Нервы мои, расколебленные всякими тревогами, до того раздражились, что

[1] *В автографе:* Сергѣя

[2] для бедных *вписано.*

[3] вслед за вами

дорога и езда, доселе всегда благотворно действовавшие на здоровье мое, теперь стали действовать совершенно напротив. Коляску, которую припас себе для езды в Крым, я решился отправить вам в Полтаву с тем, чтобы ее переслали матушке, которая, буде коляска понадобится сестре, передаст ей, а не то оставит в Василевке. Коляска эта, несмотря на то, что не нова, очень покойна и легка, для поездок удобна и, по мне, людям, имеющим двадцать душ поместья, неприлично щеголять в новой коляске. Посылаю вам 50 рублей серебром, из которых сорок прошу убедительно вручить доставящему ее извозчику, крестьянину Рахманов<у> Федоту Сергееву, буде все будет в исправности и не изломано, а *десять* передать сестре Ольге на бедных и больных. Коляска[1] имеет форму кочь-кареты. Стекла такие, как и в карете, стало быть, как желала сестра Елисавета. Прийти она должна около 10 октября. Ключи от сундуков (два ключа наружн<ых> и 3 внутрен<них>)[2] находятся в боковом кармане внутри коляски, что вверху.

Затем мысленно целую ваши ручки за все вам благодарный

Н. Гоголь.

1841. С. Т. Аксакову

<4–5 октября 1851. Москва>

Очень вас благодарю, бесценный друг Сергей Тимофеевич. Доехал я весьма благополучно; кучер не грубил. Здоровье мое идет понемногу, нервы еще успокоились не совсем, но, кажется, как будто покрепче. Работается крайне туго, и времени не хватает ни на что, точно крадет его лукавый. Как вы? Я боялся за вас в эти сырые солнечные[3] дни, чтобы вы, сидя над прудом, не простудились. Пожалуста, не поддайтесь сами на удочку, которою поддевает нас нынешняя обманчивая погода. Если будет тепло, то на следующей неделе, может быть, загляну к вам. Ольге Семеновне душевный поклон! Константина Сергеевича обнимаю, а с ним вместе и весь дом.

Ваш весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

[1] *Далее начато:* долж<на иметь?>

[2] числом пять

[3] с виду солнечные

1842. С. Т. Аксакову

<Октябрь 1851. Москва>

Слава Богу за все! Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся. Месяца через два мы, верно, с Божьей помощью приведем в больший порядок тетради и бумаги, тогда и чтенье будет с большим толком и с большей охотой. Обнимаю вас от всей души. Здоровье приберегайте да и приготовляйтесь тоже понемногу к сооружению конторки для писанья, предоставляя работу, требующую силы, Конст<антину> Сергеевичу, а все, что относится до аккуратности и мелкой отделки, себе.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1843. С. В. Скалон — Н. В. Гоголю

10 октября 1851 г. Полтава.

Письмо ваше от 3-го числя этого месяца я получила сегодня, почтеннейший Николай Васильевич, с приложением денег 50 рублей серебром. С удовольствием выполню поручение ваше и отдам деньги и Оле и извозчику, если привезете экипаж в исправности.

Прискорбно мне очень, что здоровье ваше лишило нас всех истинного удовольствия видеть вас в Малороссии. Мы все ожидали вас с нетерпением к первому числу, дню, назначенному для свадьбы; но, получив от вас письмо 30-го вечером, что вы не можете быть так скоро, назначили свадьбу 8-го, которая и совершилась благополучно, с чем я вас от души, искренно поздравляю. Узнав хорошо Владимира Ивановича, я твердо убеждена, что счастье Лизы нашей несомненно и будет зависеть совершенно от нее самой. Он прекрасный, благородный и самой строгой нравственности человек. В корпусе у нас есть несколько бывших товарищей его по службе, и все относятся об нем с большою похвалою. Но достаточно было видеть его в кругу семейства вашего, чтобы совершенно убедиться в этом.

Марья Ивановна, точно, была больна желчною лихорадкой, но теперь слава Богу, совершенно здорова и спокойна духом. Через недели полторы Лиза уедет в Кагорлык. Как ни приятно

устроить дочь свою так, как Лиза пристроена, но все тяжело для матери расстаться с детищем, которое жило под крылом ее беспечно, тихо и спокойно самые лучшие лета своей жизни!.. Но что делать? Это общая участь наша, надо покориться ей.

На днях я ожидаю всех ваших сюда и тогда сообщу все, о чем вы пишете; вас же прошу, почтеннейший Николай Васильевич, поспешить написать, каково здоровье ваше, — иначе Марья Ивановна будет опять в тревожном расположении духа, что весьма легко расстроит опять ее здоровье.

Если увидите доброго брата моего и всех наших, то кланяйтесь, пожалуйста, от меня и верьте чувствам истинного уважения душевно вам преданной Софии Скалон. Вас<илий> Ант<онович> вам усердно кланяется.

1844. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<2 ноября 1851. Москва>

Сегодня, любезный друг, жена звала тебя отобедать, но она забыла предупредить, что мы в сегоднишнюю <так> пятницу обедаем в 3 часа ровно, ибо в 5 я должен быть в унив<ерситете>. Ты же привык обедать в 4 часа. Итак, мы ждем тебя до 3-х. Во всяком случае, счел за нужное тебя предупредить.

Твой С. Шевырев.

Ноября 2.

Пришли образцы из типографии.

1845. В. И. и Е. В. Быковым

Москва. 8 ноября <1851>.

Очень вас благодарю, милые брат и сестра! Бог вас да настроит и вразумит в новом житии! Не позабывайте только моей убедительной мольбы, чтобы вся ваша жизнь проходила в труде и особенно в таком, который бы приводил всю кровь в движенье и не давал бы засиживаться на месте. Опишите мне ваш день.

Ваш брат

искренно любящий Н<иколай>.

Андрею Андреевичу передайте мое всегдашнее душевное, искреннее уважение, а Дмитрию Андреевичу братский поцелуй.

1846. В. В. Тарновский — Н. В. Гоголю

10 ноября 1851 г.

С нетерпением ожидаем я и жена моя твоего приезда, милый друг Николай Васильевич, и надеемся, что ты заедешь к нам не на часок, а по крайней мере, на денек, если не более. Подорожная для тебя давно взята и ожидает тебя в Патоке. Мы с женой начинаем уже мечтать, что ты раздумал ехать в Одессу, проживешь зиму в здешних местах и мы будем иметь много наслаждений. Теперь, кажется, наши предположения разрушились; по крайней мере, утешаюсь мыслью, что наша дружба юности, возобновившись так для меня неожиданно в зрелые лета, окрепнет и мы будем жить, как братья.

Весь твой В. Тарновский.

1847. М. И. Гоголь

Нояб<я> 20 <1851>. Москва.

Письмо ваше от 24 октября получил, почтеннейшая матушка. Здоровье мое, слава Богу, понемногу поправляется, хоть и не могу похвалиться совершенным восстановлением его. Все зависит от Бога. Будем молиться Богу. Не стройте, повторяю снова, никаких затей и планов для детей своих в будущем и останавливайте воображение, которое так любит у человека разгуливать. Лучше смиренно молитесь о том, чтобы дети ваши спаслись, и ничего больше, а там что кому Бог пошлет, это Его дело. Теперь у вас голова, я замечаю, наполнена мыслями о женитьбах. Гоните от себя мысли эти: они мешают заниматься настоящим. Разве женитьбу Лизы вы устроили? Этим скорее могу похвастаться я, принудивши ее ехать в прошлом году в Кагорлык. Но ни вы, ни я не имели этого в предмете. Это устроил Бог для нее. Нужно было выйти замуж — она и вышла, так же, как для иной другой нужно, чтобы она не выходила замуж, и она не выходит. Нужно быть довольну нынешним состояньем, в котором каждый уже находится. Нужно молить[1] Бога, чтобы дал силы в нынешнем состоянии исполнить свои обязанности, а не искать новых. И этих много обязанностей, и на эти едва достает времени, а мы еще это драгоценное время да тратим на всякие мечтанья. Помолитесь обо мне, добрейшая матушка, чтобы дал Бог силы мне сколько-нибудь уплатить всякие долги, мною задолженные. Нам нужно прежде[2] попросить у Бога вразумления, чтобы с помощью Его

[1] *Далее начато:* быть

[2] прежде уме<ть>

видеть, что хорошо и что нехорошо, и видеть[1], о чем даже и просить. О, вразуми нас всех Бог прежде исполнить главное, прежде Ему послужить!

Ваш многолюбящий сын Николай.

Пожалуста, не позабудьте извинить меня пред Софиею Васил<ьевною>, что до сих пор еще не собрался благодарить за доброе и радушное исполнен<ие> порученностей.

1848. Протоиерею Матфею Константиновскому

28 ноября <1851>. Москва.

Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон и рассказал мне о своем душеусладном пребывании у вас во Ржеве. Благодарю вас много и много за то, что содержите меня в памяти вашей. Одна мысль о том, что вы молитесь обо мне, уже поселяет в душу надежду, что Бог удостоит меня поработать Ему лучше, чем как работал доселе, немощный, ленивый и бессильный. Ваши два последние письма держу при себе неотлучно. Всякий раз, когда их в тишине перечитываю, вижу новое в них, прежде незамеченное, указание и напутствие и всякий раз благодарю Бога, помогшего вам написать их. Не забывайте меня, добрая душа, в молитвах ваших. Знаете и сами, как они мне нужны. И да не оставляет вас за то Бог до последних дней вашей земной жизни, покуда не соединитесь вечно с Ним!

Ваш признательный Николай Гоголь.

1849. П. А. Плетневу

Москва. Ноября 30 <1851>.

Извини, что не писал к тебе. Все собираюсь. Время так летит. Свежих минут так немного, так торопишься ими воспользоваться, так заня<т> тем делом, которое бы хотелось скорей привести к окончанью, что и две строчки к другу кажутся как бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочинений, слава Богу, устроилось и здесь. Что же до печатанья новых, то... впрочем, в них, кажется, все так ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пройдут.

Что делаешь ты? Напиши также хоть строчки две о Смирновой. Я о ней ни слуху, ни духу.

Твой весь.

[1] и видеть всегда

А Жуковский что и где? Я пред ним тоже виноват: не писал, все ожида<л> приезда, а наконец — не знаю даже и куда адресовать.

1850. О. В. Гоголь

<Ноябрь 1851. Москва>

Что же ты не пишешь ни слова, добрая сестра моя Ольга? Не отвечала на письмо мое. Так как тебя ограбили, взявши от тебя деньги, назначенные для бедных, то посылаю, сколько мог собрать, 18 рублей сере<бром>. При расчетливом употреблении авось станет как-нибудь до времени. Уведоми меня, где какие производства идут по хозяйству и, между прочим, что именно и как сделал столяр: поименуй все, им сделанное. Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат Н<иколай>.

Посылаю тебе 2 книги: «Беседы сельского священника с поселянами» и «Лавсаик», ты их прочти внимательно.

<На обороте:>
Сестре Ольге.

1851. О. В. Гоголь

Отрывок

<Ноябрь 1851. Москва>

...Попроси священников, чтобы читали всякое воскресенье «Беседы сельского священника». Это лучш<ая> книга для поселян. Посылаю тебе также Псалтырь и Ефрема Сирина.

1852. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<Ноябрь 1851. Москва>

Поговори сам с наборщиком, которого к тебе посылаю. Он говорит, что на букву нельзя, а надобно разве на две. Реши дело сам. Пора бы уж нача<ть> печатать.

Твой С. Шевырев.

<Адрес:>
Николаю Васильевичу Гоголю.

1853. Я. Данилевский — Н. В. Гоголю

<27 ноября 1851. Москва>

Великий, обожаемый мною поэт!

Я не смел беспокоить Вас моим посещением, — вот почему я решил письменно испросить Вашего позволения видеть Вас, говорить с Вами — успокоить мою душу. Простите же мою смелость писать к Вам, не подумайте, чтобы меня влекло к этому какое-нибудь подлое чувство, чтобы я для того напрашивался к Вам, чтобы сказать потом кому-нибудь, я знаком с Гоголем! Нет, я сам бы презирал себя за такую мелочность, нет, влечет меня к Вам другое чувство — благоговения, надежды разрешить многие вопросы, которые вдруг восстали в душе моей.

Все это время я был очень болен, но не так болело тело, как болела душа моя, мне живо представилась жизнь моя — наполненная несчастий, борьбы со всем окружающим меня. Я совершенно здесь заброшен, есть отец у меня, но он далеко, он так беден, что не в силах помогать мне; поневоле я должен жить — учителем — среди людей, которые выше меня своим богатством, своим положением в обществе, но ниже нравственным чувством; которые за несколько серебр<яных> рублей — еще плохо уплачиваемых — готовы поглотить всю мою деятельность. Но все бы я перенес это, когда была бы какая-нибудь опора в другом — высшем.

Я чувствую Божие призвание в себе, я чувствую в себе дарование, которое — может быть — принесло бы со временем пользу отечеству — развившись и укрепившись; но и тут я предоставлен самому себе: нет никого, кто бы ободрил и наставил меня, а я должен еще бороться с различными антипатиями и ложными симпатиями, напр<имер>, с антипатией к стиху в наше время.

Есть господа, которые готовы отнять у тебя и сердце, и душу, и божественное пламя таланта, как сказали вы про писателя, великою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить всю страшную, всю порясающую тину мелочей, опутавших жизнь нашу, выпукло и ярко на всенародные очи, отнять за то только, что пишет стихи. «Помилуйте, говорят они, зачем вы не пишете прозой? мы бы охотно помогли вам и приняли бы вас в свой кружок», как будто нужен мне кружок их! Один почтенный московский литератор сказал мне даже: «нет, батюшка, этим не приобретешь денег в наше время, а деньги важнее дел; нет, это не пушкинская пора, когда можно было за стихи получать деньги», а я и не хлопотал о них... «Нет! продолжал он, вы не поняли

нашего времени. Да притом у вас ничего нет самостоятельного: вы копируете Лермонтова». Это говорил он про еврейские мелодии, которые я[1] представлял Вам. Я улыбнулся... «Да, продолжал он, я говорю вам не шутя; к тому же у вас нет мысли в стихах, не видно, чего хотите вы в них... Ведь это не то, что моя "Отпетая", сказал он, обратившись к одному молодому человеку, который слушал его внимательно... а? не правда ли? Там видно, чего хочу я?» Тот заметил, что это прекрасное стихотворение. — «Вот видите ли, что я не терплю стихов... Детство, батюшка, детство!.. Мы, слава Богу, ушли немного вперед... Я сам делаю иногда подобные глупости, но...» Тут он даже прибавил несколько дельных замечаний насчет того, как можно наживать деньги, что, по его мнению, гораздо лучше стихов, замечаний — исполненных <*1 нрзб.*> цинизмов, которых я даже и повторить Вам не смею... Вот попадаешься к каким людям, а их уважают, они даже поддерживают журнал — прежде замечательный неаккуратностью своею ежемесячною выходов в свет, а теперь замечательный и аккуратностью выхода, и полнотою хороших статей всякого рода, и наконец добросовестностью критики, которая в последнее время особенно прославилась рецензией «Русской истории» Соловьева.

Пробовал я знакомиться и с такими, которые любят стихи, произносят их во время официальных обедов в честь разных знаменитостей, совершенно с ними незнакомых, но которых они, однако же, в пылу восторга называют своими друзьями; пишут большие поэмы, исполненные драматизма <*1 нрзб.*> всякий раз, когда дело доходит до описания природы; но такие люди оказались еще лучше, — Бог с ними! Я не хочу говорить о таких людях.

Все это вместе с моею жизнию — горькою и безнадежною — ярко представилось мне во время моей болезни. Мне стало грустно, более, чем грустно, мне стало так безотрадно, что даже отчаяние готово было овладеть мною. Неужели меня никто не поддержит, не приютит, не согреет души моей? Неужели справедливы и эти упреки, и эти антипатии к стиху в наше время? — Я нашел их отчасти справедливыми, несмотря на то, что стих прирожден моей натуре, что он есть моя принадлежность, что я им лучше могу высказать мысль, вырисовать известные образы и характеры — лучше, нежели прозой, — я нашел их отчасти справедливыми, а почему? — я расскажу Вам тогда, когда Вы позволите мне Вас видеть.

[1] *я вписано.*

Только первый вопрос показался мне несостоятельным, я подумал, что великий поэт, призванный Богом указать на все наши недостатки, исправить нас, не оттолкнет меня — человека, в котором он не мог не подметить таланта и благих мыслей, которого он уже раз принял и отогрел меня[1]: что[2] он — стоящий неизмеримо выше толпы, готов подать руку помощи всякому, кто захочет прибегнуть к нему; что он не оставит — стало быть — меня, подкрепит, поддержит, разрешит мои недоумения, даст мне жизнь, даст возможность совершенствоваться и идти вперед. И решился я написать к Вам, просить Вашего позволения видеть Вас, рассказать перед Вами свою душу... Великий учитель! Помогите моей немощи; не пренебрегите моей просьбой! Святое дело оказать материальную помощь человеку — своему собрату, но еще святее оказать ему духовную помощь... Помогите мне. Когда Бог разовьет мои духовные силы, когда я сделаю что-нибудь великое и достойное, — это великое, это достойное будет принадлежать Вам. Напишите мне слова два, когда я могу Вас видеть. Мой адрес: на Большой Дмитровке, в доме Глебовой, живущему у Похвиснева... Жду Вашего письма с нетерпением. Утешьте и оживите обожающего Вас как идеал всего высокого и благородного,

Якова Данилевского.

1851 г.
Ноябрь 27.

1854. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

9-го декабря 1851 г. Сварков.

Писулька твоя нашла меня в Сваркове, где мы соединились все и где, вероятно, проведем всю зиму.

Печальное обстоятельство предшествовало этому соединению. В сентябре лишись мы доброй, незабвенной сестры Варвары Григорьевны, а два месяца спустя новою потерею Господь посетил нас: Михаил Алексеевич Литвинов, двоюродный брат жены, которого любили мы все как родного, отдал свою кроткую и незлобную душу Богу. Я был при кончине его, я видел его последние минуты.

Как ни говори о том, что —

...Страшно зреть.

[1] меня *вписано.*

[2] что *вписано.*

Как силится преодолеть
Смерть человека...

много, однако ж, отрадного, еще более поучительного в этом расставании с жизнью. В первый раз я был свидетелем этих торжественных минут. Глубокое, неизъяснимое впечатление оставили они на меня!

С утра — это было последнее его утро! — он начал забываться: потерял язык, не узнавал никого; хрипенье, этот предвестник смерти, сопровождало каждое его дыхание. С минуты на минуту все мы, собравшиеся вокруг него, ожидали последнего вздоха — и вдруг, около полудня, больной привстал; голова его просветлела, он просил позвать священника и захотел приобщиться Святых Тайн. Так как он приобщился уже дня за три перед этим, то священника не было на этот раз в доме. Надобно было видеть, с каким нетерпением, с какою боязнью ожидал он его прихода! И священник явился. Лицо умирающего просветлело. Торжественно и важно выслушал он все молитвы; приобщился. Каким величием в это время озарено было лицо его! И вот настала минута последнего *прости*. Каждого из нас он подзывал к себе рукою; целовал, улыбался, кланялся, словно уезжая в дальнюю дорогу... О, ты не можешь себе представить, сколько было величественного, умилительного, страшного, раздирающего сердце в этом последнем прощанье! В седьмом часу вечера наш добрый, кроткий, искренно любимый брат лежал уже на столе!

Ты несколько знал его: он был прошлую зиму в Одессе и жил вместе с братом моим. Немного жил и много страдал он на этом свете! Да утешит, упокоит его Господь в другом, в лучшем!..

Пишу к тебе и не знаю, получил ли ты письмо мое. Право, ты сделался нестерпимым в своих письмах, ничего не говоришь ни о себе, и даже не указываешь места, куда адресовать.

Вся наша сварковская семья, в том числе и Александр Михайлович, все мы интересуемся знать, что с тобой. Пиши, не ленись; да не так, как ты выдумал теперь писать ко мне, точно как будто боишься обмолвиться, сказать что-нибудь лишнее, а потому ровно ничего не говоришь (и я думаю, окончишь тем, что будешь присылать лоскутки белой бумаги с своим именем), а пиши так, как ты делывал это прежде.

Когда же 2-я часть «Мертвых Душ»?

А. Данилевский.

1855. А. С. Данилевскому

Москва. 16 декабря <1851>.

Благодарю тебя за пись<мо>, которое было так отрадно утешительным описанием прекрасной кончины Михаи<ла> Алексеевича Литвинова. Да утешит Бог и всех таким светлым расставаньем с жизнью. Не гневайся, что мало пишу: у меня так мало свежих минут и так в эти минуты торопишься приняться за дело, которого окончанье лежит на душе моей и которому беспрестанно помехи, что я ни к кому не успеваю писать. Все так же, как ты, меня упрекают. Второй том, который именно требует около себя возни, причина всего, ты на него и пеняй. Если не будет помешательств и Бог подарит больше свежих расположений[1], то, может быть, я тебе его привезу летом сам, а может быть, и в начале весны.

Твой весь Н. Гоголь.

Ульяне Григорьевне, Александру Миха<й>ловичу и всему дому душевный поклон. А ты пиши и описывай весь свой день, тебе ведь не на что сложить вину, чтобы[2] хоть заочно побыть с тобой несколько минут вместе.

1856. В. А. Жуковскому

1851. Декабря 20. Москва.

Бог в помощь, милый друг и брат! От всей души поздравляю тебя с новым наступающим годом. Где бы ты ни был и над каким занятьем ни сидел — Бог в помощь! говорю тебе по-прежнему, да везде будет неразлучна с тобой Его святая помощь! Я тружусь, работаю в тишине по-прежне<му>. Иногда хвораю, иногда же мило<сть> Божия дает мне чувствовать свежесть и бодрость, тогда и работа идет свежее, а работа все та же, с той разницей, что меньше, может быть, юношеской самонадеянности и больше сознанья, что без смиренной молитвы нельзя ничего.

Твой весь Николай Гоголь.

Всех твоих обнимаю и говорю им тоже: Бог в помощь! Мой адрес: на Никитском булеваре. Дом Талызина.

<*На обороте:*>

Baden-Baden.
Son excellence monsieur m-r Basile de Joukowsky.
Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.
В Баден-Баден.

[1] расположений в дне
[2] так, чтобы

1857. М. И. Гоголь

1851. Декабр<я> 22. Москва.

От всей души вас поздравляю с наступающим новым <годом>, почтеннейшая матушка. Дай Бог, чтобы он принес вам много Божьих милостей, и да пребудет с вами неразлучно Его святая благодать! О прочем не заботьтесь, все устроится само собою. Вся беда оттого, что мы мало заботимся о главном. А если бы прежде подумали о Божеском, отложивши все земное, — само бы собой устроилось земное, как и Сам Спаситель сказал: «Ищите прежде правды и Царствия Небесного, а сия вся вам приложатся». Прошу вас особенно позаботиться о том, чтобы священники хорошо и внятно читали народу беседы из той книжки, которую я прислал. Книга эта много сделала добра и значительно поправила нравственность крестьян. Я вам советую в свободные часы прочесть эту книжку со вниманием или, еще лучше, — заставить прежде священников вам прочесть, чтобы они получше привыкли произносить ясно и внятно всякое слово.

Бог да настроит вас во всем, относящемся к спасению душ порученных вам людей.

Ваш много вас любящий и признательный сын

Николай.

1858. О. В. Гоголь

Москва. Декабря 22 <1851>.

Все собирался писать к тебе, милая сестра Ольга, и все за разными помехами не удосуживался. Не знаю, как благодарить за здоровье матушки Бога! Верно, молитвы тех святых людей, которых мы просили за нее молиться, причиной. Во всяком случае нам следует ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостну, не ликовать духом — даже грех. Поэтому и ты не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, но веселись беспрестанно, в беспрестанном выражении благодарности и признательности, вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодаренья Богу. О, если бы сделать так, чтобы и никогда и времени недоставало для всяких других речей, кроме ликующих речей вечной признательности Богу! Жаль мне, что от<ец> Гр<игорий> плохо прочел народу «Беседы сельского священ<ника>». Не лучше ли бы прочел их твой кум? Ты его заставь прежде прочитать тебе самой под тем предлогом, что духовная книга тебе самой становится понятней, когда

читает ее принявший рукоположение Св<ятого> Духа. Прочитавши сначала тебе, он в другой раз прочитает лучше народу, как уже знакомое. За посадку дерев тебя очень благодарю. За наливки также. Весной, если поможет Бог управиться со всеми здешними делами, надеюсь заглянуть к вам, и, может быть, опять часть лета проведем вместе. Как только сделается потепле<е>, пришлю тебе семян для посева кое-какой огородины. Затем поздравляю тебя с наступающим новым годом[1]. Дай Бог, чтобы он и тебе, и всем добрым людям был в радость и в ликованье.

Твой весь тебя любящий брат — Ник<олай>.

Я полагаю, что матушке полезно было весеннее лечение для перечистки крови и уменьшенья ее воспалительности. От этого у нее пошли частые лихорадки. Посоветуйся и расспроси у какого-нибудь умного доктора.

<На обороте:>

Милой сестре моей Ольге.

1859. А. А. Иванову

<Вторая половина 1851. Москва>

Николай Петрович Ботки<н> передаст вам мой поцелуй, многолюбимый мною Александр Андре<ев>ич. Бог в помощь вам в трудах ваших! Не унывайте, бодритесь. Благословенье святое да пребудет над вашей кистью, и картина ваша будет кончена со славою. От всей души вам, по крайней мере, желаю.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Ни о чем говорить не хочется. Все, что ни есть в мире, так ниже того, что творится в уединенной келье художника, что я сам не гляжу ни на что, и мир кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христос с вами!

<На обороте:>

Александру Андреевичу Иванову.

1860. С. Т. Аксакову

<Конец 1851. Москва>

Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалить<ся> тем же, но если Бог будет милостив и пошлет

[1] годом *вписано.*

несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1861. М. И. Гоголь

<Конец 1851. Москва>

Никогда так не чувствовал потребности молитв ваших, добрейшая моя матушка. О, молитесь, чтобы Бог меня помиловал, чтобы наставил, вразумил совершить мое дело честно, свято и дал бы мне на то силы и здоровье! Ваши постоянные молитвы обо мне теперь мне так нужны, так нужны — вот все, что умею вам сказать. О, да поможет вам Бог обо мне молиться!

Ваш многолюбящий вас, признательный, благодарный вам сын

Николай.

1862. С. П. Шевыреву

<Конец 1851. Москва>

Возвращаю тебе с благодарностью взятые у тебя книги: 1-й том Гмелина и *четыре* книжки «Отечественных Записок». Если у тебя книги не далеко укладены, то пришли мне Палласа все пять, с атласом, сим меня много обяжешь. Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России.

Твой весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Степану Петровичу Шевыреву. В Дегтярном переулке, в собственном доме.

1863. С. П. Шевыреву

<Конец 1851. Москва>

Извини, друг, было некогда доселе. К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходи<мы> изнемогающей душе моей. Впрочем, в два часа постараюсь тебя увидеть.

Весь твой Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Степану Петровичу Шевыреву.

1864. С. П. Шевыреву

<Конец 1851. Москва>

Здоров ли ты? Давно тебя не видел. Я в это время сильно расхворался, да и теперь еще не совсем оправился. Загляни ко мне, если будет время, захвати с собою деньги, оставшиеся от вклада в опекунс<кий> совет, а если есть какие-нибудь письма, то и письма.

Твой весь Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

<Степану П>етровичу <Ше>выреву[1].

1865. С. П. Шевыреву

<Конец 1851. Москва>

Посылаю остававшиеся у меня книги Палласа: «Записки» и «Описание растен<ий>», 6 книг. И прошу тех, о которых оставил у тебя записочку, то есть:

Рычкова
Севергина } Записки о России.
и Зуева

Твой весь, признательный много за твою обязательность

Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Степану Петровичу Шевыреву.

1866. С. Т. Аксакову

Отрывок

<1851>

...Душевно благодари[2] Ольгу Сергеевну, прошу не забывать меня в молитвах.

Н. Г<оголь>.

[1] *Бумага письма оборвана, и текст адреса поврежден.*

[2] *Вероятно, описка. Следует:* благодарю *или* благодарите

1867. Е. Н. Кривцова — Н. В. Гоголю

<1851?>

Благодарю за приятную неожиданность. Нельзя ли вам будет обрадовать меня совершенно, приехавши ко мне в другой раз сегодня, когда я буду дома, т. е. ввечеру, Елизавета Кривцова.

1868. Е. Н. Кривцова или княжна В. Н. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

<1851?>

Добрый и милый мой, Николай Васильевич, приезжайте к нам обедать и привезите что-нибудь читать; если можно, опять нам прочесть *обмокни.* Сестра у меня будет и едет в воскресенье домой к брату. Прощайте. Христос с вами (пятница вечер).

1852

1869. Князю П. А. Вяземскому

1852. 1 генв<аря. Москва>.

Перекрестясь, пишу к вам. Ради Христа, принимайтесь скорее за труд, который бы занял хоть сколько-нибудь все способности, вам Богом данные. Мы все здесь поденщики, обязанные работать и работать и глядеть вверх: *там* плата. Без этого удел наш — болезни, хандра, тоска и миллион искушений от лукавого, который так и ждет минут нашего уныния. Мне все чувствуется, что если бы вы принялись за Историю Царствованья Екатерины или если бы даже написали только статью о Царствовании Екатерины с мыслью дать в ней урок и Государям и подданным, — много бы это доставило пищи вашей собственной душе. Историческое сочинение со взглядом человека, уже узнавшего жизнь и главное в жизни, и с целью оставить в нем завещанье после себя потомству, потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)... Но что говорить! Один только и есть язык, на котором можно говорить теперь писателю с читателем, — это история, не рассуждающая, но выставляющая как в зеркале все события, заключающие оправдания Божия.

От всей души поздравляющий вас с новым годом

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>
Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

1870. А. О. Смирновой

<1 января 1852. Москва>

От всей души поздравляю вас с новым наступающим годом, Александра Осиповна. О, да будет он благодатным для вас во всех отношеньях! Не думайте только о своей болезни, а всю себя вручите Богу, и Он управит вами прекрасно. Займитесь делом, как бы вы ни были вовсе больны: сила ведь Его в немощи совершается. О, да явится на вас сила Его!

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Всех добрейших Вьельгорск<их> поздравьте от меня с новым годом, и Бог да пребудет неотлучно со всеми нами!

1871. С. Т. Аксакову

<Начало января 1852. Москва>

Очень благодарю за ваши строчки. Дело мое идет крайне тупо. Время так быстро летит, что ничего почти не успеваешь. Вся надежда моя на Бога, Который Один может ускорить мое медленно движущееся вдохновенье.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Обнимаю вместе с вами весь дом ваш.

<*На обороте:*>
Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1872. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Баден, 4/16 января 1852.

Милый Гоголек, наконец ты откликнулся. Благодарю тебя за твою *Бог помочь* и радуюсь, что Бог помог тебе написать ко мне пятнадцать строк, из которых я с умилением узнал, что ты живешь на Никитском бульваре, в доме Талызина. Обо мне же ты, конечно, помнил про себя и никого не спрашивал; в противном случае кое-кто, по крайней мере Булгаков, мог бы тебе сказать, что я более 6 месяцев болен глазами, что эта болезнь остановила мою поездку в Россию, к которой все было приготовлено в прошедшем июле, и что я с тех пор ни за какую работу порядочно приняться не мог. Стороною слышу, что твоя работа идет

удачно, что твои «Мертвые души» удивительно живы и что Смирнова от них в восхищении; слыша это, я мучаюсь нетерпением познакомиться с твоими мертвецами. Сам же я прошлою зимою работал усердно; но все теперь от глазной болезни остановилось; я сижу перед начатыми своими планами, как Тантал перед плодами: добрый случай научиться предать себя в волю Божию. Прости. Поздравляю тебя с новым годом. Дай Бог тебе к концу его дать жизни Мертвым душам твоим. Много писать к тебе не могу, да и не о чем: слепота не обильная материя для переписки. Если, однако, ты напишешь мне что-нибудь более интересное, нежели Никитский бульвар, то и во мне родится позыв поговорить с тобою не об одном моем больном глазе. Прости! Обнимаю тебя и говорю всем сердцем: Бог помочь.

Твой Жуковский.

1873. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<9 января 1852. Абрамцево>

Здравствуйте, милый друг Николай Васильевич! Как поживаете? Я кое-как перебиваюсь. Посылаю с Иваном половину моих «Записок», чтоб процензуровать и печатать; остальную половину пришлю через неделю.

Поздравляю вас с прошедшими праздниками и наступившим новым годом. 1852 год должен быть ознаменован появлением второго тома «Мертвых душ». Каково ваше здоровье и как идет дело? По слухам, кажется, недурно. Я не надеюсь скоро вас обнять. Не могу и подумать о зимней дороге и возке; да и жить мне в нашей квартире неудобно. Я уже дал доверенность Ивану по всем моим делам.

Крепко вас обнимаю. Молю Бога, чтоб он подкрепил ваши силы.

Душою ваш С. Аксаков.

9 января.

Все мои вас обнимают и поздравляют.

1874. И. И. Барановский — Н. В. Гоголю

Одесса. 17 января 1852 г.

Милостивый государь, Николай Васильевич! больной, расстроенный, пишу к вам, или, вернее сказать, диктую, потому что слеп, следовательно, несчастлив. То, что многие называют участием, без укора можно назвать холодностью. В вас я нашел

истинные доброжелательства к людям, светлый ум и доброе сердце. Слушая рассуждения ваши, я познакомился с вами, а чувства мои побуждают меня писать к вам и просить вашего совета.

Вы много страдали от болезни и переносили с христианским терпением; читая об этом в ваших сочинениях, я укрепился духом, чтобы нести и мой крест. Медики говорят, что болезненные судороги в ногах моих происходят от спины. Но не о болезни хочу я говорить с вами, а просить вас сказать мне, где и через кого вам Провидение послало возможное облегчение.

Истинно уважающий вас и преданный вам, позвольте сказать, истинно любящий вас Илья Барановский.

(Илья Иванович Барановский, капитан-лейтенант, в собственном доме, близ института.)

1875. А. О. Смирновой

<Начало февраля 1852. Москва>

Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни, повторяйте слова вашего друга майора Филонова, который, как вы мне сказали, повторял неустанно: «Христос Воскрес, Христос Воскрес!» Прощайте, добрый друг, Христос с вами и ныне, и присно, и во веки веков да будет.

1876. М. И. Гоголь

Февраля 2 <1852>. М<осква>.

Полагая, что вы все теперь вместе, адресую письмо в Кагорлык. От всей души обнимаю вас всех, в том числе и добрейшего Андрея Андреевича от всей души много уважаю. Сердечно соболезную о нездоровьи сестры Елисаветы. Я сам тоже все это время чувствую себя как-то не так здоровым. Мне все кажется, что здоровье мое только тогда может совершенно как следует во мне восстановиться с надлежащей свежестью,[1] когда вы все помолитесь обо мне как следует, то есть соединенно, во взаимной между собою любви, крепкой, крепкой, без которой не приемлется от нас молитва. Еще раз обнимаю вас и прошу вас сильно, сильно обо мне молиться. Подчас мне бывает очень трудно, но Бог милостив. О, если б Он хоть сколько-нибудь ниспослал нам помощь в том, чтобы жить сколько-нибудь в Его заповедях!

[1] *Далее начато:* и

От вас я уже давно, почтеннейшая матушка, не получал известий.

Ваш сын

много вас любящий Н. Гоголь.

1877. В. А. Жуковскому

Москва. Февраля 2 <1852>.

Много благодарю за книги и за доброе письмо. Не упрекай, что ничего другого не мог и не сумел тебе написать, как только: *«Бог в помощь!»* Что вспоминаю о тебе часто в моих грешных молитвах, об этом бы не следовало и писать. Горячей бы гораздо мне следовало о тебе молиться, как о человеке, которому я много, много должен.

Сердечно соболезную о слепоте твоей, хоть и знаю, что Бог милостив и все строит в пользу души нашей. А между тем посылаю тебе медицинский рецепт, который действует необыкновенно успешно на излечение слепоты. Надобно нюхать или пополам с табаком, или просто один высушенный лист известного, нами едомого корнеплодного растения, земляной груши. Рассказывают следующий случай этого открытия: служанка одной слепой старушки, нюхавшей табак, за недостатком его, начала ей подмешивать в табакерку истертого в порошок этого листа. Барыня, ставши замечать необыкновенное отделение мокрот чрез[1] нос и даже насморки, — служанку под допрос — та призналась во всем. Но старушка, почувствовав, что она лучше видит, стала продолжать, пока совершенно не исцелилась от слепоты. Средство это, говорят, подтверждается повсюду опытами, излечивая темную воду, даже и самую застарелую, у стариков. О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной.

Будь здоров и Бог тебе в помощь, милый, близкий душе брат!

Твой Н. Гоголь.

[1] и чрез

1878. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Москва. Февраля 2. 1852.

Здоровы ли вы и как живете, добрейшая Варвара Николаевна, и как здоровье всех ваших, начиная с многоуважаемой мною княгини вашей матушки? Недавно я слышал о необыкновенно целебном лекарстве от глазных болезней, излечивающем даже застарелую слепоту и темную воду. Ничего больше, как нюхать пополам с табаком или даже и просто один порошок высушенных листьев известного, нами едомого растенья, земляной груши. При этом нюханьи начинается необыкновенно сильное отделенье мокрот через нос и всякие насморки, и ими, наконец, совершенно очищаются глаза от потемненья. Сообщите об этом и Александру Скарлатовичу, которому посылаю мой искренно-душевный поклон. Если вы уведомите меня хоть двумя строчками о себе и о добрейшей княгине В<арваре> А<лексеевне> — много обяжете.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

Мой адрес: Москва. На Никитском бульваре. Дом Талызина.

1879. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

Москва. Февраля 2. 18<52>.

Я о вас часто вспоминаю, добрейшая княгиня Елисавета Петровна, равно как и о душевно мною любимом князе Василии Николаевиче и о всем вашем доме, который, как что-то милое и близкое, пребывает в сердце моем. Хотел было даже ехать к вам в Одессу, но всякие дела и дрязги по поводу перепечатыванья моих сочинений — старых грехов — меня задержали в Москве. С новыми не поспел. Их предмет так важен, что слабые средства мои при моих недугах с трудом одолевают и то в таком только случае, когда обо мне кто-нибудь крепко, крепко помолится. И вас прошу и всех умеющих молиться про сие обо мне помолиться. Уведомьте меня хоть немногими <строчками> о вас. Я все ожидал увидеть князя здесь, который, по словам Елисаветы Николаевны, должен был около Нового года быть в Москве. Передайте мой самый дружеский поклон князю Гагарину с княгиней и Ильину.

Ваш весь Н. Гоголь.

Всех ваших деток душевно обнимаю.

1880. И. И. Барановскому

<Около 2 февраля 1852. Москва>

Право, не знаю, что отвечать вам. Облегченья в моих недугах ничему другому не могу приписать, как только молитвам тех добрых людей, которые обо мне молились. Полагаю, что нужно неотступно, со слезами просить всякий день совета у Самого Христа — нельзя, чтобы Он наконец не вразумил нас. Далее сведений моих не хватает: спросите у духовника. Все леченья медицинские, сколько припомню, мне не помогали, кроме только одних освежительных холодных вытираний наружных с солями и морские ванны. В слепоте, говорят, теперь очень помогает нюхать или пополам с табаком или один высушенный лист известного[1] корнеплодного растенья, земляной груши. Это нюханье, производя необыкновенное отделение мокрот посредством[2] насморков, излечивает даже у стариков слепоту от темной воды.

От всей души желающий вам всех облегчений

Н. Гоголь.

1881. М. И. Гоголь

<3–4 февраля 1852. Москва>

Благодарю вас, бесценная моя матушка, что вы обо мне молитесь. Мне так всегда бывает сладко в те минуты, когда вы обо мне молитесь! О, как много делает молитва матери! Берегите же ради Бога себя для нас. Храните ваше драгоценное нам здоровье. В последнее время вы стали подвержены воспалительностям в крови. Вам нужно[3] бы, может быть, весеннее леченье травами, разумеется, при воздержании в пище и диэте. Вообще же всем полнокровным, как и сами знаете, следует остерегаться от всего горячительного в пище. Ради Бога, посоветуйтесь с хорошим доктором. Молитесь и обо мне, молитесь и о себе вместе. О, как нужны нам молитвы ваши! как они нужны нам для нашего устроенья внутреннего! Пошли вам Бог провести пост духовно и благодатно всем вам. В здоровье моем все еще чего-то недостает, чтобы ему укрепиться. До сих пор не могу приняться ни за труды, как следует, ни за обычные дела, которые оттого приостановились.[4]

[1] от известного

[2] чр<ез>

[3] по моему мнению, нужно

[4] *Далее начато:* И все мне кажется, что

О, да вразумит вас во всем Бог, не смущайтесь ничем вокруг, никакими неудачами, только молите<сь>, и все будет хорошо.

Ваш весь, вас любящий сын

Николай.

1882. Протоиерею Матфею Константиновскому

6[1] февр<аля>. Москва. 1852.

Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас. Но вдруг милость Божия чьими-то молитвами посетила и меня жестокосердого, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела.

Обязанный вам вечною благодарностью и здесь и за гробом весь ваш Николай.

<*На обороте:*>

Священнику Александру Тимофееви<чу> Городецкому.
В Твери, в Покровской церкви.
Для передачи отцу Матвею.

1883. С. П. Шевыреву

<Зима 1848/49 или 1851/52. Москва>

Как ни хочется тебя видеть, но лучше поберечься. По вечерам особенно мне[2] нехорошо выезжать. Раз было попробовал, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но все еще не пришел в обыкновенное состояние.

Твой весь Н. Г<оголь>.

Четверг.

1884. С. Т. Аксакову

<Конец 1848 — начало 1852>

Обнимаю вас заочно и очень жалею, что не могу обнять лично. Напишите о себе иногда строчку.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

[1] *Было:* 5
[2] и мне

1885. О. Сем. Аксаковой

<Зима 1849/50 или 1851/52. Москва>

Я располагал к вам после обеда, потому что тоже приглашен сегодня на вареники одним земляком. Но если паче чаянья придет желанье надуть земляка, то, может быть, тогда попаду к вам и на обед.

<*На обороте:*>

Ольге Семеновне Аксаковой.

1886. Графине А. Г. Толстой

<1849 — начало 1852. Москва>

Душевно сожалею, что вы не так здоровы. Впрочем, мы все-таки увидимся и побеседуем, как только вам будет получше. — Добрая беседа бывает получше обеда.

Ваш весь Нико<лай> Гог<оль>.

1887. Графине А. Г. Толстой

<1849 — начало 1852. Москва>

Посылаю вам, графиня, Златоуста, том, содержащий беседы, приличные посту. Лучшего ничего у меня не нашлось.

Ваш весь Н. Г<оголь>.

1888. Неустановленному лицу

<1849 — начало 1852. Москва>

Если вы свободны, то приезжайте сегодня обедать. И я и граф Толстой будем вам очень рады. Если же нельзя сегодня, то завтра.

Ваш весь Н. Гоголь.

1889. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<11 февраля 1852. Абрамцево>

Зачем же вы хвораете, друг мой? Я третий день опять болен и начал лечиться земляничным корнем. Константин уехал с тем, чтоб побывать у вас. Крепко вас обнимаю.

Ваш душою С. Аксаков.

11 февр<аля>.

1890. Протоиерей Матфей Константиновский — Н. В. Гоголю

12 февраля 1852 г.

Как меня удивило и обрадовало письмо ваше в Твери нашедши. Радуюсь за вашу о Господе радость, добрый Николай Васильевич. Христианская ваша ко мне откровенность и благодушие, не ошибусь, скажу — сроднило вас со мною. И потому ваши скука и душевные смущения суть вместе и мои. И потому прошу вас, не унывайте — не отчаивайтесь, во всем благодушествуйте. Как можно если не сердце, то, по крайней мере, ум ваш держите поближе к Иисусу Христу. Имя Его чаще имейте в устах: оно и далее с Ним познакомить может — натурально, с условием уклоняться от мира и всего яже в нем. Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно. Обыкновенно на пути сем встречает многое противоречащее духу Христову. Но побеждать надобно. Где труд, подвиг и победы, там и венец. Не бойтесь. Много от врага страху бывает наносимо, но подвижникам несравненно больше дается свыше помощи и утешений. Решимость нужна — и тут же все и трудное станет легко, и невозможное по внушению врага, будет весьма возможно. Так и сказано, *сила Божия в немощах совершается.* И еще: *когда немоществую, тогда силен.*

Благодарю вас за мену шубами. Будет лето, и не нужна будет ни моя вам, ни мне ваша. Господь видел ваше усердие ко мне, и оно уже принято. Простите, возлюбленный о Господе! Боюсь что-то я за вас — не сборол бы вас общий враг наш. Но и чувствую вместе с тем какую-то надежду, и вы не посрамитесь пред Господом в день явления славы Его. Будем молиться друг за друга, а вас услышит и желание общее наше исполнит. Желаю вам в Святой Евхаристии ощутительно вкусить и познать, сколь благ Господь наш. Прощайте и спасайтесь от рода строптивого сего. Благодать Божия да будет с вами везде и всегда — молящийся о сем вас о Христе любящий протоиерей Матфей Александров.

1891. Протоиерею Матфею Константиновскому

Адрес на обертке несохранившегося письма

<1846–1852>

<*Адрес:*>

В Ржев Тверской Губернии. Соборному протоиерею в Ржеве Матвею Александровичу. При сем следует 100 р<ублей> серебром.

1892. Неустановленному лицу

<Дата не установлена>

Посылаю тебе тетрадку для вписанья в нее той статьи, которую дал[1] вчер<а>. Заглавие вставлено. Постарайся писать шрифт[2] потеснее и мельче, чтобы вместилось.

1893. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

<23 февраля — конец февраля 1852
(после кончины Гоголя). Одесса>

Одесса. 23 февраля 1852 г.

Вот уже зима, а вас все-таки нет. Что ж это значит, Николай Васильевич? неужели вы нас совершенно забыли? Впрочем, Одесса ничего не имеет привлекательного — странное свойство нашего города; пустота до того одолевает, что не женщины одни достигают высокого качества сплетничать, но и мужчины туда же, так что, право, тошно! Скажите, пожалуйста, люди с здравым смыслом и светлым умом на самом деле редки, или мне одной так мало удается встречать их? Страшно говорить на одном и том же языке и совершенно не понимать друг друга!

...Уже давно написаны эти строки, но я не докончила моего письма; теперь получила я ваше от 2 февраля, и душевно благодарю вас за доброе расположение к дому нашему: жалею, что не удастся нам увидеться так скоро, как бы хотелось мне. Так и у вас там дрязги? Несомненно, право, везде являются эти незваные гости. Вы так мало пишете о себе, что мне неизвестно; как вы провели зиму и какое было влияние мороза на вас, но я, полагаю, вы так горячо были заняты, что вовсе не почувствовали его. Когда же конец всех хлопот ваших? Я жду вас и книгу вашу и уже готова слушать вас. Я не забуду вас в молитвах моих, но, к стыду моему, так слаба молитва моя! Все же я молюсь.

[1] дал тебе

[2] *В автографе:* штриф

Муж в Петербурге, — вы это знаете. Я передала поклон ваш княгине Гагариной; она часто вспоминает о вас. Князь назначен губернатором в Керчь. Он уже переселился туда, и Ильин поехал к нему. Весной все семейство отправится в Керчь. Я жалею об этом ради себя, а за них радуюсь.

Прощайте, Николай Васильевич! и вы молитесь о нас!

Елизавета Репнина.

Письмо мое наполнено грехами: простите великодушно!

Комментарии

Переписка
1848–1852

1429. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 46–47. Печатается по первой публикации.

Ваше письмо последнее... — Письмо из Неаполя от 28 декабря (н. ст.) 1847 г. (№ 1424 в т. 14 наст. изд.). к стр. 7

Molo di Gaeta — пристань Гаэта, гавань на берегу Гаэтанского залива, между Римом и Неаполем.

Софья Петровна — графиня Апраксина.

Наталья Владимировна — графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.

Мне все кажется, что вы дождетесь меня, чтобы ехать вместе в Палестину. — См. коммент. к письму № 1269 в т. 14 наст. изд.

1430. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 684–685. Печатается по первой публикации.

...я был в горах... — В Ливанских (примечание В. И. Шенрока). к стр. 8

...в ответ на твое письмо из Остенде? — Письма не сохранились.

1431. Иерею Тарасию Серединскому

Об о. Тарасии Федоровиче Серединском см. коммент. к <Отзыву протоиерея Тарасия Серединского о книге «Выбранные места из переписки с друзьями»> в т. 9 наст. изд.

1432. В. А. Жуковскому

Ответ В. А. Жуковского — статья «О поэте и современном его значении. *Письмо к Н. В. Гоголю*», напечатанная в № 4 «Москвитянина» за 1848 г., с пометой: «29 генваря 1848. Франкфурт на Майне» (см. коммент. к письму В. А. Жуковского Гоголю от 7/19 апреля 1848 г. — № 1471).

Рейтерны — семья тестя Жуковского, художника Евграфа (Гергардта) Романовича Рейтерна (1794–1865). к стр. 14

Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846. — Издатель Амбросио Фирмин Дидо. Париж. 1846.

1433. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 15 *Все, что говорите вы об учительстве...* — В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. находятся два отрывка, представляющие собой, по-видимому, черновые наброски к настоящему письму: «Зачем я оказался учителем? Я сам не помню. Мне показалось, что гибнет лучшее, что перо писателя обязано служить истине и беспощадное жало сатиры коснулось, вместе с искоренением злоупотреблений, и того, что должно составлять святыню; что слишком уже много увлеклись течением времени и не останавливаются оглянуться вокруг себя.

Мне так стало совестно [за мою недеятельность], мне так стали тяжелы упреки, что я остаюсь так долго в бездейственности. [Я думал] Я поспешил: что если обнаружу мое состояние душевное и чем я занят...» (не дописано).

к стр. 17 *Вот все, но веры у меня нет. Хочу верить. И, несмотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу.* — Признание Гоголя напоминает восклицание отца бесноватого отрока в Евангелии от Марка: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (гл. 9, ст. 24).

1434. О. В. Гоголь — Н. В. Гоголю

Два фрагмента письма (начало, до слов: «окончить все ваши дела благополучно»; и конец, от слов: «Пишите к нам почаще, в каких местах вы находитесь»), с ошибочной датировкой (вторая половина января 1848), впервые напечатаны: Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни) / Ред. и примеч. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 68. Полностью печатается впервые по автографу: *ГИМ.* Ф. 446, год 1731–1851. Ед. хр. 41. Л. 61–62.

к стр. 20 *Филип<п>овка* (Филиппов пост) — народное название Рождественского поста, который начинается после дня памяти св. апостола Филиппа (14 ноября ст. ст.) и продолжается до Рождества Христова (25 декабря, или 7 января н. ст.).

к стр. 21 *iи* — її (*укр.*) — ее.

1435. Н. Н. Шереметевой

<Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму Н. Н. Шереметевой от 12 января (н. ст.) 1848 г.>

Впервые напечатано: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 184–185. Текст печатается по изд.: Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* Издание П. А. Кулиша. СПб.,

1857. Т. 6. С. 448–449. Такая же молитва была послана Гоголем три дня спустя матери (с незначительными изменениями) при письме от 15 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1437).

...к доставлению ему покровительства, повсюду, где будет проходить он... — См. коммент. к письмам № 1259, 1260 в т. 14 наст. изд. к стр. 23

...восстанови тишину морей и укроти бурное дыхание непогоды! — Гоголь опасался умереть от морской болезни, которой всегда страдал. См. коммент. к письму Гоголя Н. Н. Шереметевой от конца ноября — начала декабря (н. ст.) 1847 г. (№ 1411 в т. 14 наст. изд.).

...помолиться у Гроба Святаго о собратьях и кровных своих... — В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. сохранилась следующая заметка «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>» (см. в т. 9 наст. изд.), а также заметка «В Иерусалиме», где Гоголь пометил: «*Писать* письма: домой, Матвею Александр<овичу>, Надежде Никол<аевне> и Жуковскому, Толстому; вторые: Шевыреву и в нем Малиновск<ому> — к Плетневу». В этой же заметке он записал: «*Купить крестики* из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем». В 1848 г. Гоголь привез на родину из Иерусалима «перламутровый ящик с изображением Благовещения Пр<есвятой> Девы Марии... наполненный маленькими крестиками», которые тогда же были розданы крестьянам; «священное мыло из Иерусалимского храма, с печатью Соломона на одной стороне и пальмовой ветвью на другой» (имеется в виду мыло, которым омывают Гроб Спасителя в ночь перед Пасхой), а также «образки, иконки и пр.» (*Чаговец В. А.* На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. V. С. 36).

...о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей... — «Как в древности, в начале XII в. великий молитвенник за русскую землю черниговец паломник игумен Даниил молился пред Гробом Господним за всю Русь, так и великий печальник за всю Россию, полтавец Гоголь в 1848 г. перед отправлением своим в Иерусалим писал: "Хочу молится о всех и о всем, что ни есть в Русской земле и отечестве нашем; хочется мне молиться о спасении Русской земли, о водворении в ней мира, наместо смятения, и любви, наместо ненависти к брату" <письмо № 1433>. В письме же из самого Иерусалима к Жуковскому он писал: "О, да поможет нам Бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведенье творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святаго Евангелия Своего"» (*Смирнов А.* Из последних лет жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя // Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову... Варшава, 1902. С. 467). Священник Косма Петрушевский в 1911 г. также замечал: «Гоголь едет в Иерусалим и в смиренном сознании своего недостоинства, полный горячей любви к людям, к своей

родине, подобно древнерусскому паломнику, игумену Даниилу, молится здесь за себя и еще больше за русскую землю» (*Петрушевский К., свящ.* Выписки Н. В. Гоголя из творений Святых Отец и из сочинений духовных писателей как материал для определения его религиозно-нравственных воззрений. (Киевская духовная академия, 1911) // *НБУ.* Ф. Дис. 2165. С. 258–259.)

к стр. 23 *...о примирении всего в ней враждующего и негодующего...* — В то время, когда Гоголь составлял настоящую молитву, по всей Европе прокатилась волна революций. Еще в «Выбранных местах...», в статье «Страхи и ужасы России», Гоголь писал: «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся в России. В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасенью...» С назревавшими революционными событиями Гоголь непосредственно столкнулся в январе 1848 г. в Неаполе, откуда поэтому был вынужден выехать в Иерусалим раньше, чем намеревался: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я предполагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить<ся> иностранцу, любящему мир и тишину» (письмо к графине А. М. Виельгорской от 23 января (н. ст.) 1848 г. с о. Мальта — № 1441). В конце 1840-х гг. Гоголь составил и другую молитву: «Господи! спаси и помилуй бедных людей... Не давай лукавому возвеселиться и овладеть нами. Не дай врагу поглумиться над нами и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, знаменующую присутствие Твое с нами». Во «Вступлении» к «Размышлениям о Божественной Литургии» он замечал: «Скорбя от неустроений своих, человечество отовсюду... взывало к Творцу своему... слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным». М. П. Погодин по возвращении Гоголя из Святой Земли писал ему 5 апреля 1848 г.: «Ты произнес горячую молитву за Святую Русь в такое страшное время: “Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным!”» (письмо № 1470). В. А. Жуковский в 1848 г. в письме к Гоголю также замечал: «В то время как я полагал, что вокруг тебя шумит возмутившийся Неаполь, ты спокойно стоял у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понимал и значение человеческих тревог на земле, и тайну небесного мира души человеческой...» (№ 1471).

1436. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Прил. С. 63–64. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 216–217.

...с тех пор, как мы расстались. — В средине июля (н. ст.) 1847 г. к стр. 23

...с написанным прежним... — Письмо № 1283 в т. 14 наст. изд., первая половина которого (от 20 февраля / 4 марта 1847 г.) была переработана в статью под названием «О смерти. Из письма к Н. В. Гоголю».

...Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге. — См. коммент. к письму № 1249 в т. 14 наст. изд.

...«Одиссея» и «Рустем» печатаются в Карлсру. — Эти произведения составили три тома «Новых стихотворений В. Жуковского» (СПб.: Придворная типография В. Гаспера в Карлсруэ, 1849).

Полное издание моих сочинений выйдет, если поможет Бог, в начале осени 1848. — Издание вышло в 1849 г. в т. 9.

1437. М. И. Гоголь

Наконец я получил письмо ваше... — Это письмо до нас не дошло. к стр. 23

Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным. — См. письма от 18 декабря (н. ст.) 1847 г. к С. П. Шевыреву и к О. В. Гоголь (№ 1420, 1422 в т. 14 наст. изд.).

Письмо мое со вложеньем письма к Анне... — Письмо Гоголя к матери не сохранилось. Письмо к А. В. Гоголь, между 12 и 18 декабря (н. ст.) 1847 г., — № 1419 в т. 14 наст. изд.

Прилагаю здесь... на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился. — См. также письмо № 1435.

<Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму М. И. Гоголь от 15 января (н. ст.) 1848 г.>

Впервые напечатано: Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни) / Ред и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 90–91; здесь же приложено факсимильное воспроизведение молитвы: Из семейной хроники Гоголей. <Паг. 2>. Л. <5об.–6>). Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446, годы 1731–1851. Ед. хр. 41. Л. 63.

1438. А. К. Бейне — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 685–687. Печатается по первой публикации.

...от Александра Андреевича Иванова письмо... — См. коммент. к письму № 1424 в т. 14 наст. изд. к стр. 26

Consomme — бульон (*фр.*). к стр. 27

Purée — пюре (*фр.*).

...увраж: «La Palestine» par Mank, faisant partie de l'Univers Pittoresque, *publie par...* — Сочинение «Палестина»... составляющая часть *Живописного мира*, опубликованного... к стр. 27–28

1439. А. А. Иванову

Ответ на письмо Иванова от начала января (н. ст.) 1848 г. (№ 1429).

Датируется 1848 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 28 *...в письме моем...* — Письмо от 28 декабря (н. ст.) 1847 г. (№ 1424 в т. 14 наст. изд.).

В городе неспокойно... — Имеется в виду начинавшееся в Неаполе революционное движение.

1440. Графу А. П. Толстому

Дела короля совершенно плохи: Мессина, Катания — все восстало... — Под давлением восставших, предводительствуемых Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди и др., король обеих Сицилий Фердинанд II в начале 1848 г. вынужден был дать конституцию. В 1849 г. абсолютизм был восстановлен.

к стр. 29 *Софья Петровна* — графиня Апраксина.

1441. Графине А. М. Виельгорской

к стр. 30 *...разные политические смуты и бестолковщина...* — См. коммент. к письму № 1440.

Александра Осиповна — Смирнова.

к стр. 31 *Софья Михайловна* — графиня Соллогуб.

1442. С. П. Шевыреву

...трех довольно длинных писем. — Известны два оставшихся без ответа письма Гоголя к С. П. Шевыреву, от 2 и 18 декабря (н. ст.) 1847 г. (№ 1408 и 1420 в т. 14 наст. изд.).

к стр. 32 *Надежда Николаевна* — Шереметева.

Передай ей при сем записочку. — Письмо к Н. Н. Шереметевой от 23 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1443).

Сергей Тимофеевич — Аксаков.

Конст<антин> Серге<евич> — Аксаков.

1443. Н. Н. Шереметевой

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 23 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1442). 9 февраля 1848 г. С. П. Шевырев писал Н. Н. Шереметевой: «Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Н. В. Гоголь поручает мне передать Вам это письмецо и к этому прибавляет: “Поблагодарите, пожалу<й>ста, добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во все это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечал ли я или не отвечал на ее письма”. Передавая Вам поручение нашего общего друга, который пишет из Мальты на пути ко Гробу

Господню и просит молитв о себе, с истинным почтением и глубочайшею преданностию имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев» (*РГБ.* Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 1).

Из Неаполя я уже отправил вам два письма. — Письма от конца декабря (н. ст.) 1847 г. и от 12 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1427 в т. 14 наст. изд., № 1435). к стр. 33

Ответ на последнее ваше письмо и замечание вы уже имеете. — Письмо к Н. Н. Шереметевой от 12 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1435).

1444. Графу А. П. Толстому

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, помета о пребывании на Мальте была сделана 26 января (н. ст.) 1848 г.: «Неаполь — 1848, Мессина — Мальта 14/26 января» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

...желая избегнуть двадцатидневного карантина. — Речь идет об обязательном карантине, которому подвергались все возвращавшиеся из Азиатской Турции из-за свирепствовавших там эпидемических заболеваний. Гоголю не удалось избегнуть карантина, который он выдержал сначала в Смирне, потом в Одессе. к стр. 34

Матвей Александрович — протоиерей Матфей Константиновский.

1445. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 47. Печатается по первой публикации.

...из вашего последнего письма... — Письмо из Неаполя от 18 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1439). к стр. 34

1446. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 187–188. Печатается по первой публикации.

...да Сам Он нам поможет это чувствовать и благодарить... — Ср. в отдельном наброске Гоголя: «Одно только здесь ясно, что крест к стр. 36

дан Тем, Кто дает одно благо, благо в разных видах, или в виде ясного, понятного нам счастия, или в виде тяжкого, непостижимого для нас страдания. В таком убеждении великая сила; но и эту силу мы получаем от Бога» (т. 6 наст. изд.).

1447. В. А. Жуковскому

к стр. 37 *«Сирия и Палестина»* — книга К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1861–1862. Т. 1–2; 2-е изд. 1875). Гоголь познакомился с работой К. М. Базили в рукописи.

1450. Н. Н. Шереметевой

16 февраля 1848 г. Гоголь известил В. А. Жуковского о прибытии в Иерусалим: «И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупленья нашего... Уже успел произнесть твое имя у Гроба Господня». В письме к Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 г. Гоголь описал ночь, проведенную им в алтаре Гроба Господня: «Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший Литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами Гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших “Господи, помилуй” и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходившее из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед Чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного...» Вероятно, именно эту минуту имел в виду Гоголь, когда писал две недели спустя, 21 апреля, о. Матфею Константиновскому: «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состояньем сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат. Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искуситель!» Об этой же «минуте» Гоголь говорил Смирновой, которая вспоминала: «Он был в Константинополе... после путешествия в Иерусалим, но когда я расспрашивала, он мне ничего не рассказал. Таким образом он молчал и о Святых Местах. Только рассказал мне одну ночь, проведенную им в церкви» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 35). Дочь А. С. Хомякова Мария Алексеевна в свою очередь рассказывала со слов отца, что Гоголь, «ни с кем не говоривший из них об своей поездке в Святую

Землю», одной лишь матери, Екатерине Михайловне Хомяковой, «говорил об том, что он там почувствовал» (Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 183). В 1850 г. Гоголь, откликаясь на просьбу Жуковского представить ему описание Палестины для новой поэмы «Странствующий жид», писал: «Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда... Никто из здешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной Богом стране». Очевидно, Гоголь имел при этом в виду слова Спасителя, сказанные об Иерусалиме: «Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф. 23, 38; Лк. 13, 35), а также упоминаемое Им пророчество Даниила: «И во святилищи мерзость запустения будет, и даже до скончания времене скончание дастся на опустение» (Дан. 9, 27). Призывая Жуковского «искать в сердце своем не земного, а Небесного», Гоголь писал: «Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских страшный день Крестной Смерти при помрачении всего вокруг и землетрясеньи или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится все окружающее, и нынешнее и минувшее?» (письмо № 1680 от 28 февраля 1850 г.). П. В. Анненков вспоминал о своей последней встрече с Гоголем в Москве осенью 1851 г.: «Раз вечером <он> предложил мне прогулку по городу, всю ее занял описанием Дамаска, чудных гор, его окружающих, бедуинов в старой библейской одежде, показывающихся у стен (для разбойничества), и проч., а на вопрос мой: какова там жизнь людей, отвечал почти с досадой: “Что жизнь! Не об ней там думается!”» (*Анненков П. В.* Две зимы в провинции и в деревне // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 513–514).

1451. М. А. Базили

В письме имеется также приписка К. М. Базили: «Слава Богу, здоров. Поздравляю с отпуском, но решительно некогда писать». Речь идет об отпуске К. М. Базили, получив который он с женой отправился в Россию вместе с Гоголем.

1452. Наместник Иерусалимского патриаршего престола митрополит Петрас Мелетий — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // Русская Мысль. 1902. № 1. <Паг. 2>. С. 76. См. также: Снимок письма наместника иерусалимского патриаршего престола Мелетия к Гоголю. (Из бумаг Н. В. Быкова) // Новое Время. 1902. 27 февраля. № 9333. Прил. С. 10. Печатается по последней публикации, с сохранением орфографии источника.

1453. С. П. Шевыреву

к стр. 40 *Сергею Тимофеевичу дай при сем прилагаемую записочку.* — Письмо до нас не дошло.

1454. П. А. Плетневу

На подлиннике — штамп: «Очищено в Одесском карантине 6 апреля 1848».

к стр. 40 *...остальные мои деньги...* — Речь идет о получении последней части пенсиона, назначенного Гоголю в 1845 г. из средств государственного казначейства сроком на три года. См. коммент. к письму № 942 в т. 13 наст. изд.

Напиши теперь же... — Ответ П. А. Плетнева, от 16 мая 1848 г. — письмо № 1482.

к стр. 41 *Доставь при сем следуемое письмецо Смирновой.* — Письмо № 1455.

Граф — вероятно, Михаил Юрьевич Виельгорский.

«Анализы греческого языка» — книга французского эллиниста Будэуса (Guillaume Budaus (Bude), 1467–1540) «Commentarii linguae graecae» (Paris. 1529), одно из позднейших изданий которой подразумевает Гоголь.

In foglio — в лист (*ит.*).

...ржевскому священнику. — Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский.

1455. А. О. Смирновой

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 2–4 апреля 1848 г. (№ 1454).

к стр. 41 *Напишите теперь же...* — Ответ А. О. Смирновой — письмо от 17 мая 1848 г. (№ 1483).

1456. В. А. Жуковскому

к стр. 42 *Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами Гроба.* — См. коммент. к письму № 1450.

1457. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 190–191. Печатается по первой публикации.

Письмо Шереметевой, вероятно, было приложено к недошедшему до нас письму С. П. Шевырева от 16/28 февраля 1848 г.,

которое Гоголь получил в Константинополе (см. письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 21 апреля 1848 г. (№ 1464) из Одессы: «Твое милое письмо от 16/28 февраля получил я в Константинополе… Скажи Надежде Николаевне, что письма ее получены мною очень исправно в Константинополе и что я буду отвечать»).

1458. Графу А. П. Толстому

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, помета о пребывании в Константинополе была сделана 13 апреля 1848 г.: «К<онстантино>поль — 13 апреля» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

Матвей Александрович — протоиерей Матфей Константиновский. к стр. 44

Софья Петровна — графиня Апраксина.

1459. Графине С. П. Апраксиной

Письмо написано на двух листах, со следами карантина. Датируется по связи с письмом А. П. Толстому от 13 апреля 1848 г. (№ 1458), к которому, судя по неполному адресу, было приложено.

…два письмеца… — Письма до нас не дошли. к стр. 45

Наталья Владимировна — графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.

Мария Владимировна — графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной. Впоследствии замужем за князем Сергеем Васильевичем Мещерским.

Мисс Henriette — вероятно, гувернантка дочерей графини С. П. Апраксиной.

1460. А. А. Иванову

Поблагодарите Бейне за его доброе письмо… — Письмо А. К. Бейне к Гоголю от 1/13 января 1848 г. (№ 1438). к стр. 45

Братец — С. А. Иванов.

1461. П. А. Плетневу

На подлиннике — штамп: «Очищено в Одесском карантине 16 апреля 1848».

Письмо мое из Байрута… — Письмо П. А. Плетневу от 2–4 апреля 1848 г. (№ 1454). к стр. 46

Ольга Петровна — дочь П. А. Плетнева.

1462. М. И. Гоголь

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, помета о пребывании в Одессе была сделана 30 апреля 1848 г.: «Одесса — 30 апреля» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

к стр. 47 *Андрей Андрее<вич>* — Трощинский.

1463. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 47–48 *Была одна минута...* — См. коммент. к письму № 1450.

1464. С. П. Шевыреву

к стр. 48 *...письмо от 16/28 февраля...* — Письмо до нас не дошло.

В письме Жуковского... — См. преамбулу коммент. к письму В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. (№ 1432).

...в тех строках твоих... — Речь идет о статье С. П. Шевырева «Очерки современной русской словесности» (Отд. «Критика». С. 83–104).

Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал. — В 1848 г. С. П. Шевырев вошел в новый «комитет редакции» «Москвитянина».

Голос твой теперь нужен. — Эти и следующие далее строки являются косвенным откликом Гоголя на статью С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями», напечатанную в № 1 «Москвитянина» за 1848 г.

к стр. 49 *...об этих сплетнях...* — Речь идет о ссоре С. Т. и К. С. Аксаковых и Н. Ф. Павлова с С. П. Шевыревым из-за напечатанного последним в № 3 «Москвитянина» разбора поэмы К. К. Павловой «Двойная жизнь». См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 454–457.

Я писал к тебе уже из Константинополя... — Имеется в виду письмо не из Константинополя, а из Бейрута от 18 марта 1848 г. (№ 1453).

1465. А. С. Данилевскому

Ответ А. С. Данилевского — письмо от 11 мая 1848 г. (№ 1478).

к стр. 50 *...которого попал...* — украинизм.

Пащенко — Иван Григорьевич.

Орлаи оба, Александр и Андрей... — сыновья Ивана Семеновича Орлая, бывшего директора нежинской Гимназии высших наук. Один из братьев, Андрей Иванович, тоже учился в Нежине.

...будут от души хлопотать о тебе. — Данилевский в это время мечтал перейти на службу в Одессу.

1466. С. П. Шевыреву

Ответ С. П. Шевырева — письмо от 17 мая 1848 г. (№ 1484).

Княжна Гика — представительница рода молдавских и валахских господарей. к стр. 51

1467. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Хранится в гоголевском фонде *РГБ*: Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 38. Л. 3–10 (размер 25,0 × 20,2). Публикуется впервые. Письмо было, вероятно, получено Гоголем по прибытии в Васильевку 9-го мая 1848 г. Ранее, в записной книжке 1846–1850 гг. Гоголь для памяти записал: «В Иерусалиме... *Писать* письма... Шевыреву и в нем Малиновск<ому>...» В Иерусалиме Гоголь был в средине февраля 1848 г. А 18 марта 1848 г. он писал Шевыреву из Бейрута: «Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письма. Я перечел их в другой раз и, вследствие того, осмотрелся еще построже и на себя и на разные другие вещи. Я его прошу журнала не прерывать. От этого обоюдная польза, и его и моя. Он меня очень обяжет, если пришлет еще несколько листков ко мне в Полтаву» (письмо № 1453).

Веред — чирей, болячка. к стр. 52

...Пейпусеном озере... — Имеется в виду Чудское озеро (*нем.* Peipus; *эст.* Пейпсиярв). к стр. 61

1468. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 193–194. Печатается по первой публикации.

Степан Петрович — Шевырев. к стр. 63

1469. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 195–196. Печатается по первой публикации.

Степан Петрович — Шевырев. к стр. 64

1470. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропуском): Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 833–834. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 441.

к стр. 66 *...услышал, что ты уже в Одесском карантине!* — Профессор Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич сообщал М. П. Погодину: «Гоголь приехал и выдерживает карантин. 30 апреля выходит в город Одессу, и мы его встречаем обедом у Отона» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 470).

Марья Ивановна — Гоголь.

1471. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Москвитянин. 1853. № 2. С. 136. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 218–219.

к стр. 66 *...твое письмо из Иерусалима.* — Письмо от 16/28 февраля 1848 г. (№ 1447).

...возмутившийся Неаполь... — В феврале–марте 1848 г. в Неаполитанском королевстве начались революционные выступления.

к стр. 67 *Твои неаполитанские смуты через Париж перебежали в Германию.* — Имеются в виду февральская революция 1848 г. во Франции и революция в Германии, начавшаяся в марте 1848 г.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо, заключающее в себе твою и, вместе с твоею, мою литературную исповедь. — Письмо от 29 декабря 1847 г. / 10 января 1848 г. (№ 1432).

...но ответ написан; я послал его в Москву к Елагиной, дабы она передала его Шевыреву для напечатания в «Москвитянине». — Имеется в виду статья «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю», напечатанная в № 4 «Москвитянина» за 1848 г., с пометой: «29 генваря 1848. Франкфурт на Майне».

1472. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 201–203. Печатается по первой публикации.

к стр. 69 *...к Страстной Неделе возвратитесь опять в Иерусалим.* — Получив письмо от Н. Н. Шереметевой от 7 апреля 1848 г., Шевырев отвечал: «Христос Воскресе! Милостивая Государыня Надежда

Николаевна. Примите мое душевное поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и с приобщением Святых Таин. Два праздника завтра соединятся в чистой и доброй душе Вашей. Ваше любезное письмо обрадовало меня накануне праздника. Немедленно на него отвечаю. К духовным радостям завтрашнего дни я вместо красного яичка посылаю Вам еще радость сердечную. Вчера имел я известие от Е. А. Свербеевой, которая получила письмо от посланника нашего Титова в К<онстантино>поле, что Николай Васильевич в Иерусалиме уже был, теперь странствует по Сирии и Палестине, т. е. в то время, как Титов писал, к Страстной Неделе возвратится опять в Иерусалим, там встретит Пасху — и после приедет в К<онстантино>поль. Итак, мы можем завтра мысленно христосоваться с ним у Гроба Господня. Представляю себе, как развеселит Вас это известие, и вместе с Вами радуюсь за нашего общего друга. Как бы мне хотелось, чтобы это известие получили Вы завтра, но не знаю, дойдет ли почта. Примите мою искреннюю благодарность за все добрые желания Ваши мне и моему семейству. От всей души молю Бога, чтоб Вы были утешены счастием и радостию всего почтеннейшего семейства Вашего. Жена моя и дети мои приносят Вам свое поздравление и почтение. С чувством искреннего почтения и душевной преданности имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою С. Шевырев» (*РГБ*. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 5). Титов Владимир Павлович (1807–1891), писатель и дипломат, в 1843–1853 гг. советник русского посольства в Константинополе. Свербеева Екатерина Александровна (рожд. Щербатова; 1808–1892), жена Д. Н. Свербеева. Слухи, сообщаемые В. П. Титовым, не подтвердились. (Сам Гоголь 10 сентября (н. ст.) 1846 г. писал М. П. Погодину: «Маршрут мой... к Великому Посту и Пасхе — в Иерусалим...») 6 апреля 1848 г. Гоголь вместе с семейством К. М. Базили выехал из Бейрута в Константинополь; 13 апреля был в Константинополе, а 14 апреля выехал из Константинополя в Одессу.

Халчинский — Иван Дмитриевич (1811–1856), соученик Гоголя по Нежинской гимназии, советник русского посольства в Константинополе, впоследствии генеральный консул в Молдавии и Валахии.

Пора печатать. — Т. е. запечатывать письмо. к стр. 70

1473. Н. В. Неводчиков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями и пропусками: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 697–698. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 2980 (фонд С. Н. Дурылина). Оп. 1. Ед. хр. 1323. Л. 1–2.

Александр Скарлатович — Стурдза. к стр. 70

...должность наставника... — Николай Васильевич Неводчиков (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит, 1822—1910) к стр. 71

был в приюте учителем под начальством А. С. Стурдзы; кроме того, он был домашним учителем внука Стурдзы.

1474. А. С. Стурдза — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 697. Печатается по первой публикации.

1475. Авр<*нрзб.*> — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с неточностями): *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 698. Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 1 (голубоватая почтовая бумага без водяных знаков).

1476. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 47–48. Печатается по первой публикации.

к стр. 72 *...на милое ваше письмо...* — Письмо от 14/26 апреля 1848 г. из Константинополя (№ 1460).

к стр. 73 *Que Dieu Notre pére et le Segner Jesus-Criste vous donnent la grace et la paix.* — Да Бог Отец наш и Господь Иисус Христос дарует вам милость и мир (*фр.*).

1477. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 205–207. Печатается по первой публикации.

к стр. 75 *...не сказали, откуда и от которого числа...* — Письмо Гоголя к Аксаковым до нас не дошло.

1478. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 595–596. Печатается по первой публикации.

к стр. 75 *...письмо твое из Одессы.* — Письмо не сохранилось.

1479. М. П. Погодину

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

...мой возврат на Родину. — Гоголь после почти шестилетнего пребывания за границей возвратился в Россию в апреле 1848 г. к стр. 76

...отрывках из нового труда твоего: Русской истории... — В журнале «Москвитянин» (1848. № 2) был напечатан отрывок из Древней истории М. П. Погодина: «Ярополк, Владимир».

Малюток всех обними, а матушке поклон. — Подразумеваются четверо детей М. П. Погодина и его мать Аграфена Михайловна. к стр. 77

1480. А. С. Данилевскому

Яворивщина — яворовый лес, принадлежавший М. И. Гоголь. к стр. 77

Толстое — имение отчима А. С. Данилевского, в шести верстах от Васильевки.

Nec plus ultra — до крайности (*лат.*).

Василий Иванович — Черныш, отчим А. С. Данилевского.

Ремонтер — занимающийся ремонтом, закупкой лошадей.

Николай Васильевич и *Василий Васильевич* — сыновья В. И. Черныша, единоутробные братья А. С. Данилевского.

1481. Н. Н. Шереметевой

Ваше письмо получил... — Письмо Н. Н. Шереметевой от 5–9 мая 1848 г. (№ 1477). к стр. 77

...о сочинении моем... — Подразумевается второй том «Мертвых душ». к стр. 78

От Жуковского имею известия... — Письмо Жуковского к Гоголю, от 7/19 апреля, — № 1471.

Елагина — Авдотья Петровна.

1482. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 56–57. Печатается по первой публикации.

Балабины и Вагнеровы — «Мария Петровна Балабина вышла замуж за доктора медицины Александра Львовича Вагнера» (примечание Я. К. Грота). к стр. 79

1483. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 354–355. Печатается по первой публикации.

Ответ Гоголя — письмо от 8 июня 1848 г. (№ 1490).

Тоска и страхи одолевают. — «После рождения сестры (Н<адежды> Н<иколаевны>) моей <в 1840 г.>, у матери моей была fievre к стр. 79

de lait <молочная лихорадка; *фр.*> и она все боялась помешательства, т. е. белой горячки, — все это от расстройства нервов. Хотя она и жалуется, что не может читать и писать, а у меня несколько томов переписано ее писем к отцу моему, того времени, — настоящие мемуары, не хуже Sevigne и St. Simon, о всем, что происходило и о чем читала. Печатать их нельзя, там слишком много о высшем обществе и проч. интимные вещи» (примечание О. Н. Смирновой).

1484. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 58–59. Печатается по первой публикации.

1485. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 1. С. 152–156. Печатается по первой публикации.

к стр. 80 *Наконец вы в русской земле...* — В апреле 1848 г. Гоголь вернулся на родину, 9 мая приехал в Васильевку.

к стр. 81 *...ваша простая записочка...* — Письмо не сохранилось.

к стр. 82 *...письмо о семи кучках...* — Имеется в виду статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Таково письмо ваше к Жуковскому... — Статья *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

к стр. 83 *...в наставлении помещику...* — Статья *XXII. Русской помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...поклонение перед публикою и презрение к народу. — К. С. Аксаков, вероятно, напоминает Гоголю анекдот, происхождение которого связывают с его именем. Н. П. Лыжин рассказывал: «Когда (за границей, гостя у Жуковского) Гоголь вышел в сад, Жуковский заметил, что за чудак стал этот Гоголь, все молчит; прежде бывало рассказам его конца нет. Вот вам для образчика анекдот, слышанный мною от него. Во время какого-то праздника в кремлевских воротах столпился народ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричал: “публика, проходи, проходи, а народ пошел назад!” “Позвольте вас спросить, — заметил Гоголь, — какая же разница между народом и публикою?” — “А вот какая, — отвечал надзиратель, схватив за бороду одного из мужиков, тыкая его довольво нецеремонно в зубы, — это вот народ; куда лезешь, пошел назад! а вы-с, публика, пожалуйте-с”. Надо было послушать, как рассказывал Гоголь этот простой случай, заметил Жуковский» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 511). Позднее К. С. Аксаковым была написана статья «Опыт синонимов. Публика — народ», вызвавшая запрещение газеты «Молва», где она была напечатана (Молва.

1857. № 36). Аксаков писал: «Публика является над народом, как будто его привилегированное выражение; в самом деле публика есть искажение идеи народа... Публике всего полтораста лет, а народу годов не сочтешь».

Последние события в Западной Европе... — Имеются в виду революционные события 1848 г. к стр. 84

...статью Хомякова в «Московском сборнике»? — «О возможности русской художественной школы» (Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847). к стр. 85

...из слов ваших, довольно легкомысленно сказанных... — Вероятно, подразумевается статья *XI. Споры* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1486. К. С. Аксакову

Ответ на письмо № 1485.

...о книге моей... — Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями». к стр. 85

...жажду прочесть вашу драму... — Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

1487. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 8. С. 178–179. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 191–192.

Любенька — Л. С. Аксакова. к стр. 87

...ваше милое письмецо... — Письмо не сохранилось.

Именинник мой... — 21 мая — память св. равноап. царя Константина, день именин К. С. Аксакова.

...драму Константина. — См. коммент. к письму № 1486. к стр. 88

Погодин облаял ее, как взбесившаяся собака. — Речь идет о рецензии М. П. Погодина, напечатанной в № 5 «Москвитянина» за 1848 г.

1488. С. Т. Аксакову

Как вы меня обрадовали вашими строчками... — Имеется в виду письмо С. Т. Аксакова от 21 мая 1848 г. (№ 1487). к стр. 88

Драмы Константина Сергеевича... не имею... — См. коммент. к письму № 1486.

1489. П. А. Плетневу

В подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 19 июня 1848».

к стр. 89 *Жаль векселя…* — К этим словам П. А. Плетнев сделал помету: «(3150 фран<ков> 10 янв<аря> 1847)».

Передай ей это маленькое письмецо. — Письмо № 1490.

1490. А. О. Смирновой

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 8 июня 1848 г. (№ 1489).

Ответ на письмо А. О. Смирновой от 17 мая 1848 г. (№ 1483).

1491. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 209–211. Печатается по первой публикации.

к стр. 91 *…смерть Катерины Федоровны Муравьевой.* — Муравьева Екатерина Федоровна (рожд. баронесса Колокольцева; 1771–1848), мать декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых. Некролог был напечатан 24 апреля 1848 г.: *Погодин <М. П.>*. Некролог // Московские Ведомости. 1848. 24 апреля. № 51. С. 413. В 1807 г. Е. Ф. Муравьева тридцати шести лет осталась вдовой; в 1826 г. ее сыновья Никита и Александр Муравьевы были осуждены на длительные сроки в каторжную работу (на 15 и 8 лет). После смерти в 1843 г. одного из сыновей-декабристов, Н. М. Муравьева, воспитывала его дочь — свою внучку Е. Н. Муравьеву, страдавшую «ослаблением умственных сил» (Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 358).

1492. Графине А. М. Виельгорской

Подлинник представляет собой черновой, незаконченный набросок письма, занимающий 1-ю страницу рукописи, на 2–4-й страницах которой находится расписание работ (тоже рукой Гоголя) по лесопосадкам на осень 1849 г. Однако письмо относится к лету 1848 г., о чем говорит его содержание (написано в Васильевке во время холерной эпидемии 1848 г.). Возможно, что это письмо так и осталось в черновом виде, А. М. Виельгорской же было отправлено письмо от 15 июня 1848 г. (№ 1493).

1493. Графине А. М. Виельгорской

Ответ графини А. М. Виельгорской — письмо от 8 июля 1848 г. (№ 1509).

к стр. 93 *…из маленького письма ее…* — Подразумевается письмо А. О. Смирновой от 17 мая 1848 г. (№ 1483).

Мих<аил> и Матвей Юрьевич — графы Виельгорские.

1494. В. А. Жуковскому

Ответ на письмо В. А. Жуковского от 19 апреля (н. ст.) 1848 г. (№ 1471).

Большое... напечатанное в «Москвитянине»... — «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» В. А. Жуковского (№ 1471) было напечатано в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. Представляет собой ответ В. А. Жуковского на статьи Гоголя «О том, что такое слово» (в «Избранных местах из переписки с друзьями») и «Искусство есть примирение с жизнью» (письмо В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. — № 1432). к стр. 93

1495. С. П. Шевыреву

...за милое письмецо (от 17 мая). — Письмо С. П. Шевырева от 17 мая 1848 г. (№ 1484). к стр. 94

От Сергея Тим<офеевича> я получил письмо... — Письмо от 21 мая 1848 г. (№ 1487). к стр. 95

...я ему отвечал... — Письмо к С. Т. Аксакову от 8 июня 1848 г. (№ 1488).

Я получил письмо и от Конст<антина> Серг<еевича>... — Письмо № 1485.

Драму его я пробежал... — См. коммент. к письму № 1486.

Черткова — Елизавета Григорьевна.

1496. С. П. Шевыреву

В письме моем к тебе, отправленном назад тому три дни... — Письмо к С. П. Шевыреву от 15 июня 1848 г. (№ 1495). к стр. 95

...при сем приложенное письмецо — Письмо к М. А. Базили от 20 июня 1848 г. (№ 1497).

Князья Ипсиланти... — Представители рода молдавских и валахских господарей.

...у Строгановых (граф<а> Серге<я>)... — У графа Сергея Григорьевича Строганова.

Чертковы — Александр Дмитриевич и Елизавета Григорьевна.

1497. М. А. Базили

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 18–20 июня 1848 г. (№ 1496).

...никаких известий ни о вас, ни о... вашем супруге. — Письмо М. А. Базили от 14 июня 1848 г. из Москвы (№ 1499) еще не было получено Гоголем. к стр. 96

1498. Н. Я. Прокоповичу

Ответ Н. Я. Прокоповича — письмо от 16 июля 1848 г. (№ 1511).

к стр. 96 *...журнал Башуцкого «Иллюстрация»...* — Еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге в 1845–1849 гг. сначала Н. В. Кукольником, затем А. П. Башуцким. См. также коммент. к письму № 1235 в т. 14 наст. изд.

1499. М. А. Базили — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 770. Печатается по первой публикации.

1500. У. Г. Данилевская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 598–599. Печатается по первой публикации.

к стр. 97 *...листок из письма моего дяди...* — «Дядя, упоминаемый в этом письме, несомненно, Александр Михайлович Маркович, воспитавший своих сирот-племянниц (Ульяну Григорьевну, Марию Григорьевну и Варвару Григорьевну). Гоголь с ним познакомился и сошелся еще в это свидание в Киеве летом 1848 года; позднее он вступил с ним в переписку и очень любил и ценил его дружбу. А. М. Маркович сам принимал участие в литературе и был во многих отношениях личностью замечательною и отличался высокою нравственностью. В семействе Данилевских сохранилась благоговейная память о нем, и большой старинный портрет его сберегается как одно из драгоценных воспоминаний о покойном» (примечание В. И. Шенрока).

Александр — А. С. Данилевский.

к стр. 98 *Ольга* — Ольга Александровна Баних (рожд. Данилевская), позднее жила в Варшаве, где муж ее, Ф. К. Баних, служил товарищем председателя судебной палаты.

1501. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 193–194.

к стр. 98 *...письмо ваше... от 8 июня...* — Письмо № 1488.

к стр. 99 *«Записки об уженье»* — 11 сентября 1848 г. В. С. Аксакова сообщала отцу о впечатлениях Гоголя от этой книги: «Об Вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 706). См. также преамбулу коммент. к письму № 1390 в т. 14 наст. изд.

...другую книжку «об охоте с ружьем»... — Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова, вышедшие в 1852 г. в Москве.

«Семейная хроника» пишется как-то вяло. — Первый отрывок «Семейной хроники» был напечатан в «Московском Литературном и Ученом Сборнике» 1846 г. К работе над этой книгой С. Т. Аксаков вернулся в 1852 г., после окончания «Записок ружейного охотника».

Костя вам кое-что посылает. — Возможно, имеется в виду статья К. С. Аксакова «О современном литературном споре», запрещенная цензурой в 1848 г. и впервые напечатанная в 1883 г. в № 7 газеты «Русь». В. Г. Белинский 22 апреля 1847 г. писал В. П. Боткину: «...Аксаков и Николай Александрович <Мельгунов> затевают диспут о Москве и Петербурге и удостоивают “Современник” быть ареною их спора. Избави Бог... Аксаков будет петь гимны не той Москве, которая существует действительно, а той, которую он создал себе в своей фантазии, и будет возвышать ее насчет Петербурга... Аксаков хочет поместить статью у нас; в этом видно с его стороны уважение к нашему журналу и доверенность к нам... Скажи ему, что всякую другую статью его готовы поместить; но спора этого по особым причинам допустить в “Современник” не можем» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 637–638). См. также письмо № 1508.

1502. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма К. С. Аксакова к Гоголю // Русский Архив. 1890. № 1. С. 157–158. Печатается по первой публикации.

...ваш ответ... — Письмо Гоголя от 3 июня 1848 г. (№ 1486). к стр. 99

...небольшую статью... — Возможно, речь идет о статье к стр. 100
К. С. Аксакова «О современном литературном споре» (см. коммент. к письму № 1501).

1503. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 58–59. Печатается по первой публикации.

1504. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 168–169. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 481–482.

1505. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 600. Печатается по первой публикации.

к стр. 103 *Намерение наше ехать теперь в Одессу не состоялось.* — «По совету Гоголя, Данилевский собирался съездить в Одессу, чтобы самому похлопотать о месте» (примечание В. И. Шенрока).

1506. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 18 июля 1848».

Ответ П. А. Плетнева — письмо от 19 июля 1848 г. (№ 1514).

1507. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 59–60. Печатается по первой публикации.

1508. С. Т. Аксакову

к стр. 104 *И за письмо, и за книги благодарю вас...* — Подразумевается письмо С. Т. Аксакова от 21 июня 1848 г. (№ 1501), а также книги: «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова (М., 1847) и драма в 5-ти действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

к стр. 106 *Миха<и>л Семенович* — Щепкин.

1509. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 132–133. Печатается по первой публикации.

1510. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 599–600. Печатается по первой публикации.

к стр. 108 *Князь Репнин* — князь Николай Васильевич Репнин-Волконский.

1511. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Известия Историко-филологического Ин-та кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895. Т. 15. С. 55. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 129–130.

1512. С. П. Шевыреву

Ответ на письмо С. П. Шевырева от 3 июля 1848 г. (№ 1507).

к стр. 110 *...письмо Базили.* — Письмо № 1513.

1513. К. М. Базили

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 26 июля 1848 г. (№ 1512).

...я получил от нее... письмецо... — Письмо М. А. Базили от 14 июня 1848 г. из Москвы (№ 1499). к стр. 110

1514. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 59. Печатается по первой публикации.

...до прекращения болезни в городе. — 12 июля 1848 г. свт. Игнатий (Брянчанинов), в ту пору архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, писал из столицы: «Здесь, по милости Божией, все благополучно: посетившая и каравшая северную столицу холера значительно уменьшилась» (*Игнатий* (*Брянчанинов*), *свт.* Письма. М., 1993. Т. 7. С. 200). к стр. 111

1515. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 601. Печатается по первой публикации.

Дубровно — одно из поместий Данилевского. к стр. 111

1516. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 48–49. Печатается по первой публикации.

Genesse (La Genèse) — Книга Бытия (*фр.*). к стр. 113

1517. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Хранится в гоголевском фонде *РГБ*: Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 38. Л. 1–2 (формат бумаги отличный от формата письма № 1467). Публикуется впервые.

Степан Петрович — Шевырев. к стр. 117

1518. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 834. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст.

А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 442.

к стр. 117 *А в Европе-то что делается!* — Имеются в виду революционные события 1848 г.

У меня было одно убежище и утешение — «История»! Работаю пристально и надеюсь скоро кончить приготовление к печати томов 4, 5 и 6 исследования — до татар. — Имеются в виду «Исследования, замечания и лекции о русской истории». Первые три тома (из семи) этого труда М. П. Погодин издал в 1846 г. Четвертый том вышел в 1850 г.

Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в «Ревизоре» и «Мертвых душах» об объективности действующих лиц, обязана моя «История» много. — В 1847 г. М. П. Погодин писал профессору И. И. Давыдову: «О тоне Истории своей, о тоне Истории вообще для нашего времени я думал ни много, ни мало десять лет; принимался писать в продолжение этого времени несколько раз, и недовольный оставлял; смотря и слушая Гоголя, записал на своей тетради, 1840 года, января 5: вот каких *живых* людей надо в историю...» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. С. 89).

1519. Н. Ф. Павлову

Датируется 1848 г., так как написано по возвращении Гоголя в Россию, и летними месяцами, так как в сентябре Гоголь был уже в Москве, где жил Н. Ф. Павлов, и надобность в письменных объяснениях отпадала. Аргументы для отнесения письма к более позднему времени (см.: *Вильчинский В. <П.>* О письмах Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю. (К оценке современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями») // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 22. Вып. 5. М., 1963. С. 431) представляются менее убедительными.

1520. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 11 сент<ября> 1848».

Ответ на письмо П. А. Плетнева от 19 июля 1848 г. (№ 1514).

к стр. 119 *Черниговск<ая> губер<ния>, с. Сварк<ово>.* — Гоголь останавливался здесь на несколько дней (по дороге в Москву) у дяди жены А. С. Данилевского, А. М. Марковича.

1521. А. В. Гоголь

к стр. 119 *Кочубей* — князь Василий Викторович (1812–1850), имение которого, Диканька, граничило с Яворивщиной, принадлежавшей Гоголям.

1522. А. С. Данилевскому

Датируется 5 сентября 1848 г., на том основании, что 1 сентября Гоголь был еще в Сваркове, а в воскресенье 12 сентября — уже в Москве. Воскресенье между 1 и 12 сентября приходилось в 1848 г. на 5 сентября.

Прокофий — повар А. С. Данилевского. к стр. 119

...ее милым сестрицам. — Марии Григорьевне и Варваре Григорьевне Похвисневым, племянницам и воспитанницам А. М. Марковича.

1523. А. С. Данилевскому

Россет — Клементий Осипович, один из братьев А. О. Смир- к стр. 120 новой. Гоголь надеялся, что Россет поможет А. С. Данилевскому получить службу в Москве.

1525. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 213–214. Печатается по первой публикации.

9 августа к вам в Полтаву писала. — Письмо до нас не дошло. к стр. 121

Внук — Е. И. Якушкин.

1526. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 16 сент<ября> 1848».

На дачу не мог попасть... — П. А. Плетнев, по обыкновению, к стр. 122 проводил лето на даче Спасская мыза, близ Лесного института.

Павлино — дача Виельгорских.

По случаю торжественного фамильного их дня... — 17 сентября — память свв. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, день именин графини Софьи Михайловны Соллогуб.

1528. А. С. Данилевскому

Все, что рассказывает он как очевидец о парижских происшестви- к стр. 123 *ях, — просто страх: совершенное разложенье общества.* — Речь идет об июньском восстании 1848 г. Об этом восстании П. В. Анненков в 1848 г. писал брату Ивану из Парижа: «Здесь четыре дня кряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было... Кровь лилась рекою...

Уже считают более 10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископ Парижский, приходивший увещевать бунтовщиков и ими расстрелянный... Все это страшно гадко, страшно отвратительно» (*Морозов И. Л.* «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П. В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. М.; Л., 1935. № 4. С. 255–256). Позднее, в статье «События марта 1848 года в Париже» Анненков добавлял: «Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько таилось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держала дотоле полиция...» (*Анненков П. В.* События марта 1848 года в Париже. Из записок // Русский Вестник. 1862. Март. С. 275).

...никто не видит никакого исхода и выхода и отчаянно рвется в драку, затем, чтобы быть только убиту. — 15 мая (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов сообщал Гоголю о революции в Италии: «Люди, теперь здесь во главе стоящие, грозятся все зажечь и погребсти себя под пеплом» (письмо № 1591). Ср. в заметке Гоголя, относящейся к маю 1848 г., из записной книжки 1846–1850 гг.: «Что спьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть?» (Заметка представляет собой отрывок диалога — своеобразной полемики с последователями В. Г. Белинского, — который Гоголь намеревался включить в свою поэму.)

А между тем слово м о л и т в а до сих пор еще не раздалось ни на чьих устах. — См. коммент. к составленной Гоголем в те годы молитве «Господи! спаси и помилуй бедных людей...» в т. 6 наст. изд.

Ульяна Григорьевна — жена А. С. Данилевского.

Олинька — дочь А. С. Данилевского.

1529. Н. Н. Шереметевой

к стр. 124 *...Шевырев посылал вам дать знать о моем приезде.* — 1 октября 1848 г. С. П. Шевырев, посылая Шереметевой настоящее письмо Гоголя, писал: «Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Вот письмо от Н. В. Гоголя, писанное в ответ на Ваше, которое его не застало здесь и которое я к нему переслал. Он пробыл здесь весьма короткое время, так что я не успел бы дать Вам знать. К тому же случились у меня недосуги по причине начала курсов в Университете и приезда Министра в Москву. Через три или четыре недели Н<иколай> В<асильевич> хотел возвратиться к нам. Не знаю, сдержит ли слово. Будучи уверен, что семейные радости мои не чужды Вашему Христианскому сердцу, скажу Вам свою радость. Бог дал мне сына Дмитрия, 22-го сентября. Он назван в память покойного Князя Дмитрия Владимировича Голицына, благодетеля жены моей, которого я всегда любил и уважал душевно. Жена и младенец — уже Христианин — слава Богу, здоровы. Пожелав Вам доброго здоровья

и спокойствия душевного, с чувством искреннего почтения и неизменной преданности всегда имею честь быть Вашим, Милостивая Государыня, покорнейшим слугою, С. Шевырев. Октября 1. 1848. Москва. Н<иколай> В<асильевич> наружностью не переменился нисколько. Здоровье его хорошо. Боится зимнего холода. Слово его такое же, как было прежде. Собирается здесь работать» (*РГБ*. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 3. Л. 9–10).

...не предпринимал поездки в Рузу... — Шереметева большую часть года жила в с. Покровском Рузского уезда Московской губ.

1530. Ф. Л. Халчинскому

Иван Дмитр<иевич> — Халчинский, родственник Ф. Л. Халчинского. к стр. 124

1531. М. П. Погодину

Через неделю, если Бог даст, увидимся лично... — Гоголь вернулся в Москву 14 октября 1848 г. к стр. 125

1532. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: <*Погодин М. П.*> Два письма Н. В. Гоголя // Русский Архив. 1865. № 9. Стб. 1127–1128. См. также: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества истории, философии и права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 78. Печатается по первой публикации.

Гоголь приехал в Москву 7 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13 сентября утром. В Москву вернулся через месяц, 13 октября 1848 г. Об истории записки Д. К. Малиновский сообщал: «По получении второго письма Гоголя <№ 1365 от июля 1847 г. в т. 14 наст. изд.> однажды мне говорят, что у меня был невысокий господин в белой пуховой шляпе и велел мне сказать: был у меня тот, кого я так желал видеть; велено также было мне передать, что он едет теперь в Петербург, но скоро возвратится и остановится у Погодина. Я догадался, что это был Гоголь. Ко времени возвращения Гоголя в Москву я написал ему записку. “М<илостивый> Г<осударь> Н<иколай> В<асильевич>. Вы поставили меня в совершенно неловкое и затруднительное положение. После вашего визита ко мне, каким вниманием могу отвечать вам я? Зачем вы лишили меня таким образом свободного к вам обращения!.. Извините за смелую откровенность, но думаю, что, по отношению между нами, правильнее было бы, если б вы с своей стороны уведомили меня запискою о вашем желании видеть меня...” С чувством тревоги ехал я потом на Девичье Поле... Не знаю, как достало у меня смелости позвонить в колокольчик у двери М. П. Погодина. Но будучи введен наверх, будучи прежде всего искренно спрошен о своем здоровье, будучи вдруг поставлен духовно возвышенным человеком в сродную мне простодушную сферу отношений человека

к человеку, я почувствовал себя вполне своим с первого слова...» (<*Погодин М. П.*> Два письма Н. В. Гоголя // Русский Архив. 1865. № 9. Стб. 1278).

1533. А. О. Смирновой

Ответ А. О. Смирновой — письмо от 20 октября 1848 г. (№ 1535).

к стр. 125 *Веневитиновы* — Алексей Владимирович (1806–1872), брат поэта, товарищ министра уделов, и его жена Аполлинария Михайловна (рожд. графиня Виельгорская, 1818–1884).

1534. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Письма к Н. В. Гоголю. По поводу его «Переписки с друзьями» // Русский Архив. 1907. № 10. С. 281–283. Печатается по изд.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под. ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 110–113.

к стр. 127 *«Ея же мир не может прияти».* — См. Ин. 14, 17.

«Иудеом соблазн, Эллином безумие». — См. 1 Кор. 1, 23.

1535. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 355–357. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо от 14 октября 1848 г. (№ 1533).

Ответ Гоголя — письмо от 18 ноября 1848 г. (№ 1543).

к стр. 130 *Н<иколай> М<ихайлович>* — Смирнов.

Нози — графиня А. М. Виельгорская.

Александр Петрович — граф Толстой.

к стр. 131 *...один греческий язык спасает...* — А. О. Смирнова училась греческому языку с целью изучить восточное богослужение и творения Святых Отцов (см. об этом в сопроводит. статье к т. 9 наст. изд.).

1536. Н. Н. Шереметевой

к стр. 131 *...письмо ваше...* — Письмо до нас не дошло.

...вашему достойному сыну... — Имеется в виду А. В. Шереметев.

1537. Графине А. М. Виельгорской

к стр. 132 *...как начались у вас русские лекции.* — В 1848 г. граф В. А. Соллогуб некоторое время читал своей жене и свояченице лекции по русской истории и русской литературе.

...мой адъюнкт-профессор... — Здесь: заместитель профессора, помощник. Так в шутку Гоголь называет В. А. Соллогуба.

Сочинение Филарета Рижского... — «История Русской Церкви» в 5-ти частях (М.; Рига, 1847–1848) епископа Рижского, впоследствии архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского). к стр. 133

Матвей Юрьевич — граф Виельгорский.

...о ...русских литераторах... Эти люди были более русские, нежели люди других сословий... — См. сопроводит. статью к т. 5 наст. изд. к стр. 134

Александра Осиповна — Смирнова.

1538. А. С. Данилевскому

«Иго <бо> Мое благо, и бремя Мое легко есть». — Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 30. к стр. 135

Иван Васильевич — Капнист, был в то время московским губернатором.

Ульяна Григорьевна — жена А. С. Данилевского.

1539. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 27.

...ваши письма. — Письма до нас не дошли. к стр. 136

...Андрею Андреевичу это письмецо. — Письмо не сохранилось.

1540. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 216. Печатается по первой публикации.

Внук — Е. И. Якушкин. к стр. 136

1541. Протоиерею Матфею Константиновскому

Далее мои мысли расхищаются... — См. коммент. к строкам «Размышлений о Божественной Литургии» — *...бывают расхищены птицами — налетающими злыми помышлениями...* — в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 535. к стр. 137

1542. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 135–136. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 244.

...«Pas de nouvelles, bonnes nouvelles»... — Отсутствие новостей — хорошие новости (*фр.*). к стр. 137

1543. А. О. Смирновой

Ответ на письмо А. О. Смирновой от 20 октября. 1848 г. (№ 1535).

к стр. 139 *...я знал имена только двух старших дочерей...* — Веры Сергеевны (1819–1864) и Надежды Сергеевны (1829–1869).

1544. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Письма к Н. В. Гоголю. По поводу его «Переписки с друзьями» // Русский Архив. 1907. № 10. С. 283–285. Печатается по изд.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под. ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 113–116.

к стр. 139 *Profession de foi* — *букв.* «исповедание веры»; изложение своих взглядов (*фр.*).

к стр. 141 *Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen...* — Мир любит чернить сияющее и совлекать в прах возвышенное (*нем.*).

Une foi mort, on est bien mort... — Раз умер, так и все кончено (*фр.*).

1545. П. А. Плетневу

...я получил экземпляр «Одиссеи». — Первый том «Одиссеи» Гомера в переводе В. А. Жуковского вышел осенью 1848 г. (на титуле — 1849). В ноябре 1848 г. (до 18-го числа) М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Сию минуту только чудак Гоголь сказал мне, что получена *Одиссея.* Так хочется почитать что-нибудь успокоительное — изящное»; а под 18-м ноября 1848 г. Погодин записал в своем дневнике: «Получил *Одиссею* от Жуковского и прочел первую песнь» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 189).

1546. П. В. Нащокину

Датируется временем, когда Гоголь, по возвращении из Петербурга, жил у М. П. Погодина в ожидании приезда в Москву графа А. П. Толстого, к которому переехал в конце декабря 1848 г. Фраза: «Граф будет через месяц» — позволяет ограничить дату ноябрем.

к стр. 142 *На ваше письмецо...* — это письмо до нас не дошло.

Граф — А. П. Толстой.

Графиня — А. Г. Толстая.

...человеком здешнего дома... — т. е. слугой Погодина.

1547. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ.

и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 216–217. Печатается по первой публикации.

Сын — А. В. Шереметев. к стр. 143

1548. А. О. Ишимова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочинений Гоголя // Русская Старина. 1893. № 6. С. 556–559. Печатается по первой публикации.

1549. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Письма к Н. В. Гоголю. По поводу его «Переписки с друзьями» // Русский Архив. 1907. № 10. С. 285–288. Печатается по изд.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под. ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 116–119.

1550. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 26.

...мое письмо, пущенное в прошлом месяце... — Письмо от 1 ноября 1848 г. (№ 1539). к стр. 150

Посылаю сестрам, Анне и Елиз<авете>, шнуровки и по платью... — В декабре 1848 г. Е. В. Гоголь записала в своем дневнике: «Брат нам прислал обещанные корсеты и черные шелковые платья совсем готовые: Аннет и мне» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 705).

...получила ли она письмо. — Письма к М. Н. Синельниковой не сохранились.

1551. А. М. Марковичу

Датируется временем, когда Гоголь, по возвращении из Петербурга, жил у М. П. Погодина в ожидании приезда в Москву графа А. П. Толстого, к которому переехал в конце декабря 1848 г. Из письма А. С. Данилевского к Гоголю от 21 декабря 1848 г. (№ 1555) видно, что как раз в это время в Москве находился А. М. Маркович, которого Гоголь неоднократно посещал.

...редкий музеум русских древностей... — Имеется в виду «Древлехранилище» М. П. Погодина, богатейшее собрание рукописей, памятников русской истории, культуры и литературы. к стр. 151

1552. Графине А. М. Виельгорской

Ответ на письмо графини А. М. Виельгорской от 7 ноября 1848 г. (№ 1542).

Датируется 1848 г., как написанное Гоголем сразу же по переезде к Толстым, адрес которых сообщается в конце письма.

1553. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 151 *Граф Александр Петрович* — Толстой.

1554. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 50. Печатается по первой публикации.

1555. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1890. № 2. С. 604–605. Печатается по первой публикации.

к стр. 152 *Последнее письмо твое...* — Письмо от 29 октября 1848 г. (№ 1538).

к стр. 153 *Александр Михайлович* — Маркович, с которым Гоголь познакомился в конце мая — начале июня 1848 г. через Данилевского (Маркович был дядей и воспитателем жены Данилевского).

1557. Н. Н. Шереметевой

к стр. 153 *Два письма уже я послал вам в Рузу.* — Письма к Н. Н. Шереметевой от 25 сентября и от 26 октября 1848 г. (№ 1529, 1536).

1558. П. А. Плетневу

к стр. 154 *...которую избирает твое сердце в подруги...* — 26 января 1849 г. П. А. Плетнев женился вторично. Избранницей его была княжна А. В. Щетинина (первая жена, С. А. Раевская, умерла в 1839 г.; см. коммент. к письму № 432 в т. 11 наст. изд.).

1559. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 138–139. Печатается по первой публикации.

1560. А. С. Данилевскому

Ответ на письмо А. С. Данилевского от 21 декабря 1848 г. (№ 1555).

Ответ А. С. Данилевского — письмо от 16 февраля 1849 г. (№ 1564).

Россет — Клементий Осипович. к стр. 155
...письма к брату... — И. В. Капнисту. к стр. 156
...единого прекрасного жрецы... — Цитата из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина.

1561. О. В. Гоголь

Датируется 1849 г., так как в этом году был падеж скота в Васильевке, и по связи с письмом Гоголя к О. В. Гоголь от 3 апреля 1849 г. (№ 1577).

Книжки, какой ты <просишь>... — О какой книге идет речь, неизвестно. к стр. 157

1562. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 357–359. Печатается по первой публикации.

О. Н. Смирнова сопроводила настоящее письмо ее матери к Гоголю следующими пояснениями: «Калужский вице-губернатор был г. N. N. <Павел Николаевич Клушин> Он был страшный деспот. Его первая жена оставила ему двух сыновей; он ее просто замучил; она рано умерла. Он был в Калуге уже вдовым и вел очень неладную жизнь. Вторая жена его, кн. Т.......я, развелась с ним; он ее чуть не свел с ума... N*** <Клушин> любил музыку, имел свой оркестр. Один раз его chef d'orchestre (немец) пришел жаловаться к моему отцу: <Клуши>н избил почти до смерти одного мальчика-музыканта, 15-ти лет, — это была первая размолвка моего отца с ним. К<лушин> был до того жесток, что его собственные дворовые люди проучили его до того сильно, что его едва спас камердинер; это было уже после Калуги. Однако же, он получает место; Закревские, особенно графиня, его поддерживали; он умер в 1885 г. N–н <Клушин> был умен. Граф Закревский имел свою клику, — это была своего рода аракчеевщина в Москве; он играл ту же роль, как Аракчеев при Александре Павловиче в 1820-х годах, в мнении публики.

После ссоры с К<лушиным>, который надеялся получить место калужского губернатора через Закревского, на моего отца начали посылать доносы. В Калуге было везде много раскольников, они давали взятки, все богатые купцы были в сектах. Отец беспощадно ловил взяточников. Были даже хлыстовские корабли и скопческие корабли. Закревский получал известный доход и был недоволен, что мой отец по делам комиссии раскола открывал все "корабли" Московской губ<ернии>, которые были в союзе с комиссией, ему этим помешал отец. Жандармский полковник был подкуплен хлыстами, отец прямо пожаловался Бенкендорфу или Дуббельту; его сменили, прислали другого, немца (заметьте, что почти все они были тогда немцы). Прежнему жандарму-полковнику Закревский

покровительствовал. Он не посмел отмстить Дуббельту, а отцу он отплатил всякими гадостями. Государь предложил отцу в 1845 г. быть московским губернатором; он отказался и выбрал Калугу, говоря, что не желает служить с графом Закревским. Последний это узнал и, будучи в хороших отношениях с прежним калужским губернатором, он уже на первых порах возненавидел отца. Мать моя в Москве не была с визитом у гр. Закревского. Дядя моего отца, П. П. Смирнов, жил в Москве и был с Закревским всегда на ножах, не ездил к нему и называл его "Аракчеевский капрал"; все это, мало-помалу, дошло до истории. Узнав о доносах, отец требовал ревизии губернии. Александр Толстой был послан Перовским (мин. внутр. дел) с князем Давыдовым... Жена его была дружна с Закревской. А Государь узнал, что не Корнилов, а Давыдов ревизует, уже к концу дела. После окончания дела ревизии в Калуге 1851 года отец оставил Калугу. В 1852 году ему дал Государь Станиславскую ленту; в 1853 г., меня еще на школьной лавке сделали фрейлиной, а в 1852 г. уже Государь послал отца в Москву для *секретного дела* по раскольн<ическим> делам Рогожского кладбища, а, помимо Закревского, и один Лужин знал о том. Это дело возобновилось в 1853–1854 гг., и до смерти Государя отец мой был в *тайной комиссии по раскольническим делам* в Петербурге и в Москве, а к Пасхе 1855 г. Император Александр Николаевич назначил моего отца губернатором в Петербургскую губернию.

Дело с Е<ршовым>, другом Закревского, только косвенно касалось моего отца. Брат моей матери, Ос<ип> Ос<ипович> Россет, был дружен с орловскими Плещеевыми (из семейства поэта), а дяди их были дружны с Лорерами, у Е<ршова> были два сына; с одним он рассорился, с другим был хорош; первый был игрок. У Е<ршо>ва была побочная дочь, которую он признал и она была узаконена; она была хороша собой. Плещеевы ее видали, она дружна была с дочерью Плещеевых, которые очень желали выдать свою дочь за дядю моего, а он влюбился в Софью Ив. Е<ршову>, а она в него. Е<ршов> очень обрадовался и дал ей имение, возле своего поместья, в 500 душ; молодые поселились в нем. Софии Ивановне было 22 года, а боялась отца, как огня. В один прекрасный день Е<ршо>в избил до смерти одного мужика своей дочери и приехал обедать к ней. Дядя мой, которому дали знать об этом, без лишних разговоров и при Плещеевых, которые тут обедали, объявил Е<ршову>, что он не скрыл от станового правду, и что его жена вольна принимать отца своего, но что Е<ршов> не в праве засекать не только чужих, но и своих мужиков, и что он не намерен обедать с палачом, и уехал к Плещеевым, которые взяли его сторону. Началось следствие; Е<ршов> подкупил станового, доктор донес правду, исправника подкупили, дело дошло до губернатора орловского, друга Ершова, который разными путями и страхом вынудил дочь свою дать ему доверенность на управление имением, а дядя, узнав это, увез ее в Калугу, где поселился у нас же. Она была беременна; они жили в Калуге до нашего отъезда,

а потом в Москве. На моего отца явился тогда глупейший донос, что он будто бы велел обоих Е<ршовых> вывести силой из Калужской губернии и укрывал в своем доме дочь Е<ршова>, не позволяя ей видаться с ее нежным отцом (ум. 1853). Новый жандармский полковник после того устроил так, что у ней не было очной ставки с ее отцом; мысль, что он ее проклянет, пугала ее до истерики; она от робости, а также от некоторой странной привычки к отцу и его деспотизму, никогда не выговаривалась искренно и таила все, что она знала, и что он не в первый раз засекал людей, и что три раза его люди поджигали дом, и даже его раз отравили. Е<ршо>в был настоящий изверг и вел самую безнравственную жизнь. Дядя мой звал его *ce satrape persan* <этот персидский сатрап; *фр.*>. Плещеевых мы знали хорошо и уже впоследствии я слышала про Е<ршовых> отца и сына ужасные истории, а дело это замяли по милости Закревского. В 1853 г. мой дядя умер уже, и отец, чтобы оборонить Софью Ивановну Россет от ее недоброжелателей, испросил для ее детей Высочайшую опеку. Она жила у себя в деревне; вышла замуж за соседа и умерла в родах в 1863 году.

Сенатор Давыдов был как-то в свойстве с женой Е<ршова> сына, и вот почему, по интриге Закревского, не Корнилова, а его, Давыдова, назначили в ревизию.

Алексей Константинович Толстой (поэт и романист) прожил в Калуге все время следствия; он читал моей матери свой роман и стихи, охотился с моим отцом в Бегичеве (наше калужское имение), и Гоголь тут с ним сошелся. Толстой читал Гоголю первые главы "Князя Серебряного", план трилогии, стихи и былины, а Гоголь читал ему "Мертвые Души", 2-й том. Гоголь очень полюбил графа Алексея Толстого. Последний год жизни Гоголя и в 1850 г. мы его видели очень часто и много (более, чем в промежуток с 1845 до 1849 г.), когда он был в Калуге с графом А. Толстым, и в 1849 и 1850 г. также.

Старик Плещеев (неженатый) был дружен с Лорером, декабристом, родным дядей моей матери, и рассказывал нам, что И. С. Тургенев описал некоторые эпизоды из жизни Е<ршо>ва в своих повестях, напр<имер>, ссору с сыном и в "Трех портретах", а также в лицах помещиков-деспотов. По-видимому, Е<ршо>в был очень известен в околодке своими экзекуциями. Я спросила Тургенева, правда ли это? — Он мне ответил: "Я даже не сказал и десятой доли того, что знал про отца Е<ршо>ва и про сына, его любимца, игрока, а также про К<луши>на, который был тем более ужасен, что он был умен; а Е<ршо>в был варвар допотопных времен. *Ольга Смирнова*» (*Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 361–363).

Граф Александр Петрович — Толстой. к стр. 160

Графиня — А. Г. Толстая, жена графа А. П. Толстого.

1563. М. И. Гоголь

Датируется по связи с письмом М. И., А. В. и Е. В. Гоголь от 3 апреля 1849 г., где Гоголь замечает: «Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад, в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии, документов дворянства и проч. и пр.» (письмо № 1576).

к стр. 160 *...дело по этой части было окончено совершенно и окончательно еще при покойном отце.* — Дело о дворянстве Гоголей было окончено не при отце Гоголя Василии Афанасьевиче (см. о нем коммент. к письму № 1 в т. 10 наст. изд.), а при его деде — Афанасии Демьяновиче Гоголе-Яновском (1738 — около 1820, не позднее августа). А. Д. Гоголь-Яновский происходил из духовного звания, учился в Киевской духовной академии, 10 мая 1756 г. вступил в службу, 8 января 1757 г. получил чин полкового канцеляриста в полковой Миргородской канцелярии. С 1758 г. служил в Генеральной войсковой канцелярии, где 1 мая 1760 г. получил чин войскового канцеляриста. В 1768–1769 гг. женился на Т. С. Лизогуб (после 1750 — около 1827), дочери бунчукового товарища С. С. Лизогуба, в доме которого был домашним учителем (о Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб) коммент. к письму № 2 в т. 10 наст. изд.). В 1769–1773 гг. участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. (в частности, в Крымском походе 1771 г.). 7 августа 1781 г. награжден чином бунчукового товарища. 7 июня 1782 г. назначен графом П. А. Румянцевым полковым писарем, позднее получил чин секунд-майора и пребывал в этом чине до конца жизни. Владел пятью языками (русским, латинским, польским, немецким и греческим). Имел старшего брата Кирилла Яновского — священника Успенской церкви с. Кононовки Лубенского уезда, дети которого — Меркурий и Савва Яновские — также были священниками: в Кононовке и Олиферовке (Миргородского уезда). Первого, о. Меркурия, Гоголь в письме к двоюродному дяде Петру П. Косяровскому от 8 сентября 1828 г. называл «алчным» (за якобы имевшиеся у того претензии на имение Гоголей Васильевку); со вторым переписывался: доставленные о. Саввой в июле 1829 г. сведения (описание одежды дьячка) внес в «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (см. коммент. в т. 9 наст. изд., а также. письмо № 95 и коммент. к нему в т. 10 наст. изд.).

Следующим в родословии Гоголя является его прадед — отец Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского и Кирилла Демьяновича Яновского — Демьян Иоаннович Яновский (фамилия происходит от имени его отца Ивана, по-польски — Яна). Прадед Гоголя был священником той же Успенской церкви с. Кононовки Лубенского уезда (с 1731 г.), где служил позднее его сын Кирилл.

Прапрадед Гоголя — отец Демьяна Яновского — Иоанн Яковлевич Яновский, выходец из Польши, который в 1695 г. (по другим сведениям — в 1697) был назначен к Троицкой (православной) церкви

г. Лубен «викарным» священником; «вскоре» (по другим, более достоверным сведениям, в 1723) был переведен «во вновь устроенную Успенскую церковь с. Кононовки. В "Ставленой Грамоте" фамилия Ивана Яковлевича не обозначена, а только прописано, что "Божиею милостию... посвящен во иерея Иван Яковлевич, муж благоговейный, всяким первее опасным истязаниям прилежно испытанный..."» (*Петровский Ал., свящ.* К вопросу о предках Н. В. Гоголя. Письма с Гоголевщины // Полтавские Губернские Ведомости. 1902. 13 февраля, № 36. С. 2; см. также: *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 10–11). Поскольку Троицкая церковь в Лубнах была всегда православной (у католиков здесь были костел Св. Михаила и монастырь бернардинцев), то возникает вопрос, почему иерей Иван Яковлевич в документе 1695 г. называется «викарным» священником: слово «викарный» употребляется в Православной Церкви лишь применительно к епископам, а в отношении к священникам принято в обиходе католиков.

Объяснение этому находится в документе, опубликованном в 1902 г. В. А. Гиляровским. В этом документе, полученном Гиляровским в Лубнах от «студента» Я. И. Игнатовского, говорится: «В церковном архиве с. Кононовки имеется книга для вписания в оную имущества церковного и утвари Лубенского уезда по кононовской Успенской церкви. Выпись такова: "В сем селении были священники, как из отысканных грамот значится, 1-й — Иоанн Яковлев Яновский, рукоположенный в 1679 <ошибка; следует: в 1697> году к Троицкой, города Лубен, церкви на викарство преосвященным Варлаамом Ясинским, архиепископом Киевским, как из грамот его значилось, до коей и село Кононовка приходом принадлежала, а по выстройке в селе Кононовка первой деревянной церкви он, Яновский, в 1723 году переведен приходским священником. Священствовал в селе Кононовке через девять лет, а где и чем пользовался — никому неизвестно, после коего, за жизнь ли его или после смерти — никому тоже неизвестно, поступил на место сын его... Дамиан Иванович Яновский, рукоположенный в священники в 1731 году июня 21 дня..."» (*Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Гиляровский В. А.* На родине Гоголя. (Из поездки по Украйне). М., 1902 (цензурное разрешение — 20 февраля). С. 57).

Очевидно, что появление в документе слова «викарство» связано с обстоятельствами того времени и, в частности, с личностью тогдашнего Киевского митрополита Варлаама Ясинского. Будучи воспитанником Киевской духовной академии, Варлаам Ясинский учился впоследствии в Краковской католической академии; позднее являлся решительным противником подчинения западнорусской иерархии Московскому Патриархату. Этой позиции преосвященный Варлаам придерживался вплоть до утверждения в 1687 г. Константинопольским Патриархом зависимости Киевской митрополии от Московского Патриарха, а в 1690 г. он был посвящен Московским Патриархом Адрианом в митрополита Киева. По-видимому,

расположенный сначала более к Польше, *православный* архиепископ Варлаам Ясинский и в позднейшей его деятельности заимствовал некоторые элементы из обихода католиков, и, в частности, практику «викарства» духовных лиц — причем не только епископов, но и священников. (Известно, что именно Варлааму Ясинскому Петр I в 1698 г. разрешил «для слабости его здоровья» избрать себе епископа-помощника — так называемого «коадъютора». Именно с петровской эпохи и появляется в Русской Православной Церкви звание епископов-викариев. Позднее практика назначения викарных епископов стала обиходной, звание же викарного священника не привилось.) Очевидно, что рукоположенный в те же годы «на викарство» прапрадед Гоголя о. Иоанн Яновский был обязан таким назначением тогдашней практике правящего архиерея. (Сначала, впрочем, Иван Яковлевич, как и полагается, был рукоположен в диакона; см.: *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя. С. 51.) Таким образом, согласно документам, в качестве «викария» прапрадед Гоголя был принят в Троицкую Лубенскую церковь как бы «сверх штата» — вследствие многолюдности прихода этого храма, поскольку жители Кононовки, отстоявшей от Лубен в четырех верстах, также являлись прихожанами Троицкой церкви. И это продолжалось до тех пор, пока не был построен первый (православный) храм в самой Кононовке и о. Иоанн не был переведен туда уже в качестве настоятеля — к, очевидно, уже знакомой ему пастве. Только совокупив все эти обстоятельства, можно правильно объяснить появление слова «викарный» в «Ставленой грамоте» иерея Иоанна Яновского. В противном случае недостаточное знание истории и биографических источников — при предвзятом стремлении непременно сделать одного из предков Гоголя католиком — может привести к ошибочному утверждению, будто о. Иоанн Яковлевич Яновский принадлежал к католической конфессии. К сожалению, в литературе имеется пример подобного рода некомпетентного истолкования, предложенного в 1994 г. Ю. В. Манном (см.: «Определение "викарный" свидетельствует о том, что он принадлежал к католическому вероисповеданию. Спустя четверть века, в 1723 году... возможно... он уже перешел в православие»; *Манн Ю. В.* «Сквозь видный миру смех...». Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994. С. 13; *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 10).

Продолжение родословия Гоголей не вполне ясно. В 1780-х гг. дед Гоголя, А. Д. Гоголь-Яновский, в доказательство своих прав на дворянство представил в Киевское (в 1784 и 1788 гг.) и в Полтавское (в 1788 г.) дворянские собрания документы, согласно которым его прадедом, то есть отцом священника Ивана *Яковлевича*, является *Прокофий* Балачко Гоголь (Prokop Balacko Hohol) (прозвище Балачко от *укр.* слова «балачка» — разговор, болтовня), сын могилевского полковника Андрея Гоголя (при этом Афанасий Демьянович не упомянул о том, что его дед Иван (Ян) был священником, и назвал его

«польским шляхтичем»: «Предки мои, фамилиею Гоголи́, польской нации; прапрадед Андрей Гоголь был полковником могилевским, прадед Прокоп и дед Ян Гоголи были — польские шляхтичи...»; *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. 1875. № 3. С. 452). («До Хмельницкого существовала наряду с шляхтою польскою и шляхта русская, т. е. русские люди православной веры, получившие шляхетство (нобилитацию) от польских королей... Поэтому малорусская козацкая старшина, присваивая себе "польское" шляхетство, разумеется, не отождествляла последнего с католичеством»; *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя. С. 5–6.) В. П. Горленко на основании тех же документов делал даже вывод, что сын Ивана Яковлевича Демьян не унаследовал духовное звание от отца, а «был священником в то время, когда в Малороссии духовенство было выборным и не составляло особой касты» (*<Горленко В. П.> В. Г.* Дворянское дело Гоголя // Новое Время. (СПб.), 1901. 7 сентября. № 9163. С. 3).

Это несоответствие усугубляется тем, что из исторических документов известен лишь подольский (впоследствии могилевский) полковник, а затем гетман *Евстафий* (*Остап*) Гоголь (ум. 1679; возможное место рождения — подольское село Гоголи, основанное православным шляхтичем с Волыни Никитой Гоголем; *Чухлиб Т.* Тарас Бульба — предок Гоголя? // Родина. 2004. № 5. С. 27–29). (Подольский полк Евстафий Гоголь получил в управление в 1654 г. от Богдана Хмельницкого.)

Тем не менее А. М. Лазаревский полагал, что представленная А. Д. Гоголем-Яновским при «доказательстве» дворянства королевская грамота является подлинной: «Во-первых, для подлога этого документа не было особой нужды, потому что у Афанасия Гоголя и без него было несомненное право на дворянство по его чину. А затем и по своему содержанию королевская грамота 1674 г. не может возбуждать никаких сомнений. По этой грамоте король жалует в 1674 г. Гоголю, полковнику Могилевскому, "wies" Ольховец за то, что тот, во-первых, снова *вернулся* к нему на службу, и, во-вторых, за то, что он, Гоголь, сдал полякам Могилевскую крепость (Могилев здесь разумеется Подольский). Эти факты исторически безусловно верны, так как известно, что этот самый Гоголь, перед тем именуясь полковником Подольским, присягал, в числе прочей правобережной старшины, в марте 1674 г. (в Переяславе) на верность царю, а в июне того же года Самойлович доносил в Москву уже о "злых поступках" Гоголя, заключавшихся в том, что он, "оставя к царскому величеству свои склонности, на тех днях вдался и *ввел к себе в Могилев* на заставу (т. е. дозволил занять Могилев польскому отряду) некоторого Александра Совецкого, городничего Киевского". Вот за эту отдачу Могилевской "фортецы" король и наградил Гоголя селом Ольховцем, в котором следует видеть теперешнее местечко Ушицкого уезда; оно действительно могло быть жалуемо королем в 1674 г., потому что в это время значится в числе

королевских имений. В виду этих данных представленная Афанасием Гоголем королевская грамота 1674 г. и должна быть признана достоверным актом. (Любопытно, что, представляя эту грамоту, Афанасий Гоголь называет полковника не Евстафием, а Андреем ("предки мои фамилиею Гоголи, прапрадед *Андрей* Гоголь был полковником Могилевским..."). Дело в том, что в грамоте имя полковника Гоголя не обозначено, но в начале ее говорится, что прежним владельцем Ольховца был *Андрей,* и после этого слова следует пропуск (может быть, переписчик не прочел подлинника). По этому основанию Афанасий Г<ого>ль и признал, что Андреем звался сам полковник... Таким образом праправнук уже *не знал* имени своего прапрадеда, хотя это был человек видный, о котором можно было справиться и в книгах... Кстати, мы можем объяснить, какого Андрея разумеет грамота: это был "*Adryan* Jaczymirski, podczaszy podolski"; он указан как владелец Ольховца в 1616 г., по одной из люстраций. См. Zroda Dz., V, 66)» (*Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 7–8).

Примечательно, что позднее именно именами Остапа и Андрия Гоголь назвал героев своей «казацкой эпопеи» — сыновей Тараса Бульбы. Известно также, что гетман Остап Гоголь был погребен в Межигорском Спасо-Преображенском монастыре, который также упоминается в «Тарасе Бульбе», — отсюда Остап и Андрий получили вместе с благословением матери «по кипарисному образу». (В первой половине XVII в. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь был одним из центров антиуниатской борьбы на Украине, отсюда Сечь избирала себе священнослужителей.) Николай Васильевич, носивший с детства двойную фамилию — Гоголь-Яновский (а во время обучения в Нежинской гимназии в 1821–1828 гг. значившийся просто Яновским), с конца 1830 г. (по-видимому, в связи с польским восстанием 1830–1831 гг.) перестал употреблять в письмах вторую часть своего фамильного прозвища — Яновский. В начале 1831 г. он «сильно протестовал», по словам М. Н. Лонгинова, против того, чтобы ученики называли его Яновским: «Зачем называете вы меня Яновским. Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали» (Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952. С. 71). Вторая часть фамилии Гоголь-Яновский была выскоблена им тогда же в сделанной ранее владельческой подписи в его записной книге 1830–1834 гг.: «...осталось только *Гоголь* и тире» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя... Т. 1. С. 163). О нежелании Гоголя, чтобы его называли Яновским, вспоминали также Н. В. Кукольник и В. Н. Репнина (см.: *Кукольник Н. В.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 74; Русский Архив. 1902. № 4. С. 726; см. также просьбу Гоголя в письме к матери от 6 февраля 1832 г. адресовать письма «просто Гоголю» — без «кончика» фамилии, который неизвестно, «где делся»). С. П. Шелухин увидел в этом поступке отражение неприязненного отношения писателя к фактам «отречения

от народности» своих предков — перехода на польскую сторону Евстафия Гоголя, а также причисление себя дедом Гоголя А. Д. Гоголем-Яновским к «польской нации» ради получения дворянской грамоты: «Хотя это типичные явления в среде малорусского панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь некоторые черты для Андрея <так в источнике> взял из своих фамильных преданий. Гоголю эти отречения от народности были столько противными, что он отбросил от своей фамилии польскую приставку “Яновский”» (*Шелухин С. П.* Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Имп. Новороссийским ун-том по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909. С. 90–91).

(Еще одно противоречие в документах, относящихся к родословию Гоголя, заключается в том, что, согласно «Дворянскому протоколу Гоголя», полковник Гоголь получил в 1674 г. привилегию на владение деревней Ольховец от польского короля Яна Казимира — который за шесть лет перед тем, в 1668 г., отрекся от престола и уехал в Париж. Это противоречие в свое время вызвало недоумение П. А. Кулиша (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя… Т. 1. С. 3). Однако при более внимательном изучении документов противоречие это оказывается мнимым: указание на польского короля Яна Казимира появляется лишь в «Дворянском протоколе Гоголя», но отсутствует в самой грамоте на владение с. Ольховцем, полученной Евстафием Гоголем (см.: Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в., собираемые *А. М. Лазаревским…* Гоголи-Яновские // Русский Архив. 1875. № 3. С. 451). На самом деле привилегию на владение с. Ольховцем Евстафий Гоголь получил от польского короля (с 21 мая 1674 г.) Яна III Собеского (1624–1696) (см: *Стилман Л.* Николай Гоголь и Остап Хохоль // Родословие Н. В. Гоголя. Статьи и материалы. М., 2009. С. 264, 276).)

На основании представленных А. Д. Гоголем-Яновским документов Киевским дворянским собранием 19 октября 1784 г. был выписан упомянутый «дворянский протокол», согласно которому «полковой писарь Яновский с его детьми» был внесен «в родословную дворянскую Киевского наместничества книгу, в первую часть» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя… Т. 2. С. 272).

В конце 1828 г. Гоголь приехал в Петербург, где для поступления на службу ему понадобились документы о дворянском происхождении. По ходатайству матери 15 февраля 1829 г. миргородским предводителем дворянства И. В. Капнистом ему было выдано следующее «Свидетельство»: «Малороссийской Полтавской губернии Миргородского повета дворянину Николаю Гоголю-Яновскому дано сие от меня по его прошению в том, что отец оного Николая Василий Гоголь-Яновский был помещик Миргородского повета, имел чин кол<л>ежского асес<с>ора, почему и сын его, упомянутый Николай, по спискам дворянским здешнего повета состоит, имея ныне

от роду 19-й год, в том и сие подписом утверждаю с приложением печати, февраля 15-го дня 1829 года. Миргородского повета маршал дворянства Капнист» (<*Горленко В. П.*> *В. Г.* Дворянское дело Гоголя // Новое Время. (СПб.), 1901. 7 сентября. № 9163. С. 3). Получив это свидетельство, Мария Ивановна, спустя пять дней, обратилась с прошением на Высочайшее имя о предоставлении Гоголю документа, подтверждающего дворянское происхождение отца: «Просит помещика жена кол<л>ежского асес<с>ора Мария Ивановна Гоголь-Яновская о нижеследующем: нужно иметь на имя сына моего, выпущенного из Нежинской гимназии графа Кушелева-Безбородка, с чином 14 класса, Николая Гоголя-Яновского, из полтавского депутатского собрания свидетельство для определения в службу о дворянском происхождении умершего отца его кол<л>ежского асес<с>ора Василiа Афанасьевича, сына Гоголя-Яновского, и потому, представляя выданное мне от маршала Миргородского повета о том свидетельство, всеподданнейше прошу, дабы Вашего Императорского Величества указом повелено было о выдаче мне изъясненного свидетельства учинить определение. Всемилостивейший Государь, прошу Ваше Императорское Величество о сем моем прошении решение учинить. Февраля 20-го дня 1829 г. К выдаче подлежит в полтавское депутатское собрание. Сие прошение переписывал дворовый ея, г-жи Гоголь-Яновской, человек, Антон Шлапак. Подписалась и велю оное по болезни моей подать дворовому человеку моему Симону Палиенку, помещица жена кол<л>ежского асес<с>ора Мария Гоголь-Яновская» (<*Горленко В. П.*> *В. Г.* Дворянское дело Гоголя. С. 3).

Несмотря на то что А. Д. Гоголь-Яновский в доказательство своих прав на дворянство представлял документы и в Киев, и в Полтаву (см. выше), дворянский протокол ему был выдан лишь Киевским дворянским собранием. По замечанию В. П. Горленко, «причисление к киевскому дворянству, очевидно, вносило путаницу в дела, и Марья Ивановна стала хлопотать о приписке рода к полтавскому дворянству. Но дело было в первой половине прошлого века и должно было пройти мытарства канцелярий. Начатое в тридцатых годах, оно кончилось только в 1855 г. утверждением фамилии Гоголей в потомственном дворянстве, с внесением в III часть родословной книги Полтавской губернии». В деле при этом было сделано следующее примечание: «Николай, сын Василия, родившийся в 1810 году <правильно: в 1809>, но умерший раньше утверждения герольдией отца его в потомственном дворянстве, за жизни в родословную книгу не внесен» (<*Горленко В. П.*> *В. Г.* Дворянское дело Гоголя. С. 3).

к стр. 160 *Любомирский* — Иван Семенович, титулярный советник, в 1820–1840-х гг. служил секретарем Полтавского дворянского депутатского собрания.

Эмилия — Ковриго, сирота, воспитывавшаяся в доме Гоголей. Оставила воспоминания о Гоголе: *Ковриго Э.* Из личных воспомина-

ний // Русское Слово. 1909. 20 марта. № 65. С. 3. См. также письма № 1577, 1628, 1645, 1671, 1711.

1564. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1890. № 2. С. 605–606. Печатается по первой публикации.

Письмо твое… — Письмо от января 1849 г. (№ 1560). к стр. 161

Lasciamo la politica, ove ella sta, e parliamo d'altro. — Оставим в покое всю эту политику и поговорим о другом (*ит.*).

…сестер жены… — М. Г. и В. Г. Похвисневых.

…винокуренный акциз… — Налог на производство вина. к стр. 162

1565. А. С. Данилевскому

Ответ на письмо А. С. Данилевского от 25 февраля 1849 г. (№ 1564).

…моим прежним письмом. — Имеется в виду письмо от января 1849 г. (№ 1560). к стр. 162

Новорожденный — сын А. С. и У. Г. Данилевских Григорий.

Сестрицы — см. коммент. к письму А. С. Данилевскому от 5 сентября 1848 г. (№ 1522). к стр. 163

1566. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 81–83. Печатается по первой публикации.

В письме нашли отражение устные беседы Малиновского с Гоголем (см., в частности, коммент. к строкам наст. письма — *Положим… что Вы призваны не для речи с учительской кафедры…* и *…частные лица не должны вмешиваться в правление…*).

…мир во зле лежит… — см. Первое соборное послание св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова, гл. 5, ст. 19. к стр. 163

…взрастает терние и поглощает пшеницу… — см. Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 7; Евангелие от Марка, гл. 4, ст. 7; Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 7.

Положим… что Вы призваны не для речи с учительской кафедры… — В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. Гоголь замечал: «Не мое дело поучать проповедью… Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассужденьями» (письмо № 1432). В дневнике одесской знакомой Гоголя Е. А. Хитрово сохранилась также запись от 2 февраля 1850 г.: «Намедни, 1 февраля, на вопрос княгини <Е. П. Репниной>, что делать, чтобы согласовать жизнь к стр. 164

с долгом? что делать, чтоб помешать коснуться душе мыслей со стороны? — *Гоголь* сказал: "Я это вам дам все письменно". Ясно было, что княгиня подумала, что ей особенный будет ответ; но вышло, что он о сочинении своем говорил. — *Княгиня*: "Отчего же не теперь?" — *Гог<оль>*: "Как я могу теперь сказать? Я не проповедник! Не мое дело судить. Я мнение свое могу сказать, но полное, обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бывает, что не умеет хорошо на словах высказать свою мысль. Если б я умел хорошо высказать свою мысль, кто бы велел мне писать?"» (*<Хитрово Е. А.>* Гоголь в Одессе // Русский Архив. 1902. № 3. С. 553).

к стр. 165 *...частные лица не должны вмешиваться в правление...* — Сходную мысль Гоголь высказывал в письме к князю П. А. Вяземскому от 11 июня (н. ст.) 1847 г. Обращаясь к нему с просьбой написать статью о «тех истинах, о которых могут сказать только люди государственные», Гоголь замечал: «Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что некоторое поползновение к тому же обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. Итак, есть какое-то поветрие, которому все подвергаются равномерно. Тем более теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние» (письмо № 1335 от 11 июня (н. ст.) 1847 г. в т. 14 наст. изд.). В наброске «Рассмотрение хода просвещения России» Гоголь также выступал против того, что «науки» стали «совершенно принадлежать частному человеку» (записная книжка 1846–1850 гг.). «Общество тогда только поправится, — полагал Гоголь, — когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему» («Друзьям моим»). Об этом же Гоголь писал в неотправленном письме к В. Г. Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г.: «Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опытной жиз<нью>? Живя почти без прикосновенья с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во всегдашних занятия<х> фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое самыми неожи>данными явленьями <ловит человека> в ту ловушку, в ко<торую попадают> все молодые пи<сатели, рассуждающие обо> всем мире и человечестве, тогда как <довольно> забот нам и вокруг себя. Нужно <прежде> их исполнить, тогда общество <само> собою пойдет хорошо. А если <упустим> обязанности относительно лиц <близких, погнавш>ись за обществом, — <то> не <исполним

и т>е так же точно… <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою>… Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> высокий гражданин высокого небесного <гра>жданства. Покуда <ско>лько-нибудь не будет <он> жить жизнью <неб>есного гражданина — до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство» (письмо № 1367 в т. 14 наст. изд.). Не случайно и в отправленном тогда же, в июле (н. ст.) 1847 г., письме к Д. К. Малиновскому Гоголь, говоря о задуманном Малиновским плане создания «науки жизни», замечал: «Осуществление его (не целиком, а отчасти) возможно только от частого обращенья с человеком на жизненном поприще… Иногда на время бывает нам нужно перебить мыслительную жизнь нашу просто деятельной жизнью в прозаическом смысле. Мне кажется, что для вас не бесполезно, хоть на малое время, званье учителя с некоторым самопожертвованьем, то есть, отказавшись от всяких улучшений и новых метод, которые будут беспрестанно представляться…» (письмо № 1365 в т. 14 наст. изд.).

1567. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 142–143. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 245.

Cicerone — гид, чичероне (*ит.*). к стр. 165
…*convertir à la Russie*… — обратить в русские (*фр.*).

1568. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 83. Печатается по первой публикации.

1569. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 83–84. Печатается по первой публикации.

1570. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 218. Печатается по первой публикации.

1571. Н. Н. Шереметевой

Текст письма печатается по изд.: Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Литературный сборник. Кострома. 1928. Вып. 42. № 1. С. 11. Датировка письма уточнена.

к стр. 168 *Благодарю вас за письмецо...* — Письмо от 19 марта 1849 г. (№ 1570).

Иван Алекс<андрович> Фон-Визин (1790–1853) — полковник, племянник Д. И. Фонвизина (Фон-Визина), брат декабриста М. А. Фон-Визина. В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. имеется запись: «*Фон-Визин* на Малой Дмитровке свой дом. Иван Александрович». К июлю 1849 г. Гоголь познакомил И. А. Фонвизина с А. О. Смирновой (26 июля 1849 г. Фонвизин заезжал к Смирновой; об этом свидетельствует записка ее слуги, сохранившаяся в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.; см. в т. 9 наст. изд.). 28 мая 1849 г. И. А. Фонвизин писал Шереметевой из Москвы: «Письмо ваше от 21–22-го мая получил и вместе письмо к Николаю Васильевичу Гоголю и записку о Константине Павловиче Мельковиче, к которому посылал Яков Вас<ильевич>, он приказал благодарить вас за воспоминание, облегчения от болезни не чувствует. У Николая Васильевича третьего дня был сам и побеседовал с ним около двух часов; я уже извещал вас, что в самый Троицын день <22 мая> он был у меня, а во вторник <24 мая> я поутру заехал к нему не вовремя, он принимал ванную. Письмо ваше сам вручил ему, и он удивляется, что вы не получили еще письма его, писанного, по словам его, за неделю (имеется в виду письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 20 мая 1849 г. (№ 1595). — *И. В., В. В.*). После ванны, говорит, что чувствует себя гораздо лучше. Не знаю, что может мне доставить мое знакомство Николаю Васильевичу, но скажу вам, что мне с ним чрезвычайно легко и свободно и я с своей стороны желаю продолжения знакомства, не позволяя себе мечтать о мнимой пользе, доставляемой моим знакомством. Николай Васильевич между прочим рассказал мне следующее: Хозяин его Гр<аф> Толстой накануне моего посещения был в одном доме и поражен был особенным выражением лиц людей, которых он там встретил, все живущие в этом доме казались ему вместе испуганными и обрадованными — и вот случай, который был тому причиною. Молодая, больная барышня этого дома попросила богоявленской воды, ей подали и оставили одну в комнате; после этого раздался из этой комнаты необыкновенный крик, на который сбежались все слышавшие его; барышню находят на постели стоящую на коленях и как бы беседующую с стоящим перед ней человеком, которого, однако же, никто из предстоящих не видал; барышня тотчас сказала вошедшим, чтобы они стали на колени, ибо перед нею Спаситель; барышня молилась Спасителю, и заметно было, что она торопилась в молитве и боялась, что не успеет назвать всех тех, о которых желала просить, после она

сказала, что слышала от Спасителя, что она будет здоро́ва. Гр<аф> Толстой был там на другой день и прежде, нежели ему сказали о том, догадался, что в доме случилось что-нибудь необыкновенное, по лицам живущих в нем. Что вы говорите о терпении, то конечно, это превосходнейшее лекарство, какое только может быть, потому я каждый день прошу у Господа, чтобы Он даровал вам с любовию и терпением нести возложенный Им на вас крест. — Простите. Всей душой предан<ный> Иван Фон-Визин. P. S. Сестра Катя и Александра Фед<оровна> свидетельствуют вам почтение» (Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. С. 33–34). Вероятно, об этом же или о сходном случае Гоголь рассказывал тогда же Аксаковым, — однако, к сожалению, не нашел понимания. «В начале мая 1849 года… — вспоминал С. Т. Аксаков, — Гоголь перепугал нас всех, говоря серьезно и с уверенностью о самых нелепых бреднях суеверных людей. Я приписывал и теперь приписываю нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых. Попы, монахи с их изуверными приказаниями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу, которая никому не вредила, кроме Гоголя: ибо он один со всею искренностью предавался этому направлению» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 198). Как позволяет судить содержание сделанных П. А. Кулишом выписок из не дошедших до нас писем графа А. П. Толстого к Гоголю, именно гоголевскому влиянию Толстой был многим обязан своим духовным образованием — а не наоборот (см. письма № 861, 888 в т. 12 наст. изд., № 930 в т. 13 наст. изд.). Об И. А. Фонвизине см. также в сопроводит. статье к т. 9 наст. изд.

1572. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1849 марта 19». (19 марта — день рождения Гоголя.)

1573. Графине А. М. Виельгорской

Настоящее письмо является во многом программным для Гоголя, и желание его было даже, чтобы А. М. Виельгорская прочла письмо «во время поста и говения» (зачеркнутые строки письма). В нем Гоголь развивает высказанную в заключительной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *Светлое Воскресенье* — мысль о том, что «есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа…» (см. также коммент. к строкам одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ» — *…увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов…* — в т. 5 наст. изд.). Возможно, с этим письмом связан невоплотившийся замысел гоголевской статьи «Древняя Россия», которую он намеревался включить в V том готовившегося им в конце жизни собрания сочинений. Об отношении Гоголя к упоминаемому в письме «Домострою» и древнерусскому

патриархальному быту в целом см. в коммент. к названию статьи «Древняя Россия» в «Оглавлении <V тома собрания сочинений> в т. 6 наст. изд. и сопроводит. статью к т. 8.

Великий князь Константин Константинович 28 января 1889 г. записал в своем дневнике: «*Среда. 25.* Гр<афиня> Комаровская прислала мне целую тетрадь неизданных писем Гоголя. Не помню, откуда они у нее. Это письма к семейству Вельгорских, особенно к Анне Михайловне. Очень хороши, где он определяет значение истинно русского человека» (*К. Р. Великий Князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 142); «*Среда 15 <февраля 1889>*. Начал читать Домострой Сильвестра. Как это хорошо, и как поздно я знакомлюсь с этой нужной книгой. Как прав Гоголь, советуя читать ее желающим быть истинно русскими в тех еще неизданных письмах, что были у меня в руках» (Там же. С. 144–145).

к стр. 169 *Семена Небесного Сеятеля...* — Толкование притчи Спасителя о сеятеле Гоголь включил также в текст «Размышлений о Божественной Литургии», где писал о «доброй почве, дающей плод — ово сто, ово шестьдесят, ово тридесят»: о тех, «которые все принятое в себя, по выходе из церкви, возвращают в домах, в семье, в службе...». «Эта добрая почва — русская восприимчивая природа», — пояснял Гоголь в письме к графине А. М. Виельгорской. Зимой 1843/44 г. Гоголь сделал из статьи И. К. Яхонтова выписку «О Русской Церкви», которая во многом поясняет замысел его книги о Литургии. В числе прочего Гоголь выписал из статьи следующие строки: «Посредством Богослужения Религия Христианская проникла в самую жизнь, в самое сердце Русского народа, и едва ли мы найдем другой пример, где Религия и Церковь так тесно были соединены с гражданскою и семейною жизнию, как у нас».

к стр. 170 *...рукописи вроде Сильвестрова «Домостроя»...* — Сильвестр (ум. ок. 1566) — священник, духовник Иоанна Грозного, выходец из Новгорода. При его участии составлены Судебник и Стоглав. Им переработан «Домострой» — памятник русской литературы конца XV–XVI в. Впервые издан: Домострой Благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Д. П. Голохвастовым. М., 1849. Гоголь познакомился с этим изданием в переплете «Временника Московского общества истории и древностей российских» того же года.

...видим соединенье Марфы и Марии... или, лучше... Марфу... ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного... — Настоящее сравнение несет еще на себе, как думается, отпечаток его прежнего употребления Гоголем — по отношению к Западной и Восточной Церквам (см. коммент. к строкам статьи *XIII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...одной — подобно скромной Марии... другой же — подобно заботливой хозяйке Марфе...* — в т. 6 наст. изд.). Весной 1849 г. в Москве стало известно Окружное Послание восточных Патриархов 1848 г. в ответ на

обращение римского папы Пия IX с предложением унии (напечатано: Христианское Чтение. 1849. Т. 2; том вышел в середине лета; отд. изд. СПб., 1850). Свидетельство об этом находим в письме А. С. Хомякова от 1 марта 1849 г. к Ю. Ф. Самарину. Это Послание подвигнуло его к мысли об опубликовании трактата «Церковь одна» (см. коммент. к письму № 1374 в т. 14 наст. изд.; *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 276–277). То, что восхитило А. С. Хомякова в Послании Патриархов — «признание народа церковного хранителем истины», — прямо перекликается со строками из настоящего гоголевского письма к А. М. Виельгорской — о русской «доброй почве».

Следуя гоголевскому сравнению Восточной Церкви с Марией евангельского повествования, а Западной — с Марфой, можно в соответствии со смыслом письма заключить, что возможность «соединенья» Церквей Гоголь видит только при условии отказа Западной Европы от ее чрезмерного и пагубного для души «земного хозяйства» — хотя бы до уровня русского «Домостроя» (то есть «Марфы»). Действительно, хотя упомянутый документ — «Окружное Послание единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам» — посвящен главным образом критике *филиокве* (*букв.* «и Сына»; *лат.*) и тех искажений, к которым привело Западную Церковь принятие этого учения (будто «Дух Святый исходит от Отца *и Сына»),* он, однако, не исключает и того прочтения, которое слышится в строках гоголевского письма.

...вам нужно непременно выучиться по-славянски. — Е. А. Хитрово в своем дневнике передает слова Гоголя (запись от 26 января 1851 г.): «Как странно иногда слышать: “К стыду моему должна признаться, что я не знаю славянского языка!” Зачем признаваться? Лучше ему выучиться: стоит две недели употребить» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 551). к стр. 171

Графиня — Л. К. Виельгорская. к стр. 172

Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

Аполлина Михайловна — Веневитинова.

1574. Графине С. М. Соллогуб

Александра Осиповна — Смирнова. к стр. 173

...булочек и хлебцев... — Шуточные прозвища детей графини С. М. Соллогуб.

1575. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

Ни в ком нет благоразумия Иосифова... — Подразумевается библейское повествование об Иосифе, предусмотрительно собиравшем в течение семи плодоносных лет хлебные запасы для семи лет неурожайных, из Книги Бытия, гл. 41. к стр. 173

...исполненьем просьб насчет работ в саду. — См. коммент. к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд. к стр. 174

Племянник Коля — Н. П. Трушковский.

1576. М. И., А. В. и Е. В. Гоголь

к стр. 175 *Заплывет телом душа — и Бог будет позабыт.* — См. Второзаконие, гл. 6, ст. 10–12; гл. 31, ст. 20; гл. 32, ст. 15.

1577. О. В. Гоголь

к стр. 176 *Эмилия* — Ковриго; см. коммент. к письму № 1563.

Сашинька — старшая сестра Э. Ковриго, тоже воспитанница М. И. Гоголь.

1578. В. А. Жуковскому

к стр. 176 *«Господи, положи хранение устом моим».* — См. псалом 140, ст. 3. См. также коммент. к выписке *27. Разные изречения из Иоанна Златоуста* сборника Гоголя «Выбранные места из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» в т. 9 наст. изд. («О слове»).

к стр. 177 *...об «Одиссее».* — См. коммент. к письму № 1545.

1579. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 8 апр<еля> 1849».

к стр. 178 *Ольга Александровна* — дочь П. А. Плетнева, Ольга Петровна. В подлиннике, по-видимому, описка.

Александра Осиповна — Ишимова.

1580. А. А. Иванову

Датируется 1849 г. на основании почтового штемпеля.

Ответ А. А. Иванова — письмо от 15 мая (н. ст.) 1849 г. (№ 1591).

1581. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 769–770. Печатается по первой публикации.

1582. Графине А. М. Виельгорской

к стр. 180 *...мое длинное письмо...* — Письмо от 30 марта 1849 г. (№ 1573).

к стр. 181 *...книга Шевырева о древней русской словесности.* — *Шевырев С. П.* История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. Т. 1.

...церковная история Евсевия Кесарийского... — «Церковная история» Евсевия Кесарийского (Евсевия Памфила); повествует о жизни Церкви до IV в.

1583. Графине С. М. Соллогуб

Ответ графини С. М. Соллогуб — письмо от 17 мая 1849 г. (№ 1596).

Письмо было приложено к посланию графине А. М. Виельгорской от 16 апреля 1849 г. (№ 1582).

Чернышевы-Кругликовы — граф Иван Гаврилович (1787–1847) и графиня Софья Григорьевна (1799–1847). к стр. 182

...письмо Моллеру. — Письмо до нас не дошло.

1584. Графине А. М. Виельгорской

В письме моем к вам (*от 16-го апреля*)... — Письмо № 1582. к стр. 182

1585. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 812.

1586. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Хранится в гоголевском фонде *РГБ*: Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 39. Л. 1–12 (л. 1–8 — 21,0 × 13,7; л. 9–12 — 22,0 × 18,0). Публикуется впервые.

...с одним... господином... — Лицо неустановленное. к стр. 183

...я написал к вам, что вы, по моему мнению, открыли ею для пера дверь в новую область. — В письме к Гоголю от 1–12 апреля 1847 г. Д. К. Малиновский писал: «Может быть, я брежу, а мне думается, что ваша книга — дверь в новую область» (письмо № 1346 в т. 14 наст. изд.).

...разбора Степана Петровича Шевырева... — Имеется в виду статья С. П. Шевырева «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя»; была напечатана в 1848 г. в журнале «Москвитянин» (№ 1. Критика. С. 1–29). к стр. 185

Оффиции — обязанности, служебные занятия (*лат.*). к стр. 187

...гордость ума... — Имеются в виду строки статьи *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, — гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком». к стр. 191

...Крылова ларчик... — Подразумевается содержание басни И. А. Крылова «Ларчик».

...«современная близорукость»... — Выражение из статьи *XXVII. Близорукому приятелю* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои — гниль; они сделаны без Бога». к стр. 194

к стр. 195 *...ваши собственные слова...* — Из статьи *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...под влиянием страстных увлечений... — Далее в цитате Д. К. Малиновским пропущены слова: «досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом — в те поры».

...можно произвести зло. — Далее в цитате Д. К. Малиновским пропущено: «Тот же наш приятель П.....н <М. П. Погодин> тому порука: он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями, сообщать им все, чего он набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем, словом — выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве. И что ж?»

к стр. 196 *Жесток и горек был для него конец, горек неожиданно, негаданно, и тем более горек и ужасен!..* — Подразумевается В. Г. Белинский, скончавшийся 26 мая 1848 г. По словам Г. П. Георгиевского, Малиновскому «остались чужды» суждения В. Г. Белинского о «Выбранных местах...» в письме к Гоголю из Зальцбрунна, «об этом письме он нигде не говорит прямо, но один [странный и очень туманный] неясный отрывок в последнем письме, как нам кажется, должен изобразить смерть Белинского вскоре после того, как его письмо к Гоголю в многочисленных списках разошлось в русском обществе. Надо вспомнить, что одновременно с известием о смерти Белинского распространились слухи о его предполагаемом аресте, одной из важных причин которого было бы, конечно, письмо его к Гоголю; надо вспомнить также и то, что Малиновский писал Гоголю в конце апреля 1849 г., тотчас после ареста петрашевцев, которым чтение письма Белинского к Гоголю было предъявлено как обвинение, повлекшее за собой приговор к смертной казни. Не смея называть имени Белинского, которое было изгнано в это время из русской печати, Малиновский нарисовал аллегорическую картину, в которой все же ощущается симпатия к образу умершего критика» (*Георгиевский Г. П.* Корреспондент Гоголя — Д. К. Малиновский / Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Вып. XI. Н. В. Гоголь. И. А. Гончаров. Ред. Н. Л. Мещерякова. <Сборник, подготовленный к печати. 1941> // *РГБ.* Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 57 об. — 58. См. то же: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 161).

1587. А. О. Смирновой

Ответ А. О. Смирновой — письмо от 18 мая 1849 г. (№ 1599).

к стр. 198 *Аксаков* — Иван Сергеевич.

1588. С. Т. Аксакову

к стр. 199 *Армфельд* — Александр Осипович.

1589. В. И. Белый — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Виноградская Н. Л.* Неизвестные письма В. И. Белого к Гоголю // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Печатается по первой публикации.

Помимо настоящего письма, а также письма В. И. Белого к Гоголю от 10 июля 1849 г. (см. ниже), В. И. Белому приписывалось также письмо, напечатанное в 1859 г. в газете «Одесский Вестник»: *Чибисов В.* Несколько слов о литературе Новороссийского края // Одесский Вестник. 1859. 13 января. № 5. С. 19; перепечатано, с пропусками: *Виноградская Н. Л.* Неизвестные письма В. И. Белого к Гоголю // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. С. 45–47. Это письмо примечательно тем, что содержащаяся в нем апология Чичикова сочетается с написанной как бы от лица самого героя характеристикой нравственного состояния «чичиковщины» — отступление от христианских заповедей, представление об относительности морали в истории, утилитаризм. Приводим полный текст этого письма по первой публикации:

«М<илостивый> Г<осударь>.

Я имел удовольствие прочесть послание, которым вы приглашаете всю пишущую Россию сообщать вам разнородные заметки на вновь изданные произведения ваши. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы передать в немногих словах отчасти то, что я слышал, отчасти же и мои собственные недоумения. Да не подумайте, чтобы в далекой Одессе преобладали одни чисто материальные интересы и чтобы она не состоянии была откликнуться на благородный призыв.

Говорю от лица многих. При всей художественности создания Чичикова, при всей современности этого типа, — в нем скрывается, однако ж, одна темная сторона, тем более заслуживающая внимания, что дело идет о заблуждениях и недостатках нашего времени. Это именно — детство Чичикова.

Неужели вы верите сами, и неужели хотите уверить нас, что все последующее направление в жизни человека зависит от каких-то красноречивых, но темных назиданий, которыми каждого из нас снабжают в таком изобилии в детстве?

История моей жизни говорит мне совершенно противное. Факт не важнее ли слова, пример — нравоучения, а окружающая среда не сильнее ли истин, проповедываемых даже с кафедр?

Едва ли негодяй в состоянии воспитать своего сына в правилах истинной нравственности, когда не помогут тому совершенно посторонние обстоятельства. Как часто мы видим в жизни, что юноша, напитанный в высших учебных заведениях идеями общего блага, понятиями истины и добра, мало-помалу теряет их среди превратностей судьбы; из прилежного мальчика становится никуда не годным лентяем; из юноши, боявшегося прикоснуться к скверне, преображается со временем в человека, пропитанного разною

гадостью, отвратительными заблуждениями, оскорбительными понятиями о чести и нравственности. Начать и кончить — не одно и то же, хотя в начале всякого дела скрывается и залог его будущего. Проследить процесс целой жизни человека — весьма любопытная задача, тем более, когда этот человек приближается к современному типу.

Вот отчего детство Чичикова нам показалось односторонним у вас, даже, скажу откровенно, неполным, неясным, не располагающим к слепому доверию.

Этого мало. Скажите, отчего выведенный вами герой — слишком для вас отвратителен?

Потому ли, что он "приобретатель"?

Вы сами говорите, в конце 1-й части "Мертвых душ", что причина столь нравственного уродства Чичикова ясна, — он был: "приобретатель".

Почему же это безнравственно — быть приобретателем? Неужели одно инстинктивное чувство "приобретать", на котором основаны и живут цивилизованные общества, в состоянии до такой степени обезобразить всего человека?

Инстинкт самосохранения, труд, право на труд, а значит и на приобретение, на собственность — тут еще далеко от малодушия, от жадности, от корысти, от безнравственности, от бесчеловечия!

Возьмите, в свете есть целая страна, которая более ничего не делает, как приобретает и приобретает: это — Американские Штаты. Конечно, приобретатель легко может сделаться подлецом — да и кто не может им сделаться, в одну минуту! — но зачем же обвинять принцип, а не человека?

Ведь благоприобретение есть одно из главнейших выражений личного интереса, — этого верховного двигателя прогресса; где личный интерес достаточно огражден — там только и процветают общества.

Еще менее понимаю ваш взгляд на второстепенных действующих лиц в поэме "Мертвые души". Вы их топчете в грязь, произносите над ними смертный приговор, уничтожаете их действительность, историческую необходимость. Не таков ли смысл обещания вашего представить в следующих частях поэмы одних добродетельных людей?

Позвольте, так ли? ..... Они вовсе не так отвратительны, как вы полагаете. Все недоумение происходит из-за неопределенного толкования слова "зло". Вы придаете ему значение идеальное, которое едва ли мирится с тем, что мы видим в нашем добром, Старом Свете. Вы хотите идеал приклеить к действительности и порицаете ее за то, что она не совсем с ним ладит. Воля ваша, а всего правильнее было бы исключить подобные слова, как зло, безнравственность, и противуположные им качества, из словарей. На свете нет идеального зла. Худшее из всех анахронизмов — убийство, не только некогда оправдывалось общественным мнением, но считалось

доблестью, достоинством человека; вспомните времена кровной мести, глухие времена переселения народов.

Воровство до сих пор не считается предосудительным у некоторых диких племен. Давно ли взяточничество, в виде "кормления", считалось необходимою принадлежностью общества; аутодафе — карою небес? Все это отмечено теперь словом: "зло". Не видно ли отсюда, что мы придали ему такое значение из утонченной гордости, из эгоизма, которым отмечен XIX век; что мы назвали злом не то, что противоречит каким-то идеальным воззрениям на жизнь и людей, а то только, что вышло из разряда современного, что признано уже нами негодным, не соответствующим настоящему порядку вещей. Таким образом, все несовременное — зло. А с этой точки зрения ваши герои возбуждают скорее жалость, нежели отвращение. Ради Бога, посудите хорошенько, — объясните нам ваше понятие о людях "добродетельных". Не ханжу же вы думаете дать нам в нравственную пищу, не ходячие истины, не какие-то безжизненные понятия, облеченные в человеческую кожу!

Прошу вас принять и проч.»

(Одесский Вестник. 1859. 13 января. № 5. С. 19).

Однако, по справедливому замечанию Н. Л. Виноградской, «В. И. Белый не мог обратиться к Гоголю с посланием, напечатанным и "Одесском вестнике". Вероятно, оно было "реконструировано" по гоголевскому ответу... в газетной версии письма присутствуют лишь те замечания, на которые Гоголь откликнулся (о детстве Чичикова и об изображении добродетельных людей). Возможно, в составлении текста участвовал его публикатор — журналист "Одесского вестника" В. Чибисов» (*Виноградская Н. Л.* Неизвестные письма В. И. Белого к Гоголю. С. 44).

...грубую речь... не о «деле», но о «правде дела»... — В предисловии «К читателю от сочинителя» ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (М., 1846) Гоголь просил читателей присылать ему замечания на книгу, не заботясь «о слоге или красоте выражений»: «...дело в *деле* и в *правде* дела, а не в слоге». к стр. 199

...перевод романа Жанлис: «Альфонсина, или Материнская любовь». — Перевод на русский язык романа французской писательницы С. Ф. Жанлис (1746–1830) «Альфонсина, или Материнская нежность» был напечатан в Москве в 1806–1807 гг. к стр. 200

...рассказ о Вашем душевном обстоятельстве... — Подразумевается одно из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», посвященное рассказу о том, как Гоголь «необыкновенным душевным событием» «был наведен на то, чтобы передавать» свои пороки героям его художественных произведений. См. об этом в сопроводит. статье к т. 4 наст. изд. к стр. 201

...як заглядує сорока в кистку. — Заглядати, як сорока в кістку (*укр.*) — смотреть, как баран на новые ворота. *Кістка* (*укр.*) — кость. к стр. 202

Ф. В. — подразумевается Фаддей Венедиктович Булгарин.

...на странице 254 я понимаю... пророчество... — Имеется в виду заключение лирического отступления в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ»: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»

...дела, напечатанного в С<анкт>-П<етер>бургских Сенат<ских> Ведом<остях>, 1848 года, № 66, стр. 994. — Имеется в виду напечатанный в указанном номере «Санкт-Петербургских Сенатских Ведомостей» за 1848 г., в заключительном разделе «V. Взыскание по службе», обширный следственный материал под заглавием «Высочайше конфирмованная сентенция военного суда». В статье излагается дело об осуждении четырнадцати помещиков и восьми чиновников Мозырского уезда Минской губернии «за злоупотребления и неправильные действия при составлении в 1843-м году планов и статистических описаний незаселенным землям, отданным в залоги, по питейным откупам и другим подрядам с казною» (Высочайше конфирмованная сентенция военного суда // Санкт-Петербургские Сенатские Ведомости. 1848. 17 августа, № 66. С. 994–1005). В записке к С. Т. Аксакову от 16 мая 1849 г. Гоголь писал: «Статья мне нужная напечатана в С.-П<етер>бургск<их> Сенат<ских> Ведомостях 1848 № 66». Очевидно, эта просьба к Аксакову была прямо связана с сообщением В. И. Белого.

Как следует из материалов дела, помещики отдавали земли в залог казне, преувеличивая при этом на бумаге количество земель, сравнительно с действительным, в четыре раза. Материал этого расследования Гоголь мог бы использовать, изображая мошенничества Чичикова во втором томе поэмы, а именно отдачу им в залог несуществующих земель. Содержание следственного дела о злоупотреблениях в Мозырском уезде перекликается с речью генерал-губернатора в заключительной главе второго тома поэмы. Прежде всего обращает на себя внимание масштаб этого дела, сопоставимый с тем, о котором упоминает гоголевский генерал-губернатор. Для расследования дела о мошенничествах в Мозырском уезде была назначена особая Комиссия военного суда во главе с генерал-губернатором Ф. Я. Мирковичем; о деле было доложено самому Императору. Подобным образом генерал-губернатор в «Мертвых душах» намеревается вести дело не обычным судебным порядком — «не формальным следованьем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>» и доложить о злоупотреблениях Государю. В свою очередь, угроза князя, что «главным зачинщикам должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим отрешенье от мест», соответствует наказаниям, которым были подвергнуты

виновные по мозырскому делу: они были наказаны лишением чинов и дворянства и отрешением от должностей (кроме того, некоторые из них провели перед тем по три года под арестом в Бобруйской крепости).

Помимо двадцати двух наказанных, мозырское дело затронуло еще несколько десятков человек. Оно коснулось самого минского гражданского губернатора Г. Г. Доппельмейера (генерал-губернатор Ф. Я. Миркович обвинял его «в неосмотрительных и поспешных действиях»; с. 1002), затронуло доверенное лицо Доппельмейера капитана корпуса жандармов Хитрово и их секретного агента гродненского «5-й гильдии купца еврея» Вильбушевича, а также связанного с последним житомирского «5-й гильдии купца еврея» Фишеля Ланда (оба были замешаны в мошенничестве) и др. (с. 999–1000). В связи с этими участниками напомним, что в «Мертвых душах» князь обращает свою речь ко всем чиновникам города без исключения, в том числе к губернатору («Бесчестнейшее дело, — говорит князь Муразову, — и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор...»). В той же связи находятся слова Муразова, когда тот советует князю выступить перед чиновниками: «У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русской». Князь, в свою очередь, говорит о том, что намеревается «сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце, и <которым> понятно [и знакомо] сколько-нибудь слово *благородство*».

На возможность использования в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» материалов мозырского дела указал впервые С. Н. Дурылин (которому письмо В. И. Белого не было известно). Исследователь отмечал: «...Гоголя заинтересовало в “Ведомостях”... громкое дело о мошенничествах, плутнях и хищениях с белорусскими незаселенными землями, достигших таких размеров, что потребовалось вмешательство военного суда. Такое дело, зачерпывающее всю грязную провинциальную гущу помещичьей спекуляции и чиновничьего казнокрадства, могло дать обильный материал для изображения тех широчайших плутней и хитрых хищений, которые при участии Чичикова, как паутиной, опутывают всю губернию в конце второго тома “Мертвых душ”.

Кажется, можно даже указать на приметный след пользования Гоголем в этом месте сведениями из № 66 “Сенатских ведомостей”. Вторая эпопея похождений Чичикова оканчивается тем, что “завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах... Произошла такая бестолковщина... и солнце не видывало... Скандалы, соблазны и все так замешалось и... нельзя было поймать нити дела”. “Нужно, — заканчивает Гоголь обзор путаных происшествий, сплетшихся с делом Чичикова, — было прибегнуть к насильственным мерам”. Генерал-губернатор созвал чиновников и объявил им: “Уезжая в Петербург, я почел приличным... объяснить вам отчасти причину... не менее бесчестных дел... Известна мне даже

и сокровенная цель… невозможность решить формальным порядком… Но дело в том, что я намерен… я полагаю военный суд единственным средством".

Эта речь генерал-губернатора не могла не казаться доселе одной из самых ярких "гипербол", к которым не перестал прибегать Гоголь и во втором томе поэмы как к напряженнейшему приему художественной выразительности. В самом деле, как бы ни были путаны и злокозненны плутни казнокрадов, опаутинившие всю губернию, все-таки это дело был таким "штатским" преступлением, которое могло, в крайнем случае, вызвать строгую сенаторскую ревизию, а никак не военный суд. "Военный суд" гоголевского генерал-губернатора не мог не представляться нам лишь художественным "приемом", достаточно рискованным и так же мало убедительным, как вся фигура "генерал-губернатора": в том и в другом поражали нарочитость и малая связанность с действительностью.

№ 66 "Сенатских ведомостей" неоспоримо доказывает, что такой "военный суд" по штатскому делу был не художественный прием и вымысел Гоголя, а живая действительность… Хищения и казнокрадства, за которые предавались военному суду помещики Мозырского уезда, были схожи с деяниями Чичиковых, Леницыных и юрисконсультов, за которые генерал-губернатор испрашивает им у Государя военный суд. Читал ли Гоголь № 66 "Сенатских ведомостей" до того, как написал речь генерал-губернатора, построив ее на мозырском известии, или, наоборот, только подвел фактом жизни крепкий фундамент под свой вымысел, — безразлично. И то, и другое свидетельствует, что Гоголь стремился в своих художественных построениях опираться на подлинные факты действительности и часто именно от "служилых" Ивана и Григория Аксаковых он и собирал их. Об отборе Гоголем сообщаемых фактов В. С. Аксакова писала в 1849 году брату Ивану в Ярославль: "Гоголь, которому сообщили мы некоторые известия об Ярославской губ<ернии>, говорит, что для него в ней мало будет интересного"» (*Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы // Звенья. М.; Л., 1934. Т. 3–4. С. 353–357).

Из предположений С. Н. Дурылина — «Читал ли Гоголь № 66 "Сенатских ведомостей" до того, как написал речь генерал-губернатора, построив ее на мозырском известии, или, наоборот, только подвел фактом жизни крепкий фундамент под свой вымысел…» — по-видимому, справедливо лишь последнее. Текстологический анализ показывает, что первоначальный слой заключительной главы второго тома «Мертвых душ» с речью генерал-губернатора был написан Гоголем до весны 1849 г., т. е. до получения письма от В. И. Белого.

к стр. 203 *Теревинивини* (теревені-вені) — болтовня, пустословие (*укр.*).

Брижи — сборки в одежде у ворота и рукавов (*укр.*).

Удуд — удод (*укр.*).

Финтюрная (фіндюрная) — ветреная, легкомысленная, нечистоплотная (*укр.*).

Стрекулист (строкулист) — мелкий чиновник; пронырливый человек, ловкач.

Препека (припёка; *букв.* то, что припеклось, во время печения) — нечто ненужное, лишнее. к стр. 207

Яков Иванович Шнейдер (1747–1848) — профессор римского права в Московском университете, доктор права, коллежский асессор, член московских масонских лож Директория VIII провинции (1782–1783), Трех знамен (1784), Церера (1784). Был адвокатом верховного совета в Кольмаре (Эльзас), затем переехал в Россию, где был наставником в доме Всеволожских. С 1836 г. жил в Одессе.

Н. С. Всеволожский в записках о своем путешествии... — Имеется в виду книга Николая Сергеевича *Всеволожского (1772–1857)* «Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» (М., 1839. Т. 1–2).

Попасть — здесь: поймать, захватить (*укр.*). к стр. 213

Крокос (крокус) — дикий шафран. к стр. 217

1591. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 169–170. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 482–483.

Люди, теперь здесь во главе стоящие... — Дж. Мадзини, А. Саффи, К. Армеллини, Дж. Гарибальди. к стр. 218

...вы мне ни о чем-таки не написали. — Имеется в виду письмо Гоголя от 7 апреля 1849 г. (№ 1580).

...о Завьялове... — Иванов имеет в виду увольнение от должности инспектора Московского училища живописи и ваяния художника Ф. С. Завьялова, место которого занял итальянец по происхождению М. И. Скотти. 8 февраля (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов писал Ф. В. Чижову: «...часто мне теперь на мысль приходит Завьялов и Москва. — Ученые, литераторы, защитники Запада, славянофилы и все, что звонит красивыми словами об искусствах, выслали *глубоко ученого рисовальщика русского* и взяли на его место Скотти, у которого самая высокая нота — *деньги и спекуляции.* Если б я знал наверное, что Н. В. Гоголь в Москве, я бы послал к нему об этом письмо; может быть, его авторитет пособил бы разбить бессовестность и восстановить Завьялова еще с большею крепостию...» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 716).

1592. В. А. Жуковскому

Я писал к тебе... — Имеется в виду письмо от 3 апреля 1849 г. (№ 1578). к стр. 218

1593. В. И. Белому

к стр. 219 *Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характера главное...* — См. об этом: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1; а также коммент. к строкам третьей главы ранней редакции второго тома «Мертвых душ» — *Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...* — и к строкам заключительной главы ранней редакции второго тома поэмы — *...стыдно в такое время думать о своей прибыли... У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь...* — в т. 5 наст. изд.

1594. С. Т. Аксакову

Датировка письма уточнена. На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1849». Просьба Гоголя, изложенная в записке, связана с упоминанием о «С<анкт>-П<етер>бургских Сенат<ских> Ведом<остях>, 1848 года, № 66» в письме к Гоголю В. И. Белого от 24 апреля — 2 мая 1849 г. (№ 1589), на которое Гоголь отвечал 16 мая 1849 г. (№ 1593).

к стр. 219 *Статья мне нужная напечатана в С.-П<етер>бургск<их> сенат<ских> ведомостях 1848 № 66.* — См. коммент. к письму В. И. Белого к Гоголю от 24 апреля — 2 мая 1849 г. (№ 1589).

...«Достопамятности Москвы» Снегирева... — «Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ивана Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравированными и литографированными рисунками» (М., 1842–1845). См. также письмо № 1074 в т. 13 наст. изд. и письмо № 1307 в т. 14 наст. изд.

1595. Н. Н. Шереметевой

Датируется 1849 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 220 *...ваше доброе письмо.* — Письмо до нас не дошло.

1596. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 129–130. Печатается по первой публикации.

1597. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 29 мая 1849».

Ответ П. А. Плетнева — письмо от 30 мая 1849 г. (№ 1608).

1598. Графине С. М. Соллогуб

...получил ваше письмо... — Письмо графини С. М. Соллогуб к Гоголю от 17 мая 1849 г. (№ 1596). к стр. 222

Анна Миха<й>ловна — графиня Виельгорская. к стр. 223

Владимир Александрович — граф Соллогуб.

Веневитиновы — Алексей Владимирович и его жена Аполлинария Михайловна (рожд. графиня Виельгорская).

...неуместным письмом. — Письмо до нас не дошло.

1599. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *<Горленко В. П.> В. Г.* Письмо к Гоголю Александры Осиповны Смирновой // Новое Время. 1902. 20 февраля. № 9327. Прил. С. 10–12; перепечатано: Литературный Вестник. 1902. Т. 3. № 3. С. 330–332. Печатается по копии В. И. Шенрока из собрания журнала «Русская Старина»: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 7–10; с уточнениями по первой публикации.

В. П. Горленко писал о настоящем послании: «Сообщено оно Ник<олаем> Влад<имировичем> Быковым, племянником поэта, и сохранилось в бумагах его тетки Анны Васильевны Гоголь... После рождения сына Александра Осиповна была очень долго больна, а в это время над мужем ее, калужским губернатором, разразилась служебная неприятность. На него подан был донос отчаянными крепостниками, помещиками Ершовыми, обвинявшими его в страшных злоупотреблениях. Донос этот вызвал сенатское расследование. Причиною всего дела был известный московский сатрап Закревский, ненавидевший Смирнова. Вместо сенатора Корнилова, указанного Государем, на следствие послан был сенатор Давыдов, родственник Ершовых. О таком нарушении своего желания Император узнал только после окончания дела. В одном из писем, напечатанных в “Русской Старине”, Ал<ександра> О<сиповна> говорит подробно об этом возмутительном деле, поставившем ее, — благонамеренность которой была вне всякого сомнения, — глаз на глаз с чиновничьим произволом» (*<Горленко В. П.> В. Г.* Письмо к Гоголю Александры Осиповны Смирновой. С. 10). Дело закончилось только в марте 1851 г. оправданием Н. М. Смирнова, но с увольнением его от должности калужского губернатора и причислением к Министерству внутренних дел. Генерал-лейтенант Иван Захарович Ершов (1781–1852) и его сын по Высочайшему повелению были преданы суду за клевету на Н. М. Смирнова.

Impasse — тупик (*фр.*). к стр. 224

Phtisie tuberculeuse — туберкулезная чахотка (*фр.*).

...но общество не все единомысленно. — П. И. Бартенев 6 мая 1849 г. записал в своем дневнике: «Был у Хомякова... Говорили между прочим о заговорщиках, насчет перемены формы правления, пойманных в Петербурге. Найден список лиц, которых заговорщики к стр. 225

определили уничтожить, и между ними четвертое лицо, говорят, занимает *С. П. Шевырев!*» (*Бартенев П. И.* Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студенчества) // *РГАЛИ.* Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 14. Л. 12). По воспоминаниям западника П. В. Анненкова, осенью 1851 г. Гоголь отзывался «о ссылках и других мерах» против заговорщиков «как о вещах, которые по мягкости исполнения были отчасти… милостями по отношению ко многим осужденным» (*Анненков П. В.* Две зимы в провинции и деревне // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 513).

Ольга — Ольга Николаевна Смирнова, старшая дочь А. О. Смирновой.

Соня — Софья Николаевна Смирнова, вторая дочь А. О. Смирновой, впоследствии по мужу княгиня Трубецкая.

Надя — Надежда Николаевна Смирнова, младшая дочь А. О. Смирновой, впоследствии по мужу Сорен.

…mais c'est du fanatisme religieux… — но это религиозный фанатизм (*фр.*).

1600. А. О. Смирновой

Ответ на письмо А. О. Смирновой от 18 мая 1849 г. (№ 1599).

к стр. 226 *Муханов* — вероятно, Владимир Алексеевич.

Подмосковная — имение Смирновых, с. Спасское Бронницкого уезда Московской губ.

1602. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 62–65. Печатается по первой публикации.

Ответ на два письма Гоголя — от конца марта и от 12 мая 1849 г. (№ 1575, 1590).

1603. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 37–38.

к стр. 230 *Андрей Андреевич* — Трощинский.

к стр. 231 *…о насажденьи свежих дерев на место усохнувших…* — См. коммент. к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд.

1604. М. И. Гоголь

к стр. 232 *Иван Осипович Петрашевск<ий>* — вероятно, кто-нибудь из полтавских знакомых Гоголей.

1605. О. В. Гоголь

Благодарю тебя за письмецо... — Письмо до нас не дошло. к стр. 232

1606. Графине А. М. Виельгорской

Павлино — дача Виельгорских. к стр. 233
Маминька — графиня Л. К. Виельгорская.

1607. К. М. Базили

...весть о горе... — 8 ноября 1848 г. умерла жена К. М. Базили Маргарита Александровна. к стр. 234

1608. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Русский Вестник. 1890. № 11. С. 60. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 292–293.

Письмо твое от 21 мая... — Имеется в виду письмо № 1597 от 24 мая 1849 г. к стр. 235

...жены моей... — 26 января 1849 г. Плетнев женился второй раз, на княжне А. В. Щетининой, которая была на 33 года моложе его.

Спасская мыза — дача около Лесного института, где Плетнев обычно проводил лето.

1609. П. А. Плетневу

Александра Васильевна — вторая жена П. А. Плетнева.

...быть у одра страждущего... — Имеется в виду тяжело больная теща Плетнева, которую жена его ежедневно навещала.

Ольга Петровна — дочь П. А. Плетнева от первого брака.

1610. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 219–220. Печатается по первой публикации.

Иван Александрович — Фонвизин. к стр. 236

...они потеряли истинно предостойного сына... — Младший сын М. Н. и П. В. Муравьевых Василий Михайлович Муравьев (1824–1848) умер в Иркутске в марте 1848 г., через три недели после свидания с И. Д. Якушкиным.

1611. А. О. Смирновой

Датируется 1849 г., так как речь в письме идет о первой поездке Гоголя в Калугу.

к стр. 238 *Граф и графиня Т<олстые>* — Александр Петрович и Анна Георгиевна.

1612. И. В. Капнист — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 132. Печатается по первой публикации.

1613. А. М. Марковичу

к стр. 238 *...сельский календарь годовых работ...* — С просьбой о присылке календаря сельскохозяйственных работ на лето 1846 г. Гоголь обращался ранее к сестре Ольге Васильевне (см. письмо № 1094 в т. 13 наст. изд.).

В образец прилагаю вам отрывок из календаря одной из северных губерний... — См. коммент. к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд. («Календарь крестьян (Симбирской?) губернии»).

к стр. 240 *Александр* — А. С. Данилевский.

1614. А. С. Данилевскому

Датируется 1849 г. по содержанию и по связи с письмом А. М. Марковичу от 1 июля 1849 г.

к стр. 241 *Единородная дщерь* — Ольга, дочь А. С. Данилевского.

1615. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 35.

Датируется 1849 г. по содержанию (около 5 июля этого года Гоголь вместе с Л. И. Арнольди уехал в Калугу).

к стр. 241 *Передайте... ему письмецо.* — Письмо Гоголя к А. А. Трощинскому не сохранилось.

Путята (Путятин) — Родион Тимофеевич (1807–1869).

1616. Графине А. М. Виельгорской

Ответ графини А. М. Виельгорской — письмо от 14 июля 1849 г. (№ 1618).

1617. В. И. Белый — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Виноградская Н. Л.* Неизвестные письма В. И. Белого к Гоголю // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Печатается по первой публикации.

Зозуля — кукушка (*укр.*). к стр. 243
Ледаща... — ленивая (*укр.*).
...годуе... — кормит, питает (*укр.*).
Валюка — бездельник, лентяй (*укр.*). к стр. 244
...две чалых лошади... — Лошади светлой масти с черными гривой и хвостом или черной масти со светлыми гривой и хвостом.
Сіре-зілля — клевер ползучий (*укр.*). к стр. 245
...прислать мне один конверт с адресом, что будет весточкою о получении и сего моего письма... — В принадлежавшем В. И. Белому экземпляре «Выбранных мест из переписки с друзьми» сохранился вырезанный из конверта листок с его адресом, написанным рукой Гоголя.
Дряпать — царапать. к стр. 248

1618. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 145–146. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от начала июля 1849 г. (№ 1616).
Ответ Гоголя — письмо от 30 июля 1849 г. (№ 1621).

1619. А. О. Смирновой

Ответ А. О. Смирновой — письмо от 1 августа 1849 г. (№ 1625).

Лев Иваныч — Арнольди. к стр. 249
Кристофор (Христофор) — лакей Смирновых.
Иван — слуга Толстых, у которых жил Гоголь в Москве.
Кланяется вам Тентетников. — В первой половине июля 1849 г. Гоголь ездил в Калугу к А. О. Смирновой и читал ей главы второго тома «Мертвых душ».

1620. М. И. Гоголь

По возвращеньи в Москву... — После поездки в Калугу в первой половине июля 1849 г. к стр. 250
...ваши письма от 12 июля. — Письма до нас не дошли.

1621. Графине А. М. Виельгорской

На подлиннике имеется помета (рукой А. М. Виельгорской?): «1849». Ответ на письмо А. М. Виельгорской от 14 июля 1849 г. (№ 1618).

... на столе письмо. — Письмо от 14 июля 1849 г. (№ 1618). к стр. 250
Передайте ей письмецо. — Письмо графине С. М. Соллогуб от 30 июля 1849 г. (№ 1622).

1622. Графине С. М. Соллогуб

Письмо было приложено к посланию графине А. М. Виельгорской от 30 июля 1849 г. (№ 1621).

к стр. 251 *...книга, посланная Анне Миха<й>ловне...* — Ботанический атлас. Летом 1849 г. С. М. Соллогуб, А. М. Виельгорская и А. М. Веневитинова занимались ботаникой.

...применение растений на пользу человека... — См. сопроводит. статью в т. 8 наст. изд.

...«Хозяйственная ботаника» проф. Щеглова. — Книга Н. П. Щеглова «Хозяйственная ботаника» (СПб., 1826).

к стр. 252 *Аполлина Михайловна* — Веневитинова.

Графиня — Л. К. Виельгорская.

1623. Графу А. П. Толстому

к стр. 252 *Графиня* — А. Г. Толстая.

Софья Петровна — графиня Апраксина.

Наталия Владимировна — графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.

Аще не Господь созиждет дом, всуе все попечения.— «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» (Пс. 126, 1).

1624. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 772–774. Печатается по первой публикации.

к стр. 253 *Саша* — «Александр Константинович Базили, несколько лет состоявший русским консулом в Вене (до того времени в Пеште), ныне он занимает высокий пост в Петербурге» (примечание В. И. Шенрока).

1625. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 656. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо Гоголя от 29 июля 1849 г. (№ 1619).

к стр. 256 *Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло...* — Гоголь откликнулся на пожелание А. О. Смирновой. В первой главе второго тома «Мертвых душ» было вычеркнуто несколько строк — эта правка прямо обнаруживает стремление «немного свести с идеала» Уленьку. После слов: «...имел дочь, существо невиданное, странное...», — было вычеркнуто: «...которую скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением,

чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновиденьем, действительность для него пропадает навсегда» (*РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 10 об. — 11). Помимо этого, были исключены следующие строки: «Необыкновенно трудно изобразить портрет ее... Она была миловидней, чем красавица; лучше, чем умна; стройней, воздушней классической женщины. Никак бы нельзя было сказать, какая страна положила на нее свой отпечаток, потому что подобного профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камеях» (*РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 11). Заключительные слова об «античных камеях» были переработаны и перенесены в другое место главы. Они появились там, где описывается приезд Чичикова к генералу Бетрищеву: «Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого благородного очертанья лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках» (*РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 2 об.).

Гоголь откликнулся также и на пожелание Смирновой «дать работу жене Костанжогло». См. коммент. к строкам третьей главы позднейшей редакции второго тома поэмы — *...лепестки каких-то цветков, приготовленных к сушке...* — в т. 5 наст. изд.

1626. Н. В. Путяте

О датировке письма см.: *Долгополова С. А.* Гоголевская комната в Мурановском доме (О роли предания в усадебной жизни) // Н. В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2003. С. 203–215.

Клементий Осипович — Россет. к стр. 256

Княжна Цицианова — Елизавета Дмитриевна (1800–1885), родственница А. О. Смирновой.

Сестрица — Анна Васильевна Путята (1810–1880).

1627. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 8. С. 187–188. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 107–108.

Написано в ответ на требование Гоголя высказать замечания на прочитанную им Аксаковым 18 августа 1849 г. первую главу второго тома «Мертвых душ».

...рассказ об Александре Петровиче. — Речь идет о персонаже второго тома — «необыкновенном наставнике» Тентетникова. к стр. 257

В Рыбинске играли «Ревизора»; в половине пиесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица, — помирали все со смеха. — Об этом случае рассказано в письме И. С. Аксакова

из Рыбинска от 20 августа 1849 г. (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 46).

1628. М. И. Гоголь

к стр. 258 *Эмилия* — Ковриго; см. коммент. к письму Гоголя матери от середины февраля 1849 г. (№ 1563).

1629. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 84. Печатается по первой публикации.

1630. Графиня А. Д. Блудова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 741. Печатается по первой публикации.

1631. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 220–221. Печатается по первой публикации.

к стр. 259 *...в проезд ваш через Москву...* — 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым и вернулся в Москву в конце июля 1849 г.; затем отправился на дачу С. П. Шевырева в Большие Вяземы, а во второй половине августа — начале сентября жил у Аксаковых в Абрамцеве.

Александра Осиповна — Смирнова.

1632. А. О. Смирновой

к стр. 260 *...на письмо мое?* — Письмо до нас не дошло.

1633. А. О. Смирновой

к стр. 260 *Графиня Соллогуб* — Софья Ивановна (1792–1854), мать В. А. Соллогуба.

Андрей Карамзин (1814–1854) — сын историка Н. М. Карамзина.

...с супругою... — Аврора Карловна Карамзина (рожд. Шернваль, в первом браке Демидова, 1813–1902).

1634. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской

...новорожденное существо... — 11 августа 1849 г. родилась графиня А. В. Соллогуб. к стр. 261

Владимир Александрович — граф Соллогуб.

...прежде, во времена Екатерины, больше было дельных сочинений о России. — Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг.: «Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина». См. также письма № 1862, 1865 и сопроводит. статью в т. 8 наст. изд. к стр. 262

...первая заповедь, данная человеку по изгнаньи его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой! — «В поте лица твоего снеси хлеб твой...» (Быт. 3, 19). См. также коммент. к письму № 1094 в т. 13 наст. изд.

Обнимите Михаила и Матвея Юрьевича... — Виельгорских.

1635. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (*РГАЛИ*). Ф. 2980 (фонд С. Н. Дурылина). Оп. 1. Ед. хр. 1317. Л. 1–4. (21,9 × 27,2). Публикуется впервые.

Гинтовт (Гинтофт) — Александр Людвигович (1811–1860), сын генерал-майора Л. И. Гинтовта, из дворян Черниговской губернии, православного исповедания. В родовом владении имелись 46 душ крестьян в Конотопском уезде Черниговской губернии и дом в Нежине. В 1827 г. поступил в нежинскую Гимназию высших наук и окончил ее в 1830 г. (двумя годами позже Гоголя) с правом на чин 14-го класса. Вступил в военную службу 17 ноября 1830 г. унтер-офицером; в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., за что произведен в прапорщики. С 1833 г. — подпоручик, в 1836 — поручик, в 1840 — штабс-капитан, в 1842 — капитан, в 1843 — майор. С 28 октября 1847 г. — подполковник; с 10 апреля 1849 г. — полковник; с 25 декабря 1856 г. — генерал-майор. В продолжение службы состоял в разных пехотных полках. С 1836 г. по начало февраля 1848 г. служил в должности адъютанта при генерале от инфантерии В. И. Тимофееве — участнике войны 1812 г. и подавления польского восстания — уроженце Полтавской губернии (позднее А. Л. Гинтовт написал о нем некролог; см.: <*Гинтовт А. Л.*> Некролог В. И. Тимофеева 1-го // Москвитянин. 1850. № 8. Отд. V. С. 179–194; авторство устанавливается из свидетельства Н. В. Кукольника: *Кукольник Н.* А. Л. Гинтовт // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 27–28; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. С. 356–358). 9 февраля 1848 г. А. Л. Гинтовт был назначен дежурным штаб-офицером в штаб 6-го армейского корпуса и состоял в этой должности до 12 октября 1854 г. Имел награды: орден Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней и др. После назначения в 1856 г. начальником штаба отдельного Сибирского корпуса женился на к стр. 263

«молодой и весьма красивой девице» — дочери подполковника Корпуса жандармов М. Шевелева, Александре Михайловне Шевелевой (род. 1842), детей не имел. Скончался 24 ноября 1860 г. в Омске от тифозной горячки (см.: Формулярный список о службе и достоинстве бывшего начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса, генерал-майора Гинтовт<а> // *РГВИА.* Ф. 395. Оп. 166. 3 отд. 1860. Ед. хр. 1100. Л. 6–16). Н. В. Кукольник, в частности, вспоминал о совместном участии Гоголя и Гинтовта в 1827 г. в одной из постановок гимназического театра: «Мы собирались играть “Фингала” <трагедию В. А. Озерова>; роли были уже розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала — мне, Моины — Гинтовту, но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр» (Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 21). 6 декабря 1849 г. Гоголь писал А. О. Смирновой: «С Назимовым я мало знаком… Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе» (письмо № 1653). В конце декабря 1851 г. полковник А. Л. Гинтовт принимал участие в ходатайстве Гоголя о получении места наставника при сыне Наследника, великом князе Николае Александровиче (1843–1865), о чем рассказывал в своих воспоминаниях художник М. И. Железнов (см. коммент. к письму № 1359 в т. 14 наст. изд.).

к стр. 264 *Зовут его Матвей Иванович Орлов…* — В гоголевском фонде *РГБ* сохранилось письмо М. И. Орлова к Д. К. Малиновскому от 15–17 октября 1849 г. в ответ на просьбу о ходатайстве: «*1849, Октября 15. Суббота…* Что касается до поручения к Гоголю, не знаю, почему бы мне отказываться от него: исполнение с первого разу кажется не слишком трудно. Делай, как знаешь, — я готов к нему сходить. Только, пожалуйста, — обо мне ни слова лишнего. “Придет, де, скажи, к Вам такой-то (имярек) и только”. — Не знаю только, там ли он живет, где прежде жил. Впрочем — ничего: найти можно… *Понедельник. 17 Октября.* Да напиши мне, пожалуйста, толком, в чем должна заключаться эссенция моей вступительной речи к Гоголю. — Кстати. Сев<ерная> Пчела обещает скорого выхода 2-й части Мертвых Душ. А Жуковский напечатал уже последние 12 песен Одиссеи. Торжествует русская литература!.. А Петр Александрович <Плетнев> недавно воротился из путешествия по Святым Местам русским и проехал около 25 городов; был в Малороссии и остался ею недоволен после гоголевских и пушкинских описаний» (*РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 40. Л. 2, 4–4 об.).

О визите М. И. Орлова к Гоголю 29 октября 1849 г. Д. К. Малиновский позднее вспоминал: «Приведу здесь нечто о свидании с Гоголем студента М. И. Орлова, моего старинного друга, бывшего у Гоголя по моей просьбе. Я тогда только что поступил в юнкера и жил в городе Верее. По некоторому стечению обстоятельств я вдруг пожелал быть переведенным в гвардейскую артиллерию.

Чрез М. И. Орлова я просил Гоголя похлопотать об этом переводе, и вот что мой ходатай писал мне по этому случаю:

“На другой день (29 октября 1849 года) в назначенный срок я узрел Николая Васильевича и… о впечатлениях разного рода молчу, потому что это подробности. После необходимого с моей стороны коротенького вступления и после двух-трех слов с его стороны, сказанных по поводу этого предисловия, он начал таким образом: ‘Да, он пишет мне о том, что хочет перевестись в гвардию. Но я не знаю, нужно ли это непременно. Посоветовался ли он об этом деле с людьми более знающими? Будет ли в этом какая выгода? И позволит ли ему состояние? Мне хотелось бы знать, что это желание перевестись — обдуманность или следствие беспокойного духа?’ Дальше он высказал следующее: ‘Конечно, в иных случаях советовать нельзя; но мое мнение такое, что если уже он поступил в эту службу, так прежде всего должно заботиться о точном исполнении долга и ежедневных обязанностей, какие возлагает на него служба, и думать, что при избрании этого поприща участвовал не один наш собственный произвол, но признавать, что в этом избрании присутствует Сила, свыше распоряжающая’… При этом на лице его показалось то, что, кажется мне, хорошо выражает французское *sourire doucement*… ‘А остальное, — продолжал он, — придет само собой, чем меньше мы об нем думаем’. Вот весь экстракт нашей беседы. А на прощанье повторил: ‘Я рад сделать пользу вашему товарищу, буду во всяком случае стараться; а если увижу какую выгоду, то еще больше буду хлопотать: это моя обязанность, потому что…’ Но тут внимание мое несколько рассеялось, и я не разобрал последних слов”» (*Малиновский И.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Варшавский Дневник. 1902. 21 февраля (6 марта). № 51. С. 3; см. также: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Философии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 88–89).

Совет, сходный с тем, который Гоголь давал Д. К. Малиновскому через М. И. Орлова, писатель сообщал также в 1849 г. брату А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, который, в частности, вспоминал: «Гоголь говорил со мною о моей службе и советовал не брать видных мест. “На них всегда найдутся охотники, — прибавил он, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно в этой должности полезным; тогда вы увидите, как будет вам весело на душе”» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 472). «Поверьте, — говорит во втором томе «Мертвых душ» Муразов Хлобуеву, — что если вы взяли<сь> за должность свою таким образом, как бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вам никто из людей не в силах охладить».

Сухозанет — Николай Онуфриевич (1794–1871), генерал-адъютант, с 1849 г. занимал должность начальника артиллерии действующей армии, с 1856 по 1861 г. — военный министр. к стр. 264

1636. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 222–223. Печатается по первой публикации.

1637. Я. К. Грот — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 821. Печатается по первой публикаци.

к стр. 271 *Дмитрий Степанович Протопопов* (1807–1871) — начальник Комиссии по уравнению денежных сборов с государственных крестьян Московской губернии (с 28 апреля 1848 г.), впоследствии — директор 2-го департамента Министерства государственных имуществ, член совета министра государственных имуществ, сотрудник аксаковского «Дня».

<Отрывок из письма Д. С. Протопопова к Я. К. Гроту, отправленный Я. К. Гротом в письме к Н. В. Гоголю от 26 октября 1849 г.>

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // Русский Архив. 1864. № 2. Стб. 179. Печатается по первой публикации.

к стр. 272 *...грептят ему на совести.* — Тревожат его совесть. Гребтить — беспокоить.

1638. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 658–659. Печатается по первой публикации.

Ответ Гоголя — письмо от 6 декабря 1849 г. (№ 1653).

к стр. 272 *Ося* — Осип Осипович Россет, брат А. О. Смирновой.

Сенатор Давыдов — князь Сергей Иванович (1790–1878), с 1852 г. вице-президент Академии наук.

...ершовская история... — См. коммент. к письмам № 1562, 1599.

...находит сильного покровителя... — «Гр<афа> Закревского» (примечание О. Н. Смирновой).

1639. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 551.

1640. К. И. Марков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 553–555. Печатается по первой публикации.

1641. К. И. Марков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 550–553. Печатается по первой публикации.

1642. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 32.

На подлиннике имеется помета: «Получено декабря 10-го в Кагорлыке 1849-го года».

Аполл<он> И<льич> Ознобишин — брат полтавского граждан- к стр. 278
ского губернатора Н. И. Ознобишина.

Дмитрий Андреевич — Трощинский (ум. в конце 1880-х), сын А. А. Трощинского, троюродный брат Гоголя.

1643. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю (с припиской О. Сем. Аксаковой)

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 806. Печатается по первой публикации.

...за Ваши строчки. — Письмо не сохранилось. к стр. 278

Нередко укалывалось мое эстетическое чувство Жуковским, к стр. 278–279
который торчит из Гомера. «Гость таинственный» или «души Телемак» — нестерпимы. — В письме к сыну Ивану (без даты) С. Т. Аксаков писал: «Гоголь прислал нам последние 12 песен “Одиссеи”, и мы начали читать их с наслаждением, но о переводе можно много заметить. Где описания природы и даже быта, обряды и пр., там очень хорошо; но речи или вообще разговоры, *кажется*, не так удачно и верно переданы» (Лит. наследство. Т. 58. С. 806–807).

Панов — Василий Алексеевич (ум. 21 октября 1849).

1644. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 359–360. Печатается по первой публикации.

Ответ Гоголя — письмо от 6 декабря 1849 г. (№ 1653).

Что делал *** — «Ершов, брат С<офьи> Ив<ановны>» (приме- к стр. 280
чание О. Н. Смирновой). См. коммент. к письмам № 1562, 1599.

Топильский — Михаил Иванович (1809–1873), директор департамента при министре юстиции В. Н. Панине.

1645. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 33–34.

На подлиннике имеется помета: «Получено в Кагорлыке декабря 12-го 1849-го года».

к стр. 280 *Андрей Андреевич* — Трощинский.

Сын — Д. А. Трощинский.

к стр. 281 *Эмилия* — Ковриго; см. коммент. к письму № 1563.

Олимпиада Федоровна — рожд. Тимченко.

Губернатор — И. В. Капнист.

Кагорлык — имение А. А. Трощинского.

1646. А. О. Смирновой

Датируется 1849 г., когда в Калуге началась сенаторская ревизия.

к стр. 282 *Мисс Овербек* — гувернантка Смирновых.

1647. С. Т. Аксакову

Ответ на письмо С. Т. Аксакова от ноября 1849 г. (№ 1643).

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «В 49-м году».

к стр. 282 *Панов* — Василий Алексеевич.

1648. М. П. Погодину

Впервые напечатано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 70. Печатается по первой публикации.

Речь в записке идет о приглашении М. С. Щепкина на вечер к М. П. Погодину 3 декабря 1849 г., на котором А. Н. Островский вместе с П. М. Садовским читал свою комедию «Банкрот» («Банкрут»), а графиня Е. П. Ростопчина — свою драму «Нелюдимка». Н. П. Барсуков сообщает, что пригласить Островского на вечер Погодин поручил Н. В. Бергу, «пригласить же Щепкина на свой вечер Погодин поручил Гоголю, который по этому поводу писал ему: “Когда увижусь с Щепкиным, передам ему это и ответ привезу сам”» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Т. 11. С. 70). См. также коммент. к гоголевскому <Отклику на объяснение А. Н. Островского 28 апреля 1850 г. по поводу комедии «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!»)> в т. 9 наст. изд.

1649. Князю П. А. Вяземскому

Датируется по содержанию. В. А. Жуковский окончил и напечатал перевод 2-й части «Одиссеи» летом 1849 г. Князь П. А. Вяземский узнал об этом от В. А. Жуковского позднее и обратился к П. А. Плетневу с просьбой выслать ему книгу. 11 октября 1849 г. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому: «Вяземский из Константинополя писал ко мне только один раз. Он просил меня переслать ему туда 2-ю часть "Одиссеи", что я и исполнил» (Русский Архив. 1870. № 7. С. 1297). Гоголь узнал об окончании и напечатании «Одиссеи» из письма В. А. Жуковского, пересланного ему П. А. Вяземским, что могло произойти не ранее осени 1849 г.

1650. В. А. Жуковскому

Известие об оконченной и напечатанной «Одиссее»... — «Одиссея» Гомера, переведенная В. А. Жуковским, целиком была напечатана в т. 8 и 9 пятого издания «Стихотворений В. Жуковского» и в т. 2 и 3 «Новых стихотворений В. Жуковского» в 1849 г. к стр. 283

1651. К. И. Маркову

Датировка уточнена Е. С. Смирновой-Чикиной. См.: *Смирнова-Чикина Е. С.* К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 2. С. 140.

...я не имел в виду... героя добродетелей. — Ответ на слова К. И. Маркова в письме к Н. В. Гоголю от 23 ноября 1849 г. (№ 1641): «...если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы. Не пересолите добродетели. Изобразите нам русского человека, но в каждодневном его быту, а не исключительное лицо, которые встречаются у всех народов». См. также коммент. к письму В. И. Белому от 16 мая 1849 г. (№ 1593). к стр. 283

1652. А. М. Марковичу

Календарь — см. коммент. к письму А. М. Марковичу от 1 июля 1849 г. (№ 1613). к стр. 284

Александр Семенович — Данилевский.

Сестрица — у А. М. Марковича было пять сестер. О которой из них речь, неясно.

Племянницы — М. Г. и В. Г. Похвисневы и У. Г. Данилевская (рожд. Похвистнева).

1653. А. О. Смирновой

Ответ на письмо А. О. Смирновой от ноября 1849 г. (№ 1644).

к стр. 285 *Назимов* — Владимир Иванович (1802–1874), попечитель Московского учебного округа.

Билевич — Николай Иванович (1812–1860), окончил Гимназию высших наук в Нежине в 1830 г.; литератор; будучи в 1835–1837 гг. преподавателем русского языка и словесности в московском пансионе Л. И. Чермака, Н. И. Билевич оказал большое влияние на обучавшихся здесь братьев Федора и Михаила Достоевских. В 1848 г. был назначен инспектором в Калужскую гимназию. В Калуге он, по-видимому, исполнял также должность домашнего учителя детей А. О. Смирновой. В 1850 г. Билевич, вероятно не без участия Гоголя, был переведен инспектором в 1-ю московскую гимназию. С 1853 г. в отставке. Подробнее о Н. И. Билевиче см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. 2003. № 3. С. 20–31; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256; *Виноградов И. А.* Воспоминания о Н. В. Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. М., 2007. № 1. С. 75–82.

1654. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1889. № 1. С. 147. Печатается по первой публикации.

1655. В. А. Жуковскому

к стр. 286 *...в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жваки.* — См. сопроводит. статью к т. 9 наст. изд.

1656. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 21 дек<абря> 1849».

к стр. 288 *...отправь это письмецо к Гроту...* — Письмо № 1657.

1657. Я. К. Гроту

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 15 декабря 1849 г. (№ 1656).

Ответ на письмо Я. К. Грота от 26 октября 1849 г. (№ 1637).

1658. Графине А. М. Виельгорской

На подлиннике имеется помета (рукой А. М. Виельгорской?): «1849».

1659. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 60–61. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо Гоголя от 15 декабря 1849 г. (№ 1656).

Твое письмо Гроту отдашь лично... — Имеется в виду письмо № 1657. к стр. 289

1664. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 149–151. Печатается по первой публикации.

...ваше милое, дружеское письмо... — Письмо не сохранилось. к стр. 290

...старший сын... — М. А. Веневитинов. к стр. 291

Булка — детское прозвище Елизаветы Владимировны Соллогуб (в замуж. Сабуровой). к стр. 292

1665. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 85–86. Печатается по первой публикации.

...чтобы слона не увидать, после того, как до усталости шлялся по кунсткамере. — Подразумевается басня И. А. Крылова «Любопытный». к стр. 293

1666. П. А. Плетневу

Дочери у ней... — дочери А. О. Смирновой; см. коммент. к письму № 1599. к стр. 294

1667. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 137–138. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 257.

Ответ на письмо Гоголя от 26 декабря 1849 г. (№ 1658).

1668. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Москвитянин. 1853. № 2. С. 139–140. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 224–226.

к стр. 296 *...ста экземпляров in 8⁰ Полных моих сочинений...* — Имеются в виду «Стихотворения В. Жуковского», напечатанные в одну восьмую долю листа (СПб., 1849).

...мы спасались от немецкого колбасного бунта... — В апреле или начале мая 1849 г. Жуковский, вследствие революционных событий, вспыхнувших в земле Баден 11 мая 1849 г., выехал из Баден-Бадена в Страсбург, а затем в Швейцарию.

...большой труд... — Перевод «Одиссеи».

к стр. 297 *...написать моего «Странствующего Жида»...* — Имеется в виду замысел эпической поэмы на тему о Вечном жиде Агасфере. В 1851 г. Жуковский завершил «Введение» и первую часть поэмы. Работа над второй частью была прервана его смертью.

1670. Графине А. М. Виельгорской

к стр. 298 *...первые будут последними, а последние первыми...* — См. Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 30; гл. 20, ст. 16; Евангелие от Марка, гл. 10, ст. 31; Евангелие от Луки, гл. 13, ст. 30.

1671. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 39.

к стр. 299 *Эмилия* — Ковриго; см. коммент. к письму № 1563.

Племянник — Н. П. Трушковский.

1672. А. О. Смирновой

к стр. 300 *...Сам Спаситель сказал, что только ими очищается душа...* — «...В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33); «...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14); «...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

Да не смущается сердце ваше! — Евангелие от Иоанна, гл. 14, ст. 1. См. также коммент. к гоголевской записной книжке 1846–1851 гг. в т. 9 наст. изд.

1674. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 225. Печатается по первой публикации.

1675. Н. Н. Шереметевой

Письмо датируется на основании упоминания о данном Н. Н. Шереметевой в предыдущем письме к Гоголю «совете». Веро-

ятно, имеются в виду строки письма Н. Н. Шереметевой от 11 февраля 1850 г. о лечении золотухи (письмо № 1674).

1676. К. С. Аксакову

Филипповск<ий> переулок, в доме Высоцкого. — 25 ноября 1849 г. О. Сем. Аксакова извещала сына Ивана о найме дома в Филипповском переулке, принадлежавшего доктору Высоцкому (см.: *Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы // Звенья. Сб. 3–4. М.; Л., 1934. С. 360). В этом доме поселились О. Сем. Аксакова с больной дочерью Ольгой, остальные же члены семьи лишь наезжали в Москву. к стр. 302

1677. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1850 февраль».

Овер — Александр Иванович (1804–1864), врач, профессор Московского университета. к стр. 302

1679. М. А. Максимовичу

На подлиннике имеется помета М. А. Максимовича: «1850, в Москве».

1680. В. А. Жуковскому

«Вечный Жид» — последнее произведение Жуковского, оставшееся незаконченным. к стр. 303

Все это... было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа... — Эти слова перекликаются с выпиской Гоголя из книги И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837. Вып. III. С. 130, 133), заключающей, согласно ее заглавию, описание обрядов *Троицына дня:* «Развиванье и пусканье на воду венков, украшенье древесными ветвями и цветами храмов перешло из ветхозаветной Церкви в память Синайского законоположения, потому что в то время все зеленело и цвело, когда даны были Богом заповеди на Синае <Исх. 33, 3>. (Иудеи также в праздник жатвы, которая оканчивалась в Палестине в половину Сивана (Сиван — месяц, соответствует маю. — *И. В., В. В.*), приносили благодарение Богу за новые плоды земные, <а> праздник кущей совершали под тенью древесною)» (записная книжка 1846–1851 гг.).

Заметим, что далее речь в гоголевской выписке из книги Снегирева идет уже о тех чертах народного празднества, которые берут свое начало в язычестве: «С венками на голове водят хороводы и круги по всем рощам; в иных местах, держась за платки

в руках, тихо движутся вокруг, а вокруг стоят женихи, высматривая невест» (ср. с соблазнами Селифана в 1-й главе второго тома «Мертвых душ»). Та же мысль — об искажении христианского торжества в народном праздновании — сквозит в другой, более ранней заметке Гоголя «Праздники» — из записной книжки 1841–1844 гг. (сходное упоминание о «хороводах» в *Троицын день*).

Любопытно, что И. С. Аксаков, узнав, что Гоголь собирается на Афон и там будет оканчивать «Мертвые души», 9 июля 1850 г. писал родным: «...как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость по-моему: середи строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 158). Очевидно, однако, что Гоголь намеревался изобразить в своей поэме соблазн именно как соблазн.

Подобным же образом и в настоящем письме Гоголем заключена мысль об ином, Небесном празднике — противопоставляемом всем празднествам земным. Последнее особенно ярко проявляется в строках черновой редакции письма, которые можно даже назвать своеобразным ключом к нему. Извиняясь перед Жуковским в конце письма, что так мало рассказал ему о Палестине, Гоголь, оказывается, считает это далеко не случайным, и пишет: «...точно как с умыслом рука Божья обрекла запустенью все эти места, чтобы *<1 нрзб.>* искать в сердце своем не земного, а Небесного». Эти слова, добавим, находятся в непосредственной связи с размышлениями Гоголя об иконе (см. коммент. к строкам «Правила жития в мире» — *И земной любви он поклонится не так... нашими бренными глазами* — в т. 6 наст. изд.). Не случайно и А. А. Иванов, которого в связи с его работой над картиной «Явление Мессии» волновала проблема различия между «иконой и исторической картиной», вероятно отвечая на какие-то разговоры с Гоголем в Риме, писал ему 20 мая (н. ст.) 1851 г.: «Ведь мы уже мало-помалу подходим к последнему вопросу: быть ли живописи или не быть».

к стр. 305 *Дно этого блюда было Мертвое море.* — Ср. рассказ Гоголя в записи Л. И. Арнольди: «Природа в Палестине не похожа нисколько на все то, что мы видели; но тем не менее поражает своим великолепием, своею шириною. А Мертвое море — что за прелесть! Я ехал с Базили, он был моим путеводителем. Когда мы оставили море, он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад прежде, чем он мне не скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега, в степях, и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору; я уставал, сердился, но все-таки сдержал слово и ни разу не оглянулся. Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство. Я так и ахнул от удивления. На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи или, лучше сказать, горы, внизу виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо,

и налево, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору. Не могу описать, как хорошо было это море при захождении солнца. Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком пространстве не было видно никаких неровностей у берегов; оно было правильно-овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какой-то фиолетовой жидкостью» (Русский Вестник. 1862. № 1. С. 61–62).

...в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни... — Ср. в записной книжке Гоголя 1846–1851 гг.: «В Назарете дождь задержал нас двое суток». **к стр. 306**

...в сей пораженной Богом стране. — Имеются в виду слова Спасителя, сказанные об Иерусалиме: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23, 38; Лк. 13, 35), и упоминаемое Им пророчество Даниила: «...и во святилищи мерзость запустения будет, и даже до скончания времене скончание дастся на опустение» (Дан. 9, 27). Опустошение Иерусалима является прообразом грядущей гибели всего мира, отвергнувшего Мессию — Христа.

...«Одиссеей» он займется непременно... — С. П. Шевырев написал рецензию на перевод первой части «Одиссеи» (напечатано в № 1–3 «Москвитянина» за 1849 г.). **к стр. 307**

1681. А. Я. Булгакову

Печатается впервые по фотокопии письма, предоставленной И. П. Золотусским.

Адресат устанавливается на основании имени и отчества, упоминаемых в письме. Датируется предположительно: по вероятной связи с письмом к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. (№ 1680). См. также письмо Гоголя к А. Я. Булгакову от 24 марта того же года (№ 1687).

Александр Яковлевич — Булгаков (1781–1863), московский почт-директор. **к стр. 309**

1682. Протоиерею Матфею Константиновскому

Датировка письма уточнена. См.: *Смирнова-Чикина Е. С.* К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 2. С. 137–138.

Граф Александр Петрович — Толстой. **к стр. 309**

1683. Графу В. А. Соллогубу

На первой странице письма, над гоголевским текстом, имеется помета графа В. А. Соллогуба: «В доме Талызина, на правую сторону,

на Никит<ском> бульваре». На четвертой странице, над адресом, — заметка неизвестной рукой на французском языке: «L'existence à la mort pour but mais la vie pour vocation. C'est cette vocation, qu'il faut remplir, on tache de remplir d<ans> toute son etendue» («Существование имеет целью смерть, жизнь же имеет целью призвание. Это призвание, подлежащее выполнению, стараются осуществлять во всем его объеме»).

Дата определяется Масленицей 1849 или 1850 г., так как именно в эти годы Гоголь проводил Масленицу в Москве и жил у графа А. П. Толстого. В четверг же на Масленице (т. е. 7 февраля) 1852 г. Гоголь держал строгий пост.

1684. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 7. С. 174–176. Печатается по первой публикации.

Ю. Ф. Самарин прослушал в гоголевском чтении первую главу второго тома «Мертвых душ» 4 марта 1850 г. Точная дата этого чтения известна из письма С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 7 марта того же года: «...Самарин приезжает к нам по вечерам... Как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу "Мертвых душ", слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение» (Лит. наследство. Т. 58. С. 734). См. также коммент. к строкам первой главы позднейшей редакции второго тома поэмы — *...заочное производство дел между людьми, которых... и в глаза не видал... управление провинциями, отстоящими за тысячи верст...* — в т. 5 наст. изд.

1685. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев; вступ. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 226–227. Печатается по первой публикации. Ответ Гоголя — письмо № 1686.

к стр. 312 *Чудов монастырь* — Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь в Кремле на Царской площади основан в 1365 г. свт. Алексием, митрополитом Московским. Полностью разрушен в 1929 г.

...за ранней обедней. — 11 марта 1850 г. приходилось на субботу первой седмицы Великого поста. По древнему обычаю, связанному с празднованием памяти св. вмч. Феодора Тирона (которое всегда совершается в этот день), православные христиане в субботу первой седмицы Великого поста приступают к приобщению Святых Христовых Таин.

1686. Н. Н. Шереметевой

Ответ на письмо Н. Н. Шереметевой от 11 марта 1850 г. (№ 1685).

1687. А. Я. Булгакову

...за письмо Жуковского... — В письме к А. Я. Булгакову от к стр. 313 3/15 марта 1850 г., которое Булгаков дал на прочтение Гоголю, В. А. Жуковский писал: «Возвратился ли ты наконец из Пб., мой добрый Александр? И твои письма и приложенные к ним письма от моих я получил и благодарю тебя сердечно, но не благодарю за то, что ты все меня величаешь ленивцем, тогда как я довольно часто пишу к тебе. Правда, многие мои письма весьма не длинны, но ведь для длинных писем у меня совсем нет материалов. Я веду жизнь уединенную; о том, что у меня дома делается, сказано один раз навсегда: мир домашний. Об болезни жены говорить не хочется — тяжело и грустно. И тем более тяжело, что эта болезнь, сама по себе несчастие, приковывает меня уже несколько лет к заграничному, противному мне житью; а вы все *попрекаете* мне, что я забыл Русь и все бредите (чтобы только что-нибудь сказать), что я совсем решился покинуть отечество. На такие бредни и рука не подымается отвечать. Писать о политике?.. Чтоб чорт побрал эту собаку политику с архисобакою Пальмерстоном и со всеми коммунистами, красными, черными и оранжевыми и канительными (как говаривал во время оно наш домашний дурак Варлашка). Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты. Покойный франкфуртский парламент сделал, однако, одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний и вот уже более года... бумага мягкая, немецкие речи длинны, скопилась целая кипа... Остальное время мое посвящено такому делу, которое со временем дойдет до тебя печатное, следственно оно еще менее годится для писем. — Хорош и Вяземский; он пишет из Константинополя в Пб. длинные письма о том, что я не пишу к нему из Бадена; а сам ко мне не пишет... Я остаюсь в Бадене до конца июня, потом на 6 недель в Остенду или в Киссинген; оттуда на зиму в Ревель. След<овательно>, если Бог велит и если опять болезнь жены не привинтит меня к какому-нибудь углу в Германии, мы увидимся будущею зимою. Это значит, что я побываю в Пб. и в Москве, пока один без жены. А потом? Бог скажет что. Прости. Обнимаю тебя, Жуковский. 3/15 марта 1850. Баден-Баден» (*Жуковский В. А.* Соч. Изд. 7-е. СПб., 1878. Т. 6. С. 585–586).

...протоколы франкфуртских заседаний... — Имеются в виду протоколы заседаний Франкфуртского парламента, созванного во время революции 1848 г. в Германии для выработки общегерманской конституции и заседавшего во Франкфурте-на-Майне. В 1849 г. парламент был распущен.

1688. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 313 *Граф и графиня* — А. П. и А. Г. Толстые.

1690. В. А. Жуковскому

к стр. 314 *В дополненье к письму моему о местностях Палестины...* — Письмо № 1680.

«Иисус Христос на Голгофе» — книга инспектора Казанской духовной академии архимандрита Антония (впоследствии епископ Оренбургский) «Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов на Кресте».

1691. Е. В. Гоголь

к стр. 315 *...какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы?* — См. коммент. к строкам статьи *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *Смотрите на то – любите ли вы других, а не на то – любят ли вас другие* — в т. 6 наст. изд.

Эмилия — Ковриго; см. коммент. к письму № 1563.

1692. А. М. Марковичу

Датируется 1849 или 1850 г., так как Святую Пасху этих лет Гоголь проводил в Москве.

1693. Н. Н. Шереметевой

Датируется 1849 или 1850 г. на том же основании, что и письмо № 1692.

1694. М. И. Гоголь

Датируется 1850 г., так как Святую Пасху 1851 г. Гоголь проводил в Васильевке.

к стр. 316 *Николай Павлович* — Трушковский.

1695. А. А. Иванову

к стр. 317 *На последнее мое письмо вы не отвечали.* — Письмо до нас не дошло.

Пронеслись слухи о вашей картине... — Имеется в виду картина А. А. Иванова «Явление Мессии».

1696. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 30 апр<еля> 1850».

Ответ П. А. Плетнева — письмо от 2 мая 1850 г. (№ 1700).

1698. М. А. Максимовичу

Датируется по содержанию и на основании пометы М. А. Максимовича на подлиннике.

1699. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Известия Историко-филологического Ин-та кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895. Т. 15. С. 59–60. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 131–132.

1700. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Вестник. 1890. № 11. С. 61. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 295.

Ответ на письмо Гоголя от второй половины 1850 г. (№ 1696).

...от этого плана. — План не осуществился. к стр. 320

Вяземский получил отсрочку еще на полгода. — Имеется в виду продление срока путешествия Вяземского по Востоку.

...не прислал мне новой своей книги. — В 1850 г. в Москве отдельным изданием вышли две книги С. П. Шевырева: «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г.» и «Нилосорская пустынь».

1701. Н. Н. Шереметевой

Написано или в конце весны — начале лета 1849 г., когда Гоголь собирался в Калугу к Смирновым, или в начале мая 1850 г. (до дня кончины Н. Н. Шереметевой 11 мая), когда Гоголь готовился ехать на Украину вместе с М. А. Максимовичем.

1702. Неустановленному лицу

...провесть денек вместе в погодинском саду... обнять всех, привыкших проводить вместе со мной этот день. — Имеется в виду празднование именин Гоголя 9 мая. к стр. 320

Я еще не уезжаю из Москвы... — После празднования своих именин 9 мая Гоголь выехал из Москвы на родину вместе с М. А. Максимовичем 13 июня 1850 г.

1703. А. С. и У. Г. Данилевским

Датируется 1850 г. по связи содержания с письмом А. С. Данилевскому от 5 июня 1850 г. (№ 1714).

к стр. 321 *...хотел<ось> сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было.* — Имеются в виду неудачные хлопоты об определении А. С. Данилевского на службу в Москве.

1704. М. И. Гоголь

к стр. 321 *Тимченковы* — Тимченко, соседи Гоголя по имению.

...строенье бывшей фабрики... — См. коммент. к письму № 168 в т. 10 наст. изд. и к письму № 290 в т. 11.

1705. Протоиерею Матфею Константиновскому

Датируется на основании сообщения о смерти Н. Н. Шереметевой (ум. 11 мая 1850).

1706. М. И. Гоголь

к стр. 322 *Губернатор* — полтавский гражданский губернатор Н. И. Ознобишин.

к стр. 323 *«Довлеет дню злоба его».* — См. Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 34.

к стр. 324 *...бывшего харьковского архиер<ея>...* — Речь идет о свт. Иннокентии (Борисове), архиепископе Херсонском, бывшем епископом, потом архиепископом Харьковским в 1841–1848 гг.

Андрей Андреевич — Трощинский.

1707. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано по черновой копии: *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества Истории, Филологии и Права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 86–88. Печатается по первой публикации.

к стр. 326 *«Живешь, живешь — такая наконец скверность становится!»* — Цитата из «Женитьбы» Гоголя.

Наконец обращаюсь к известным Вам моим тетрадям. — Имеется в виду статья Д. К. Малиновского «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя», переданная Гоголю лично Малиновским в конце апреля — мае 1850 г. (опубл.: Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004).

...письмо об этом Жуковского, кажется, к Вам. — Имеется в виду литературное письмо В. А. Жуковского к Гоголю, написанное во Франкфурте 29 января 1848 г. и опубликованное под названием «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (с. 11–26). В собраниях сочинений Жуковского печатается под названием «Слова поэта — дела поэта». Написано по поводу статьи Гоголя *IV. О том, что такое слово* в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также в ответ на

письмо Гоголя к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя (№ 1432), задуманное в качестве новой вступительной статьи (вместо «Завещания») «Искусство есть примирение с жизнью» ко второму изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не осуществлено; письмо Гоголя к Жуковскому было впервые напечатано в 1888 г. в № 11 журнала «Русский Вестник»).

...Вашей последней книги. — Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

На этой неделе в среду... — 31 мая 1850 г.

1708. Графине С. М. Соллогуб

Датируется 1850 г., когда С. М. Соллогуб переживала утрату двух дочерей: восьмимесячной Аполлинарии (ум. 12 апреля 1850) и восьмилетней Софьи (ум. 19 мая 1850).

1709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 50. Печатается по первой публикации.

Sedizione — мятеж, бунт, восстание (*ит.*). к стр. 328

1710. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 262–263. Печатается по первой публикации.

Завтра отправляется отсюда Ф. И. Иордан... — Ф. И. Иордан вспоминал: «В мае месяце 1850 года я назначил мой отъезд в Петербург... Желательно мне было видеть, насколько продвинулась оконченная картина Александра Андреевича Иванова “Первое явление Спасителя народу”. Накануне моего отъезда я попросил его показать мне картину; зная, что он никому ее не показывает вот уже три года, я его не беспокоил ранее, но, отъезжая, хотел ее видеть, чтобы сказать о ней тем, кто будет спрашивать. Он обещался. Я пришел в назначенный час, звонил, звонил долго, но ответа не было. Не увидав картины, я так и ушел. В день моего отъезда утро было чудесное. На площади собрались мои товарищи: А. А. Иванов и другие. Расцеловавшись со всеми, я простился с вечным Римом» (Записки ректора и профессора Академии Художеств *Федора Ивановича Иордан<а>*. М., 1918. С. 298). к стр. 328

...двух наших граверов... — Ф. И. Иордана и А. А. Пищалкина. к стр. 329

1711. А. О. Армфельду

к стр. 329 *Александр Осипович* — Армфельд (1806–1858), профессор судебной медицины и истории медицины в Московском университете и инспектор классов сиротского института Московского воспитательного дома. Гоголь хлопотал через него о помещении воспитанницы своей матери, Э. Ковриго, в сиротский институт (см. коммент. к письму № 1563). Письмо к Армфельду датируется по связи с письмом Гоголя к Е. В. Гоголь от марта–апреля 1850 г. (№ 1691), в котором Гоголь сообщал о неудаче с устройством Эмилии в Москве. Естественно допустить, что перед отъездом в Васильевку он озаботился возвращением метрического свидетельства девочки, необходимого для ее определения в Полтавский институт, куда она и была потом устроена.

1712. К. С. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1850 май».

Написано перед отъездом Гоголя с М. А. Максимовичем на Украину 13 июня 1850 г.

1713. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 170–171. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 484.

к стр. 330 *Недавно послал я письмо к вам о Иордане.* — Письмо от мая (н. ст.) 1850 г. (№ 1710).

...длинную работу... — Над гравюрой с картины Рафаэля «Преображение».

1714. А. С. Данилевскому

к стр. 330 *...на мое письмо...* — Письмо к А. С. и У. Г. Данилевским от 14 мая 1850 г. (№ 1703).

1715. А. С. Стурдзе

к стр. 331 *Титовы* — Петр Павлович (1800–1878), член Строительного комитета Одессы, и Юлия Михайловна, его жена.

Репнины — Княгиня Е. П. Репнина-Волконская, княгиня В. А. Репнина-Волконская, княжна В. Н. Репнина-Волконская, князь В. Н. Репнин-Волконский. См. коммент. к письму № 1733.

1716. М. И. Гоголь

Датируется 1850 г. по связи с письмами Гоголя к матери от 15 и от 24 мая 1850 г. (№ 1704, 1706).

к стр. 331 *Письмо ваше от 27 мая получил.* — Письмо не сохранилось.

1717. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1850 июнь». Датируется днем отъезда Гоголя с М. А. Максимовичем из Москвы на родину 13 июня 1850 г.

1718. Иеромонаху Оптиной Пустыни Филарету

На подлиннике имеется помета игумена Оптиной Пустыни преподобного Моисея (Путилова): «Получено из села Долбино помещика Ивана Васильевича Киреевского 26 июня 1850».

Письмо было впервые напечатано со следующим пояснением, адресованным редактору «Домашней Беседы» В. И. Асконченскому: «В бумагах настоятеля нашей обители покойного о. архимандрита Моисея нашлось собственноручное письмо незабвенного Н. В. Гоголя, писанное им в 1850 году к одному старцу-иеромонаху. Из расспросов я узнал, что Николай Васильевич, посетив в этом году нашу обитель, слушал в церкви всенощное бдение, во время которого молился весьма усердно и с сердечным умилением, потом посетил некоторых старцев и уехал в Белевский уезд в с. Долбино, имение покойного И. В. Киреевского, одного из *истинных* друзей своих, откуда и написал предлагаемое письмо» (Письмо Н. В. Гоголя // Домашняя Беседа. 1863. Вып. 20. 18 мая. С. 457).

Долбино — имение И. В. Киреевского. к стр. 332

Настоятель — прп. Моисей (Путилов).

Говорю вам об этом неложно. — Ср. отмеченное А. Б. Гольденвейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму Л. Н. Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы об нем молились. "Очень нехорошее письмо, — сказал Лев Николаевич. — Жалкое какое-то самоунижение и в то же время — преувеличенное значение своих писаний"» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. Б. м., 1959. С. 293). к стр. 333

1719. А. М. Марковичу

Датируется 25 июня 1850 г., так как в этот день Гоголь и М. А. Максимович приехали в Глухов и здесь расстались.

1720. А. С. Данилевскому

Дубровное — имение А. С. Данилевского. к стр. 333

Трахимовский — Алексей Михайлович. к стр. 334

...у дяди твоего Александра Михай<ловича>. — А. М. Маркович был дядей жены А. С. Данилевского.

1721. А. М. Марковичу

Датируется по связи с письмами № 1719, 1720.

Все мне присоветовали принять смелость обратиться прямо к Вам и чистосердечно изъяснить свое положение", и вслед за этим все как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично». Ходатайство осталось неотправленным. См. также письмо № 1726.

к стр. 342 *...во власть гувернеров-иностранцев...* — 25 марта 1834 г. в связи с провозглашенным С. С. Уваровым курсом на укрепление начал Православия, Самодержавия и Народности был издан Высочайше утвержденный указ «О воспрещении принимать иностранцев обоего пола без надлежащих свидетельств в дома дворян, чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания» (Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. LXXI–LXXIII), а 1 июля 1834 г. — Высочайше утвержденное «Положение о домашних наставниках и учителях» (Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 8. С. XVII–XXXVI). См. также: *<Уваров С. С.>* Замечания французских газет касательно распоряжения русского Правительства о частных пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145. В прямой связи с этим находится ироническое упоминание у Гоголя в повести «Невский проспект» о «гувернерах всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих с своими питомцами по Невскому проспекту.

Книга эта... зреет вместе с нынешним моим трудом... — См. коммент. к статье «Мысли о географии» в т. 6 наст. изд.

1730. А. О. Смирновой

Ответ на письмо А. О. Смирновой от 24 июня 1850 г. (№ 1725).

к стр. 343 *Я написал письмо...* — Письмо № 1729.

к стр. 344 *Гр<аф> Т<олстой>* — Алексей Константинович.

десть — единица счета писчей бумаги.

1731. Послушнику Оптиной Пустыни Петру Григорову

к стр. 345 *Отец игумен* — прп. Моисей (Путилов).

1732. С. П. Шевыреву

к стр. 345 *София Борисовна* — Шевырева.

1733. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

Ответ княгини Е. П. Репниной-Волконской — письмо от 16 августа 1850 г. (№ 1739).

к стр. 346 *Елисавета Петровна* — княгиня Репнина-Волконская (рожд. Балабина), родственница двух приятельниц Гоголя: сестра М. П. Ваг-

нер (рожд. Балабиной) и невестка княжны В. Н. Репниной (жена ее единственного брата, Василия Николаевича).

...княгиня, ваша маминька... — Свекровь княгини Е. П. Репниной, княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская). Жила в Одессе отдельно от семьи сына, вместе с дочерью Варварой Николаевной.

Князь — муж княгини Е. П. Репниной, Василий Николаевич Репнин-Волконский.

1734. К. М. Базили — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 829–830. Печатается по первой публикации.

Письмо твое от апреля из Москвы... — Письмо не сохранилось. **к стр. 346**

1735. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 832–833. Печатается по первой публикации.

Граф — А. П. Толстой. **к стр. 347**

1736. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 826–827. Печатается по писцовой копии, подписанной о. Порфирием: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1328. 2 л. (бумага со штемпелем: овал с литерой «А» в центре и надписью по окружности: «Асеевской фабрики»).

Племянник Ваш — Н. П. Трушковский. **к стр. 350**

1737. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 655–656. Печатается по первой публикации.

Толстой — граф Алексей Константинович. «В июне 1847 г. моя мать поправлялась от родов, а гр<аф> А. К. Толстой приехал в Калугу только в 1849 г., уезжал к дяде Перовскому и опять вернулся в Калугу и прожил зиму 1850 г.» (примечание О. Н. Смирновой). **к стр. 351**

...прилагаемое письмо к Наследнику... — Письмо № 1743.

à-peu-près — приблизительно (*фр.*).

Олсуфьев — Василий Дмитриевич (1796–1858), с 1856 г. граф, состоял при дворе Наследника, был в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным и другими писателями и учеными.

1738. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 60–62. Печатается по первой публикации.

1739. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 830. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 1 августа 1850 г. (№ 1733).

1740. А. О. Смирновой

к стр. 353 *...вместе с двумя проектами официальных писем.* — См. письма № 1743, 1744 и коммент. к ним.

Толстой — граф Алексей Константинович.

От Стурдзы я получил на днях... письмо... — Письмо А. С. Стурдзы от 21 июня 1850 г. (№ 1723).

1741. Графу А. П. Толстому

к стр. 354 *Neale* — *Низли* Джон Мэзон, английский богослов. В 1850 г. вышла его книга «An Introduction to the History of the Holy Eastern Church» («Введение в историю Восточной Церкви») в 2 тт.

Жаль, если Пальмер не напишет своего путешествия по Востоку. — В. Пальмер занимался делом воссоединения Англиканской Церкви с Православием. Не добившись этого, перешел в католичество. Дважды был в России. Путешествовал также по Востоку. Переписывался с графом А. П. Толстым.

2-го тома Святогорцев... — Имеется в виду т. 2 книги иеросхимонаха Сергия (Веснина), писавшего под именем Святогорца, «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской» (СПб., 1850). С автором ее Гоголь был знаком.

1742. Графине А. Г. Толстой

к стр. 355 *Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными письмами, а своих адресов оба не сказали.* — Письмо графа А. П. Толстого не сохранилось. Письмо М. С. Скуридина от 25 июля 1850 г. (№ 1735). Обратный адрес в этом письме имеется.

Князь — Георгий Александрович Грузинский (1762–1852), отец графини А. Г. Толстой.

1743. Государю Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 850 (фонд С. П. Шевырева). Ед. хр. 49. Текст написан графом А. К. Толстым, чернилами и карандашом. Исправления и дополнения Н. В. Гоголя, карандашом.

Составленное графом А. К. Толстым, на основе официального письма Гоголя от 10–18 июля 1850 г. (№ 1729), настоящее послание было получено Гоголем при письме А. О. Смирновой от 30 июля 1850 г. (№ 1737). См. также письма № 1740, 1749.

Письмо осталось неотправленным.

1744. Гофмаршалу Двора Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича В. Д. Олсуфьеву

Печатается по автографу: *ГАРФ.* Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2348. (Письмо поступило в *ГАРФ* из Центрального Государственного Исторического Архива МВД в Москве.) Сохранилась также копия, сделанная С. П. Шевыревым.

Письмо к В. Д. Олсуфьеву было написано Гоголем по совету А. О. Смирновой и графа А. К. Толстого как сопроводительное к письму Наследнику (письмо № 1743). В основу письма было положено составленное графом А. К. Толстым, на основе официального письма Гоголя от 10–18 июля 1850 г. (№ 1729), послание к В. Д. Олсуфьеву, которое было получено Гоголем при письме А. О. Смирновой от 30 июля 1850 г. (№ 1737). См. также письма № 1740, 1749.

Письмо осталось неотправленным.

1745. А. С. Стурдзе

Печатается с уточнением по автографу: *ГИМ.* Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 2–3.

О<тец> М. Павловский — протоиерей Михаил Карпович Павловский (1810–1898), профессор богословия Ришельевского лицея, духовник А. С. Стурдзы и Репниных. **к стр. 360**

1746. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 656–658. Печатается по первой публикации.

...второй том... — «Мертвых душ». **к стр. 362**

1747. П. Ф. Минстер

Поликсена Федоровна Минстер — одна из бывших учениц Гоголя в Патриотическом институте, жившая в Полтаве, подруга его сестер, Анны и Елизаветы.

Ответ П. Ф. Минстер — письмо от 28 сентября 1850 г. (№ 1748).

1748. П. Ф. Минстер — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1895. Т. 3. С. 545–546. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо Гоголя от 23 сентября 1850 г. (№ 1747).

1749. А. О. Смирновой

к стр. 363 *Приехавши в Одессу, сию же минуту... пишу к вам.* — Гоголь приехал в Одессу 24 октября 1850 г.

Ваше письмо получил... — Письмо А. О. Смирновой от 11 сентября 1850 г. (№ 1746).

Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда. — См. письма № 1743, 1744.

1750. М. И. Гоголь

к стр. 364 *С большим трудом добрался я... до Одессы.* — Сохранилась подорожная для проезда Гоголя от Канева до Одессы, выданная в Каневе 3 октября 1850 г.: «От Города Канева до Города Одессы Коллежскому Асессору Николаю Гоголю, следующему по собственной надобности с будущим под его Экипаж почтовых давать по четыре лошади с проводником, за указание прогони, без задержания дана в Городе Каневе 1850 года Октября 3 дня. С сей подорожной за 474 версты 9 руб<лей> 48 коп<еек>» (*ГИМ.* Ф. 281. Оп. 2, год 1832–1850. Ед. хр. 23. Л. 4).

к стр. 365 *Юркевич* — лицо неустановленное.

Черныш — Василий Иванович.

Прилагаю при сем два письмеца... — Письма до нас не дошли.

Отец Антон — вероятно, васильевский священник.

Иван Григор<ьевич> Крикуневич — лицо неустановленное.

Немченко — Аким, или Яким Нимченко, бывший слуга Гоголя.

1751. А. В. Гоголь

к стр. 365 *...в этот приезд...* — Речь, возможно, идет о втором приезде Гоголя в Васильевку после возвращения из-за границы — в 1850 г.

1752. Протоиерей Михаил Павловский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 825–826. Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980 (фонд С. Н. Дурылина). Оп. 1. Ед. хр. 1325.

1753. С. П. Шевыреву

Ответ С. П. Шевырева — письмо от 28 ноября 1850 г. (№ 1760).

...смирдинского издания русских писателей... — Имеется в виду предпринятое в конце 1840-х гг. А. Ф. Смирдиным «Полное собрание сочинений русских авторов», начиная с М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского. к стр. 367

Михневич — Иосиф Григорьевич (1809–1885), профессор философии в Ришельевском лицее в Одессе. к стр. 368

Мурзакевич — Николай Никифорович (1806–1883), профессор русской истории, позднее — директор Ришельевского лицея.

...несколько добрых товарищей еще по Нежинскому лицею. — Вероятно, имеются в виду братья Орлаи, Александр и Андрей Иванович, сыновья И. С. Орлая.

...есть ли у тебя экземпляр... — Подразумевается первое издание сочинений Гоголя в четырех томах (СПб., 1842).

Лешков — Василий Николаевич (1810–1881), профессор-юрист Московского университета, цензор «Москвитянина».

Приложенное при сем письмецо... — Письмо к С. Т. Аксакову от 7 ноября 1850 г. (№ 1754).

1754. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1850 года».

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 7 ноября 1850 г. (№ 1753).

Казначеев — Александр Иванович (1788–1880) — одесский градоначальник, впоследствии сенатор, старый друг С. Т. Аксакова. к стр. 368

...записки... — Подразумеваются «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

1755. И. А. Фонвизин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 822. Печатается по первой публикации.

Дмитрий Михайлович Фонвизин — сын М. А. и Н. Д. Фонвизиных. к стр. 369

1756. А. М. Трахимовскому

Письмо написано в связи с окончанием Д. А. Трощинским Ришельевского лицея в Одессе и возникшим вопросом об определении его на службу. Ходатайство Гоголя, по-видимому, не увенчалось успехом, и Д. А. Трощинский устроился на службу не в Миргороде, а в Одессе.

к стр. 370 *...при больном отце.* — Имеется в виду А. А. Трощинский.

...внук того знаменитого мужа... — Д. А. Трощинский доводился внучатым племянником Д. П. Трощинскому.

1757. И. Т. Лисенков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 812. Печатается по первой публикации.

Иван Тимофеевич Лисенков (1820–1881) — петербургский книготорговец и издатель.

к стр. 371 *Из газет видно, что Вы изволите иметь пребывание в Одессе.* — 11 ноября 1850 г. в № 256 «Санкт-Петербургских Ведомостей» было перепечатано следующее сообщение «Одесских Ведомостей»: «Одесса, 27 октября. На днях в наш город приехал Н. В. Гоголь, который, как говорят, намерен провести здесь зиму».

...от моих знакомых Криворотовых... — В тот же день, 13 ноября 1850 г., И. Т. Лисенков писал своим знакомым — издателям Криворотовым в Одессу: «Записку эту прилагаю при письме Н. В. Гоголю, известному писателю, чтоб купить его сочинения для напечатания. У нас в торговле почти ничего нет его сочинений, а покупателей на него много, то позвольте вас попросить покорнейше, поворожите, чтоб продал мне оригинал для напечатания, что бы то ни было его сочинений, пусть он объявит вам цену, а я перешлю к вам тотчас деньги для уплаты ему, а вы получите рукопись от него, а то у нас совершенно нечего читать и нечем торговать. Надобно вам сказать о нем — он прескромный человек, и, может, скоро не добьетесь от него ответа, то нельзя ли вам его пригласить к себе на чай и поразговаривать с ним по-домашнему» (Русская Старина. 1898. № 6. С. 605–606).

1758. П. А. Плетневу

к стр. 373 *Лисенков* — Иван Тимофеевич.

1759. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 659–661. Печатается по первой публикации.

...statu quo — статус-кво (*фр.*)

к стр. 375 *Толстой* — граф Алексей Константинович.

1760. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 62–66. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 7 ноября 1850 г. (№ 1753).

...письмо на твое имя от Базили... — Возможно, имеется в виду письмо К. М. Базили к Гоголю от 24 июля 1850 г. (№ 1734). См.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 830. к стр. 375

Ржевский — Димитрий Семенович. к стр. 376

1761. С. П. Шевыреву

Попечитель — В. И. Назимов. к стр. 378

Письма Базили не ищи... — С. П. Шевырев писал об утере им присланного Гоголю письма К. М. Базили от 24 июля 1850 г. (№ 1734). См. письмо № 1760.

1762. В. А. Жуковскому

Но когда уже одна чистая правда стала его предметом... тут воображенье немного подвигнет писателя... — Ср. одно из «выражений» московского книгопродавца Кольчугина, занесенное Гоголем в записную книжку 1841–1845 гг.: «Я просила катихизис за 1842-й, а вы дали за 1830-й. — Да ведь это все равно, сударыня: катихизис такого рода вещь, что тут воображением не разыграешь, хоть сам Филарет». к стр. 379

1763. А. А. Иванову

Ответ А. А. Иванова — письмо от 30 января (н. ст.) 1851 г. (№ 1775).

1764. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 8. С. 190–192. Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 208–210.

...4 июня... — Вероятно, описка. Следует: 14 июня. Гоголь вместе с М. А. Максимовичем заезжал к Аксаковым 13 июня 1850 г. перед отправлением на родину. к стр. 380

Леонидов (Стакилевич) — Леонид Львович (1821–1889), артист Малого театра с 1843 по 1854 г. к стр. 381

...я никого не хочу соблазнять своим нарядом... — После правительственного распоряжения, запрещавшего дворянам носить русское платье, С. Т. Аксакову, ввиду его возраста, было разрешено оставаться в русской одежде, и он до конца жизни носил зипун.

Кошелевы — Александр Иванович и его жена Ольга Федоровна. к стр. 382

1765. С. Т. Аксакову

к стр. 382 *Очень обрадовали меня вашим письмецом...* — Письмо С. Т. Аксакова от 5 декабря 1850 г. (№ 1764).

...драма Конст<антина> Сергеевича... — Драма К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848), поставленная на сцене Малого театра 14 декабря 1850 г. и запрещенная после первого представления.

1766. А. О. Смирновой

к стр. 383 *...всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все твердые основы.* — Об этом писала Гоголю А. О. Смирнова из Калуги 24 ноября 1850 г.: «...пропаганда протестантизма идет рука об руку с пропагандою политическою. Она подтачивает все начала исподтишка, грызет, как мышь... Это... навело на мою душу какую-то грусть...» (письмо от 24 ноября 1850 г. № 1759).

...Он превосходит все неизмеримостью Своего милосердия... — Ср. запись в дневнике одесской знакомой Гоголя Е. А. Хитрово: «19 января <1851>. *Гоголь:* "А что вышло на поверку: они все пили и ели в 1848 г. во Франции". — *Я:* "Да, а как унеслись тогда надеждами!" *Гоголь:* "Да. Вообразили, что никто выше не будет, что великие люди не нужны"... *Гоголь:* "А вы очень воспламенялись?" *Я:* "О, чрезвычайно! Как жаль было расставаться с надеждами на улучшение, да и теперь еще меня эти надежды не покидают". *Гоголь:* "И меня нет. Но откуда же это придет? Не от людей же!" *Я:* "Откуда же?" *Гоголь:* "От милосердия". Но не сказал — какого... *Гоголь:* "Не одни женщины увлеклись, но и умные пламенные люди"» (*<Хитрово Е. А.>* Гоголь в Одессе. С. 549) («...они все пили и ели...» — ср. реплику Хлестакова из второго действия «Ревизора»: «Как же они едят, а я не ем? Ведь для того и живешь, не правда ли?»).

1767. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 62–64. Печатается по первой публикации.

к стр. 385 *...нашел лучшие свои средства лечения.* — «Впоследствии доктор Нордстрем основал близ Риги водолечебное заведение, которое приобрело большую известность. Сам учредитель умер года три тому назад, но, сколько известно, заведение это существует еще и теперь» (примечание Я. К. Грота).

1768. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 386 *Граф Александр Петрович* — Толстой.

1769. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 8. С. 193. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 108–109.

...с великим праздником. — 25 декабря — празднование Рождества Христова по ст. ст. к стр. 387

...особенно Трубецкие и Салтыковы. — В драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» большинство бояр было изображено негативно, в том числе и представители семей Салтыковых и Трубецких.

...вероятно, не будет представляться. — См. коммент. к письму № 1770.

1770. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма К. С. Аксакова к Гоголю // Русский Архив. 1890. № 1. С. 158–159. Печатается по первой публикакации.

...после драмы... — «Первое и единственное представление драмы К. С. Аксакова "Освобождение Москвы" происходило в бенефис Леонидова, в декабре <14 числа> 1850 года. В ней находится припев про "город с именем чужим", за который она и была снята со сцены» (примечание П. И. Бартенева). В связи с постановкой «Освобождения Москвы» попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов писал министру просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову: «Драма Аксакова хотя и написана в духе Православия, однако содержит в себе такие мысли, которые легко могут возбудить в простом народе враждебное расположение против высших сословий и вообще подать повод к превратным истолкованиям... во время представления этой драмы на московской сцене... был в театре большой шум. На все возгласы актера при порицании бояр раек кричал: "Правда, правда!"» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. С. 463). Раек — галерка. к стр. 388

...народу было мало... — «т. е. народу на сцене» (примечание П. И. Бартенева).

...я еще не говорил с вами: о Малороссии, о Киеве. — В 1850 г. К. С. Аксаков по совету Гоголя побывал на Украине. к стр. 389

1772. П. А. Плетневу

...поздравляю тебя с замужеством милой дочери... — Дочь Плетнева, Ольга Петровна, вышла замуж за Александра Борисовича Лакиера (Лакьера, 1825–1870), историка права и путешественника, служившего тогда по Министерству юстиции. к стр. 390

1773. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 661–663. Печатается по первой публикации.

к стр. 392 *Граф Александр Петрович* — Толстой.

1774. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по автографу: *РГБ.* Ф. 302. К. 5. Ед. хр. 55. Л. 1–2.

1775. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 171–172. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 485–486. Ответ на письмо Гоголя от 16 декабря 1850 г. (№ 1763).

1776. С. П. Шевыреву

Ответ С. П. Шевырева — письмо от 3 марта 1851 г. (№ 1784).

к стр. 394 *Я писал к тебе с Мурзакевичем...* — Имеется в виду письмо к С. П. Шевыреву от 15 декабря 1850 г. (№ 1761).

...Смир<дина> изд<ание> русских авторов... — См. коммент. к письму С. П. Шевыреву от 7 ноября 1850 г. (№ 1753).

...такой величины, как напечатана твоя поездка... — Подразумевается книга Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» (М., 1850).

1777. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 831–832. Печатается по первой публикации.

к стр. 395 *Губернатор* — Н. М. Смирнов, муж А. О. Смирновой.

1778. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Москвитянин. 1853. № 2. С. 140–141. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 232–233.

к стр. 396 *...коронацию и царский юбилей...* — 25-летие со дня коронации Николая I.

...я бы перевел всю «Илиаду»... — Первые опыты перевода «Илиады» Жуковский предпринял в конце 1820-х гг. В 1849 г., закончив перевод «Одиссеи», Жуковский приступил к «Илиаде», но смерть помешала ему осуществить этот замысел.

...каталог кораблей сбросил с плеч... — «Каталог кораблей» дан во второй половине второй песни «Илиады».

1779. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по копии В. И. Шенрока из собрания журнала «Русская Старина»: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 19–20.

...en vous citant... — ссылаясь на мои авторитеты (*фр.*). **к стр. 397**

1780. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

к стр. 399
«Ищите прежде правды и Царствия Божия...» — См. Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 33; Евангелие от Луки, гл. 12, ст. 31.

А мы глядим беспрестанно на то, что скажут люди. — Ср.: «Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен» (Притч. 29, 25). См. также коммент. к письму № 489 в т. 11 наст. изд.

Вспомните, что мы все уже в зрелых летах и что прожили уже больше, чем остается нам жить. — Гоголь повторяет здесь слова о. Матфея Константиновского. Ср. в письме Гоголя к графу А. П. Толстому около 14 августа (н. ст.) 1847 г.: «Вы спрашиваете о письме Матвея Александровича... Говорит он о том... что никому из нас не прожить столько, как мы прожили, и потому, оставивши все хлопоты и вещи мира, следует нам поворотить во внутреннюю жизнь» (письмо № 1381 в т. 14 наст. изд.).

к стр. 400
«Небо и земля прейдут, а словеса Мои не прейдут». — См. Евангелие от Марка, гл. 13, ст. 31; Евангелие от Луки, гл. 21, ст. 33.

...читать... такие книги, которые обличают и поражают душу, никак ее не щадя... — Ср.: «...уязвляй ее, поражай ее, как рабу кичливую и любодейную... не бойся, не умрет она от твоих ударов, напротив, еще ты избавишь ее от смерти» — слова св. Иоанна Златоуста в гоголевской выписке *<39> Приготовление к исповеди и причащению* сборника «Выбранные места из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» (см. в т. 9 наст. изд.).

1781. Монаху Порфирию (Григорову)

к стр. 401
...благодарю вас... за книгу Затворника. — Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского. Богородицкого монастыря Георгия <Машурина>, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных. Собранные Козельской Введенской Оптиной Пустыни монахом Порфирием Григоровым. 3-е изд. М., 1850. См. также коммент. к выписке *<55> Письмо Георгия затворника Задонского* сборника Гоголя «Выбранные места из творений Святых Отцов и Учителей Церкви».

1782. М. П. Погодину

к стр. 401 *Мать* — А. М. Погодина, умерла 31 декабря 1850 г. на 75-м году жизни.

1783. Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 827. Печатается по первой публикации.

1784. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 66–67. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от февраля 1851 г. (№ 1776).

1785. А. А. Иванову

Ответ А. А. Иванова — письмо от 20 мая 1851 г. (№ 1797).

к стр. 403 *...ваше письмецо...* — Письмо А. А. Иванова от 30 января 1851 г. (№ 1775).

...у Фалькона... — Имеется в виду трактир в Риме.

Брюллов — Карл Павлович (1799–1852); в 1849 г. уехал для лечения на остров Мадейру, откуда переехал в Италию, где и скончался (близ Рима).

Брат ваш — С. А. Иванов.

1786. С. П. Шевыреву

Ответ С. П. Шевырева — письмо от 6 апреля 1851 г. (№ 1793).

к стр. 404 *Наконец от тебя письмо.* — Письмо от 3 марта 1851 г. (№ 1784).

1787. С. П. Шевыреву

Датируется по связи с письмом С. П. Шевыреву от 18 марта 1851 г. (№ 1786).

к стр. 404 *...ноты церковного пения...* — Ноты были обещаны сестре А. В. Гоголь (см. письмо М. И. Гоголь от 20 января 1851 г. — № 1771).

Бортнянский — Дмитрий Степанович (1751–1825), композитор духовной музыки.

1788. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 40.

к стр. 404 *...чтобы к Страстной быть в Кагорлык.* — Страстная седмица в 1851 г. начиналась 2 апреля. В Кагорлыке у А. А. Трощинского еще

с осени гостила М. И. Гоголь со старшими дочерьми. Гоголь обещал за ними заехать на обратном пути из Одессы.

1789. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 212. Ответ Гоголя от 14 мая 1851 г. — письмо № 1796.

...что-то угораздило Погодина с Шевыревым устроить сегодня обед Иордану! — 6 апреля 1851 г. Ф. И. Иордан сообщал А. А. Иванову из Петербурга: «Я только что возвратился из Москвы, и остался ею доволен; приняли меня с Айвазовским отлично, дали публичный обед, коему причиною были добрые профессора: гг. Погодины и Шевыревы. Дай Бог им здоровья! Вследствие чего и продажа эстампов пошла для меня повыгоднее... Жаль, что не было Н. В. Гоголя, тем более, день нашего обеда, 19-е марта, был день его рождения и вступления победоносного российского войска в Париж. Сколько событий в один день!» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 527–528). Обед в честь Ф. И. Иордана и И. К. Айвазовского был устроен в Художественных классах по общественной подписке. к стр. 405

Причину... передряги перескажу вам лично. — Имеется в виду уход с государственной службы И. С. Аксакова. Причиной ухода послужила поэма И. С. Аксакова «Бродяга», героем которой является беглый крестьянин. Поэма имела большой общественный резонанс, в связи с чем И. С. Аксакову было предложено «прекратить авторские труды», которые, как писал министр, «могут повесть к неприятным для него предположениям». Резкий тон объяснительного письма И. С. Аксакова был найден «совершенно неприличным», после чего И. С. Аксаков подал заявление об отставке.

1790. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 64–66. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 296–297.

...письмо твое от 25 января. — Письмо № 1772. к стр. 406

Полагая, что мой ответ еще застанет тебя в Одессе... — Гоголь уехал из Одессы 27 марта 1851 г.

Смешно мне, что ты свои лета равняешь с моими. — В это время Плетневу было 58 лет, а Гоголю — 42.

...на празднование 25-летия Государева. — 25-летия восшествия на престол Николая I. Болезнь не позволила В. А. Жуковскому приехать в Россию.

...зять мой... — А. Б. Лакиер, муж дочери Плетнева. к стр. 407

1791. А. О. Смирновой

к стр. 407 *...живя подобно птицам небесным, не сея, не собирая в житницы...* — Ср.: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6, 26).

1792. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зуммер В. М., проф.* Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5: Общественные науки. Баку, 1925. С. 50. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 487.

1793. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 67–68. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 18 марта 1851 г. (№ 1786).

1794. А. Хрущов (?) — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 132. Печатается по копии В. И. Шенрока, из собрания журнала «Русская Старина»: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 11.

1795. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 28 мая 1851».

к стр. 409 *...твое письмо получил...* — Письмо П. А. Плетнева от 23 марта 1851 г. (№ 1790).

1796. С. Т. Аксакову

Ответ на письмо С. Т. Аксакова от 19 марта 1851 г. (№ 1789).

1797. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 173–174. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 488–489.

к стр. 410 *Письмо ваше от марта 18...* — Письмо № 1785.

к стр. 411 *Камергер* (от *лат.* cameriere) — трактирный прислужник, лакей.

1798. А. В. Гоголь

Гоголь выехал из Васильевки в Москву 22 мая 1851 г. и по дороге остановился в Полтаве, у Скалонов. Здесь он и провожавшая его мать получили письма, присланные с нарочным из Васильевки: от В. И. Быкова о предложении им руки Е. В. Гоголь и от А. В. и Е. В. Гоголь о согласии последней на брак с ним. См. также коммент. к письму № 1806.

Капитан — В. И. Быков. См. коммент. к письму № 1806. к стр. 412

1799. Е. В. Гоголь

Написано одновременно с письмом к А. В. Гоголь (№ 1798).

1800. М. И. Гоголь

Написано одновременно с письмом О. В. Гоголь от 5 июня 1851 г. (№ 1801).

...даже и самая последняя, более других устроенная для жизни к стр. 415 *безбрачной...* — О. В. Гоголь, страдавшая от рождения глухотой.

Капитан — В. И. Быков, саперный офицер; жених, потом муж к стр. 416 сестры Гоголя, Елизаветы Васильевны. «По некоторым данным, их знакомство произошло еще в Москве в доме П. И. Раевской» (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 43). «Гостя после выхода из института в Москве в доме Раевских, она встретилась с молодым сапером Владимиром Ивановичем Быковым, за которого и вышла замуж в 1851 году» (Гоголь на родине. Альбом художественных фототипий и гелиогравюр, относящихся к памяти Н. В. Гоголя / Вступ. статья и примеч. В. Горленко. Издание фотографии И. Ц. Хмелевского в Полтаве, 1902. С. 7). «...В 1851 г., когда саперный полк стоял в Кагорлыке (Киевской губернии) и Елизавета с Анной всю зиму гостили здесь в имении А. А. Трощинского... их знакомство возобновилось. В апреле этого года Гоголь тоже приезжал в Кагорлык. Здесь он читал родным первую главу второго тома “Мертвых душ”. В доме Трощинского в самом начале июля состоялась помолвка В. И. Быкова с Е. В. Гоголь. Об этом напоминает... автограф Дмитрия Андреевича Трощинского, единственного сына хозяина и троюродного брата невесты, который пишет: “*Мне вдвойне приятно теперь именно написать по желанию Вашему что-нибудь в Альбоме Вашем <альбом Е. В. Быковой>: — первое, что я передаю его человеку, избранному Вами так удачно для Вашего, вполне уверен, взаимного счастия, и то, что я имею тем самым прекрасный случай Вас с тем поздравить, прося только и в счастливые дни не забывать искренне Вас любящего и преданного Вам брата. М. Кагорлык, 4-го июля 1851 г.*” По воспоминаниям младшей сестры — Ольги, извес-

тие о помолвке прислала нарочным Анна в Полтаву к С. В. Скалон, где в это время гостили Мария Ивановна с Николаем Васильевичем и Ольгой. “Мать была недовольна, но брат и мадам Скалон уговорили ее” (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни) / Ред. и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 54). Сохранился отзыв С. В. Скалон о В. И. Быкове, данный ею в письме к Гоголю через два дня после свадьбы его сестры, на которой он по болезни не смог присутствовать: “Он прекрасный, благородный и строгой нравственности человек”...» (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 43).

В 1849 г. В. И. Быков принимал участие в походе русских войск, по просьбе австрийского Императора Франца-Иосифа, в Австрию для подавления венгерской революции. В альбоме Елисаветы Васильевны сохранился подаренный ей 14 июля 1851 г. женихом засушенный лист сирени с надписью, напоминающей о том, с каким восторгом встречались тогда русские войска славянским населением Австрии: «14-м июля 1851 г. помечен последний автограф этого томика, сделанный при жизни Елизаветы Гоголь. Он сопровождает искусно вставленный в прорези бумаги засушенный лист с маленьким черенком, ниже следует запись: *Ветка белой сирени из Лемберга из брошенных цветов во время вступления Русских войк 1849 года Маия 6 дня.* Под засушенным листом почти скрыта надпись: *six lances* (шесть копий), а рядом помещен затейливый шифр (видимо, анаграмма): внутри окружности по радиусам начерчены шесть стрелочек (копий), между ними вписаны буквы — чернилами и карандашом (карандаш почти стерся). Полностью шифр не разгадывается, однако глагол *aime*, который можно прочесть, позволяет предположить любовное признание. Слева внизу расположены дата альбомной записи, название местности — Киев — и неразборчивые инициалы автора. Дата, место заполнения, содержание и затейливая форма этого автографа, как и предыдущее упоминание в записи Д. Трощинского, с достоверностью указывают, что перед нами автограф жениха — Владимира Ивановича Быкова...» (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 43–45).

Кагорлык — имение А. А. Трощинского.

к стр. 417 *...как вы доехали...* — М. И. Гоголь с дочерью Ольгой провожали Н. В. Гоголя сначала до Полтавы, а потом вместе с ним провели восемь дней у двоюродной сестры Гоголя, М. Н. Синельниковой, в селе Власовка Константиноградского уезда Полтавской губернии, где расстались с Гоголем.

1802. А. В. и Е. В. Гоголь

Написано одновременно с письмами к М. И. Гоголь и к О. В. Гоголь от 5 июня 1851 г. (№ 1800, 1801).

1803. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 663–664. Печатается по первой публикации.

1804. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 610. Печатается по первой публикации.

1805. М. И. Гоголь

...не получили письма моего... — Письмо М. И. Гоголь от к стр. 419
5 июня 1851 г. (№ 1800).

Отправьте одно письмо Владимир<у> Ивановичу Быкову... а другое сестре Елизавете. — Письма к В. И. Быкову и к Е. В. Гоголь от 14 июля 1851 г. (№ 1806, 1807).

1806. В. И. Быкову

Письмо было приложено к посланию М. И. Гоголь от 14 июля 1851 г. (№ 1805).

1807. Е. В. Гоголь

Письмо было приложено к посланию М. И. Гоголь от 14 июля 1851 г. (№ 1805).

Отец Сергий (Тарновский) — протоиерей Сергий Терновский. к стр. 420

Старшая сестра — А. В. Гоголь.

...трудно богатому спастись. — «...трудно богатому войти к стр. 421
в Царство Небесное...» (Мф. 19, 23).

1808. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 21 июля 1851».

Ответ П. А. Плетнева — письмо от 23 июля 1851 г. (№ 1816).

*Получил пересланное тобой описание филармонического быта к стр. 422
в большом свете, по поводу «М<ертвых> д<уш>».* — В предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (М., 1846) Гоголь просил своих читателей присылать ему замечания на поэму или через С. П. Шевырева в Москве, или через П. А. Плетнева в Петербурге — «смотря по тому, к кому какой город ближе». 6 июля 1851 г. П. А. Плетнев сообщал М. П. Погодину: «...прилагаемая в письме тетрадь in folio принадлежит Н. В. Гоголю, который из Полтавы от

6 мая <имеется в виду письмо № 1795> писал ко мне, что едет в Москву, и просил доставить С. П. Шевыреву все письма и другие замечания, присланные на его имя. Кроме этой тетрадки у меня ничего нет. Итак, прошу Вас, Михаил Петрович, или С. П. Шевыреву отдайте эту тетрадь, или лично Н. В. Гоголю» (*РГБ*. Ф. 231. К. 24. Ед. хр. 55. Л. 12 об.).

1809. Преподобному Моисею (Путилову), настоятелю Оптиной Пустыни

Позднее М. И. Гоголь посылала в Оптину Пустынь на помин души Николая Васильевича 50 рублей серебром. 30 мая 1853 г. преподобный Моисей Оптинский отвечал Марии Ивановне:

«Почтеннейшее Ваше письмо от 19-го сего маия, и при оном 50 рубл<ей> серебром от усердия Вашего имел честь получить, согласно Христианскому желанию Вашему на приношение в Обители нашей при Божественной Литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына Вашего Николая Васильевича. Благочестивые его посещения Обители нашей носим в памяти неизгладимо.

По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого года исполняется по душе его поминовение в Обители нашей на службах Божиих, и навсегда продолжаемо будет с общебратственным усердием нашим и молением премилосердого Господа; да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со Святыми, а Вам да ниспослет Свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына.

Уведомляя о сем, приношу Вам общебратственную нашу нижайшую благодарность за благотворительное усердие, и с истинным высокопочтением пребыть честь имею

Милостивой Государыни

Нижайший Богомолец Игумен Моисей.

30-го маия 1853 г.

Оптина Пустынь» (Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. III. С. 70–71).

В апреле 1857 г. Мария Ивановна сообщала также С. Т. Аксакову о своем посещении Оптиной Пустыни: «Описываемая вами погода застигла нас на дороге в Оптинную Пустынь, когда мы выезжали из деревни вольных хлебопашцев, где должны были встретить праздник <Святую Пасху 7 апреля> по причине необыкновенной худой дороги по калужскому тракту, какой в жизнь мою не случалось мне видеть, нам бы гораздо лучше было ехать на Тулу, но я желала принять праздник в Оптинной Пустыни, когда не удалось в Москве, к большому моему сожалению; тот день, когда мы выехали из деревни, был довольно тепел и ясен до полудня, вдруг сделался сильный ветер, потом метель, и снег покрыл землю при

сильном морозе, и мы должны были ночевать на 1-й станции и благодарили Бога, что очутились под каким-нибудь кровом: к счастью в той деревне, где мы принимали праздник, есть маленький монастырек… мы на празднике были в церкви, на другой день праздника после обедни выехали в Оптинну Пустынь, и по прописанной причине не могли быть там и на 3-й день праз<д>ника только могли на обедню поспеть, это было 9-го апреля в день рождения моего Внука <Н. П. Трушковского>…» (Письма М. И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне (1842–1859 гг.) Аксаковым // *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. М., 1928. С. 91–92).

Лепта вдовы — См.: Евангелие от Марка, гл. 12, ст. 42–44; Евангелие от Луки, гл. 21, ст. 2–4. к стр. 423

Отец Макарий — старец Оптиной Пустыни иеросхимонах Макарий.

1810. Иерей Димитрий Пономарев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 827–828. Печатается по первой публикации.

…присланные вами «Беседы сельского священника с прихожанами»… — Книга была прислана Гоголем для чтения крестьянам Васильевки. См. коммент. к письму № 1850. к стр. 423

1811. С. П. Шевыреву

…две последние главы… — Пятая и шестая главы второго тома «Мертвых душ». См. коммент. к <Наброскам к несохранившимся главам> в т. 5 наст. изд., а также коммент. к <Записи С. П. Шевыревым своего адреса на обороте визитной карточки> в т. 9 наст. изд.

1812. А. В. и Е. В. Гоголь

Лавсаик — «Лавсаик, или Повествование о жизни Святых и Блаженных Отцов» епископа Еленопольского Палладия (1-е изд. в рус. пер. 1850 г.). к стр. 424

…молитвой Ефрема Сирина… — См. коммент. к «Оглавлению <к сборнику стихотворений>» (*«Молитва» Пушкина*) в т. 6 наст. изд., к <Записке о плане осмотра Рима для А. О. Смирновой> в т. 9, к письму № 976 в т. 13.

Владимир Иванович — Быков. к стр. 425

1813. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 828. Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1319. Л. 1–2.

к стр. 425 *...намерение составить книгу для пользы юношества...* — Речь идет о книге по географии России для юношества (см. коммент. к письму № 1258 в т. 14 наст. изд.).

1814. Преподобный Моисей (Путилов), игумен Оптиной Пустыни — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданной статье и письмах // Русская Старина. 1890. № 3. С. 856. Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1321. Л. 1.

«О. Н. Смирнова припоминает, что Гоголь находился в сношениях из духовных лиц особенно с духовником своим, ржевским протоиереем о. Матвеем Константиновским, с игуменом Оптиной Пустыни Моисеем, а также с Макарием Боровским. О сношениях Гоголя с последним, кажется, до сих пор нигде не было сообщено» (примечание В. И. Шенрока).

1815. В. Н. Лешкову

Текст письма подготовлен заново по автографу: *РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 55. 1 л.

Датируется по содержанию и по связи с письмом П. А. Плетневу от 15 июля 1851 г. (№ 1808).

1816. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Вестник. 1890. № 11. С. 66–68. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 299–300. Ответ на письмо Гоголя от 15 июля 1851 г. (№ 1808).

1817. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 68. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 368.

Место отправления письма устанавливается на основании <Записи С. П. Шевыревым своего адреса на обороте визитной карточки> в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. (см. раздел «Приложение» в т. 9 наст. изд.).

Штабс-капитан Ильин — персонаж второго тома «Мертвых душ». Часть текста, в которой он действует, не сохранилась. к стр. 429

1818. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

Ответ княгини Е. П. Репниной-Волконской — письмо от 23 августа 1851 г. (№ 1821).

1819. Графине А. Д. Блудовой

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812–1891) — дочь графа Д. Н. Блудова; с Гоголем познакомилась, вероятно, через П. А. Плетнева. Переписывались с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. В июле и августе 1851 г. вместе с отцом была в Москве, где они общались с Погодиным (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 11. С. 238–239, 241).

1820. В. И. Быков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 132–133. Печатается по первой публикации. Ответ Гоголя от 2–18 сентября 1851 г. — письмо № 1825.

1821. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 830–831. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 3 августа 1851 г. (№ 1818).

1822. М. И. Гоголь

Правительство, видя, что размножились чиновники... старается значительно уменьшить места... — Гоголь основывается на сообщении М. С. Скуридина в письме от 6 февраля 1851 г.: «Здесь очень толкуют о сокращении штатов, по всем ведомствам. Сенатор Челищев утверждает, что поводом к тому — недостаток 16 миллионов по росписи расходов на текущий год» (письмо № 1779). к стр. 431

1823. Е. В. Гоголь

В издании «Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока» (СПб., <1901>) это письмо имеет приписку: «Отчего вы не хотите прислать мне адрес Влад<имира> Ивановича. Вот уж и в третьем письме вас я об этом прошу» (Т. 4. С. 394). В подлиннике этой приписки нет.

Гаврил Семенович — Лукьянович. к стр. 432

1824. А. С. и У. Г. Данилевским

Датируется июлем–сентябрем 1851 г., когда Гоголь намеревался ехать зимовать в Крым и когда его ждали на свадьбу сестры в Васильевку. 18 сентября 1851 г., получив известие о болезни матери, до того колебавшийся Гоголь принял решение ехать на родину. См. также коммент. к письму № 1827.

к стр. 433 *...добрые кум и кума...* — «Гоголь крестил у Данилевских сына, названного в честь его Николаем» (примечание В. И. Шенрока).

1825. В. И. Быкову

Ответ на письмо В. И. Быкова от 21 августа 1851 г. (№ 1820).

Написано после 2 сентября, потому что у Гоголя тогда еще не было адреса Быкова (см. письмо к М. И. Гоголь от 2 сентября 1851 г. — № 1822), но не позднее 18 сентября (см. коммент. к письмам № 1824, 1827).

1827. С. В. Скалон

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 60.

Письмо адресовано С. В. Скалон, жившей в Полтаве и гостившей в Москве у брата, И. В. Капниста. 25 августа 1851 г. она писала оттуда к М. И. Гоголь, что на днях у нее был Николай Васильевич, просивший передать, что он «никак не может быть на свадьбе Лизы» (Лит. Вестник. 1902. Кн. 1. С. 61). Однако, получив известие о болезни матери, Гоголь изменяет решение и собирается ехать вслед за С. В. Скалон. Письмо датируется 18 сентября 1851 г. по связи с письмом № 1826.

1828. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю

Начальные строки письма впервые напечаны: *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // Русская Мысль. 1902. № 1. <Паг. 2>. С. 77. Полностью напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 133–138. Печатается по последней публикации, с дополнением по изд. 1902 г.

к стр. 437 *Стр. 107.* — Страницы указаны Скуридиным по экземпляру французского издания.

к стр. 438 *Кошихин* — так ошибочно называли Г. К. Котошихина.

...разъяснить в предисловии, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, «что за смехом его кроются горячие слезы». — Под «предисловием» А. И. Герцен, очевидно, подразумевает «Театральный разъезд», бывший на самом деле «послесловием» к т. 4 собрания сочинений Гоголя 1842 г. — и ко всему собранию в целом. Цитата из Гоголя приведена неточно.

1829. С. Т. Аксакову

...со днем вашего рождения. — С. Т. Аксаков родился 20 сентября 1791 г. к стр. 439

Кулебяка — «из одного лука и хвоста сомового или плеска, который весь из жиру, которого вбирает в себя всего тесто» (записная книжка Гоголя 1841–1844 гг. в т. 9 наст. изд.); ср. также: «Кулебяка с маленькой белугой в 5 пудов» (там же).

...готовьте своих птиц... — Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. В конце 1841 г. некоторые материалы, положенные впоследствии в основу книги, были занесены Гоголем со слов Аксакова в его записную книжку (см. коммент. к гоголевской записной книжке 1841–1844 гг. в т. 9 наст. изд.). В январе 1850 г. Гоголь слушал чтение Аксаковым отдельных глав книги. В мае 1851 г. небольшой отрывок из «Записок» был напечатан в газете «Московские Ведомости». Целиком книга вышла после смерти Гоголя, в марте 1852 г.

1830. С. Т. Аксакову

Датируется по связи с письмом С. Т. Аксакову от 20 сентября 1851 г. (№ 1829) и на основании пометы С. Т. Аксакова на подлиннике: «1851, 21-го сент.».

1831. М. И. Гоголь

Датируется 1851 г. по связи с письмом М. И. Гоголь от 18 сентября 1851 г. (№ 1826).

1832. Преподобному Макарию (Иванову) Оптинскому

Отправляясь на свадьбу сестры в Васильевку, Гоголь по дороге заехал в Оптину Пустынь и здесь просил совета у преподобного Макария (сначала устно, потом письменно), продолжать ли ему дорогу или возвратиться в Москву. На обороте гоголевского письма старец Макарий 25 сентября 1851 г. написал ответ.

1833. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1905. № 12. С. 710–711. Печатается по первой публикации.

Написано на обороте письма Гоголя (№ 1832).

1834. С. Т. Аксакову

Сегодня, может быть, буду у вас. — Гоголь приехал к Аксаковым в Абрамцево 30 сентября 1851 г. к стр. 442

...слухам никаким не верьте. — В это время ходили слухи о том, что сочинения Гоголя запрещены и новое их издание не будет

разрешено. Эти слухи основывались на действительных фактах — задержке цензурного разрешения на второе издание сочинений Гоголя. Об этом со слов последнего писала к его матери 25 августа 1851 г. С. В. Скалон: «Сочинений его цензура не пропускает...» (Лит. Вестник. 1902. Кн. 1. С. 61).

1835. С. П. Шевыреву

Датируется 30 сентября на основании упоминания о том, что М. И. Гоголь «завтра именинница», и относится к 1851 г., когда Гоголь хлопотал о втором издании своих сочинений.

к стр. 442 *Попечитель* — В. И. Назимов.

Министр — князь П. А. Ширинский-Шихматов, министр народного просвещения.

1836. М. И. Гоголь

к стр. 443 *...провести с вами эти дни...* — Подразумеваюся день именин матери — 1 октября, и день свадьбы сестры — 3 октября 1851 г.

1837. М. П. Погодину

Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2819. Оп. 1. Ед. хр. 122. 2 л.

к стр. 443 *Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию...* — «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова составили первый том подготовленного им издания сочинений А. С. Пушкина (СПб., 1855–1857. Т. 1–7).

...твое собрание... — Знаменитое погодинское «Древлехранилище». См. также коммент. к письму № 490 в т. 11 наст. изд.

1838. М. И., А. В. и Е. В. Гоголь

Окончание письма (от слов: «к Марье Николаевне и в особенности сблизиться с Катериной Власьевной») печатается с уточнением по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 41.

к стр. 445 *Марья Николаевна* — Синельникова.

Катерина Власьевна — тетка (со стороны отца) М. Н. Синельниковой, жившая вместе с нею.

1839. О. В. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 52.

к стр. 445 *...посылаю тебе 10 рубл<ей> серебром...* — Деньги были переданы через С. В. Скалон (см. письмо № 1840).

Рад, что ты устроилась хорошо в своей комнате. — В последний приезд брата Ольга Васильевна добилась у матери разрешения на переход из большого дома в «хатынку», где жила раньше бабушка, Т. С. Гоголь-Яновская.

1840. С. В. Скалон

Написано одновременно с письмами матери и сестрам (№ 1838, 1839).

Ответ С. В. Скалон — письмо от 10 октября 1851 г. (№ 1843).

...а д е с я т ь передать сестре Ольге на бедных и больных. — См. к стр. 446
письмо № 1839.

1841. С. Т. Аксакову

Датируется на основании пометы на подлиннике С. Т. Аксакова («4 или 5 октября 1851 года») и его сообщения о том, что Гоголь уехал из Абрамцева 3 октября (<*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 254).

1842. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1851 октябрь».

1843. С. В. Скалон — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 138–139. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 3 октября 1851 г. (№ 1840).

1844. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 68. Печатается по первой публикации.

1846. В. В. Тарновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 834. Печатается по первой публикации.

1847. М. И. Гоголь

Окончание письма (от слов: «и просить. О, вразуми нас всех Бог прежде исполнить главное») печатается с уточнением по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 46.

1849. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 3 декабря 1851».

1850. О. В. Гоголь

Датируется по связи с письмами к М. И. Гоголь и О. В. Гоголь от 22 декабря 1851 г. (№ 1857, 1858).

к стр. 451 *«Беседы сельского священника с поселянами»* — Речь, вероятно, идет либо о книге архимандрита Антония (Амфитеатрова) «Беседы сельского священника к прихожанам» (СПб., 1849; 2-е доп. изд. 1851), либо о «Поучениях к сельским прихожанам Иоанна Пискарева, Тульской губернии, Ефремовского уезда, села Благодати» (СПб., 1849; см. рецензию в «Москвитянине». 1850. Ч. II. С. 102–103).

1851. О. В. Гоголь

Датируется по связи с письмами к О. В. Гоголь от ноября 1851 г. (№ 1850), к М. И. Гоголь и О. В. Гоголь от 22 декабря 1851 г. (№ 1857, 1858).

1852. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Прил. С. 69. Печатается по первой публикации.

1853. Я. Данилевский — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980 (фонд С. Н. Дурылина). Оп. 1. Ед. хр. 1302. 2 л.

1854. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 610–612. Печатается по первой публикации.

Ответ Гоголя — его последнее письмо к А. С. Данилевскому от 16 декабря 1851 г. (№ 1855).

1855. А. С. Данилевскому

Ответ на письмо А. С. Данилевского от 9 декабря 1851 г. (№ 1854).

к стр. 456 *Михаил Алексеевич Литвинов* — двоюродный брат жены А. С. Данилевского. Гоголь познакомился с М. А. Литвиновым зимой 1850/51 г. в Одессе.

1857. М. И. Гоголь

«Ищите прежде правды и Царствия Небесного...» — См. также письмо № 1780. к стр. 457

Книга эта... — См. коммент. к письму № 1850.

1858. О. В. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 58–59. На письме рукою О. В. Гоголь (в замуж. Головни) написано: «последнее сокровище» (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни) / Ред. и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. <Паг. 2.> Л. <1, 4>).

«Беседы сельского священника». — См. коммент. к письму № 1850. к стр. 457

За посадку дерев тебя очень благодарю... — См. письмо № 1575. к стр. 458

1859. А. А. Иванову

Последнее письмо Гоголя к А. А. Иванову, которое художник приклеил на заглавный лист своего основного труда 1850-х гг. — цикла библейских эскизов.

1860. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «Конец 1851».

1862. С. П. Шевыреву

1-й том Гмелина... — Имеется в виду первый том «Путешествия по Сибири в 1733–1743 гг.» И. Г. Гмелина. к стр. 459

...пришли мне Палласа все пять, с атласом... — Речь идет о «Путешествиях по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788. Т. 1–5) и «Описании растений Российского государства с их изображениями» (СПб., 1786) П. С. Палласа.

1863. С. П. Шевыреву

Митрополит — свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. к стр. 459

1865. С. П. Шевыреву

...книги Палласа: «Записки» и «Описание растений»... — См. коммент. к письму № 1862. к стр. 460

...Рычкова... — «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Р. по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1770–1772) и «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» (СПб., 1772) Н. П. Рычкова.

...Севергина... — «Записки путешествия по западным провинциям Российского государства» (СПб., 1803) В. М. Севергина.

...Зуева... — «Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.» (СПб., 1787) В. Ф. Зуева.

1866. С. Т. Аксакову

На обороте листа имеется помета рукою С. Т. Аксакова: «1851 год».

к стр. 460 *Ольга Сергеевна* — одна из дочерей С. Т. Аксакова.

1867. Е. Н. Кривцова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 831. Печатается по первой публикации.

1868. Е. Н. Кривцова или княжна В. Н. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 831. Печатается по первой публикации.

1869. Князю П. А. Вяземскому

Печатается по первой публикации: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1913. Т. 5. Вып. 2. С. 151.

к стр. 461 *...если бы вы принялись за историю царствованья Екатерины...* — Это был не первый совет Гоголя князю П. А. Вяземскому заняться веком Екатерины. Десятью годами ранее Гоголь писал ему: «Грех и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за великий подвиг... Вы догадываетесь, что я говорю о царствовании Екатерины. Нет труда выше, благодарнее и который бы так сильно требовал глубокомыслия полного, многостороннего историка. Из него может быть двенадцать томов чудной истории <столько же, сколько в «Истории государства Российского» Карамзина>, и клянусь — вы станете выше всех европейских историков... Есть царствования... которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера...» (письмо № 646 в т. 12 наст. изд.). Аналогия между веком Екатерины и временами Гомера пронизывает собственное творчество Гоголя. Пожелание князю П. А. Вяземскому заняться веком Екатерины было напрямую связано с мыслью Гоголя о духовном возрождении России, о пробуждении ее «спящих» талантов. Екатерина II была для Гоголя прежде всего продолжательницей дела Петра I. По Гоголю, европейское просвещение, ворвавшееся в Россию в эпоху Петра, явилось для русского народа «огнивом бед», удар которого высек из народной груди многочисленные искры

блестящих талантов во всех сферах и на всех поприщах гражданской и военной службы, — так же как ранее несчастья и страдания, выпавшие на долю народа в Южной России, породили запорожское казачество. Как и в эпоху Екатерины, бедствия и страдания способствовали формированию характеров героев, подобных героям Гомера.

Семья Гоголя принадлежала к старым казацким родам, а один из дальних родственников (сосед по имению) — выпускник Киевской духовной академии, известный в свое время министр юстиции Дмитрий Прокофьевич Трощинский — с раннего детства поразил воображение юного Гоголя своей блестящей карьерой: он прошел путь от армейского писаря до министра. Трощинский был одного круга с поэтом Г. Р. Державиным.

В течение семи лет Гоголь обучался в нежинской Гимназии высших наук, носившей имя ее основателя, екатерининского вельможи князя А. А. Безбородко. В гимназии даже бытовало предание, что в располагавшемся ранее на месте гимназии деревянном доме, принадлежавшем князю Безбородко, в свое время останавливалась сама Екатерина. «Профессор российской словесности в Гимназии Высших Наук Князя Безбородко Парфений Иванович Никольский в речи, произнесенной им в торжественный день утверждения устава Гимназии 19 февраля 1828 года, говорит положительно: что “*во время путешествия в Киев и Херсонес Таврический, для встречи там Высокого Гостя Германии, Екатерина Великая в одном деревянном домике принимала и имела Царский покой свой, Царское отдохновение*”. Я за это известие не ручаюсь...» (Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 9).

Оправдание — закон, установление, заповедь, праведность (*церк.-слав.*).

1870. А. О. Смирновой

Датируется на основании сообщения Л. И. Арнольди о том, что письмо написано было во время его новогоднего визита к Гоголю в 1852 г. (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 496).

1871. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «Последняя записка Гоголя в 1852».

1872. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 555–556. Ответ Гоголя от 2 февраля 1852 г. (№ 1877).

1873. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 8. С. 195. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 112–113.

1874. И. И. Барановский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 833–834. Печатается по первой публикации.

Илья Иванович Барановский, капитан-лейтенант, проживал в Одессе.

Ответ Гоголя — письмо около 2 февраля 1852 г. (№ 1880).

1875. А. О. Смирновой

Впервые напечатано (по автографу А. О. Смирновой) в изд.: *Смирнова-Россет А. О.* Н. В. Гоголь // *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография (неизданные материалы) / Подгот. к печати Л. В. Крестова; с предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. Заново по тому же автографу напечатано: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 67. Печатается по указанному автографу: *РГБ.* Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 47 об.

А. О. Смирнова писала: «Еще до Масленой Гоголь мне написал твердой рукой записку; я была больна; он писал: "Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни..."» (далее по тексту записки).

1876. М. И. Гоголь

Датируется 1852 г., так как в начале этого года М. И. Гоголь и дочь ее Ольга гостили у А. А. Трощинского в Кагорлыке, где ежедневно виделись с четой Быковых, у которых жила тогда А. В. Гоголь.

1877. В. А. Жуковскому

Ответ на письмо В. А. Жуковского от 4/16 января 1852 г. (№ 1872).

к стр. 465 *...медицинский рецепт...* — Настоящий рецепт Гоголь сообщал также княжне В. Н. Репниной-Волконской в письме от 2 февраля 1852 г. (№ 1878) и И. И. Барановскому в письме около 2 февраля 1852 г. (№ 1880).

1878. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Письмо было приложено к посланию княгине Е. П. Репниной-Волконской от 2 февраля 1852 г. (№ 1879).

Известие о получении писем от Гоголя княжной В. Н. Репниной-Волконской и княгиней Е. П. Репниной-Волконской содержится в дневнике Е. А. Хитрово: «14 <февраля 1852>. Нынче получила она <Е. П. Репнина-Волконская> письмо от Гоголя; в нем письмо к невестке ее <В. Н. Репниной-Волконской>. В этом <письме> он пишет, что принимается за издание прежних грехов и просит, чтобы молились за него, а к княжне Варете пишет, что листья земляной груши хорошо нюхать для излечения слепоты (даже темной воды), смешивая с табаком, или одни. "Нападут от того всякие насморки и отделения мокрот; воспоследует то, что излечат"» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 562).

Александр Скарлатович — Стурдза. к стр. 466
Княгиня В<арвара> А<лексеевна> — Репнина-Волконская.

1879. Княгине Е. П. Репниной-Волконской

К письму было приложено послание к княжне В. Н. Репниной-Волконской от 2 февраля 1852 г. (№ 1878).

О получении письма см. коммент. к письму № 1878.

Ответ княгини Е. П. Репниной-Волконской — письмо от 23 февраля 1852 г. (№ 1893).

Князь Василий Николаевич — Репнин-Волконский. к стр. 466
Елисавета Николаевна — Кривцова (рожд. княгиня Репнина), жена Павла Ивановича Кривцова.

Князь Гагарин — Дмитрий Иванович, полковник, инспектор карантинного округа, впоследствии генерал-майор и керченский градоначальник. Двоюродный брат (по матери своей, рожд. Е. И. Балабиной) княгини Е. П. Репниной-Волконской.

Ильин — Николай Петрович.

1880. И. И. Барановскому

Ответ на письмо И. И. Барановского от 17 января 1852 г. (№ 1874).

1881. М. И. Гоголь

Датировка уточнена. Из содержания письма видно, что Гоголь уже получил от матери ответ на свое письмо в Васильевку от конца 1851 г. 2 февраля 1852 г. Гоголь писал, что давно уже не получал известий из дома. Таким образом, письмо не могло быть написано ранее 2 февраля и позднее 11-го (начало Великого поста в 1852 г.: Гоголь упоминает о нем в письме). Датировать письмо следует, видимо, 3–4 февраля 1852 г. Начиная с 5-го числа, когда Гоголь проводил о. Матфея Константиновского, гостившего в доме графа А. П. Толстого, настроение его меняется — он уже не думает о «трудах» и «обычных делах», упоминаемых в письме к матери.

1882. Протоиерею Матфею Константиновскому

к стр. 468 *...просил извиненья в том, что оскорбил вас.* — Подробности разговора Гоголя с о. Матфеем во время их последней встречи в доме графа А. П. Толстого неизвестны. Содержание его отчасти передано доктором Тарасенковым (со слов А. П. Толстого) и прот. Феодором Образцовым. О. Матфей напоминал Гоголю о греховности человека, об ответственности за свои действия и слова перед Богом, убеждал в необходимости строгого соблюдения поста. «“Ослабление тела не может нас удерживать от пощения; какая у нас работа? Для чего нам нужны силы? Много званых, но мало избранных. За всякое слово праздное мы отдадим отчет...” Резкие и суровые речи так потрясли Гоголя, что, не владея собой, он прервал проповедника: “Довольно! Оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!”» (*Тарасенков А. Т.* Последние дни жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1857. С. 9). Прот. Феодор Образцов со слов самого о. Матфея Константиновского рассказывал, что последний, «как духовный отец Гоголя, взявший на себя обязанность по мере воспринятой на себя благодати, очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской непостыдной кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. “Отрекись от Пушкина, — потребовал о. Матфей, — он был грешник и язычник”... В суждении о Пушкине обыкновенно... злоупотребление дарованиями замалчивается, а между тем это злоупотребление, не допущенное в печати, сильно было распространено в рукописях среди молодежи, когда печатные стихотворения его были очень редки (ср. примечание Гоголя к статье «Несколько слов о Пушкине» в т. 7 наст. изд. — *И. В., В. В.).*

Что же заставило о. Матфея потребовать такого отречения? Он говорил, что “я считал необходимым это сделать”... Такое требование было на одном из последних свиданий между ними. Гоголю представлялось прошлое и страшило будущее. Только чистое сердце может зреть Бога, потому должно быть устранено все, что заслоняло Бога от верующего сердца.

“Но было и еще...” — прибавил о. Матфей. Но что же еще?.. Это осталось тайной между духовным отцом и духовным сыном. “Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни предписывает больному сильные лекарства”. Такими словами закончил о. Матфей разговор о Гоголе» (Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. С. 139–141).

1885. О. Сем. Аксаковой

к стр. 469 *Земляк* — Подразумевается Осип Максимович Бодянский.

1888. Неустановленному лицу

Печатается с уточнением по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 45.

На подлиннике имеется надпись другого лица: «Высокоуважаемой Вере Измайловне Срезневской <*1 нрзб.*> “на добрую память” в день ее рождения 24/11 мая 1924 г. Искренне преданный ей В. Ястребцов».

1889. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 221.

«Эта записка датировалась прежде 1850 годом, и ответом на нее считалась записка Гоголя: “Чувствую лучше...” <письмо № 1677> ... Между тем текст записки Гоголя показывает, что она не может быть ответом на записку С. Т. Аксакова (в записке Аксакова: *Я третий день опять болен...*; в записке Гоголя: *Рад, что вы также чувствуете лучше...*) То же подтверждается и обследованием автографов. Записка Гоголя... явно написана на листе, оторванном от записки к нему Аксакова, потому что на ее обороте, кроме надписи: “Сергею Тимофеевичу Аксакову” (рукою Гоголя), сохранилась и надпись рукою С. Т. Аксакова: “Н. В. Гоголю”, относившаяся, очевидно, к оторванной части, на которую отвечал Гоголь. На записке же Аксакова: “Зачем же вы хвораете...” ...в свою очередь стоит надпись: “Николаю Васильевичу Гоголю”, и она написана на бумаге другого качества, так что ответ Гоголя относится, безусловно, не к ней. Кроме того, в феврале 1850 г. С. Т. Аксаков жил в Москве, так же как и Гоголь, а из записки видно, что Гоголь и Аксаков находились в разных пунктах: *Константин уехал с тем, чтобы побывать у вас.*

Мы относим эту записку к 1852 г., потому что именно в феврале 1852 г., когда Гоголь жил в Москве, а С. Т. Аксаков — в Абрамцеве, К. С. Аксаков несколько раз ездил из Абрамцева в Москву. Последний раз при жизни Гоголя К. С. Аксаков приехал в Москву 4 февраля. В этот день Аксаковы заметили нездоровье Гоголя (см.: *В. С. Аксакова.* Дневник. СПб., 1913, с. 169). Матери Гоголя В. С. Аксакова писала: “В середу (6 февраля) его навестили; он сказал, что не совсем хорошо себя чувствует”... Очевидно, в эти числа и было отправлено С. Т. Аксакову сообщение о нездоровье Гоголя, и Аксаков написал комментируемую записку, которая, следовательно, была последним письменным обращением Аксакова к Гоголю» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. С. 278).

1890. Протоиерей Матфей Константиновский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано С. Н. Дурылиным: Весы. 1909. № 4. С. 65.

Гоголь получил настоящее письмо от о. Матфея незадолго до смерти, в конце первой недели Поста. Оно было найдено в комнате, где умер Гоголь и которая была отведена управляющему графа

А. П. Толстого В. И. Рудакову. Долгое время письмо хранилось у Е. Ф. Рудаковой, жены управляющего. Оно было переслано Гоголю не по почте, а с оказией.

1891. Протоиерею Матфею Константиновскому

Впервые напечатано: *Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Лит. архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 439. Печатается по первой публикации. Автограф сохранился в архиве П. А. Плетнева.

По свидетельству П. А. Кулиша, «Гоголь так дорожил письмами о. Матвея, что носил их всегда при себе» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 181).

1893. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 834. Печатается по первой публикации. Ответ на письмо Гоголя от 2 февраля 1852 г. (№ 1879).

Список условных сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Архив СПб ФИРИ РАН — Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (бывш. *ЛОИИ*).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея, Москва.

ГЦТМ — Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

НБУ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва (бывш. *ЦГАДА*).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва (бывш. *ЦГВИА*).

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Содержание

1848

1429. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Начало января (н. ст.). Рим* 7
1430. К. М. Базили — Н. В. Гоголю. *6 января (н. ст.). Бейрут* 8
1431. Иерею Тарасию Серединскому. *Зима 1846/47 или первая половина зимы 1847/48. Неаполь* 9
1432. В. А. Жуковскому. *10 января (н. ст.). Неаполь* 9
1433. Протоиерею Матфею Константиновскому. *12 января (н. ст.). Неаполь* 15
1434. О. В. Гоголь — Н. В. Гоголю. *Между 25 декабря 1847 и 1 января 1848. Васильевка* 18
1435. Н. Н. Шереметевой. *12 января (н. ст.). Неаполь* 21
Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму Н. Н. Шереметевой от 12 января (н. ст.) 22
1436. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *Конец 1847. Франкфурт* 23
1437. М. И. Гоголь. *15 января (н. ст.). Неаполь* 24
Молитва, приложенная Н. В. Гоголем к письму М. И. Гоголь от 15 января (н. ст.) 25
1438. А. К. Бейне — Н. В. Гоголю. *13 января (н. ст.). Флоренция* 26
1439. А. А. Иванову. *18 января (н. ст.). Неаполь* 28
1440. Графу А. П. Толстому. *22 января (н. ст.). Мальта* 29
1441. Графине А. М. Виельгорской. *23 января (н. ст.). Мальта* 30
1442. С. П. Шевыреву. *23 января (н. ст.). Мальта* 31
1443. Н. Н. Шереметевой. *23 января (н. ст.). Мальта* 33
1444. Графу А. П. Толстому. *27 января (н. ст.). Мальта* 34
1445. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Конец января (н. ст.). Рим* 34
1446. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *3 февраля. Москва* . . 34
1447. В. А. Жуковскому. *28 февраля (н. ст.). Иерусалим* 36
1448. Протоиерею Матфею Константиновскому. *28 февраля (н. ст.). Иерусалим* 37
1449. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь. *29 февраля (н. ст.). Иерусалим* 37
1450. Н. Н. Шереметевой. *17 февраля . Иерусалим* 38
1451. М. А. Базили. *18 февраля. Иерусалим* 38

1452. Наместник Иерусалимского патриаршего престола митрополит Петрас Мелетий — Н. В. Гоголю. *23 февраля. Иерусалим* 39
1453. С. П. Шевыреву. *30 марта* (*н. ст.*). *Байрут* 39
1454. П. А. Плетневу. *2–4 апреля. Байрут* 40
1455. А. О. Смирновой. *4 апреля. Байрут* 41
1456. В. А. Жуковскому. *6 апреля. Байрут* 42
1457. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *13 февраля. Покровское* 43
1458. Графу А. П. Толстому. *25 апреля* (*н. ст.*). *Константинополь* 44
1459. Графине С. П. Апраксиной. *25 апреля* (*н. ст.*). *Константинополь*. 45
1460. А. А. Иванову. *26 апреля* (*н. ст.*). *Константинополь* . . . 45
1461. П. А. Плетневу. *26 апреля* (*н. ст.*). *Константинополь* . . . 46
1462. М. И. Гоголь. *21 апреля. Одесса* 46
1463. Протоиерею Матфею Константиновскому. *21 апреля. Одесса* 47
1464. С. П. Шевыреву. *21 апреля. Одесса* 48
1465. А. С. Данилевскому. *4 мая. Одесса*. 50
1466. С. П. Шевыреву. *6 мая. Одесса*. 51
1467. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *23 ноября 1847 — 28 февраля 1848. Москва*. 51
1468. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *28 февраля. Покровское — 1 марта. Москва* 63
1469. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *8 марта. Москва*. . . 64
1470. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. *5 апреля. Москва*. 66
1471. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *19 апреля* (*н. ст.*). *Ганау* 66
1472. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *11–12 апреля. Покровское* 67
1473. Н. В. Неводчиков — Н. В. Гоголю. *23 апреля. Окна*. . . . 70
1474. А. С. Стурдза — Н. В. Гоголю. *3 мая. Одесса. — Приют* . 71
1475. Авр<*нрзб.*> — Н. В. Гоголю. *8 мая. Одесса* 72
1476. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Май (н. ст.). Рим*. 72
1477. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *5–9 мая. Покровское* 73
1478. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *11 мая. Киев* 75
1479. М. П. Погодину. *12 мая. Васильевка* 76
1480. А. С. Данилевскому. *16 мая. Васильевка* 77
1481. Н. Н. Шереметевой. *16 мая. Васильевка* 77
1482. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *16 мая. С.-Петербург* 78
1483. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *17 мая. С.-Петербург*. . 79

1484. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *17 мая. Москва* 80
1485. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю. *Между 11 и 20 мая. Москва* 80
1486. К. С. Аксакову. *3 июня. Васильевка* 85
1487. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *21 мая. Москва* 87
1488. С. Т. Аксакову. *8 июня. Васильевка* 88
1489. П. А. Плетневу. *8 июня. Васильевка* 89
1490. А. О. Смирновой. *8 июня. Васильевка* 89
1491. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *3 июня. Москва* . . . 90
1492. Графине А. М. Виельгорской. *Июнь (до 15 числа). Васильевка* 92
1493. Графине А. М. Виельгорской. *15 июня. Полтава* 93
1494. В. А. Жуковскому. *15 июня. Полтава* 93
1495. С. П. Шевыреву. *15 июня. Васильевка* 94
1496. С. П. Шевыреву. *18–20 июня. Васильевка* 95
1497. М. А. Базили. *20 июня. Васильевка* 96
1498. Н. Я. Прокоповичу. *20 июня. Васильевка* 96
1499. М. А. Базили — Н. В. Гоголю. *14 июня. Москва* 97
1500. У. Г. Данилевская — Н. В. Гоголю. *15 июня* 97
1501. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *21 июня. Абрамцево* 98
1502. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю. *21 июня. Абрамцево* 99
1503. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *21 июня. Спасская мыза* . 101
1504. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *25 июня (н. ст.). Рим* 102
1505. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *22 июня. Киев* 102
1506. П. А. Плетневу. *7 июля. Васильевка* 103
1507. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *3 июля. Москва* 104
1508. С. Т. Аксакову. *12 июля. Васильевка* 104
1509. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *8 июля. Павлино* 106
1510. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *9 июля. Дубровное* . . 107
1511. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю. *16 июля. С.-Петербург* 108
1512. С. П. Шевыреву. *26 июля. Васильевка* 109
1513. К. М. Базили. *26 июля. Васильевка* 110
1514. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *19 июля. Спасская мыза* . 111
1515. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *22 июля. Дубровное* . 111
1516. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Лето. Неаполь* 112
1517. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *10 августа* 114
1518. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю. *13 августа. Москва* . . . 117
1519. Н. Ф. Павлову. *Лето (до 24 августа). Васильевка* 117
1520. П. А. Плетневу. *1 сентября. Сварково* 119
1521. А. В. Гоголь. *Начало сентября. Сварково* 119

1522. А. С. Данилевскому. *5 сентября. Орел* 119
1523. А. С. Данилевскому. *12 сентября. Москва* 120
1524. Протоиерею Матфею Константиновскому. *12 сентября. Москва* 120
1525. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *12 сентября. Покровское* 121
1526. П. А. Плетневу. *16 сентября. С.-Петербург* 122
1527. М. И. Гоголь. *20 сентября. С.-Петербург* 122
1528. А. С. Данилевскому. *24 сентября. С.-Петербург* 123
1529. Н. Н. Шереметевой. *25 сентября. С.-Петербург* 124
1530. Ф. Л. Халчинскому. *Вторая половина сентября — начало октября. С.-Петербург* 124
1531. М. П. Погодину. *Начало октября. С.-Петербург* 124
1532. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *Октябрь (около 13 числа). Москва* 125
1533. А. О. Смирновой. *14 октября. Москва*. 125
1534. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю. *Октябрь (после 14 числа). Москва*. 126
1535. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *20 октября. С.-Петербург* 129
1536. Н. Н. Шереметевой. *26 октября. Москва* 131
1537. Графине А. М. Виельгорской. *29 октября. Москва*. 131
1538. А. С. Данилевскому. *29 октября. Москва* 134
1539. М. И. Гоголь. *1 ноября. Москва* 136
1540. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *6 ноября. Москва*. . . 136
1541. Протоиерею Матфею Константиновскому. *9 ноября. Москва* 136
1542. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *7 ноября. С.-Петербург*. 137
1543. А. О. Смирновой. *18 ноября. Москва*. 138
1544. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю. *17 ноября. Москва* 139
1545. П. А. Плетневу. *20 ноября. Москва* 142
1546. П. В. Нащокину. *Середина октября — ноябрь. Москва* . . 142
1547. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *20 ноября. Покровское* 143
1548. А. О. Ишимова — Н. В. Гоголю. *2 декабря. С.-Петербург* 144
1549. А. А. Григорьев — Н. В. Гоголю. *Ноябрь–декабрь. Москва* 147
1550. М. И. Гоголь. *10 декабря. Москва*. 150
1551. А. М. Марковичу. *Середина октября — середина декабря. Москва* 151

1552. Графине А. М. Виельгорской. *28 декабря. Москва* 151
1553. Протоиерею Матфею Константиновскому. *28 декабря. Москва* 151
1554. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Декабрь (н. ст.). Рим* 152
1555. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *21 декабря. Дубровное* 152

1849

1556. А. М. Марковичу. *Конец декабря 1848 или начало января 1849. Москва.* 153
1557. Н. Н. Шереметевой. *Начало января. Москва* 153
1558. П. А. Плетневу. *20 января. Москва* 154
1559. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *15 января. С.-Петербург.* 154
1560. А. С. Данилевскому. *Январь. Москва.* 155
1561. О. В. Гоголь. *Начало года. Москва.* 157
1562. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *26 января. Калуга* 158
1563. М. И. Гоголь. *Середина февраля. Москва* 160
1564. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *16 февраля. Анненское* 161
1565. А. С. Данилевскому. *25 февраля. Москва* 162
1566. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *17 февраля.* 163
1567. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *24 февраля. С.-Петербург* 165
1568. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *27 февраля* 166
1569. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *1 марта* 166
1570. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *19 марта. Москва* . . 167
1571. Н. Н. Шереметевой. *19 марта. Москва* 168
1572. С. Т. Аксакову. *19 марта. Москва* 168
1573. Графине А. М. Виельгорской. *30 марта. Москва* 168
1574. Графине С. М. Соллогуб. *Москва. 30 марта* 172
1575. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь. *Конец марта. Москва* . . 173
1576. М. И., А.В. и Е. В. Гоголь. *3 апреля. Москва* 174
1577. О. В. Гоголь. *3 апреля. Москва* 176
1578. В. А. Жуковскому. *3 апреля. Москва* 176
1579. П. А. Плетневу. *3 апреля. Москва* 178
1580. А. А. Иванову. *7 апреля. Москва* 178
1581. Ф. А. фон Моллер — Н. В. Гоголю. *6 апреля. С.-Петербург* 178
1582. Графине А. М. Виельгорской. *16 апреля. Москва.* 180
1583. Графине С. М. Соллогуб. *16 апреля. Москва* 181
1584. Графине А. М. Виельгорской. *Вторая половина апреля. Москва* 182

1585. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Конец марта — апрель (н. ст.). Рим* . . . 185
1586. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *22–25 апреля* 182
1587. А. О. Смирновой. *Начало мая. Москва* 198
1588. С. Т. Аксакову. *7 мая. Москва* 199
1589. В. И. Белый — Н. В. Гоголю. *24 апреля — 2 мая. Одесса* 199
1590. М. И. Гоголь. *12 мая. Москва* 217
1591. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *15 мая (н. ст.). Рим* 218
1592. В. А. Жуковскому. *14 мая. Москва* 218
1593. В. И. Белому. *16 мая. Москва* 219
1594. С. Т. Аксакову. *16 мая. Москва* 219
1595. Н. Н. Шереметевой. *20 мая. Москва* 220
1596. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю. *17 мая. С.-Петербург* 220
1597. П. А. Плетневу. *24 мая. Москва* 221
1598. Графине С. М. Соллогуб. *24 мая. Москва* 222
1599. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *18 мая. Царское Село* . . 223
1600. А. О. Смирновой. *27 мая. Москва* 226
1601. Графине А. М. Виельгорской. *Май. Москва* 226
1602. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю. *24 мая. Васильевка* 228
1603. М. И. Гоголь. *Весна. Москва* 230
1604. М. И. Гоголь. *Весна. Москва* 232
1605. О. В. Гоголь. *Весна. Москва* 232
1606. Графине А. М. Виельгорской. *3 июня. Москва* 232
1607. К. М. Базили. *5 июня. Москва* 234
1608. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *30 мая. С.-Петербург* . . 235
1609. П. А. Плетневу. *6 июня. Москва* 236
1610. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *4 июня. Покровское* . 237
1611. А. О. Смирновой. *15 июня. Москва* 237
1612. И. В. Капнист — Н. В. Гоголю. *23 июня. Москва* 238
1613. А. М. Марковичу. *1 июля. Москва* 238
1614. А. С. Данилевскому. *1 июля. Москва* 240
1615. М. И. Гоголь. *4 июля. Москва* 241
1616. Графине А. М. Виельгорской. *Начало июля. Москва* 242
1617. В. И. Белый — Н. В. Гоголю. *10 июля. Одесса* 242
1618. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *14 июля. Павлино* 248
1619. А. О. Смирновой. *29 июля. Москва* 249
1620. М. И. Гоголь. *30 июля. Москва* 250
1621. Графине А. М. Виельгорской. *30 июля. Москва* 250
1622. Графине С. М. Соллогуб. *30 июля. Москва* 251

1623. Графу А. П. Толстому. *Конец июля. Москва* 252
1624. К. М. Базили — Н. В. Гоголю. *25 июля (н. ст.). Ливанские горы* 253
1625. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *1 августа. Калуга* 255
1626. Н. В. Путяте. *19 августа. Абрамцево* 256
1627. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *27 августа. Абрамцево* 256
1628. М. И. Гоголь. *4 сентября. Москва* 258
1629. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *1 сентября* 258
1630. Графиня А. Д. Блудова — Н. В. Гоголю. *4 сентября* . . . 259
1631. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *8 августа — 9 сентября. Москва* 259
1632. А. О. Смирновой. *15 сентября. Москва* 260
1633. А. О. Смирновой. *20 октября. Москва* 260
1634. Графиням С. М. Соллогуб и А. М. Виельгорской. *20 октября. Москва* 261
1635. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *20 октября. Верея* . 262
1636. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *23–24 октября. Покровское* 269
1637. Я. К. Грот — Н. В. Гоголю. *26 октября* (*н. ст.*). *Гельзингфорс* 270
Отрывок из письма Д. С. Протопопова к Я. К. Гроту, отправленный Я. К. Гротом в письме к Н. В. Гоголю от 26 октября. *25 октября* 271
1638. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *29 октября. Калуга* . . . 272
1639. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *12 ноября* (*н. ст.*). *Баден-Баден* 273
1640. К. И. Марков — Н. В. Гоголю. *20 ноября. Москва* 273
1641. К. И. Марков — Н. В. Гоголю. *23 ноября. Москва* 275
1642. М. И. Гоголь. *Ноябрь* (*до 28 числа*). *Москва* 277
1643. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю (с припиской О. Сем. Аксаковой). *Ноябрь. Москва* 278
1644. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *Ноябрь* 279
1645. М. И. Гоголь. *28 ноября. Москва* 280
1646. А. О. Смирновой. *28 ноября. Москва* 282
1647. С. Т. Аксакову. *Ноябрь. Москва* 282
1648. М. П. Погодину. *Конец ноября. Москва* 282
1649. Князю П. А. Вяземскому. *Осень. Москва* 282
1650. В. А. Жуковскому. *Осень. Москва* 283
1651. К. И. Маркову. *3 декабря. Москва*. 283
1652. А. М. Марковичу. *6 декабря. Москва* 284
1653. А. О. Смирновой. *6 декабря. Москва* 284

1654. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *Ноябрь — начало декабря (н. ст.). Баден-Баден* 285
1655. В. А. Жуковскому. *14 декабря. Москва* 286
1656. П. А. Плетневу. *15 декабря. Москва* 287
1657. Я. К. Гроту. *15 декабря. Москва* 288
1658. Графине А. М. Виельгорской. *26 декабря. Москва* 288
1659. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *23 декабря.* С.-Петербург 289
1660. Н. Н. Шереметевой. *Москва* 289
1661. Н. Н. Шереметевой. *Москва* 290
1662. Н. Н. Шереметевой. *Москва* 290
1663. Н. Н. Шереметевой. *Конец декабря. Москва* 290

1850

1664. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *3 января* . . 290
1665. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *12 января* 292
1666. П. А. Плетневу. *21 января. Москва* 293
1667. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю. *17 января. С.-Петербург* 294
1668. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *1 февраля (н. ст.). Баден-Баден* 295
1669. Н. Н. Шереметевой. *Февраль (до 11 числа). Москва* 298
1670. Графине А. М. Виельгорской. *11 февраля. Москва* 298
1671. М. И. Гоголь. *11 февраля. Москва* 299
1672. А. О. Смирновой. *11 февраля. Москва* 299
1673. Н. Н. Шереметевой. *11 февраля. Москва* 300
1674. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *11 февраля. Москва* . . 301
1675. Н. Н. Шереметевой. *11–12 февраля. Москва* 301
1676. К. С. Аксакову. *Первая половина февраля. Москва* 302
1677. С. Т. Аксакову. *Середина февраля. Москва* 302
1678. А. М. Марковичу. *Середина февраля. Москва* 302
1679. М. А. Максимовичу. *Январь–февраль. Москва* 302
1680. В. А. Жуковскому. *28 февраля. Москва* 303
1681. А. Я. Булгакову. *28 февраля. Москва* 309
1682. Протоиерею Матфею Константиновскому. *28 февраля. Москва* 309
1683. Графу В. А. Соллогубу. *10 февраля 1849 или 2 марта 1850. Москва* 309
1684. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю. *Первая половина марта (после 5 числа). Москва* 310
1685. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю. *11 марта. Москва* . . 312
1686. Н. Н. Шереметевой. *11 марта. Москва* 312

1687. А. Я. Булгакову. *24 марта. Москва* 313
1688. Протоиерею Матфею Константиновскому. *24 марта. Москва* 313
1689. Н. Я. Прокоповичу. *29 марта. Москва* 313
1690. В. А. Жуковскому. *Март. Москва* 314
1691. Е. В. Гоголь. *Март–апрель. Москва* 315
1692. А. М. Марковичу. *Начало апреля (после 3 числа) 1849 или конец апреля (после 23 числа) 1850. Москва* 315
1693. Н. Н. Шереметевой. *Начало апреля (после 3 числа) 1849 или конец апреля (после 23 числа) 1850. Москва* 316
1694. М. И. Гоголь. *Апрель. Москва* 316
1695. А. А. Иванову. *Апрель. Москва* 316
1696. П. А. Плетневу. *Вторая половина апреля. Москва* 317
1697. Протоиерею Матфею Константиновскому. *Конец апреля. Москва* 318
1698. М. А. Максимовичу. *Конец апреля. Москва* 318
1699. Н. Я. Прокопович — Н. В. Гоголю. *26 апреля. С.-Петербург* 319
1700. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *2 мая. С.-Петербург* . . . 319
1701. Н. Н. Шереметевой. *Май–июнь 1849 или начало мая (до 11 числа) 1850. Москва* 320
1702. Неустановленному лицу. *Май (после 9 числа). Москва*. . . 320
1703. А. С. и У. Г. Данилевским. *14 мая. Москва* 321
1704. М. И. Гоголь. *15 мая. Москва*. 321
1705. Протоиерею Матфею Константиновскому. *Середина мая. Москва* 322
1706. М. И. Гоголь. *24 мая. Москва*. 322
1707. Д. К. Малиновский — Н. В. Гоголю. *28 мая. Москва* . . . 324
1708. Графине С. М. Соллогуб. *29 мая. Москва*. 326
1709. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Май (н. ст.). Рим*. 327
1710. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *Май (н. ст.). Рим*. 328
1711. А. О. Армфельду. *Май — начало июня. Москва* 329
1712. К. С. Аксакову. *Конец мая — начало июня. Москва* 329
1713. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *5 июня (н. ст.). Рим* 329
1714. А. С. Данилевскому. *5 июня. Москва*. 330
1715. А. С. Стурдзе. *6 июня. Москва* 331
1716. М. И. Гоголь. *9 июня. Москва*. 331
1717. С. Т. Аксакову. *13 июня. Москва* 332
1718. Иеромонаху Оптиной Пустыни Филарету. *19 июня. Долбино*. 332
1719. А. М. Марковичу. *25 июня. Глухов* 333

1720. А. С. Данилевскому. *26–30 июня. Дубровное* 333
1721. А. М. Марковичу. *27–30 июня. Березовая-Лука* 334
1722. Е. В. Гоголь. *30 июня. Сорочинцы* 334
1723. А. С. Стурдза — Н. В. Гоголю. *21 июня. Приют* 334
1724. Н. В. Неводчиков — Н. В. Гоголю. *21 июня. Приют* . . . 335
1725. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *24 июня. Калуга* 336
1726. А. О. Смирновой. *10 июля. Васильевка* 337
1727. Графу А. П. Толстому. *10 июля. Васильевка* 337
1728. С. П. Шевыреву. *10 июля. Васильевка* 338
1729. Министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому или министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову или начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову. *10–18 июля. Васильевка*. 339
1730. А. О. Смирновой. *18 июля. Васильевка* 343
1731. Послушнику Оптиной Пустыни Петру Григорову. *18 июля. Васильевка*. 344
1732. С. П. Шевыреву. *18 июля. Васильевка* 345
1733. Княгине Е. П. Репниной-Волконской. *1 августа. Васильевка* 346
1734. К. М. Базили — Н. В. Гоголю. *24 июля. Мар-Ильяс на Ливане* 346
1735. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю. *25 июля. С.-Петербург* . . 347
1736. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю. *29 июля. Оптина Пустынь*. 349
1737. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *30 июля. Калуга* 351
1738. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *1 августа. Вязема* 351
1739. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю. *16 августа. Одесса*. 352
1740. А. О. Смирновой. *20 августа. Васильевка*. 353
1741. Графу А. П. Толстому. *20 августа. Васильевка* 354
1742. Графине А. Г. Толстой. *30 августа. Васильевка* 355
1743. Государю Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу. *30 июля. Калуга — август–сентябрь. Васильевка* . . 356
1744. Гофмаршалу Двора Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича В. Д. Олсуфьеву. *30 июля. Калуга — конец августа – сентябрь. Васильевка* 358
1745. А. С. Стурдзе. *15 сентября. Васильевка* 359
1746. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *11 сентября. Калуга*. . . 360
1747. П. Ф. Минстер. *23 сентября.* Васильевка 362
1748. П. Ф. Минстер — Н. В. Гоголю. *28 сентября. Полтава* . . 363

1749. А. О. Смирновой. *26 октября. Одесса* 363
1750. М. И. Гоголь. *28 октября. Одесса* 364
1751. А. В. Гоголь. *Конец октября — начало ноября. Одесса* . . . 365
1752. Протоиерей Михаил Павловский — Н. В. Гоголю. *30 октября. Одесса* 366
1753. С. П. Шевыреву. *7 ноября. Одесса* 367
1754. С. Т. Аксакову. *7 ноября. Одесса* 368
1755. И. А. Фонвизин — Н. В. Гоголю. *30 октября. Москва*. . . 369
1756. А. М. Трахимовскому. *Ноябрь. Одесса*. 370
1757. И. Т. Лисенков — Н. В. Гоголю. *13 ноября. С.-Петербург*. 371
1758. П. А. Плетневу. *2 декабря. Одесса* 371
1759. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *24 ноября. Калуга* 373
1760. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *28 ноября. Москва* 375
1761. С. П. Шевыреву. *15 декабря. Одесса* 377
1762. В. А. Жуковскому. *16 декабря. Одесса* 378
1763. А. А. Иванову. *16 декабря. Одесса*. 379
1764. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *5 декабря. Москва* 380
1765. С. Т. Аксакову. *23 декабря. Одесса* 382
1766. А. О. Смирновой. *23 декабря. Одесса* 383
1767. П. А. Плетнев – Н. В. Гоголю. *14 декабря. С.-Петербург*. . 384
1768. Протоиерею Матфею Константиновскому. *30 декабря. Одесса*. 386
1769. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *25 декабря. Москва*. 387

1851

1770. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю. *Вторая половина декабря 1850 — начало 1851* 388
1771. М. И. Гоголь. *20 января. Одесса* 389
1772. П. А. Плетневу. *25 января. Одесса* 390
1773. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *18 января. Москва*. . . . 391
1774. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю. *Конец января. Москва* 393
1775. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *30 января* (*н. ст.*). *Рим*. . . 394
1776. С. П. Шевыреву. *Одесса* 394
1777. Монах Порфирий (Григоров) — Н. В. Гоголю. *26 января. Оптина Пустынь*. 395
1778. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *13 февраля* (*н. ст.*). *Баден-Баден* 396
1779. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю. *6 февраля. С.-Петербург* 397
1780. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь. *4 марта. Одесса* 398
1781. Монаху Порфирию (Григорову). *6 марта. Одесса* 401

1782. М. П. Погодину. *7 марта. Одесса* 401
1783. Святогорец, иеросхимонах Сергий (Веснин) — Н. В. Гоголю. *3 марта. Константинополь* 402
1784. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *3 марта. Москва* 402
1785. А. А. Иванову. *18 марта. Одесса* 403
1786. С. П. Шевыреву. *18 марта. Одесса*. 404
1787. С. П. Шевыреву. *Март (после 18 числа). Одесса* 404
1788. М. И. Гоголь. *21 марта. Одесса*. 404
1789. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *19 марта. Москва* 405
1790. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *23 марта. С.-Петербург* . 406
1791. А. О. Смирновой. *Конец марта. Одесса* 407
1792. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *12 апреля (н. ст.). Рим* . . . 407
1793. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *6 апреля. Москва*. 408
1794. А. Хрущов (?) — Н. В. Гоголю. *23 апреля. Бакуленька* . . . 408
1795. П. А. Плетневу. *6 мая. Полтава* 409
1796. С. Т. Аксакову. *14 мая. Васильевка*. 410
1797. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю. *20 мая (н. ст.). Рим*. . . . 410
1798. А. В. Гоголь. *Май (после 22 числа). Полтава* 411
1799. Е. В. Гоголь. *Май (после 22 числа). Полтава*. 413
1800. М. И. Гоголь. *5 июня. Москва*. 415
1801. О. В. Гоголь. *5 июня. Москва* 416
1802. А. В. и Е. В. Гоголь. *5 июня. Москва* 417
1803. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю. *7 июня. Спасское* 417
1804. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *5 июля. Дубровное*. . 418
1805. М. И. Гоголь. *14 июля. Москва* 419
1806. В. И. Быкову. *14 июля. Москва* 419
1807. Е. В. Гоголь. *14 июля. Москва* 420
1808. П. А. Плетневу. *15 июля. Москва*. 422
1809. Преподобному Моисею (Путилову), настоятелю Оптиной Пустыни. *Середина июля. Москва* 423
1810. Иерей Димитрий Пономарев — Н. В. Гоголю. *16 июля*. . 423
1811. С. П. Шевыреву. *25–26 июля. Москва* 423
1812. А. В. и Е. В. Гоголь. *Июль. Москва* 424
1813. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю. *21 июля. Скит Оптиной Пустыни* 425
1814. Преподобный Моисей (Путилов), игумен Оптиной Пустыни — Н. В. Гоголю. *21 июля. Оптина Пустынь*. 426
1815. В. Н. Лешкову. *Июль. Москва*. 426
1816. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. *23 июля. С.-Петербург*. . 428
1817. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *27 июля. Троицкое* . . . 429
1818. Княгине Е. П. Репниной-Волконской. *3 августа. Москва*. 429

1819. Графине А. Д. Блудовой. *Июль–август. Москва* 429
1820. В. И. Быков — Н. В. Гоголю. *21 августа. Киев* 430
1821. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю. *23 августа. Одесса*. 430
1822. М. И. Гоголь. *2 сентября. Москва* 430
1823. Е. В. Гоголь. *2 сентября. Москва* 432
1824. А. С. и У. Г. Данилевским. *Июль — до 18 сентября. Москва*. 433
1825. В. И. Быкову. *2–18 сентября. Москва* 433
1826. М. И. Гоголь. *18 сентября. Москва*. 434
1827. С. В. Скалон. *18 сентября. Москва*. 434
1828. М. С. Скуридин — Н. В. Гоголю. *13 сентября. С.-Петербург* 434
1829. С. Т. Аксакову. *20 сентября. Москва*. 439
1830. С. Т. Аксакову. *21 сентября. Москва*. 440
1831. М. И. Гоголь. *22 сентября. Москва* 440
1832. Преподобному Макарию (Иванову) Оптинскому. *25 сентября. Оптина Пустынь* 441
1833. Преподобный Макарий (Иванов) Оптинский — Н. В. Гоголю. *25 сентября. Скит Оптиной Пустыни*. 442
1834. С. Т. Аксакову. *30 сентября. Москва*. 442
1835. С. П. Шевыреву. *30 сентября. Москва* 442
1836. М. И. Гоголь. *Конец сентября. Москва*. 443
1837. М. П. Погодину. *Сентябрь. Москва* 443
1838. М. И., А. В. и Е. В. Гоголь. *3 октября. Москва* 443
1839. О. В. Гоголь. *3 октября. Москва* 445
1840. С. В. Скалон. *3 октября. Москва*. 445
1841. С. Т. Аксакову. *4–5 октября. Москва* 446
1842. С. Т. Аксакову. *Октябрь. Москва* 447
1843. С. В. Скалон — Н. В. Гоголю. *10 октября. Полтава* . . . 447
1844. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *2 ноября. Москва*. 448
1845. В. И. и Е. В. Быковым. *8 ноября. Москва*. 448
1846. В. В. Тарновский — Н. В. Гоголю. *10 ноября.* 449
1847. М. И. Гоголь. *20 ноября. Москва* 449
1848. Протоиерею Матфею Константиновскому. *28 ноября. Москва* 450
1849. П. А. Плетневу. *30 ноября. Москва*. 450
1850. О. В. Гоголь. *Ноябрь. Москва* 451
1851. О. В. Гоголь. *Ноябрь. Москва* 451
1852. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю. *Ноябрь. Москва* 451
1853. Я. Данилевский — Н. В. Гоголю. *27 ноября. Москва*. . . . 452

1854. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю. *9 декабря. Сваркòв*. . 454
1855. А. С. Данилевскому. *16 декабря. Москва*. 456
1856. В. А. Жуковскому. *20 декабря. Москва*. 456
1857. М. И. Гоголь. *22 декабря. Москва* 457
1858. О. В. Гоголь. *22 декабря. Москва* 457
1859. А. А. Иванову. *Вторая половина года. Москва*. 458
1860. С. Т. Аксакову. *Конец года. Москва*. 458
1861. М. И. Гоголь. *Конец года. Москва*. 459
1862. С. П. Шевыреву. *Конец года. Москва*. 459
1863. С. П. Шевыреву. *Конец года. Москва*. 459
1864. С. П. Шевыреву. *Конец года. Москва*. 460
1865. С. П. Шевыреву. *Конец года. Москва*. 460
1866. С. Т. Аксакову 460
1867. Е. Н. Кривцова — Н. В. Гоголю. 461
1868. Е. Н. Кривцова или княжна В. Н. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю 461

1852

1869. Князю П. А. Вяземскому. *1 января. Москва*. 461
1870. А. О. Смирновой. *1 января. Москва* 462
1871. С. Т. Аксакову. *Начало января. Москва* 462
1872. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю. *16 января* (*н. ст.*). *Баден-Баден*. 462
1873. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *9 января. Абрамцево* 463
1874. И. И. Барановский — Н. В. Гоголю . *17 января. Одесса* . . 463
1875. А. О. Смирновой. *Начало февраля. Москва* 464
1876. М. И. Гоголь. *2 февраля. Москва* 464
1877. В. А. Жуковскому. *2 февраля. Москва* 465
1878. Княжне В. Н. Репниной-Волконской. *2 февраля. Москва* 466
1879. Княгине Е. П. Репниной-Волконской. *2 февраля. Москва*. . 466
1880. И. И. Барановскому. *Около 2 февраля. Москва*. 467
1881. М. И. Гоголь. *3–4 февраля. Москва*. 467
1882. Протоиерею Матфею Константиновскому. *6 февраля. Москва* 468
1883. С. П. Шевыреву. *Зима 1848 / 49 или 1851 / 52. Москва* . . 468
1884. С. Т. Аксакову. *Конец 1848 — начало 1852* 468
1885. О. Сем. Аксаковой. *Зима 1849 / 50 или 1851 / 52. Москва*. 469
1886. Графине А. Г. Толстой. *1849 — начало 1852. Москва* . . . 469
1887. Графине А. Г. Толстой. *1849 — начало 1852. Москва* . . . 469
1888. Неустановленному лицу. *1849 — начало 1852. Москва* . . 469

1889. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю. *11 февраля. Абрамцево.* . . 469
1890. Протоиерей Матфей Константиновский — Н. В. Гоголю. *12 февраля.* 470
1891. Протоиерею Матфею Константиновскому. *1846–1852.* . 471
1892. Неустановленному лицу. *Дата не установлена* 471
1893. Княгиня Е. П. Репнина-Волконская — Н. В. Гоголю. *23 февраля — конец февраля (после кончины Гоголя). Одесса.* 471

Комментарии

И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Переписка 1848–1852 473

Список условных сокращений 603

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Письма к Гоголю подготовлены
к изданию при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ).
Проект № 08–04–0000261а

Гоголь Н. В.

Г58 Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 624 с.

В том вошла переписка Гоголя 1848–1852 гг. Ответные письма адресатов включаются в собрание сочинений Гоголя впервые. Каждое письмо начинается указанием адресата, времени и места отправления. Отсутствие, ошибочность или неполнота этих сведений возмещаются данными биографического и текстологического анализа, помещаемыми в угловых скобках. Такими же скобками обозначаются отсутствующие в источнике, но необходимые по смыслу слова. Зачеркнутые автором фрагменты даются в подстрочных текстологических примечаниях. В отдельных случаях, когда зачеркнутый вариант не имеет полноценной окончательной редакции, первоначальные варианты приводятся в квадратных скобках в основном тексте.

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-136-1

Дар «Полтавского землячества»